

АНДРЕАС ЭШБАХ

ВИДЕО ИИСУС

АНДРЕАС ЭШБАХ

ВИДЕО
ИИСУ

ЗАХАРОВ

АНДРЕА ДЖОРДА

ДЖОРДА

АНДРЕАС ЭШБАХ

ВИДЕО **ИИСУС**

ЗАХАРОВ • МОСКВА

Andreas Eschbach
DAS JESUS VIDEO

Э 98 Эшбах А. Видео Иисус: Роман. — М.: Захаров, 2006. — 528 с. — (Серия «Европейский триллер»).

Стивен Фокс, член нью-йоркского Исследовательского общества, находит на археологических раскопках в Израиле в древней, двухтысячелетней могиле инструкцию по пользованию видеокамерой — камерой, которая должна поступить в продажу только через несколько лет. Этому есть лишь одно объяснение: кому-то в ближайшие годы удастся осуществить путешествие во времени в прошлое, и там он сделает видеосъемки Иисуса Христа. Эта кассета все еще спрятана где-то в Израиле, в надежном месте...

Или все это лишь крупное надувательство? Начинаются напряженная охота, поиск — и гонка, в которой участвуют археологи, Ватикан, секретные службы и один из могущественных медиаконцернов мира. Гонка с ошеломительными поворотами, с тридцатью промежуточными финишами и финалом, какого никто не ожидал...

ISBN 5-8159-0604-2

УДК 830-31

© Andreas Eschbach, 1998, 2002 bei Schneekluth Verlag Gmbh, München

© Татьяна Набатникова, перевод с немецкого языка, 2004

© Игорь Захаров, издание на русском языке, 2004

Он ждал их с той минуты, как понял, что прославится. То, что они явились так скоро, удивило его, но не поразило.

Сперва показалось лишь облако пыли в далёкой дали. Он тотчас заметил его краешком глаза, потом поднял голову и взгляделся пристальнее, раздумывая, не играют ли с ним злую шутку его расшалившиеся от напряжённого ожидания нервы. Такие облачка пыли поднимали машины, едущие по каменистой дороге, которая пролежала примерно в миле юго-западнее лагеря. Нет, это наверняка всего лишь грузовик, который направляется в ближнюю деревню. Да-да, именно так. Это совсем не то, чего он ожидал.

Он снова обратил взгляд к нескольким квадратным сантиметрам земли, которую уже битый час обрабатывал кисточкой из щетины. Было жарко. Стоял июнь, и с самого раннего утра температура поднималась до тридцати градусов и выше, после чего все избегали даже поглядывать на термометр. Дождя не видели уже несколько недель, и для работы это было бы хорошо, но верхний слой почвы из-за этого превратился в тончайшую противную пыль, которую вздымал малейший ветерок — и они ею дышали, глотали её, уносили на себе в свои палатки и походные койки, и избавиться от неё до конца раскопочных работ не представлялось возможным. Смешавшись с потом, она образовывала тонкий слой грязи, против которой был бессилён экономный капельный душ, смонтированный в лагере.

Да, он должен признаться в этом самому себе: он ждал. В нём что-то дрожало от нетерпения. Он должен признаться, что работал только для того, чтобы как-то отвлечься от ожидания. Монета, на которую он только что наткнулся, голыми руками осторожно раздвигая почву на одном из перспективных участков, была шекем из времён Иудейской войны — драгоценная монета с изображением цветка с тремя бутонами, древне-еврейская надпись по краю. Он долго чистил её кисточкой, чтобы сфотографировать и потом занести в журнал раскопок. В другое время такая

находка привела бы его в восторг. Серебряные монеты высокого достоинства евреи чеканили только во время краткого периода римской оккупации, иначе говоря, во время Иудейского восстания, которое началось в 66-м году и было подавлено римскими войсками в 70-м году. Тогда же был разрушен Великий Храм и началось изгнание иудеев. Монета была очередной находкой, дающей возможность точно датировать захоронение, которое они раскопали.

Но мысли его были все это время прикованы совсем к другой находке — вчерашней. На неё наткнулся один из рабочих, молодой студент из Соединённых Штатов, — но он был единственным, кому было ясно её значение. У него мороз бежал по коже, когда он думал о ней. До сих пор ещё никогда археологи не сталкивались с таким щекотливым предметом, который грозил пошатнуть основы цивилизации.

Облако пыли приближалось, теперь оно достигло развилки и вместо того чтобы продолжить путь в направлении деревни, повернуло в сторону лагеря. Чарльз Уилфорд-Смит отложил кисточку на раскрытый журнал раскопок, между страницами которого поскрипывал песок, и встал.

Пейзаж, открывающийся взору в этих местах, раздражал его всякий раз, как только он осматривался по сторонам. Пустая, безжизненная земля простиралась вдаль скупыми волнами, лишённая растительности — за исключением единичных жалких былинки, уцелевших в тени крупных камней. Они придавали равнине хоть какую-то зеленую дымку. Эта равнина переходила на горизонте в седые, древние холмы, от первоначальной высоты которых ветер мало что оставил, продувая их бессчётные тысячелетия и продолжая продувать и сейчас. Несмотря на открытый горизонт, чувства пространства и дали не возникало. Напротив, в этой местности человек ощущал себя как под лупой, под зажигательным стеклом. Тут чувствовалось даже физически, как история трёх — самое меньшее — культур фокусировалась в этой земле. Каждый камень, каждый иссохший кустик был напоён памятью о кровавых драмах и беспощадных преследованиях; дальний отзвук голосов библейских пророков, казалось, всё ещё разносился эхом среди гор, и страсть бесчисленных молений пронизывала тело, словно радиоактивное излучение.

Он неторопливо снял с головы широкополую шляпу от солнца, которую всегда надевал во время работы. Она невольно стала чем-то вроде его фирменного знака, и многие годы оставили на ней свои следы. Он достал из кармана платок, бывший когда-то белым, и вытер им лоб и череп, который вот уже несколько десятилетий постепенно покидали поседевшие волосы.

— Шимон, — вполголоса позвал он.

Из соседней ямы показалась голова мужчины лет пятидесяти, круглое лицо было обрамлено курчавыми тёмными волосами и густой бородой. Глаза смотрели отсутствующе. Они только что вглядывались во времена, отстоящие отсюда на две тысячи лет, и с трудом возвращались в современность.

— Что?

Он указал на приближающееся облако пыли:

— К нам гости.

Между тем уже можно было различить и машину — вытянутый в длину тёмный лимузин, однозначно не приспособленный для такой каменистой дороги. Солнце сверкало, приплясывая на хромированных частях облицовки и на затемнённых стёклах, когда автомобиль подбрасывало на бесчисленных ухабах и покачивало, как пограничный катер в тяжёлый шторм.

— Гости? — Шимон грузно поднялся и посмотрел в сторону приближающейся машины. — Кто бы это мог быть?

— Высокие гости.

— Кто-нибудь из правительства?

— Бери выше, — он снова водрузил свою шляпу на голову и сунул платок в карман брюк. — Наш спонсор.

— Ага! — Шимон Бар-Лев посмотрел на него. Они работали вместе уже почти двадцать лет. — Ареал четырнадцать, так? Он пожелал увидеть его своими глазами. А мы как же? Долго ты ещё будешь держать от нас в тайне, чего ты там нашёл вместе с этим — как его?

— С Фоксом, — терпеливо ответил Уилфорд-Смит. Плохая память Шимона на имена давно уже стала притчей во языцех. — Его зовут Стивен Фокс.

— Вот-вот. Что вы там нашли с этим Фоксом?

— Скоро узнаешь.

— Но человек в лимузине узнает раньше, чем я?

— Да. Поверь мне, Шимон, как только ты узнаешь, о чём идёт речь, ты поймёшь, почему я так поступаю.

Шимон проворчал что-то нечленораздельное. У него было лицо строптивого ребёнка.

Уилфорд-Смит огляделся. Снимок со спутника навёл его на след этого селения, в котором две тысячи лет назад, в начале нашей эры кипела жизнь. На основе этого снимка они распланировали для раскопок девятнадцать ареалов. Внутри каждого ареала они действовали по сетевой системе, выкапывая пятиметровые квадраты. Отмаркированная на поверхности земли сетка оставалась неповреждённой, образуя между вырытыми квадратами рельефный профиль — разделительные стенки шириной в метр, что позволяло археологам упорядочивать все находки и все детали относительно разлинованной сетки. Таков был традиционный метод, применяемый во всём мире. И, естественно, эти разделительные стенки, которые они между собой называли «кошачьими мостками», обеспечивали доступ ко всем вырытым ямам, иной раз служа системой узких мостиков над пропастью.

Из девятнадцати намеченных ареалов в первую очередь разрабатывались только пять самых преспективных. Вернее, со вчерашнего дня — шесть. Уилфорд-Смит распорядился приостановить работы в четырнадцатом ареале, и освободившиеся рабочие начали снимать верхние слои в третьем ареале. А над местом чрезвычайной находки теперь была разбита большая белая палатка, которая ночью охранялась двумя мрачного вида молодыми людьми с заряженными автоматами. Эти люди принадлежали к одной охранной службе из Тель-Авива и появились здесь спустя полтора часа после его телефонного разговора с человеком, который, по всей видимости, и находился сейчас в чёрном лимузине, подъезжающем к раскопкам.

Разумеется, слухи не остановишь, они поползли. Уилфорду-Смиту казалось, что он их почти слышит, проходя между квадратами раскопок. Большинство рабочих были волонтеры, вольнонаёмные молодые люди со всего света, которых поставляло сюда *Израильское Управление Древностями*. За смехотворное вознаграждение и за чувство прича-

стности к авантюрным приключениям они брались вставлять ни свет ни заря и дни напролёт таскать корзинами землю и камни. Сейчас они краешком глаза наблюдали за ним и спрашивали себя, что здесь, собственно, происходит.

— Может, будет лучше, если на сегодня мы приостановим все работы, — сказал он вполголоса. — Надо дать людям отдохнуть.

Шимон ошарашенно взглянул на него:

— Прекратить работу? Но ведь ещё нет и трёх часов! Они как раз только начали новый ареал, и тут...

Уилфорд-Смит почувствовал, как в его голосе прозвучали нотки нетерпения:

— Шимон, все они — совсем молодые люди, брызжущие энергией и полные любопытства. Мне всё равно, каким образом ты это устроишь, но ни один из них сегодня вечером не должен даже близко подойти к четырнадцатому ареалу, *ол райт*?

Тот посмотрел на него долгим взглядом, и, как всегда, между ними установилось то взаимопонимание, которое оба воспринимали как нечто магическое.

— *Ол райт*, — не сразу ответил Шимон.

Это прозвучало как обещание. Да это и было обещание.

Уилфорд-Смит вздохнул и устало поднялся из ямы на узкую тропу изначальной почвы — на «кошачий мостик». По другую сторону, у третьего ареала уже стояли те, о ком шла речь. Главным образом молодые мужчины, среди них лишь несколько женщин, которые пользовались здесь повышенным вниманием и терпели активные домогательства со стороны мужского большинства. Они поглядывали то на чёрный автомобиль, который в это время медленно, почти нерешительно приближался, то на руководителя раскопок. Он почти физически, кожей чувствовал на себе их взгляды, спокойным шагом двигаясь в сторону их парковки. Во всяком случае, он надеялся, что его походка выглядит со стороны именно спокойной, а не немощной. С тех пор как ему перевалило за семьдесят, он стал вспоминать своего отца: тот умер в возрасте восьмидесяти семи лет и последние семнадцать лет жизни взял в привычку ежедневно донимать всю семью жалобами на *прогрессирующий распад организма*, как он это называл.

Чёрный лимузин остановился. У него были жёлтые номерные знаки — значит, машина израильская. И откуда только в Израиле взялась такая машина? Уилфорд-Смит не уставал удивляться, какие чудеса способны творить в этом мире деньги.

Приехавшие не торопились выходить, коротая ожидание в приятной прохладе кондиционированного салона. Когда он приблизился, из машины вышел шофёр, широкоплечий гигант с короткой — по-военному — стрижкой и в почти военной униформе, явно с револьвером в кобуре под мышкой. Судя по тому, как он открывал дверцу, основная его профессия была телохранитель, а не шофёр.

Человек, поднявшийся с заднего сиденья автомобиля, не только был богатым и могущественным, но и выглядел таким. Синий костюм превосходно сидел на нём, хотя на ком угодно другом казался бы совершенно неуместным в такой обстановке. Но Джон Каун, неограниченный властелин всемирного консорциума, привык к тому, что обстановка подстраивается под него, а не наоборот. Даже в ландшафте пустыни, на археологических раскопках и при температуре знойного лета.

Они вежливо поздоровались. До этого они встречались лишь дважды: в первый раз — когда речь шла о финансовой поддержке раскопок, и потом ещё раз — когда в Нью-Йорке открывалась выставка археологических находок из времён царя Соломона. Было бы большим преувеличением утверждать, что они симпатизировали друг другу. Скорее, каждый из них рассматривал другого как неизбежное зло, с которым приходится мириться.

— Итак, значит, вы сподобились, — сказал Джон Каун после приветствия и окинул взглядом всю местность. Наблюдать его при этом было весьма увлекательно: создавалось такое впечатление, что эти глаза способны буквально всасывать всю имеющуюся в наличии оптическую информацию, одновременно опустошая взглядом местность. Так и казалось, что горы сейчас послушно нагнутся в его сторону и лишатся всех своих красок, что-нибудь в этом роде. — Вы нашли нечто, заслуживающее большего, чем строка в археологическом словаре.

— Похоже на то, — согласно кивнул Уилфорд-Смит.

— Генрих Шлиман нашёл Трою. Джон Картер раскопал гробницу Тутанхамона. А Чарльз Уилфорд-Смит... — Впервые за маской всемогущества шевельнулось что-то человеческое. — Я должен признаться, что еле дотерпел, — сказал он. — Весь перелёт и думать не мог ни о чём другом.

Чарльз Уилфорд-Смит сделал приглашающий жест в сторону палатки, которая некогда принадлежала британской армии.

— Каковы бы ни были ваши ожидания, — сказал он, — действительность превосходит их.

2

Первый этап раскопок был запланирован на период в пять месяцев, начиная с мая. Общее руководство было возложено на автора этого сообщения, тогда как д-р ШИМОН БАРЛЕВ числился ответственным за документацию. Десятиником по подготовительным работам был РАФИ БАНЬЯМАНИ. Из-за протяжённости поля раскопок в работе использовалось временами до ста девятнадцати вольнонаёмных рабочих.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше»*

Телефон зазвонил незадолго до ужина.

После второго звонка из кухни показалась Лидия Эйзенхардт, вытирая руки о передник перед тем, как снять трубку. Телефонный аппарат был со старомодным диском для набора номера и с тяжёлой, массивной трубкой. Он висел на стене в тёмной прихожей и вынуждал все телефонные разговоры вести между гардеробом с плащами и пальто и обувной полкой, забитой разноцветными детскими резиновыми сапогами. Этот телефон достался им от предыдущего владельца дома, прожившего здесь сорок лет, и они решили оставить его.

— Эйзенхардт, — назвалась Лидия.

Звонкий и чистый голос на другом конце провода говорил по-немецки свободно, но с отчётливым американским акцентом:

— Это офис Джона Кауна, меня зовут Сьюзен Миллер. Могу ли я поговорить с господином Петером Эйзенхардтом?

— Одну минутку, сейчас я его позову. Ведь вы звоните из-за границы?

— Да, из Нью-Йорка.

Лидия под сильным впечатлением кивнула своему отражению в зеркале гардероба. Её мужу звонили много и часто, но такое случилось впервые.

— Я потороплю его.

Она отложила трубку, поспешила к лестнице, ведущей на второй этаж, и быстро поднялась на несколько ступеней.

— Петер?

— Да!? — слышалось из-за двери его кабинета.

— Тебя к телефону! — И, с особым ударением: — *Нью-Йорк!*

Некоторым словам, кажется, изначально присуще некое волшебство. «Нью-Йорк» принадлежит к таким словам. Для писателя Нью-Йорк — то же, что для актёра Голливуд: центр мира, Олимп искусства — желанное, чудодейственное, ужасающее, презренное место, в котором — и только в нём — карьера может достигнуть своей вершины.

Нью-Йорк! Это могло значить только: «Даблдэй». Или «Рэндом Хаус». Или «Саймон энд Шустер». Или «Альфред Кнопф». Или «Тайм Уорнер»... Это могло значить только то, что наконец-то удалось дело с долгожданной продажей в Соединённые Штаты прав на перевод его книг...

Только бы не свихнуться. Петер Эйзенхардт оглядел большой лист ватмана, висевший перед ним на стене за письменным столом, усеянный разнокалиберными стрелками, загадочными символами, именами, налезавшими друг на друга заметками, наклеенными записочками и фотографиями из газет. набросок его нового романа, над которым он как раз работал. Временами он думал: сам по себе этот набросок размером три на полтора метра уже представляет собой произведение искусства. Теперь он подумал только: Нью-Йорк!

— Иду, иду!

Он не мог дышать, когда подоспел к телефону. Лидия, напряжённо вслушиваясь, стояла в дверях кухни,

из которой пахло уксусом, базиликой и свеженарезанными огурцами.

— Петер Эйзенхардт, — назвался он и глянул на своё отражение в зеркале. Он всё ещё сохранял стройность, несмотря на малоподвижный, преимущественно сидячий образ жизни, только волосы начали угрожающе редеть. Как это будет выглядеть на обложке американского издания?

— Добрый день, господин Эйзенхардт, — услышал он голос и в самом деле американки, которая на удивление хорошо владела немецким. — Меня зовут Сьюзен Миллер, я секретарша господина Джона Кауна. Вам о чём-нибудь говорит это имя?

Каун? Джон Каун? Он напрягся. Надеюсь, что эта персона не из тех, не зная которых равносильно нокауту.

— Честно говоря, нет. А мне это имя должно о чём-то говорить?

— Мистер Каун — председатель правления «Каун Энтерпрайзес», холдинга, которому принадлежит, в числе прочих, также телевизионная компания N.E.W., *News and Entertainment Worldwide...*

— Конкурент Си-Эн-Эн?

В следующее мгновение он готов был откусить себе язык на сорвавшуюся с него реплику.

— М-м, да. Мы работаем над тем, чтобы стать номером один.

Действительно глупо.

— Хорошо, — парализованно сказал Эйзенхардт.

— В числе прочего, — продолжал голос, — холдингу «Каун Энтерпрайзес» принадлежит и немецкое издательство, которое публикует ваши романы...

— Ах, — сказал Эйзенхардт. Об этом он не знал. Удивительно.

— Мистер Каун просил передать вам, что он очень гордится тем, что публикует ваши произведения. Он поручил мне спросить, не может ли он ангажировать вас на несколько дней.

— Ангажировать? — эхом отозвался Петер Эйзенхардт. — Вы хотите сказать, на несколько выступлений? Поездка с выступлениями?

Это было почти так же хорошо, как продажа прав. Сейчас это пришлось бы ему как нельзя кстати.

— Не совсем, — поправил его голос на другом конце провода. — Мистер Каун хотел бы ангажировать ваш научно-фантастический образ мышления. Вашу писательскую фантазию.

— Мою писательскую фантазию? И для чего она ему понадобилась?

— Этого я не знаю. Я лишь уполномочена предложить вам гонорар в две тысячи долларов в день; разумеется, все расходы компания берёт на себя..

Петер Эйзенхардт посмотрел на свою жену, вытаращив глаза, она тоже смотрела на него такими же выпученными глазами.

— Две тысячи долларов в день?

Какой же сейчас у нас курс доллара?

— И на сколько дней предполагает мистер Каун..?

— Самое меньшее, на одну неделю, возможно, дольше.

Но вылететь вы должны завтра.

— Уже завтра?

— Да. Таково условие.

Лидия сперва сглотнула, а потом подняла вверх сразу оба больших пальца. Деньги им были очень нужны. Давно причитающиеся выплаты из издательства всё не приходили и не приходили, а один из журналов, для которых Эйзенхардт иногда писал ради денег, отклонил его статью, на которую он потратил страшно много времени.

— И вы не знаете, что я за это должен делать, за эти две тысячи долларов в день? — ещё раз недоверчиво переспросил Петер Эйзенхардт.

— Нет, к сожалению, не знаю. Но договор, который я должна отправить вам по факсу в случае вашего согласия, это наш типовый договор для консультантов. Таким образом, я могу предположить, что он ждёт от вас консультаций по какому-то делу.

Петер Эйзенхардт глубоко вздохнул и переглянулся с женой, которая ободряюще и одобрительно кивнула ему. Ну и, конечно же, он ощутил манящий зов приключений и неизвестности. Почему бы нет? Снова отправиться в неведомую даль, на некоторое время покинуть жену и детей...

— Хорошо, — ответил он.

— Окей, — сказала женщина, и в голосе её прозвучало облегчение. Наверное, мрачно подумал Эйзенхардт, ей при-

шлось сегодня обзвонить уже целый список авторов, у которых не было ни времени, ни желания срываться с места, потому что писательством они зарабатывали больше, чем им мог дать гонорар консультанта.

— Я закажу для вас билет из Франкфурта, — деловито продолжал голос. — И не забудьте свой заграничный паспорт. Завтра рано утром вы должны быть в аэропорту самое позднее в восемь тридцать. У стойки компании Эль Аль. Очень важно не опоздать.

— Вы сказали, *Эль Аль*?

— О! — спохватилась она. На сей раз она смутилась по-настоящему. — *I'm very sorry*. Я забыла сказать, что мистер Каун сейчас находится в Израиле. Он хочет, чтобы вы приехали в Израиль.

3

Ср. план поля раскопок, рис. 1.3, план разреза, рис. 1.4 а-с, а также план остаточных строений (рис. 1.5).

В целом на основании упомянутых в гл. 1.2 спутниковых снимков (см. приложение С. 3) для раскопок были предназначены девятнадцать ареалов, из них самые перспективные — ареалы 14, 9, 2, 7 и 16 (названные в намеченной последовательности) — были выбраны для первой кампании раскопок. Как уже было упомянуто, работы в ареале 14 были досрочно приостановлены в пользу раскопок ареала 3 (об этом: гл. II.1).

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше»*

Всё происходящее имело большой размах и походило скорее на вступление войск, чем на визит. Седельный тягач только что установил третий из пяти продолговатых, поблескивающих серебристым металликком мобильных домиков на площадке рядом с четырнадцатым ареалом, а число единообразно одетых, чуть ли не в униформе, рабочих с каждым часом прибывало. Несколько человек соорудили некое подобие ограды вокруг площадки, на которой были поставлены мобильные домики. Немного поодаль установили электроагрегат — тёмный металлический шкаф,

который гудел так, что было слышно издали, — и протянули от него мощный кабель к большой палатке, разбитой над местом находки в ареале 14.

— Смотри, у многих из них оружие, — сказала Юдифь, прищуренными глазами наблюдавшая за всем этим движением.

— М-м, — промычал Стивен Фокс с набитым ртом. Бутерброды, которые им выдавали в обеденный перерыв, день ото дня становились всё хуже. Самое время поговорить с двумя парнями, которые отвечали за продовольственное снабжение. Или подумать над тем, как прокормиться самостоятельно. Может быть, в ближней деревне, о которой тут всё время поминали, есть какие-то возможности. Должна же там быть какая-нибудь лавка, а то и подобие супермаркета.

— Интересно, что всё это может значить. Располагаются они тут основательно. Ведь это жилые вагончики?

Фокс кивнул:

— Ясное дело. Тот, кто приехал сюда в такой машине, не согласится ночевать в простой палатке.

— Меня удивляет, что такой человек вообще будет здесь ночевать.

— Меня тоже, — он взял свою фляжку, чтобы смыть пресный вкус бутерброда тёплой, застоявшейся водой. Со-мнительная замена. — Кстати, насчёт сегодняшнего вечера: это, случайно, не будет какой-нибудь религиозный семейный праздник или что-то в этом роде?

Юдифь коротко мотнула головой, не сводя глаз со строительных работ:

— Ну что ты.

— И мне не понадобится прикрывать макушку ермолкой или снимать ботинки?

— Ты же не иудей и не должен носить ермолку.

— А как насчёт молитв?

— Прекрати. Мы просто немного погуляем по Тель-Авиву и потом пойдём поужинаем. Иешуа знает хозяина ресторана, и мы получим лучший столик, только и всего. А вот интересно, кто этот тип в костюме?

— Его зовут Джон Каун.

— Что? — на сей раз она посмотрела на него. Неплохо. Стивен Фокс любил, когда она смотрела на него своими

жаркими чёрными глазами. Юдифь Менец была сестрой Иешуа Менеца, ассистента по археологии в иерусалимском Рокфеллеровском музее. Стивен познакомился с ним через интернет и благодаря ему получил место на этих раскопках. А главное — она была тоненькая, как тростиночка. У неё были длинные чёрные локоны, захватывающий дух горбатый нос и впечатляющий темперамент, и на самом деле наступило уже самое время заполучить её к себе в постель. Правда, она до сих пор, казалось, не замечала, что он к ней давно подкатывается, а если и замечала, то великолепно умела это игнорировать.

— Джон Каун, — повторил Стивен. — Владелец и председатель правления «Каун Энтерпрайзес». Самое серьёзное из того, что ему принадлежит, это телекомпания N.E.W., при помощи которой он вот уже несколько лет пытается оттеснить CNN с информационного новостного рынка.

На Юдифь это, кажется, произвело впечатление.

— Это пахнет большими деньгами.

— Свой первый миллион Каун сделал, когда ему было двадцать два года. Его даже иногда называют Чингиз Ханом — из-за его, хм, силовых методов ведения дел. Сейчас ему сорок два, и он один из богатейших людей Соединённых Штатов. — Фокс некоторое время раздумывал, будет ли тактически правильным упомянуть в этом месте, что сам он свой первый миллион сделал уже в девятнадцать. Нет, лучше не надо. Это прозвучало бы так, будто он хочет похвастаться. Конечно, он и хотел похвастаться, но только не так, чтобы это выглядело похвальбой. — И он финансирует эти раскопки.

Её глаза расширились от удивления:

— Правда? Откуда ты знаешь?

— Я читаю правильные газеты.

Стивен Корнелиус Фокс, двадцати двух лет, был родом из штата Мэн, на северо-востоке США. Был он строен, почти сухощав, невысок ростом — чуть ниже среднего, — но умел это компенсировать за счёт прямой осанки и самоуверенной походки. Он носил очки в тонкой оправе, придающие ему вид интеллектуала. Принимать участие в научных исследовательских проектах по всему миру было его хобби. Он уже кольцевал в Исландии птиц, пересчитывал в Бразилии виды муравьёв, в Африке проводил

сравнительные исследования эффективности различных оросительных систем, а в Монтане помогал выкапывать останки динозавров. Стивен Фокс был самым молодым членом старинного нью-йоркского *Исследовательского общества*, которое с давних пор поддерживало деньгами и рабочим персоналом раскопки, тропические экспедиции и другие исследовательские начинания. Он достаточно рано понял, какую роль играют в жизни человека деньги: они были тем вспомогательным средством, которое позволяло человеку вести такую жизнь, какую он хотел. У кого есть деньги, тот может делать что хочет. У кого нет денег, тому приходится делать то, чего хотят другие. Итак, иметь деньги — лучше, чем не иметь их.

Он рано начал заниматься компьютерами, но не для развлечения и игр, как большинство компьютерных фанатов, а потому, что чувствовал: на этом пути легче всего заработать деньги, которые позволят ему вести такую жизнь, какую он хочет. Прежде всего, интересную жизнь.

В шестнадцать лет ему удалось проверить такой фокус: в своём родном городе он убедил владельца фирмы, торгующего автомобильными запчастями, что может разработать для него компьютерную программу, приспособленную именно для нужд его бизнеса, и что она будет функционировать гораздо лучше, чем те, которые использовались до сих пор, и спустя год он получил чек на сумму, которая впечатлила даже его отца, адвоката, привыкшего выставлять своим клиентам до боли высокие счета.

А фишка этого гигантского мероприятия состояла в том, что на самом деле Стивен Фокс написал всего лишь точный перечень для системы электронной обработки данных, отдельные же блоки этой системы разрабатывали индийские программисты, все сплошь студенты информатики, которых он нанял через интернет и ни одного из которых ни разу не видел в лицо. Всё осуществлялось через сеть, что в то время было ещё достаточно сложным делом для инсайдеров: он посылал в Индию детальное описание функционального элемента, тамошний партнёр разрабатывал по нему соответствующую программу и программный код и тем же путём переправлял обратно. Стивену оставалось только свести воедино отдельные компоненты и установить систему в компьютеры заказчика.

Предприятие сработало великолепно, в первую очередь потому, что качество программы, которую он получил от своих индийских партнёров, превосходило всё, к чему он привык в своём окружении. Она работала безупречно. Самой сложной частью дела оказался в конце концов перевод денег из американского банка в индийские — эту процедуру Стивену пришлось потом проделать ещё пять раз, поскольку он продал свою программу ещё в пять других фирм. Не только он сам, но и его индийские субагенты разбогатели на этом, большинство из них основали собственные фирмы по разработке программных продуктов и по сей день выполняют заказы со всех концов света. Заказывать программы в Индии стало обычным делом для многих западных фирм.

Стивен не испытывал потребности после этого миллиона стремиться ещё к миллиардам. То, что происходило с такими людьми, как Джон Каун, он мог себе представить, но проделать на себе не мог. Он окончил обыкновенную среднюю школу, изучал экономику в сравнительно скромном, уютном маленьком университете, разъезжал на ярко-красном «порше» и завязывал знакомства с самыми заметными девушками. На своих деньгах он более или менее спокойно почивал. Он вложил их так, что доходы с них обеспечивали большую часть его потребностей и стиля жизни, и всё указывало на то, что и впредь ему больше не придётся зарабатывать себе на хлеб. За это было заплачено, как он считал, стрессом полутора лет напряжённого труда.

И как минимум раз в год он уезжал в какие-нибудь дальние края. Обычные путешествия, сколько он себя помнил, всегда вызывали у него отвращение: куда-то ехать, чтобы осматривать достопримечательности, казалось ему совершенно бессмысленным. Люди, которые так поступали, обычно похвалялись тем, что знают хороший ресторанчик на Цейлоне или объехали верхом египетские пирамиды, однако расспроси их понастойчивее — и окажется, что в своём родном городе они не знают ничего, кроме пивной по соседству, и понятия не имеют, ради каких таких достопримечательностей сюда приезжают люди со всего света — может быть, из того же Египта, — движимые точно таким же снобизмом. Нет уж, только не это.

Стивен Фокс питал к миру интерес, но если уж он куда-то ехал, то должен был делать там что-либо осмысленное. С тех пор как он узнал о существовании *Исследовательского общества* и о том, что он может в качестве любителя принимать участие во всех его проектах, ему стало окончательно ясно, чего он хочет.

Разумеется, это почти всегда было сопряжено с тяжёлым физическим трудом, некомфортабельными условиями жизни и тупой работой. Приходилось пересчитывать тысячи личинок, таскать десятки корзин с почвой и камнями, терпеть укусы moskitov и спать в промокших, воющих палатках. Но это было частью приключения. Он бы никогда не поменялся ролями с учёными, ведь тогда ему пришлось бы изучать естественные науки и всю жизнь затем заниматься одним и тем же. А это совсем неинтересно. Просто скучно.

— Как ты думаешь, может, они собираются снимать фильм про наши раскопки? — спросила Юдифь.

Издали им помахал рукой Рафи, который руководил работами в третьем ареале. Перерыв для завтрака закончился.

— Вряд ли, — ответил Стивен. — Я не верю, что председатель правления лично явился сюда ради того, чтобы присутствовать при съёмках фильма.

— Но всё это как-то связано с находкой, о которой ты не хочешь говорить.

— Вот это другое дело. Тут я с тобой согласен.

— А как ты думаешь, что случилось?

— Я думаю, — сказал Стивен Фокс, снял очки и вытер тыльной стороной ладони брови, мокрые от пота, — я думаю, что совершено убийство.

4

Ниже следует подробный разбор стратиграфии. Стратиграфические элементы — такие, как слои и стенки среза, — снабжены номерами (цифрами), остатки строений — буквами и нанесены на соответствующие места стратиграфического изображения. О стратиграфическом упорядочивании керамических находок в гл. III-9, см. гл. XII.

Нумерация и схематизация стратиграфии базируется на методе, опубликованном ХАРРИСОМ (HARRIS 1979, стр. 81-91, ср. также FRANKEN 1984, стр. 86-90). На отдельных местах ради упрощения одним значком обозначается целая группа отложений.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Стойка регистрации израильской авиакомпании Эль Аль из соображений безопасности помещалась в самом углу главного зала, чуть ли не в отдельном помещении. Петер Эйзенхардт добрался туда в самую последнюю минуту и теперь стоял с весьма неприятным чувством, впервые оказавшись среди множества людей, каких до сих пор мог видеть только в теленовостях. Иудейские ортодоксы с длинными пейсами, одетые от макушки до пят в чёрное, стояли рядом с безучастно поглядывающими палестинцами, головы которых были повязаны платками, популярными благодаря Ясиру Арафату. Они старательно игнорировали друг друга. Женщины, укутанные в длинные одеяния и повязанные платками, ждали в одном ряду с францисканскими монахами. Тут же, среди них, но не так бросаясь в глаза, терпеливо ждали обыкновенные мужчины и женщины всех возрастов и состояний, тихо переговариваясь на языке, который Эйзенхардт на слух воспринял как русский. Всё это очень медленно продвигалось вперёд.

— Для чего вы едете в Израиль? — спросила его дама из израильской службы безопасности, этакая богатырша, оглядев его при этом так подозрительно, будто предполагала в его поездке какой-то преступный умысел.

— По профессиональной, э-м, необходимости. — Почему, собственно, этот вопрос заставил его так нервничать? Он выудил пальцами из кармана факс, присланный из Нью-Йорка: — У меня договор на консалтинг.

Она обстоятельно изучила факс. И вовсе не формально, всё делалось с полной серьёзностью. С таким подходом ему ещё не приходилось сталкиваться во время перелётов. Судя по всему, они скорее задержат вылет, чем пропустят пассажира, великодушно закрыв глаза на неясные пункты в его документах. И для этого у них были свои осно-

вания. Эйзенхардт вспомнил об угонах самолётов, сообщения о которых до сих пор слушал лишь краем уха. Да, были свои основания.

Дама из службы безопасности дочитала факс и принялась читать весь четырёхстраничный договор, написанный на юридическом английском языке, потом взяла телефонную трубку, не глядя набрала номер и поговорила с кем-то на гортанном языке — вероятно, на иврите. В конце концов она вернула ему бумаги и кивнула, черкнув на бланке свою подпись.

— Всё в порядке, — сказала она и направила своё сконцентрированное недоверие на следующего в очереди, изначально рассматривая его как предполагаемого террориста и соответственно обращаясь с ним, пока он не докажет ей обратное.

Для чего вы едете в Израиль? Чертовски уместный вопрос. Он, довольно-таки успешный писатель! В качестве советника одного миллиардера медиа-гиганта! Чёрт знает что! Он вдруг понял: истинная причина кроется в том, что он пропустил очередную выплату кредита за дом. А пропустил потому, что ему не платит издательство, которое, как оказалось, принадлежит тому самому человеку, который его теперь нанял.

Она сидела там, где он давно хотел её видеть: на краю его походной кровати. Как назло, она была одета, а он, наоборот, полуголый.

Стивен только что принял душ. Хотя здешний душ не заслуживал своего названия — из внушительного вида душевых головок вытекала лишь слабенькая струйка воды, да и та разрывалась на капли. Все в лагере постоянно жаловались на то, что душ не смывает въевшуюся пыль и грязь. Стивену удавалось практически полностью смывать с себя грязь при помощи одного простого способа, которому он выучился в Африке у экспертов-иригаторов: нужно было всего лишь использовать мочалку. Он ни от кого не скрывал этот простой секрет, но, как заметил, многие по-прежнему предпочитали жаловаться.

— Ты единственный из всех, кого я знаю, прихватил с собой в археологический лагерь пиджак, — сказала Юдифь.

— У меня есть много и других необыкновенных качеств, — ответил Стивен, просушивая волосы и придавая им форму при помощи простой расчёски. Хорошо было ощущать позади рабочий день, а впереди приятный вечер. Физический труд действовал на него благотворно, поддерживая в форме и позволяя лучше контролировать своё тело.

Рабочие на раскопках жили в сравнительно просторных палатках из тяжёлой белой парусины, которые, казалось, достались им в наследство от африканского похода британской армии. А может, так оно и было на самом деле. Большинство палаток были двухместные; но Стивену удалось устроить так, что он занимал свою палатку один: он пустил слух, что ужасно храпит по ночам и имеет сомнамбулические наклонности, бродит лунатиком, а возвращаясь, часто ошибается кроватью. После этого никто не рискнул на такое соседство, вследствие чего у него хватило места поставить рядом со столом и стулом непредусмотренную вешалку для одежды и большое зеркало.

— Но ведь когда-нибудь я всё равно узнаю, — повторила она, наверное, уже в пятый раз за сегодняшний день. Речь шла о находке, которую сделал Стивен и которая, судя по всему, вызвала большой ажиотаж вокруг.

— Ты узнаешь это сегодня вечером, — сказал Стивен и одел брюки. Юдифь смотрела на него как ни в чём не бывало. Когда она перед этим вошла в его палатку, он стоял в трусах, а она уселась на кровать и давай его пытаться насчитать находки. — Это долгая история. Если я тебе сейчас её расскажу, потом мне придётся всё повторять для Иешуа, а это мне лень.

— Просто ты хочешь меня заинтриговать.

— Ещё бы, конечно, хочу. Когда приедет твой брат?

— Через полчаса.

В ней было что-то жёсткое. Причина, наверное, крылась в том, что она в свои двадцать лет уже отслужила два года в израильской армии. Стивен с некоторым содроганием узнал, что это длинноногое, породистое существо может водить танк, с завязанными глазами собрать автомат меньше, чем за одну минуту, что она участвовала в боях с отрядами Интифады. А он видел войну только в кино.

— Может, нам лучше поехать на моей машине? А с ним встретиться уже в Тель-Авиве? — он кивком головы указал на свой мобильный телефон, который лежал на столе.

— Ты его уже не застанешь. Сейчас он, наверное, стоит в иерусалимских пробках.

— Ну ладно.

Он поправил рубашку — свою любимую рубашку из льна, хлопка и искусственного волокна — которую всегда брал с собой во все экспедиции. Её можно было носить без пиджака, и тогда она выглядела легко и непринуждённо, можно было с пиджаком — тогда она смотрелась элегантно, её можно было легко отстирать в холодной воде с мылом, и вида она не теряла. Он купил её когда-то в специализированном магазинчике в Нью-Йорке, по наводке одного из коллег из *Исследовательского общества* — человека, которому уже было под восемьдесят и который при всяком удобном случае рассказывал, как он в юности объехал земной шар на велосипеде.

Потом он надел пиджак. Тоже вещь, которую ему пришлось долго искать. Пиджак был лёгкий, прохладный в жарких краях и теплосберегающий в холодных, его можно было сунуть в багаж, свернув валиком, — он не мялся, а по цвету подходил к чему угодно. Вещь, конечно, тоже не дешёвая. Но он взял себе за правило — никогда и нигде не лишать себя возможности одеться со вкусом и по-деловому. В его грубого вида матросском вещмешке было припасено даже несколько галстуков; Юдифь их ещё не видела, иначе бы у неё появился лишний повод посмеяться над ним. Однако его опыт подсказывал: ничто не придаёт человеку такого чувства уверенности в себе, как знание, что он одет корректно. Ведь встречаются по одежке, провожают по уму. Когда приходится иметь дело с людьми, галстук может оказаться такой же решающей деталью, как револьвер в схватке с тигром.

Юдифь встала и подошла к выходу. Она отодвинула полог, и закатное солнце отбросило широкий, тёплый луч через всю палатку, через походную кровать и пыльный пол из утоптанной земли.

— Подъезжает такси, по-моему.

— М-м, — промычал Стивен, завязывая шнурки на ботинках. Ботинки, конечно, не могли блистать чистотой

в такой обстановке. И прибраться в палатке не мешало бы; краем глаза он видел, что под кроватью по-прежнему лежит ящик для археологических находок, который он открывал не далее, как вчера, — плоский прямоугольный ящик из жести с накладной крышкой, в такие ящики при работе на месте находок ссыпают отработанную землю, чтобы позднее тщательно её просеять. Иногда в этой земле попадаются мелкие, но важные предметы: зубы, обломки костей, части украшений.

Но это всё подождёт до завтрашнего утра. Он сунул в карманы мобильный телефон и бумажник, проверив, достаточно ли в нём наличных денег.

— Кажется, они всё-таки собираются снимать фильм, — сказала Юдифь. — Ведь это у них камера, если я не ошибаюсь?

— Что? — Стивен подошел к ней сзади и выглянул через её плечо наружу, с наслаждением ощутив тепло её щеки, которой он едва не касался. От неё исходил волнующий запах, хотя он не мог бы сказать, чего.

— Вон та штука на треноге. Перед палаткой.

Стивен уставился на этот предмет, который действительно оказался камерой, обычно применяемой при киносъёмках. Двое людей Кауна возились около неё, закрепляя на штативе.

— Странно, — сказал он.

— Я же говорила, они хотят снимать фильм.

Стивен медленно покачал головой.

— Этого я и представить себе не мог. Чтобы Чингиз Хан отправился в такую дыру только ради того, чтобы снять фильм об археологических раскопках!

Постепенно он сам начал сомневаться, понимает ли он до конца, что здесь на самом деле происходит. Глядя то в сторону четырнадцатого ареала, то на пять мобильных домиков, пламенеющих в закатном зареве, то на странно безликих мужчин в фирменных комбинезонах N.E.W., копошащихся с кинокамерой, он вдруг почувствовал себя исключённым из событий, оттеснённым куда-то на край. То, что там разворачивалось, походило на действие фильмов, в которых совершались эпохальные открытия — обнаруживали инопланетян или древнего человека, и тут же

набегали учёные, словно саранча, всё запирали, огораживали заборами, возводили крыши и повсюду устанавливали свои измерительные приборы.

Он ещё раз прокрутил перед мысленным взором всё происшедшее. Вчерашний день. Находка. Его собственная теория на этот счёт. Когда он думал о ней сейчас, она уже не казалась ему такой ясной. Что-то в ней не сходилось. С ней не вязалось то, что разворачивалось на месте находки теперь. И, может, даже к лучшему, что сегодня вечером он сможет всё это обсудить с Юдифью и её братом.

Его сосед по креслу в самолёте узнал его — как раз когда они пролетали над Альпами.

— Извините, а вы случайно не писатель Петер Эйзенхардт? — произнёс он ту сладчайшую фразу, которую не самые знаменитые писатели любят так же, как имена своих детей.

Да, сознался Петер Эйзенхардт, это он.

— Я читал несколько ваших книг, — сказал мужчина и назвал два романа, которые, к сожалению, принадлежали перу других авторов. — Мне очень понравилось, правда.

Эйзенхардт вымученно улыбнулся:

— Приятно слышать.

Тот представился, назвавшись Ури Либерманом, журналистом и зарубежным корреспондентом нескольких израильских газет, работающим в Германии. Он сказал, что живёт в Бонне, но раз в месяц летает на родину к жене и детям, для которых не удалось добиться длительной заграничной визы.

— А вы для чего летите в Израиль? — спросил он. — Турне с выступлениями? Или отпуск?

Петер Эйзенхардт отрицательно покачал головой.

— А, — догадался жизнерадостный иностранный корреспондент, которому на вид было лет сорок, и он пытался уравновесить свой высокий лысеющий лоб за счёт пышных прусских усов, — тогда, значит, вы собираете материал?

— Ну, примерно так, — согласился Эйзенхардт.

— Это значит, что события вашего следующего романа будут разворачиваться в Израиле?

— Вполне возможно.

Толстая записная книжка была, конечно, первым, что он упаковал — как всегда, когда ехал куда-нибудь. И часть его мозга, которая, казалось, давно обрела самостоятельность, непрерывно вела наблюдения за необычными ситуациями, выискивала незнакомые речевые обороты, интересные персонажи и события, и все эти наблюдения тут же просились на бумагу и позднее использовались в романах. Так что возможность израильской темы нельзя было исключить.

— Великолепно, великолепно, — обрадовался журналист и начал рыться в своей сумке. — Скажите, а я могу вас сфотографировать? Я бы с удовольствием сделал небольшое сообщение для одной из газет, с которыми я сотрудничаю; что-нибудь в том роде, что «известный немецкий писатель Петер Эйзенхардт в настоящее время прибыл в Израиль», я думаю, ведь это и в ваших интересах тоже?

— Я не против.

Так Петер Эйзенхардт дал себя сфотографировать, улыбаясь как можно более победно, и после третьей вспышки Ури Либерман остался доволен. Он гордо продемонстрировал затем свою камеру — новейшую модель с плоским монитором, на котором можно было оценить сделанный снимок чуть ли не в натуральную величину, прежде чем записать его на маленький *optical disc* внутри аппарата.

— Полностью цифровой, — пояснил он. — И видите, здесь, сбоку? Тут я могу воткнуть кабель и переслать снимок в любой подручный компьютер. Просто сам диву даёшься, на что способна сегодняшняя техника, а? Но и это ещё не всё.

Он извлёк на свет божий плоский приборчик, похожий на мобильный телефон, но раскрылся этот приборчик, к удивлению Эйзенхардта, вдоль — и в руках журналиста оказался крошечный компьютер с изящной клавиатурой и маленьким жидкокристаллическим экранчиком.

— Теперь мы должны замаскироваться и незаметненько поработать, а то ведь они не любят, когда в самолёте включают такие штуки. Но должен же я вам это продемонстрировать. Итак, я пишу сообщение... Мои пальцы каким-то образом стали тоньше с тех пор, как у меня появилась эта штука, удивительно, правда? Итак, мы пи-

шем — «Известный немецкий писатель посетил Израиль» Это заголовок. Потом немножко бла-бла; я думаю, не больше десяти-двенадцати строк, но вместе с фотографией...

Казалось, он уже мысленно прикидывает свой гонорар. Он сосредоточенно напечатал короткий текст. Эйзенхардт заглянул поверх его руки, но журналист работал в еврейском регистре, и Айзенхард не мог определить, что тот пишет.

— Так, — сказал наконец израильтянин. — Теперь встроим снимок...

Он извлёк тоненький кабель из своей наплечной сумки, воткнул его в камеру, нажал пару кнопок и несколько клавиш на своём мобильно-телефонном РС, выждал несколько мгновений и довольно выдернул кабель.

— Готово. Обычно я могу послать материал прямо на головной компьютер моей редакции, но здесь, на борту этот номер не пройдёт: а то вдруг ещё самолёт рухнет или, того хуже, по ошибке приземлится в Ливии, ха-ха! Но я спрошу у стюардессы, нельзя ли мне воспользоваться для передачи их собственной телефонной линией. Обычно проблем с этим не бывает. Момент...

Эйзенхардт растерянно смотрел, как тот прошёл вперёд и за занавеской бортовой кухни стал убеждать стюардессу. Потом оба исчезли.

Эйзенхардт выглянул в окно. Мимо проносились клочья облаков. Что это там внизу, Тоскана? Или сперва долина реки По? Зелёно-коричневая мозаика полей, а между ними тонкие, как паутинки, дороги и пути. И тёмное мерцающее море.

Ури Либерман улыбаясь вернулся назад.

— Ну, что я говорил. Всё появится в вечернем выпуске. Когда вы приедете к себе в отель, просмотрите там еврейские газеты.

— Вы шутите.

— Нет, правда! Ну, хорошо, обычно я не так уж тороплюсь с такого рода сообщениями, это ясно. Но когда происходит что-нибудь драматическое — в Бонне, например, министр негативно выразился в отношении Израиля — я печатаю его слова прямо на месте в мою волшебную шка тулку, нажимаю на кнопку, и четыре часа спустя газета с моим сообщением уже лежит в израильских киосках.

— Трудно представить, — Айзенхард действительно находился под сильным впечатлением.

— А вы проверьте.

— Непременно. Хотя, честно говоря, я нахожу все эти усилия избыточными.

Либерман засмеялся:

— Добро пожаловать в Израиль! Поверьте мне, израильтяне совершенно повёрнуты на всём, что касается новостей. Они постоянно слушают радио, каждый вечер смотрят новости по телевизору, да ещё и иорданские каналы, египетские и сирийские, и три раза на дню читают газеты. И не только евреи, но и палестинцы точно так же. И постоянно только и говорят о плохих новостях, взвинчивают себя, многие только из-за этого доводят себя до инфаркта. Просто мания какая-то; вы представить себе не можете. Это Израиль!

Итак, это был Израиль. Аэропорт имени Давида Бен-Гуриона на первый взгляд походил на любой другой аэропорт в любой другой средиземноморской стране: большой, пронизанный светом, жаркий и многолюдный. На второй взгляд Эйзенхардт заметил, что все надписи продублированы на трёх языках: по-еврейски, по-английски и по-арабски. Повсюду солдаты — бдительно держат руку на подвешенном автомате. Либерман в какой-то момент исчез, и людской поток подхватил Эйзенхардта и вынес на контроль, изматывающий нервы своей дотошностью: они всё перевернули в его чемодане вверх дном. А затем толпа вынесла его из здания аэропорта под безоблачное небо Тель-Авива. За решёткой ограждения теснились люди, с ожиданием вглядываясь в каждое новое лицо. То тут, то там раздавались вскрики, и люди бросались друг к другу в объятия прямо через решётку, только и слышно было «шалом» или «салам алейкум», смех и плач радости. Эйзенхардт чувствовал себя посреди этой кутерьмы потерянным.

Потом он заметил бумажную табличку, которую кто-то из встречающих поднял над головой, на табличке была написана его фамилия — правда, с пропущенной буквой «д»: Эйзенхарт. Он двинулся к встречающему. Человек, который держал табличку, оказался морщинистым стариком

в поношенных серых брюках, какие были в моде в шестидесятые годы, и в чудовищно-яркой рубашке с пятнами пота под мышками.

Когда Эйзенхардт представился, мужчина кивнул без особого воодушевления, пробормотал своё имя, которое Эйзенхардт не разобрал, и сказал, что ему поручено доставить гостя к мистеру Кауну. Он говорил по-немецки с жёстким восточно-европейским акцентом и вблизи оказался ещё старше.

Они прошли мимо стоянки такси и подошли к машине старика. На ее приборной доске красовалась наклейка с изображением польского флага.

— Вы из Польши? — спросил Эйзенхардт, когда они кружили по широким развязкам посреди пустынного ландшафта, удаляясь от аэропорта.

— Да. Из Кракова. Но я уже давно оттуда.

— Вы хорошо говорите по-немецки.

Лицо старика оставалось безучастным.

— Выучился в концлагере.

Эйзенхардт неловко сглотнул, не найдя, что ответить.

5

После снятия уже упомянутого верхнего слоя толщиной в 2 м была достигнута высота уровня моря. На этом уровне место раскопки было поделено на квадраты 5х5 м с разделительными стенками в 1 м, при этом линии сетки были направлены по оси север-юг (см. рис. II.29).

В северной части раскопки велись в первую очередь между F.20 и F.13 (поле GL; рис. II.30 — см. также фотоснимки в приложении Н). В срезе между F.20 и F.19 обнаружилась стена из обтёсанного камня, проложенная в направлении восток-запад. Эта стена, по-видимому, ограничивала территорию кладбища.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Стивен и Юдифь двигались между палатками раскопщиков к автомобильной парковке. Такси между тем подъехало и остановилось перед мобильными домиками, а ма-

ленький белый «мицубиси» брата Юдифи в это время ещё подсказывал на ухабах на подъезде к лагерю. Иешуа уже махал им рукой сквозь лобовое стекло.

— Точный настолько, что по нему впору часы проверять, — сказала Юдифь. — Не понимаю, как ему удаётся.

— Да уж, — ответил Стивен.

Из такси вышли двое мужчин — один бледный, на исходе третьего десятка, с обозначившимся животиком и редееющими волосами; он беспомощно озирался, будто не ведая, каким ветром его сюда занесло; и водитель, сутулый старик, который как раз доставал из багажника чемодан и сумку на ремне. Новоприбывший, судя по всему, был важной птицей, поскольку навстречу ему с приветствием вышли и профессор Уилфорд-Смит, и Джон Каун.

Иешуа со скрипом затормозил прямо перед Стивеном и Юдифью, выскочил из машины и протянул Стивену руку прямо через пыльный капот автомобиля. Это был высокий, нескладный мужчина с курчавыми тёмными волосами *сабра* — еврея, родившегося в Израиле.

— Рад снова видеть тебя. Ну что, прижился здесь? Как я слышал, ты уже сделал первые впечатляющие находки.

— Да, — рассеянно сказал Стивен и кивком головы указал в сторону такси: — Ты знаешь, кто это такой?

Иешуа устоял в указанном направлении с прямой, граничившей с невоспитанностью. В детективы он явно не годился.

— Нет, понятия не имею. А почему ты спрашиваешь?

— Его лицо мне знакомо. Только не знаю, откуда.

Юдифь испытующе взглянула на него, но промолчала.

— Окей, — сказал Стивен. — Может, потом вспомню.

Поехали.

Они сели в машину, Юдифь на заднее сиденье. Иешуа завёл мотор и включил радио, диктор что-то зачитывал на иврите — судя по интонациям, новости. Стивен ещё раз выглянул наружу в сторону незнакомца, одетого в поразительно плохо сидящий костюм. Тот внимательно слушал, кивая, а профессор Уилфорд-Смит, казалось, что-то объяснял ему с типично британской сдержанной жестикующей. Стивен знал этого человека, где-то уже видел его лицо, но где? Обычно он мог положиться на свою память

на лица, но теперь она его подводила. Встретаться с ним Стивену не приходилось, об этом он бы вспомнил. Он видел это лицо на каком-то снимке. Ну да Бог с ним, подумал он, когда машина тронулась. Как-нибудь само вспомнится, если это действительно важно.

Петер Эйзенхардт кивал всему, что говорил ему профессор на том неторопливом, неизбежно кажущимся выскомерным и заносчивым английском языке британских аристократов. Некоторые выражения он не вполне понимал, его английский изрядно проржавел от отсутствия практики. Итак, здесь ведутся археологические раскопки. Вот почему всё здесь имеет такой неупорядоченный и временный вид. Эйзенхардт вначале даже подумал о тренировочном лагере каких-нибудь повстанческих сил, а потом о натурных съёмках какого-то игрового фильма.

Поездка становилась совершенно непонятной. Когда они ехали по дороге между Тель-Авивом и Иерусалимом, шофёр неожиданно свернул на незаметное ответвление, как раз в тот момент, когда сзади их настойчиво теснил сигнализирующий спортивный автомобиль, а по встречной полосе угрожающе надвигалась тяжёлая фура. Просёлочная дорога оказалась просто катастрофически ухабистой, к тому же на километры вокруг не было видно никаких признаков цивилизации. И когда они тряслись по этим ухабам, а старик по-польски бормотал себе под нос что-то, похожее на ругательства и проклятия, в голове Эйзенхардта разрастались дичайшие фантазии. О бандитах и разбойниках с большой дороги, о подлом заговоре, и его бросило в жар при мысли, что он никому не оставил адреса и никто не знает, в какое место в Израиле его пригласил этот легендарный Джон Каун. Он уже видел себя лежащим в придорожной канаве, ограбленным и убитым, возможно, с отрубленной правой — пишущей — рукой, поскольку в одной из своих книг он невзначай написал нечто такое, что какие-нибудь религиозные экстремисты могли счесть за злостное богохульство и решили отомстить. Он уже видел, как к его трупу спешит Ури Либерман и дрожащими руками печатает на своём не то мобильнике, не то компьютере очередную ударную строку, которая появится уже в утреннем выпуске.

В какой-то момент, когда нормальное шоссе осталось уже далеко позади, а кругом простирались лишь плоские горы, усеянные камнями, он предался в руки судьбы, расслабил плечи и отважился вздохнуть. Старик за рулём, правда, если подумать, не походил на фанатика. Он, казалось, вообще думал только о том, как бы ему не разбить на этих ухабах машину.

Потом они снова свернули и подъехали к лагерю, палатки которого отбрасывали в закатном солнце длинные, причудливые тени.

Как раз в тот момент, когда профессор говорил о вольнонаёмных рабочих и о той роли, которую они играют в археологии, двое из них — парень и девушка — сели в белую машину — ту самую, которая догнала их такси на пути сюда. И это ещё раз подогрело фантазию писателя. Молодой человек с любопытством смотрел в их сторону, когда белая машина тронулась.

— При всей своей научной любознательности, — комментировал седовласый археолог, — они остаются, естественно, молодыми людьми. Думаю, они поехали в Тель-Авив на дискотеку.

Эйзенхардт понимающе кивнул. Хоть его возраст и приближался к сорока, ему всё ещё казалось странным говорить о других «молодые люди» таким тоном, как будто сам он уже не принадлежит к ним. Джон Каун, который после короткого приветствия ненадолго удалился, чтобы отдать одному своему сотруднику ряд руководящих указаний, теперь снова подошёл к ним, гоня впереди себя волну самоуверенности. Он был не из тех, кто может стоять в сторонке и слушать других. К кому бы он ни обратился, тот должен был признать в нём центральную фигуру разговора или нажать себе врага. Могущественного и опасного врага. Повадки медиамагната были не только самоуверенными, но и агрессивными. Было ясно, что этот человек хочет завоевать мир, более того, *завоюет* его. Эйзенхардт вдруг с неожиданной ясностью понял, что означает «инстинкт убийцы», о котором он читал. Стоящий перед ним человек обладал инстинктом убийцы. Даже предупредительная манера, которую он демонстрировал по отношению к Эйзенхардту, казалась хорошо просчитанной; вместе с тем

было ясно: Каун растоптал бы его, если бы это понадобилось или оказалось полезным в достижении его целей.

— Надеюсь, вы будете снисходительны к тому, что я не читал ваших романов, — сказал он с улыбкой, в которой не участвовали его глаза. — К сожалению, я не понимаю по-немецки. Но мне пересказали их содержание.

И, к полной растерянности Эйзенхардта, председатель правления выдал ему в коротком пересказе все его романы, причём лучше, чем он смог бы сделать это сам.

— Нет, мне действительно очень жаль, что я не могу это прочесть, — заключил Каун. — Как только мы завершим наше приключение — успешно, надеюсь, — я предложу издательству выпустить ваши книги на английском. Вы не будете против?

— О, — чуть не задохнулся Эйзенхардт. — Я думаю... это было бы замечательно.

Перед ним открывались заманчивые перспективы! Правда, он смутно понимал, что этот человек, возможно, сказал это просто так, чтобы мотивировать его на полную самоотдачу в том деле, ради которого он сюда приглашён... Что ж, видит Бог, ему это удалось!

— Могу себе представить, — продолжал Каун, — что после звонка моей секретарши вы постоянно спрашивали себя, зачем вы здесь и чего от вас хотят.

Эйзенхардт кивнул:

— Да. Так оно и есть.

— Не буду вас долго томить. То, что до сих пор мне приходилось подвергать вас пытке неизвестностью, имело свои причины, — дело, о котором здесь идёт речь, требует строжайшего соблюдения секретности. Моя секретарша действительно не знала, в чём это дело состоит. — Хищная акулья улыбка слегка тронула его тонкогубый рот.

— Я понимаю.

— Говоря прямо, мне требовался человек с научно-фантастическим мышлением. А поскольку вы один из лучших в своей области, наш выбор пал на вас. Я искренне рад, что вы пошли нам навстречу.

Петер Эйзенхардт скривил лицо в вымученную улыбку. В словах Кауна был явный перебор, который показывал, что он не имел ни малейшего представления о научной фантастике.

— Видите ли, я деловой человек. Купец. Делец по природе. Скажу без хвастовства, я бы никогда не добился того, чего добился, не будь у меня таланта бизнесмена. Но бизнесмен живёт реальностью, избыток фантазии для него может оказаться опасным: он видел бы шансы там, где их нет, а риски оценивал бы выше, чем они есть на самом деле, — короче говоря, бизнесмен — это довольно сухой тип. Вы это видите на моём примере, не так ли? Писатель же, наоборот, — особенно когда он пишет научную фантастику. Обладая он выраженным чувством реальности, он бы вообще даже не начал писать, поскольку шансов опубликоваться у него меньше, чем у снежка — уцелеть в преисподней. По части фантазии он, наоборот, должен быть художником, истинным артистом; в царстве невозможного, абсурдного, противоречащего здравому смыслу он должен чувствовать себя как в собственном доме, он должен не отставать от своей мысли, идущей окольными путями, должен повелевать временем и пространством, нарушать все правила, если потребуется, для него не должно быть ничего невозможного.

Он смотрел на Эйзенхардта пронзительно и настойчиво:

— Вот какой человек мне здесь нужен. Потому что профессор Уилфорд-Смит обнаружил здесь позавчера нечто такое, от чего все мои мозговые извилины начинают завязываться узлом, когда я об этом думаю.

Иешуа совсем расшалился, пока они ехали. Он подпевал песням, звучавшим по радио и представлявшим, на слух Стивена, дикую смесь из американского рок-н-ролла и восточных мелодий, и в который раз утверждал:

— В Иерусалиме можно только молиться. В Хайфе можно только вкалывать. А вот в Тель-Авиве можно *жить*!

Его радостные предвкушения действовали заразительно. Стивен с наслаждением откинулся на спинку сиденья и предался своим впечатлениям. Им овладело вечернее настроение, он смотрел вдаль, где низкий силуэт города вырисовывался на закатном небе, словно вырезанный ножами. Вместе с прочими бесчисленными автомобилями они отчаянно сигналили, пробиваясь к центру, жестикулировали, опустив стекло, когда не удавалось продвинуться

вперёд, протискивались сквозь переулки и узенькие улочки. Стивен смотрел по сторонам, чуть не выворачивая себе шею; смотрел на беспорядочное нагромождение грязно-коричневых домов, какие встречаются только в жарких странах, с плоскими крышами или верхними террасами, на которых развешивалось на верёвках бельё или, символ нового времени, косо грелись в закатных лучах солнечные батареи, похожие на чёрные шезлонги, а над ними разрастались дикие джунгли телевизионных антенн с направленными во все стороны света приёмными диполями. Он видел недостроенные гаражи, заполненные стройматериалами или забитые ржавым металлоломом, тогда как машины стояли рядом, на тощей песчаной земле, между раскошенной обочиной, изувеченными финиковыми пальмами и ограждением из проволоочной сетки, отделяющим соседский участок. С тех пор как он прилетел в Тель-Авив и Иешуа отвёз его в археологический лагерь, Стивен ни разу не был в городе.

— Прощвырнёмся по бульвару Диценгоф, — предложил Иешуа. — А потом отправимся в старый порт; я заказал там столик в одном сказочном рыбном ресторане. Стивен, ты любишь рыбу?

— Я ем всё, — ответил Стивен. — Лишь бы вкусно.

Они нашли парковку и дальше отправились пешком, с каждым шагом всё глубже проникая во владения чувственности и сладострастия, в вибрирующее силовое поле жадного жизнелюбия. Пахло выхлопными газами и цветами апельсинового дерева, диким жасмином и бутенвилем, разросшимся на пустующих участках, колюче пахло бензином, а сильнее всего был солёно-влажный запах моря; по улицам парализующе и пьяняще прокрадывалось жаркое дыхание моря, суля бессонницу и пропотевшую рубашку.

Чем ближе они подходили к центру, тем более кричащей становилась мешанина архитектурных стилей. Низенькие виллы, как будто целиком перенесённые сюда из Вены или Зальцбурга, затмевались кичливыми высотными домами, которые, в свою очередь, были окружены проеденными морской солью экземплярами в несколько этажей в стиле «баухаус». Края улиц окаймляли пальмы или эвкалипты с интенсивным благоуханием — и люди.

Людей было море — насколько хватало глаз. Одетые изысканно или небрежно, они фланировали по бульвару туда и сюда, сидели в уличных кафе и барах, которых здесь было, казалось, тысячи, а то и просто, опершись о капот припаркованных машин, с банками пива в руках беседовали, жестикулировали, флиртовали, читали газеты или просто глазели по сторонам.

Иешуа, Юдифь и Стивен свободно отдались общему движению мимо ярко освещённых витрин, в которых были выставлены американские модели готового платья, а на мерцающих экранах бесновались видеоклипы, слаломом огибая столики, за которыми играли в трик-трак, и Стивен не смог сдержать улыбки, обнаружив сеть ресторанов-закусочных «МакДавид». Они вышли на дорогу к пляжу и пошли по набережной, слушая стаккато деревянных ракеток, которые использовались в очень, по-видимому, популярной игре в мяч, шум волн и неразборчивые, но тревожно звучащие объявления из пляжных громкоговорителей. В одном из кафе они пили капучино и ели арбуз с солёным овечьим сыром и Иешуа рассказывал Юдифи, как они со Стивеном познакомились.

— Вначале это было просто имя под мессиджем на одном юзенет-форуме. Даже не имя, а е-мейл-адрес. Что-то вроде *Стивен-собака-MRT-точка-Мэн-точка-COM*.

— А ты был *Именец-собака-Рокфелл-точка-IL-точка-EDU*, — улыбнулся Стивен.

Юдифь наморщила лоб:

— А что такое «юзенет-форум»?

— О! Приехали! Добро пожаловать в нашу эпоху, милая сестрёнка. Про интернет-то хоть слыхала? Итак, соединяешься со своего компьютера через модем и телефонную линию с целым хаосом из миллионов других компьютеров. И где-то в этом хаосе — и прекрасно, что тебе совершенно не нужно знать, где именно: хаос сам это знает — есть что-то вроде чёрной доски, их таких тысячи, каждая на свою тему. На этой доске можно прочитать сообщения, оставленные твоими коллегами, а при необходимости и своей горчички туда подбавить. А чтобы это красивее звучало, такую чёрную доску называли *юзенет-форум*. Наш форум посвящён археологии. Я написал туда кое-что о рабо-

тах у нас, в Рокфеллеровском институте, а Стивен откликнулся и спросил, правда ли, что нужны вольнонаёмные рабочие на раскопках. Ну что, Стивен, ты теперь не раскаиваешься в этом?

Стивену показалось, что Юдифь особенно пристально следит за его реакцией на этот вопрос. А может, он выдавал желаемое за действительное?

— В чём же мне раскаиваться? Это был поворотный пункт в моей жизни.

Иешуа повернулся к Юдифи.

— Вначале он был лишь именем, парой условных значков на экране. Он был таким же нереальным, как компьютерные игры. Но потом вдруг приходит бумажное письмо, с американской маркой, со штемпелем штата Мэн. Постепенно я начал верить, что он действительно может быть реальной персоной. И однажды он просто позвонил! Это был шок! Условное имя из моего компьютера вдруг говорит со мной, у него настоящий голос, явно американское произношение! Называет мне дату, время, номер авиарейса! Но, честно скажу, *по-настоящему* я поверил в него только, когда он возник передо мной со своим матросским вещмешком.

Стивен улыбнулся. Времени тогда у них было не так много; Иешуа тут же отвёз его в археологический лагерь, а на следующее утро уже уехал.

— Уж эти мне мужчины со своими компьютерами, — только и сказала Юдифь, потом повернулась к человеку за соседним столиком, который развернул свою газету так широко, что её уголок подрагивал у самого её глаза, и произнесла несколько фраз на иврите, которые заставили его поспешно убрать газету.

Потом они опять отправились на бульвар, который всё больше приобретал восточные черты по мере того, как они двигались в сторону юга, пахло кебабом и жареными орехами, их окутывали меланхолические мелодии, доносящиеся из дешёвых транзисторов крошечных тёмных прионов. Когда совсем стемнело и Стивен при виде световой рекламы вспомнил про Лас-Вегас, они наконец добрались до порта.

— Стивен, ты хоть знаешь, что Яффа — самый древний в мире торговый порт? Его построил царь Соломон, это чистая правда!

И добрались до ресторана, который выбрал Иешуа. Им все равно пришлось немного подождать, пока для них подготавливают столик — уберут посуду и застелят чистую скатерть. После этого они наконец смогли сесть и раскрыть меню. Воздух был — хоть ножом режь, а от шума разговоров тесно сидящих посетителей хотелось заткнуть уши.

— Излюбленное место, — сказал Стивен.

— Что? — переспросил Иешуа.

— Я говорю, излюбленное здесь местечко для посетителей, — крикнул Стивен, пробиваясь сквозь гул голосов.

— Да, — кивнул Иешуа, — столик приходится бронировать за четыре дня.

Они сделали заказ у официанта, который проявлял нетерпение и едва мог дождаться, когда они наконец выскажут все свои желания и он сможет уйти. Подлетела молодая женщина и нервным движением поставила перед ними аперитив — три больших бокала шерри. А Юдифь не переставала донимать Стивена насчет его находки: ведь он обещал рассказать всё сегодня вечером. Стивен наконец уступил и начал рассказывать, хотя обстановка была для этого не самая подходящая.

— Ареал четырнадцать был некрополем селения, кладбищем, — говорил он, обращаясь к Иешуа. — Это было известно ещё по спутниковым снимкам. Итак, было изначально ясно, что нам придётся разрывать могилы. Каждый подручный обрабатывал одну могилу, и моя находилась на самом краю, последней в ряду, к тому же она располагалась в своём собственном квадранте. И вот, сижу я в своей могилке один, слушаю, как другие переговариваются и ржут по ту сторону земляного вала, а сам обметаю кисточкой кости, которые обнаружили в земле после того, как мы убрали все камни рухнувшего склепа. Это было позавчера в одиннадцать часов. Когда мир был ещё в порядке.

Брат и сестра нагнулись к Стивену, а он к ним, и со стороны это должно было выглядеть очень забавно — три головы, сдвинутые вместе. Стивен сделал глоток шерри.

— Не повышай напряжение, — торопила его Юдифь.

— Чего повышать, оно и без меня высокое. Когда я от нетерпения начал разгребать землю у плеча покойника просто голыми руками, чтобы ускорить процесс, я вдруг натолкнулся на сопротивление. Боже мой, я же чуть было не повредил этот предмет.

— О, — покачал головой Иешуа с видом знатока. — И какой же это был предмет?

— Плоский мешочек из материала, который я принял за лён. Хорошо сохранившийся, со всех сторон зашитый, и вот такой величины, — он показал размеры пальцами. — Примерно с книгу карманного формата.

— Ну и? — спросила Юдифь.

— Ну, — продолжал Стивен, — мне было интересно, что же в этом мешочке. И я его распорол.

— Ты его распорол!?

— Ага.

— Просто так взял и распорол?

— Просто взял и распорол. Моим швейцарским складным ножом. С одной стороны.

— Уму непостижимо, — в отчаянии простонал Иешуа. — Да это же первый археологический смертный грех!

— Что было в мешочке? — спросила Юдифь.

Стивен взял свой бокал и опрокинул внутрь остатки шерри, затем сложил губы трубочкой, потом снова втянул их, глянул вверх на потолок, потом перевёл взгляд с одного на другую.

— Вы мне не поверите, — сказал он.

6

В репертуаре эллинистско-римских времён весь период этих обеих эпох подтверждается типами сосудов. Горшки для приготовления на огне E-1 и E-2 относятся к 1 в. до н.э. и к 1 в. н.э., причём E-1 — свидетельство конца 1 в. до н.э. (см. LAPP 1961, 190: тип 72.2; TUSHINGHAM 1985, 56; фиг. 22:28, 29; 23:5; 24:7, 17, 18), а E-2, кажется, появился ещё раньше в этом веке.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Они шли к белой палатке, Джон Каун впереди, как хозяин, который ведёт гостей по своим владениям. Он остановился на краю площадки, изрытой в шахматном порядке квадратными ямами, одни из которых были только начаты, другие углублены основательно. Палатка была, как казалось, установлена над одной из таких ям, и на каждом углу стояла охрана — решительного вида молодые люди с висящими на груди чёрными, устрашающего вида автоматами. Охранники насторожённо осматривались, будто в любой момент ждали нападения целой армии.

Эйзенхардт потел. Он удивлялся, как это магнат выдерживает в своём двубортном тёмно-синем пиджаке, с туго завязанным галстуком, закреплённым золотой булавкой. Но всё же и тому досталось на ботинки и на штанины немного местной всепроникающей жёлтой пыли, так что и он, похоже, далеко не сверхъестественное существо.

Профессор, слегка сутулясь, держался позади него. Интересно, сколько ему лет? Наверняка за семьдесят, у него совсем седые волосы. Эйзенхардт попытался представить себе, что заставляет человека в таком возрасте ковыряться в земле чужих стран вместо того, чтобы мирно сидеть дома и разводить розы. Эта роль ему бы очень хорошо подошла. А вместо этого он столько лет живёт в пустыне, которая Эйзенхардту осточертела уже через полчаса.

Каун взялся за полог палатки, откинул его и придержал, чтобы пропустить вперёд Эйзенхардта и Уилфорд-Смита.

— Осторожно, — сказал он, когда писатель входил внутрь, — там спуск.

Свет внутри палатки был приглушённый и мягкий. Зато жаркая духота могла сразить наповал. Эйзенхардт остановился, чтобы сориентироваться. Палатка действительно была установлена точно над квадратной ямой. Сторона квадрата была примерно пять метров. У самых носков его ботинок начинались ступени вниз — с большими, разной высоты ступенями. На одном месте кто-то положил на ступеньку доску и придавил её камнями. Эйзенхардт осторожно спустился на дно ямы глубиной метра в два.

Кто-то, наверное Каун, включил освещение, и вспыхнули лампы, укреплённые по углам палатки. Эйзенхардт

остановился и ещё раз огляделся по сторонам. Сколько времени потребовалось, чтобы вырыть такую яму в одиночку? А ведь вокруг десятки таких ям.

В стенах торчали большие камни, готовые, казалось, обрушиться при малейшем громко произнесённом слове. Дно было плоское, утоптанное и песчаное, а в углу лежало нечто, прикрытое тёмно-синим пластиком.

Великая тайна.

Находка, от которой мозговые извилины завязываются узлом.

В течение долгого мгновения Эйзенхардт испытывал страх — просто оттого, что он в чужой стране, в чужой обстановке, оттого, что могущественный председатель правления могущественного концерна чего-то ждёт от него — Эйзенхардт не знал, чего именно и уж тем более не знал, сможет ли он исполнить ожидаемое. Этот страх водворился в каждой клетке его тела, затрудняя каждый шаг, заставляя оглядываться на стены ямы и находить их угрожающими. Страх. Старый его спутник. Может быть, даже причина того, что он пишет о приключениях вместо того, чтобы эти приключения переживать. О своём детстве он вспоминал как о волнующем времени, полном чудес и открытий. Но однажды он испытал страх и после этого уже не выходил, а сидел дома и начал писать.

Он глубоко вздохнул, следя за выдохом. Когда-то он обнаружил, что страх исчезает в тот короткий момент, когда выдох заканчивается и лёгкие пусты. Иной раз эти секунды были для него окном в мир действительности, в мир, как тот выглядел при отсутствии страха в его глазах, в его нервных окончаниях. И сейчас, в этот момент он почувствовал, что по ту сторону страха снова была детская, волнующая радость, как будто она никуда и не исчезала.

— Идёмте, — сказал Каун, и глаза его многообещающе сверкнули. — Сюда. Откиньте плёнку.

— Прошу вас, осторожно, — спокойно добавил Уилфорд-Смит.

Эйзенхардт взялся за край плёнки и осторожно приподнял её. Под ней лежал скелет.

Но не такой, как в школе в кабинете биологии. Бледные части этого скелета лежали как попало, налезая друг

на друга, как будто мёртвое тело было расплющено громадной тяжестью. Эйзенхардт вспомнил про слои земли, которые пришлось снять в процессе раскопок; возможно, именно это и произошло. Кости казались гладкими и пористыми; сам он не посмел бы прикоснуться к ним. Однако, откинув пластиковую плёнку, он присел на корточки и заворожённо уставился в пустые глазницы удивительно хорошо сохранившегося черепа. Итак, когда-то это был человек.

— Как уже было сказано, — повторил профессор в своей медлительной манере речи, источавшей вежливую неназойливость, — этой могиле ровно две тысячи лет. Селение прекратило существование, насколько мы сегодня можем предположить, самое позднее в девяностом году, к тому времени оно простояло не больше двухсот лет.

— Я понимаю, — кивнул Эйзенхардт и спросил себя, какая же во всём этом может быть тайна. Ну, скелет, ну и что? Чего ещё можно было ожидать, раскапывая кладбище двухтысячелетней давности? Куча голых костей, анатомически соединимых, рядом несколько погребальных предметов наподобие этого льняного плоского мешочка рядом с грудиной...

— Правильно, — кивнул Джон Каун, — приглядитесь к нему внимательней.

Эйзенхардт прищурил глаза. Мешочек был прямоугольный, чуть больше ладони, и был сделан из чего-то вроде мешковины, которая казалась на вид пересохшей и ломкой. Сквозь ткань просвечивало что-то светлое.

Каун встал над ним, выжидательно скрестив руки на груди. Казалось, ему доставляет удовольствие наблюдать, как Эйзенхардт плутает в темноте.

— Откройте мешочек, — потребовал он.

— Открыть? — переспросил Эйзенхардт.

— Да. Он распорот справа.

Одно дело смотреть, но вот взять в руки... В музеях он был приучен к тому, что ничего нельзя трогать руками, особенно если точно знаешь, что предмету тысячи лет или он особенно чувствительный — или и то и другое вместе. Эйзенхардт протянул руку и почти вздрогнул, когда кончики его пальцев, каким-то чудом ставшие сверхчувстви-

тельными, коснулись материала мешочка, его деревянистых, шершавых нитей, которые подались под его прикосновением, раскрошившись в пыль. Но мешочек и в самом деле был вскрыт на правой стороне, и он как мог осторожно приподнял ткань.

Внутри находился другой мешочек из странно гладкого, молочно-белого материала, с виду похожего на перламутр, а на ощупь напоминающего пластик.

— Ну, видели ли вы когда-нибудь нечто подобное? — с любопытством спросил Каун.

Эйзенхардт медленно покачал головой.

— Думаю, нет. Или я должен был видеть?

Каун тихо засмеялся. Что-то в его голосе вибрировало, как будто он больше не мог выдерживать внутреннее напряжение.

— Я всё же думаю, что нечто подобное вам уже приходилось видеть. Впрочем, и этот мешочек вскрыт с правой стороны — загляните внутрь!

Отчего его руки так дрожат? Что всё это значит? Его пальцы скользнули внутрь так осторожно, как будто он сдавал экзамен на звание дипломированного вора-карманника. На ощупь это было похоже на синтетику. В свете потолочных прожекторов, горевших так же горячо и ярко, как солнце, он действительно увидел разрез — справа и сверху, — как будто сделанный ножом. Эйзенхардт взялся за свободный уголок и осторожно приподнял его.

Он услышал, как профессор сделал вдох. Он почувствовал, как информационный король замер. Он не мог бы сказать, что, собственно, он ожидал там увидеть, но только не это. Уж никак не это. То, что он обнаружил, было настолько неожиданно, что его мозгу, казалось, потребовалась целая вечность, чтобы осознать те сигналы, которые ему посылали глаза.

Проще говоря, он не мог поверить тому, что увидел.

Это была инструкция по применению видеокамеры SONY.

Стивен поднял руки извиняющимся жестом.

— Мне очень жаль, но такова правда. Я сидел там, как идиот, уставившись на неё, и ждал, что вот сейчас она

растворится в воздухе, окажется миражом, следствием теплового удара, я не знаю чем ещё. Но эта штука не исчезла. Я держал её в руках, как вот это меню.

— *Инструкция по применению?* — Юдифь уставилась на него, на её лице отражалось только одно: недоверие. — *Для видеокамеры?*

— Для SONY MR-01 CamCorder. А внизу было подписано: «Версия для США». Я не думаю, что эта вещь была тем предметом, который клали в могилы в пятидесятом году от рождения Христа.

Кельнер принёс их заказ. Лицо его блестело от пота, казалось, что за ним кто-то гнался, по крайней мере, он задыхался так, что того и гляди рухнет без сил. Трое раздвинули головы, чтобы он смог поставить им еду, что он и сделал без слов, после чего снова исчез в суете.

— Сперва я подумал, что меня кто-то разыгрывает, — продолжал Стивен, берясь за вилку и нож. Он уже забыл, как называется то, что он заказал, но вид рыбы был привлекательный, и пахла она соблазнительно. — Я сказал себе: вот сейчас ты поднимешь голову, а они выглядывают из-за края ямы, давятся от смеха и только того и ждут, чтоб посмотреть, как у тебя вытянулась рожа. Но потом яглянул вверх — и никого.

Иешуа непонимающе качал головой, в то же самое время снимая с рыбы кожу и отделяя мясо от костей. Он делал это так обстоятельно, как будто работал над археологической находкой.

— И что потом?

— Потом я раздумывал. К тому же очень долго. Думаю, я битый час просидел в своей яме, ничего не делая, только размышляя. Но мне так и не пришло в голову ничего лучше, как поставить в известность профессора. — Стивен взял в рот кусочек и начал жевать. Вкус был так же хорош, как и запах. Действительно находка, этот ресторан. — И его реакция показалась мне заслуживающей внимания.

— Да? — сказал Иешуа.

— Он долго смотрел на находку, не говоря ни слова. Потом он тихо попросил меня пока что никому об этом не рассказывать. «Никому!» — дважды повторил он и настойчиво посмотрел мне в глаза. А после этого отправил меня в подручные к Пьеру. К Пьеру, который говорит только по-

французски. А мои познания во французском не идут дальше *Oui* и *Non* и ещё *Voulez-vous coucher avec moi**.

Юдифь прыснула. В этих пределах французским владела, кажется, и она.

— А ты взял и всё нам рассказал.

Стивен небрежно махнул рукой:

— Ах, такие вещи меня никогда не трогали; он просто плохо меня знает. То есть, он отправил меня в ссылку, распорядился поставить над ямой палатку, пошёл звонить по телефону, а на следующий день на раскопках появляется главный спонсор, совершает форменный набег с целым войском, как Аттила с гуннами, что всё это может значить? Он что, думает, что я перестал ломать над этим голову?

— И что, ты думаешь, это значит? — спросил Иешуа.

— Ясно одно: мёртвый, которому в могилу положили инструкцию по эксплуатации CamCorder'a, ни в коем случае не был евреем начала нашей эры, — вывел Стивен. — Я думаю, его убили совсем недавно и зарыли там.

Иешуа в ужасе распахнул глаза.

— Боже мой! Ты всерьёз так считаешь?

— Я, конечно, не могу быть уверен полностью. Но это могло бы служить объяснением.

Юдифь задумчиво наморщила лоб:

— А для чего убийце понадобилось зарывать вместе с жертвой эту инструкцию?

— Может, это была решающая улика. Вещественное доказательство, которое выдало бы убийцу.

— Но если оно могло его выдать, он бы его просто сжёг. Или зарыл где-нибудь в другом месте. Могила его жертвы как раз худшее место для улики. Представь себе, что её бы там не было — тогда любой принял бы мёртвого за обычную археологическую раскопку.

За спиной Юдифи опять кто-то начал разворачивать газету. На сей раз верхний край еврейского выпуска заделал её затылок, но она пока не замечала этого.

— Ты же только что сказал, что мёртвый лежал в некрополе. — добавил Иешуа. — В одном ряду с другими могилами.

* Да. Нет. Вы не хотите со мной перепихнуться?

— Да.

— Это значит, что убийца ещё несколько лет назад знал об этом поселении, разве не так?

— Точно, — протянул Стивен. — А ведь оно было обнаружено на спутниковом снимке только в этом году. Верно.

— Да. И это странно.

— Если бы я хотела спрятать труп, — мрачно вставила Юдифь и провела рукой по волосам, однако не задела газету буквально на миллиметр, — то необнаруженное место будущего археологического интереса было бы для этой цели самым глупым выбором, разве не так? Я хочу сказать, если бы я кого-нибудь убила, я бы хотела, чтобы его вообще никогда не нашли.

Стивен смотрел мимо неё, на газетную страницу, и что-то на этой странице привлекло его внимание, хотя он не понимал на иврите ни слова. А может, всё дело было в человеке, который пытался читать свою газету в сумеречном освещении ресторана?

— А может, убийца *хотел*, чтобы труп был найден? — рассуждал он вслух. — И хотел, чтобы труп сразу же был идентифицирован как жертва убийства. И вот ещё что: приехал-то Джон Каун со своими людьми, а не криминальная полиция. Что бы это могло означать?

Юдифь снова ошупала на затылке великолепие своих угольно-чёрных локонов, и на сей раз ей удалось поймать краешек газеты. Она в гневе обернулась и накричала на человека, хотя трудно было догадаться, почему она приходит в такую ярость. Стивен улыбнулся, когда, шуплый очкарик с внушительной бородой, испуганно рассыпаясь в извинениях, начал обстоятельно сворачивать свою газету.

И тут он наконец понял, что привлекло его внимание.

— Юдифь!

Она растерянно взглянула на него. Он встал, перегнулся через стол, не замечая, что опрокидывает вазу с цветами, и вцепился в газету.

— Это фото! — воскликнул он, вырвал газету из рук мужчины и положил её перед Юдифью: — Что тут написано? Под снимком?

— Стивен? Что ты делаешь?

Он тыкал указательным пальцем в фотографию:

— Это и есть тот человек, который приехал на такси. Как раз когда мы отъезжали. Что здесь написано?

— Какой ещё человек?

— Просто прочти мне, что здесь написано.

— Стивен, какого мужчину ты имеешь в виду?

— Ты доведёшь меня до бешенства, — прорычал Стивен. — Иешуа, что здесь написано, черт возьми!

Иешуа в недоумении, но послушно склонился над газетным снимком, сделанным, по всей видимости, в самолёте.

— «Петер Эйзенхардт, известный немецкий писатель, в настоящее время находится в поездке по Израилю, чтобы собрать материал для своего очередного романа...»

— Петер Эйзенхардт! — воскликнул Стивен. — Точно! Спасибо.

Он забрал у него газету и вернул её владельцу, который наблюдал всё происходящее, ничего не понимая.

— Когда мы уезжали из лагеря, там стояло такси, которое подъехало незадолго до тебя, — сказал Стивен, обращаясь к Иешуа. — Я ещё спросил тебя, кто этот человек, помнишь?

Иешуа кивнул.

— Я знал, что уже видел это лицо на фотографии, но никак не мог вспомнить, где. Теперь вспомнил.

Один из участников его бразильской экспедиции был немец, у него с собой было два карманных издания романов Петера Эйзенхардта. На задней стороне обложки Стивен видел портрет автора.

— Ну, и что? — недоумевающе спросила Юдифь. — Мне это имя ни о чём не говорит, к сожалению.

Стивен откинулся на спинку стула, и на мгновение ему показалось, что на него обрушился шум ресторана: поток голосов, говорящих на разных языках, звон бокалов, смех и стук ножей и вилок. Безумная мысль пронеслась у него в голове, совершенно безумная мысль...

— В Германии, — медленно сказал Стивен, — это довольно известный автор научно-фантастических романов.

Юдифь посмотрела на него, он выдержал её взгляд. Стивен Фокс любил безумные мысли. Всей жизнью, которую он вёл, он был обязан безумной мысли. Но эта — превосходила всё...

— Может быть, — рассуждала она, — этот Джон Каун хочет экранизировать его роман. И поскольку оба одновременно оказались в Израиле, они условились о встрече...

Стивен отрицательно покачал головой, очень медленно, почти незаметно.

— Каун — производитель новостей. Фильмы его не интересуют. Он ещё никогда не продюсировал фильмы.

— Ну, хорошо, мистер Хитроумец. Значит, не фильм. Тогда скажи сам, что это значит.

— Я не знаю.

— Научная фантастика, говоришь? — ломал голову Иешуа.

Стивен только буркнул что-то в ответ. В его голове кипело. Он посмотрел на свою полупустую тарелку и понял, что больше не может есть. Научная фантастика. Вот именно.

— Нельзя ли сделать так, чтобы мы как можно скорее ушли отсюда? — попросил он слабым голосом.

Они оставляли позади себя улицы, где из одного ресторана доносились джазовые импровизации на пианино, из другого плач электрогитары, сопровождавшей танец живота, и их движение напоминало бегство. Стивен двигался вперёд, сам не зная, куда он идёт. В его мозгу продолжалось кипение.

— Стивен! — окликнула его Юдифь. — С тобой всё в порядке?

Он достал из кармана мобильный телефон и включил его.

— Всё в порядке. Всё прекрасно. Я только хочу позвонить.

— Позвонить?

Он остановился у какой-то массивной стены, которой было не меньше тысячи лет, и стал набирать номер. Тёмная вода портовой лагуны с плеском набегала на мол, в темноте угадывались очертания кораблей, и было тихо.

— Куда ты звонишь? — спросил Иешуа.

— В SONY.

— В SONY?

Стивен остановился.

— Вы что, оба будете повторять всё, что я скажу? Я звоню в фирму SONY, да. Я хочу узнать об этой видеокамере всё, что только возможно.

— В такое время?

— В Японии сейчас как раз, — он взглянул на свои наручные часы, — около одиннадцати часов утра.

— Ты звонишь в *Японию*? — Иешуа явно беспокоился за состояние рассудка Стивена.

— Кажется, это я уже сказал. Да. SONY — это японская фирма.

Юдифь оглядела его с недоверием, словно прикидывая, действительно ли он слетел с катушек или только прикидывается дураком.

— А номер SONY, Япония, ты, конечно, помнишь наизусть?

Стивен поднял вверх свой крошечный чёрный мобильник, словно держал в руках козырную карту.

— Просто есть смысл обслуживаться у хорошего провайдера с настоящим сервисом, пусть за это приходится платить чуть больше. Когда мне нужно связаться с кем-нибудь, чей номер я не знаю, мне достаточно позвонить в круглосуточную диспетчерскую, там есть все телефонные справочники мира. Всё понятно?

Юдифь хотела было что-то сказать, но передумала и только кивнула.

Он снова начал набирать. Ему ответил женский голос, такой свежий и приветливый, как будто было светлое утро. А может, там, где она сидела, как раз и было утро. Он сказал ей, чего хочет:

— SONY, Япония, и там по возможности того, кто говорит по-английски!

После чего она бодро прочирикала: «Минуточку, пожалуйста!» и поставила его на ожидание.

Юдифь переглянулась со своим братом:

— Я сама себе кажусь такой старомодной и отсталой, — пробормотала она.

— Добрый день! — услышал наконец Стивен и постарался говорить медленно и отчётливо. Видимо, персона на другом конце провода была не особенно сильна в английском. — Меня зовут Фокс, я звоню из Израиля. Израиль, да. На Ближнем Востоке. Да. Между Египтом и Сирией... Палестина, совершенно верно.

Иешуа скривился.

— Меня интересует ваш CamCorder MR-01. Я хотел бы знать, где в Израиле найти вашего дилера, у которого я

мог бы взглянуть на эту камеру. — Пауза. — MR-01, да. — Ещё одна пауза, на сей раз более длительная. — Нет, совершенно точно. MR-01. М как в Мадагаскаре, R как в Рио. Тире, ноль, один. Да.

Они увидели, как глаза Стивена расширяются по мере того, как он выслушивает ответ. Когда он снова заговорил, его голос странно изменился:

— Ах. Я понимаю. Ах, вон как. Да. Ничего не поделаешь. Да, большое спасибо. Большое спасибо за справку. Нет-нет, вы мне как раз очень помогли. Большое спасибо.

Пиканье, последовавшее после разъединения, прозвучало жалобно и бессильно. Стивен стоял, смотрел пустыми глазами на телефон, потом глянул в сторону моря, там на берегу какая-то компания организовала маленькое пати. Из переносного магнитофона слышалась музыка, долетавшая сюда обрывками, и тёмные, стройные фигуры танцевали, некоторые из них в воде.

— Ну? — наконец прервала молчание Юдифь.

Стивен изобразил короткую, безрадостную улыбку.

— Научная фантастика, — сказал он, снова посмотрел на свой телефон, выключил его и сунул обратно в карман. — Научная фантастика.

— Ты мог бы выразиться пояснее? Что тебе сказали?

Стивен шумно выдохнул и окинул взглядом чёрную ночную лагуну порта.

— SONY CamCorder MR-01, — сказал он, — ещё только в разработке. Эта камера появится на рынке не раньше, чем через три года.

7

Монета 47: местоположение 98, страт. JE 14/6, Пер. 30; Ф. 83. Вес AE 2,53 г. — Клавдий (AD 51—64), год 14; иудейский прокуратор: Антониус Феликс. — Рекомендация: MES-HORER 232. — Относится ко времени: 54 г. н.э.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

— Ну? — торжествующе спросил владелец второй по величине мировой информационной сети. — Как вам это?

Эйзенхардт тяжело поднялся. Его правая нога затекла, когда он сидел на корточках.

— Трудно сказать, — помедлив, ответил он. — Выглядит как странная шутка.

— А если это не шутка?

— Что же тогда? — писатель разминал себе ногу. — Вы же сказали, что эту находку сделал ваш вольнонаёмный рабочий. Почему вы думаете, что всё так и есть, как он сказал?

Джон Каун бросил на профессора требовательный взгляд:

— Расскажите ему, что вы знаете о датировке.

— Мы можем, — начал тот, — исходить из того, что слой почвы, в котором был найден скелет, не был повреждён. Другими словами, можно исключить, что покойник был погребён здесь позже. Довольно часто случается, что кладбище закладывают на том же месте, где оно располагалось несколько веков назад, особенно в стране, которая населена так давно, как эта. На это необходимо обращать внимание при раскопках, в противном случае можно ошибочно отнести находки к другой эпохе, и есть общепринятые, очень верные знаки, по которым это можно определить. Но в данном случае, как я уже сказал, слой не был повреждён и даёт возможность однозначной датировки — на основании множества монет, керамических обломков, растительной пыли и кусков древесины, которые позволяют относить их к той или иной эпохе по годовым кольцам. Иными словами, твёрдо установлено, что скелет пролежал погребённым две тысячи лет.

— Скелет, — кивнул Эйзенхардт. — Однако ведь дело не в нём, а в этом мешочке.

— Но мешочек лежал непосредственно рядом.

— Когда вы его увидели. Но лежал ли он рядом, когда скелет был раскопан?

— Я могу показать вам под микроскопом волокна материала наружного мешочка. Эти волокна сделаны из растения, которое здесь не разводили последние пятнадцать веков.

— Но, может, разводили где-то в другом месте?

— К тому же ткань безошибочно очень древняя.

— Ну, хорошо. Кто вскрыл мешочек?

— Это сделал мистер Фокс. Молодой человек, который его нашёл.

— Так принято, чтобы рабочие наносили находкам повреждения?

— Нет, конечно же нет. Я уже сделал ему выговор.

— Но ведь легко можно представить, что он подменил содержимое мешочка.

— Можно, да. Но для чего бы ему это понадобилось?

— Чтобы сыграть с вами шутку.

Уилфорд-Смит помотал головой:

— Он не из тех, кто играет с другими шутки.

— Хорошо, — писатель переводил взгляд с одного на другого. — Что именно вы хотите, чтобы я сейчас сделал? У меня такое чувство, что у вас уже готова теория, и она состоит, по-видимому, не в том, что кто-то устроил здесь подлог. Может быть, сперва вы сами скажете мне, что вы обо всём этом думаете?

Каун снова вмешался:

— Мы думаем, что подлога здесь не было. Я предлагаю следующее: мы перечислим вам всё, что считаем несомненным, и затем я скажу вам, какие выводы мы из этого делаем. А вы нам скажете, какие заключения приходят в голову вам.

— Это разумно.

— Во-первых, — начал перечислять Каун, разгибая пальцы правой руки и расхаживая взад и вперёд, — слой, в котором обнаружен скелет, имеет возраст две тысячи лет и при раскопках оказался неповреждённым. Во-вторых, мешочек сшит из материала, который использовался в этих краях две тысячи лет тому назад, а в наши дни не используется нигде. В-третьих, материал второго мешочка — однозначно пластмассовая плёнка; она кажется окрашенной под воздействием ещё не известного нам фактора. В-четвёртых, и бумага, на которой напечатана инструкция по эксплуатации, кажется очень старой, как бы странно это ни звучало. Мы, конечно, предпримем исследование при помощи радиоуглеродного метода, чтобы все материалы — ткани, бумага, кости — были точно датированы, но это потребует времени.

— Впрочем, мы обнаружили, — добавил к этому профессор, — в двух зубах черепа амальгамные пломбы. Амальгама впервые начала применяться для пломбирования зубов в 1847 году во Франции.

— Что, утерянное изобретение?

— Нет. У покойника два профессионально рассверленных и запломбированных зуба, на остальных зубах мы видим последствия ужасного кариеса, а некоторые зубы отсутствуют. Если бы в пятидесятом году от рождества Христова были такие прогрессивные зубные врачи, что бы мешало нашему пациенту снова к ним обратиться?

Эйзенхардт вздохнул, сцепил руки за спиной, сделал несколько шагов, потом вернулся и снова отправился тем же путём, остановился перед могилой и стал смотреть на почти высвобожденные из земли кости. В воздухе стоял запах горячей пыли. Череп блестел в свете ламп, только глазницы отбрасывали внутрь тёмные тени.

— Вы думаете, что это путешественник во времени, не так ли?

На один удар сердца воцарилась тишина, потом он услышал, как Джон Каун засмеялся.

— Вот видите, — крикнул он профессору. — Что я говорил? Для писателя-фантаста это всё детская игра. Там, где мы свернём голову от тщетных усилий, он просто глянет — и готово, он уже знает, в чём тут дело!

Он захлопал в ладоши, как ребёнок, но это выглядело у него скорее угрожающе, чем радостно.

Эйзенхардт почувствовал, как его желудок сводит судорога.

— Итак, это ваша археологическая сенсация, — сказал он, — скелет путешественника во времени.

Каун замер.

— Нет, — сказал он таким тоном, как будто ему только теперь стало ясно, что Эйзенхардт так и не понял главного. — Это ещё не сенсация.

— А что же ещё?

— Подумайте сами, — потребовал человек в тёмно-синем костюме. — Путешественник во времени. С видеокamerой.

Эйзенхардт уставился на него. До него дошло.

— О, Боже мой, — вырвалось у него.

Каун по-волчьи улыбнулся.

— Да... чего же ещё он захотел бы две тысячи лет назад?

Они искали дорогу назад к машине Иешуа и произвольно ускоряли шаг, словно за ними кто-то гнался.

— Забудьте всё, что мы говорили про убийство, — сказал Стивен. — Это никакое не убийство.

— А что же?

— Покойник действительно умер две тысячи лет назад, был погребён, а мы его отрыли.

— А мешочек? С руководством по эксплуатации?

— Тоже.

Что это за город такой, если в половине второго ночи улицы забиты машинами?! Стивен остановился, воззрился на весь этот хаос и потом повернулся к своим спутникам:

— Моя теория звучит совершенно безумно, однако она объясняет всё. Слушайте: в скором будущем некто откроет способ путешествия во времени. Самое раннее через три года, а может, и позже, но в любом случае в то время, когда этот SONY MR-01 будет лучшим CamCorder'ом, какой только можно будет купить за деньги. Этот некто купит его и отправится с ним в прошлое, на две тысячи лет назад. По каким-то причинам ему не удастся вернуться назад в своё время. Он вынужден будет остаться там, жить среди тогдашних людей до самой смерти. Его похоронят, и кто-то вложит в его могилу этот мешочек с запаянной в пластик инструкцией, даже не зная, что это такое вообще. А мы его теперь отрыли — за несколько лет до того, как он отправится в прошлое!

Он смотрел в лица своих друзей, и их нижние челюсти медленно отвисали.

— Но ведь это означает, — сказала наконец Юдифь, — что тот, чей скелет там сейчас лежит, ещё *жив*?

— Правильно.

Иешуа казался предельно ошарашенным.

— Тогда мы должны его разыскать! Предостеречь его!

— И что тогда?

— Чтобы он не отправлялся в это путешествие.

— Но тогда мы его не выроем, — перебила сестра. — А если мы его не выроем, то мы вообще не придём к мысли предостеречь его. А поскольку мы его не предостерегли, он всё-таки отправится в прошлое. И тогда мы его выроем, — она залилась звонким, как колокольчик, смехом. — Наверное, я всё-таки не такая уж и отсталая!

— Это действительно безумная теория! — беспомощно повернулся Иешуа к Стивену. — У меня голова сразу тупеет, как только я начинаю об этом думать.

Они снова пустились в путь. Из нескольких раскрывшихся на улицу дверей хлынул поток людей, и Стивен не сразу понял, что это закончился киносанс. Они пробились между сигналящими, воняющими машинами на другую сторону улицы и свернули по команде Иешуа на более спокойную поперечную улицу.

— Дело не в том, чтобы предостеречь этого человека, — сказал Стивен. — Я могу себе представить, что он даже знает, что не вернётся назад. Может быть, путешествие во времени действует только в одном направлении, и он, возможно, сознательно пошёл на это.

— Но кто же на такое пойдёт? — спросил Иешуа.

— Ах, слушай, почему бы нет? Ради такого-то!

— Ради какого *такого*?

Он остановился и непонимающе посмотрел на них:

— Да вы что? Допустим, я могу отправиться на две тысячи лет назад. Я знаю, что не вернусь, но я могу захватить с собой лучшую видеокамеру, какая только есть. И вы спрашиваете, кого я буду там снимать?

Две физиономии по-прежнему смотрели на Стивена, тупо моргая глазами. Пока до Стивена не дошло.

— Ах, чёрт, — пробормотал он. — Ну, всё понятно. Вы же евреи. Чего с вас взять...

Он глубоко вздохнул:

— Итак, снова да ладум. Подумайте о том, что человек, который отправляется в прошлое, берёт с собой американскую версию инструкции по пользованию. Не японскую, не еврейскую. Возможно, он американец. А для американца, который берёт на себя решение отправиться на две тысячи лет назад и не вернуться, во всём тогдашнем мире

может быть единственный интересующий его мотив — Иисус из Назарета. Иисус Христос.

В продолжение одного удара сердца у него было такое чувство, что он вышел за пределы собственного тела и увидел со стороны самого себя, стоящего на узенькой, тёмной улочке Тель-Авива, и услышал эхо своих слов, отражённое от спящих домов вокруг. Потом это мгновение минуло. Он зажмурился. Что он только что сказал?

— Верно, — сказала Юдифь. — Он жил в то время.

— Да, — поддержал ее Иешуа. — Именно на этом факте основано летоисчисление. — Но тут ему пришло в голову, что иудейская культура ведёт собственный отсчёт исторического времени: сейчас у них 5760 год. Но даже правительство государства Израиль придерживается христианского календаря. Навскидку он не мог припомнить ни одного государства мира, которое не придерживалось бы его. Да, можно было с полным правом сказать, что всё современное летоисчисление основано на рождении Христа.

Стивен почувствовал, как его ладони становятся влажными. Мурашки пробежали у него по спине, волосы на затылке встали дыбом. Брожение в мыслях прекратилось, и воцарилась кристальная ясность, от которой у него даже дыхание перехватило.

— Джон Каун, — продолжал он голосом, который странным образом просел, — выстроил такую же теорию. Поэтому он здесь. Он сказал себе, что где-то должна быть и камера, запакованная и запечатанная, чтобы продержаться две тысячи лет в целости и сохранности, а в камере видеоплёнка.

Он увидел, как Юдифь медленно, понимающе кивнула. Он увидел лицо Иешуа в свете уличного фонаря — оно было бледным. Всё стало ясно. Все элементы пазла сложились в законченную картинку.

— Он хочет заполнить это видео, — сказал он.

Было исследовано строение стенок некоторых сосудов, при этом куски фрагментов сосудов были обломаны и заново обожжены в электрической оксидирующей печи, причём пробы подвергались в течение одного часа самой высокой температуре: 800—900 градусов для железновеково-византийской/франко-арабской керамики и 1000 градусов для средневековой и позднейшей керамики. Благодаря оксидированию обломки приобретали в большинстве своём более светлые тона, и тогда добавки, равно как и глазурь, становились лучше видны. Если обломки разрушались от высокой температуры, это давало возможность судить о температуре первоначального обжига (ср. гл. III.5-1).

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Мобильный дом Джона Кауна можно описать двумя словами: «соответствующий положению». Бульшую его часть занимал роскошный кабинет, стены которого были облицованы тёмным деревом, а пол покрыт серым мягким ковром с ворсом по шиколотку. Пыльные ботинки оставляли на этом ковре грязные следы, вид которых причинял почти физическое страдание. В комнате царствовал громадный письменный стол красного дерева, на котором стояла бронзовая лампа с зелёным абажуром, — Эйзенхардт видел такие только в американских художественных фильмах. Над мощным чёрным кожаным креслом висела картина, написанная маслом и имеющая очень дорогой вид, — наверняка она таковой и являлась. На приставном столике стоял компьютер, на экране которого медленно вращался фирменный логотип «Каун Энтерпрайзес», а рядом толпилась целая батарея телефонов. Эйзенхардт вспомнил об антеннах, которые он заметил на крыше мобильного дома, среди них была большая спутниковая тарелка, которая наверняка тодилась для двустороннего общения через спутники связи. Джон Каун мог находиться как угодно далеко от своей головной штаб-квартиры, но всегда имел возможность держать бразды правления в своих руках.

И что самое приятное: в помещении было прохладно.

— Что вы будете пить? — спросил магнат и открыл холодильник, набитый бутылками, в которых соблазнительно мерцали жидкости всех цветов. — Канадский виски для вас, как всегда, профессор?

— Да, спасибо, — вздохнул Уилфорд-Смит, опускаясь в кресло. Вид у него был утомлённый.

— А вы, мистер Эйзенхардт?

Писатель помедлил. Он редко пил алкоголь, и не столько из-за здоровья или из принципиальных соображений, сколько по той простой причине, что после этого чувствовал себя хуже, чем до того. Алкоголь ухудшал его самочувствие. В лучшем случае его одолевала сонливость.

— А нет ли у вас чего-нибудь безалкогольного? — спросил он.

Каун посмотрел на него взглядом, в котором Эйзенхардт прочитал некоторое неодобрение: как будто он нарушил неписанные правила. Испортил игру. Однако Каун спросил, не изменившись в лице:

— Что именно? Кока-колу? Имбирный эль? Перье?

— Кола была бы то, что нужно.

Каун подал им стаканы, себе намешал какой-то сложный напиток и сел за свой стол. Эйзенхардт невольно ожидал, что председатель правления слегка потянется, расслабит галстук и откинется на спинку кресла, но Каун лишь пригубил свой напиток, подался вперёд и уставился на писателя:

— Что вы думаете обо всём этом? — спросил он.

— Гм, — растерялся Эйзенхардт и стал подыскивать слова. Даже в повседневной жизни это давалось ему не так легко; по-английски же было вдвое сложнее. — Что я могу сказать? У меня такое чувство, что я по ошибке попал в фильм про Индиану Джонса.

По лицу медиа-магната пробежало некое подобие улыбки, однако он ничего не сказал.

— Вполне ли вы уверены, что это не подстроенная фальсификация? — спросил Эйзенхардт. — Вспомните о дневниках Гитлера.

— Это было первое, о чём я подумал. Но есть ещё дневники Йозефа Геббельса, и они подлинные, — Каун бро-

сил взгляд на свои наручные часы — плоские, золотые и, судя по виду, чудовищно дорогие. — Между тем пробы материалов уже должны были поступить в лабораторию в Чикаго, там радиоуглеродным методом определяют их возраст. Если обнаружится, что бумаге две тысячи лет, то не останется никакого другого объяснения, кроме путешествия во времени. Ведь вы со мной согласны, не так ли?

— Да.

— Существует и камера. В этом я уверен. И я также уверен, что она хорошо сохранилась.

Эйзенхардт наконец собрал слова для возражения, которое уже некоторое время вертелось у него в голове.

— А вы не подумали о том, *может* ли вообще видеоплётка, пролежавшая в земле две тысячи лет, сохранить хоть какое-то изображение? Видеосъёмка — это магнитная запись. С течением времени намагничивание рассеивается. Через две тысячи лет, может статься, останется один только фоновый шум.

— Правильно, — кивнул Каун. — Это было первое, что я проверил. Я говорил с учёными из НАСА, которые используют радиосигналы от космических зондов, фотографирующих такие удалённые планеты, как Уран или Нептун. У этих специалистов точно такие же проблемы: им приходится отфильтровывать слабый сигнал из космического шума. И вот, по кристально ясным картинкам, которые они выдают, можно видеть, что с этими проблемами они справляются. Может, понадобится время для обработки на дорогих высокомоощных компьютерах, но то, что снято на эту видеоплётку, можно снова сделать видимым, сколько бы времени ни прошло.

— А, — растерянно протянул Эйзенхардт. Да, это звучало убедительно.

— Разумеется, я ничего не сказал им про путешественника во времени, — добавил Каун. Теперь он действительно откинулся назад, держа свой стакан обеими руками на уровне груди. Жидкость мерцала медовым цветом. — Я представляю себе, что он работал на пару с союзником... — он замолк и сам себя поправил: — Он *будет* работать на пару с союзником. Вот видите? Это то самое, о чём я вам говорил: мозги вывихнешь, думая обо всём этом. Поэтому вы

и нужны мне, мистер Эйзенхардт. Вы уже написали несколько историй о путешествиях во времени; это значит, что вы в своей фантазии уже продумали те проблемы, с которыми мы теперь столкнулись в реальности.

Эйзенхардт, помедлив, кивнул.

— Итак, он будет действовать вместе с кем-то ещё. Они условятся, где будет спрятана видеокамера. После чего один отправится в прошлое, а второй просто пойдёт в условное место и найдёт там съёмку, сделанную другим. Правильно я мыслю?

— Да. Но только если всё удалось, — поправил Эйзенхардт.

Он почувствовал, что очень устал. Скорее надо поспать: завтра утром всё будет выглядеть по-другому. На свежую голову ему придут какие-нибудь новые идеи, которых нет у этого могучего и, кажется, неутомимого босса.

— Всё удастся. Никто не станет отправляться в прошлое, не приняв *здесь* все возможные меры. Камера лежит в условном месте. Вопрос только — где. О чём договорились эти двое? Или, точнее, о чём они договорятся? Войдите в положение путешественника во времени, влезьте в его шкуру, отгадайте его мысли. Вы же писатель — это ваша работа, перевоплощаться в ваших персонажей. Разузайте, о чём он подумает. Найдите мне камеру.

Голос Кауна изменился, пока он говорил, и приобрёл острое, требовательное, металлическое звучание. Эйзенхардт смотрел на этого человека и чувствовал внутри себя нарастающую панику, которая наподобие раскалённой руки поднималась у него из живота и хватала за горло. Подлинный Джон Каун, который всё это время скрывался под маской обходительности, дал о себе знать.

Эйзенхардт бросил нервный взгляд в сторону Уилфорда-Смита, но профессор опустошил свой стаканчик виски и смотрел прямо перед собой глазами, готовыми того и гляди слипнуться.

— Это, э-э, сразу не получится... Долгий перелёт... Но я подумаю над этим.

— У вас есть время. Не много, но есть.

— Мне придётся собрать необходимую информацию, навести справки. Мне нужен доступ в какую-нибудь крупную библиотеку.

Каун кивнул, как будто ничего другого и не ожидал. Он быстро повернулся, лишь усилив пугающее впечатление, что этот человек никогда не устаёт, снял телефонную трубку и набрал двухзначный номер. Коротко сказал:

— Зайдите, пожалуйста, ко мне, — и положил трубку.— Вы получите в своё распоряжение передвижной домик рядом. Там у вас будет оснащённый рабочий кабинет. Во всём прочем...

У входа слышались шаги, дверь открылась, и вошёл мужчина, которого Эйзенхардт ещё не видел. Профессор вскинулся, и по тому, как он смотрел на вошедшего, было ясно, что он тоже видит его впервые.

— Господа, я хочу представить вам мистера Райана. Он шеф моего отдела безопасности и отныне будет заботиться обо всём. Райан, это профессор Уилфорд-Смит, руководитель раскопок, и мистер Эйзенхардт, писатель.

— Очень приятно, — сказал человек глубоким, низким голосом.

Он был высокого роста, не меньше ста девяноста сантиметров, и казался твёрдым, как сталь, и тренированным. Элитный офицер, который носил не форму, а всего лишь скромный комбинезон цвета хаки. Его рукопожатие было холодным, быстрым и деловым. Волосы он стриг так коротко, что об их цвете можно было только гадать, а глаза на его неподвижном лице были такие ясные и голубые, каких Эйзенхардт не видел никогда в жизни. Сколько лет этому Райану? Станным образом он не имел возраста: ему могло быть и двадцать восемь, и пятьдесят восемь лет.

— Райан, — продолжал Каун, глядя на Эйзенхардта, — достанет для вас любую книгу, какая может понадобиться. Он достанет вам вообще всё, что вам будет нужно. Он отвезёт вас в любую библиотеку страны или распорядится отвезти, если вы пожелаете. Всё, что вам придёт в голову и что может ускорить наши поиски, вы получите — только скажите ему.

Эйзенхардт кивнул, несколько озадаченный, и бросил в сторону Райана опасливый взгляд, на который тот ответил неподвижным взором.

— И, мистер Эйзенхардт, я имею в виду именно то, что говорю: *всё, что вам придёт в голову.*

— Да.

— И не ваше дело думать о том, перегружаете вы его заданиями или нет.

— Я понимаю.

— Если же я, — ещё раз начал Каун и посмотрел на писателя темно мерцающими тигриными глазами, — обнаружу, что вы отказались от каких-либо источников информации только потому, что их не оказалось под рукой и вы должны были затребовать их, но не сделали этого, тогда вы узнаете меня с той стороны, которая, обещая, вам не понравится.

Вот оно. Эйзенхардту стало не по себе, он сглотнул, но потом кивнул. Медовый месяц закончился. И на том месте, которое Каун теперь занимал, он оказался вовсе не потому, что хорошо умел завязывать галстук.

— Во всём прочем, — продолжал миллиардер, подавшись вперед, уперев локти в кожаную обивку письменного стола и сомкнув кончики пальцев обеих рук, — мы отныне предпримем все меры безопасности. Это место будет охраняться. И таких неприятных промахов, как, например, с этим Фоксом, который именно сегодня вечером отправился на какую-то там дискотеку, больше допускать не будем.

Профессор выпрямился в кресле, почувствовав себя обязанным встать на сторону своего сотрудника.

— Мистер Каун, я вас уверяю... Стивен Фокс молодой человек, у него есть виды на эту девушку, и совершенно естественно, что ему захотелось с ней куда-то сходить. А человек, который их забрал отсюда, это её брат. Я хорошо его знаю, он работает ассистентом в Рокфеллеровском музее в Иерусалиме.

Каун посмотрел на археолога, как на какое-то омерзительное насекомое:

— У нас могли возникнуть вопросы к нему.

— Спросить его мы сможем и завтра.

— Но мы могли задать их ему ещё сегодня вечером и потерять тем самым меньше времени.

Эйзенхардт наморщил лоб. Что за представления у этого человека? Он хочет решить проблему при помощи простой, насильственной арифметики по принципу: «Леонар-

до да Винчи нужно шесть месяцев, чтобы написать Мону Лизу? Дайте ему двадцать пять помощников, и он управится за неделю!» Так?

— Понимаю, — вздохнул Уилфорд-Смит и снова сел. Кожаное кресло, казалось, целиком поглотило его шуплую фигурку. — Но ведь он свободный человек. Я не могу предписывать ему, чем заниматься или не заниматься вне рабочего времени.

— Вы и не должны, — сказал Каун. — Отныне это будем делать мы.

Учёный угрюмо взглянул на него:

— Что это значит?

— Мы устроим информационную блокаду. Я не хочу, чтобы наше открытие стало известно раньше времени и чтобы разразилась такая «золотая лихорадка», когда каждый, кому не лень, ринется на поиски камеры.

— И каким образом вы хотите это сделать? Большинство моих сотрудников вольнонаёмные...

— Мне это безразлично, — резко произнёс Каун.

Он заставил их вздрогнуть, как будто ударил кулаком по столу, и то, что он не позволил себе такого жеста, подействовало ещё сильнее.

— Вы по-настоящему пока ещё не отдаёте себе отчёта, с чем мы тут имеем дело, — продолжал Каун, переводя взгляд с одного на другого, как будто таким образом мог вдолбить в их тупые головы суть происходящего. — Вы думаете, это просто сенсация. Вы думаете, я потому и гонюсь за ней, что это величайшая сенсация всех времён. Сенсационнейшая находка, когда-либо сделанная археологами. Революция в физике. Что эта видеоплётка *действительно* собой представляет, вы вообще до сих пор не поняли.

Казалось, слова на несколько секунд выжидательно повисли в воздухе, а потом начали всасываться в толстое ковровое покрытие и стены, облицованные красным деревом. Больше никто не дышал. Взгляды впились в губы Кауна. Казалось, он наслаждался этим эффектом.

— Как вы думаете, — спросил он тихо, почти шёпотом, — *что* можно получить от Ватикана за видеозапись, доказывающую воскресение Иисуса Христа?

Он сделал паузу.

— Или, — добавил он затем с улыбкой на тонких губах, — *опровергающую* его?

Фары автомобиля прокалывали ночь, ощупывали серый асфальт дороги, которая вела сквозь темноту и на которой было поразительно активное движение, несмотря на два часа ночи. Говорили они немного, предаваясь каждый своим мыслям, и, если не считать гула мотора, в машине царила тяжёлая тишина.

На сей раз Стивен сидел сзади. Где-то на полпути он подался вперёд, оперся руками на спинки передних сидений и просунул голову между сидящими впереди.

— Иешуа?

— М-м-м?

— Ведь у вас в Рокфеллеровском музее есть разные лаборатории, чтобы исследовать археологические находки.

— Да.

— Ты вроде бы говорил, что вы исследуете и старые бумаги?

— Папирусы. Не бумаги. Да, через нас проходит множество папирусов.

— Понимаю, папирусы. Из тростника.

— Не из тростника. Папирус делали из сердцевины многолетника, который по-латыни называется *cyperus papyrus*. Осока.

— Но ведь это нечто другое, чем бумага.

— Правильно.

Стивен кивнул. Навстречу им прогромыхал тяжёлый грузовик. На краю дороги блеснула на мгновение табличка, на которой кто-то чёрной краской замазал еврейскую и английскую надписи, оставив только арабскую.

— Допустим, профессор захочет исследовать инструкцию. Как ты думаешь, где он сможет сделать это лучше всего?

— У нас.

— У вас? Но ведь вы работаете только с папирусами?

— Работаем. Но мы точно так же можем реставрировать и бумагу. Это даже проще, чем реставрация папирусов. Только до сих пор никто не приходил к нам со старой бумагой.

— Почему?

— Потому что в исторические времена во всём Средиземноморье в качестве писчего материала использовался исключительно папирус.

— Но ты мог бы реставрировать и бумагу?

— Конечно.

— Так обработать истлевшие листки, что их можно будет без опасений перелистывать?

— Запросто.

— Выцветший шрифт снова сделать видимым?

— Без проблем.

— Хорошо, — сказал Стивен. — Это хорошо.

Тут вмешалась Юдифь. Она повернулась на своём сиденье так, что могла видеть Стивена сбоку. Недоверие на её лице скорее угадывалось, чем читалось в слабом свете приборной панели.

— Наверняка тебя интересует не просто работа Иешуа, так?

Стивен уронил голову вперёд, как будто ему вдруг стало тяжело, и пробормотал:

— Да, меня интересует не просто работа Иешуа.

— А что ещё?

— Я кое-что забыл.

— Не понимаю.

— Я кое-что забыл. То есть, забыл рассказать. Иешуа, пожалуйста, смотри хотя бы ты на дорогу!

Машина начала петлять по асфальту, потому что Иешуа, как и его сестра, повернул голову, чтобы недоверчиво взглянуть на Стивена.

— Забыл? — Юдифь не верила ни одному его слову.

Стивен вздохнул:

— Я действительно забыл. Я забыл это сказать, когда показывал профессору мою находку, а потом, когда я рассказывал всю эту историю вам, я опять об этом забыл. Это действительно странно.

— Ну и? Сейчас-то ты вспомнил? Выкладывай!

Стивен переводил взгляд с брата на сестру. Глаза Юдифи блестели в темноте догадливо и желанно, похожие на два глубоких тёмных озера. Иешуа смотрел вперёд на дорогу и казался напряжённым, словно очередная волнующая

история была ему нужна так же, как больному-сердечнику повестка об уплате налогов.

Но уж таково свойство приключений. Приключения и адреналин неразрывно связаны одно с другим. И ведь Иешуа был израильтянином, жителем страны, подвергавшейся постоянной угрозе, и он, пожалуй, был настолько же привычен к стрессу, как нью-йоркский биржевой маклер. Стивен решил не щадить его. Может быть, просто странное освещение было виной тому, что Иешуа казался таким напряжённым.

— В пластиковой упаковке, — начал он, — была не только инструкция по применению.

Юдифь издала придушенный звук:

— Я так и знала.

— Я *правда* забыл об этом сказать, — уверял Стивен. — Просто забыл. Может быть, моё подсознание хотело это утаить, я не знаю.

— Давай я отгадаю, что там было ещё. Карта местности. С крестиком, указывающим, где тайник.

— Нет. Всего лишь несколько сложенных, истлевших листов бумаги.

Иешуа простонал:

— Истлевших!

— Да. Это было первое, что я увидел, когда разрезал мешочек. Не знаю, как я вообще на это пошёл, это было безумие, но я вытянул бумаги пинцетом. И тут на виду оказался этот фирменный логотип SONY... Не знаю, почему, но это каким-то образом стёрло всё остальное. В голове больше не было места, чтобы подумать ещё про другие бумажки.

— И где они теперь, эти другие бумажки? В мусорной корзине?

— Нет, я просто положил их в мой ящик для находок, поверх земли, которую смёл туда перед этим. И ящик до сих пор ещё стоит у меня под кроватью.

— Ну ничего себе, — сказала Юдифь.

— Профессор будет не в восторге, когда ты явишься к нему с этим только теперь, — сказал Иешуа, огорчённо качая головой. — А после того, что ты рассказал об этом Джоне Кауне... Ну, не знаю. Тебе придётся ещё поработать

над этой легендой, отшлифовать её, придать достоверности. Ну, чтобы он не оторвал тебе голову.

Сильный удар сотряс машину и так перегрузил амортизаторы, что раздался стук. *Тца-данг.* Иешуа сбросил газ. Ещё одна яма. *Тца-данг. Тца-данг.*

Стивен медленно вдохнул и выдохнул, пережидая толчки. Он облизнул губы, прежде чем ответить Иешуа.

— А я не собираюсь говорить им об этих бумагах. Ни Кауну, ни профессору.

Тца-данг.

Ему показалось, что сквозь шум мотора он услышал, как кудри на затылке Юдифи потрескивали, вставая дыбом. *Тца-данг.*

— Стивен, ты меня неправильно понял, — с трудом произнёс Иешуа. — Я хотел сказать, что ты забыл про бумаги в первый момент от испуга... Это тебе простят. От шока с каждым могло такое случиться. Это не причина, чтобы и дальше умалчивать. Ведь эти бумаги могли быть записками умершего, может быть, его дневником! А если он на самом деле был путешественником во времени, тогда там, может быть, есть указание на место, где спрятана камера!

Стивен с ухмылкой кивнул:

— Ещё бы.

— Да, но... — Иешуа повернул голову, с ужасом посмотрел на Стивена сбоку. — Ведь ты же препятствуешь...

— Иешуа, прошу тебя! Следи за дорогой! Если ты сейчас завезёшь нас в пропасть, то бумаги действительно попадут в мусор вместо твоей лаборатории.

— Да, да. При чём здесь моя лаборатория?

Юдифь хрюкнула:

— Он хочет исследовать их на свой страх и риск! — нетерпеливо сказала она. — Стивен Фокс, наш отважный искатель приключений, хочет всех опередить.

Иешуа больше не мог удерживать взгляд на дороге.

— Это правда, Стивен?

Машина выписывала кренделя по ухабистому участку дороги. Стивен вздохнул. Слава Богу, никто не ехал на встречу.

— Пораскинь мозгами. Для чего, ты думаешь, Джон Каун примчался сюда? Ради значительной археологичес-

кой находки? Или оттого, что в нём вдруг проснулась страсть к исторической науке? Иешуа, Каун — бизнесмен, и его единственная страсть — это прибыль. Я знаю, ты не будешь следить за такими сообщениями в газетах, а я слежу: собственно, сегодня он должен был находиться в Мельбурне, в Австралии, чтобы вести переговоры о приобретении самого крупного австралийского газетного концерна. Ему пришлось отказаться от этой поездки. А если такой человек, как Джон Каун, отказывается от запланированного дела, это значит, что он учуял где-то большую выгоду.

— Ну и что? Он хочет найти видео и быть первым, кто покажет это по телевизору. Это естественно — что можно против этого возразить?

— Ничего.

— И допустим, что ты найдёшь видео раньше него — *ты-то* что собираешься с ним сделать?

— Да уж найду что, не сомневайся.

Юдифь сухо вставила:

— У меня такое чувство, что ты сам себе хочешь доказать, что ты хитрее всех. Хитрее Джона Кауна, будь он хоть какой миллиардер.

— Ерунда, — ответил Стивен, правда, не очень решительно.

То, что она сказала, имело горький привкус правды. Он сам не вполне сознавал свои мотивы, но они были не так далеки от её догадки.

Но, чёрт возьми, он ведь и правда не лыком шит — и всегда был парень ловкий. И вот сейчас сюда приехал этот Джон Каун, которого деловая пресса уже много лет подряд выставляет абсолютным гением, такой достойной всякого поклонения смесью беспощадного интеллекта и безудержной пробивной способности. Этим человеком не уставали восторгаться газеты всего мира: он был прототипом менеджера XXI века. Когда ещё — если вообще — жизнь предоставит Стивену возможность помериться силами с таким человеком?

Он посмотрел сбоку на Иешуа, который наконец снова нормально вёл машину по дороге, прорезающей скалистые холмы. Как всегда, в такие острые мгновения жизни бывают востребованы руководящие способности. В одиночку

Стивен не справится со своей задачей. Ему нужно завербовать к себе в команду Иешуа. И Юдифь тоже. Не говоря уже о том, что Юдифь он должен заполучить к себе в постель.

— Послушай, — снова начал он, но ему пришлось сперва набрать в лёгкие воздуха, — не надо это усложнять. Давай сперва сами изучим бумаги, а когда узнаем, что в них написано, будем решать, как поступить с ними дальше.

Иешуа покачал головой:

— Не знаю.

— Чего ты не знаешь?

— Мы — это ведь значит я. Ведь ты это хотел сказать. Я должен реставрировать бумаги. Я учился этому, окей, но у меня не такой уж большой опыт. А вдруг я сделаю что-нибудь не так? Что-нибудь испорчу?

— Почему ты должен что-нибудь сделать не так?

— По закону подлости. Всегда что-нибудь получается наперекосьяк.

Стивен помедлил. Теперь у него оставался единственный козырь, и он должен разыграть его эффективно, насколько это возможно.

— Но одно вам, надеюсь, понятно, — начал он, переводя взгляд с одного на другую. — Если мы упустим эти бумаги из рук, мы выпадем из игры. И тогда мы больше ничего не получим, никто нас ни о чём не спросит, никто нам ничего не скажет. Короче говоря, тогда всё.

Юдифь расширила глаза. Иешуа с шумом выдохнул воздух, что прозвучало почти как присвист. Стивен заполучил их, обоих.

— Ну? — спросил он, пожимая плечами. — Разве мы хотим этого?

Лагерь лежал во тьме и тишине у подножия гор, как всегда.

Только у палатки охранников, которых привёз с собой Каун, висело несколько тусклых ламп, в свете которых мячило неясное движение.

— Итак, завтра вечером, — повторил Стивен, выходя из машины.

— Завтра вечером начинается шаббат, — сказал Иешуа, вид у которого всё ещё был унылый.

— Только не будь таким ханжой, ладно? — Стивен захлопнул дверцу и встал рядом с Юдифью. Вместе они смотрели, как машина её брата бесшумно катится прочь. Самый громкий звук производили шины, скрипя на камешках. Этот звук эхом отдавался в горах, а может, им это только казалось.

Потом машина превратилась в далёкую точку света. Над ними простирался купол неба, полный звёзд, блистающих, как сундук с драгоценностями царицы. Они медленно двинулись в сторону палаток. Стивен обнял её за плечи, и она не стряхнула его руку, а, казалось, даже приникла к нему. Её волосы пахли пустыней и востоком, таинственными специями из узких закоулочков базара. Он ощущал игру её мускулов под кожей, когда они наугад искали в темноте дорогу, что облегчило его руке путь вниз, и она соскользнула на талию. У неё были крепкие, тренированные мускулы, и он не мог отделаться от чувства, что держит в руках тигрицу. Такая может и растерзать во время секса.

— Стоять! — окликнул их металлический голос.

Они удивлённо остановились. Из темноты выступил мужчина, которого они ещё ни разу не видели. Он был высокий и стройный, на нём был комбинезон цвета хаки без опознавательных знаков и без таблички с именем, волосы у него были коротко острижены, а глаза поразительно голубые — и глядели на обоих так, как будто на самом деле они были лишь блендами, прикрывающими встроенный внутрь его тела рентгеновский аппарат. В руках у него был большой фонарь, который он включил, чтобы посветить им в лицо.

— Кто вы такие?

Стивен сердито жмурился от света:

— Встречный вопрос: а вы кто такой?

Голубые глаза сузились в щёлки:

— Для такого рода шуток уже поздно, мой юный друг. Скажите мне ваши имена и что вам здесь нужно.

— Стивен Фокс и Юдифь Менец. Мы работаем на раскопках. И нам нужно попасть в свои палатки, потому что, как вы правильно заметили, время уже позднее.

— Вы можете предъявить документы?

— Могу ли я?.. Нет, не могу.

У Юдифи был с собой паспорт, и она рывком достала его. Человек с голубыми глазами внимательно изучил его и сравнил с именем в списке, который он извлёк из одного из многочисленных карманов своего комбинезона. Кивнув, он вернул ей документ.

— Хорошо, — язвительно сказал Стивен, — а что будет со мной? Вы меня арестуете? Или сразу расстреляете?

— Не надо так волноваться.

Мужчина повернулся к палатке, натянутой над местом находки, и, махнув рукой, подозвал одного из охранников. Тут же одна из тлеющих сигарет погасла, и к ним из темноты подошёл человек с автоматом на плече.

— Проблемы, сэр?

Мужчина с голубыми глазами указал на Стивена:

— Ты знаешь этого молодого человека?

Охранник кивнул:

— Да, сэр. Это один из наших археологов-раскопщиков.

— Ты знаешь, как его зовут?

— Фокс, насколько мне известно, сэр.

— Окей. Спасибо.

Охранник кивнул, коротко и молодцевато, и исчез из круга света карманного фонаря. Мужчина в комбинезоне ещё раз оглядел Стивена с головы до ног, потом милостиво кивнул и пропустил его:

— Можете пройти.

— О, премного благодарен! — раздражённо прорычал Стивен.

Романтическое настроение улетучилось бесследно. Дальше они шагали к палаткам на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Тяжёлое молчание покрыло их плотным покровом.

— Того и гляди, они и выход из лагеря запретят, — сказал через некоторое время Стивен.

— М-м, — неопределённо промычала Юдифь.

Опять ничего не получится. Этот эпизод всё испортил. Стивен испытывал бессильную ярость к охраннику, который в своём комбинезоне цвета хаки излучал то физическое превосходство, с которым не справиться никакому изощрённому хитроумию. Не имеет смысла призывать его завтра утром к ответу. В лучшем случае уйдёшь от него с разбитым носом, больше ничего.

Они дошли до палаток, остановились. Стивен встал перед ней, ещё раз обнял, не надеясь этим что-нибудь поправить. Он не мог отделаться от чувства поражения, как ни уговаривал себя, что от него ничего не зависело.

Она посмотрела ему в глаза. Он отозвался на её взгляд, замороженный её тёмными, как туннель, зрачками, расширенными в темноте и, казалось, впускающими его взгляд вглубь неведомой страны.

Может быть, пронеслось в его мыслях, внезапный натиск мог бы спасти это гиблое дело? Однажды ему уже удалось набросать этим способом самый быстрый эскиз в своей жизни. Его пригласили тогда на большую вечеринку, и не прошло и тридцати секунд после того как он вошёл в дверь, как ему подвернулась потрясающая женщина, которой он в порыве внезапной смелости вместо приветствия нагло заявил: «Хотите переспать со мной?» Она удивлённо смерила его взглядом и, не раздумывая, сказала: да. Следующие шестьдесят секунд ушли у них на то, чтобы выйти за дверь, в которую они только что вошли, и лишь на следующее утро он удосужился спросить, как её зовут.

Волокнистые облака проползали перед узким серпом месяца.

— Было время, — внезапно сказала Юдифь, — когда я не откладывая ложилась в постель с каждым мужчиной, который мне нравился. Но это мне ничего не дало. Это был недостаточный повод.

Стивен вздохнул:

— Что, значит, мы слишком поздно встретились?

Она, казалось, не слышала его.

— Я ишу такие отношения, которые бы что-то значили. Которые были бы *на самом деле*. Понимаешь?

— Конечно. А что, если ты продолжишь свои поиски завтра?

Юдифь рассеянно улыбнулась, нежно коснулась губами его губ и высвободилась из его рук. Он смотрел, как она удаляется к своей палатке, которая стояла предпоследней в ряду других таких же, и ждал, что она оглянется, помашет ему рукой, подзовет к себе или что-нибудь в этом роде. Но она не оглядывалась, а гордо шагала, желан-

ная, по освещённой лунной каменистой земле, пока не скрылась в палатке.

Стивен ощущал на губах сандаловый привкус её поцелуя, и его мозг бешено вертелся, как раскрученная паровая турбина. Может быть, она только и ждёт, чтобы он пошёл за ней, — нашёптывал ему чёртик. Только и ждёт, чтобы он показал, что находится на пороге безумия от любви. Может быть, может быть...

Но тут он сообразил, что она живёт в палатке не одна, а с другой раскопщицей, серьёзно вида скандинавкой лет сорока. Вот идиотизм.

Он отправился в свою палатку, разделся и юркнул в постель. И только тут понял, как смертельно устал. Совсем не в той форме, какая требуется для сексуальной премьеры. Тем более, что завтра рано вставать. Если быть точным, то уже через пару часов.

Но перед тем, как заснуть, Стивен что-то вспомнил. Правильно, это было *что-то*. Он снова вскочил, схватил карманный фонарь и осветил себе под кровать.

Серый, плоский жестяной ящик был на месте.

9

Между тем, считается общеизвестным, что в Иерусалиме и его окрестностях во времена царя Ирода было сильно развито ремесло вытачивания сосудов из камня. Их изготавливали из известняка, который ломали в местности восточнее Иерусалима, при этом, судя по всему, применялось два способа: либо вытачивали на токарном станке из заготовок приблизительно цилиндрической формы, либо выдалбливали и обрабатывали резцом вручную.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Петер Эйзенхардт резко проснулся и перевернулся на другой бок с тревожным чувством, что он не дома, а в незнакомом месте, в чужой постели, в *не той* постели, увидел мерцающие красные электронные цифры, показывающие 05:08, и вспомнил, где он. Правильно. Он в Изра-

иле, в пустыне, в доме на колесах. Рядом, в похожем мобильном доме спит мультимиллионер, который ждет от него разгадки одной мудрёной головоломки. А у него нет ни малейшего представления, с какого бока за эту задачу браться.

Писатель встал. По опыту он знал, что можно даже не пытаться снова заснуть. В чужом месте и чужой постели он всегда просыпался в первую ночь в пять часов и больше не мог заснуть; это была его личная заморочка, она сопровождала его ещё с незапамятных времён. Ещё ребёнком, когда он гостил у тёти или у бабушки, он просыпался утром в пять часов и потом потихоньку слонялся по чужой квартире, смотрел на беззвучное движение рыбок в аквариуме, выглядывал из окна на улицу, наблюдал, как она пробуждается, иногда ещё в свете фонарей, которые ждали рассвета.

Кроме того, эта постель была сущим издевательством. Вид у неё был люксовый, да и цена наверняка люксовая, но кровать оказалась ужасно мягкой: ложишься в неё — и кажется, что тонешь в горе ваты, в глубокой яме, которая будто нарочно задумана для того, чтобы напрягать мышцы спины и деформировать позвоночник. Соответственно он и чувствовал себя теперь разбитым.

Было уже светло. Эйзенхардт раздвинул шторы на окне, чтобы выглянуть в щёлочку. Снаружи было ещё мёртво. Виднелись камни, палатки в ясном свете только что взошедшего солнца, и охранники, внимательно поглядывающие по сторонам, у белой палатки, натянутой над местом зловещей находки.

Он встал, накинул халат, влез в шлёпанцы и направился туда, где было что-то вроде кухни: всё холодное, белое, рациональное; приблизительно такой же уют, как в операционной. Какой-то тёмный аппарат рядом с раковиной — единственный не белый и не хромированный предмет в этом помещении, — скорее всего, кофейный автомат. За дверцей шкафа он нашёл кофейные чашки — каждая сидела в отдельном гнезде, чтобы не выпасть во время движения. Он поставил чашку под выпускной носик, нажал на авось большую плоскую кнопку на передней стенке прибора, и тут же загорелась красная лампочка, словно

глаз разбуженного дракона, а внутри аппарата что-то загудело и забулькало. И по кухне распространился аромат кофе.

С чашкой благодатного напитка в руках он стал совершать обход своего жилья. Тут была комната для переговоров. Для неё отводилась половина длины домика, и здесь было достаточно места для длинного белого стола, за которым могли поместиться человек десять. Столько же стульев без тесноты располагалось вокруг стола. Он увидел флипчат, на торце стола стоял в закрытом виде проектор для увеличенного показа документов, а большой кинопроектор в конце помещения заставил Эйзенхардта задуматься, для каких целей изначально предназначался этот передвижной дом, который Каун наверняка арендовал здесь, в Израиле, — видимо, для натурных киносъёмок? Наверное, здесь должна была заседать съёмочная группа, просматривая отснятый за день материал? А режиссёр или продюсер, наверное, спал в его кровати? Сколько же тогда режиссёров в Израиле страдает повреждением межпозвоночных хрящей!

На противоположном от кинопроектора торце комнаты были раздвижные дверцы. Писатель с любопытством заглянул внутрь шкафа. Там оказался телефон и множество книг — исторические справочники, все на английском. Ну-ну. Задумано хорошо. Только без словаря ему от них мало проку.

Он снова повернулся к флип-чату. В него был заряжен новый, толстый блок самой лучшей бумаги. Рядом наготове лежали фломастеры. По привычке всё пробовать он сделал несколько разноцветных штрихов на уголке листа.

Дома он тоже часто использовал большие листы бумаги, когда прорабатывал конструкцию нового романа, потому что было удобно записывать всё, что приходит в голову, разветвляя заметки по всем направлениям. Но подставку для этой бумаги он так и не удосужился купить. Обычно он прикреплял лист на дверь или на оконное стекло, а потом стоя перед ним с фломастером покрывал сложной сетью заметок, стрелочек, идей, эскизов и находок. Особенно зимой было так неудобно делать это на окне: бумага на стекле промерзала, холод проникал в пальцы, до боли студил косточки — и мысли застывали в голове.

Он подвинул один из стульев — массивного вида пружинящую конструкцию из хромированных стальных трубок и чёрной кожи, — уселся на него и воззрился на пустую бумагу. Он всегда так поступал. Смотрел на чистый лист и ждал, что будет. Ждал, что пустота бумаги распространится по всей его голове, и в ней возникнут новые, свежие, неожиданные мысли, потому что для них наконец-то появилось достаточно места.

Удивительно, как здесь прохладно. Он чуть ли не мёрз в своей тонкой пижаме, несмотря на халат и на горячий кофе.

Для чего я здесь? И в то же мгновение, как он задал себе этот вопрос, он понял, что этот вопрос всё время был здесь, не заданный, но от этого не менее ощутимый, затеняющий собой всё, что он делал. Чувство, что он нужный человек на нужном месте, никак не хотело водворяться в нём, как ни старался ему внушить это динамичный мультимиллионер и как сам он ни силился убедить себя в этом, расхаживая по люксовому мобильному домику — люксовому хотя бы по сравнению с палатками, какими приходилось довольствоваться участникам раскопок. Почему именно он оказался здесь из всех тех людей, которых мог пригласить сюда такой человек, как Джон Каун? Почему он, незначительный писатель, — а, например, не целая команда учёных, историков, геологов, археологов, физиков, не толпа нобелиатов?

Всё только из-за необходимости сохранять тайну? Но это не может быть причиной. Целое стадо учёных вполне можно было обнести забором строжайшей секретности; проект создания атомной бомбы у американцев в конце Второй мировой войны доказал это. А может, все они ещё нагрянут сюда? Открытие этой ископаемой инструкции произошло всего два дня назад. Заполучить сюда высокопробного учёного не так легко и просто.

Петер Эйзенхардт вдруг почувствовал в голове, в своих мыслях характерный *клик*, хорошо знакомый ему по тем моментам, когда вещи вдруг отделялись от своих привычных, изначальных мест и располагались в новом, неожиданном порядке, по большей части более связном и совершенном.

Ведь Джон Каун вообще не ожидает от него, что он один ответит на все вопросы! Всё, что от него требуется — это сделать хорошее предположение, подсказать ход поисков. А ведь подсказкой может быть и список учёных, которых неплохо будет привлечь к решению этой щекотливой проблемы.

Тёплое, благодатное ощущение растеклось по его внутренностям. Это не от кофе, по крайней мере, не только от кофе. Это происходило оттого, что этот изменившийся взгляд на вещи был *верным*. А прежде всего оттого, что он почувствовал себя на своём месте. Может быть, он всё-таки именно тот человек, который и нужен Кауну. И как бы невероятно это ни звучало, Джон Каун понял это раньше него самого. Эйзенхард даже вспомнил, что вроде бы видел однажды по телевизору передачу про Кауна, и в той передаче речь шла о том, что у Кауна есть особенный талант подбирать сотрудников сообразно задаче и оптимально раскрывать их возможности.

— Кто я такой, чтобы спорить с телевидением? — пробормотал Эйзенхард и ощутил на губах вкус сарказма.

Да, он был нужный человек на нужном месте. Он стоял у начала. Его задача состояла в том, чтобы продумать эту чрезвычайно причудливую проблему по всем направлениям и выяснить, с какого края за неё лучше всего взяться. А этого никто не сделает лучше него. Ведь именно это он и делал всегда, прорабатывая концепцию нового романа. Единственное различие состояло в том, что он и проблеме, к которой пристраивал своих персонажей, создавал сам, но после этого всё закручивалось вокруг её решения.

Интересная мысль. Может быть, из неё даже можно сконструировать новую теорию создания романов. Но он бы поостерегся делать нечто подобное: ещё во время учёбы он обнаружил, что ничто так не подавляет творчество, как литературоведение во всех его формах.

Он снова воззрился на пустой лист. На коротенькие чёрточки в правом верхнем углу. Красная, чёрная, синяя, зелёная. Чёрная получилась кривоватой. Красная коротковатой. Невероятно, какое множество узоров можно обнаружить в четырёх цветных чёрточках, нанесённых рядом, если достаточно долго всматриваться в них!

Он снова со вздохом встал, отправился назад в кухню и выжал из автомата вторую чашку кофе. Подмешивая сахар и молоко, он растерянно осознал, что просто не в состоянии поверить в то, что путешествие во времени может осуществиться.

Это было странно. Он написал два романа, действие которых было основано на путешествиях во времени, и множество коротких рассказов, в которых герои отправлялись то в прошлое, то в будущее, то в параллельное время или оказывались в обратном потоке времени, — да он просто *обязан* был верить в возможность такого путешествия.

Однако ж он не верил. Вся его природа глубоко противилась этому. В рассказах — да, это было совсем другое дело. В рассказах и романах он мог совершать убийства, соблазнять красоток, выведывать государственные тайны и при этом храбро вступать в единоборство с целыми легионами противников, по большей части с победным результатом. В действительности он не смел и мухи обидеть, хотя эти мухи летом были в его квартире сущим мучением; тем не менее, он всегда старался выдворить их за окно живыми и невредимыми. В действительности он был верен своей жене и рад, что она выбрала когда-то его, а с другими женщинами он совершенно не умел обращаться. А самое смелое единоборство, сколько он себя помнил, состоялось у него, когда он дрожащими руками протягивал женщине-полицейской только что выставленную ею квитанцию о штрафе и доказывал, что часы в парковочном автомате дефектные. И в ответ на её дурацкое возражение, что, мол, нечего парковаться у испорченного автомата, он так разошёлся, так запальчиво себя повёл, что она в конце концов взяла эту квитанцию и порвала её.

Путешествие во времени. Что за глупости. Он взял чашку с кофе и отправился назад в конференц-зал, взял чёрный фломастер и размашисто написал в середине листа:

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Потом обвёл эти слова кружочком, протянул от круга стрелку вправо вверх и написал у её острия: *возможно?*

Протянул от этого слова дальше ещё одну стрелку — и: *спросить у Доминика!* Как у всех научных фантастов, у него были научные консультанты — друзья, действительно сведущие в областях, которые были важны в его сюжетах. И Доминик был среди них непревзойдённый гений, всезнающий источник, способный дать обстоятельный ответ на любой вопрос, а в экстремальных случаях подсказать, кто в этой области достаточно осведомлён. Если существует научное доказательство невозможности путешествий во времени, то Доминик наверняка знает его. Он любит все те области науки, которые недоступны нормальному здоровому рассудку — квантовую физику, теорию относительности и всё такое.

Ещё одна стрелка протянулась на сей раз от центрального круга направо вниз: *другие объяснения?*

После этого он долго стоял неподвижно, грызя кончик фломастера. Он совершенно забыл, что снаружи ведутся раскопки, что вчера вечером он сам спускался в вырытую в земле яму и в этой яме видел древнюю льняную торбочку, а внутри неё такого же ископаемого вида пластиковый пакет. Эта действительность исчезла, стала совершенно несущественной, оказалась вытесненной абстрактными констелляциями, драматическими элементами, историческими блоками — и всё это кружилось в диком танце, складываясь во всё новые ходы и комбинации.

Есть целая категория детективных сюжетов, в которых разыгрывается одна и та же тема: кто-то убит в закрытом помещении, из которого никто не может сбежать. И в каждой из таких историй есть своё изощрённое объяснение тому, как произошло убийство, а убийца сумел ускользнуть. Причём прелесть рассказа составляет именно изощренность этого объяснения, его рафинированность. Примерно в таких категориях размышлял теперь Петер Эйзенхардт.

Если рассматривать всё под таким углом зрения, то эта история о двухтысячелетней видеокамере — дырявая, как дуршлаг. Единственный, кто якобы однозначно видел неповреждённым место находки, датируемое началом христианского летоисчисления, так это молодой человек, с которым Эйзенхардт ещё не познакомился. Ну, ещё про-

фессор. У Кауна же нет никаких доказательств, что датировка правильная. Поэтому он отправил пробы в американскую лабораторию, чтобы там установили их возраст радиоуглеродным методом, который считается абсолютно неподкупным и достоверным.

Но допустим, что кто-то нашёл способ перехитрить радиоуглеродный метод. Эйзенхард рисовал свои стрелки, кренделя и вопросительные знаки и писал: *Фальсификация? C-14?*

Как можно осуществить такую фальсификацию? Эйзенхард попытался вызвать в своих воспоминаниях всё, что знал о радиоуглеродном методе. Когда-то он выяснял это для одного своего романа, но то было давно. Итак, как это происходит? Живой организм — к примеру, растение, из волокон которого была произведена бумага для инструкции по применению, — пребывает в состоянии перманентного обмена веществ с окружающей средой. Среди прочего он постоянно забирает углерод и отдаёт его в другой форме. Решающий момент заключается в том, что определённая часть углерода состоит не из нормальных атомов C-12, а из атомов C-14, которые обладают слабой радиоактивностью. Поэтому радиоуглеродный метод иногда называют анализом C-14.

И что дальше? Дома он заглянул бы в свои старые записи. Но, кажется, он и без записей вспомнил, что дальше. Организм умирает. Начиная с этого момента в нём больше не откладывается углерод. Атомы углерода-14, которые уже содержатся в мёртвой ткани, медленно, но равномерно распадаются. Их доля в общем содержании углерода с течением времени из-за этого уменьшается — независимо от того, закаменел ли мёртвый организм, был ли погребён, мумифицирован или с ним обошлись как-то иначе. Радиоактивный распад происходит независимо ни от чего — поэтому из соотношения обоих видов углерода можно точно установить возраст мёртвого организма.

Эйзенхард потёр себе виски. Он должен ещё раз перепроверить это, но если всё окажется именно так, что составляющая углерода-14 с течением времени убывает, в любом случае нет смысла бомбардировать находку радиоактивными лучами. В крайнем случае можно добиться только

того, чтобы датировать её более поздним временем, чем она есть в действительности. Но это не имеет в данном случае смысла. Наоборот. Вот если бы был способ, который помог бы *ускорению* радиоактивного распада! Но такого способа нет. И если бы кто-то изобрёл такой метод, его можно было бы использовать для уничтожения радиоактивных отходов и заработать на этом чёртову кучу денег вместо того, чтобы фальсифицировать сомнительные археологические предметы и доказательства.

И всё же. Эйзенхардт продолжал стоять и грызть кончик чёрного фломастера, как будто потерял всякую надежду на нормальный завтрак, и всё смотрел на большой лист бумаги с начертанными на нём вопросительными знаками. И всё же. Неужто кто-то проводит здесь крупный обманный манёвр, и он, Петер Эйзенхардт по каким-то невообразимым причинам является частью этого манёвра?

Эта идея заставила его сердце биться учащённо. Обычно это было приятное ощущение, ведь оно означало, что он учуял захватывающую тему, нечто такое, что в состоянии привести его кровь в волнение, а творческий поток — в движение. Но сейчас — и тут он снова осознал своё положение и поблекшая было реальность вернулась на место: мобильный дом, лагерь, чьи-то шаги по каменистой земле снаружи, первый звон посуды из палатки-кухни — это был не роман. Эйзенхардт почувствовал себя одиноким, заброшенным и незащищённым. Ведь он был всего лишь слабый, неуклюжий писатель, а не Джеймс Бонд и даже не Шерлок Холмс.

Если всё это обманный манёвр, кто за всем этим стоит? Каун? Молодой человек, который якобы нашёл льняную сумку? И если это он, то для чего ему это надо?

Его мысли словно сами по себе, независимо от его воли соскользнули в русло детективного мышления. Каковы три условия, которые должны быть выполнены, чтобы сделать поступок правдоподобным? Возможность, подходящий случай — и мотив.

Мотив. Вот оно.

Эйзенхардт невидяще смотрел перед собой. Потом он отложил чёрный фломастер, отделил верхний лист бума-

ги, разорвал его на мелкие кусочки и выбросил в мусорное ведро на кухне.

Он должен выяснить, какой репутацией пользуется профессор Уилфорд-Смит в научных кругах — потеряет ли он на этом случае славу или наоборот приобретёт. И Эйзенхардт уже знал, кого он об этом спросит.

10

На северной стороне яма (512) прорезала один серый слой (513) и каменную стену (п), а на южной стороне — наложение из четырёх видов (514)-(517), из которых второй сверху представляет собой белый слой (515) строительного раствора толщиной около 0,07 м, а самый нижний (517) образует частично наполнение очередной могилы (518).

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Каун проснулся и почувствовал себя очень плохо, бесконечно тяжело, скорее не как человеческое существо, а как мешок, набитый вонючим торфом. Так было каждое утро. Он уже страшился этих утр, начиная с вечера. При каждом пробуждении он чувствовал себя ещё тяжелее, ещё инертнее, ещё отвратительнее, чем накануне. Однажды утром он проснётся и вообще больше не сможет шевельнуться.

Конечно, это было последствием употребления таблеток, которые он глотал каждый день. Как он отшучивался от своего врача? «Это даже хорошо — иметь большую инертную массу. Если разгонишься, уже ничто не остановит. В этом секрет моего успеха!» Конечно, добрый доктор Лёйвен мог только через силу улыбаться. Наверное, он был слишком хороший врач, чтобы рассматривать такие эскапады своих подопечных лишь в финансовом аспекте. О его профессиональных талантах Каун не мог судить. Для него важно было, что Лёйвен прописывает ему всё, что ему нужно, и держит язык за зубами. Главным образом, второе.

О Боже мой. Итак, всё сначала. Ему удалось привести в движение руку, дотянуться до ночного столика — там лежит коробочка. Маленькая серебряная коробочка, инкрус-

тированная перламутром. Такие ювелирные предметы и должны окружать человека в его положении, даже если внутри них — дешёвые таблетки.

Он с трудом удержался от соблазна взять больше трёх, которые разрешал ему доктор Лёйвен, проглотил их, не запивая, и подождал, когда начнётся их благословенное действие. Приведёт его в движение. Ведь его слова насчёт инертной массы были только наполовину шуткой. Он действительно верил в кинетическую энергию. В этом состоял секрет лидерства: ты должен быть быстрее, чем другие, быстрее, а главное — непоколебимее. Нужно обладать кинетической энергией, чтобы задавить всё и всех, если потребуется, и нужно, чтобы было видно, что он в любой момент может это сделать. Только сила внушает уважение. Успешное руководство людьми, одним словом, было исключительно вопросом веса.

Он почувствовал, что таблетки начали действовать. Тёплое ощущение распространялось по всему телу, изгоняя из него тяжесть, делая все части организма подвижными и лёгкими, убирая пелену с глаз и растворяя душное давление в голове. Фантастические таблетки. Что мог доктор Лёйвен против этого возразить?

Когда он наконец смог сесть на край кровати, то заметил, что хорошее самочувствие было мимолётным, обманчивым впечатлением. Потребуется ещё немалое время, прежде чем он действительно войдёт в форму. Хорошо, что он один. Сейчас его жена обрушила бы на него целый поток упрёков и презрительных замечаний, провизжала бы ему все уши, довела бы его до кипения, до той точки, когда кажется, что голова сейчас лопнет и он либо убьёт её, либо уйдёт. По большей части он уходил, и в последнее время всё отчётливее понимал, как это приятно — разъезжать по миру без неё. Единственное, что его по-настоящему злило, так это то, что он сам во всём виноват. Когда он женился на ней, его заботило только одно: как она выглядит на фото с ним рядом, принадлежит ли она к категории «женщина победителя» и соответствует ли она «положению»...

Какие стандартные клише! Какое дерьмо собачье! Всякий раз, когда он возвращался на гигантскую виллу, ко-

тору ю они купили — на Кони Айленд, естественно, с конюшней, гаражами и бессчётным количеством комнат и залов, — он чувствовал себя чужим, посторонним, как актёр в роли мужа. Она так старательно набивала виллу бесчисленными, преступно дорогими безделушками, что в конце концов сбылась её мечта, единственная подлинная страсть её пустой жизни: самый, якобы, значительный американский журнал, посвящённый внутреннему убранству жилья, сделал о её доме репортаж на двенадцать страниц. *Двенадцать* страниц! Всё в цвете! В течение нескольких месяцев это постыдным образом было предметом разговоров на всех дурацких приемах, которые она устраивала, со всеми этими придурками, которых она откуда-то понатащила.

Он поплёлся в ванную, открыл кран и сунул голову под холодную воду. Мельком он подумал о стоимости холодной воды здесь, в пустыне, в мобильном доме, зато болезненные толчки в его голове прекратились, а всё остальное не имело значения.

Такова была его жизнь. Он ненавидел в ней каждую отдельную часть, за исключением своего кабинета и своей фирмы. В последние месяцы он часто спрашивал себя, не в этом ли кроется секрет успешных мужчин: при мысли, что дома тебя ждёт ненавистная женщина, с лёгким сердцем остаёшься в офисе как можно дольше, продолжаешь работать.

Но, естественно, по неписаным законам круга, который считал себя высшим, полагалось производить впечатление счастливого человека в удачном браке — разумеется, счастливого благодаря самому себе, благодаря собственным усилиям и мощи. И не было никого, с кем бы он мог посоветоваться о своих тяжких предчувствиях и страхах.

Ну, хотя бы сейчас он здесь, за тысячи восхитительных миль от дома. Он взял бритву и принялся за свою тёмную щетину на подбородке. Его бритьё было так же основательно, как все его договоры. В процессе бритья исчезали и тёмные круги под глазами, как будто они были всего лишь тенью. Постепенно он приближался к истинному началу дня.

Затем он причесался — тоже очень тщательно, срезал нагло топорщившиеся волоски и осмотрел кожу, нет ли на ней прыщиков. То ли ему показалось, то ли действительно на его лице появился естественный солнечный загар? Ну, тем лучше, это сбережёт его время, отведённое для солярия. Он взял приготовленную рубашку. Дома у него был камердинер — но только из каприза его жены, сам он в нём не нуждался, прекрасно обходился и один. Да, он постепенно приходил в движение, набирал скорость, как паровоз, семь тонн железа на колёсах, которые поначалу невозможно сдвинуть с места, зато потом, на ходу, не остановить. Чистая кинетическая энергия.

Он очень тщательно выбирал правильный костюм. В том, что дорогой гардероб является важнейшим аргументом в деловой жизни, он был убеждён, как ни в чём другом. Надо было сразу продемонстрировать, что ты принадлежишь к самому высокому слою — неважно, находишься ты там или ещё только стремишься туда. Если хочешь иметь много денег, надо выглядеть так, как будто заслуживаешь их.

С этого началась его теперешняя популярность в средствах массовой информации: один журнал, который мнил себя финансово-экономическим, избрал его в качестве «самого стильного менеджера года». На самом деле этот журнал продавал лишь красивые сказки из мира богатых и могущественных — мечтателям, а рекламные площади — производителям дорогих рубашек и отвратительных мужских парфюмов с названием «Уолл-стрит» или «Успех». Но после этого к нему стали присматриваться и другие издания, публикации о нём становились всё обширнее и восторженнее, а с некоторых пор он почувствовал, что должен стараться соответствовать тому впечатляющему образу, который создали средства массовой информации. Но всё больше он понимал, что это гонка, в которой ему никогда не победить.

Неприятная правда, которая непонятным образом до сих пор ускользала от внимания журналистов, состояла в том, что он, передовая лошадь своего концерна, этой *N.E.W., News and Entertainment Worldwide Corporation*, не приносил фирме никакой заметной прибыли. Порой он проскакивал на волосок от данных, показывающих дефи-

цит баланса, и из года в год существенную долю драгоценного времени ему приходилось тратить на то, чтобы составить отчёт так изобретательно и заумно, чтобы обличающие цифры баланса прятались в нём как можно глубже. И до сих пор этого никто пока не обнаружил. Ослеплённые его имиджем, к нему по-прежнему стремились инвесторы, и тех, кто приходил, было больше, чем тех, кто его разочарованно покидал. Он работал, боролся и трепетал исключительно ради этой цели: совершить прорыв, преодолеть мёртвую точку и превратить доверие своих инвесторов в звонкую монету.

Его империя стояла на глиняных ногах. Предостерегающим примером, который так и стоял у него перед глазами — вплоть до того, что он уже всерьёз подумывал, не поставить ли портрет этого человека на своём письменном столе, — была судьба одного давно забытого магната по недвижимости из восьмидесятых годов, человека по имени Дональд Трамп, которого пресса годами превозносила как экономического вундеркинда и успешного лидера до тех пор, пока он сам не уверовал в это и не потерял бдительность. Многие впоследствии называли это «манией величия» — те же самые люди, которые раньше рукоплескали ему, когда он ещё стоял на вершине Олимпа. Его падение было стремительно и ужасно: банки отозвали свои кредиты, инвесторы разбежались врассыпную, проекты лопнули — и он упал очень, очень низко, почти полностью исчез из поля зрения.

Джон Каун любой ценой хотел избежать подобной участи. А призрак полного поражения каждое утро корчил ему из зеркала рожи. Он жил на широкую ногу, вёл жизнь мультимиллионера и должен был её вести, чтобы делать дела, которые он должен был делать. Но при этом он жил за счёт будущей прибыли, которую только надеялся получить. Если что-нибудь вышибет его из колеи, он окажется человеком с миллионными долгами, и остаток своей жизни будет вынужден скрываться от безжалостных кредиторов. Вот как всё было просто. Хуже просто не придумаешь, ведь на поверку он пока ничего не достиг в своей жизни. Его нью-йоркский шофёр, который два месяца назад закончил выплату ипотечного кредита за свой домик, был благополучнее его.

А образцом, превосходящим всё остальное, был его великий конкурент, неоспоримый лидер информации — *CNN, Cable Network News* — Тед Тернер. Тот женился на актрисе Джейн Фонда, что Каун отметил со скрежетом зубным, и, судя по всему, действительно был счастлив. Прорывом для CNN стала война в Персидском заливе. Тогда они вели многочасовые репортажи с места событий по спутниковому телефону, прямо из столицы противника — эксклюзивные, волнующие, живые, и все другие информационные компании были вынуждены повторять их картинки, их сообщения и следовать их точке зрения. То был звёздный час Теда Тернера, и он им умело воспользовался. Он сделал CNN брендом, который сегодня популярнее, чем когда-то была БиБиСи, он выбросил на информационный рынок, на все кабельные сети мира свои продолжительные новостные передачи, и теперь, что бы ни произошло, без этого человека уже невозможно представить пантеон великих предпринимателей.

N.E.W. против него был даже не вторым номером, а где-то в середине списка, среди «и пр.». Строго засекреченные социологические опросы показывали, что хотя около трети американцев и знали аббревиатуру N.E.W., знали, что речь идёт о телевизионной компании — некоторые даже знали, что N.E.W. можно принимать по всему миру через спутники, — но лишь два процента, даже меньше, узнавали логотип N.E.W., который им показывали. А это значило, что большинство слышали о N.E.W., но никогда его не видели, ведь логотип почти постоянно присутствовал на экране в передачах этой компании. Это означало, что N.E.W. был известен большинству зрителей только из передач о самом Джоне Кауне. N.E.W. и Джон Каун — воспринимались как неразрывное целое. Что, кстати, было не самое худшее. Во всяком случае, лучше, чем если бы стало известно — чего Кауну до сих пор чудесным образом удавалось избежать, — что единственная фирма его концерна, действительно приносящая прибыль, зарабатывающая настоящие, и неплохие, деньги, это фабрика картофельных чипсов в Оклахоме.

Дело с видеоплёнкой, обрушившееся на него так неожиданно и ошеломляюще, чем дальше, тем больше каза-

лось ему *тем самым* шансом, который может круто изменить положение. Его личный эквивалент войны в Персидском заливе Теда Тернера. Если ему удастся сделать из этой находки событие, то в следующем году он будет номером один.

Какая странная цепь случайностей и сочетаний! Сначала просьба профинансировать раскопки британского профессора, дошедшая до него окольными путями и с неким подтекстом, что, мол, многие из его инвесторов, имеющие еврейское происхождение, благосклонно приняли бы к сведению этот его ангажемент на Святой Земле. И хотя это само по себе уже было достаточно сильным аргументом, он усмотрел в этом ещё и сравнительно недорогую возможность ступить в Израиль одной ногой: не слишком бросаясь в глаза, под предлогом документирования археологических работ, заслать туда кинорепортёров, и если они «случайно» поймают в объектив ещё и картинки палестинского сопротивления — ну что ж, так получилось, верно?

А тут теперь ещё такое.

Одевшись, начистив ботинки, аккуратно расправив платок в нагрудном кармане пиджака, он посмотрелся в зеркало. Да. В таком виде не стыдно будет появиться на всех телеэкранах мира, при всеохватном включении, какое бывало при трансляции высадки на Луну, боксёрского матча между Кассиусом Клеем и Джо Фрэзером или во время похорон леди Дианы (вот тоже несчастливый брак, подумал он).

Дамы и господа, — он представил, как скажет это вышколенно-сдержанным тоном, — *N.E.W. счастлив представить вам сегодня — эксклюзивно — необыкновенный кинодокумент. Сейчас вы увидите, впервые на телевидении, подлинную видеозапись Нагорной проповеди Иисуса Христа. Или вхождения в Иерусалим. Или распятия. Что бы это ни было, но стопроцентное включение обеспечено. Когда он появится на экране с этими словами, все остальные телекомпании могут спокойно отключить свои передатчики. Поскольку Иисус Христос говорит по-арамейски, его высказывания сопровождаются английскими титрами. Боже правый, какая сенсация!*

Но хватит мечтать. Видео у него пока нет.

И найти его, пожалуй, будет труднее, чем можно себе представить.

У них нет бесспорного доказательства, что это видео вообще существует. Или *ещё* существует. И даже если существует, то оно может быть спрятано буквально всюду в Израиле. Может быть, годы уйдут на его поиски. А если слухи об этой находке просочатся — а они неизбежно просочатся, если дело затянется, — то кончится тем, что решающая находка окажется в руках какого-нибудь пастуха или строительного рабочего.

Каун всё ещё смотрел в зеркало, прямо в собственное лицо, которое приобрело мрачное выражение. Каждый день, проведённый им в этой пустыне, обходится ему в колоссальные деньги. Не говоря уже о всяких трудностях, которые то и дело возникают во всех концах его израненной империи только потому, что его нет на месте, чтобы за всем следить и вовремя принимать решения.

Некоторые надежды он возлагал на немецкого писателя. Тот, правда, пока сказал не много, но романы Эйзенхардта считались продуманными и оригинальными, некоторые из них даже отмечены премиями, а главное, в них часто идёт речь о путешествиях во времени. Нет-нет, он чувствует, что писатель найдёт творческий подход к этому вопросу.

И всё же придётся привлечь к делу и других специалистов. Как можно меньше, конечно, во избежание беды, но всё же столько, чтобы они быстро проскочили любительскую стадию, в которой поиск пребывал сейчас. И об этом ему придётся поговорить с профессором, лучше прямо за завтраком.

В принципе ему пока было неясно, как оптимально распорядиться видеоплёнкой, когда она окажется у него в руках. Хорошо, он покажет её по телевидению — эксклюзивно, только через собственные передатчики, с предварительным гигантским рекламным оповещением. Но, конечно же, самое первое, что последует, будет волна споров, подлинная ли плёнка, может ли она быть подлинной, и всё это известным образом обесценит показ. В лучшем случае на него обрушатся толпы учёных и годами начнут дискутировать, взвешивая все за и против, чтобы так ни-

когда и не прийти к единому решению, как это уже было с туринской плащаницей, которая являлась саваном Христа. Вот уже полвека её исследуют, и каждый говорит своё: для одних подлинность плащаницы несомненный факт, для других это искусная фальсификация не столь уж отдалённого времени.

А в худшем случае, думал Каун, сенсация просто сведётся к нулю, как это было с фильмом, в котором показывалось вскрытие трупа инопланетянина, которое якобы состоялось и было записано в начале пятидесятых годов в Соединённых Штатах. Сторонники НЛО увидели в этом неоспоримое доказательство своей правоты, а скептики нашли основания объявить фильм подделкой. Так никто и не сдвинулся со своей точки зрения ни на миллиметр.

Что же может произойти с видеофильмом, который якобы снят две тысячи лет тому назад?

Каун пошёл в маленькую, функционально обустроенную кухню и налил себе первый кофе этого дня — первый как минимум из двадцати.

Во вчерашних переговорах он блефовал. Делал вид, что он уже продумал, как поступить с видеофильмом. Мысль продать его Ватикану пришла к нему спонтанно, почти в тот момент, когда он её высказал. Это было невероятно важно в его работе: никогда не показывать свою неуверенность, а спонтанные мысли формулировать так, чтобы у других создавалось впечатление, что он давно и тщательно всё продумал и вообще далеко опередил всех остальных, — и преподносить их при этом так, чтобы потом никто не смог схватить его за руку, если окажется, что он промахнулся. В этом искусстве он достиг за прошедшие годы известного мастерства.

Но может быть, размышлял он, прихлёбывая чёрный, интенсивный настой, это была не такая уж и плохая идея. Большие деньги были ему необходимы не меньше, чем огромная популярность, прежде всего потому, что речь шла бы наконец не об инвесторских деньгах, которые рано или поздно надо возвращать, а о настоящих, правильных, его собственных деньгах. Итак, решение будет в высшей степени зависеть от предложенной цены, и это было то, что он должен проверить, лучше всего прямо сейчас: что, собственно, *есть* ценного у католической церкви?

Он отодвинул шторку на окне кабинета и с чашкой кофе в руке выглянул наружу, в пустыню, над которой уже в такую рань вибрировал зной. Он мог бы привлечь к этому делу какого-нибудь осведомлённого в церковных делах журналиста. А лучше адвоката. У него было некоторое представление о произведениях искусства громадной ценности, которые находились во владениях Святого престола и которые могли бы получить огромную продажную цену и на вполне атеистичном рынке искусства. Произведения искусства, да, и еще здания и землевладения. Католическая церковь располагает неизмеримым состоянием по части недвижимости — все её храмы, монастыри, капеллы и приходские дома, повсюду в мире. И занимает эта недвижимость самые лучшие места, как правило, в самом центре всех городов.

Улыбка пробежала по его лицу. Совершить обмен. Видео в обмен на землю под церковными строениями. И ему, Джону Кауну, с этого часа только и оставалось бы, что сгребать в карман арендную плату вплоть до Страшного суда.

Хо-хо! Вот это будет сделка! Ему пришло в голову множество людей из его круга, которые просто сдохнут, когда узнают об этом. Кто-то из-за того, что считает себя истым католиком, а кто и из зависти.

И тут, что называется, с ясного неба, как Божье наитие, снизошла на него мысль. *Лучше всего начать переговоры, пока видео ещё не найдено.* Он ворочал эту мысль в своей голове с боку на бок, ощущая электризующее чувство, которое возникало у него всякий раз, когда он действительно нападал на след горячего дела.

Пока плёнка ещё не найдена, на ней могло быть всё, что угодно. Насколько могло хватать фантазии возможного покупателя. Может быть, церковники испугаются, что там обнаружится, что Иисус не был мёртв на тот момент, когда его сняли с креста. Или что воскресший был всего лишь двойником. Всё было возможно — пока плёнка *ещё не найдена.*

В действительности на ней может оказаться всё что угодно. Или вовсе ничего. Или какие-нибудь пустяки. Может быть, какие-нибудь совершенно неизвестные высказыва-

ния Иисуса, которые нельзя верифицировать на основании Библии. Короче говоря, сама по себе видеоплѐнка могла оказаться совершенно банальной и непродаваемой.

Каун улыбнулся, и теперь это была та хищная акуля улыбка, которая сделала его знаменитым. Именно так он и сделает: заранее вступит в переговоры, разбудит жадность, разворошит страх — и тем самым укрепит позиции. А пока у него имеется истлевшая льняная торбочка, ископаемая инструкция по эксплуатации видеокамеры и масса хороших аргументов. Вот то, из чего он делает деньги. У его юристов будет много работы.

Он улыбнулся и направился к своему письменному столу. Пора. День начался.

11

Некоторые из захоронений могут быть датированы временами Хасмонидов и Ирода, другие более поздними датами. Типичные в те времена семейные склепы вырубались в скалах и образовывали подземные «локули»; обычно они состояли из одной или нескольких могильных камер, в стенах которых были ниши для оссуариев («кохим», то есть ящик для костей) или скамьи под сводчатыми улублениями («ар-косолия»). После того, как труп покойного полностью истлевал, его кости полагалось собирать в оссуарий, который затем ставили в нишу на выступ. Из того факта, что кости умершего из арвала 14/F.31 остались нетронутыми, можно заключить, что у него не было ни семьи, ни каких-либо других родственников.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Раздражающий нервы звонок, казалось, возник прямо внутри ушей. Стивен Фокс с усилием разодрал веки, сунул руку под подушку, достал оттуда будильник, имеющий форму и размер кредитной карточки, и отключил его. Сколько он спал — десять минут? Да спал ли он вообще или просто был оглушѐн ударом по голове? А потом ещё и основательно избит?

Вид полога палатки напомнил ему о раскопках, а раскопки заставили подумать о событиях последнего дня, и от этих воспоминаний, казалось, исходили электрические разряды, которые одним махом разогнали усталость из всех клеточек его организма. Ящик! Письмо! Он рывком сел и сунулся под кровать, чтобы вытащить оттуда археологический ящик. Помятый жестяной ящик тихонько дребезжал, когда он снимал с него крышку, и бумаги всё ещё лежали на месте. В сумеречном свете, пробивающемся в палатку, они выглядели ещё более раскрошенными и ненадёжными, чем накануне вечером. Трудно представить, что эти листки продержались в земле две тысячи лет. Без пластикового пакета от них давно бы уже ничего не осталось. Стивен подумал про горы пластиковых пакетов и йогуртовых стаканчиков, которые лежали на свалках всего мира, и содрогнулся при мысли об их неразрушимости.

Неужто это правда было письмо неизвестного путешественника во времени? Ничего не было видно, ни одной буквы. Но это ещё ничего не значило: после столь долгого времени шрифт выцвел и станет видимым только в ультрафиолетовых или рентгеновских лучах. Но что заставило гипотетического путешественника во времени написать это письмо?

Стивен Фокс сидел, смотрел на серую, истлевшую археологическую находку и чувствовал, как его рассуждения упрутся в стену.

Как всё это происходило? Или, лучше сказать, как это произойдёт? В некий день через несколько лет незнакомец, вооружившись видеокамерой, отправится в прошлое. На две тысячи лет назад, не имея возможности вернуться. Он сделает свои съёмки, законсервирует камеру и заложит её в условном месте, о котором он договорился со своими помощниками, оставшимися в будущем — которое было его настоящим перед тем, как он заточил свою жизнь в прошлое. Его помощникам требуется просто отключить машину времени, отправиться к условленному обломку скалы и извлечь из-под него камеру, которую они только что послали на две тысячи лет назад.

Но зачем при такой договорённости путешественнику во времени понадобилось писать письмо? Об этом надо как следует пораскинуть мозгами.

Наветренная сторона палатки с лёгким шелестом прогнулась внутрь. Сквозь щёлку на полу блеснул яркий свет. Снаружи начался день. Хм-м. Стивен снова закрыл ящик крышкой. Ему необходимо срочно узнать, что написано на этой бумаге. Может быть, это письмо к помощникам, в котором он писал, что задуманное не удалось.

Рафи занимался тем, что было его ежеутренним делом: он готовил жестяные ящики — по одному на каждого рабочего, — тщательно опустошал их и выметал. В конце дня он с группой рабочих садился под брезентовым навесом, просеивал песок и землю из ещё полных ящиков и все находки — обломки зубов, волокна растений, крошечные глиняные осколки и всё такое — тщательно осматривал, заносил на карточки картотеки и сортировал по пластиковым пакетикам, которые подшивались вместе с карточками. Для того чтобы каждый предмет однозначно отнести к месту находки, каждый рабочий получал в начале дня бумажку, которую он клал на самое дно своего ящика; на ней было написано его имя, дата и точное обозначение ареала, в котором ему предстояло работать, а также текущий номер, который Рафи заносил в толстую амбарную книгу — журнал раскопок. Заранее готовить эти бумажки было второй обязанностью Рафи. Он делал это каждое утро — обязанность, которая требовала полной концентрации, чтобы не вкралась какая-нибудь ошибка. Поэтому ему было не очень приятно, что как нарочно именно сейчас профессор Уилфорд-Смит стоял над душой, склонившись над последними записями, время от времени поднимал какой-нибудь полиэтиленовый пакетик против света и, задумчиво кивая головой, снова возвращал его на место. Рафи пытался сосредоточиться на заполнении бумажек, но бормотание руководителя раскопок сильно его отвлекало.

— А что, сегодня будет жаркий день, а, Рафи? — вдруг окликнул его Уилфорд-Смит.

— Да, сэр.

Рафи вписал в очередную бумажку номер, который тут же отметил на задубевшей от солнца странице журнала.

— Жаркий день, да. Собственно, здесь в это время года каждый день жаркий.

— Да, сэр, верно.

Теперь вписать имя рабочего и место раскопок, в котором ему предстоит работать. И не дать себе сбиться.

— А как с остальным? Всё в порядке?

— Всё в порядке.

Следующий листок. Рабочие скоро подойдут, и к этому моменту всё должно быть готово.

— И вы держитесь в графике?

Уилфорд-Смит снова приблизился, шаркая ногами, склонился над доской с зажимами, на которой был прикреплён список отсутствующих, не сданных ящиков.

Рафи кивнул, заполнил и этот листок и сунул его в папку к остальным:

— В общем и целом, да.

— Хорошо, — профессор внимательно всмотрелся в список, ткнул пальцем в верхний номер, который Рафи уже несколько дней подряд заново переносил как несданный. — 1304? Но ведь это уже давний номер?

— Да, от вторника, сэр. Ящик Стивена Фокса. Ну, вы знаете, ареал 14.

— Ах, да, — профессор Уилфорд-Смит задумчиво смотрел на нацарапанный номер. Очень уж задумчиво. Как будто никак не мог вспомнить, что там у него с ареалом 14. — Фокс, говорите? И он пока так и не сдал свой ящик?

— Нет. Я ничего не говорил, думал, что это ваше распоряжение...

— О да, разумеется, — седовласый человек с неизменной кожаной шляпой кивнул. — Правильно. Всё в порядке.

Он кивнул, всё ещё глубоко погружённый в свои мысли. Но и расстроенный. Его пальцы барабанили маршевый ритм на доске с зажимами, потом он рассеянно кивнул на прощанье и пошёл, слегка наклонившись вперёд, в сторону домов новоприбывших.

Рафи удивлённо посмотрел ему вслед, потом пожал плечами и стал заполнять очередной листок.

Телефон на ночном столике Энрико Бассо, адвоката, представляющего в Италии интересы *Kaun Enterprises Holding Inc.*, зазвонил около шести часов утра и вырвал своего хозяина из очень приятного сновидения, в котором

участвовали идиллический пальмовый остров и несколько юных девушек, одетых только в венки из цветов. Личики, обрамлённые тёмными локонами, растворились в воздухе, шум моря превратился в равномерный гул утренней улицы перед началом римского рабочего дня, и в соответствующем настроении адвокат повернулся на другой бок, чтобы взять настойчивую трубку.

— *Пронто*, — мрачно проворчал он.

Секунду спустя он сидел на кровати, выпрямившись по струнке и перейдя с итальянского на английский.

— О, это вы... Доброе утро, сэр, чем я могу быть вам... Да, конечно...

Откуда-то из разворошённых подушек появилось заспанное лицо его жены. Сонными глазами она смотрела на мужа, который несколько минут подряд слушал голос в трубке, а челюсть его при этом отвисала всё ниже и ниже.

— *Си*, — сказал наконец Энрико Бассо, — но это требует времени, *натуральменте*...

Грозный телефонный голос, казалось, стал ещё резче. Бассо невольно начал кивать головой.

— Но это не так просто! — перебил он звонящего. — Надвигаются выходные и...

О чём это он говорит? И слушает ли его вообще тот, кто позвонил?

— Да. *Капито*. Я сделаю всё, что могу. Завтра я позвоню. *Адье*.

Энрико Бассо положил трубку и снова лёг в постель. Но о сне нечего было и думать. Теперь он пожалел о том, что четыре недели назад бросил курить и поэтому на его ночном столике не было сигарет.

— Кто это был, Энрико?

— Джон Каун.

— И какую же фирму он хочет купить на этот раз?

— Католическую церковь.

— Что? — Она села в кровати. — Что ты говоришь?

Адвокат откинул одеяло и стал искать свои комнатные туфли.

— Он хочет знать, сколько стоит католическая церковь. Чем она владеет — из недвижимости, из ликвидных средств, из инвестиций, из прочего состояния. Какой у неё налич-

ный оборот. Представь себе, он так и спросил: *какой наличный оборот у католической церкви!* — он потряс головой. — Понятия не имею, для чего ему это. Но звучит так, будто он хочет её купить.

На сей раз встреча состоялась в жилом вагончике Эйзенхардта. Каун и Уилфорд-Смит вошли вместе.

Каун вошёл, как всегда, так, будто на него было направлено не менее десятка телекамер, — динамичный, словно только что вылупился из яйца, треща по швам от нетерпения и решимости. Профессор же, напротив, казался неторопливым и немощным и вёл себя так, будто всё происходящее его не особенно и касается. Он тщательно вытер ноги, закрыл за собой дверь и вошёл в совещательную комнату, когда Каун уже расположился за столом, широко расставив колени.

— Сварить вам кофе? — спросил Эйзенхардт.

Магнат сделал произвольный отметающий жест:

— Давайте к делу. Что вы надумали за это время?

Эйзенхардт повернулся к большому листу бумаги с написанными на нём ключевыми словами. Он сделал глубокий вдох и вдруг почувствовал, что находится под большим давлением. Если сейчас он изложит им только то, что им самим и так уже пришло в голову, то уже сегодня вечером он, возможно, будет сидеть в самолёте, летящем домой.

— Я, э-э, наметил некоторые пункты, от которых можно отталкиваться, — начал он.

Пауза. Никто ничего не сказал, они только слушали. Проклятье, к такому он не привык. Ситуация почти как на экзамене. Он взял фломастер и указал им на верхнее ключевое слово:

— Путешествие во времени. Что мы знаем сегодня о возможности или невозможности путешествия во времени? Ведутся ли сейчас где-нибудь в мире исследования, которые могут привести к открытиям, делающим возможным путешествие во времени? Это пункт, в котором я как автор в области научной фантастики мог бы вести распросы и поиски, не вызывая лишних подозрений.

Он посмотрел на Кауна, невольно испытывая страх перед его бровями.

— А раньше вы никогда не предпринимали такие поиски? — спросил тот.

— Нет.

— Но ведь вы написали несколько романов, в которых речь идёт о путешествии во времени.

Эйзенхардт кивнул:

— Правильно. Но это можно делать, и не заботясь о физических законах. Собственно, до сих пор я даже полагал, что это вообще можно делать, *только* не заботясь о физических законах.

Каун немного подумал, но ничего не сказал. Вместо этого он спросил:

— Кого вы хотите расспросить на этот счёт? И чем эта информация может нам быть полезна?

Вопросы походили на удары хлыста.

— Я начну с одного научного журналиста, с которым я дружу. Он привык к тому, что я ставлю перед ним странные вопросы, а он невероятно осведомлён обо всём в области актуальной науки — знает, кто где и что исследует и так далее. Если я пойду этим путём, никто ничего не заподозрит, все будут думать, что я собираю материал для нового романа.

— А проку-то что?

— Если бы мы знали, когда наш путешественник стартует и какие физические условия необходимо выполнить для путешествия во времени, то мы смогли бы извлечь из нашей находки далеко идущие выводы. Сейчас мы исходим из того, что способ путешествия во времени будет изобретён, когда фирма SONY ещё будет существовать. И из того, что путешествие возможно в одном направлении, а именно, в прошлое. Допустим, окажется, что путешествие во времени в принципе должно было функционировать в обоих направлениях, — тогда бы мы знали, что у того, кто лежит там, погребённый, что-то не получилось.

Лицо предпринимателя омрачилось. Такие гипотезы были ему очевидно неприятны.

— Окей. И что дальше?

— Дальше, — продолжил писатель, — мы должны попытаться идентифицировать самого покойника. Если он действительно человек нашего века, то можно, надеюсь, по костям или по зубам выявить, кто он.

— И потом?

— Держать его в поле зрения.

Каун невольно фыркнул.

— Эти попытки идентификации уже делаются, пока, правда, без результата. Хорошо, мы должны действовать осторожно, чтобы никто ничего не заподозрил, но у меня нет такого чувства, что это нам что-то даст.

Эйзенхардт испытующе посмотрел на него:

— А вы не думали о том, что именно вы отправите его в прошлое?

— Я?

В яблочко. Полёт домой сегодня вечером можно вычеркнуть, это ясно. Глаза медиума расширились, и можно было воочию наблюдать, как его мысли торили себе тропу в нехоженой области.

— Вы хотите сказать, что я?.. А могло бы быть, не правда ли? Нет, об этом я ещё не думал. Правильно.

Это действительно сбило его с толку. Он даже улыбнулся, и с изрядной долей воображения можно было разглядеть в его улыбке что-то вроде признания.

Профессор наморщил лоб:

— Этого я не понял.

— Сейчас мы верим, — сказал Эйзенхардт, — что несколько дней напряжённо подумаем, потом отправимся в предполагаемое место, пороемся там и найдём камеру. Но всё, может быть, будет происходить иначе. Может быть, мы направим все наши изыскания на след определённого исследовательского проекта или отыщем будущего путешественника во времени — и через несколько лет именно мы станем его сообщниками. Мы условимся с ним о месте тайника, в котором он должен спрятать камеру, чтобы она сохранялась там две тысячи лет. Мы будем той командой, которая отправит его в прошлое.

Археолог кивнул.

— Интересная гипотеза.

— Следующий исходный пункт, — продолжал Эйзенхардт, чувствуя себя всё увереннее, — камера. Нам требуется больше сведений о самой камере. Нам нужно исследовать инструкцию — может быть, мы найдём на ней дату производства или продажи, какие-нибудь пометки, дру-

гую интересную информацию. Затем нам нужно выяснить у производителя всю техническую информацию об этой камере.

— Это я уже сделал, — сказал Каун. — Сегодня утром я говорил по телефону с SONY в Токио. Камера находится ещё в стадии разработки и появится на рынке не раньше, чем через три года.

— А, — Эйзенхардт почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. — Уже так скоро.

— При этом я узнал несколько интересных вещей, — продолжал Каун, мрачно сдвинув брови. — MR-01 Cam-Corder будет базироваться на совершенно новой технологии, при которой запись ведётся не на магнитную плёнку, а на такой кристаллический диск, который по ёмкости многократно превышает возможности плёнки. Видеокассета нового типа может записывать 12 часов, и всё у неё иначе, чем у плёнки. Плёнку нужно перематывать туда-сюда, а диск даёт свободный доступ сразу ко всей записи, наподобие жёсткого диска компьютера или CD-ROM.

Эйзенхардт кивнул.

— А как насчёт стойкости записи? — спросил он.

— Это первый интересный пункт. Если верить SONY, то новая технология, которую они называют MR — я забыл, что означает эта аббревиатура, — хоть и допускает всего одну съёмку, как обычная киноплёнка, зато эта запись сохраняется практически неограниченно во времени. Она как минимум в десять тысяч раз стабильнее, чем обычные записи на плёнку.

— Значит, это идеальный прибор для путешествующего во времени, — сказал Эйзенхардт.

— Очевидно. — Каун грузно нагнулся вперёд, оперевшись локтями в конференц-стол. — Второй интересный пункт состоит в том, что человек, с которым я говорил, высказал крайнее любопытство, откуда я знаю проектное обозначение этой камеры, ведь фирма нигде не публиковала сообщения о ней.

— Могу себе представить.

— Не можете. Потому что он сказал буквально следующее: «Вы сегодня уже второй, кто спрашивает об MR-01.

Эйзенхардт поднял руки, отрекаясь:

— Это не я. Звонить напрямую в SONY, не посоветовавшись с вами, — это было бы слишком.

— Я знаю, что это не вы, — кивнул человек в синем костюме, сшитом на заказ. — Я тут же проверил. Вы звонили вчера только один раз — жене.

Эйзенхардт сглотнул. Такого рода поднадзорность была ему внове. И страшила его.

— Почему вчера? — смущённо спросил он.

— Когда я сегодня утром звонил в SONY, в Токио было около шести часов вечера. Мужчина сказал мне, что первый звонок был после девяти утра. Это значит, здесь, в Израиле, был вчерашний вечер, после одиннадцати.

Профессор Уилфорд-Смит задумчиво смотрел на пустую белую столешницу.

— В это время мы с вами ещё сидели вместе, — припомнил он.

— Совершенно верно, — мрачно сказал Каун. — Поэтому теперь я наконец хотел бы знать, что всё это время делал Стивен Фокс.

12

Хранение костей в оссуарии было в то время предпочтительным иудейским обычаем. Оссуарии вырубались из камня и имели форму прямоугольного ящика, обычно с отделкой, но никогда с изображением человека. Часто в камне были выгравированы имена умерших. Надписи, сделанные на еврейском, арамейском или греческом языках, часто содержали и другие сведения; фактически многочисленные надгробные надписи, которые находят в некрополях, представляют собой настоящую социо-историческую энциклопедию уже тогда зачастую весьма гетерогенного населения Палестины.

Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.

«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».

Стивен Фокс сидел на расшатанном складном стуле за не менее расшатанным складным столом в своей палатке и угрюмо пялился на экран лэптопа, холодное техническое

изящество которого странно контрастировало с примитивной окружающей обстановкой. Рядом с компьютером стоял поднос с завтраком, который он унёс с кухни под неодобрительные взгляды повара. Поднос был из серой, помятой и побитой жести, как и тарелки на нём, как и кружка, в которой покачивалась странная, вроде бы похожая на кофе жидкость, грозящая того и гляди расплескаться при каждом ударе по клавиатуре, да и приборы — всё походило на списанное армейское хозяйство.

Стивен хотел использовать утро, чтобы успеть сделать кое-какие необходимые дела. Как, например, этот факс. Стивен каждый день начинал с того, что подключал к компьютеру свой мобильный телефон, чтобы принять через интернет ожидающую его электронную почту. Большая часть этих е-мейлов посылалась с его собственного компьютера, который стоял у него дома, был включён круглые сутки и принимал факсы. Если кто-нибудь посылал факс на номер Стивена, то сначала он поступал на жёсткий диск его компьютера, где и оставался до возвращения хозяина, но при этом он автоматически перерабатывался в е-мейл, который так же автоматически пересылался на интернет-адрес Стивена, так что он мог принять его в любой точке мира, где бы ни находился. Таким образом, он был доступен практически всегда и, как показывал сегодняшний факс, который он перечитывал уже второй раз, это себя оправдывало.

Факс был от фирмы, которой он пять или шесть месяцев назад отослал информационные материалы о своей программной системе. Он отослал их скорее по спонтанному побуждению — после того как услышал в студенческой столовой, как кто-то в очереди за ним рассказывал, что его отец работает в этой фирме и постоянно жалуется на заморочки с компьютерами. В тот же день Стивен распечатал свою небольшую брошюру, приложил к ней сопроводительное письмо на фирменном бланке, всё это поместил в конверт, отослал и забыл.

И вот они ответили. У них планируется обновление общей обработки данных, поэтому не может ли он в ближайшее время прислать им дополнительную информацию о своей системе. Прилагался целый перечень подробных вопросов. Ответить просили срочно.

Но самым занятным было то, что эта фирма вела крупную оптовую торговлю видеооборудованием всех видов.

— Тема преследует меня, — пробормотал Стивен.

Он сделал глоток кофе — на краю кружки уже успел осесть летучий песок, который неприятно скрипел на зубах, — и продолжал думать дальше. Факс поступил к нему в четверг вечером — по времени Восточного побережья США. В пересчёте на местное время это было шесть-семь часов тому назад. Впереди были выходные дни, то есть допустимо взять тайм-аут хотя бы до завтра, когда здесь будет шаббат, а сам он разделается с неотложными делами. Кроме того, ему придётся соединиться напрямую со своим домашним компьютером, чтобы скачать из него большие массивы информации с картинками и графиками, а поскольку для этого придётся использовать трансатлантическую телефонную связь, он может существенно сэкономить, если подождёт до льготного времени суток. А если поспешит, то сможет отправить ответный факс прямо со своего лэптопа.

Он взял последний кусочек бутерброда с арахисовым маслом, поднял, жуя, тарелку, стряхнул с неё крошки на пол и после этого поставил её на другую тарелку. Собственно, его намерения были далеки от того, чтобы думать о своём бизнесе. Но как нарочно — именно оптовая торговля видеооборудованием! Вот что его занимало. Ему необходимо было спросить своих индийских компаньонов, готовы ли они заняться подгонкой, которая бесспорно потребуется, чтобы система, приспособленная к нуждам оптовой торговли автомобильными запчастями, могла работать в оптовой торговле видеотехникой. Но это, к счастью, достижимо при помощи нескольких простых e-мейлов. Но видео, как нарочно...

Реагировать ли ему вообще на всё это? Денег у него достаточно. Он мог бы вполне отмахнуться от этого дела.

— Ерунда, — буркнул он и вытянул кабель, соединяющий компьютер с телефоном. Об этом он подумает в другой раз, так будет лучше. Утро вечера мудренее. Его злило то, что это случайное совпадение так взбудоражило его мысли.

Толпа рабочих-раскопщиков не прервала свой завтрак, когда к кухне подошёл профессор Уилфорд-Смит, однако гул разговоров утих, и в его сторону устремились любопытные взгляды. Со времени таинственной находки в ареале 14 среди раскопщиков ходили фантастические слухи. Якобы нашли что-то военное, говорили одни. Нет, наткнулись на какие-то сокровища, предполагали другие. Но прибытие американских телевизионщиков не подходило ни к одной из этих версий.

— Давид, — руководитель раскопок жестом подозвал к себе главного по кухне, молодого человека с густыми кудрями, обрамляющими мрачное лицо.

— Да, профессор.

— Я ишу Фокса, — сказал Уилфорд-Смит и посмотрел поверх ряда заполненных столов вдаль, за пределы кухни. — Ты его случайно не видел?

— Он здесь был. Забил едой поднос, как будто умирает с голода, и утащил его к себе в палатку.

Уносить посуду из зоны кухни было нельзя, на это смотрели неодобрительно, потому что посуда имела склонность больше никогда сюда не возвращаться, а исчезать где-то на каменистых плато, становясь предметом находок будущих археологов.

— Ты можешь кого-нибудь послать, чтобы ему сказали, что я хочу с ним поговорить?

— Без вопроса. Прямо сейчас?

— Да, пожалуйста. Пусть он придёт в мобильный домик, второй отсюда.

— Будет сделано.

Стивен бросил кабель в свою дорожную сумку и достал коробку для компакт-дисков. Это было как раз то, чем он намеревался заняться параллельно с завтраком: навести кое-какие справки. Компакт-диск, который он достал из коробки и вставил в дисковод компьютера, содержал в себе всю энциклопедию «Британника».

Когда он был маленький, он всегда с благоговением поглядывал на тридцать с лишним томов — толстых, переплетённых в кожу, — которые стояли в рабочем кабинете его отца на специально отведённой для них полке. Время

от времени ему разрешалось листать эти книги, и очень долго он был убеждён, что в «Британнике» есть всё, что вообще можно знать. Даже когда позднее он обнаружил, что это не так, что самые подробные и основательные статьи энциклопедии содержат в себе целые столбцы ссылок и указаний на дополнительную литературу, он всё-таки сохранил привычку всякий раз, когда его что-то интересовало, начинать поиски с этих книг. Это превратилось у него в излюбленный ритуал.

Направляющие дисководов защёлкнулись со скребущим звуком, и послышалось тихое жужжание, с которым серебристо посверкивающий диск начал ускоряться до нужного числа оборотов. Стивен вызвал соответствующую программу поиска и стал ждать.

Поиск ключевого слова — возникло на экране, и курсор выжидательно замигал на поле для введения текста.

Стивен медлил.

Это было совсем не так просто. В его памяти внезапно возникли детские воспоминания — о воскресеньях, о цветущих лугах и об огорчении, когда приходилось надевать нарядную одежду и нельзя было бежать на улицу поиграть; о скучных, непонятных, не имеющих конца посещениях церкви, после которых ещё целую вечность приходилось выстаивать на площади, ожидая, пока взрослые не наговорятся, непрерывно улыбаясь и фальшиво выражая доброжелательность к людям, о которых дома отзывались плохо. На той же площади его одноклассники и соседские дети точно так же стояли подле своих родителей, так же были разряжены и от этого казались странно чужими.

Он смотрел на тёмные клавиши своего компьютера так, будто видел их в первый раз. Вот буква И. С неё он должен начать. Что же в этом такого трудного?

Иисус Христос, напечатал он и стал ждать.

Что-то тяжёлое, мрачное, казалось, сгушалось внутри его тела. От этого сгустка исходила некая угроза и чернота. И снова воспоминания. Об огромном кресте, который грозно нависал над маленьким Стивеном, на кресте была распята нечеловечески большая фигура с искажённым от боли лицом, глядевшая сверху прямо на него. О смутных призывах, которые оставались пугающе непонятными, когда

он был вынужден их слушать и кивать головой; лишь много позже, когда он впервые поцеловал девушку, они снова явились ему в виде устрашающих внутренних голосов, как будто годами подстерегали этот момент, как бомбы замедленного действия на дне его подсознания.

Он ударил по клавише *enter*, и CD-дисковод начал жужжать. На экране возник перечень ключевых слов, их было бесчисленное множество.

Иисус Христос, или Иисус из Галилеи, или Иисус из Назарета. Затем следовал целый список родственных областей, разделённый по предметам: *Библейская литература. Доктрина и вера. Жизнь. Искусство. Ритуалы и почитание. Теологические и философские интерпретации. См. также: Христианство, Новый завет.*

На мгновение у него возникло чувство, что он стоит рядом с самим собой и смотрит на себя со стороны — видит, как он сидит, всматриваясь в перечень ключевых слов на экране компьютера. Одно только описание этого прибора каких-нибудь тридцать лет назад сочли бы за чистую фантастику. Но вот он реально стоит здесь на столе, в душной палатке, разбитой в одном из самых пустынных уголков Израиля — страны, в которой две тысячи лет назад происходили — или не происходили, смотря по вере, — события, которые для одних людей были религиозной сказкой, не более достоверной, чем приключения Алисы в Стране чудес, для других, напротив, непреложной истинной непомерного значения для их жизни и для существования всей Вселенной. И он даже засмеялся, такой абсурдной показалась ему эта ситуация.

Церковь и религиозные группы. Христианская наука. Дуалистические христианские секты. Меннониты. Мормоны. Восточная ортодоксия. Протестантизм. Римское католичество.

То, что он искал, было в принципе так же фантастично. Видеокамера, в которой, возможно, содержится запись событий, которые разыгрались две тысячи лет назад, — да само упоминание о таком намерении для многих людей было бы достаточным основанием всерьёз усомниться в целостности его рассудка. Но фантастические вещи случаются. Учёные доказали, что аппараты тяжелее воздуха не могут

летать — и вот мы покупаем в супермаркете киви, доставленные из Новой Зеландии самолётом. Вся современная цивилизация имеет дело с вещами, сама идея которых в предыдущих поколениях считалась бы продуктом больного воображения.

Сначала надо получить общее представление. Он подводил указатель мышки к тому или иному ключевому слову, кликал и пробежал глазами текст, который затем возникал на экране. Неправдоподобно много текста. И огромное количество ссылок. Казалось, тема была проработана с такой степенью подробности, что напрашивалось определение «исчерпывающе» и казалось, что вся западноевропейская культура пронизана ею.

И тем не менее приблизиться к этой теме было далеко не так просто. Речь шла не о каком-нибудь виде муравьёв, не о каком-нибудь еврейском царе — Стивен пытался узнать о человеке, о котором ему ещё в раннем, незащищённом детстве вдолбили в голову, что это есть родной сын Бога — Бога, который сотворил Вселенную, звёзды на небе, элементарные частицы и генетический код и вообще всё, что есть. Этот Бог, растолковывали ему далее, из сильной любви к нему, Стивену Фоксу и всем остальным людям предал своего собственного сына в руки римских палачей, потому что по причинам, которые Стивен никогда так и не мог понять, это было необходимо для того, чтобы простить его грехи. И он должен был *верить* — в это; должен был противостоять всем нащёптываниям своего рассудка, который хоть и был точно так же сотворён Богом, но всё чаще по мере взросления противился этой неправдоподобной логике; должен был *верить* или подлежать вечному проклятию, хотя Сын Божий вроде бы уже взял на себя все грехи заранее.

И так далее, и так далее. Какое-то время он задавал вопросы, но ответы не удовлетворяли его, а когда он начал дискутировать, то обнаружил, что те, кто считал себя вправе давать ответы, были не готовы к дискуссии — поскольку они уже *знали*, потому что верили, и всякий раз, когда он указывал им на какое-нибудь противоречие, ему на голову дубиной обрушивался аргумент, что, мол, не сомневаться надо, а верить. И в конце концов он перестал

искать во всех этих недопустимых допущениях скрытый смысл, которого, по его ощущению, там попросту не было. Религия была нечто, не имеющее ничего общего с действительной жизнью и с тем миром, который он видел вокруг себя. Он наблюдал удивительные чудеса под окуляром микроскопа или при взгляде в телескоп, и в сравнении с этими чудесами религиозное миропонимание казалось ему мелкотравчатым и ограниченным. Так религия исчезла из его жизни, как перед этим исчезла вера в рождественского Деда Мороза, в эльфов и троллей и в аиста, приносящего детей.

Но, как он теперь почувствовал, на самом деле не совсем исчезла. *Он испытывал страх!* Холодная, безжалостная рука, казалось, вцепилась в его внутренности, и затхлый голос нашёптывал в его мыслях: *А что, если всё правда? Что, если тебя ждёт ад за то, что ты отступил от веры?* Голос бессмертного Великого Инквизитора, разложившегося ещё во времена охоты на ведьм, но не находящего покоя до тех пор, пока ещё есть еретики.

Стивен откинулся на спинку стула, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Затем он поднял голову, задержал взгляд на просвечивающей серой стене палатки и подождал, пока паника в нём уляжется. Ужасно.

Снаружи он услышал звук приближающихся к его палатке шагов. Он был им почти рад. Сама реальность спешила ему на выручку, чтобы он не утонул один в зыбучих песках кошмарных воспоминаний. Это было очень любезно со стороны реальности.

То был один из кухонных рабочих, худой, темнокожий юноша, который неважно говорил по-английски.

— Профессор хочет тебя говорить. Чтобы ты пришёл сейчас. Но сперва сдай посуду.

Стивен с улыбкой кивнул.

— Окей, — сказал он. — Сейчас приду. И сдам посуду.

Парень с сомнением посмотрел на него, и только убедившись, что Стивен выключает свой компьютер, успокоился и ушёл.

Юдифь сидела за завтраком — позднее обычного и не проснувшись как следует — и думала про Стивена. Они

встретились на раздаче, но он лишь коротко поздоровался с ней, как будто между ними ничего не было, и потом, сказав, что у него много дел, ушёл к себе в палатку, нагрузив поднос едой.

Как же так может быть? Ведь ещё вчера вечером между ними изрядно искрило — или память её обманывает? Они шли, тесно обнявшись, ещё немного — и она пошла бы с ним в его палатку. Что же успело измениться за сегодняшнее утро? А если бы она на самом деле переспала с ним? Она подозревала, что и после этого у него нашлись бы неотложные дела.

Сейчас она видела издали, как он возвращается со своим подносом. Он шёл между рядами палаток и, кажется, сделал крюк и свернул к её палатке. Может, он надеялся застать её там? Она не понимала, что творится у него внутри. Он был, конечно, привлекательный, он ей нравился, без сомнения. Правда, он был постоянно занят, но по крайней мере ничем не походил на тех бездельников, которых она знала среди мужчин множество — они довольствовались тем, что всю жизнь просиживали с друзьями в кафе, разглагольствуя ни о чём. При таком мужчине её роль свелась бы к тому, чтобы быть скромной женщиной, которая сидит дома и печётся о детях и хозяйстве. Стивен же стремился к задуманному с неукротимой энергией, от которой вокруг разлетались искры.

В том числе и эротические. Она увидела, как из-за её палатки вновь показалась его голова, и пожалела, что её нет там сейчас. Ведь чего-то же он хотел. Он ничего не делает просто так, без причины, и по большей части всё наперёд тщательно обдумывает — не то что все остальные, кого Юдифь знала.

Ей нравилось, как он двигался. Она следила, как он спускается с холма со своим подносом, как отдаёт его у стойки. Старший по кухне ему, кажется, что-то выговаривает — наверное, делает обычный нагоняй, мол, уносить с собой в палатку посуду запрещено, — а Стивен что-то объясняет со своей победоносной улыбкой на лице. Ей нравилось, как он двигается. В школе она знала множество очень умных мальчиков, но это были сплошь очкарики и недотёпы, у которых, казалось, интеллект непомерно раз-

вивался за счёт других частей организма. У Стивена же тело и дух находились в гармоничном единстве. Не то, чтобы он был особенно спортивный — пожалуй, она смогла бы опередить его в любом виде спорта, — но он жил в согласии с самим собой и временами излучал просто обезоруживающую самоуверенность.

Но любовь была для него делом второстепенным. Потому что он не увидел её, направляясь в сторону серебристых мобильных домиков. Потому что с первого взгляда было ясно, что этот мужчина не находится в состоянии поиска партнёрши. Любовь означала для него сейчас, собственно говоря, секс, ну разве ещё симпатию. Дружбу, в лучшем случае.

У домиков на колесах его, кажется, поджидали. Один из мужчин, которые в своей униформе производили впечатление захватчиков, остановил его, о чём-то спросил, потом кивнул и указал дорогу. Стивен пошёл к вагончику, второму со стороны кухни, открыл дверь и скрылся внутри.

Она сама когда-то была такой. По всей стране сейчас живут мужчины, которым она разбила сердце. Армия, которая для многих военнообязанных в Израиле представляет собой что-то вроде брачной посреднической конторы, для неё была просто затянувшейся вечеринкой. Впервые вырвавшись из-под опеки родителей, она спешила перебежаться, и если кто-то заводил с ней речь о любви, браке и детях, она только посмеивалась. Конечно, это было гадко, если взглянуть на всё сегодняшними глазами.

А сейчас она тосковала по чему-то другому. Она не могла бы в точности это описать, и временами ей казалось, что этого никто не поймёт, кроме неё самой. Может быть, она сама обманывала себя. Может быть, ей надоело всегда казаться такой сильной, что она даже не могла пробудить в мужчине инстинкт защитника. Может быть, она хотела просто отказаться от себя самой и почувствовать себя женщиной. Нет, всё не то. Она тосковала по отношениям, которые могла бы описать лишь приблизительно, но была уверена, что сразу безошибочно узнает их, как только встретит. И она была полна решимости не прекращать поиск до тех пор, пока не встретит именно то, чего хочет.

Но не Стивена. Он ей нравится, он привлекателен и, может быть, он именно то, что называют «хорошей партией», хотя для неё это не так много значит. Но было бы нечестно требовать от него, чтобы он изменился. Если она не может принять его таким, какой он есть, то ей не остаётся ничего другого, как продолжать поиск.

А ты не могла бы отложить поиск до завтрашнего утра? — спросил Стивен, и теперь у неё подкашивались ноги, когда она об этом вспоминала. И как она могла его оттолкнуть? Чего ей стоило сделать передышку в поиске, который продлится, может быть, ещё очень долго? Если бы он повторил свой вопрос сейчас, она бы всё бросила и пошла с ним.

Но больше не было ни его, ни его вопроса. Вместо этого всё выше поднималось солнце, и пора было допивать кофе и приступать к работе.

Как раз в тот момент, когда она собиралась встать, её взгляд упал на человека, который отделился от мобильных домиков и неторопливо направился в гору, к палаточному лагерю. Это был тот самый мужчина, который задержал их вчера вечером. Мужчина с военной короткой стрижкой и голубыми рентгеновскими глазами. Он двигался напрямик к палаткам, и Юдифи очень не нравилось, как он шёл.

Она знала этот сорт походки вразвалочку. Так ходили мужчины, обладавшие чёрным поясом в дальневосточных единоборствах и много лет подвергавшие себя жесточайшим тренировкам. Они еле двигались от избытка самоуверенности. *Смотри*, словно бы говорила такая походка, *как я опасен! Попробуй-ка тронь меня — увидишь, что с тобой будет.*

Юдифь быстро собрала на поднос тарелки и чашки и отнесла к раздаче. Из тени кухонного навеса она наблюдала, куда пойдёт этот человек.

Он дошёл до верхнего ряда палаток, потом повернул направо и, казалось, считал палатки.

Потом он скрылся в палатке Стивена.

Стратиграфический принцип, то есть такой подход, когда раскопки ведутся по вертикальному срезу в том случае, если их результаты должны опираться на более или менее надёжный фундамент сравнительной хронологии, сегодня является бесспорным в археологии Палестины/Израиля. Однако следует различать понятия «отложение» и «стратум» пласт. Стратум не идентичен слою отложений, а является его теоретическим соответствием в рамках научной оценки раскопок. Отложения, напротив, есть объективно имеющиеся в наличии элементы разреза.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Хотя всё выглядело мирно, помещение было наполнено напряжением. Они сидели вокруг большого белого полированного стола для переговоров и смотрели на него, как члены комиссии по освидетельствованию, которые подозревают в пациенте изощрённого симулянта. В известном смысле он и был им. Ему стало ясно, что сейчас начнётся давно ожидаемый строжайший допрос, и Стивен Фокс был полон решимости не раскрывать свои карты.

Он аккуратно закрыл за собой дверь, бросив беглый взгляд на Джона Кауна, который из всех троих занимал в помещении больше всего места: сидел, широко расставив колени, широко раздвинув на столе руки с тщательно обработанными ногтями, по-охотничьи подстерегающе вобрав голову в плечи. Стивен взглянул на третьего, в котором узнал немецкого писателя Петера Эйзенхардта. И потом посмотрел на профессора:

— Вы хотели поговорить со мной?

— Я хотел поговорить с вами, — тотчас пророкотал Каун, переводя внимание на себя. — Мне хотелось непременно познакомиться с молодым человеком, который сделал эту в высшей степени таинственную находку. — Он встал и протянул через стол руку: — Меня зовут Джон Каун. Я имею честь финансировать эти раскопки.

Ах, вон как. Завели, значит, льстивую пластинку. Стивен пожал протянутую руку и склонил голову, демонстрируя скромность.

— Стивен Фокс. Я ценю ваше внимание, мистер Каун, но с сожалением должен признать, что лишь случайно оказался в нужное время в нужном месте. Моей заслуги в этом нет.

— Я думаю, вы скромничаете, Стивен. Кстати, позвольте познакомить вас с Петером Эйзенхардтом. Мистер Эйзенхардт — немецкий писатель, который собирает здесь материал для своей будущей книги. Садитесь же, прошу вас.

Так они сидели вокруг стола, и на некоторое время воцарилась напряжённая тишина. Стивен быстро осмотрелся. Поразительно холодное помещение — как в смысле убранства, так и в смысле температуры. Самым важным предметом обстановки, судя по всему, был пюпитр флип-чата, многие листы которого были уже целиком исписаны и перевернуты на другую сторону так, чтобы их нельзя было прочитать.

Каун грузно оперся о стол, скрестив руки, и стал смотреть на Стивена. Стивен чувствовал, как под этим взглядом у него дыбом встают волосы на затылке.

— Стивен, — наконец заговорил магнат, — мне очень интересно было бы знать ваше мнение об этой находке.

Фокс разыграл недоумение:

— Моё мнение? — переспросил он. — Что я об этом думаю?

— Да.

Только бы не переиграть. Он не особенно был уверен в своих актёрских способностях. Не настолько уверен, как в том, что Джон Каун отлично разбирается в оценке людей. Никто не поверит ему, если он будет прикидываться ни о чём не подозревающим придурком.

— Боюсь, что я смогу предложить вам лишь пару беспочвенных догадок, — произнёс Фокс с подчеркнутым раздумьем. — Разумеется, это наводит на какие-то мысли, но... в общем... я не знаю, что за этим кроется.

— А как вы *думаете*? — настаивал Каун.

— Хм. Что я могу сказать? То, что лежит сейчас в могиле, имеет вид инструкции по эксплуатации видека-

меры, к тому же в пластиковом конверте. Я думаю, что по логике это не может иметь отношения к библейским временам, поэтому возникает вопрос, что эта инструкция там делает? Но этого я не знаю.

— А каковы ваши гипотезы?

— Боюсь, что никаких.

Трое мужчин за столом так и впились глазами в его губы. И он должен был прикидываться лишённым фантазии раскопчным рабочим, который даже не замечает их внимания.

— Помните ли вы, какой фирмы эта инструкция? — спросил Каун.

— Фирмы SONY.

— Не приходило ли вам в голову позвонить в фирму SONY по этому поводу?

Стивен сделал глубокий вдох и почувствовал, как его сердце забилося чаще. Каун что-то знал, поэтому и спросил. Он спрашивал не наугад. Иначе он не был бы Чингиз Ханом, менеджером XXI века.

Тут поможет только бегство навстречу, скачок вперёд.

— Да, — кивнул Стивен и сделал ничего не выражающую мину. — Действительно, я вчера вечером звонил в SONY.

— И когда именно вчера вечером?

— Незадолго до полуночи, думаю, — он сделал удивлённые глаза: — А что, это важно?

— Может быть. Куда именно вы звонили?

Фокс пожал плечами:

— При сегодняшних телефонных устройствах этого никогда не знаешь точно. Это был один из бесплатных сервисных номеров — то есть, я *надеюсь*, что бесплатный, — ну, вы знаете, круглосуточно к услугам клиентов — и потом начинаются бесконечные переключения, пока я наконец не наткнулся на того, кто знал тип камеры. — Он кивнул, как будто в этом и состояла его главная забота: — Это был достаточно долгий разговор, если считать все эти переключения. Но я правда *надеюсь*, что такие номера бесплатны и для мобильных телефонов. Вы случайно не знаете?

Внутри него всё дрожало. История была рискованная. На самом деле он не знал никакого сервисного телефона SONY, и не был уверен, есть ли у этой фирмы вообще

такой вид сервиса. Если сейчас Каун спросит его, какой номер он набирал, ему придётся попотеть.

— А почему вы туда позвонили? — домогался Каун, проигнорировав встречный вопрос Стивена.

— Просто так. Из любопытства. Я хотел узнать, что же это за камера. Я довольно хорошо в них разбираюсь, но про этот тип никогда не слышал. — Он постарался не сделать паузы, тут же добавив: — И не удивительно, потому что, как они мне сказали, этой камеры вообще пока нет на рынке.

Кто-то хмыкнул. Каун едва заметно поднял брови. Кажется, карта была разыграна хорошо. Он показал себя откровенным, заслуживающим доверия сотрудником, и не выдал при этом ничего такого, чего они и без него не знали бы.

— Какие выводы вы из этого делаете? — спросил Каун.

— Никаких.

— А ваши самые смелые предположения?

— Хм-м... — Фокс сделал вид, что он стесняется их высказывать, на самом же деле он рылся в тех гипотезах, которые роились у него в голове до разговора с Иешуа и Юдифью, когда его пронзила решающая догадка. — Я действительно знаю такие истории только из телепередач, поэтому вы должны меня простить, если я буду нести полный вздор, но я мог бы представить себе, что это каким-то образом связано с промышленным шпионажем. Возможно, были похищены какие-то данные о разработке камеры, не знаю. Но если вы меня спросите, что эта инструкция делала в могиле, мне нечего будет сказать. Я только знаю, что к раскопкам она не имеет никакого отношения.

Каун какое-то время молча взирал на него, а затем кивнул. Он обменялся короткими взглядами с остальными, и те тоже удовлетворённо кивнули. Все были довольны. Довольны, потому что убедились, что до сих пор, как и прежде, единолично владеют этой фантастической тайной.

Райан медленно опустил за собой полёт палатки. Свет полуденного солнца снаружи был достаточно ярким, чтобы проникать сквозь брезент. Он увидел односпальную походную кровать, заправлять которую хозяин палатки не считал нужным. Одеяло и простыни свисали до пыльного

пола, который представлял собой просто утоптанную землю. Рядом с кроватью — штанга для одежды, на которой висело множество плечиков с мужскими вещами, и зеркало. Мужчина с водянисто-голубыми, ничего не выражающими глазами тихонько присвистнул сквозь зубы, не теряя безразличия в глазах. На такую широкую ногу в лагере не жил никто из рабочих, насколько он успел узнать. На такую широкую ногу не жил и он сам.

Ещё в палатке стоял узенький складной стол из металла и пластика, а на нём лежал закрытый ноутбук. Лежал просто так. Похоже, хозяин совсем не боялся, что эту ценную вещь украдут. И не боялся, что кто-то в его отсутствие порется в нём..

А именно это и собирался сделать Райан. Он сел на складной стул, боком стоявший перед столом, внимательно следя за тем, чтобы ничего не сдвинуть. Он простёр свои ладони закливающим жестом и рассмотрел компьютер поближе. Не стоит ли он в каком-нибудь особенном положении? Не лежит ли где-нибудь волосок, обломок спички или зажатый кусочек бумаги, который потом выдаст, что кто-то побывал в компьютере? Райан не увидел ничего в этом роде и раскрыл крышку с вмонтированным в неё экраном. Конечно, могло быть так, что сам компьютер содержал программу, которая протоколирует все включения, датируя их. Но Райану были хорошо знакомы такие меры предосторожности, и он знал, где их искать и как стереть соответствующие записи. Он нажал кнопку включения, и плоский экран осветился.

У современных персональных компьютеров есть множество программных функций, которые будто нарочно созданы для нужд шпионов, и Райан знал их все. Он обследовал жёсткий диск на данные, появившиеся или изменённые в течение последних трёх дней. Возник целый список, который он тщательно изучил. Отдельные документы — письма и тому подобное — он открыл и прочитал. Этот мужчина с коротко стриженными волосами работал быстро и целенаправленно, и казалось, что его глаза считывают информацию с экрана и перекачивают её в непогрешимой целостности в другого рода накопитель памяти.

В это время его взгляд упал на выдвижной CD-диск-вод. Он открыл его, прочитал надпись на компактном дис-

ке, лежащем в нём, поднял бровь и коротким толчком загнал дисковод внутрь компьютера, не утруждая себя нажатием специально предназначенной для этого действия кнопки. Пока компактный диск со сдержанным шорохом разгонялся, Райан запустил соответствующую программу чтения, вызвал поисковую функцию и запросил пролистать последние задания.

Иисус Христос — вот в какой области вёлся последний поиск.

Райан улыбнулся холодной, едва заметной улыбкой, в которой не участвовали его глаза. Он увидел достаточно. Потом быстро удостоверился, что осмотр компьютера останется незамеченной, и выключил прибор.

Какое-то мгновение он сидел неподвижно. Постороннему наблюдателю — если бы в этот момент кто-нибудь наблюдал за ним — могло показаться, что на короткое время энергия глаз Райана отключена и переведена на другие органы чувств. Его взгляд почти остекленел, зато уши начали улавливать каждый шорох в окрестностях палатки. Его нос вдыхал пыль, высохший пот на использованном, но ещё не стиранном белье и испарения простыней на кровати. Его кожа ощущала зной, исходящий отовсюду, и чуть ли не порядок предметов, составляющих обстановку палатки. Есть в пожитках человека много чего, способного выдать опытному лазутчику не меньше, чем компьютер, причём с готовностью.

Райан подошёл к штанге для одежды, ловко и быстро обыскал карманы, но ничего не нашёл. Он присел на корточки и обыскал дорожную сумку, которая стояла тут же полураскрытой, при этом он постарался не нарушить в ней порядок — если речь вообще могла идти о каком-либо порядке в этом очевидном хаосе. Результат был неутешительный, и брови Райана по мере обыска всё неудержимее сближались, образуя на обычно гладком лбу морщинку омерзённости. Ни дневника. Ни письма. Ни календаря с назначенными встречами, ни записной книжки с адресами.

Он опустился на кровать, и на сей раз уже не беспокоился о том, что может оставить следы на диком ландшафте из складок, одеяла и пижамы. Пятки его упёрлись во что-то жёсткое, и послышался сухой, полый звук. Райан удивлён-

но нагнулся, расставив колени, и отодвинул простыню, которая свисала с кровати, загораживая пространство под ней.

Там он увидел жестяной ящик для находок.

— Опять к нам гости, — сказал один из рабочих, которые сгребали в третьем ареале рассыпанные камни и кидали их лопатой в растерзанную корзину.

Они остановились и вытянули шеи. По каменистой дороге к лагерю подъезжали два больших серебристых грузовика, окутанные обычным облаком пыли, угрожающе раскачиваясь на каждом из многочисленных ухабов. Это были очень большие грузовики, настоящие фуры, какие можно увидеть в американских фильмах.

— Прямо как оккупация, — сказал другой.

Потом они снова взялись за свои лопаты, хотя со вторника работа уже не доставляла им никакого удовольствия.

Профессор Чарльз Уилфорд-Смит вздохнул, наклонился вперёд, посмотрел на Стивена, но когда тот выдержал его взгляд, смущённо отвёл глаза и принялся следить за своими пальцами, которые чертили на поверхности стола невидимые причудливые фигуры

— Есть кое-что, — всё же начал он обстоятельно, — о чём я хотел бы вас спросить, Стивен.

— Да?

— Почему вы вскрыли льняной мешочек?

Стивен увидел, как пальцы профессора остановились. В помещении внезапно стало очень тихо.

— Вы работаете, — продолжал Уилфорд-Смит, — на раскопках. Я могу предположить, что вам это хорошо известно. Вы нашли холщовый мешочек, который без всякого сомнения был древним.

Стивену показалось, что он краешком глаза заметил, как Джон Каун невольно метнул в сторону профессора предостерегающий взгляд.

— И вы знаете, что одно из важнейших правил раскопок гласит, что мы археологи, а не кладоискатели. Находки ни в коем случае не должны быть повреждены, будь в них скрыто хоть золото царицы Савской. Вы же запросто вскрыли полотняный мешок, а пластиковый конверт внутри

него вы даже *взрезали!* Просто выхватили перочинный нож и *разрезали* его! — Когда Стивен поднял на него глаза, профессор не отвёл взгляд. — Я хотел бы знать, почему.

Теперь на него смотрели все трое, и если бы взгляды были уколами, он бы уже кровоточил в трёх местах. Стивен был готов к тому, что когда-нибудь ему зададут этот вопрос. Он почувствовал, как, несмотря на прохладу в помещении, по спине его побежали струйки пота.

Он вздохнул, но не очень глубоко. Вот ему задали этот вопрос, но он всё ещё должен разыгрывать из себя безобидного придурка. А это нелегко. Каун был настороже, как рысь, и Стивен не сомневался, что у этого человека есть не только шестое, но даже и седьмое, и восьмое чувство на всё, что происходит в другом человеке. Стивен откинулся назад, держа ладони в покое, и попытался небрежно улыбнуться.

— Ну поймите, — сказал он. — Мне же было ясно, что это не может быть археологической находкой.

Брови слушателей вопросительно двинулись вверх.

— То есть? — спросил профессор.

— Пластик просвечивал сквозь мешковину, — объяснил Стивен Фокс так, словно в этом помещении не было и следа невысказанных упреков в его адрес. — Это было видно. Потрёпанная старая торбочка из мешковины, уже изрядно истлевшая, волокна можно было раздвинуть ногтем — а под ней виднеется пластик. Окей, я сперва подумал, что кто-то хочет меня разыграть. Вы же знаете, что у любого человека всегда найдётся пара недоброжелателей. Я подумал, наверняка в пластиковом пакете обнаружится записка с какой-нибудь глупостью, например: «Фокс иди-от» или «Привет от фараона» или что-нибудь в этом роде.

Это было ложью лишь наполовину, поэтому он произнёс всё это более или менее убедительно.

— И поэтому вы разрезали пластиковый конверт?

— Да. Я думал, за мной тайно наблюдают, и в любую минуту разразится смех.

— И как вы собирались ему воспрепятствовать?

— Понятия не имею. Об этом я не успел подумать, потому что увидел, что в конверте инструкция, и это показалось мне довольно странным. И тогда я пришёл к вам.

Профессор кивнул. Стивен переводил взгляд с одного на другого. Недоверие ещё не исчезло с их лиц. Только немецкий писатель казался не особенно вовлечённым в этот разговор. Может быть, он не всё понимал.

В этот момент за его спиной открылась дверь мобильного домика. Волна зноя и тревоги ввалилась вместе с вошедшим мужчиной в униформе цвета хаки, в котором Стивен, обернувшись, узнал человека, испортившего вчера ему с Юдифью всё романтическое настроение. Возможно, этот человек у Кауна что-то вроде правой руки? По крайней мере, они переглянулись так, как это бывает в гангстерских фильмах, а там это значит примерно следующее: *Всё ясно, босс, я прикончил собаку.*

Каун снова взял слово, которое он и так уступил профессору лишь взаймы, так сказать, с условием отзыва в любой момент.

— Спасибо, Стивен, — сказал он и кивнул так, будто был охвачен чувством глубокой признательности. — Я думаю, мы и так отняли у вас слишком много драгоценного времени. О чём бы я ещё хотел вас попросить — это чтобы вы информировали нас, когда временно покидаете лагерь, например, сегодня вечером. На тот случай, если у нас возникнут к вам ещё вопросы. Вы понимаете.

— Да, — кивнул Стивен, восхищаясь способностью магната облекать неприятные обстоятельства в скользкие, как угорь, формулировки. — Естественно.

На этом его отпустили, и он направился к выходу. Каун больше не обращал на него внимания, Уилфорд-Смит ещё раз рассеянно кивнул ему, а писатель и без того лишь наблюдал происходящее. Никто не сказал ни слова, пока Стивен не закрыл за собой дверь вагончика.

Он готов был спорить на что угодно, что в ту же минуту они начали говорить о нём.

Два огромных, поблёскивающих хромом грузовика маневрировали на парковочной площадке, окружённые толпой мужчин в серых комбинезонах, которые казались крошечными, как муравьи, на фоне этих колоссов и, размахивая руками, руководили их движением взад и вперёд. Грохот моторов сотрясал землю.

Наверху, у третьего ареала, стояли рабочие и с любопытством смотрели вниз. Повара в кухонной палатке помещивали варево в котлах, которое готовилось к обеду, а глаза их неотрывно были прикованы к серебристым монстрам. Что всё это снова могло значить? Не было никого, кто не задавал бы себе этого вопроса.

Стивен Фокс занял наблюдательную позицию недалеко от первого ряда палаточного лагеря. На грузовиках не было ни надписей, ни фирменного логотипа, ничего.

Наконец фуры встали в такое положение, которым окружающие их люди, казалось, были довольны. Рокот моторов стих, и наступившая тишина показалась оглушительной. Но команда не взяла себе ни минуты отдыха. Не откладывая, они раскрыли задние двери грузовиков, и началась быстрая, кажущаяся хорошо отлаженной выгрузка: большие катушки с кабелями, деревянные ящики, в которых были закреплены своеобразные приборы из тёмного металла, ящики с инструментами, компьютерные мониторы в стальных корпусах.

Всё это действительно сильно напоминало нашествие марсиан. Как в фильме. Чего они хотели? И кто они, к чёрту, такие, эти серые фигурки?

Стивен заметил, что кто-то подходит к нему сзади, и повернул голову. То была Юдифь.

— Мужчина, который зашёл к Кауну незадолго до того, как оттуда вышел ты... знаешь, кто это такой? — спросила она вполголоса.

— Который вчера вечером нас проверял? У меня такое чувство, что это подручный Кауна. Для грязных.

— Он только что был в твоей палатке.

— Интересно.

Она молчала. Наверное, ждала, и Стивен почувствовал, как она начинает сердиться:

— А ты не боишься, что он мог найти твои бумаги?

Стивен улыбнулся. Значит, она всё-таки его союзница. Это хорошо.

— Нет, — сказал он. — Он их не нашёл.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я, — усмехнулся Стивен, — сегодня утром спрятал их в твоей палатке.

Узкий вертикальный разрез в большей мере подходит для решения хронологических проблем и вопросов датирования. Но это лишь часть вопросов, стоящих перед археологией. Для историков может представлять интерес, насколько велико было селение к определённом моменту времени, было ли оно укреплено, имело ли центральное административное здание, в какого рода домах жили люди, какими ремёслами занимались, чем питались, какую религию исповедовали и т.д. Чтобы добиться ответов на эти и подобные вопросы, при необходимости приходится делать горизонтальные плоские вскрытия или раскопки по определённому слою, задача которых — постепенное открытие единичной плоскости прохождения.

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Доклад Райана был коротким. Когда он закончился, все сидели молча и думали каждый о своём. В стенах мобильного домика что-то таинственно потрескивало. Кондиционер, который в утренние часы включался лишь на короткое время, теперь работал без передышки, а в дневную жару, возможно, и вовсе не сможет надолго защитить переговорное помещение от набирающего силу зноя.

— И что это значит? — наконец спросил угрюмым тоном Каун. — Что у него возникли подозрения? Или нет?

Эйзенхардт внимательно смотрел то на одного, то на другого, и ему всё больше начинало казаться, что физически он где-то не здесь, а в другом месте. Райан сидел спокойно, словно высеченный из камня монумент. Его шеф, напротив, мрачно сдвинул брови и смотрел перед собой, кончиками пальцев отстукивая на столе раздражающий нервы такт.

— Я должен признаться, — возразил профессор Уилфорд-Смит, — что со своей стороны нахожу совершенно нормальным, что человек, приехавший в Израиль и работающий на раскопках, к тому же прихвативший с собой такое мощное справочное пособие, как энциклопедия «Бри-

танника», когда-нибудь обязательно проведёт поиск на ключевое слово *Иисус Христос*. Не говоря уже о том, что это могло происходить и не сейчас, а недели тому назад.

Каун метнул взгляд в сторону Райана:

— А нельзя установить, *когда* он наводил справки по этому ключевому слову?

Райан отрицательно помотал головой:

— Нет. Это в компьютере не сохраняется.

Каун, казалось, его не слушал.

— Не спускайте с него глаз, Райан, — сказал он. Участок на полированной столешнице, в который он пристально всматривался, наверное, открывал ему интересные виды, по крайней мере, некоторое время он задумчиво кивал сам себе. Затем — так неожиданно, что все вздрогнули — он ударил ладонью по столу и ещё раз вскричал: — Не спускайте с него глаз, Райан, вы поняли?

— Так точно, — невозмутимо ответил Райан.

В воздухе протянулись силовые линии тяжелого напряжения. Эйзенхардт поймал себя на том, что при взрыве Кауна невольно задержал дыхание, и теперь тайком хватал ртом воздух. Райан, судя по всему, привык к подобным сценам, а вот Эйзенхардт от них покрылся холодным потом.

Наконец медиамагнат расслабился. Как ни в чём не бывало на его лице снова заиграла любезная, уверенная, победоносная улыбка. Он взглянул на всю компанию так, будто это была удручённая спортивная команда, которая только что проиграла важный матч, и её нужно подбодрить.

— Ну? — спросил он. — Как будем действовать дальше?

Юдифь не смела шелохнуться. Она сидела на своей кровати, держа в одной руке зеркальце, а в другой — редкозубый гребень, и старалась хоть как-то избавить щётку для волос от песка и пыли и снова пригладить их. Ей по два раза на дню приходилось забегать в палатку, чтобы проделать эту процедуру, иначе она бы превратилась к вечеру в огородное пугало.

Она боялась сделать неосторожное движение и услышать шорох раскрошенной бумаги. Ведь листкам, которые Стивен нашёл вместе с инструкцией для видеокамеры,

тоже было две тысячи лет, и уж они наверняка были такие истлевшие и ломкие, что достаточно пристального взгляда, чтобы они рассыпались в пыль, с которой самая лучшая лаборатория мира уже ничего не сможет сделать. И Юдифь спрашивала себя, где же Стивен мог спрятать их в её палатке? Она надеялась, что не в кармане её одежды. Под кровать и между простынями она уже заглянула из предосторожности, прежде чем сесть на неё. Знает ли Стивен, что в течение дня она забегает сюда? Учёл ли он это?

Медленно проводя щеткой по строптивым волосам, она озиралась, игнорируя своё отражение в зеркале. Да где же, чёрт возьми, можно было спрятать в такой палатке столь чувствительные документы?

Своеобразные шумы, проникшие снаружи — рёв моторов, скрип камней под тяжёлыми колёсами, тревожные выкрики людей, — заставили Эйзенхардта с любопытством отодвинуть шторку и выглянуть в окно. Он увидел два больших грузовика, которые маневрировали на парковочной площадке, чтобы встроиться среди других машин.

— Что это? — спросил он вполголоса, вовсе не рассчитывая, что кто-нибудь ему ответит.

Однако Каун, который снова был воплощением любезности, прямо-таки подскочил, встал рядом с ним у окна и полностью отодвинул жалюзи.

— Отлично. Наконец-то он прибыл, — сказал он с видимым удовольствием. — Сонартомограф.

— Сонартомограф? — повторил Эйзенхардт, не уверенный, что правильно расслышал это слово.

Каун широко улыбнулся.

— Это должно быть по вашей части, Петер. Сонартомограф просвечивает грунт шокowymi волнами. Наши палеонтологи применяют такие приборы в своих раскопках в Монтане, чтобы обнаружить скелеты динозавров.

— Динозавров?

— Я сказал себе, — объяснил медиамагнат в самом лучшем расположении духа, — что самое вероятное место, где может быть камера — это здесь. Неподалёку от могилы путешественника во времени. Скорее всего, он следил за

ней до последнего, как знать. Но чтоб нам не перерывать здесь всю местность, я заказал сонартомограф. Видите прибор, который как раз сейчас выгружают? Выглядит как ларёк для хот-догов. Это генератор шоковых волн. Он выстреливает в землю большим свинцовым ядром, масса которого точно известна, с точно рассчитанной скоростью. А повсюду вокруг расставляются сенсоры — датчики, которые регистрируют эхо шоковых волн и передают его на компьютер. Тот в мгновение ока воссоздаёт на экране изображение почвы под вашими ногами — так ясно, как будто она прозрачная.

Писатель кивнул, находясь под сильным впечатлением:

— И это помогает?

— Это помогает.

— Тогда почему до сих пор ещё ведут раскопки?

Профессор невольно фыркнул, а Каун громко рассмеялся.

Эйзенхардт удивлённо переводил взгляд с одного на другого, не зная, стоит ли смеяться и ему самому. Даже Райан улыбался, что в его случае выглядело очень тревожно, поскольку к такому виду гимнастики лица он прибегал чрезвычайно редко.

— Нет, серьёзно, — Каун наконец успокоился. — Разумеется, отдельные монетки мы при этом не увидим и глиняные осколки тоже, есть много и других вещей, которые придётся всё-таки выкапывать. Но камера, из металла... Как, вы думаете, этот путешественник упаковал камеру? Чтобы она продержалась две тысячи лет? Я думаю, он взял с собой прочный металлический чемоданчик, чтобы она пережидала в просторном футляре из металла, герметично защищённая от пыли, от излучений и слишком высокой температуры.

Это звучало убедительно, решил Эйзенхардт. *Почему я единственный, кто всё ещё не может поверить в то, что всё происходило именно так? Как назло, именно я?*

— И если этот ящик, — продолжал Каун, — зарыт где-то здесь, мы его найдём. И тогда камера будет у нас в руках сегодня ещё до захода солнца.

— Ну, что ж, — пробормотал Эйзенхардт. Зачем тогда он им вообще понадобился? Каун и без него действовал

все возможные варианты, не дожидаясь, когда ему, якобы специалисту по всему невероятному, что-нибудь придёт в голову. А к идее просветить всю местность при помощи современных технических средств Эйзенхардт и вообще бы не смог прийти, потому что не знал, что такое возможно.

После паузы, во время которой никто ничего не сказал, а все только смотрели в окно на грузчиков, выгружавших приборы, он спросил:

— Но всё-таки, совершенно серьёзно: разве такой прибор не мог бы существенно облегчить работу археологов? Я не понимаю, почему до сих пор копают наугад, если можно предварительно просветить землю?

Каун мягко улыбнулся:

— Цена. Скажем так: даже если мы разроем всю эту местность на двадцать метров в глубину, это всё равно обойдётся нам дешевле.

Джордж Мартинес присматривал за выгрузкой приборов, но когда очередь дошла до главного, он бросился помогать сам. Этот прибор, хоть он и представлял собой в принципе лишь грубую, нацеленную в землю пушку для свинцовых ядер размером с человеческую голову, имел свои чувствительные места, а грузчики в серых комбинезонах выгружали ящики с инструментами иной раз так небрежно, что он не мог оставить на их произвол самое сердце всего оборудования.

— Осторожно... Не хватайтесь за это место... Осторожно с перекидным выключателем!

Он оглянулся в поисках Боба Ричардса, но тот, как всегда, не особенно беспокоился о таких тривиальных вещах, как погрузка и выгрузка оборудования стоимостью в несколько миллионов долларов. Они взяли с собой всего один ударник. И если он откажет, им только и останется, как всё свернуть. Джордж с облегчением вздохнул, когда прибор наконец встал на землю. Это был очень глубокий вздох, поскольку он не привык к таким нагрузкам. Никто и не ожидал от него, чтобы он к ним привык. С раннего детства он рос слабым и хилым, к огорчению своего отца, который гордился своими предками и расписывал их как «здоровый род могучих мексиканских горцев».

Генератор шоковых волн стоял на четырёх больших толстошинных колёсах. Джордж огляделся. Он почти автоматически высматривал подходящее место для установки генератора. Экспериментировать с местом всё равно придётся, если картинки будут неудовлетворительными, но у него на этот счёт было и своё честолюбие, и интуиция, развившаяся за всё время работы с прибором. Местность здесь слегка холмистая, поэтому начать надо будет с вершины холма. При условии, что почва твёрдая. Галька, скалистые обломки или каменистое крошево не будут пропускать ударные волны — или будут, но в недостаточной мере.

И тут его как громом поразило, до него внезапно дошло: да ведь он же в Святой земле! В земле Библии, пророков, в земле распятия и воскресения! Он стоял на земле, по которой две тысячи лет назад ходил Спаситель!

У него даже голова закружилась. Об этом он мечтал давно. А тут они получили задание так быстро, что он даже не успел спросить, куда они едут.

Главным божьим даром Джорджа Мартинеса были его тонкие, чувствительные пальцы; словно высокоточные инструменты, они позволили ему, пропащему сыну мексиканского эмигранта, успешно выучиться на тонкого механика и получить место технического ассистента в университете штата Монтана в Бозмане. Там он привык, что его — с карамельного цвета кожей, чёрными волосами и огненными глазами — все принимают за индейца. Со временем он стал техническим смотрителем *Сотом-2*, *Sonar Tomograph 2*, усовершенствованной версии прежних эхолотов. Точно так же он привык к тому, что время от времени прибор со всей экипировкой нанимают платёжеспособные предприниматели, преимущественно компании нефтяников или метростроителей и туннельщиков, и ему таким образом приходится разъезжать по всему миру, исследуя нефтяные залежи, картографируя законсервированные шахты или линии водопроводов, газопроводов и канализационных ходов в дико разрастающихся южноамериканских городах, не располагающих надёжными, а то и вовсе какими бы то ни было городскими планами и картами. Для Бозманского университета *Сотом-2* был важным финансовым подспорьем.

Но вчера они собирались в дорогу и уезжали сломя голову. Им не дали и десяти минут на то, чтобы уложить в сумку бельё и зубную щётку. Все свои договорённости на ближайшие десять дней Джорджу пришлось отменять по дороге в аэропорт, где уже стоял наготове самый большой транспортный самолёт, когда-либо приземлявшийся в Бозмане за всё время существования здесь аэродрома. А цель поездки он узнал уже в пути, между делом, проверяя сигнальные кабели.

Его отвлёк от мыслей один из грузчиков транспортной компании.

— Куда ставить? — указывая на ударник, спросил он на английском, звучавшем скорее по-арабски, так что Джордж не сразу его понял.

Он кивнул в сторону ящиков, уже установленных штабелями на краю протяжённого палаточного лагеря:

— Вон туда, — тихим голосом сказал он.

Святая земля. Он непременно должен послать отсюда видовую открытку своей матери, пока они здесь, пока их с такой же внезапной срочностью не перебросили куда-нибудь в другую часть света. И ещё он должен...

— А далеко отсюда до Иерусалима? — спросил он одного из охранников, которые, придерживая под мышкой автоматы, стояли тут и там по всему лагерю.

— Нет, — ответил мужчина. — Израиль маленькая страна. До Иерусалима ниоткуда не далеко.

Голгофа. Гефсиманский сад. Via Dolorosa. Непременно нужно будет завернуть в Иерусалим. Помолиться на всех этапах крестного пути Христа.

— А нельзя ли это выразить в милях?

Охранник улыбнулся, кивнул и, казалось, начал в уме складывать цифры расстояния.

— Наверное, миль двадцать пять. Примерно.

Тогда Израиль и вправду маленькая страна. Джордж каждый день проделывал вдвое больший путь, чтобы добраться до работы, и при этом ещё считал, что живёт очень близко от университета.

Он указал на все сооружения лагеря — палатки, мобильные домики, машины:

— А что это здесь такое?

— Без понятия. Вроде бы археологические раскопки.

— И что, их нужно охранять?

— Да. Начиная с того момента, как здесь нашли что-то сенсационное.

— Что-то сенсационное? И что именно?

— Всё держат в строжайшей тайне. Нам тоже ничего не говорят.

Парень, похоже, действительно ничего не знал.

Тут Джордж наконец обнаружил Боба, который отвечал за научную часть дела. Он стоял у серебристого большого мобильного дома, разговаривая с человеком, одетым в сине-голубой деловой костюм — самое неподходящее, что только мог себе представить Джордж в такой обстановке. Сам он был одет, как всегда и повсюду, в старые джинсы и выгоревшую майку и чувствовал себя в них сравнительно хорошо. Он любил жару, в Монтане ему большую часть года было просто холодно.

— В строжайшей тайне?.. Но в такой ситуации ведь наверняка ходят какие-то слухи, разве не так? У нас бы дома непременно ходили.

Он достал пачку сигарет, предложил одну коренастому кудрявому охраннику.

— Слухов полно. Но всё одна чепуха, на мой взгляд.

— Ну, например? — он дал охраннику огня. — Меня, кстати, зовут Джордж.

— Окей, Джордж. А меня Гидеон. Я слышал, кто-то говорил, что весь четырнадцатый ареал заперт, потому что там нашли что-то радиоактивное. Другие говорят, что там сокровища. Якобы сокровища царя Соломона. Но, видишь ли, здесь всё так. В этой стране куда ни ступишь, всюду сокровища. Фундамент для дома спокойно не выроешь.

— Понимаю.

Джордж уже был заинтригован, что же окажется на снимках, которые сделает он своим *Сотомом-2*?

Наконец он подошёл к телефону.

— Вильде, — назвался он низким голосом, полным неиссякаемой энергии и жизнелюбия.

— Алло, Доминик! — обрадованно ответил Эйзенхардт. — Это Петер.

— Петер! Вот неожиданность! И в такую рань. Что случилось?

— Как обычно. Неотложная научная нужда. Есть у тебя минутка или я не вовремя?

— Не беспокойся, я просто пью кофе. — Доминик всегда пил кофе, когда бы ему ни звонили. — А ты что, перенёс свой кабинет в коридор? Звук так гулко отдаётся.

— Это долгая история; я расскажу тебе её как-нибудь в другой раз.

— Окей. Валяй, к делу.

Эйзенхардт набрал полную грудь воздуха.

— Известно ли тебе, чтобы где-нибудь в мире велись какие-то исследовательские работы на тему странствий во времени?

— Упс, — сказал Доминик, и на некоторое время стало тихо. Доминик раздумывал.

Это было то самое, что Эйзенхардт в нём особенно ценил: Доминик даже на самые странные вопросы — а, собственно, Эйзенхардт и задавал ему всегда *только* странные вопросы — не давал быстрых ответов. Доминик Вильде, свободный журналист, пишущий на научные темы для многочисленных изданий, был для Эйзенхардта чем-то вроде последнего спасательного круга в естественнаучной области. Уж если он звонил ему, то это значило, что он перерыл все словари и справочники, несколько дней провёл в университетской библиотеке, но так и не нашёл ответа. Доминик был прекрасно осведомлён почти во всех научных дисциплинах, знал, кто в какой области занимает передовые позиции, а если и не мог дать Эйзенхардту удовлетворительный ответ, то давал хотя бы совет и направление для дальнейших поисков: адрес, телефон, книгу.

Этот контакт возник у них несколько лет назад, когда Петер Эйзенхардт, прочитав одну статью в журнале, дозволился до автора, Доминика Вильде, чтобы задать ему несколько дополнительных вопросов. При этом оказалось, что Доминик прочитал все его романы, очень их любил и чувствовал себя польщённым тем, что может помочь такому писателю. К сожалению, вопросы оказались сложнее, чем думали оба, он не смог ответить на них с ходу, и им понадобилось встретиться. Во время встречи выяснилось,

что им нравятся одни и те же фильмы, что они могут бесконечно говорить о мироздании и миропорядке — и говорили. Так началась их дружба.

— Странствие во времени, — наконец повторил Доминик после долгой, дорогостоящей паузы. — Я бы сказал, нет. Я даже не думаю, чтобы хоть кто-нибудь занимался сейчас самым *феноменом* времени, по крайней мере с физической точки зрения. Психологи и неврологи в этом направлении работают много: восприятие времени, переживание времени, такие вещи. Что есть воспоминание, как долго длится тот промежуток времени, который мы воспринимаем как современность, другие интересные вопросы. Но ведь это не то, что ты ищешь, так?

— Так, — признал Эйзенхардт. — Я хочу знать конкретно, есть ли хоть маленький шанс или вероятность шанса, что лет этак через пять-десять кто-нибудь сможет отправить человека в прошлое.

— Машина времени, Герберт Уэллс и всё такое?

— Вот именно.

— *Вероятность* шанса в принципе есть всегда. Ты же знаешь, как стремительно сейчас идёт развитие. В принципе, даже непредсказуемо. Уже сколько пророков осрамились со своими утверждениями, что невозможно то, невозможно это. Но я бы сказал так: шансы, что кто-то изобретёт сверхсветовой двигатель, неиссякаемый источник энергии или средство бессмертия, хоть и минимальны, но гораздо выше нуля.

— Понимаю. Тогда я спрошу иначе: что говорит современная физика *вообще* на тему времени?

— Много чего она говорит, сам знаешь. Спрашивай конкретнее.

— Хорошо. — Эйзенхардт подумал. Это была игра: хороший вопрос — почти половина ответа. Многие проблемы возникают не из-за недостаточного ответа, а из-за неточного вопроса. — В термодинамике есть закон сохранения энергии, из которого следует, что сконструировать вечный двигатель невозможно. Второе начало термодинамики и тому подобное. Собственно, я хочу знать, есть ли сопоставимое с этим доказательство, которое утверждает, что путешествие во времени невозможно.

— Нету такого.

— Ты уверен?

— Да. Со времён Альберта Эйнштейна время рассматривается как одно из измерений четырёхмерного пространства-времени. Точнее сказать, со времён Германа Минковского, который доказал, что преобразования Лоренца представляют собой просто вращения осей пространства-времени...

— Стоп-стоп, — сказал Эйзенхардт. — Ещё раз, помедленнее, для писателя. Что значит измерение? Я знаю длину, ширину и высоту, и это три направления, по которым я могу свободно перемещаться. Я могу сделать шаг вперёд, но и шаг назад. Значит ли это, что точно так же я мог бы двигаться и по оси времени?

— Именно это ты и делаешь в своих романах.

— Да, верно, но то романы. Я же говорю о реальности.

— Что-то необычное для тебя: реальность.

— Если время просто измерение, то почему я не могу вернуться, скажем, в мои школьные годы, чтобы выбрать совсем другой жизненный путь? Или вернуться всего на неделю назад, чтобы написать другое число в лотерее?

— Ух ты какой корыстный!

— Если бы я был корыстный, я бы не стал писателем.

— В общем, насколько я знаю, хоть и говорят о пространстве-времени, всё же различают временные и пространственные координаты. По крайней мере, есть теория, которая вводит пятое измерение, тоже временное, так называемое гипервремя. Спроси меня, что под этой координатой подразумевается — я не знаю. Кроме того, я могу себе представить, что есть и такие теории, которые предусматривают и шестое измерение, ведь физики любят симметричные теории: уж коли есть три пространственных координаты, пусть и временных тоже будет три.

— Но что это даст? Может время течь вспять или нет?

— Есть целый ряд физических законов, которые называются *инвариантными во времени*. Выражаясь человеческим языком, эти законы действительно независимо от того, в какую сторону течёт время. Классический пример — столкновение двух бильярдных шаров. Если снять это столкновение на киноплёнку, эту плёнку можно прокручивать

хоть вперёд, хоть назад, она покажет одно и то же. Зритель такого фильма не сможет сказать, какой вариант «правильный».

— Хорошо. Но вот я утром подмешиваю в кофе сахар и молоко и получаю в результате светло-коричневую, сладкую жидкость. Не станешь же ты утверждать, что если я потом начну мешать в обратную сторону, то всё снова распадётся на составляющие: чёрный кофе, молоко и кристаллы сахара?

— Нет, этот процесс не является симметричным во времени. Но он объясняется через энтропию, которая возрастает при размешивании. Таким образом сохраняется основополагающая симметрия времени в теоретическом здании физики.

— Великолечно.

— Слушай, чего ты издеваешься? При чём здесь я? Сам же хотел узнать, что говорит насчёт времени современная физика.

Эйзенхардту пришла в голову одна мысль.

— Скажи, ты ведь знаешь Стивена Хокинга?

— Разумеется, я знаю Стивена Хокинга. Я даже однажды брал у него интервью.

— По-моему, в одной из своих книг он доказывает, что путешествие во времени невозможно. А он ведь в наши дни что-то вроде живого Эйнштейна, если я не ошибаюсь. Тебе известно его доказательство?

— М-м-м. Да.

— И каково же оно?

Доминик внятно вздохнул:

— Оно тебе не понравится. В строгом смысле это не физическое доказательство.

— Просто скажи мне, как он это аргументирует. А уж потом я скажу тебе, нравится мне оно или нет.

— Ну, воля твоя. Хокинг говорит следующее: если путешествие во времени возможно, то однажды откроют, как его осуществить. Может, это произойдёт через сто лет, может, через десять тысяч лет, это не имеет значения. Главное, что начиная с этого момента люди смогут свободно перемещаться во времени и заявятся в том числе и в наше время, которое, в конце концов, не менее интересно, чем

любое другое. И их среди нас окажутся целые толпы, поскольку, начиная с момента изобретения путешествий во времени и далее до бесконечности, всегда будут находиться желающие посетить именно нас. И все эти туристы, прибывшие неважно из какого времени — из двадцать первого, из сто первого или из миллион первого века, — с нашей-то точки зрения оказались бы здесь практически одновременно. Они же буквально наступали бы здесь друг другу на пятки. И уж не заметить их среди нас мы никак бы не смогли. Ты поспеваешь за моей мыслью?

— Да, — буркнул Эйзенхардт, — попеваю.

— Но мы не видим вокруг нас никаких путешественников во времени. Значит, делает вывод Хокинг, путешествие во времени никогда не будет открыто. Поскольку всё, что возможно, когда-то осуществляется, можно утверждать, что путешествие во времени физически невозможно. Что и требовалось доказать.

— Хм-м, — пробормотал Эйзенхардт. Такого рода аргументацию он читал в каком-то научно-фантастическом романе. — Я немного разочарован.

— Могу себе представить. Впрочем, в последнее время Хокинг внёс в своё доказательство поправки и сказал, что физически путешествие во времени, может быть, и возможно.

— Но остается вопрос: чем объяснить отсутствие среди нас путешественников из будущего?

— Это, кажется, уже из моей области, — угрюмо сказал Эйзенхардт. — Для этого у меня тут же, навскидку, есть объяснение, но на сей раз оно не понравится тебе так же, как и мне.

— Да? И в чём же оно состоит?

— Весь вопрос в том, справимся ли мы когда-нибудь с нашими озоновыми дырами, атомными бомбами и голодом, — сказал писатель, уставившись на голую белую стену перед собой. — Может быть, аргументы Хокинга доказывают только то, что человечество не протянет долго и попросту не успеет открыть способ путешествия во времени.

Рис. 200—235 являются результатом исследований сонартомографической команды университета штата Монтана под руководством д-ра Ричардса. Эти исследования были затруднены тем обстоятельством, что уже четыре месяца в этих местах ведутся раскопки. Прямоугольные тёмные пятна (на рисунках отмеченные квадратной штриховкой) представляют собой изображение раскопанных областей, а серые области позади них (заштрихованные линиями) — это так наз. «сонарные тени».

*Профессор Чарльз Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Он уже довольно долго наблюдал за ними. Для него было загадкой, как вообще можно хоть что-то разглядеть на экране компьютера при таком ослепительном солнечном свете, но оба, похоже, глаз не могли оторвать от этого экрана. Костлявый тип, сидевший перед прибором на стульчике, в засаленной майке и драных джинсах, имел такой истощённый вид, что едва ли смог бы самостоятельно стоять на ногах, однако говорил без передышки, а Юдифь стояла рядом, вызываясь уперев правую руку в бедро, и слушала его так увлечённо, что Стивен готов был на стенку лезть от бешенства, наблюдая эту сцену. А уж как тот тощий размахивал при этом руками! Наверняка надеялся как-нибудь невзначай дотронуться до неё.

Неужто я ревную? — растерянно спросил себя Стивен. Что за вздор. Он вообще не был ревнив. Нет. Он никогда не имел ничего против того, что женщина спит с другими. Его задевало только, если она не хотела спать с ним. Но это было нечто совсем другое, чем ревность.

Когда он подошёл поближе, до него стали долетать обрывки их разговора. Мужчину, похоже, действительно занимали только технические особенности его аппаратуры, которую он целый день собирал и настраивал. Грузовики уехали, оставив гору ящиков и двух мужчин. Один из них, вот этот мексиканский дистрофик, который теперь лезет из кожи, чтобы произвести впечатление на породистую

израильтянку, всю работу сделал практически один. Он распаковал ящики, протянул через всю зону раскопок кабели, вбил в землю странные металлические предметы, похожие на увеличенные колышки для палатки. К этим колышкам он прикрутил меньшие штучки, осторожно вынимая их из деревянного ящичка, устланного изнутри, насколько было видно издали, красным бархатом. Наверно, то были чувствительные приборы, скорее всего измерительные. Потом подсоединил кабели к этим приборам так, что вся площадь покрылась сетью проводов.

— Но что делает эту местность такой уж трудной? — спрашивала в это время Юдифь, не обращая внимания на приближающегося Стивена.

— Раскопки, — ответил техник, обнажая гнилые зубы. Наверное, это должно было изображать у него улыбку. — Ямы отсекают ударные волны, прерывают их. На экране они будут выглядеть чёрными кубиками. Ах, даст Бог, всё получится. Нам ещё не приходилось работать посреди раскопок. Всегда только перед ними.

— И что это были за раскопки?

— Искали динозавров. Однажды мы обнаружили под землёй два прекрасных скелета. Они теперь стоят в музее. А иной раз отказывались от раскопок после нашего обследования. Потому что не увидели на экране ничего стоящего.

Стивен кашлянул.

— Юдифь!

— М-м? — Она метнула в его сторону недовольный взгляд: — Чего тебе?

— Отойди на пару слов.

Она коротко взглянула на него, как бы говоря: «Разрази тебя гром!», потом виновато улыбнулась огненноглазому технику и подошла к Стивену:

— Ну, что?

— Если тебя кто-нибудь спросит сегодня, что ты делаешь вечером, скажи, что мы с тобой едем навестить твоих родителей.

Она вскинула голову и посмотрела на него как на сумасшедшего:

— Что-что? Почему это я должна так говорить?

— Потому что так я сказал Уилфорду-Смиту.

— А почему ты сказал профессору, что мы поедем навещать моих родителей?

— Послушай, сегодня вечером начинается шаббат. Не мог же я сказать, что мы поедем в Иерусалим в кино.

— Я не понимаю. Какое ему вообще дело до того, куда пойдёшь вечером ты или я?

— Кажется, он считает, что ему есть до этого дело, — спокойно ответил Стивен. — Вспомни того типа, который побывал в моей палатке. В это самое время они меня допрашивали и потребовали всякий раз их оповещать, когда я покидаю лагерь.

Юдифь испытующе оглядела его. Её гнев, кажется, поостыл.

— Ну ладно, тогда скажи, что мы поедем навестить мою *мать*.

— Мать? А что с твоим отцом?

— Он оставил мою мать на другой день после того, как меня забрали в армию. С тех пор живёт один в холодной однокомнатной квартире и целые дни напролёт читает Талмуд.

— Бог ты мой! — Стивен, родители которого жили в достаточно счастливом браке, был, честно говоря, шокирован. — Я этого не знал. Иешуа мне ничего об этом не рассказывал.

— Я бы тоже предпочла об этом никогда никому не рассказывать.

— Хм-м. Ну, в любом случае я хотел поставить тебя в известность.

— Окей.

— Скажи, пожалуйста...

— Ну что еще?

Он кивнул головой в сторону человека за компьютером:

— Что ты в нём нашла?

Мгновенно её лицо снова затянулось тучами, и начался град и ливень.

— Стивен Фокс, — сурово сказала она, — ты вообще ничего не понимаешь!

С этими словами она отвернулась от него и зашагала в сторону третьего ареала, в котором, собственно, теперь работали они оба.

Стивен беспомощно смотрел ей вслед. Наверное, ему не следовало этого говорить, но почему именно, он тоже не знал. Этих женщин иногда просто не понять. И не надо. Это тоже не входило в сферу его честолюбия, хотя иной раз многое облегчило бы ему.

— Прошу прощения! — окликнул его тип, который всё ещё сидел на своём стульчике перед компьютером. — Могу я у вас спросить?

— Конечно, — невесело отозвался Стивен.

Тот встал и подошёл нетвёрдой поступью.

— Джордж Мартинес, — представился он и протянул Стивену руку. — Из Бозмана, Монтана.

Стивен пожал протянутую руку с опаской, боясь что-нибудь повредить у этого истощённого человека. Неужто в Бозмане, Монтана, до такой степени нечего есть?

— Стивен Фокс. Я из штата Мэн.

— Очень приятно, Стивен. Я сейчас невзначай услышал кое-что из вашего разговора с юной дамой...

— Невзначай. Понимаю.

Хорошенький эвфемизм для *я подслушивал*. Надо будет взять на вооружение.

— Да, я услышал, что вы сегодня вечером собираетесь ехать в Иерусалим. Это так?

— Да.

— А не будет совсем уж бессовестно с моей стороны попросить вас взять меня с собой?

Стивену пришлось приложить усилия, чтобы на его лице не отразилось чувство протеста. Он собирался сегодня вечером контрабандно отвезти для исследования в лабораторию Рокфеллеровского института документ, которым владел противозаконно. И самое последнее, в чём он при этом нуждался, был бы незнакомый попутчик.

— В Иерусалим? А что вам там нужно?

— Я хочу посмотреть город.

— Но сегодня шаббат. В городе будет мёртвый покой.

Джордж смущённо покачался туловищем туда-суда.

— Понимаете, дело вот в чём: я привык каждый вечер ходить в церковь. Мне будет чего-то не доставать, если я не смогу сделать это и здесь. А ведь мы в Святой земле — до всех святых мест здесь рукой подать на машине... Я бы

правда хотел побывать там, пусть сегодняшний вечер и не самое лучшее время для этого. А то вдруг нам придётся завтра вечером уже улетать отсюда. Иногда это происходит у нас внезапно и скоропостижно.

— Понимаю. — Он оглядел тощего темнокожего мужчину внимательнее. Собственно, он даже симпатичный. Набожный католик, судя по всему. Вряд ли можно рассматривать его как серьёзного соперника, что касается Юдифи. — Сложность, Джордж, состоит в том, что я не знаю, когда мы вернёмся оттуда. Может, мы вообще не вернёмся сегодня ночью. Вы понимаете? Я могу взять вас с собой туда, нет проблем. Но вам придётся возвращаться потом самостоятельно.

Джордж горячо закивал:

— О, это не проблема. С этим я справлюсь. Там я найду такси. Только отсюда на такси не уедешь, поэтому...

— Окей, — Стивен пожал плечами. — Тогда до вечера.

Он дошёл до того, что начал вырывать из флип-чата листы бумаги, расстилать их на большом, пустом столе и исписывать фломастерами — исписывать дико, ожесточённо, без устали. Он писал так, словно за ним кто-то гнался, он использовал все цвета, молниеносно намечал ключевые слова, рисовал большие вопросительные знаки, протягивал связующие линии, очерчивал целые области своей хаотической карты, а другие жирно перечёркивал крест-накрест. Всё это было полным сумасшествием. Писать как безумный было единственным способом оставаться в здравом рассудке. Лишь ближе к вечеру он устало отшвырнул фломастер, откинулся на спинку стула и начал массировать себе правое плечо, которое уже болело от напряжения. Только теперь он заметил, как проголодался, зверски проголодался. Про ланч он совершенно забыл, и никто не пришёл, чтобы напомнить ему об этом. Или, может, кто-то и приходил, постоял в дверях, несколько раз окликав его по имени, но он даже не обернулся. Может, так и было, он не помнил.

А что, если... В этот вопрос он был погружён целиком. Допустим, мертвец на самом деле был камикадзе, неизвестным образом перемещённый во времена Иисуса и

обречённый после смерти Христа на кресте остаться в Палестине и закончить там свои дни. Допустим, допустим, допустим.

Он всё ещё не верил в это. Глубоко внутри он чувствовал уверенность — несокрушимую, как стальная несущая балка, — что странствовать во времени невозможно, невозможно отправиться в прошлое, сделать своей современностью то, что прошло.

Как нарочно именно он, автор в области научной фантастики, наибольший свой успех снискавший именно романами о путешествиях во времени, не верил в это. В ситуации, когда он, казалось бы, должен ликовать — *Вот видите? Я же говорил!* — в нём пробудился этот голос, который вместо положенного победного клича только и знает, что твердит: *Этого не может быть! Это бред!*

Однако ему удалось загнать себя в это «А что, если...», затеряться там в дебрях вариантов, а голос сомнения заглушить лихорадочной активностью. И вот перед ним на столе лежит результат его многочасового рабочего упоения: большие листы бумаги, испещрённые записями и значками четырёх цветов так, что они стали похожи на картины абстракционистов.

Начал он с вопроса: а что если бы я писал роман, в котором речь идёт о том, как кто-то отправляется в прошлое, во времена Христа, с видеокамерой в своём багаже? В романе, который он однажды читал и который ему очень понравился, в конце выяснилось, что все люди, присутствовавшие при распятии Христа — солдаты, зеваки, священники, даже палачи, приколавывавшие Иисуса к кресту, — *все сплошь* были путешественники во времени из различных эпох отдалённого будущего.

Это, естественно, тотчас напомнило ему об аргументах Стивена Хокинга. Если путешествие во времени действительно будет вскоре изобретено, то разве не станут неизбежными туристические поездки в прошлое ради приключений? *Встреча с Леонардо да Винчи! Вы увидите, как Микеланджело расписывает Сикстинскую капеллу! Вы будете сопровождать Христофора Колумба в его историческом плавании к Новому Свету!* И разве дело не распространит своё действие на все эпохи, на все значительные события? Всё

прошлое будет кишеть гостями из будущего, вся история будет полна туристов. И, может быть, это не ограничится простым осмотром достопримечательностей. *Взойдите на римский императорский трон! Устраивайте оргии, такие роскошные и развратные, каких больше нигде и никогда не будет!*

И если то, во что верят Джон Каун и профессор Уилфорд-Смит, соответствует действительности, то речь здесь идёт не о каком-то далёком открытии, из века, может быть, двадцать четвёртого или тридцать шестого — до того времени напроисходило бы уже столько событий, что многие истории, важные для нас сейчас, ушли бы в небытие, и Колумб с Леонардо да Винчи могли бы не беспокоиться. Нет, речь идёт об открытии, которое случится в ближайшие годы. Видеокамера появится на рынке через три года. Исходя из современной скорости развития производства, нельзя представить, чтобы эта камера оставалась топ-моделью дольше трёх последующих лет. Другими словами, всё случится в ближайшие *три-пять* лет! Самое позднее через шесть лет в прошлое отправится человек, кости которого они здесь отырыли.

Следующий вопрос — как это будет осуществляться технически. Будет ли использована своего рода машина времени, как в романе Герберта Уэллса? Что может представлять собой эта машина? Будет ли это маленький ручной прибор, который удобно носить на поясе, или это скорее будет монструозное техническое сооружение наподобие электростанции? Если последнее, то заброска путешественника в прошлое вряд ли сможет пройти незамеченной. Может быть, она будет сопровождаться громкой информационной шумихой, прямой трансляцией на весь мир, сравнимой с сообщениями о высадке на Луну. Это легко себе представить: по одну сторону машина времени, рядом с ней отважный, самоотверженный путешественник, он машет в камеру, возможно, произносит какие-то последние слова типа «Большой шаг вперёд для всего человечества...», прежде чем отправиться в путь, из которого нет возврата. И потом, сразу после его старта, начнутся работы по раскопкам в условном месте, тщательно выбранном, о котором именитые историки сошлись во мнении, что оно

оставалось неприкосновенным со времён Иисуса. Там найдут кассету со съёмками Иисуса Христа, поскольку путешественник присутствовал при всём происходящем и затем заложил кассету в условное место. И миллиарды зрителей всего мира воочию увидят трансляцию тогдашних событий...

Эйзенхардт приостановился, снова потянулся за красным фломастером и поставил жирную точку рядом с соответствующим ключевым словом. Что-то ещё оставалось, о чём ему следует поразмыслить. Что-то застряло в нём и сидит глубоко. Некая мысль, которую он пока что не может извлечь на свет Божий. Очень важная мысль.

Ну ладно, а пока пойдём дальше. Если была машина времени — то есть прибор, который транспортировал путешественника в прошлое, — то возникает следующий вопрос: а где же этот прибор? И если он оставался при нём, то почему он не мог вернуться на нём обратно? На это, обнаружил Эйзенхард, есть простой ответ. Он не понравится Кауну и Уилфорду-Смиту, но от него не отмахнуться. Где, собственно, написано, что путешественник отправился в прошлое в одиночку? Не достовернее ли предположить, что была заслана целая команда? Для одного человека такая поездка была бы чересчур опасным делом. Чужая культура, чужой язык и образ мыслей, болезни, которые к моменту рождения путешественника давно искоренились, — не может быть, чтобы человека подвергли такому риску. Всё равно, что в одиночку посылать человека на Луну.

И вот, один член команды мог быть просто-напросто потерян. Может, его арестовали римские оккупанты. Может, он влюбился в красивую девушку и решил остаться с ней. Может, он попал в какую-то катастрофу. Как бы то ни было, он остался, через несколько лет умер и был погребён там, где его обнаружил Уилфорд-Смит. Другие члены команды вернулись назад в своё время — поэтому археологи и не нашли никакой машины времени. И естественно, они прихватили видеозапись с собой.

Если это объяснение верно, то камеру они будут искать здесь до посинения.

Хм-м. И сколько бы он ни размышлял, он не находил в имеющихся фактах ничего, что говорило бы против такого предположения.

Но допустим, что путешественник был одиночка. Допустим, транспортировка будет происходить не с помощью специальной машины, а как-нибудь иначе. Скорее при посредстве излучателя, как в фильмах о межзвёздных путешествиях. Такой большой временной пушки, которая своим передатчиком перемещает пассажиров в прошлое. Но будет ли такая пушка установлена именно в Израиле?

В кинофильмах всё происходит так: то же самое место, но другое время. В фильмах этого достичь удаётся. А в действительности? Не получится ли так, что с большой степенью вероятности путешественник окажется где-то в открытом космосе? Ведь ничто не двигается в пространстве так активно, как якобы твёрдая почва под нашими ногами. Мало того, что Земля совершает один оборот вокруг своей оси за двадцать четыре часа, — а это значит, что человек, спокойно сидящий в своём кресле где-нибудь в Средней Европе, движется при этом почти со скоростью звука. Но с ещё большей скоростью Земля вращается вокруг Солнца, которое, в свою очередь, с ещё более захватывающей дух скоростью несётся вокруг центра Млечного пути, который, опять же, мчится сквозь Вселенную со скоростью, о которой все земные ракетостроители осмеливаются только мечтать. Невообразимая космическая карусель. Эйзенхардт был едва ли в состоянии обрисовать, как это может происходить: транспортировать кого-то через пространство-время так, чтобы угодить в точно указанную цель — в Палестину двухтысячелетней давности. Это всё равно, что, вертясь на ярмарочной карусели, плюнуть в воздух — и попасть в левое плечо определённой персоны, которая находится на этой же самой карусели.

Сквозь пространство-время...

У него пресеклось дыхание. Он быстро сорвал колпачок с фломастера, который всё ещё держал в руке, и начал писать.

Если путешествие во времени будет возможно, если будет возможно переместить кого-то сквозь пространство-время, то точно так же возможно будет переместить человека и на другую планету! Попасть в Палестину на Земле, которая находится в том месте, где она находилась две тысячи лет назад, было бы так же легко или так же трудно, как

попасть на планету, которая вращается вокруг Альфа Центавра или Эпсилон Эридани.

И такая технология должна появиться в ближайшие шесть лет? Неправдоподобно. Это было настолько неправдоподобно, что можно было вообще перестать даже думать об этом.

Если бы не эта проклятая инструкция видеокамеры.

Эйзенхардт и этот лист отодвинул в сторонку. Он был голоден. У него болела голова. А инструкции по эксплуатации он и без того всегда ненавидел.

Затем следовало поразмыслить над тем, как гипотетический путешественник будет готовиться к своей поездке. Эйзенхардт вспомнил, что для него самого было тяжёлым кошмаром собрать чемодан даже в недельную поездку для выступлений. А что взять с собой, собираясь в прошлое, где ты намерен заснять на видео Иисуса Христа и затем остаться в том времени? Наверное, несколько любимых книг. Возможно, где-нибудь в земле гниёт себе аудиоплэйер двухтысячелетней давности вместе с кассетами? Медицименты. Наверняка он предварительно сделает прививки от всех болезней, но всё равно придётся взять с собой лекарства. Антибиотики, средство от поноса, таблетки от головной боли и всё такое. И ещё ему придётся выучить какой-нибудь из тогдашних языков. Арамейский, может быть, который, как Эйзенхардт недавно вычитал, был родным языком Иисуса Назарянина. И латынь, естественно, чтобы понимать римских оккупантов.

Изрядный багаж. Наряду с одеждой и тому подобными вещами — кстати, что в те времена использовали вместо зубной пасты? — разумеется, камера. Достаточное количество видеокассет для неё. Возможно, придётся взять что-то для маскировки камеры — при попытке представить реакцию тогдашних людей на человека, который бежит вокруг, прикинув глазом к окуляру маленького серебристо-серого CamCorder'a, Эйзенхардту отказывала фантазия.

Да, ну и, конечно, такой камере понадобится электрический ток для подзарядки. А судя по тому, что известно о Палестине начала христианской эры, электрические розетки там были скорее редкостью. Просто так аккумулятор камеры не подзарядишь, придётся брать с собой какие-то источники энергии — может быть, солнечные элементы.

Эйзенхардт отодвинул и этот лист в сторону, отложил фломастер и вздыхая принялся массировать виски. Что за проклятая такая работа. Что за безумное приключение.

И, чёрт бы побрал ещё раз, страшно хотелось есть. К свиньям все головоломки, сейчас он отправится в полевую кухню и посмотрит, чем там найдётся закусить!

Стивен постарался, чтобы щёлочка отодвинутого полотна палатки была не шире, чем ему необходимо, чтобы выглянуть: что происходит снаружи.

— Кстати, я разузнал, — сказал он вполголоса, — этого типа зовут Райан.

— Какого типа? — спросила Юдифь, сидя выжидающе на своей походной кровати.

— Который побывал в моей палатке, — он отпустил тяжёлый серый полог: — Никого не видно.

Юдифь выжидательно смотрела на него:

— И что теперь?

— Сегодня вечером возьмишь с собой к матери грязное бельё, постирать, — сказал Стивен. — Положишь его в большую дорожную сумку.

— А если кто-нибудь захочет обыскать эту сумку? Этот Райан, например?

— Тогда поднимешь визг на весь лагерь, чтобы он не смел прикасаться своими грязными лапами к твоему нижнему белью.

Юдифь вздохнула, нагнулась, подтянула к себе дорожную сумку и начала её освобождать.

— Не знаю. Что-то у меня нехорошее предчувствие насчёт всего этого дела.

Стивен по-прежнему стоял у выхода из палатки и снова выглянул наружу. Солнце клонилось к горизонту. Им нужно было спешить, скоро к палаткам от раскопок потянутся остальные рабочие.

— Ты, кстати, знаешь, что они там делают? — спросила она, выкладывая из сумки чистую одежду на кровать.

— Кто они?

— Эти техники, которые прибыли сегодня утром. Я ещё разговаривала с одним из них.

— Да. Я видел. Ну, и что же они делают?

— Он назвал это, погоди-ка, *сонартомографическим* обследованием почвы. Что-то вроде просвечивания. Как рентгеновский снимок, только при этом используются шоковые волны, а может, звуковые волны.

— Приблизительно так я и думал.

Юдифь скривилась:

— Естественно. Как я могла предположить, что ты об этом ещё не подумал. Мне не стоило даже утруждать себя, — она опрокинула содержимое пластикового пакета, в котором держала грязное бельё, в дорожную сумку. — И ты наверняка уже догадался, что они ищут.

— Они ищут камеру, я думаю. Наверное, Каун считает, что она где-то здесь.

— О камере этот техник, конечно, не знает. Его, кстати, зовут Джордж Мартинес, он работает в университете города Бозман, штат Монтана.

Стивен удержался от замечания, что и это ему уже известно.

— Интересно. И что ему сказали?

— Что ищут металлический ящик размером с чемоданчик. Якобы оссуарий хасмонидского царя.

— Металлический ящик... Ёмкость, в которой камера и видеозапись смогли бы продержаться две тысячи лет.

— Вроде бы так, — сказала Юдифь и встряхнула свою дорожную сумку: — Ну, грязное бельё готово.

— Отлично. Теперь мне нужно несколько минут побыть здесь одному, чтобы никто не помешал. Лучше, если ты постоишь на стрёме.

— Как скажешь.

Она встала, и они старательно обошли друг друга, поменявшись местами: Юдифь у выхода, Стивен — у её кровати.

Он опустил на колени.

— Теперь смотри, чтобы никто не вошёл.

— А если всё-таки войдёт? Например, Стина? — Стина звали её соседку по палатке.

— Тогда нам придётся целоваться, — как можно более сухо сказал Стивен. — И вести себя так, чтобы она из тактичности снова вышла.

Он услышал, как она испуганно набрала в лёгкие воздуха.

— Ты серьёзно?

Он ничего на это не ответил, а начал копать под её кроватью песчаную почву.

— Ну вот, — сказала она вполголоса через некоторое время: — Никакой Стины конечно же нет.

Стивен против воли улыбнулся, чего она, к счастью, не видела. Он продолжал копать, пока не вырыл то, что спрятал здесь сегодня утром.

Юдифь расширила глаза, когда он показался из-под кровати.

— Что это?

— Те ребята с кухни правильно делают, что запрещают нам уносить еду, — усмехнулся Стивен. — Посуда действительно пропадает бесследно.

То, что он держал в руках, было конструкцией из двух плоских дюралевых тарелок, вставленных одна в другую так, что между ними оставалась тесная, хорошо защищённая полость. По краям он оклеил тарелки прочным скотчем, и вся конструкция имела вид марсианского летающего блюда.

— И там бумаги?

— Точно. Надеюсь, защищены надёжно.

Он сдул последние песчинки с импровизированной шкатулки и осторожно поместил её в дорожную сумку Юдифи, на самое дно под бельё.

Эйзенхардт одиноко сидел за столом полевой кухни и жадно вычерпывал ложкой то, что было в его тарелке. От обеда больше ничего не осталось, когда он пришёл, но у повара нашлось кое-что из приготовленного на ужин: своеобразное овощное блюдо, название которого он опять забыл. Он улавливал вкус баклажанов, чеснока и тмина, а сверх того был ещё соус, совершенно ему незнакомый. Но главное, что это было вкусно, особенно когда проголодался.

Солнце уже опустилось. На фоне светлого горизонта видно было, как рабочие медленно потянулись с раскопок в свои палатки, где, видимо, хотели привести себя в порядок перед тем, как идти на ужин. Он следил взглядом за темноволосой девушкой, которая тащила к стоянке машин

большую дорожную сумку. Там она погрузила её в багажник синей малолитражки. Он смутно припомнил, что с заходом солнца начинается шаббат: наверное, некоторые из израильских рабочих уезжают домой.

Но пока он наблюдал за ней — а выглядела она хорошо: длинные чёрные волосы и прекрасная фигура, — его внимание привлекла машина, которая приближалась к лагерю, окружённая облаком пыли. Эйзенхардт наморщил лоб и присмотрелся получше. Это было такси.

Такси остановилось. Пока шофёр выгружал из багажника чемодан, к ним подошли Джон Каун и профессор, чтобы приветствовать мужчину, который вышел из машины и озадаченно озирался по сторонам. Насколько можно было разглядеть издали, новоприбывший был немолод, лет, может, пятидесяти, у него была лохматая седая борода, лысина на полголовы и впечатляющее брюшко. Уилфорд-Смит что-то говорил ему в своей неторопливой манере и с экономной жестикуляцией. Потом слово взял медиамагнат, наверняка начал издалика, говорил динамично, улыбался любезно, добился от слушателя согласного кивка и в конце концов взял его под локоток. Подскочили услужливые люди, утащили выгруженный чемодан, расплатились с таксистом, тогда как Каун и Уилфорд-Смит почтительно препровождали гостя к белой палатке четырнадцатого ареала.

После разговора с техником Гидеон впервые задумался о том объекте, который он охранял со своими коллегами.

Обычно ему это было всё равно. Такая у него работа — охранять. То есть, смотреть во все глаза и быть наготове задержать нападающего или, если не будет другого выхода, убить его. Если он охранял человека, то это могло значить готовность быть за этого человека раненым или убитым, но такая форма дополнительной готовности требовалась редко и компенсировалась повышенным вознаграждением. Обычно же он охранял промышленные объекты, коммуникационные сооружения, памятники культуры или туристические центры, но порой доводилось охранять и промышленников, и политиков, однажды даже Ясира Арафата, когда тот ещё не был президентом. Тогда он тоже

не особенно обременял себя раздумьями о смысле и цели своего задания; человек в бело-синем клетчатом головном платке был для него просто подопечным, как любой другой, кого ему вверяли. Ему часто поручали особые задания, потому что он хорошо говорил по-английски. Однажды он был телохранителем одной американской актрисы, которая два дня путешествовала по Израилю, а на прощанье поцеловала его. С тех пор он смотрел каждый фильм, в котором она снималась. Иногда играло роль то, что он славился стремительной реакцией. Это обнаружилось ещё в армии, и его там сделали снайпером. Но никто не сказал бы про него, что он особенно любопытен.

Он и теперь не любопытствовал. Просто задумался кое о чём. Он целый день простоял на охране одного из подступов к белой палатке, и ему даже в голову ни разу не пришло заглянуть в неё. Ведь им сказали, что заглядывать нельзя. И Гидеон строго следовал указаниям.

Да, конечно, он бы не прочь был узнать, что там такого значительного скрывается в яме, над которой разбита палатка. И он утешал себя тем, что если это действительно окажется значительным, он когда-нибудь узнает об этом из газет. И тогда он вырежет статью, прихватит её с собой в кафе, где он встречается с друзьями, и скажет им: *Я там был! Я эту штуку охранял!*

Вечером он видел, как английский профессор, который руководит раскопками, и американец, который, как он слышал, мультимиллионер и финансирует эти раскопки, встречали гостя, которого привезли из Тель-Авива на такси. Он понятия не имел, кто это. Человек был высокого роста, лет пятидесяти, с седой бородой и, казалось, страдал от жары, то и дело вытирая рукавом пиджака лоб и лысый череп, когда они втроём пробирались по дощечкам и переходам, ведущим к этой палатке.

Наверное, учёный, решил Гидеон и отступил в сторонку, пропуская этих троих в палатку.

— *erev tov*, — пробормотал профессор, замыкая шествие, и кивнул Гидеону с рассеянной улыбкой: — *Toda*.

— *Bevakasha*, — ответил Гидеон.

Добрый вечер. Спасибо. Пожалуйста.

Гидеон понял, что профессор не догадывается о том, что он владеет английским. Профессор был как раз занят

тем, чтобы показать новому важному посетителю свою ценную находку и рассказать о ней.

Гидеон придвинул свой стул поближе к палатке, положил УЗИ на колени и откинулся на спинку. Голоса трёх мужчин были явственно слышны.

В назначенное время Эйзенхардт набрал номер, по которому уже звонил сегодня утром. Трубку сняли сразу.

— Ури Либерман.

— Добрый вечер, господин Либерман. Это Петер Эйзенхардт.

— А, господин Эйзенхардт, да. Очень приятно.

— Ну, — с любопытством спросил писатель, — удалось ли вам что-нибудь узнать?

— Да. Вы были правы. В нашем архиве хранится очень много материалов о профессоре Уилфорде-Смите. Этот человек перерыл уже, кажется, весь Израиль.

— Ясно.

— Но, — добавил Либерман, — несмотря на его активность, он не пользуется в научных кругах доброй славой.

Эйзенхардт почувствовал, как уголки его губ почти сами по себе растянулись в улыбку. Это интересно!

— Что это значит конкретно?

— Ему ставят в упрёк, что он работает неряшливо: небрежно обращается с находками, у него пропадает и ломается гораздо больше, чем у других, и он копает слишком много и слишком быстро. Я нашёл интервью с Йигаэлем Ядином, где он говорит, что Уилфорд-Смит путает количество с качеством, а в одной части интервью, которая не была опубликована, он даже сказал буквально следующее: «Этот человек — просто наказание для израильской археологии».

— Хлёстко, — Эйзенхардт никогда не слышал об этом Йигаэле Ядине.

— Кроме того, Уилфорд-Смит имеет очень мало публикаций, а те, что есть, либо скучны, либо спорны. Имя Беньямин Мазар вам о чём-нибудь говорит?

Эйзенхардт помедлил:

— Не могу утверждать.

— У нас это фигура. Мазар провёл раскопки у Стены плача. Он ещё несколько лет назад выразился в том духе,

что сильно подозревает, будто Уилфорд-Смит вообще не сведущ во многих областях истории Палестины.

— Ничего себе.

— Единственное, что, видимо, признают за ним все археологи — это его способность находить спонсоров на все свои проекты.

— Может, именно этого они и не могут ему простить?

— Как я уже говорил, я не могу судить. Я просмотрел весь наш банк данных, как и обещал вам, но что касается истории древности, в этом предмете я полный невежда. Едва успеваю следить за текущей историей.

Эйзенхард лихорадочно записывал.

— Его профессорское звание — оно настоящее? — спросил он затем.

Он услышал, как Либерман вздохнул:

— И да, и нет. В принципе, звание настоящее, Уилфорд-Смит профессор истории в *Барнфордском университете* в Южной Англии. Но это учебное заведение принадлежит одной малоизвестной религиозной общине — *True Church Of Barnford*.

— Никогда не слышал.

— Я тоже не слышал, должен признаться. Об этой общине мне ничего не удалось разузнать за недостатком времени.

Эйзенхардт нацарапал в своём блокноте *Барнфорд*, подчеркнул тремя чертами и пририсовал рядом жирный вопросительный знак.

— Это всё?

Журналист тихо засмеялся:

— Лучшее я припас на десерт.

— А я думал, журналисты самое лучшее выкладывают вначале.

— Только в газетных статьях. Известно ли вам, что Уилфорд-Смит первоначально был профессиональным солдатом?

Эйзенхардт подумал, что ослышался.

— *Солдатом?*

— Он служил во время войны в Северной Африке под командованием Монтгомери, а потом был приписан к британской зоне ответственности «Палестина—Ближний Вос-

ток». Он был в составе британской группы войск, которая покинула Палестину в мае 1948 года при основании государства Израиль.

— Невероятно.

Эйзенхардт попытался представить себе в неторопливом, сутулом учёном храброго воина пустынь и патрулирующего солдата.

— М-да, и он, судя по всему, сохраняет непреходящую тягу к нашей стране. Он тогда вернулся в Англию, вышел в отставку, женился, получил место руководящего служащего на одной суконной фабрике и вёл спокойную, размеренную жизнь. До 1969 года. Тогда, уже в возрасте сорока двух лет, он неожиданно оставил свою высокооплачиваемую работу, дающую право на хорошую пенсию, и начал изучать исторические науки, специализируясь на библейской археологии, а в 1974 году впервые накинута на израильскую землю.

— Просто так, ни с того ни с сего?

— Не могу знать, что послужило толчком. Я могу только предположить, что он тогда получил кое-какое наследство и у него отпала нужда работать.

И тогда, значит, ему не пришло в голову ничего лучшего, как годами ковыряться в пустынном, убийственно жарком мёртвом ландшафте? Эйзенхардт покачал головой.

— В 1980 году, — продолжал Ури Либерман, — выше-названный *Барнфордский университет* присвоил ему звание профессора, но одновременно с этим освободил его от преподавательской деятельности, и с тех пор он почти безвылазно в Израиле. Но чтобы ответить на ваш главный вопрос одной фразой: Уилфорд-Смит за все эти годы не открыл ничего, что имело бы хоть мало-мальское значение в науке. Он даже не введён в справочник *Кто есть кто в археологии*. И если он хочет быть упомянутым хотя бы одной строкой в анналах науки, ему надо поторопиться.

Не запланированные изначально сонартомографические исследования имели далеко идущие последствия для дальнейших раскопочных работ (см. приложение II Заключительных выводов). Из полученных снимков ареалы 3 и 19 оказались не такими перспективными, как мы считали на основании анализа спутниковых фотографий, тогда как в трапецевидной области между ареалами 4, 5 и 6 выявились структуры, природа которых неясна и должна была бы подлежать обследованию посредством раскопок.

К моменту написания данного сообщения ещё не определилось, будут ли вновь предприняты работы при Бет-Хамеше и если будут, то когда.

*Профессор Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Вначале, когда они подъезжали к нему через иссушённые ночные холмы, это был просто большой город, как любой другой. Показались дома и рекламные щиты, высоковольтные линии и уличные фонари, мимо проносились освещённые фабричные дворы, супермаркеты и рестораны. Тёмные кипарисы жались на свободных участках между домами, и Стивену показалось, что все здания построены из одного материала — желтоватого песчаника — как будто город целиком был когда-то вырублен из цельного куска скалы.

Джордж совсем притих с того момента, как они пересекли черту города. Стивен, сидевший за рулём, время от времени поглядывал на Юдифь, которая выполняла роль штурмана. Но она всякий раз, заметив его взгляд, показывала двумя пальцами направление вперёд. Это означало держаться главной улицы.

Стивен имел лишь смутное представление о предписаниях шаббата — знал, что надо пребывать в покое и избегать любой работы и что шаббат начинается вечером в пятницу и длится до вечера субботы — то есть, от заката до заката. И то, что им пришлось вползать в центр города в вязкой гуще автомобилей, удивило его.

Но позже, когда он уже было пришёл к заключению, что это обычный город, такой же, как любой другой, они пересекли гребень холма и впервые увидели сверху простёртую перед ними как на ладони центральную часть города.

С заднего сиденья донёсся страстный вздох:

— Иерусалим, — благоговейно прошептал Джордж. — *Ерушалаим*. Город мира...

Город мира, которому за минувшие тысячелетия приходилось воевать больше, чем любому другому месту на земле, лежал перед их взорами, словно мерцающий золотом лоскутный ковёр, в котором горели бесчисленные огни и огоньки, вжавшийся в ложе широкой долины, утыканный тонкими минаретами и тёмными церковными башнями, украшенный куполами и куполочками. А дальше город снова поднимался вверх, к Храмовой горе, на которой господствовал могучий, захватывающий дух купол, единственный по-настоящему золотой: купол мечети Омара, или Храма Камня.

— Место, наполовину на земле, наполовину в небе, — произнёс Джордж почти дрожащим голосом. — Так говорила моя бабушка. И она была права, действительно, она была права...

Стивен только было собрался прикрикнуть на него строже, чтобы унять и отрезвить, как вдруг почувствовал на своей руке ладонь Юдифи. Он удивлённо взглянул на неё, а она улыбнулась ему так нежно, как не улыбалась ещё никогда.

— Оставь его, — тихо сказала она. — Иерусалим растрогает любого. Даже тебя.

— Меня? С чего ты взяла? Я самый неверующий из всех неверующих. Я мог бы *изобрести* атеизм.

— Ну ладно. Впереди у светофора налево.

В этот вечер они все опять собрались у Кауна. Новоприбывший расселся в кресле широко и грузно, как богатырский Будда, сложив мясистые руки на своём объёмистом животе. Ему было чуть за пятьдесят, он был одет в серый костюм — такой измятый, будто последние несколько ночей спал в нём, а галстукам он, видимо, вообще не придавал никакого значения, поскольку воротник его рубашки

под растрёпанной бородой был глубоко расстёгнут. Лысина его сверкала в электрическом свете, и Эйзенхардту показалось, что она обгорела на солнце.

Мультимиллионер представил их друг другу с элегантностью опытного светского льва, хвалил писателя в самом высоком тоне и затем представил остальным нового члена их маленького заговора как профессора Гутьера из Торонто, историка тамошнего университета и специалиста по истории Палестины.

— Очень рад, — воспитанно кивнул Эйзенхардт и подумал: *Интересно, а я-то думал, что специалист по истории Палестины здесь Уилфорд-Смит...*

Какое-то время тянулась неловкая тишина, которую Каун преодолел, снова сыграв роль бармена. Гутьер, когда настала его очередь, выразил желание выпить канадского виски — «и, пожалуйста, сколько войдёт в большой стакан».

И этот стакан он жадно опрокинул внутрь, так что Эйзенхардту стало дурно от одного только этого зрелища.

— А теперь, — наконец спросил Каун, — что вы можете сказать обо всём этом деле?

Канадец некоторое время тупо смотрел перед собой, прежде чем ответить.

— Я должен признаться, что я пока не в состоянии принять всё это за чистую монету, — прогремел он наконец органным басом. — Я пока что ограничусь тем, что буду делать так, *как будто*. И, возможно, мне понадобится ещё несколько стаканов этого превосходного виски, — надо приглушить мой критический рассудок настолько, чтобы я смог во всё это по-настоящему поверить.

— Виски для этого хватит, — сказал Каун и снова налил ему полный стакан.

— Спасибо, — однако на сей раз он хоть и взял стакан в руки, но не стал из него пить. Видимо, пока действовала предыдущая порция.

Снова воцарилось молчание. Все посматривали на историка, как будто он был воплощённый оракул. Тихонько всхлипывал кондиционер, да кожа кресел сдержанно поскрипывала, когда кто-нибудь закидывал ногу на ногу.

— Вы хотите знать, — повторил наконец канадец, застывшим взглядом воззрившись на обшитую красным деревом стенку вагончика, — где камера.

Медиамагнат кивнул:

— Именно так.

— Где во времена Иисуса могли что-то зарыть в полной уверенности, что спустя две тысячи лет откроют в целости и сохранности.

— Именно так.

Он издал почти комический вздох:

— Это сложно.

Каун мягко улыбнулся:

— Если бы это было легко, мы бы сделали это сами.

— Израиль очень большой...

Эйзенхардт увидел, что теперь посмеивается даже Уилфорд-Смит.

Профессор из Торонто всё-таки отпил из своего стакана, затем выдохнул с шумом, о котором трудно было сказать — то ли это вздох наслаждения, то ли тяжкого внутреннего напряжения, — и затем возвестил:

— Об этом мне надо подумать.

Взгляд, который метнул в его сторону Джон Каун, свидетельствовал об усилии, благодаря которому он сохранял самообладание. *О Боже, я выписал сюда дебильного алкоголика!* — казалось, говорил этот взгляд.

Но затем он снова вспомнил, что к этому делу приставлена и другая способная голова, и с воскресшей надеждой обратился к писателю:

— Мистер Эйзенхардт, вы думали целый день — может быть, *хоть вы* пришли к какому-нибудь заключению?

Эйзенхардт посмотрел на медиамагната с печалью. Никуда не денешься, придётся причинить ему эту боль.

— Да,— сказал он. — Я думаю, что камеры, которую мы ищем, не существует.

Они остановились на обочине, неподалёку от ворот в стене Старого города, которые казались пробитыми тут дополнительно, в позднейшее время. Сама стена, сложенная из светлого камня, слегка мерцала из-за деревьев и пальм, высокая, как многоэтажное здание.

— А ты уверен, что сможешь самостоятельно вернуться в лагерь? — ещё раз спросила Юдифь.

— Конечно, — заверил её Джордж. — В конце концов, есть такси. А в крайнем случае доберусь автостопом, — он

поднял вверх большой палец. — Я пол-Америки объехал автостопом!

— Ну, хорошо. Вон там — Новые ворота. Пройдёшь через них — и иди прямо, пока не дойдёшь до большого поперечного переулка. Там пойдёшь налево, и метров через двести будет Храм Гроба Господня. А может, метров через двести пятьдесят, но там есть табличка.

Она смотрела на щуплого мексиканца, у которого больше не оставалось для неё ни одного взгляда. Он стоял у машины, глубоко дыша, словно хотел вобрать в себя всеми порами своей кожи каждое мгновение, и его глаз хватало лишь на могучую стену, окружающую Старый город Иерусалим.

— Джордж? Ты всё понял? — переспросила она.

— Всё понял, — кивнул он. На какое-то мгновение показалось, что он пошатнулся, но это он всего лишь обернулся ещё раз, почти превозмогая себя, отвесил Юдифи поклон, взял её руку и прикоснулся к ней поцелуем. — Спасибо. Большое спасибо. И тебе тоже, Стивен, огромное спасибо.

И с этими словами он двинулся прочь, медленно и сомнамбулически. Можно было подумать, что эти ворота притягивают его магически, и когда он исчез за тёмным проёмом, они будто поглотили его.

— Вот чокнутый, — прокомментировал Стивен, когда они поехали дальше.

После того как Эйзенхардт изложил все свои соображения — что в прошлое будет послана целая команда, а не один человек, и что эта команда, даже по каким-то причинам оставив одного участника в прошлом, всё равно вернётся в своё будущее с камерой и, прежде всего, с видеозаписями, — их глаза оставались необъяснимым образом безучастными. Как будто они знали это лучше. Так на него смотрели когда-то его родители, когда он, пяти лет от роду, пришёл к мысли, что они могли бы сами рисовать деньги, чтобы отцу не приходилось впредь так много работать.

Эйзенхардт почувствовал, как в нём вскипает досада. Уж если он чего и не мог терпеть, так вот этого рода

заносчивости, этого *Ну-ну, говори, говори!* И если бы ему в голову сейчас пришла какая-нибудь гадость, что-нибудь подлое и обидное, что он мог бы добавить к сказанному, он бы это высказал. Но ему ничего не приходило на ум, и он беспомощно молчал и ждал, что скажут другие.

Этим другим оказался профессор Уилфорд-Смит.

— Я уверен, что камера существует, — сказал он мягким, тихим отеческим тоном.

И Джон Каун, глава многомиллионного консорциума, лишь одобрительно кивнул и подтвердил:

— Да. Я твёрдо верю, что она где-то здесь, неподалёку.

Только профессор Гутьер ничего не сказал. Он хоть и взирал на них, но, казалось, ничего из происходящего не понимал. Может быть, он обдумывал, какое впечатление произвёл сегодня. А может, причина была в хорошем ка-надском виски.

— Я только что объяснил вам, почему в высшей степени неправдоподобно, что... — Вспылил Эйзенхардт.

— Петер, — перебил его Каун с чарующей любезностью, — я вижу, что вы постарались обдумать проблему со всех сторон, однако такой результат нам не нужен. Нам не нужно ничего, что может нас остановить. В принципе есть всего две возможности: либо камера где-то здесь, либо её нет. Наверняка мы не можем этого знать. Если она есть, будет достаточно трудно отыскать её. Но если мы начнём думать, что её нет вообще, то мы уже капитулировали. А я не сдаюсь никогда. Вы понимаете?

Эйзенхардт взглянул на миллионера растерянно.

— Всё, что я хочу сказать, — снова начал он, воздев руки заклинаящим жестом, — это, что мы, может быть, потратим на поиски много времени и денег, а поиски...

— Я, — тотчас поправил его Каун. — Я потрачу много денег. Всё здесь, — он сделал короткое движение рукой, которое, несмотря на скупость жеста, однозначно включало этот мобильный дом, все остальные мобильные дома вокруг, палатки, наёмных рабочих, оборудование, просто всё, — оплачивается моими деньгами. Буду ли я считать это напрасным расточительством или инвестициями, оправдывающими риск, это исключительно моё дело.

Эйзенхардт почувствовал, как в нём что-то вяло захолопнулось, и он опустил в своё кресло.

— Да, — сказал он парализованно. — Окей. Разумеется.

— Не говоря уже о том, — продолжал Каун, — что я верю, что вы ещё не до конца продумали все аргументы.

Эйзенхардт только брови приподнял:

— Как это?

— Вы говорите, что в прошлое не станут засылать одного человека, а пошлют целую команду. Это звучит убедительно. Но видите ли, я постоянно посылаю съёмочные группы во все концы света, и часто в места весьма опасные. И бывает, что съёмочная группа кого-то теряет — либо его похищают, либо его арестовывают, либо с ним случается несчастье, либо его убивают. Это случается каждый год. И что, вы думаете, я делаю в таких случаях?

— Понятия не имею.

— Одного я *не делаю* ни в коем случае — я не оставляю его там. Я привожу в действие все силы, я переворачиваю вверх ногами небо и преисподнюю, чтобы вернуть назад этого человека. Я веду переговоры, я вымаливаю, я занимаюсь подкупом, я угрожаю, если могу, — но я использую все средства, чтобы вернуть этого сотрудника назад независимо от того, раненый он, мёртвый или сам виноват во всём, что с ним случилось, и совершенно безразлично, сколько это стоит. И до сих пор пока что никто не остался там, где его потеряли. Всего погибло семеро сотрудников при исполнении своих служебных обязанностей, но все они похоронены на родине. Понимаете, что я хочу этим сказать?

Писатель медленно кивнул, на него невольно произвела впечатление энергия, с какой говорил Каун. И он был склонен ему верить. Если же это всего лишь актёрская игра, то Каун напрасно зарыл в землю огромный талант.

И он был прав. Его правота раздражала Эйзенхардта, он должен был в этом признаться. Может, совершенно справедливо, что Каун миллионер, а он — всего лишь писатель, который не знает, как расплатиться за свой типовой домик.

Может быть, путешественникам во времени пришлось появиться в прошлом ещё раз — незадолго до той беды, чтобы предотвратить её. Хотя — тут снова приходится вступать в область пресловутых парадоксов времени. Допустим,

один из путешественников во времени попал в катастрофу, в которой погиб. Его коллеги отправятся в прошлое *перед* этой катастрофой и предотвратят её. Но если катастрофы не случится, то у них не будет повода совершать эту маленькую поездку, и следовательно, они не смогут предотвратить катастрофу, и она всё же произойдёт. После чего они вернутся немного назад до неё — и так далее.

— И даже если один из членов гипотетической группы влюбился там, — продолжал Каун, — то он смог бы взять девушку с собой в будущее. Уж это было бы надёжнее, чем оставлять в прошлом человека, которому знакома история предстоящих двух тысяч лет.

— Но перепрыгнуть через две тысячи лет, — возразил Эйзенхардт, — было бы культурным шоком, который не так легко преодолеть...

— Ах, да бросьте, миллионы людей в развитых странах его преодолели. Вы когда-нибудь видели семидесятилетнего австралийского аборигена, работающего за современным компьютером? А я видел. Поверьте мне, человек рождения нулевого года легче привыкнет к нашему сегодняшнему образу жизни, чем наоборот. — Каун невольно помотал головой. — Не говоря уже о том, что и сейчас на нашей земле найдётся достаточно мест, где всё ещё живут так же, как две тысячи лет назад.

— И даже если он, не знаю уж почему, остался бы в прошлом, — вставил профессор Уилфорд-Смит, — то для чего ему оставили бы инструкцию по эксплуатации, но без камеры?

Писатель некоторое время обдумывал свои соображения второй половины дня. Что-то там было ещё...

— Я спрашивал себя, — начал он размышлять вслух, — если в ближайшие годы действительно будет изобретён способ путешествия во времени, не станут ли неизбежными приключенческие путешествия в прошлое. Так, как практикуют наши специализированные турфирмы. Ведь туристы уже ездили в Югославию в места боевых действий — определённо нашлись бы люди, охотно переместившиеся в места решающих сражений Второй мировой войны. Кому-то захотелось бы встретить Моцарта или Гёте. Наша история просто кишела бы любознательными гостями из буду-

щего. Исторические рассказы должны были бы то и дело повествовать о людях, которые плохо владели языком, не соблюдали обычаев, носили странную одежду и использовали таинственные приборы. О людях, которые совершали преступления и после этого загадочным образом исчезали. А секс-туристы должны были бы стать сущим наказанием. Или речь шла бы о людях, неведомо откуда взявшихся и делавших сомнительный гешефт: скупавших, например, картины художников, которым пока ещё было далеко до их будущей славы и признания. Но мы видим, что ничего этого нет. Мы не находим в истории упоминаний об этом. И напрашивается вопрос: почему?

Каун одобрительно кивнул.

— Может быть, путешествия во времени будут подлежать строгому государственному контролю, как, например, производство атомных бомб, — продолжал размышлять Эйзенхардт. — А может, путешествие во времени, как, например, высадка на Луну, требует огромных затрат и слишком дорого для туризма. Может, будет существовать специальная полиция для пресечения всех несанкционированных действий такого рода. А может, есть и простое физическое объяснение... — Он ощутил, как в нём что-то щёлкнуло. Как будто было сломлено его железное убеждение, что в реальности путешествие во времени невозможно.

— И какое именно? — с интересом спросил Каун.

— Может быть, — медленно произнёс Эйзенхардт, — вскоре будут открыты физические принципы перемещения во времени — и один из этих принципов будет гласить, что эти перемещения возможны только в одном направлении. В прошлое. Можно отправиться в прошлое, но нельзя вернуться назад, в своё время, из которого отправляешься.

Однако, этого было бы достаточно, чтобы основательно изменить мир, который они знали. Люди бы отправлялись в прошлое на какую-нибудь неделю назад, чтобы набрать правильную комбинацию цифр в лотерею. И уж ради миллионного выигрыша выдержали бы несколько дней. А как обстояло бы дело с последующим предотвращением несчастных случаев? Со всеми теми временными парадоксами, которые при этом возникали?

— Поэтому никогда не будет туризма в прошлое — даже через десять миллионов лет. Могут быть лишь единичные случаи отправления в прошлое без возврата. Романтики, которые сбегут в доброе старое время. Добровольцы, готовые пожертвовать жизнью ради науки.

Профессор Уилфорд-Смит кивнул:

— И одного такого мы нашли.

Рокфеллеровский музей представлял собой большой комплекс, граничивший с парком. Самое значительное здание музея — высокую восьмиугольную башню — было видно издалека. От Новых ворот им пришлось ехать недалеко — по широкой улице Хазанханым, ведущей вдоль стены Старого города, переходящей в улицу Султана Сулеймана. Стивен остановился на просторной, пустой парковочной площадке перед музеем, достал мобильный телефон и набрал номер, который дал ему Иешуа.

— Мы здесь, — сказал он, когда Иешуа ответил.

Он услышал вздох:

— Ну наконец-то. Подождите, я сейчас выйду.

Они ждали. Несколько низеньких светильников, прячущихся в траве и среди кустов, едва разгоняли темноту на просторной асфальтовой площадке. Широкая пешеходная дорожка вела к стеклянному portalу входа, окутанному тьмой.

— Ты, наверное, думаешь: ну вот, сегодня вечером мы будем писать историю, ведь так? — спросила Юдифь без перехода. И на него при этом не взглянула.

Стивен смотрел на её приметный профиль, который обрисовывался на сумрачном фоне, словно ножницами вырезанный.

— По крайней мере, я не исключаю этого.

— А потом?

— Потом?

— Что ты будешь делать потом? После того, как напишешь историю.

— Понятия не имею, — ему почудилось какое-то движение у портала, но он, должно быть, ошибся, потому что никто не вышел, не помахал им рукой. — Что-то твой брат не торопится.

Юдифь молчала. Остывающий мотор издавал лёгкие щёлкающие звуки.

— Эй, — сказал, наконец, Стивен, — я всё понял: ты держишь меня за тщеславного безумца и не веришь, что мы обнаружим что-то значительное. Окей. Может, ты и окажешься права, но до того момента не порти мне удовольствие, ладно?

Она вздохнула, потом пробормотала:

— Нет. Я не только верю в это. Я этого даже страшусь.

Они до смерти испугались, когда кто-то внезапно постучал в стекло машины. Это был Иешуа, который каким-то образом умудрился подойти к машине сзади так, что они его не заметили.

Стивен опустил стекло, давая нервам разрядку:

— Иешуа, ты с ума сошёл, — проворчал он. — Хочешь нашей гибели?

— О, — заморгал он глазами, — я вас испугал? Главный вход по ночам охраняется. Нам придётся прокрадываться через боковой выход. Охраннику совершенно ни к чему знать, что здесь происходит. — Иешуа указал на кусты, в тени которых они припарковались: — Вы хорошо встали, отсюда несколько шагов.

Теперь сумку Юдифи нёс Стивен, следуя за её братом по узкой тропинке через декоративные кусты. Сухие веточки потрескивали у них под ногами. Они подошли к двери, которая располагалась на метр ниже поверхности земли; к ней вниз вели ступени. Иешуа погромел связкой ключей, сказал: «Идёмте!» — и они шагнули за ним в темноту.

Когда дверь за ними закрылась, включился свет. Они очутились в небольшом, пыльном складском помещении. Вокруг громоздились какие-то деревянные ящики, большие и маленькие, все тщательно заколоченные и подписанные по-еврейски, иные даже укрыты брезентом, на котором скопилась многолетняя нетронутая пыль, а то и многодесятилетняя. Но долго осматриваться было некогда: Иешуа отправил их вперёд, а сам выключил за собой свет. Они поднялись по лестнице вверх, прошли ещё одну дверь, потом попали в выставочный зал с дежурным освещением. Это было просторное, холодное помещение, в котором

каждый их шаг отдавался эхом. Стивен непроизвольно задержал дыхание, обходя стеклянные витрины, длинными рядами стоявшие друг за другом. Там было выставлено громадное количество старинных монет и керамических обломков; кости, ювелирные булавки из бронзы, золота и серебра, фрагменты папирусных свитков и драные клочки кожи от обуви или одежды.

— Сюда, — пробормотал Иешуа, и им показалось, что дальнейшее эхо его голоса шепчет по всем углам: *да... да... да...*

Высокая дверь, которая негромко, но в тишине ночного музея нервоза раздрающе закрипела, вывела их в холодный коридор, единственным украшением которого был маленький настенный бюст основателя музея, Джона Д.Рокфеллера. По лестнице они снова спустились в подвал и наконец очутились в лаборатории.

Ярко вспыхнувшие трубки дневного света вырвали из темноты голые рабочие столы. Перед столами на неравномерном расстоянии и в причудливом беспорядке стояли стулья: по-видимому, днём тут полным ходом шли реставрационные работы. Было множество луп, укреплённых на подвижных кронштейнах. На полках над столами теснились стеклянные бутылочки с химикатами — всех размеров, частью коричневые, частью прозрачные, снабжённые этикетками с надписями от руки. На подставке у раковины были выставлены на просушку ванночки, а в маленьких чашках лежали пинцеты всех размеров и назначений, всевозможные скальпели, кисточки и кисти, иглы, металлические квадраты и множество других инструментов, каких Стивен ещё никогда не видел.

— Итак, — сказав Иешуа и, судя по выражению его лица, сам не знал, то ли ему бояться, то ли радоваться, — вот мы и пришли.

Джордж Мартинес нашёл Храм Гроба, но тот был закрыт. Другого он и не ожидал. Прижавшись лбом к холодному металлу двери, он некоторое время стоял, пытаясь осознать своё счастье. Он здесь! Он добрался до того места, где Спасителя положили в гробницу, откуда он затем триумфально воскрес, утвердив тем самым победу света над властью смерти. Это произошло две тысячи лет назад, и вот

теперь он, Джордж Мартинес из Бозмана, штат Монтана, здесь. И в то время, когда он тихо стоял, пытаясь охватить разумом непостижимое, ему показалось, что вся его жизнь была лишь подготовкой к этому моменту, как будто все свои пути и перепутья он прошёл лишь для того, чтобы в конце концов очутиться здесь.

Он не мог бы сказать, как долго он здесь простоял — может, полчаса, может, час, а может, лишь десять минут. Время больше не играло роли. Когда он снова выпрямился, он почувствовал себя совершенно преображённым, исполненным мира, согласия и благодарности. И мир вокруг него, казалось, преобразился, начал сиять и лучиться, краски стали интенсивнее, темнота темнее, а свет светлее. Всё было так, как и должно было быть. Он пришёл.

Конечно, потом он заблудился. С другой стороны, нельзя было сказать, что он заплутал, потому что у него не было определённой цели. Он бродил по узким, высоким переулкам Старого города, поднимал голову вверх к зарешёченным окнам поверх раскошенных выступов, проходил через затхлые туннельные проходы, в которых тусклые лампы со старческой слабостью едва коптили перед собой, а на вековых стенах дичайшим образом переплетались электропровода. Тут и там ему встречались люди: женщины, благонравно покрытые платками, арабы в белых бурнусах, с кольцом-каффийе на голове. Они игнорировали его, в лучшем случае бросали на него равнодушный взгляд. Все они были дивно хороши собой. Он проходил мимо опущенных железных роль-стен, мимо запертых дверей и мужчин, сидящих на каменных скамьях и молча куривших. Здесь царил мир.

Затем он обнаружил литую чугунную табличку, обветшавшую, прибитую к стене — на ней просто была надпись крупным шрифтом: VII ST. Под ней была прикреплена ещё одна металлическая табличка, и Джорджу пришлось посветить себе зажигалкой, чтобы прочесть надпись.

Это, как свидетельствовал англоязычный текст, была седьмая остановка крестного пути Христа. Место, где Христос во второй раз рухнул под тяжестью креста, который его заставили тащить на гору Голгофу.

Джордж невольно глянул на пол. Плотнo подогнанные каменные плиты, сточенные шагами множества веков.

Затем — с опозданием в несколько секунд, будто тяжёлое ядро для сноса старых домов — но не физическое, а духовное — должно было сперва откачнуться для размаха, — оно обрушилось на него всей своей тяжестью. Здесь? В этом узеньком переулочке? Если он встанет посередине и расставит руки в стороны, то достанет обе стены — слева и справа. У них в Америке иная канализационная труба шире, чем этот переулок.

Здесь всё это было. Справа и слева стояли, глумились над терновым венцом у него на голове, а он шатался под тяжестью громадного креста, ослабленный мучениями пыток, допросов, издевательств. Они целились в него плевками и высмеивали его на пути к месту казни.

Он проходил по этому переулку.

Этих каменных плит касались ступни Спасителя.

Джордж опустился на колени, прикоснулся к плитам.

Потом и кровью Спасителя орошена эта дорога. Ему показалось, что ещё можно ощутить эти следы.

Райан закончил обход лагеря и теперь стоял напротив жилища шефа. Из окон переговорной комнаты просачивался слабый свет, но ничего не было слышно. Охранные посты у четырнадцатого ареала как раз сменялись: возможно, эта ночь станет последней, когда находку ещё нужно будет охранять. Всё было спокойно.

Он медленно повернул голову во все стороны, медленно втянул воздух раздувшимися ноздрями. Была у него такая привычка принюхиваться, когда что-нибудь его занимало. Когда инстинкт подсказывал ему, что не всё в порядке.

Он мысленно прокрутил все события дня, ещё раз обдумал всё, что видел и слышал и что ему сказали, и тут ощутил абсолютно точно, в каком месте сидит заноза.

Он резко повернулся и по-кошачьи крадущейся походкой направился к дому напротив, где располагался административный центр всего предприятия. Там работали круглые сутки, а дверь всегда была заперта. Конечно, у Райана был свой ключ, и связка ключей в его руках никогда не гремела.

Этот мобильный дом был обставлен настолько же поспартански целесообразно, насколько другие — комфорта-

бельно. Тут стояли только столы и стулья, шкафы с папками, компьютеры, оборудование для видеоконференций, спутниковые телефоны, вообще огромное количество телефонов. Райан кивнул мужчине, который сидел за пультом телевизионного монитора: перед ним было переговорное устройство и лежала амбарная книга, в которую он то и дело что-то записывал. В дальнем углу у экрана сидела женщина, отслеживая биржевые курсы и тихо отдавая команды в микрофон, закреплённый на дуге у самых губ. Она была целиком сосредоточена и проигнорировала Райана, возможно, даже не заметила его появления.

Райан снял с полки папку и подсел к столу, на котором стоял телефон. Аппарат был серый, что по их внутренней цветовой кодировке означало, что он связан с местной телефонной сетью страны, в которой они работали. Он раскрыл папку, нашёл лист со списком вольнонаёмных рабочих и повёл пальцем вниз по столбику имён. Добравшись до имени Юдифь Менец, палец пополз вправо — до графы, в которой значился её телефонный номер.

Он подвинул к себе телефон и набрал этот номер. Послышались длинные гудки, потом трубку сняли. Отозвался голос нёмолодой женщины, тихий и невнятный, и он не понял, что она сказала.

— Госпожа Менец? — удостоверился он.

— *Кеп*, — ответила она. Райан не владел ивритом, но уже знал, что это означает *да*.

— Вы говорите по-английски? — спросил он как можно медленнее и отчётливее.

Короткая пауза.

— Да, — последовало затем. — Немного.

Впечатление было такое, что очень уж немного.

— Могу я поговорить с вашей дочерью Юдифью? — спросил Райан.

Ей снова потребовалось время, чтобы сообразить.

— Нет, к сожалению. Она... не здесь.

— А вы знаете, где она?

— Она работает. У одной ... раскопки.

— Разве она не собиралась вечером приехать к вам?

Долгая пауза. Потом:

— Извините?..

— Сегодня вечером, — повторил Райан ещё раз как можно медленнее, — Юдифь собиралась к вам в гости. Мне так сказали.

— Юдифь? Нет. Она не здесь. Она работает.

— Она не приедет сегодня?

— Нет.

Собственно, этого было достаточно. Юдифь Менец сказала, что они приглашены со Стивеном Фоксом к её матери, но мать, как выяснилось, ничего об этом не знает.

Жизнь неожиданно вернулась к профессору из Канады, который до сего момента вяло и отсутствующе сидел в кресле, всё глубже заглядывая в свой стакан. Джон Каун с самоотверженной миной исправно подливал ему, когда Гутьер поднимал опустевший стакан вверх.

Но вдруг свободная рука профессора рванулась вперёд, схватила альбом репродукций, лежавший на столе Кауна, и воздвигла его вверх, в то время как сам он с усилием выкарабкивался в вертикальное положение. На обложке альбома был изображён храм с золотым куполом, снятый со стороны Масличной горы, на фоне Старого города. Картинка, которую можно увидеть на бессчётных путеводителях по Израилю.

— Я должен, — прогремел басом профессор Гутьер, — кое-что рассказать вам о Храмовой горе.

— Для чего? — спросил Каун.

— Сейчас увидите. Вы наверняка знаете, что любому еврею запрещено ступать на Храмовую гору — но известно ли вам, почему? — Он немного подождал, не будет ли ответа. — Обычно считают, что это им запретили на все времена мусульмане, когда захватили город в 632 году. Но это не соответствует действительности. Это запрещает им их собственное предание и традиция. Поскольку Храмовая гора, как вы знаете, представляет собой руины иерусалимского храма времён царя Ирода — то есть храма, в котором часто бывал, кстати сказать, Иисус Назарянин, — а тот, в свою очередь, был возведён на руинах храма царя Соломона. Этот храм упоминается в Ветхом Завете, и был он якобы невероятно колоссальных размеров. Поскольку сегодня точно не известно, где на территории Храмовой

горы находится их святыня, то ни одному человеку, за исключением высшего духовенства, не разрешено ступать туда под страхом смерти и вечного проклятия. Поэтому верующие иудеи на всякий случай не поднимаются на эту гору.

Он беспокойно покрутился в своём кресле, продолжая искать приемлемое положение, в котором можно было бы существовать.

— Историки, кстати, уверены, — продолжал он, — что святыня должна находиться приблизительно там, где сегодня находится источник *Quaitbay*, несколько юго-западнее мечети Омара.

— И что? — спросил Каун, которому так же, как и остальным, было непонятно, куда клонит канадец.

— Самое замечательное в Храмовой горе то, — продолжал Гутьер, тяжело ворочая языком, — что она является святыней как для иудеев, так и для мусульман. Иудеи ожидают здесь будущего пришествия мессии, а для мусульман это третье по святости место после Мекки и Медины, потому что именно отсюда однажды на один день был взят на небо Мохаммед. У них это называется *Харам-эш-Шариф*, что в переводе означает приблизительно «великая святыня». — Он ненадолго смолк и некоторое время разглядывал обложку альбома с репродукциями. — И видит Бог, она великая. Во всём Иерусалиме не найти более роскошного строения. Мечеть Омара красоты неповторимой — фаянсовая облицовка наружных стен, арабески и мозаики купола... Этот храм послужил прообразом для собора Святого Петра в Риме, вы это знали? Он и сам почти сверхземной. Но в первую очередь он символ, могущественный политический символ для ислама. Ибо Аллах обратился к Мохаммеду, потому что все прежние религии — иудаизм, христианство — не выполнили своей задачи. Ислам призван упразднить прочие религии. То, что на Храмовой горе сияет золотой купол мечети Омара и серебряный купол мечети Аль-Аксы, понимается как зримое доказательство того, что ислам достиг исторической победы и что мусульмане истинные наследники ветхозаветного Бога.

Каун взял бутылку виски, убрал её в холодильник и внятно закрыл дверь.

— Я думаю, — сказал он, — все эти взаимосвязи нам в общих чертах известны, а в той части, которую мы не знаем, они могут интересовать нас лишь чисто теоретически. Разве что если вы объясните, какое отношение всё это имеет к нашему поиску видеокамеры.

— Ах да, — Гутьер отложил альбом в сторонку, ещё немного покрутился в кресле, которое очевидно причиняло ему массу неудобств, и несколько мгновений подыскивал подходящее начало: — Если ваша теория верна в том, что касается видеокамеры и отважного исследователя-камикадзе, который в обозримом времени отправится с ней в прошлое, чтобы заснять Иисуса Христа... — он смотрел при этом как нарочно на Эйзенхардта, как будто именно тот был самым решительным сторонником такого толкования, — ...э-э, мы могли бы размотать клубок в обратную сторону следующим образом: допустим, в один прекрасный, не столь отдалённый день придёт ко мне молодой человек и спросит, где в Палестине году, скажем, в тридцать пятом можно спрятать предмет так, чтобы быть в полной уверенности, что спустя две тысячи лет его можно будет найти в этом месте нетронутым. Не правда ли, ведь именно в этом состоит вопрос, который мы здесь ставим перед собой?

Каун кивнул:

— Именно так.

Канадский историк хоть и был пьян, но логические возможности его мышления от этого не пострадали.

— Спонтанно я бы ответил ему: спрячьте ваш предмет в каком-нибудь пустынном месте, неважно где, главное, чтобы поглубже — тогда ему ничего не сделается.

Медиамагнат откашлялся:

— Это не совсем то, что я надеялся от вас услышать, если быть откровенным.

Гутьер поднял руку:

— Погодите. Я ещё не закончил. Поскольку тут бы я поразмыслил ещё немного и обнаружил, что на этот вопрос не так-то просто ответить. Ведь я хочу не просто укрыть что-то, я хочу это потом вновь разыскать. Вот проблема. Палестина была плотно заселена в течение последних пяти тысяч лет. Тут одна культура громоздится на другой, почти любое строение стоит на руинах предыду-

шего, любая святыня скрывает под собой другую святыню. И ландшафт драматически изменил свой вид с течением времени. Если взять карту Израиля и отметить на ней чёрным цветом все места — каждую археологическую раскопку, каждый построенный дом, каждую известную нам дорогу, то наверняка ещё останутся кое-где светлые места. Но у этой страны за плечами две тысячи беспокойных лет. Фактически не найдётся кусочка земли шириной в ступню, о котором можно было бы наверняка сказать, что этот кусочек последние две тысячи лет оставался нетронутым. — Он посмотрел на всех по очереди, ответил на скептический взгляд Эйзенхардта, улыбнулся согласному кивку Уилфорда-Смита и наконец перевёл взгляд на Кауна, который прилагал усилия, чтобы скрыть своё разочарование. И затем он добавил: — За одним исключением.

Эйзенхардт наблюдал, как глаза магната сузились, превратившись в щёлочки. Казалось, он терпеть не мог подобные риторические игры, разве что если играл в них сам.

— А именно?

— Я ещё раз подчёркиваю, что это для меня игра мысли, — сказал Гутьер. — Шальная теория, не более того. Поэтому прошу вас, не делайте меня ответственным за то, что я здесь сейчас навыдумываю.

— Обещаю. Итак, какое такое место вы имете в виду?

— Я обратил бы внимание того гипотетического молодого человека на то, что мечеть Омара сооружена над большим, неправильной формы обломком скалы размерами примерно тринадцать на семнадцать метров. С этой скалы Мохаммед был похищен на небо. Эта скала, которую мусульмане называют *Сахрв*, состоит из первородного камня и перед этим служила в иудейском храме в качестве жертвенного алтаря. Уже для них она была священна, поскольку речь идёт о вершине горы Мориах, о скале, на которой Бог испытывал Авраама, требуя от него, чтобы тот принёс в жертву своего сына Исаака.

В помещении установилась растерянная тишина.

— Единственное место, — невозмутимо заявил Гутьер, — о котором мы с абсолютной уверенностью можем сказать, что оно оставалось нетронутым последние две тысячи лет — это та самая, священнойшая из всех скал. Камень в мечети Омара.

Отправитель: Donald_Frey@aus.new.com

Получатель: John_Kaun@ny.new.com

Сообщение— Id:

<4127900.70D0C@nwsrv041.new.com>

Тема: Переговоры в Мельбурне

Mime-Version: 1.0

Content-Type: text/plain; charset=iso-8859-1

Джон, из-за переноса сроков в среду переговоры всерьёз оказались под угрозой. Я звонил в Ваш секретариат. Сьюзен Миллер сказала, что Вы находитесь в Израиле. Это так? Прошу Вас, дайте о себе знать.

Сердечно, Дон.

Бумага имела практически безнадёжный вид. Стивен почувствовал, как вспотел. Чёрт побери! Она не была такой истлевшей, когда он достал её из ящика для находок и поместил между дюралевыми тарелками. Неужто она разрушилась от транспортировки? Сотни мельчайших серых клочков были откошены по краям, а остальное выглядело таким пожелтевшим и высохшим, что готово было в любой момент рассыпаться в прах.

Он бросил короткий взгляд в сторону Иешуа. Но тот был не особенно подавлен. Папирусные свитки наверняка выглядели не намного лучше, если их две тысячи лет назад поместили плесневеть в какой-нибудь глиняный кувшин.

Но именно тогда, когда в нём снова воскресла надежда, Иешуа вздохнул и многозначительно сказал:

— М-да...

Не объясняя дальше, что он хотел этим сказать, он приступил к приготовлениям: разложил лупы и пинцеты, выставил ряд плоских пластиковых ванночек и стал настраивать объектив фотоаппарата, который был привинчен к штативу специальным образом — так, чтобы фотографировать строго вертикально.

Стивен взглянул на жалкую кучку пыльной бумаги, которая лежала в помятой дюралевой тарелке и вид имела

такой, что её оставалось только вытряхнуть в мусорное ведро. И это его вина. Он оказался ничем не лучше того вандала, который сжёг Александрийскую библиотеку.

В помещении лаборатории было холодно, но Стивен вспотел. Это, как он мгновенно понял, было от страха, такого страха он не испытывал уже много лет. Как он сможет теперь выбраться из этой беды? Но ведь до этого он был достаточно хитроумен, чтобы вообще не попадать в щекотливые ситуации. Достаточно хитроумен, чтобы заранее почуять опасность, правильно истолковать предостерегающие сигналы и своевременно нажать на тормоз или выбрать другую дорогу.

— Ну, получится что-нибудь? — спросил он, наконец-то набравшись смелости, и голос у него охрип.

Иешуа подтянул к себе световую лупу и включил её. Он тщательно изучил находку, прежде чем ответить. Стивену показалось, что прошли целые часы.

— Трудно сказать. Тут два листа бумаги, каждый из них был свёрнут пополам, потом их вставили навстречу друг другу и снова свернули уже вместе. Взгляни сам.

Он подвинул линзу к Стивену. В увеличении всё выглядело ещё ужаснее: всё продырявлено, кое-где бумага рассыпалась в тонкую пыль, распалась на волокна, края ломкие.

— Вид такой, будто на них вообще ничего не написано, — слабым голосом произнёс Стивен.

— Это только кажется.

Юдифь сидела верхом на стуле у другого конца лабораторного стола, устало положив голову на руки. Когда Стивен предложил лупу ей, она отказалась смотреть. Всё здесь ей было уже знакомо: наверно, она не раз составляла брату компанию.

Иешуа снова подтянул линзу к себе, взял пинцет и отщипнул крошечный кусочек бумаги, чтобы положить его в керамическую чашечку.

— Может быть, разознаем, какой тип бумаги, — сказал он и снял с полки несколько бутылочек с химикатами.

У Стивена возникла одна идея.

— У тебя есть линейка?

— Есть. В шкафу перед тобой. В верхнем ящике.

Линейка, которую он извлёк, оказалась солидным предметом из тяжёлой стали, с одной стороны у неё была мет-

рическая шкала, с другой — дюймовая. Стивен склонился с ней над объектом исследования.

— Чего ты хочешь? — спросил Иешуа.

— Почти четыре с четвертью дюйма в ширину и... — он осторожно приложил линейку по другой стороне, — ...пять с половиной дюймов в длину.

— Ну и что?

— Если бумагу развернуть, она будет вдвое длиннее и вдвое шире, итого одиннадцать на восемь с половиной дюйма, — сказал Стивен и отложил линейку в сторону.

— Логично.

Они всё ещё не понимали. На Стивена же это явно произвело сильное впечатление. Он посмотрел на обоих и объяснил:

— Это формат, который имеет обычно американская писчая бумага.

«Церковь Симона» была маленькая — почти что капелла — и такая же незначительная. С первого взгляда было ясно, что она не имеет ничего общего с какими бы то ни было святыми местами и заслуживающими упоминания событиями, которыми так богат Иерусалим. Название церкви, возможно, относилось к притче из Евангелия от Марка, в которой рассказывается, как часть семян, которые Симон вышел посеять, склевали птицы, другая часть невзначай упала на каменистую почву, где ростки не смогли выстоять против солнечного зноя, а третью часть он потерял на том, что посеял злаки среди сорняков, которые заглушили всходы. И лишь небольшая часть семян попала на благодатную почву, и эта часть дала урожай сторицей и тем самым возместила все остальные потери. Но эту притчу Иисус рассказал совсем не в этом месте, а в Северной Галилее, предположительно в Капернауме. Церковь была построена лет двести тому назад в одном из примыкающих к стене Старого города кварталов — в месте, которое во времена Иисуса было ещё скупой пашней, и никто толком не знал, почему эта церковь вообще была построена и почему она стоит там, где стоит.

Церковное здание, казавшееся скорее приземистым и мрачным, стояло как раз на перекрёстке двух переулков с

очень активным движением, потому что местные водители часто использовали их в качестве объездных путей, когда на главных улицах скапливались пробки. Окна церкви посерели от пыли и выхлопных газов, и даже когда колокол в низенькой башне звонил к обедне, звук казался пыльным. Но это не играло роли, потому что в этом квартале жили преимущественно мусульмане.

Вечер шаббата был единственным вечером, когда переулки опустевали. Патер Лукас, францисканский монах, который вместе с двумя другими братьями поддерживал жизнь в маленькой церквушке, сделал своей привычкой наслаждаться этим редким покоем. Когда из их столовой уходил последний посетитель, патер Лукас не запирали за ним ворота, как обычно, а садился снаружи на вытертый каменный выступ, окружавший церковную башню, и выкуривал единственную за всю неделю сигарету. Каждый вечер они проводили богослужение для слабых, больных и нуждающихся, а потом кормили голодных. Голодных, прикормленных здесь, было много, и далеко не все из них были католиками. Но об этом монахи их не спрашивали.

Помощь бедным снискала им признание и среди мусульманских соседей. Взять хоть сапожника, мастерская которого размещалась прямо напротив церковных ворот. Набожный человек, он каждый день совершал предписанные исламом пять молений, не обращая внимания на тот курьёзный факт, что ему приходилось раскатывать свой моленный коврик в направлении христианской церкви, которая по географической случайности располагалась между ним и Меккой. Когда в шаббат патер Лукас садился со своей сигареткой за воротами, сапожник в это время как раз закрывал мастерскую и почтительно здоровался с монахом, после чего они обменивались через улицу несколькими словами.

В этот вечер, когда патер Лукас вышел за ворота, решётка на мастерской была опущена. Уже стемнело. Иной раз случалось припоздниться. Хорошо, если из-за того, что кто-то испытывал потребность излить душу. Но сегодня был другой случай: ссора между двумя посетителями столовой для бедных, которых с трудом удалось разнять.

Священник со вздохом закурил сигарету и оперся спиной о неровную стену церковной башни. Что за день сегод-

ня! Обычно ему удавалось с головой уходить во всё, что он делал, не задумываясь, какой в этом смысл. Но в иной день — как сегодня — возникали сомнения, предательские вопросы о том, что он здесь, собственно, делает и есть ли от этого прок, и не лучше ли было ему распорядиться своей жизнью иначе, вместо того чтобы возиться с этими голодными ордами, днём выпрашивая в супермаркетах, отелях и у оптовиков продукты, чтобы вечером накормить толпу сварливых, ни к чему не пригодных бездельников.

Он сделал очередную затяжку и подождал, пока эта мысль улетучится, как это бывало с ней всегда, если достаточно долго не обращать на неё внимания. Это помогало от головной боли, от сомнений тоже помогало.

Взгляд его упал на худого, жалкого на вид человека, который брел по переулку. Священник автоматически начал соображать, не осталось ли чего на кухне на тот случай, если этот человек... У него были тёмные волосы, тёмная кожа. Палестинец, наверное.

— Извините, — крикнул издали палестинец по-английски, с широким американским произношением, но с испанским акцентом, — я ишу стоянку такси.

Патер Лукас развёл руками.

— Здесь нет стоянки, — ответил он.

— Вот чёрт, — вырвалось у темноволосого человека, который, подойдя поближе, оказался уже не так похож на палестинца. Скорее на мексиканца, умирающего от голода. Заметив на патере Лукасе монашескую рясу, он испуганно спохватился:

— О, извините, отец, я не знал, что вы... что...

Он смолк. Взгляд его скользнул вверх по стене, у которой сидел священник, он заметил там прорези колокольни и крест на верхушке.

— Это церковь, — сделал он вывод.

— А вы не здешний, верно?

— Нет, нет. Я из Бозмана, Монтана. Соединённые Штаты Америки. Я приехал только сегодня утром и в Иерусалиме впервые...

— Вам не повезло: сегодня вечером вы мало чего увидите. В шаббат всё закрыто.

— О, что вы, мне очень повезло. Поверьте, я сегодня счастливейший человек на свете. Только мне надо вернуться в лагерь, а то... Нет, правда. Понимаете, завтра, может быть, придётся уже улетать. И это было так здорово, что я всё-таки успел...

Священник бросил на землю докуренную сигарету и раздавил окурок.

— Какой такой лагерь?

Мужчина, казалось, не слышал его. Он пристально смотрел на крышу церкви, и на его лице вдруг появилась просветлённая улыбка:

— Скажите, пожалуйста, отец, — медленно спросил он, — а нельзя ли меня ненадолго впустить в ваш храм?

— По правде говоря, мы уже закрылись.

— Да, я знаю, я знаю, извините меня. Я только подумал, вдруг, может... Моя мать была бы так рада, если бы я мог сказать ей, что помолился в Иерусалиме. Всего на несколько минут, а? На одну минуту! Пожалуйста...

Патер Лукас улыбнулся. Им тут приходилось заманивать людей кормёжкой, чтобы хоть как-то заполнить церковь. Неужто он станет чинить препятствия на пути того, кто пришёл добровольно и хочет помолиться. Он достал связку ключей и поднялся.

— Сколько угодно, друг мой. А потом я вызову вам такси.

— Это плохая бумага, — сказал Иешуа после того, как долго изучал её под микроскопом. — Просто дрянь, если быть точным.

Стивен пожал плечами:

— Чего ты хочешь, ей же две тысячи лет.

— Я не об этом. Я хотел сказать, это не та бумага, которую нужно было брать с собой, — Иешуа вынул из-под объектива микроскопа подложку с крошечной пробой бумаги. — Тот, кто написал это письмо, либо совсем не разбирался в бумаге, либо не имел выбора.

— Это значит, что у нас ничего не выйдет? — спросил Стивен. — Всё бестолку?

— Нет, конечно, что за ерунда. Что-то мы со временем так или иначе сможем прочитать. Но во многих местах бу-

мага просто рассыпалась в прах, тут уже ничего не поделаешь. Очень плохая бумага. Может, действительно американская писчая бумага...

Должно быть, Стивен посмотрел на него в некотором замешательстве, потому что Юдифь вдруг рассмеялась:

— Йоши, сейчас тебе придётся, видимо, долго извиняться и оправдываться, что у тебя нет антиамериканских предубеждений.

— Чего? Ах, да, — огорошенно встрепенулся Иешуа. — Всё дело в том, что сейчас просто выпускают очень много плохой бумаги. Экономят просто на всём: на вяжущих средствах, на клее, на сырье — и получается бумага, которая растворяется сама по себе, её разъедает собственная кислота, я уже много таких историй слышал. А хуже всего — экологически чистая бумага. В Европе есть финансовые учреждения, которые печатают свои налоговые извещения на экологически чистой бумаге — так эта бумага не доживает даже того срока, какой положено эти извещения хранить.

— Но ведь эта у нас не экологически чистая или как?

Бумага, лежавшая на убогой дюралевой тарелке, выглядела подозрительно серой.

— Нет, от неё бы просто ничего не осталось. Но и особо устойчивой её не назовёшь, — взгляд Иешуа снова приобрёл тот рассеянный, отсутствующий блеск, который отличает всех настоящих учёных. — Это даже подтверждает твою теорию, Стивен. До нашего времени такую плохую бумагу вообще не выпускали.

— Ты шутишь.

— Нет. Старинная, ручной работы бумага и сейчас ещё так же прочна, как изначально, в четырнадцатом или пятнадцатом веке.

— Ты всерьёз утверждаешь, что в наши дни больше не выпускают бумагу, которая по стойкости могла бы тягаться со средневековой?

— Выпускают, конечно. Просто наш незнакомец не потрудился ею запастись. Спрашивается, почему, — задумчиво сказал Иешуа, взял тарелку и бережно понёс её в другой конец лаборатории, к ящику, похожему на увеличенную в размерах микроволновую печь. Он аккуратно поме-

стил внутрь тарелку с бумагой, закрыл стеклянную дверцу и нажал на большую зелёную кнопку. На невидимой задней стороне аппарата начало греметь какое-то устройство — как неисправный фен, да так громко, что Стивен испугался, не разнесётся ли шум по всему зданию.

Внутри печки появился прозрачный туман.

— Увлажнитель, — сказал Иешуа.

— А, — отозвался Стивен, но, не дождавшись более подробных объяснений, спросил: — А для чего?

— Бумага состоит из целлюлозы. Целлюлоза — это полимеризованный полисахарид. В процессе старения степень полимеризации уменьшается, что приводит к ломкости. Вместе с тем бумага гигроскопична, и поэтому ей можно в известной мере вернуть эластичность осторожным добавлением влаги.

— И тогда мы сможем прочитать то, что он написал?

— Вот это нет. Но зато мы сможем хотя бы развернуть листки.

— Ясно.

Изматывающий нервы шум агрегата гремел в ушах, в черепе, жёлая, казалось, проникнуть к корням зубов и разорвать их.

— Неужто этого не слышно по всему зданию?

— Нет.

Стивен посмотрел на Юдифь, которая одарила его самоотречённой улыбкой.

— А какую бумагу взял бы ты, — спросил Стивен, — если бы хотел написать письмо, которому предстояло продержаться две тысячи лет?

Иешуа не отрываясь смотрел на хрупкую археологическую находку внутри увлажнителя, и мгновеньями казалось, что вещество прямо-таки всасывает в себя тонкий туман.

— Я бы вообще взял не бумагу, — сказал он.

— А что же? — удивился Стивен.

— Полиэтиленовую плёнку. Добрую старую неразрушимую полиэтиленовую плёнку, из которой раньше делали пакеты для покупок, пока не поняли, что начинаются проблемы с мусорными свалками. То, что ты напишешь на такой плёнке, продержится не то что две тысячи, а все двадцать тысяч лет, а то и больше.

Такси остановилось. Джордж узнал пять поблёскивающих серебром мобильных домиков, палаточный лагерь на заднем плане и вздохнул. Как ни странно, они действительно нашли сюда дорогу. Это казалось ему Божьей милостью, хотя шофёр, старый угрюмый араб, раз сто за дорогу сказал «нет проблем». Джордж с благодарностью протянул ему бульшую сумму, о которой они договорились с самого начала, — практически все доллары США, какие были у него с собой, и вышел из машины. Шофёр с двумя таинственного вида шрамами поперёк носа сосредоточился на идентификации и пересчёте зелёных банкнот, потом, что-то буркнув, кивнул. Джордж подождал, пока задние огни машины скроются из виду, потом стал подниматься в горку к лагерю.

Стояла тёплая, ласковая ночь. Это, подумал про себя Джордж Мартинес из Бозмана, штат Монтана, был достопамятный день, который он никогда не забудет.

Один из охранников подошёл к нему, попросил показать удостоверение. Джордж протянул бумагу, которую ему вручили сегодня утром, и мысленно благословил его.

— А, Джордж, — сказал дюжий детина с автоматом на плече. — Мы сегодня утром с вами разговаривали. Ну что, удалось вам попасть в Иерусалим?

Джордж прищурил глаза. Теперь и он узнал своего собеседника.

— Да, я только что из Иерусалима. Я вас тоже припоминаю. Гидеон, так? А вы всё ещё на посту?

— Нет, я уже опять на посту! — мужчина, в тёмных курчавых волосах которого поблёскивал свет звёзд, обрадовался встрече. Он достал пачку сигарет: — Кстати, теперь могу вернуть вам долг. Как вам понравилось в Иерусалиме?

— Это было чудесно.

По правде говоря, Джорджу совсем не хотелось выбалтывать свои впечатления, да и курить ему тоже почему-то не хотелось. Но не мог же он просто так бросить этого израильянина и уйти, и он взял сигарету, закурил от чужой зажигалки, и потом они стояли и попыхивали.

— Тихо тут, правда? — сказал Джордж, чтобы увести разговор подальше от своей экскурсии.

— Совершенно. Но они тут вкалывают целый день так, что вечером падают замертво.

— Да. Могу себе представить.

Они постояли в молчании, глядя на серебристый сигаретный дым, тающий на фоне ночного неба.

— Я бы, кстати, был на вашем месте очень осмотрительным, — сказал охранник, вдруг понизив голос. — Я имею в виду, в отношении вашего работодателя.

Джордж удивлённо раскрыл глаза:

— Что вы имеете в виду?

— Да я просто так. Смотрите, чтобы он расплатился с вами, а то уедете ни с чем.

— Это меня вообще не касается. Деньги получает университет Монтаны. А почему вы об этом заговорили, что случилось?

Гидеон бросил недокуренную сигарету, растоптал её и недоверчиво оглянулся по сторонам. Потом зашептал:

— Эти люди сумасшедшие.

— Правда? А почему?

— Я тут невзначай услышал кое-что... Ну, в общем, я подслушал. Может, мне нельзя было, не знаю. Но как бы там ни было, теперь я знаю, что находится в этой белой палатке в четырнадцатом ареале.

— Правда?

— Своими глазами я этого не видел, но слышал, что рассказывали новенькому, который приехал сегодня вечером. Я стоял на страже у палатки, вы понимаете. А они думали, что я не знаю английского.

— Понял.

— Знаете, что они, по их мнению, нашли?

Юдифь заснула, уронив голову на сложенные руки. Стивен тоже с трудом держал глаза открытыми. Весь его организм требовал сна, каждая клеточка молила о расслаблении и покое. Лабораторные столы больше не казались ему такими уж неудобными, вполне можно было бы, сдвинув в сторонку приборы, свернуться на них калачиком и немного поспать...

Увлажнитель всё ещё гремел. Уже несколько часов подряд.

Только Иешуа, казалось, не брала никакая сонливость. И неудивительно, ведь он не таскал целый день корзины, полные земли и камней, под раскалённым солнцем пустыни. Стивен сонно следил, как брат Юдифи замешивал всевозможные тинктуры из химикатов, которые стояли на полках над столами, как он готовил пластиковые ванночки и чашки с ватными тампонами. Того, что он при этом говорил насчёт кислородных мостиков и набухания, насчёт щелочной устойчивости и пассиваторов, насчёт раскисления, нейтрализации и амортизации, Стивен давно уже не понимал. Наконец Иешуа натянул тонкие пластиковые перчатки и выключил увлажнитель.

Внезапно наступившая тишина произвела шок. Юдифь очнулась из сна, посмотрела вокруг, ничего не понимая, и наконец вздохнула, сообразив, где они. В это время Иешуа открыл стеклянную дверцу и достал из увлажнителя дюралевою миску из лагерной кухни. Бумага на ней теперь была мягкая, как тряпочка, и повторяла форму тарелки. На взгляд Стивена, это была безнадежно испорченная, серая бумажная масса. Но Иешуа ощупал её так осторожно, будто это была паутина, и довольно пробормотал:

— Превосходно.

— Как бы я хотела сейчас очутиться в своей палатке, — проговорила за их спиной Юдифь. — Какого чёрта я вообще двинулась из лагеря? О нет, уже четыре часа! Четыре часа утра! Вы что, с ума посходили?

— Тс-с-с! — шикнул на неё брат.

Стивен попытался сморгать с глаз усталость, в то же время зачарованно наблюдая, как Иешуа вначале резким движением опрокинул бумажную массу из тарелки в плоскую пластиковую ванночку, а потом принялся разворачивать ископаемые листы при помощи пинцета и деревянной лопатки.

— Четыре часа, — повторила Юдифь и медленно подошла, с трудом передвигая ноги. — Если бы я знала, что это будет так долго...

Только теперь Стивен заметил, что Иешуа предвительно выстлал дно ванночки тончайшей прозрачной бумагой.

— Японская бумага, — объяснил он, заметив застывший взгляд Стивена. — Чтобы зафиксировать отдельные фрагменты на своих местах. Сейчас мы это сделаем.

— Сделаем, — устало кивнул Стивен.

Два листа бумаги они выложили в две плоские ванночки поверх японской бумаги. Иешуа изучал их поверхность через лупу часовщика, которую он зажал в глазнице.

— Хм-м, — наконец оторвался он. — Вот уж поистине проблема, с которой ещё никто никогда не сталкивался. Сделать читаемым текст, который написан две тысячи лет назад *шариковой ручкой!*

— А как ты догадался, что это шариковая ручка? Я не уверен даже, что здесь вообще что-то написано.

— В сухом состоянии были хорошо видны продавленные следы от шарика. Они и сейчас ещё видны, но не так отчётливо. А паста совершенно поблекла. После стольких лет это естественно.

— Ну, и что теперь?

Иешуа взял в руки стеклянный стаканчик, в котором он предварительно развёл какую-то смесь.

— Я сегодня кое-что разузнал о составе современных чернил для шариковых ручек. Надеюсь, эта жидкость нам поможет сделать их видимыми в ультра-фиолетовых лучах.

Он пододвинул одну из ванночек под плоский чёрный держатель для газосветной трубки. Когда он её включил, в трубке послышалось отчётливое потрескивание и шорох, и потребовалось сделать ещё несколько попыток, прежде чем она наконец зажглась, распространяя вокруг странное фиолетовое свечение.

— Эта трубка уже достигла пенсионного возраста, — прокомментировал Иешуа. Его ногти засветились, когда он поправлял положение ванночки, и некоторые нити на его рубашке тоже призрачно светились в ультрафиолетовых лучах.

Стивен недоверчиво покосился на жидкость, которая только что была прозрачна, как вода, а теперь в ультрафиолетовом освещении ярко вспыхнула. Запах у неё был резкий и неприятный. Примерно так пахло бы, если бы зубной врач открыл свою практику на территории дубильни.

— А ты уверен, что эта жидкость ничего не сожрёт?

— Мы её сейчас испробуем на краешке бумаги, — сказал Иешуа. Он взял ватный тампон и погрузил его в жидкость, которой тот мгновенно пропитался. После этого он промокнул тампоном самый краешек обтёрханной бумаги так осторожно, как будто хотел промыть крыло бабочки.

— До чего же воняет, — пожаловалась Юдифь и встала: — Включу-ка я вентиляцию, если вам самим лень.

— Пожалуйста, не делай этого, — попросил Иешуа. — Если ты включишь вентиляцию, то на охранном пульте загорится красная лампочка, и охранник придёт посмотреть, в чём дело.

Юдифь вздохнула и снова села.

— Ещё и это вдобавок ко всему!

Несколько крошечных точек начали светиться под ультрафиолетовыми лучами сильнее, чем окружающие участки. Иешуа повторил процедуру, потом с шумом втянул сквозь зубы воздух, встал и быстро смешал в другом стеклянном стакане другие химикалии. С этим вторым таинственным раствором он вернулся на место, взял второй ватный тампон и сделал ещё одно такое же промокающее движение. Оно подействовало таким образом, что свечение всей площади бумаги ослабело и лишь крошечные точки остались светлыми.

— Это не так быстро, — предупредил Иешуа.

Юдифь со стоном отвернулась:

— Я хочу в постель! С меня хватит!

Её брат, казалось, даже не услышал её, а Стивен слишком устал, чтобы обращать на неё внимание. Он следил за тем, как Иешуа промокает одно место на бумаге попеременно то одной, то другой жидкостью, от вони которых начинала болеть голова.

Через несколько минут точки, которые оставались светлыми, сложились в слово.

never

— Действует, — выдохнул Стивен, чувствуя, как в нём поднимается бешеный триумф. — У тебя получилось, Иешуа!

Молодой археолог сидел перед красной пластиковой ванной, замороженный, в каждой руке держа по ватному тампону, и неотрывно смотрел на результат своего труда.

— Невероятно, — наконец произнёс он внезапно охрипшим голосом. — Действительно английское слово. На документе, таком же древнем, как кумранские свитки.

Даже Юдифь, казалось, на мгновение забыла про свою усталость, но не про плохое настроение.

— *Never*, — прочитала она вслух. — *Никогда*. Символично, что в первую очередь мы наткнулись именно на это словечко.

Газосветная трубка замигала было, но потом снова выравнялась.

— Давай дальше, — торопил Стивен. — Кажется, это и вправду письмо странника во времени. Он правда написал письмо в будущее. Бутылочная почта, отправленная по волнам времени, и мы её нашли.

Он ощутил, как в его теле пульсирует волнение, которое было слаще всякого секса. Это было то, что делает жизнь стоящей того, чтобы жить. Свершилось. Когда-нибудь эта сцена будет описана в исторических книгах, возбуждая фантазию художников и писателей, подобно открытию Картером гробницы Тутанхамона. И Стивен при этом присутствовал. Он не только присутствовал — он был главным действующим лицом события.

Иешуа промокнул бумагу дальше, двигаясь к началу фразы. Через несколько бесконечных минут засветилось следующее слово.

has never

— Кто? — спросил Стивен. — *Кто* никогда — чего уж он там?

Юдифь помотала головой:

— Никогда — *что*?

— Успокойтесь, — проворчал Иешуа. — Сейчас узнаем.

Но он сперва дошёл до начала фрагмента. Промокнул первой жидкостью. Промокнул второй. Жидкость во втором стаканчике тоже постепенно начала светиться, но Стивен заметил это лишь краешком глаза. Он ни на миг не мог оторвать взгляд от рабочего поля Иешуа.

Он непроизвольно застонал, когда увидел слово, которое только что проявилось. Победа!

Jesus has never

Даже Юдифь была потрясена.

— А я не верила, — призналась она. — А ты был прав.

— Он встретил Иисуса! — торжествующе объявил Стивен, тыча вперёд указательным пальцем, как рапирой. — Он отправился в прошлое и встретил там Иисуса Христа. Он странствовал с ним. Он следовал за ним. Слушал его, — Стивен замолк и посмотрел на обоих: — Ясно ли вам, что это значит? Ясно ли вам, что эти два листка — документ, превосходящий по достоверности и актуальности все библейские Евангелия?

Юдифь шумно вздохнула. Иешуа бросил в её сторону короткий взгляд и снова повернулся к Стивену.

— Стивен, я не особенно набожный иудей, — сказал он, — но всё же иудей. — Он смотрел на магически мерцающий фрагмент текста, как на омерзительную тварь, которая того и гляди может ужалить. — Честно говоря, я боюсь того, что может оказаться в этом письме.

— Не исчезнет же оно оттого, что ты его боишься? — с вызовом спросил Стивен. Тот отрицательно помотал головой. — Ну и всё. Единственный, кто, может быть, должен испытывать страх перед этим письмом — это Папа Римский. Пошли дальше.

Юдифь сделала несколько потягивающихся движений, разминая плечи:

— Сперва сфотографируйте то, что есть, — посоветовала она, кряхтя.

— Это подождёт, — нетерпеливо помотал головой Стивен. — Вначале дочитаем фразу до конца.

Иешуа снова послушно принялся за работу с ватными тампонами, а в Юдифи вдруг прорвалась злоба:

— Стивен Фокс, — раздражённо спросила она, — ты принципиально пренебрегаешь советами женщины?

— Я не делаю различий — ни по расе, ни по происхождению, ни по полу, — усмехнулся Стивен. — Я принципиально пренебрегаю всем, что мне советует *кто бы то ни был*.

— Потому что никто ничего не знает лучше тебя, да?

— Вот именно.

Она со стоном запрокинула голову и так и осталась.

Газосветная трубка снова мигнула, на сей раз дольше.

Иешуа макал тампон в жидкость, промокал бумагу, снова макал. На сей раз попалось место, которое с трудом поддавалось воздействию химии.

— Ну, — сказал он, когда в лампе снова послышался треск и свет задрожал, — ещё не хватало, чтобы она как назло именно сейчас испустила дух. Наверняка во всём здании не найдётся ни одной запасной.

Стивен поднял брови. Юдифь всё ещё сидела, запрокинув голову к потолку.

— Может, всё-таки сфотографировать, — сказал он.

— Сейчас, — отозвался Иешуа.

Светящиеся точки на новом участке бумаги казались рассыпанными совершенно произвольно, никак не желая складываться ни в чёточки, ни в линии, ни, тем более, в слово. Иешуа рычал, вымачивал тампон дольше, прижимал его к бумаге крепче. Его глаза уже слезились от едких испарений.

— Вот! — сказал он, отрывая тампон от бумаги. — Можешь прочитать?

Стивен схватился за штатив фотоаппарата:

— Давай всё же сфотографируем то, что есть.

— Сейчас, сейчас. Ты только взгляни...

— Да я смотрю, — Стивен склонился над листом. И чуть не уронил штатив. — О, черт...

В это мгновение ультрафиолетовая лампа погасла. Без малейшего звука, без видимой причины. Она просто погасла, а с ней вместе погас и проступивший текст на влажной бумаге.

— Не может быть... — Иешуа сердито потянулся к выключателю, выключил его, снова включил, всё напрасно. Никакого результата, лампа была мертва. — Проклятье!

— Но ты же успел прочитать, да? — спросил Стивен.

— Как нарочно, именно сейчас, — злился Иешуа. Он вскочил, подбежал к шкафу в конце лаборатории, выдвинул ящик, другой. — Так я и знал. Запасной нигде нет.

— Иешуа, — ещё раз настойчиво спросил Стивен, — но ведь ты тоже прочитал?

— Типичная история, — продолжал тот негодовать, входя в раж. — Бардак, куда ни глянь. Каждый норовит только взять и даже не подумает восполнить запас. А сейчас шаббат! Где я вам сейчас раздобуду запасную трубку?

Стивен с нарочитым стуком отставил в сторону штатив фотоаппарата.

— Иешуа!

Его друг умолк, и гнев его улетучился. Он глянул на Стивена и кивнул, присмирев:

— Да. Я тоже прочитал.

— Значит, ты тоже видел?

— Да.

Юдифь снова распрямилась и устало посмотрела на обоих.

— Что случилось? Вы прямо побледнели, как привидения. Какое же там было следующее слово?

Стивен склонился над плоской ванночкой, опершись на прямые руки так, будто его корпус внезапно потяжелел на тонны.

— *Lived*, — сказал он. — Следующее слово было *lived*.

18

Техника раскопок зависит от вида материала, из которого были построены откапываемые здания. Нам достаточно рано стало ясно, что это будут отдельные строения из глиняных кирпичей или камня. Предстояло следить лишь за тем, чтобы вовремя отличить обычную руинную массу от остатков стен и сохранить их в целости. Особенно внимательно надо было смотреть за тем, чтобы пол внутри строений был тщательно обследован, поскольку находки, которые попадают на полу (например, керамика, стекло, монеты, скарабеи), позволяют точно датировать период.

К моменту написания данного сообщения ещё не определилось, будут ли вновь предприняты работы при Бет-Хамеше и если будут, то когда.

*Профессор Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Наверное, человек, который сидел сейчас в кресле широко и могущественно, как властелин мира, пожелал, чтобы обсуждение результатов сонартомографии состоялось здесь, в его временном жилище, где работал кондиционер, а не

под открытым небом, вокруг какого-нибудь раскладного столика. Это был спонсор раскопок, очень большой босс, насколько успел узнать Джордж Мартинес. На нём был безупречный тёмно-серый костюм с шёлковым галстуком, закреплённым золотой булавкой с бриллиантом, у него была безукоризненная причёска, и потеть он не желал. Хотя в это субботнее утро снаружи было, по ощущениям Джорджа, очень приятно, а здесь, внутри, почти холодно; в этом конференц-зале, таком белом, Джорджу вообще казалось, что он по ошибке попал в холодильник.

Докладывать о результатах должен был, как обычно, Боб Ричардс. Джорд проделывал всю работу, а Боб пожинал лавры, так было и на сей раз. Но сегодня это было Джорджу как нельзя кстати. Он был рад, что ему ничего не придётся говорить. Так надёжнее, чтобы не проболтаться.

Гидеон ведь не шутил, это чувствовалось по нему. Хотя поначалу Джордж решил, что этот крепко сложенный израильтянин хочет его разыграть: посмотреть, чего можно наплести тупому мексиканцу. Но потом все подозрения отпали.

Тогда, может быть, он ослышался? Что-нибудь неправильно понял? История была просто невероятной.

Боб вначале расстелил на весь стол снимки, сделанные аппаратом *Сотом-2*, чтобы дать всем на них как следует полюбоваться. Он всегда так делал. Подать себя и свою работу он умел как никто другой. Люди, как правило, тупо смотрели на эти изображения, ничего не понимая, а когда они уже были близки к отчаянию, слово наконец брал Боб Ричардс. Он невозмутимо проводил рукой по своим светлым, волнистым волосам и начинал объяснять как бы между прочим, в тоне лёгкой болтовни, как будто на столе была разложена обычная карта города и всем было ясно, о чём он говорит. Он никогда не произносил таких фраз, как: «Это тёмное пятно указывает на остатки стены на десятиметровой глубине». То же самое звучало у него совершенно иначе, например: «Эта стена пролегает на глубине метров десять, не больше». И тогда все начинали кивать, исходили благоговением и видели стену на смутном снимке именно там, куда указывал палец Боба Ричардса.

Когда-то Джордж даже злился на спектакли, которые устраивал Боб, демонстрируя результаты, не им полученные! Но после того как ему однажды пришлось самому представлять свои результаты и потом смотреть в скептические, недоверчивые лица, а в конце даже доказывать эффективность сонартомографа, он понял, наконец, что убедительная презентация — не менее значимое дело, чем проделанная для этого съёмка.

Он следил, как Боб располагал снимки на плане раскопок, который лежал на столе. Он указывал на стены, на кости, которые ещё не были выкопаны, и подолгу останавливался на рассуждениях по поводу различных слоёв камня. Он всегда так делал, когда ему нечего было сообщить. А здесь, в Бет-Хамеше, ему нечего было сказать. Деньги выброшены на ветер, и задача Боба Ричардса состояла в том, чтобы помешать заказчикам прийти к такому же выводу. Университет штата Монтана вёл со своим сонартомографом прибыльный бизнес, и недовольные клиенты были ему не нужны. В этом состояла причина, почему вместе с Джорджем всегда посылали Боба Ричардса.

— Ну и что, я не вижу тут ничего, — возмутился наконец какой-то жирный человек. — Эти картинки напоминают мне ультразвуковые снимки моей жены, когда она была беременна. Тогда я тоже ровным счётом ничего не разглядел.

Боб победно улыбнулся ему:

— Но ведь врач вашей жены наверняка на них что-то увидел, разве не так?

— Хм-м, да. Он сказал, что будет мальчик.

— И что, родился мальчик?

— Да.

Все засмеялись.

— Ну, — благосклонно сказал Боб, — эти вот картинки мы получили похожим образом. И я вижу на них, что вам тут ещё рыть да рыть, много чего найдёте.

При этом он получил ещё одну порцию признательного смеха. Даже жирный человек криво ухмыльнулся.

Мужчина в тёмно-синем костюме прекратил смеяться первым.

— А как насчёт металлического ящика? — спросил он. — Вы его нашли?

— Металлический ящик? — Боб обернулся и Джордж отрицательно помотал головой. — Нет, к сожалению, ничего в этом роде мы не обнаружили.

— Вы уверены? — докапывался босс.

Боб утвердительно кивнул:

— Стопроцентно.

Никто не смог бы произнести это слово таким грудным тоном глубокой убеждённости, как это делал Боб Ричардс.

Джордж увидел, как профессор тут же повернулся назад к полноватому мужчине, который вроде бы был писателем. Джордж наострил уши и услышал шёпот:

— Я же говорил, что камера не здесь!

Итак, значит, всё-таки *камера*. Это слово Джордж слышал точно. И укоризненный взгляд, который шеф охраны метнул в сторону руководителя раскопок, был всё равно что подтверждение. Значит, так и есть — эти люди действительно верили, что где-то в Израиле зарыта камера, на которой снят...

Джордж даже думать об этом не смел.

Видеосъёмка Иисуса Христа!

Неужто такое могло быть? Конечно, для Бога ничего невозможного нет. В том числе и путешествия во времени. Может быть, это даже входило в Его непостижимый план, чтобы человек именно нашего времени, в котором такую роль играет телевидение, получил возможность снять на видео Спасителя, чтобы укрепить Его церковь и вернуть людей к вере. А как ещё можно было совершить это, если не таким чудесным образом?

Джордж почувствовал, как забилось его сердце. Но... Кому достанется раскрыть эту тайну? Неужто вот этому человеку, один костюм которого стоит столько денег, что хватило бы прокормить целую деревню где-нибудь в Бангладеш в продолжение года? Неужто в его алчные руки попадёт этот неповторимый документ? Что же он станет с ним делать — только новые, ещё большие деньги?

Конечно, видеозапись достанется именно ему. И никто, кроме клиентов его телевизионной сети, её не увидит. А стать клиентом вдруг окажется дорого, непомерно дорого. Он закабалит своих клиентов долгосрочными договорами и вынудит их смотреть и всю его бульварщину и попсу.

Слова Господа он будет передавать в промежутках между самыми дорогими рекламными блоками всех времён. И зрители будут терпеть бесконечную трескотню о прохладительных напитках, чистящих средствах, автомобильных шинах, гигиенических прокладках и жевательной резинке ради того, чтобы увидеть лик Спасителя. И Иисус опять будет распят на Голгофе коммерции — снова, и снова, и снова: сперва в субботний вечер, в самое лучшее время, потом в дневные часы и, наконец, в детские, когда показывают рекламу кукол Барби и Кена.

— Джордж? — донёсся до него вопрос Боба. — Тебе нехорошо?

Он помотал головой, снова приходя в себя.

— Уже ничего, — сказал он. — Наверно, перегрелся вчера на солнце.

Боб смотрел на него с колебанием:

— Ты мог бы взглянуть сюда? — спросил он. — Мне бы хотелось знать, что ты думаешь на сей счёт.

— Да, — слабо кивнул Джордж, — конечно.

Он встал рядом с Бобом у стола, на котором кто-то разостлал поверх сделанных им снимков большую карту местности. Карта была вычерчена точно и, видимо, представляла собой копию служебного документа. И то, что увидел на ней Джордж, показалось ему чем-то знакомым.

— Это план Храмовой горы в Иерусалиме, — сказал ему человек в тёмно-сером костюме, и бриллиант в его галстучной булавке сверкнул. — Что нужно предпринять, чтобы просветить её сонартомографически?

Стивен Фокс проснулся в это утро поздно и чувствовал себя так, будто по нему проехал бульдозер. И причина была не только в том, что он почти не спал.

В шаббат время завтрака продлевают, чтобы люди могли выспаться. Разумеется, в шаббат не работали, и вольнонаёмные, которые жили не в самых дальних концах Израиля, пользовались случаем съездить домой. И получалось, что в лагере практически оставались только неевреи, которые готовы были работать и в субботу, потому что шаббат порождал у них странное чувство, что воскресенье наступило на день раньше.

Когда Стивен пришёл под навес кухни, на многих столах были выставлены шахматные доски, другие рабочие сидели с книгой и чашкой кофе где-нибудь в тени. Немного в стороне несколько человек, встав в кружок, перебрасывали ярко-зелёный диск фрисби. За одним из столов он увидел Юдифь. Даже бледная от недосыпания, она выглядела сногшибательно. Стивен поставил себе на поднос три полные чашки кофе, а потом ещё взял — скорее из рациональных соображений, чем от голода, — миску кукурузных хлопьев и подсел к ней.

Какое-то время они жевали молча. Потом, когда Стивен принялся за вторую чашку, она спросила:

— Ну и?

Стивен сделал большой глоток горьковатой жидкости. Кофе здесь варили очень крепкий.

— Что и? Что я обо всём этом думаю?

— Да.

— Ничего не думаю. Я просто раздавлен, если честно признаться.

Она посмотрела вокруг больным мигреновым взглядом. Поблизости не было никого, кто бы мог их подслушать.

— Может, не надо делать преждевременные выводы. Ведь ты пока знаешь всего четыре слова из двухстраничного письма... погоди, пока не будет расшифровано всё.

У него по-настоящему разболелась голова. Только этого ему не хватало! У него ещё никогда в жизни не болела голова. И желудок протестовал против кофейного наводнения. Стивен отставил третью чашку в сторону и посвятил себя кукурузным хлопьям.

— Я спрашиваю себя вот о чём, — продолжал он, жуя, — может ли это быть вообще. А для ответа я пока мало сведущ. Бедь должны же быть и другие источники, помимо библейских текстов, где упоминался бы Иисус. Что там, например, с переписью населения, которое тогда провёл император Август? Ведь это был Август, нет? «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле». Где-то я читал. И Мария тогда как раз была им беременна.

— Но только ещё беременна.

Стивен неудовлетворённо помотал головой.

— Надо где-то почитать. Я просто не могу в это поверить. Представь себе, что бы было, если бы можно было доказать, что в действительности Иисуса никогда не было! Что бы это значило!

Юдифь пожала плечами:

— Это было бы открытие. И ты был бы первооткрывателем. Ведь именно этого ты хочешь.

— Но что это значило бы для мира? Что ни говори, а ведь это центральная фигура христианства, самой многочисленной религии мира. Если Иисус никогда не жил, то это означает, что кто-то придумал его образ. Что это некая искусственная фигура. Как Супермен. Или, если уж на то пошло, как Микки-Маус!

— Ну уж не драматизируй. Большинство людей относится к религии безразлично. Их бы ты гораздо больше задел за живое, если бы смог доказать, что Микки-Мауса никогда не было.

— Очень остроумно, — Стивен вернулся к третьей чашке кофе. — И я не понимаю, почему меня это так тревожит. А это меня тревожит. Я всерьёз спрашиваю себя: можно ли брать на себя ответственность открыть такую правду?

— Ого, — Юдифь широко раскрыла глаза. — Совсем новые интонации, мистер Фокс.

Стивен отставил чашку и посмотрел на Юдифь в упор.

— Скажи-ка, что означают твои постоянные подколы? За кого ты вообще меня принимаешь?

Юдифь скривила рот в широкую язвительную улыбку, а глаза её гневно сверкнули.

— Есть вещи, которых ты ещё не понял. И одна из них состоит в том, что в жизни есть кое-что поважнее, чем стремление всегда выигрывать.

— Ах, вон как? — мрачно ответил Стивен. — Кто тебе сказал такую глупость?

— Ты ведь хочешь всего лишь доказать, что ты умнее Джона Кауна, великого менеджера.

— Ну, даже если и так? Может, я действительно умнее.

— И что это тебе даст?

Стивен почувствовал, как в его крови вскипает, словно углекислота, готовность к бою.

— Каждый хочет выиграть, — сказал он. — И кто утверждает обратное, тот просто перестал верить в свои силы. Всё,

чего хочет такой человек — лишь бы не проиграть, а этого легче всего добиться, когда больше не участвуешь в борьбе.

— Это в тебе говорит американец. Что, мол, всё можно сделать, надо только знать, как.

— Да. Совершенно верно.

Юдифь помотала головой:

— Это так... плоско. Так поверхностно. Я не знаю — может быть, играет роль то, что я происхожу из народа, культура которого насчитывает пять тысяч лет, а культура твоего — двести лет.

— Это самая махровая ерунда, какую мне когда-нибудь доводилось слышать, — заявил Стивен и поднялся. — Все твои пять тысяч лет культуры ты можешь спустить в унитаз, если из этой культуры вылезает такой отстой. А теперь извини, мне надо идти. Мне ещё нужно написать одно бизнес-предложение, чтобы огрести очередной миллион, если всё получится.

Заместитель руководителя раскопок некоторое время следил за разговором с выпученными глазами и затаив дыхание, а потом его прорвало.

— Храмовую гору? — вскричал он. — Вы хотите просветить Храмовую гору? Да вы что тут все, *оборзели?!*

Каун коротким кивком дал Райану понять, чтобы он вывел обоих техников, что тот немедленно и исполнил. После этого Каун спокойно посмотрел на израильтянина с лысеющей головой и носом-картошкой в полной решимости не дать себя спровоцировать и в любом случае сохранять спокойствие до тех пор, пока человек не придёт в себя. Никто не может кричать, негодовать и топтать ногами дольше семи-восьми минут, если, конечно, это не клинический случай из области психиатрии. По опыту множества неприятных переговоров Каун знал, что большинство холериков успокаивается уже через две-три минуты, если их не перебивать. А перебьёшь — значит, продлишь припадок: практика показывает, что после прерывания начинается новый отсчёт времени с нуля.

— Давайте обсудим всё спокойно, — начал Каун после того, как Шимон Бар-Лев, закашлявшись, смолк, но тот не слушал Кауна, а повернулся к профессору Уилфорду-Смиту:

— Почему ты мне про это ничего не сказал? — накинулся он на него. — Почему я обо всём узнаю последним? Чёрт возьми, двадцать лет мы работаем вместе, и после этого ты мне наносишь такой предательский удар в спину!..

Вот теперь было самое время закричать.

— Мистер Бар-Лев! — прогремел Каун в полную силу лёгких и гортани. Бывают ситуации, когда помогает только крик. Крик, который должен шокировать другого. Набирая воздух для такого крика, Каун всегда воображал себе, что одной ударной волной звука своих слов он должен разmozжить противнику череп.

И это подействовало. Бар-Лев вздрогнул и на какой-то момент был выбит из колеи.

— Мистер Бар-Лев, — повторил Каун, снова целиком овладев собой и со всей возможной любезностью, — пожалуйста, оставьте профессора Уилфорда-Смита в покое — он не виноват. Виноват я. Эту идею мы высидели сегодня ночью, после разговора с профессором Гутьером, и я собирался посвятить вас в это сегодня утром. Но так получилось, что оба техника *Сотомы* оказались здесь раньше вас, поэтому мне пришлось изменить планы. Так что если вам хочется на кого-то покричать, кричите на меня.

Бар-Лев неуверенно разглядывал его. Джону Кауну пока почти не приходилось сталкиваться с заместителем Уилфорда-Смита, но уже по этой неуверенности Каун мог судить, что перед ним обычный учёный, может, и выдающийся специалист в своей области, но до спора с опытным человеком не дорос.

— Ну ладно, — сказал израильтянин. — Тогда объясните мне, пожалуйста, что всё это значит?

— Вы хотите знать, как мы пришли к идее исследовать Храмовую гору? — уточнил Каун.

— Да.

Каун кивнул с мягкой улыбкой.

— Мистер Бар-Лев, я сейчас удалюсь ненадолго, чтобы успокоить техников, что они получают свои деньги в любом случае, какой бы силы крик мы тут ни поднимали. А в это время я бы попросил вас подумать над вопросом, который мы вчера поставили перед профессором Гутьером. А именно: где в Израиле есть место, которое наверняка оставалось нетронутым последние две тысячи лет?

Бар-Лев таращился на него, как на необычное явление природы, потом склонился над планом Храмовой горы, потом снова поднял взгляд. Его подбородок отвалился вниз.

— Вы поняли меня? — добавил Каун и после этого покинул переговорную комнату.

Оба техника ждали снаружи вместе с Райаном и смотрели ему навстречу, смущённо моргая, пока он спускался по трём ступенькам на песчаную землю.

— Я надеюсь, стиль нашей внутренней дискуссии вас не очень ужаснул, — сказал Каун и постарался придать себе вид уравновешенного человека в хорошем настроении. Техники неловко улыбнулись. — Я хотел непременно поблагодарить вас обоих, — заверил он в самом любезном тоне и пожал им руки, глядя при этом в глаза. — Работа, которую вы проделали, была действительно впечатляющей. Поверьте, я умею это ценить. А что касается вспышки гнева нашего коллеги... — он изобразил заговорщицкую улыбку, — все мы люди страстные, увлечённые своим делом. Не обращайтесь внимания. Мы уже несколько ночей подряд орём тут друг на друга.

— Понятно, — с облегчением кивнул блондин.

— Теперь о Храмовой горе, — продолжал Каун, глядя на блондина, который, во-первых, был из двоих техников главный, а во-вторых, казался более контактным. — Мой ассистент даст вам машину, и я вас попрошу поехать в Иерусалим и прояснить ситуацию на месте. Какие есть возможности просветить гору, не привлекая внимание. И сегодня вечером доложите мне, окей?

Блондин с готовностью кивнул.

— Конечно, сэр. С удовольствием сделаем.

— Хорошо. Райан, вы позаботитесь о джентльменах?

Райан кивнул.

Каун вернулся в мобильный домик, который одновременно служил жильём немецкому писателю, который, как Каун снова подумал, до сих пор внёс в проект мало вразумительного, если сравнить, например, с канадцем.

Бар-Лев, судя по всему, подготовил аргумент, который считал непробиваемым.

— Храмовая гора — это святыня для иудеев, — сказал Бар-Лев замогильным голосом. — Я спрашиваю вас, мис-

тер Каун, вы ведь, по-видимому, христианин: отдали бы вы распоряжение подвергнуть сонартомографическому исследованию собор Святого Петра? Или место рождения Иисуса в Вифлееме?

Каун кивнул:

— Разумеется. Не моргнув глазом.

На такой ответ Бар-Лев, судя по всему, не рассчитывал. Жалкий любитель-спорщик, подумал Каун и приложил усилия, чтобы подавить язвительную усмешку.

— Я... я вам не верю!

— Можете поверить. Именно это мы, возможно, и предпримем в качестве следующего шага.

Профессор Гутьер поднял руку.

— Я хотел бы добавить для протокола, что я ни в коем случае не утверждаю, что камера находится в камне *Сахра*. Я лишь указывал на то, что это единственное место, которое на протяжении последних двух тысяч лет является как однозначно идентифицируемым, так и абсолютно неприкосновенным.

— А я, — вставил Уилфорд-Смит, — должен ещё раз повторить то, что уже говорил сегодня: я уверен, что камера спрятана не в этом камне.

Каун терпеливо кивнул:

— Ещё кто-нибудь имеет что-нибудь добавить?

— Это неосуществимо, — сказал Бар-Лев. — Полная утопия. Как вы себе это представляете? Установить на Храмовой горе шоковолновой ударник и понатыкать вокруг измерительные сенсоры? Может, вбить их даже в Стену Плача? Вам никогда не получить на это разрешения.

— Поэтому мы сделаем это тайно.

— Тайно? Как это вам удастся?

— Я не знаю. Но я послал обоих техников в Иерусалим, чтобы они осмотрели это место.

— Это невозможно!

Каун глубоко вздохнул.

— Мистер Бар-Лев, я бы никогда не стал тем, кто я есть, если бы ориентировался на то, что якобы возможно или невозможно.

Археолог, кажется, весь изошёл на пот и отчаяние.

— Мистер Каун, при всём моём уважении к вам, вы не отдаёте себе отчёта в том, что задумали. Храмовая гора —

святыня не только для евреев, но и для мусульман, и всё, что там происходит, дело политическое. То, что вы задумали, может в буквальном смысле развязать войну!

— Мистер Бар-Лев, мне среди прочего принадлежит одна из ведущих мировых информационных сетей. Поверьте мне, я наилучшим образом осведомлён о политической ситуации в Израиле.

Бар-Лев, качая головой, упал на свой стул.

— Это безумие, — лепетал он. — Это безумие.

— Камера не в камне, — повторил профессор Уилфорд-Смит. — В этом я уверен на сто процентов. Она спрятана скорее всего в запечатанной амфоре в какой-нибудь незначительной пустынной пещерке, но уж никак не в этом обломке скалы.

— Может, под ним? — сказал Каун.

— Есть легенда, — вставил Гутьер, — согласно которой под камнем находится Ковчег завета.

— Тоже была бы неплохая находка.

— Каким образом камера могла попасть внутрь скалы? — спросил Гутьер. — Или под неё? Путешественник во времени, которого вы предположительно имеете в виду, действовал бы в то время, когда Иерусалимский храм был ещё цел и невредим и упомянутая скала служила в этом храме в качестве жертвенного камня. Это обстоятельство лишало его какой бы то ни было возможности подобраться к камню незамеченным.

Дебаты начинали действовать Кауну на нервы.

— Если нам удастся исследовать Храмовую гору, — сказал он, — мы сможем сэкономить на пустых домыслах. Тогда нам не придётся *гадать*, тогда мы будем *знать*. Это состояние для меня самое предпочтительное.

Он был благодарен Райану, который в этот момент вошёл в комнату, держа в руках мобильный телефон:

— Бассо, — сказал он, протягивая Кауну телефон.

Стивен Фокс сидел за своим включённым компьютером и не чувствовал в себе ни малейшего желания писать коммерческое предложение для *Video World Dispatcher*. Но не делать что-либо на том основании, что тебе не хочется, было непрофессионально. А Стивен Фокс не собирался когда бы то ни было действовать непрофессионально.

В первую очередь он подключился через мобильный телефон к своему домашнему компьютеру, разыскал в нём файлы, которые содержали тексты и иллюстрации, необходимые для составления коммерческого предложения, и запустил их скачивание. Когда по экрану медленно поползла полоска, показывающая процент переноса информации, и стало ясно, что это продлится ещё долго, Стивен откинулся на спинку стула и предался мыслям, которые носились в его мозгу, словно дикие пчёлы.

Представление, что Иисус, о котором говорится в церквях, на уроках богословия, в Священном Писании и в молитвах, мог на самом деле никогда не существовать, что все они попали под влияние мифа, что этот Иисус на самом деле был не более реален, чем рождественский Дед Мороз, якобы приносящий детям подарки, — показалось ему чистой издёвкой. И разве это не удивительно? Стивен, который на вопрос об отношении к религии без колебаний ответил бы, что религия его не интересует, а интересует только реальная жизнь, что вера, в которую он был крещён в юном детстве, давно снята со счёта и оставлена в прошлом. Что его можно было бы определить как внедогматичного гуманиста. Который пытается поступать правильно. Старается жить прилично. И быть хорошим, но в меру и не бесцельно.

И вот теперь это его так занимает. Возможно, он боролся с образом Христа в себе гораздо ожесточённое, чем сам осознавал. Всё своё детство он наблюдал, как люди двоедушны по отношению к Богу. Его собственные родители и по сей день изображают набожных людей, насколько это принято в обществе, на самом же деле ведут жизнь, на которой никак не сказывается учение религии, к которой они принадлежат. Быть хорошим христианином означает ходить в церковь на Рождество и жертвовать на благие дела, если некуда деваться, но и то лишь столько, чтобы не злить соседей.

И лишь в редкие моменты они становились по-настоящему набожными. Как правило, в критических ситуациях. Когда у его матери начался тот приступ, который вначале приняли за инфаркт, отец созвал их всех, чтобы вместе помолиться за её здоровье. Это было очень стыдно. Но Богу,

видимо, это понравилось, потому что в конце концов оказалось, что у матери не инфаркт, а какая-то вирусная атака.

Религия для его родителей, да и вообще для всех людей, которых он знал, была чем-то вроде зонтика. В хорошую погоду о зонтике вообще не думаешь. И вспоминаешь о нём, только когда начинается дождь. Но верить по-настоящему — не верил никто, кого он знал.

И когда он подрастал, вера, которой от него требовали, всё больше казалась ему неким наглым, беспочвенным притязанием. Взять, к примеру, непорочное зачатие. Когда ему было четырнадцать лет, одна его одноклассница забеременела, потому что была неосторожна во время любовных игр со своим другом, хотя оставалась при этом девственницей. Когда это обнаружилось, злорадным шуткам не было конца (*«И явился Мэри-Лу ангел, который сказал ей: Залезь ко мне в штаны — ха-ха-ха!»*). Но никому, даже преподавателю Закона Божия не пришла в голову мысль, хотя бы в качестве гипотезы, что Мэри-Лу, может быть, родит следующего Спасителя.

И потом был ещё Ник. Ник Фостер. Он был его лучшим другом с самого раннего детства. Они торжественно поклялись друг другу в вечной дружбе. Они вместе собирали фантики и картинки из упаковок с кукурузными хлопьями. Подсматривали за взрослыми девушками во время купания на озере и подшучивали над их наготой. Обсуждали, кем им стать, когда вырастут. Стивен собирался стать астрономом, а Ник — сенатором.

А потом Ник утонул. В самый обыкновенный день, осенью. Он упал в озеро, ударился головой, потерял сознание и утонул. Ему было ровно десять лет.

Стивен и сейчас помнил эту картину, как Ник лежал в гробу, поставленном на его кровати. В комнате всё было непривычно прибрано. Ещё два дня назад они вместе сидели на этой кровати, смотрели телевизор, а комната представляла собой такой привычный, уютный свинарник. И Ник дал ему почитать толстый том про *Бэтмэна*. Когда после похорон Стивен принёс эту книгу, сестра Ника сказала, чтоб он оставил её себе. Он и сейчас ещё бережёт её.

Стивен невидящими глазами смотрел на серую стену палатки, и она расплывалась перед его взором. В те дни, остав-

шись один, чувствуя себя покинутым, он молился, чтобы Ник снова ожил. Если Иисус воскрес, то почему Ник не может? Но Бог не услышал его молитв. Теперь он сам готов смеяться над собой, вспоминая о том времени. Бог как инстанция, к которой обращаешься, когда не можешь справиться сам. Инстанция, которая тоже не помогает.

Процентная шкала на экране компьютера заполнилась, и пискнул сигнал, означающий конец передачи. Стивен стряхнул с себя воспоминания и отключился от интернета. Он постарался не думать о том, в какую сумму обошлось ему это перекачивание информации. Итак, бизнес-предложение. Пусть даже оно не кажется на сегодняшний день самым важным из его дел. Он ещё раз вывел на экран факс от четверга, чтобы было с чего начинать. Но перечень вопросов, которые заказчики поставили перед ним, был слишком уж длинным и, так сказать, исчерпывающим. Хорошо, это позволит ему сослаться на ограниченные возможности письма, на необходимость дополнительных разъяснений и предложить им личную встречу. А пока не прояснились детали, нельзя назвать и конкретную цену.

Он только сейчас обнаружил, что у фирмы есть свой сайт в интернете. Адрес сайта, как это теперь принято, указывался мелким шрифтом в шапке письма: <http://www.video-world.com>. Интересно. Может быть, он сможет найти на сайте побольше сведений о фирме? Это никогда не повредит, если собираешься писать бизнес-предложение, которое должно выглядеть заманчиво. Для этого полезно знать, что именно для бизнес-партнёра может оказаться заманчивым.

Итак, Стивен снова подключил к компьютеру мобильный телефон, запустил интернет-программу и впечатал указанный адрес.

Сайт был дорогостоящий, профессионально сделанный, однако о фирме Video World Dispatcher не приводилось никаких сведений, если не считать изображения просторного здания фирмы. Всё остальное было посвящено каталогу предложений с ценами и возможностью заказать их онлайн. Принимались любые кредитные карточки и все электронные формы платежа.

Каталог давал возможность выбирать продукцию хоть по назначению — домашнее видео, профессиональное видео, аудио и видео интеграция и много других специальных терминов, — хоть по производителю. Стивен выбрал второе и кликнул на SONY.

Возник логотип японского концерна, и начались новые муки выбора. Нормальные CamCorder'ы. Цифровые CamCorder'ы.

И — у Стивена дыхание пресеклось — можно было заранее заказать приборы серии MR, которая ожидалась на рынке аж через три года. Это было невероятно. Почему же тогда этот тип, с которым он говорил по телефону, не сказал ему об этом? Он делал вид, будто MR-01 чуть ли не государственная тайна. И ни слова о возможности предварительных заказов.

Стивен кликнул соответствующий линк и затаив дыхание стал ждать, когда страница раскроется. В первую очередь возникла надпись, что *Video World Dispatcher* является единственным в мире дилером, который принимает заказы на MR-CamCorder, базирующийся на революционно-новой технологии, с гарантированной первоочередной поставкой при поступлении этой марки в продажу.

Наверное, просто рекламный ход. Стивен не мог по-настоящему поверить, чтобы гигантский японский концерн предоставил особые условия какой-то оптовой фирме американского Восточного побережья. Он двинулся по странице вниз, туда, где приводился ассортимент. Это было интересно. Там наконец можно будет увидеть то, что ищешь.

Вначале шёл MR-S, видеомагнитофон для дома. На крошечной картинке был изображён плоский чёрный ящик, похожий на любой другой видеомагнитофон. Стоил он внушительные пять тысяч долларов.

Стивен почувствовал, как по спине его пробежали мурашки, когда он съехал по странице ниже, к следующей картинке. Это, если верить надписи под картинкой, и был MR-01. Стивен подался всем корпусом вперёд. Сравнительно скромный, с виду удобный в обращении прибор с большим объективом Zoom, косо вмонтированным над объективом микрофоном и рядом кнопок управления. Ничего выдающегося. Кроме цены в шесть тысяч долларов. Однако

страница на этом не кончалась. Стивен съехал ниже и с удивлением впервые ощутил, как бывает, когда ход мыслей внезапно останавливается.

Там была ещё одна картинка. Тот же прибор, только объектив на калибр больше и несколько добавочных функций. Цена, соответственно, семь тысяч долларов.

MR-02.

19

Стратум 12-В — переходный слой. Переход отмечен толстой прослойкой пепла. Поверх него найдены многочисленные ювелирные украшения — особенно заслуживает внимания фигурка сидящей женщины (см. рис. II-67) и керамика из времён царя Ирода.

Профессор Уилфорд-Смит.

«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».

— *Signore Kaun*, — прорычал в трубку своего старинного телефона Энрико Бассо, адвокат и полномочный представитель Kaun Enterprises Inc. в Италии, пытаясь обуздать досаду, — *per favore...* Вы звонили мне вчера рано утром. Чуть больше, чем сутки тому назад. И с тех пор я не потерял ни минуты, можете мне поверить. Я не спал и не ел, а работал на вас. И всё, что можно было разузнать за двадцать четыре часа, я разузнал.

Это не вполне соответствовало действительности. Ночью — было, наверное, около трёх часов — его ненадолго сморил сон. В четыре он проснулся оттого, что его голова сползла со стопки деловых бумаг на письменном столе и стукнулась о столешницу. После этого он принял холодный душ и сварил себе два кофейника крепкого чёрного кофе. А с того момента, как проснулась его жена, она каждый час приносила ему бутерброд и всякий раз со вздохом оглядывала его кабинет.

— *Si. Si. Si*, — кивал Бассо. Этот американский миллионер в один прекрасный день сведёт его с ума своим нетерпением, *porco dio!* — Пожалуйста, подумайте о том, что мы, так сказать, имеем дело со старейшей в мире фирмой.

Это вам не чахлая радиостанция или захлебнувшаяся в долгах газетёнка, это могущественный, богатый, мультинациональный концерн. Мы говорим о миллиардах долларов. О разветвлённой сети участников, участников этих участников, опекунов, о тайных счетах в банках. Да, конечно, я опытный аудитор и эксперт. Но вам понадобилась бы целая армия аудиторов и экспертов, чтобы размотать весь этот запутанный клубок, и им пришлось бы работать годами.

Он подлил себе кофе, который был чернее ночи и крепче яда, и сделал глоток. Должно быть, вид у него был ужасный. Небритый, бледный от бессонницы, с обычными для него кругами под глазами, которые появлялись у него даже после того, как он просто засиживался перед телевизором.

И кабинет его имел чудовищный вид. Как будто здесь выгрузили целую фуру старых бумаг. Документы, акты, древние, пропылённые и пожелтевшие. Они штабелями громоздились вдоль стен, ещё не прочитанные. Разложенные по тематическим кучам на ковре — те, что он смог упорядочить. И если бы его письменный стол не происходил ещё из тех времён, когда мебель было принято делать на века, столешница уже давно прогнулась бы, а то и проломилась под тяжестью бумажных гор.

— Позвольте мне теперь перейти к сообщению, *Signore Kaun*? Спасибо. Итак — в первую очередь, есть официальные сведения. Ватикан публикует финансовые отчёты, из которых следует, что это церковь бедных. Бюджет Ватикана составляет двести миллионов долларов в год, что, правда, не так много для центрального управления всемирной, распространённой организации с тысячами отделений и филиалов. И стоит только обронить слова «богатства Ватикана», как разразится целый хор жалоб и причитаний. Дескать, эти богатства состоят из произведений искусства, стоимость которых действительно неизмерима, но они являются общим достоянием человечества и поддерживаются и охраняются католической церковью, что, опять же, требует денег, а само денег почти не приносит. Иначе пришлось бы продать с аукциона «Пьету» Микеланджело или сдать в аренду собор Святого Петра или что-нибудь в этом роде.

Вчера, сразу после телефонного разговора с медиа-магнатом он принялся названивать во все концы, напряг всех помощников и сотрудников, которых ещё нужно было разыскать. Это был хорошо отработанный, смазанный механизм для добычи информации о фирмах, с которыми американцу приходилось иметь дело в Италии, и много раз они выявляли для него, что тот или иной деловой партнёр давно уже не так прочно стоит на ногах, как он сам всех уверяет, или, наоборот, что некие кажущиеся иждивенцы в действительности представляют собой тикающую финансовую бомбу замедленного действия.

— Итак, официально всё выглядит вполне чисто, — продолжал он. — Управление папским состоянием находится в руках *Апостольской палаты*, и так заведено начиная с одиннадцатого века. Ещё раньше этим занимался высший орган по сбору податей, наделённый судебной властью, а о том, какую роль он играет ещё и по сей день, вы можете судить по тому, что лицом, официально удостоверяющим смерть Папы, является Казначей-кардинал.

Вот и на сей раз они всей сворой накинудись на газетные и государственные архивы, в какие-то организации явились лично, прочесали библиотеки и поземельные кадастры, чтобы собрать всё, что можно выяснить легальным путём. И Бассо всю пятницу продолжал звонить во все концы, связываясь со своими осведомителями в банках, своими доверенными лицами в министерствах, своими информаторами в церковных кругах, в ложах «вольных каменщиков», в преступном мире — чтобы докопаться до сведений, которые легальным путём не получить.

— Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в официальных сообщениях всегда фигурирует только бюджет центрального управления Римской Курии. А что наряду с ним есть ещё владения Ватиканского государства — это не афишируется. А к этим владениям относится, например, недвижимость общей площадью в пятнадцать миллионов квадратных метров только в городской черте Рима. Особенно интересно становится, когда выясняешь, какое состояние Святой престол контролирует де факто. Поскольку есть не только имущество папства, но и имущество различных орденов, подчинённых Папе, в первую

очередь иезуитов. У них есть доверенные лица, владеющие огромным состоянием. Ватиканские деньги вложены во французские нефтяные компании, в аргентинские газовые предприятия, в боливийскую оловодобычу, в бразильские каучуковые фабрики. Ватикан спекулирует на бирже и получает дивиденды от игорного бизнеса. Вряд ли хоть одна область хозяйственной деятельности свободна от их влияния. Другими словами, Дженорал Электрик по сравнению с Римской Курией — просто мелочная лавка.

Он вытянул бумажку, прикрепленную к доске с зажимами:

— В США сильное влияние на чёрную металлургию — US Steel, Sharon Steel, Bethlehem Steel через, Manville Steel. Крупные пакеты акций General Motors, McDonnell Douglas, AT&T, Prudential Life. Bank of America, крупнейший частный банк мира, на пятьдесят один процент находится в руках ордена иезуитов. В Италии участие почти во всех электропредприятиях, нескольких телефонных компаниях, многих железных дорогах. Прямой либо косвенный контроль над Коммерческим банком, Римским банком, Сельскохозяйственным банком, Центральным Кредитным институтом, Римским Кредитным институтом, Banco Santo Spirito — название не случайность. Участие в компаниях Alitalia, Fiat и в целом списке страховых и строительных компаний. Общий капитал Immobiliare, самого крупного в Италии землевладельческого и строительного предприятия, вообще одного из крупнейших предприятий такого рода в мире — в руках Ватикана. И опять же сталь — большие связи в Finsider, который владеет итальянским рынком стали на восемьдесят процентов.

Он провёл свободной рукой по волосам, пока выслушивал ответ с другого конца провода, и посмотрел на свои пальцы с омерзением, такое на них осталось ощущение сальности и нечистоты.

— В абсолютных цифрах сказать трудно, — продолжал он. — У меня есть цифра владений Святого престола в акциях — в номинальном выражении — и участия в капитале только в Италии — это шесть миллиардов долларов. В номинальном, заметьте, а не в стоимостном выражении, и только лишь прямое владение Курии. И всего за несколько

последних лет. Около тридцати пяти процентов доходов поступает из США. Около пятнадцати процентов из Германии. Там даже есть церковный налог. Нет, это означает, что государство взимает с граждан налог в пользу церкви. Деньги всевозможных пожертвований — это само собой и независимо от всего остального. И на строительство церквей государство тоже выделяет средства.

Бассо услышал удивление своего работодателя и даже улыбнулся.

— *Si, signore*, наисолиднейшая фирма. Наличный оборот, о каком никто другой и мечтать не может.

Не говоря о том, что почти все якобы новые методы управления уже сотни лет как опробованы и введены в организациях католической церкви. Сотрудники высоко мотивированы, и если не материальной заинтересованностью, то строгими предписаниями, которые не могут быть не исполнены. А столь распространённый отказ от семейной жизни позволяет им, кроме того, полностью концентрироваться на работе и достигать очень высокой производительности.

Миллионер на другом конце закодированной телефонной линии молчал. Может быть, обдумывал услышанное и сейчас поблагодарит адвоката за проделанную работу, объявит дело законченным, и тогда он, Энрико Бассо, пошатываясь отправится в спальню, закроет окна, задернет шторы и остаток выходных будет спать, спать, спать.

Но Джон Каун сказал:

— Организуйте мне встречу с этим Казначей-кадиалом.

— О, — растерялся Бассо. — С *Camerlengo*, сейчас — это будет нелегко устроить...

— Сегодня вечером.

— Сегодня вечером? *Signore Kaun, per favore* — ведь суббота же!..

— Тем лучше: в выходные он посвободнее.

Джордж Мартинес обхватил руль, но никак не мог решиться закрыть дверцу и завести мотор.

— Боб, из этого ничего не выйдет. Ну как это можно сделать? Нельзя томографировать Храмовую гору. Для этого требуется плотное, замкнутое поле с по возможности

гомогенной поверхностью и по возможности гомогенной структурой. В идеальном варианте — холм, на который ставишь ударник и равномерно распределяешь сенсоры. А как всё это можно устроить на Святой горе?

Машина была европейская — незнакомой ему марки, но очень удобная и с кондиционером, который пока, естественно, не работал. К неудовольствию Боба Ричардса, который сидел рядом и торопил Джорджа.

— Джордж, ты большой специалист, что касается *Сотомы*, тут вопроса нет. И я даже думаю, что ты прав и действительно ничего не выйдет. Но мистер Каун не хочет это слышать, ты понимаешь? Он не хочет, чтобы мы поехали в город, посмотрели на гору, вернулись к нему и сказали: «Ничего не получится». Он хочет, чтобы мы вернулись назад и сказали: «Это будет трудно, и мы не знаем, удастся ли, но у нас есть кое-какие соображения, и мы попытаемся». И поэтому мы сделаем всё именно так.

— Но ничего не получится. Это я уже сейчас могу тебе сказать.

— Джордж, ты вообще меня слышишь? Говорю же тебе, как мы поступим. Сейчас поедem в Иерусалим. Ты меня там где-нибудь высадишь, где я смогу позвонить. Я хочу сказать своим, что мы ещё задержимся. А ты осмотришь Храмовую гору и подумаешь, что можно сделать.

— Но как можно что-нибудь сделать? Ты думаешь, мы сможем бомбить святую землю нашим свинцовым ядром? А там — *всё* святая земля!

— Я понимаю. Но что-нибудь надо придумать. По мне так давай поставим ударник хоть в палатке рядом с горой и померяем вторичные волны.

Джордж посмотрел на него как на сумасшедшего. Похоже, здесь все посходили с ума.

— И что нам это даст?

— Ох, Джордж... — Боб вздохнул. — Смотри: мистер Каун платит за наш *Сотом-2* с обслуживающим персоналом сто тысяч долларов в день. В этом году заказов было не густо, ты это наверняка заметил. Но если завтра вечером мы будем ещё здесь, то мы сможем отремонтировать крышу спортзала. А если нам удастся провозиться здесь целую неделю, то мы, кроме того, обеспечим стипендионную

программу, закупим для университета новые кофейные автоматы, а библиотека сможет снова подписаться на журналы, которые из-за безденежья уже несколько месяцев не получает. Вот так всё просто.

Джордж подумал о гипотетическом железном ящике и о том, что, по мнению Джона Кауна, находится в нём. И о том, что он собирается из этого сделать. Деньги. Всё вертится только вокруг денег.

Внезапно он понял, что надо делать.

— Окей, — сказал он, закрыл дверцу и завёл мотор. — Всё ясно.

Питер Эйзенхардт лишь вполуха следил за беседой, которую вели между собой остальные, пока Каун снаружи разговаривал по телефону. Он был встревожен. Ему не давала покоя какая-то мысль, которая подходила вплотную к границе его сознания — настолько, что он почти слышал её язвительный смешок, — но в руки ему не давалась. То была какая-то мысль-заноза, которая промелькнула в полусне и исчезла до того, как он успел её осознать. Чувство беспокойства — вот всё, что от неё осталось.

Или он был обеспокоен просто потому, что его не оставляло ощущение собственной неуместности: сидит здесь, влетает заказчику в копеечку, а пользы нё приносит. Он чувствовал себя в кругу остальных аутсайдером. Он не был академиком. Он ничего не понимал в истории или археологии. Он был всего лишь выдумщик.

Дверь открылась, и Джон Каун вернулся. Казалось, мысленно он был где-то далеко, пока отключал мобильный телефон и засовывал его в карман, но уже в следующее мгновение он снова был целиком здесь, посмотрел по кругу на выжидающих людей и спросил:

— Что ещё мы должны обсудить, господа?

Бар-Лев, заместитель профессора Уилфорда-Смита, поднял руку. Оба всё это время что-то обсуждали, но Эйзенхардт не разобрал из их перешёптывания ни слова.

— Ещё раз о Храмовой горе, мистер Каун. Как мне ни жаль, вы только на основании диких предположений, — его взгляд произвольно скользнул в сторону Гутьера и Эйзенхардта, — позволяете втянуть себя в приключение,

риск которого должен быть вам очевиден. Тогда как вещи, лежащие на поверхности, вы оставляете без внимания.

Каун выдвинул вперёд челюсть не то злобно, не то язвительно:

— И что же это за вещи?

— Мы фантазируем, кто во что горазд. Мы пытаемся влезть в шкуру путешественника во времени и разгадать его мысли. Мы роемся в истории Палестины. И только одно — то, что может нам действительно дать реальные подсказки, — так и остаётся лежать там, где мы его нашли.

Каун смотрел на него молча.

— Я имею в виду саму сумку с инструкцией, — добавил Бар-Лев, — и скелет.

Канадский профессор пыхтя выпрямился:

— Что? Значит ли это, что сами артефакты до сих пор вообще не обследованы?

Профессор Уилфорд-Смит обратился к Кауну, игнорируя вопрос Гутьера:

— Лаборатория Рокфеллеровского музея превосходно оснащена. С людьми, которые там работают, мы сотрудничаем много лет. Я мог бы составить вам научно-исследовательскую команду, за молчание которой я руку дам на отсечение.

— Вы откопали эти предметы и оставили их лежать как есть? — снова повторил Гутьер, даже слегка взвизгнув.

— Это я так распорядился, — мрачно объяснил ему Каун. — Пробу бумаги от инструкции мы отправили в США, чтобы определить её возраст радиоуглеродным методом. И мы знаем, что в челюсти скелета есть несколько запломбированных зубов с современными пломбами. Все остальные исследования пока перенесены на потом.

— Но почему, скажите ради Бога!

— Женщину можно дефлорировать только один раз, — ответил магнат. — И археологическую находку можно поднять из земли только один раз. Я хочу какое-то время иметь в своём распоряжении находку нетронутой, в девственном виде, чтобы показать её кое-кому. Вот вам, например.

— Значит, вы ждёте кого-то ещё? — спокойно спросил профессор Уилфорд-Смит.

Пальцы Кауна отбарабанили несколько тактов быстрого марша по столу, у которого он стоял.

— Сегодня во второй половине дня я полечу в Рим, чтобы провести там кое-какие переговоры. Я рассчитываю вернуться завтра утром и рассчитываю привезти с собой ещё кое-кого, чтобы показать находку в том месте, где она лежит. После этого мы всё передадим в лабораторию.

Бар-Лев помрачнел.

— Могу я спросить, кого вы собираетесь привезти с собой?

Каун посмотрел на него с улыбкой сфинкса:

— Одного кардинала, — сказал он.

Она пришла с двумя чашками кофе. Хотя она и говорила себе, что после такой ночи им обоим нужен крепкий кофе, но был ещё другой, скрытый мотив — надежда, что он не выгонит её из своей палатки сразу же. И так ей и надо, что горячий кофе обжигал ей пальцы, когда она поднималась по каменистой земле к его палатке, балансируя и тщетно стараясь ничего не расплескать. В конце концов, если быть честной, ведь именно она затеяла ссору — и она сама не знала, почему. Может быть, потому что всё ещё чувствовала себя как через мясорубку пропущенной.

Когда она вошла в палатку, Стивен сидел перед своим ноутбуком, положив руки на колени. Он лишь мельком взглянул на неё, как будто не было ничего удивительного в том, что она пришла. Он тоже выглядел плоховато.

— Ну? Написал коммерческое предложение?

Ах, проклятье! Опять это прозвучало с иронией, если не с издёвкой. Как будто она пришла продолжать ссору.

Он лишь вяло кивнул на экран:

— Как раз передаю его по факсу.

Она протянула ему чашку. Ту, что была полнее.

— Вот. В качестве маленького извинения, что я на тебя наехала. Мне очень жаль.

— Спасибо. — Он взял кофе охотно, почти жадно и взглянул на неё испытующе: — Ну что, мир?

— Мир!

Компьютер пискнул, сигнализируя, что сообщение дошло до получателя. Стивен выдернул из разъёма мобильный телефон и отключил его.

— Что ты знаешь про Иисуса? — спросил он вдруг.

Юдифь от неожиданности села на его развороченную постель.

— Боюсь, что не много.

— Я тут прочесал в связи с этой темой несколько надёжных интернетовских адресов, но, как оказалось, за исключением Библии, то есть Нового Завета, практически больше нет никаких указаний на то, что он реально существовал.

— Странно. Ведь он был казнён. Разве это не должно быть где-то документально отмечено? В каких-нибудь судебных протоколах?

— Должно бы. По Евангелию казнь произошла при Понтии Пилате, и тот действительно жил, это известно. Он был римским прокуратором в Иудее с 26 по 36 год, и при нём поддерживался ужасный режим. В 35 году он учинил нападение на самаритян, их всех повыврезали, после чего сирийский наместник, отец будущего императора Вителлия, отослал его в Рим, чтобы он там держал ответ. Его разжаловали, и по требованию императора ему пришлось лишить себя жизни.

Юдифь задумчиво кивнула.

— Это было на горе Газирим. Нападение на самаритян. Я смутно припоминаю. Кажется, там даже есть памятник.

— Правильно припоминаешь.

— Ах, это всё от отца. В детстве он нас замучил своей набожностью, так что я до сих пор для любой религии отрезанный ломоть. Но иудаизм очень завязан на истории, так что кое-что в памяти зацепилось.

— Странно, ты не находишь? Христианство, кажется, вообще обходится без истории. Если не считать истории жизни Христа. — Он несколько раз ударил по клавишам компьютера. На экране появился документ. — В которой есть даже относительно точные даты. Я спрашиваю себя, откуда они, собственно, известны. Итак, Иисус родился вроде бы лет за семь или за шесть до начала христианского летоисчисления. Какой-то монах в средние века просчитался, когда вводили это летоисчисление, основанное на его рождении. Примерно в 27 году он начал активную деятельность в Галилее — ему было тогда 33 или 34 года. Точнее всего известна дата его казни: пятница, 7 апреля 30 года.

Юдифь пригубила свой кофе. Его аромат перебивал спёртый запах пыли, пота и нестиранного белья, который царил во всех палатках и который сегодня она переносила с трудом.

— Интересно, — пробормотала она в свою чашку.

— Странно, правда? Человек три года странствует по всей Палестине, проповедует среди народных масс, творит чудеса — подумать только, оживляет мёртвых! А современные ему исторические описания почему-то обходят его стороной. Он чуть не поднимает народ на восстание — уж это, по крайней мере, должно было отразиться в римских исторических документах. Но нет ни следа. А самое странное то, что даже его сподвижники помалкивали добрых полвека, прежде чем начали заносить на бумагу, то есть на папирусы, упоминания о нём и о том, что он сказал.

— Правда?

— Самое раннее письменное сообщение о нём — это Евангелие от Марка, а оно датируется 70-м годом. Только послания Павла старше, они написаны примерно в 50-м году, но Павел никогда не встречал Иисуса, поэтому он и не пишет ничего о его жизни.

— Другими словами, ты веришь, что в письме написана правда. Что Иисус никогда не жил.

— По крайней мере, противоположное, кажется, доказать нельзя.

— Хм, — озадачилась Юдифь. — Похоже на то, будто мы ещё сделаем историю, а?

Стивен некоторое время смотрел на экран компьютера и ничего не отвечал.

— Это ещё не всё, — сказал он наконец.

Юдифь ждала.

— Кроме того, я нашёл в интернете описание камеры, — продолжал Стивен. — SONY MR-01.

— А я думала, её ещё нет.

— Она появится в продаже через три года, но уже сейчас её можно заказать.

Юдифь почувствовала, как по спине у неё побежали мурашки.

— Жуть какая.

— Да. Но фишка в том, что предлагается также и модель MR-02, на тысячу долларов дороже, но, соответствен-

но, лучше оснащённая. И я спрашиваю себя, почему путешественник во времени не взял в прошлое именно её.

Юдифь расширила глаза:

— Что-что?

— Вот, я сохранил, — он вызвал на экране соответствующий текст с картинками. — Видишь, здесь приведены особенности оснащения. У MR-02 больший, а следовательно, большей световой силы объектив. Двадцатичетырёхкратный Zoom вместо двадцатикратного у MR-01. А что меня занимает больше всего: у него корпус из магниевого сплава, а у MR-01 — всего лишь из пластика.

Райан вошёл, держа в руках записку. Эйзенхардт тайком наблюдал за этим человеком с холодными глазами. На поясе у него болтался мачете, правда, в кожаных ножнах, но почему такое архаичное оружие — нож, а не пистолет? Каким-то образом одновременно Райан казался готовым к любому насилию и угодливым вплоть до самоотречения. Как сейчас, когда он протягивал записку Джону Кауну. Эйзенхардту припомнился в связи с этим образ Игоря, слуги Франкенштейна. Только Райан не был ни горбатым, ни безобразным, а скорее походил на элитного арийца и офицера СС. Он стоял чуть ли не навывтяжку, пока Каун наконец не отпустил его кивком головы.

— Они удивляются, — с ухмылкой сказал Каун, пробежав глазами записку, — но это можно понять. Не знает ли кто-нибудь из вас случайно, когда, собственно, была изобретена бумага?

— В 105 году, — сказал Эйзенхардт. Это был один из тех вопросов, о которых он специально наводил справки во время своих разысканий. — Её изобрёл один чиновник при дворе китайского императора Хо-Ти, человек по имени Цзи ай Лунь.

Каун поднял вверх листок бумаги.

— Это сообщение из лаборатории в Соединённых Штатах, куда мы посылали пробу бумаги. Они пишут, что ничего не понимают и отчаялись найти этому объяснение. Согласно химическому анализу, это современная бумага для художественной печати. Радиоуглеродный метод, в свою очередь, показал, что этой бумаге две тысячи лет.

Перечень применяемых аббревиатур археологических институций:

ASOR — American School of Oriental Research (в наши дни: W.F.Albright Institute of Archaeological Research, Jerusalem, сокращённо AIAR, или American Center of Oriental Research, Amman, ACOR),

BSAJ — British School of Archaeology in Jerusalem,

IAA — Israel Antiquities Authority,

IES — Israel Exploration Society,

PDA — Palestine Departament of Antiquities.

Профессор Уилфорд-Смит.

«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».

Рабочих-раскопщиков — тех, что не уехали на выходной день, — созвали на полевую кухню. Было сказано, что руководитель раскопок собирается что-то всем сообщить.

Первые рабочие, явившиеся сюда и занявшие места на деревянных скамьях, увидели, как подъехал большой чёрный лимузин, как охранник из сопровождения Кауна погрузил в багажник два чемодана и как в конце концов сам Джон Каун сел в машину. Автомобиль отъехал, оставив позади себя тонкое облачко пыли.

Молодые мужчины и женщины недоуменно переглядывались. Никто не знал, что всё это может значить. Слухи ходили разные. Неужели спонсор потерял к раскопкам интерес?

Охрана у белой палатки четырнадцатого ареала как стояла, так и осталась стоять. Очень всё это было странно.

Когда собрались все — было их немного, почти исключительно те рабочие, которые прибыли из других стран, — к ним вышел профессор, снял свою неизменную шляпу от солнца, вытер лоб грязно-серым платком, который он всегда носил под шляпой, и снова вернул на место то и другое перед тем, как начать говорить.

— Мы решили, — сказал он и откашлялся, — в этом сезоне приостановить раскопки.

Бум-с. Ну вот. Значит, спонсор всё же потерял интерес.

— Вы будете спрашивать, почему, — медленно продолжал профессор Уилфорд-Смит. — Вопрос справедливый, но я на сегодняшний день, к сожалению, не могу на него ответить. Но поскольку такое решение...

— Это как-то связано с четырнадцатым ареалом? — выкрикнул кто-то.

Профессор сделал вид, что не услышал

— Поскольку это решение обрушилось на вас столь внезапно, мы оставим лагерь в действующем виде до тех пор, пока вы...

— Скажите же наконец, что нашли в четырнадцатом ареале! — потребовал другой голос из задних рядов. Вокруг закивали головами, слышался гул голосов.

— Как я уже сказал, лагерь останется...

— Четырнадцатый ареал! Четырнадцатый ареал! — почти скандировали собравшиеся.

Профессор смолк, взял себя за морщинистую шею и посмотрел в сторону, где стоял Райан, внимательно наблюдая за происходящим на собрании. Требуемые голоса один за другим смолкли.

— Я, эм-м, не могу сказать вам на этот счёт ничего определённого, — промямлил Уилфорд-Смит. — Но раскопки здесь, в Бет-Хамеше, с сегодняшнего дня считаются законченными. Для тех из вас, кто приехал из-за границы или издалека и рассчитывал на более длительное пребывание здесь, как уже было сказано, лагерь останется действовать до тех пор, пока вы не оформите перенос даты вылета или как-то иначе решите эту проблему. Всё это вам необходимо будет сделать, эм-м, в течение ближайших пяти дней. Те, кто сейчас отсутствуют здесь, будут оповещены по телефону. Кого не удастся застать по телефону, эм-м, узнают обо всём сегодня вечером, вернувшись сюда. — Снова шляпа, платок, вытирание лба. — Я благодарю вас за всю проделанную работу, также и от имени других научных сотрудников. Я желаю всем приятного отдыха сегодня и счастливого возвращения домой. Большое спасибо.

Джордж Мартинес высадил своего коллегу и шефа у одного кафе неподалёку от стены Старого города и поехал дальше в направлении Храмовой горы. Но как только Боб

Ричардс исчез из зеркала заднего вида, Джордж съехал на обочину, оставил там машину и пошёл спрашивать дорогу к *церкви Симона*.

Храмовая гора! Что за чушь. Ему незачем даже смотреть на эту гору. О том, что там происходит, а вернее, не происходит, он может сказать с закрытыми глазами.

Нет, он знал, что ему делать. Что *правильно*. Жадная похотливость Джона Кауна до денег была однозначно неправильной, а циничное равнодушие, какое проявил Боб, ни на волосок не было лучше. Всё измерялось примерно одинаково — крышей спортивного зала.

Кажется, никто здесь не знал эту церковь. Несколько людей показали предположительное направление, но он только заблудился, а очередной прохожий, к которому он обратился, оказался туристом. В конце концов Джордж стал спрашивать у таксистов, они знали город лучше. И нашёл-ся таксист, который действительно знал эту церковь, но поехать туда на его такси у Джорджа не хватило бы наличных денег.

Он дошёл до церкви, когда колокола как раз звонили к обеду. Башня церкви показалась ему ещё меньше и неказистее, чем он запомнил её с прошлого раза, а толпа опустившихся нищих, собравшихся в церковном дворе, заставила его замедлить шаг. Но потом он всё же продолжил путь, и вовремя, потому что патер Лукас как раз вышел из своего дома через дорогу и направлялся к храму.

Монах не сразу его вспомнил. Но потом до него дошло: а, тот человек, который хотел попасть в церковь, чтобы помолиться в Иерусалиме, правильно, и он ещё вызвал для него потом такси. Да, тот самый. И как, благополучно ли он тогда добрался до лагеря?

— Да, без проблем, — коротко ответил Джордж и добавил: — Мне нужно минуту побеседовать с вами с глазу на глаз, отец.

— С готовностью, — ответил священник. — Сразу по окончании обедни, если хотите.

— Боюсь, что столько времени я не смогу ждать. Мне нужно поговорить прямо сейчас.

Патер Лукас не вполне сумел скрыть, что он думает об этом необоснованном требовании нарушить заведённый распорядок дня.

— Боюсь, сын мой, что у меня, в свою очередь, не будет времени на эту беседу. Все эти люди собрались в ожидании службы...

— Всего одну минуту, отец. Пожалуйста!

Джордж выдержал взгляд священника. Он был полон решимости получить эту минуту во что бы то ни стало, он был готов упасть перед духовным лицом на колени в дорожную пыль, просить и умолять, забиться в истерике людям на посмеище и стать на целые недели предметом разговоров всего квартала — но получить.

Наверное, патер Лукас почувствовал его решимость. По крайней мере, он кивнул, предаваясь в руки Господа, и сказал:

— Хорошо, раз уж это не терпит отлагательства... Идёмте в ризницу. Но только на одну минуту!

Один из небольших реактивных самолётов, которых в собственности *News And Entertainment Worldwide Incorporeited* насчитывалось шесть штук, доставил Джона Кауна в Рим. По дороге он наконец нашёл время изучить балансы, состав собственности и прочие данные, присланные ему по факсу Энрико Бассо прямо в машину по дороге в аэропорт Тель-Авива.

Как ни крути, католическая церковь по всем мыслимым масштабам была наисолиднейшая фирма. Особенно, если принять во внимание, что Ватикан был отдельным, суверенным государством и вследствие этого никому не платил налоги. О таком концерн Еххон или IBM могли бы только мечтать. Даже если опустить некоторые спорные предположения Бассо, доходы оказывались такими, каких достигали разве что наркокартели. Каун знал своего итальянского адвоката и аудитора как одного из самых прожжённых добытчиков информации, который склонен из осторожности скорее преуменьшать оценку того, что ему поручено оценить. Следовало исходить из того, что Святой престол контролирует больший капитал, чем показывает его официальный баланс. В любом случае Ватикан был до середины девятнадцатого века крупным, могущественным государством, а крупные, могущественные государства не

исчезают с карты мира так просто, не припрятав перед тем несметные богатства в надёжных укрытиях разного рода.

Каун посмотрел из окна. Они летели над перистыми облаками, под которыми виднелись неясные серо-коричневые контуры побережья. Море светилось глубокой синевой, подёрнутое неправдоподобным блеском.

И всё это богатство, всё это могущество, размышлял Каун, держалось ни на чём ином, как на ловкой продаже одного мифа, возникшего две тысячи лет назад в Палестине. Мифа, для дальнейшего существования которого решающее значение имела та видеозапись, которую они искали — что бы там на ней ни оказалось.

Неповторимая позиция для переговоров.

Если бы ему удалось продать эту неповторимый, единственный в своём роде товар, который он пока не владел, тогда бы впервые в жизни верхний предел его требований определял он сам, а не другая сторона. Иными словами, это была бы сделка, цену которой назначал он.

После обеда лагерь начал понемногу сворачиваться. До этого времени рабочие собирались группами, сидели под навесом кухни и разговаривали. Пытались как-то освоиться с этим разочарованием — многие рассчитывали провести в Бет-Хамеше ещё недели и месяцы; то, что их так неожиданно поставили перед фактом прекращения работы и прощания друг с другом, для многих было почти физическим ударом.

Казалось, ни у кого больше не было охоты обсуждать тему четырнадцатого ареала. Обменивались адресами и номерами телефонов, пытались в спешке продвинуть вперёд начатые флирты, услаивались о поездках в гости и о встречах на других раскопках. Потом некоторые начали паковать вещи. Подъезжали машины, чтобы забрать чемоданы и рюкзаки, и снова уезжали. Повсюду вели короткие дискуссии на разных языках, качали головой, и издали было видно, что обсуждался лишь один вопрос, возникающий снова и снова: отчего прекращены раскопки? Некоторые палатки уже убрали, и в прежде равномерных рядах островерхих светло-серых шатров появились лакуны.

И ни профессор Уилфорд-Смит, ни Шимон Бар-Лев, его заместитель, до конца дня так больше и не показались рабочим на глаза.

Стивен Фокс выставил перед своей палаткой два раскладных стула так, чтобы удобно положить на один из них ноги и держать в поле зрения как копошение палаточного лагеря, так и мобильные домики. В руке он держал большой стакан с холодной жидкостью, а на голову водрузил соломенную шляпу с широкими полями от солнца, которое немилосердно светило и на праведников, и на грешников.

Решение прекратить раскопочные работы застало его врасплох. Он не любил, чтобы ему устраивали такие сюрпризы. Он не любил, чтобы другие определяли, где и как долго ему оставаться. И меньше всего ему нравилось, что Юдифь, которая жила в Иерусалиме, уедет домой, может быть, уже сегодня вечером.

Конечно, они ещё увидятся пару раз. Но вне этой почти интимной обстановки палаточного лагеря у него оставалось мало шансов на продолжение флирта с ней.

Проклятье! Он почти обвёл вокруг пальца великого Чингиз Хана, но обломал зубы об эту породистую девку. И это не лезло ни в какие ворота.

Но тут он увидел, как она сама идёт к нему в горку. Поднималась по склону, шаг за шагом, и её длинные волнистые чёрные волосы при каждом шаге падали ей то на одно, то на другое плечо. Она смотрела на него и улыбалась. Улыбалась немного смущённо: видимо, её всё ещё мучила вина за их ссору во время завтрака.

— А ты, кажется, чувствуешь себя неплохо, — сказала она, подойдя.

— Я всегда стараюсь устроиться так, — сдержанно ответил Стивен, — чтобы мне было хорошо.

— А у мобильных домиков полный покой, — продолжала она так, будто он ничего не сказал, упёрла руки в свои внушительные бёдра и посмотрела на площадку рядом с парковкой. — Нас они отсылают, а сами остаются.

Стивен поставил ноги на землю, подтянул второй стул поближе к себе и смахнул с него пыль.

— Иди сюда, — сказал он. — Садись.

— Спасибо. Я должна сказать, что совершенно...

— Они тоже не останутся.

— Что-что? Кто?

— Каун и его люди, — он протянул ей стакан с остатком своего прохладительного коктейля, который он делал в специально предназначенном для этого термосе и сохранял холодным. Она понюхала жидкость и отрицательно помотала головой.

— Спасибо, лучше не надо. Почему ты так считаешь?

— Если понаблюдать за ними пару часов, то заметишь, что они тоже готовятся к скорому отъезду, — сказал Стивен. — Один ходит снимает солнечные козырьки с резины, другой шляется, подбирает всякий мусор. Кто-то кладёт рядом с электрическими и телефонными кабелями пустые катушки наготове. Всё это мелочи, но в день отъезда они могут сэкономить массу времени.

— Ты хочешь сказать, что они ждут, когда все уберутся отсюда и тогда тоже уедут?

— Может, даже раньше. Мне было бы интересно узнать, почему уехал Каун.

— Это дело потеряло для него интерес. Поэтому он велел всё прервать, а сам слинял первым, — беглая улыбка, которой Стивен хотел бы любоваться до конца своих дней, скользнула по лицу Юдифи. — А может, поссорился с профессором и в приступе бешенства отказал ему в деньгах.

Стивен некоторое время повертел это предположение в уме. Нет, оно не соответствовало тому, что он видел. Каун уехал не разъярённый. Он был похож скорее на человека, который готовится ввязаться в бой.

Стивен отрицательно покачал головой:

— А ты обратила внимание, что место находки всё ещё не убрано? Это значит, они ждут кого-то ещё, чтобы показать ему находку в первозданном виде. Только после этого они снимутся с места.

— Вполне возможно, — Юдифь сощурила глаза. — А вон опять этот Райан. Смотри-ка, что он ищет на парковке? Мне всегда становится не по себе, когда я его вижу. Чем-то он мне напоминает все эти фильмы про нацистов.

Стивен отвёл от неё взгляд и тоже посмотрел в сторону парковочной площадки. Райан, казалось, что-то потерял.

Он медленно шёл вдоль ряда машин, сильно освещённых солнцем, и что-то высматривал на земле. Временами он нагибался, чтобы заглянуть под машины. В какой-то момент он отчаялся найти и зашагал назад, к мобильным домикам.

— А в твоей семье кто-либо пострадал от Холокоста? — тихо спросил Стивен. — Прости, если это неуместный вопрос.

— Ничего. Мой отец родом из Венгрии, и он единственный из всей семьи, кто вовремя успел сбежать в Америку. Все его братья и сёстры погибли в концлагерях. От некоторых у него даже фотографии не осталось.

— Фамилия Менец звучит как-то не особенно по-венгерски.

— Это американский вариант старинной еврейской фамилии Меннасса. Для клерков американских эмиграционных служб она оказалась слишком трудной.

— А твоя мать?

— Она родилась здесь. Мой отец после Синайской войны приехал в Израиль, и она была его ассистенткой на историческом факультете. Так они познакомились. Потом она была его ассистенткой по деторождению, — это прозвучало у неё горько.

— У тебя с отцом нет особенного взаимопонимания?

— Нет, — губы её сжались в линию. — Ты его не знаешь. Он прочитал за свою жизнь, наверное, пять миллионов книг, и после первого миллиона начал считать себя умнее всех остальных на свете. Он постоянно мучил нас идеями, которыми был в то время одержим. Когда я была ребёнком, он хотел непременно доказать, что под Старым городом в Иерусалиме есть никем пока не открытый подземный ход в скале. А перед этим он носился с идеей подлинной могилы царя Давида. А после этого он вбил себе в голову, что должен реконструировать все маршруты передвижения народа Израиля во время Исхода из Египта. В одиночку, разумеется. — Она посмотрела на него сбоку: — А ты со своим отцом как? Дружишь?

Стивен пожал плечами:

— Трудно сказать. Когда я был маленький... Я так и вижу его в моих воспоминаниях сидящим за письменным

столом. Он адвокат, понимаешь? Открыл собственную адвокатскую контору, и с тех пор до моих шестнадцати лет я его практически не видел. В то время он регулярно работал по двадцать шесть часов в день, если верить его гонорарным счетам.

— Двадцать шесть часов? — Ей понадобилось некоторое время, чтобы она осознала, как это может быть.

— Это то, в чём адвокаты имеют преимущество перед остальными людьми, — сказал Стивен. — Они знают, как далеко они имеют право зайти и какими отговорками выпутаться в случае чего.

Они помолчали. Стивен допил коктейль до конца и поставил стакан на землю себе под стул. Зной звенел беспощадный, не было ни ветерка.

— Знаешь, что странно? — спросил он.

— Я не знаю здесь вообще ничего *не странного*.

— Они останавливают раскопки. Говорят: «Привет, ребята, это всё, большое спасибо». И никто не придёт ко мне и не скажет: «Мистер Фокс, мы бы хотели, чтобы вы ненадолго ещё задержались. Или хотя бы оставили нам ваш номер телефона на тот случай, если у нас возникнут вопросы».

Она посмотрела на него, вскинув брови:

— И это задевает твою гордость, так, что ли?

— Что за глупость. Это доказывает, что они больше ничего не ждут от меня. Я имею в виду, вот я нашёл эту штуку. Я её разрезал, как какой-нибудь тупой кладоискатель. Кого-то ведь должно было заинтересовать, как это выглядело изначально. Как оно лежало, когда я его нашёл. Действительно ли слой был нетронутый. Всякие такие вещи. Но нет. Никого не интересует, что я теперь собираюсь делать.

— Хм. А что ты собираешься делать?

Стивен пожал плечами.

— Хороший вопрос. Конечно, я мог бы снять где-нибудь в Иерусалиме комнату. С другой стороны, тогда бы я уже никак не смог участвовать во всём, что здесь происходит. Пока не знаю. Зависит от того, что мы обнаружим сегодня вечером в лаборатории, — он коротко взглянул на неё и собрал все силы для того, чтобы осмелиться на ответный вопрос: — А ты?

Её лицо омрачилось:

— Я ужасно зла на профессора. Взять и так просто выставить всех на улицу. А я на весь сезон раскопок сдала свою квартиру одной китайской студентке, которая изучает теологию. Здорово, да? Теперь мне остаётся переехать либо к моему брату, от чего он будет далеко не в восторге, либо к матери, от чего буду не в восторге я сама. Возможно, всё закончится тем, что я устроюсь куда-нибудь на другие раскопки.

Солнце, казалось, просияло в эту минуту ещё ярче. Ведь это были хорошие новости! Стивен выпрямился на стуле, сдвинул шляпу на затылок, придвинулся со своим стулом к ней поближе и с полушутливой дерзостью обнял её за плечо:

— Давай останемся здесь как можно дольше и будем им докучать, — сказал он, развеселившись. — Останемся до тех пор, пока они нас не вышвырнут.

Она вытерпела его объятие, и его рука, естественно, осталась там, где была.

— Я хочу использовать это время, чтобы определиться, действительно ли я хочу изучать историю, — сказала она, погрузившись в свои мысли. — Или я делаю это только потому, что это традиция в моей семье. Честно говоря, когда я смотрю на то, что здесь творится, я всерьёз подумываю: а не лучше ли будет изучать экономику и предпринимательство. Или ещё что-нибудь, чем можно ещё и деньги зарабатывать.

Стивен ощущал тепло её тела под своей рукой и её волосы, мягко падавшие на его предплечье.

— Хороший вопрос, — сказал он.

Патер Лукас сидел перед белым столиком и смотрел на стоящий на нём телефон. Это был громоздкий аппарат из чёрного бакелита, старый, как и всё остальное здесь. Стол стоял у окна, которое выходило на пыльный внутренний двор. Ворота были раскрыты, потому что для их голубого автофургончика, наверное, опять не нашлось места припарковаться на улице. В таких случаях машину загоняли во двор. Он подумал о том, что очень кстати будет загрузить в неё все картонные коробки, скопившиеся в углу двора.

Телефон. Патер Лукас смотрел на блокнот, лежавший перед его сложенными руками, раскрытый на той странице, с тем телефонным номером, воспользоваться которым он не думал никогда в жизни. По крайней мере, здесь, в этом самом незначительном в мире монастыре.

И уже в сотый раз с того момента, как вернулся в этот скромный кабинет, он взглянул вверх, на большое распятие, висевшее в простенке между окнами. Иисус уронил голову, и его фигура внезапно показалась монаху не религиозным произведением искусства из крашеного дерева, а живым телом. Из-под шипов тернового венца, казалось, сочилась живая кровь. И Он, казалось, смотрел сверху на него, патера Лукаса, францисканского монаха, слугу своего недостойного...

Неужто всё это только выдумка? Неужто мексиканец позволил себе сыграть с ним злую шутку? Нет. Нет, он чувствовал потрясение этого человека, его страстную веру. Нет. Разве что *его* самого кто-нибудь разыграл. Но он совершенно очевидно верил в то, что говорил.

Может быть...

Видеозапись, на которой снят Иисус Христос! Какое захватывающее дух представление. Какое чудо.

Может, нашёптывал в нём тихий, тишайший голос, в этом и была причина, почему он здесь. Может, с самого начала ему была уготована роль в этом чуде. Он смиреннейше служил здесь малым сим и за это оказался удостоен этого часа.

В дверь постучали, и вошел брат Джеффри.

— Брат Лукас, пора ехать. В половине пятого в отель привезут свежий товар для шаббата, и хорошо бы подгадать так, чтобы одновременно загрузили нам старый...

— Ещё одну минутку. Одну минутку. Я сейчас приду. Мне нужно сделать один звонок.

— Хорошо.

Дверь закрылась.

Трубка телефона тяжело легла в его руку.

Джон Каун удивлённо поглядывал на своего итальянского представителя, пока совершенно не соответствующее его положению такси громыало по мостовой, скорее под-

ходящей для боевых колесниц римских легионеров, чем для современных транспортных средств. Но насколько уместно было говорить о современности применительно к этой расхлябанной таратайке, на которой Энрико Бассо встретил его в аэропорту?

— А что значит — прелат?

— Прелат — это почётный титул особенно заслуженных представителей католического духовенства.

— Это я знаю. Но я хотел говорить с кардиналом. Главным финансистом Ватикана.

— Главный финансист — это Папа.

— Папа?

Нездорово бледный Бассо глубоко вздохнул.

— Папа — самодержавный владыка. В его компетенции находится всё. Он может только делегировать свои компетенции.

— Кто же тогда контролирует его?

— Бог.

— Неплохо! — вырвалось у Кауна. Он выглянул из машины. Движение было такое же хаотичное, как в Израиле, но небо затянуто облаками, свет приглушённый, примерно как в Нью-Йорке в хорошие дни. — Так сказать, председатель правления без наблюдательного совета. И без акционеров. Или единоличный владелец. Можно позавидовать. Окей, и какой пост занимает этот тип?

— Он секретарь финансовой префектуры Святого престола.

— И что она собой представляет?

— Своего рода счётная палата, которую учредил в 1967 году папа Павел VI. Этот орган проверяет на легитимность все банковские счета, все балансы, все финансовые потоки. Возглавляет префектуру кардинал, которого, в свою очередь, контролирует коллегия из пяти других кардиналов. Помимо него, есть ещё восемь сотрудников и двенадцать консультантов, все они финансовые специалисты, и как раз этот секретарь, который всегда прелат.

Каун задумчиво кивнул. Естественно, он не рассчитывал на то, что такая институция, как католическая церковь, встанет на уши ради председателя правления какой-то незначительной информационной корпорации. Нет, ко-

нечно, — до тех пор, пока кот ещё в мешке. Пока он не объяснил им, что он, Джон Каун, возможно, держит в руках будущую судьбу этой церкви.

Они доехали до Ватикана. Массивные, подавляюще старые стены возвышались перед ними, как будто стараясь внушить им чувство их абсолютной незначительности. Швейцарский гвардеец в смехотворной униформе проверил их паспорта, сравнил со списком, позвонил по телефону и наконец пропустил их внутрь церковного государства. Человек в чёрной сутане вышел им навстречу, дал знак следовать за ним и повёл по длинным коридорам, в которых висели огромные картины, написанные маслом. Они то поднимались, то спускались по лестницам, пересекали сады, колоннады, миновали древний фонтан, и с каждым шагом в Кауне росло осознание того, на какого могущественного противника он замахнулся. Это тебе не какое-нибудь жалкое издательство, доведённое сыновьями основателя до краха и сбываемое за небольшие деньги; не фабрика картофельных чипсов, которую удалось прибрать к рукам путём ловкого финансового манёвра, — эта организация могущественна уже в силу одной только длительности своего существования. Тягаться в бизнесе с католической церковью — всё равно, что возжелать приобретения Гималаев.

Вместе с тем в нём росло уважение к Бассо. У этого человека, должно быть, действительно повсюду были связи, если за такое головокружительно короткое время он сумел устроить ему эту встречу. Замечательный сотрудник. Очень ценный.

Каун чувствовал, как напряжение у него под ложечкой опустилось ниже и, казалось, затвердело, превращаясь в чистую сталь. Это чувство было ему знакомо. То была готовность к бою.

Кабинет прелата Джузеппе Дженапо был на удивление маленьким. Вся мебель казалась средневековой, включая массивные тёмные столы, шкафы и стулья, один только ковёр стоил, должно быть, несметных денег.

— Я слушаю, — неприветливо сказал духовный служащий на очень итальянском английском после того, как

они сели. При этом он поглядывал тёмными черепашьими глазками и беспрестанно двигал нижней челюстью.

Каун слегка подался вперёд и посмотрел собеседнику в глаза — телодвижения, хорошо зарекомендовавшие себя за бесчисленными столами переговоров по всему миру, — и начал:

— Сэр, меня зовут Джон Каун, я председатель правления *Kaun Enterprises*. Моё предприятие располагает активами более, чем...

Высохший старик нетерпеливо отмахнулся:

— Да, да, я всё знаю. Что вы хотите?

Прелат, казалось, был не слишком впечатлён значительностью своего посетителя. Каун набрал в лёгкие воздуха. В первую очередь было ясно одно: этот отвратительный гном в генрих-гиммлеровских очках с тонкой оправой и с реденькими волосами был препятствием, а не переговорным партнёром. Речь могла идти только о том, чтобы преодолеть его, а вовсе не о том, чтобы убедить.

— Моё предприятие финансирует значительные археологические раскопки в Израиле. В ходе работ мы натолкнулись на след одного артефакта из времён Иисуса, и этот артефакт может иметь решающее значение для католической церкви, — сказал Каун и затем добавил, поддавшись внезапному импульсу: — Настолько решающее, что о нём следовало бы говорить с Папой.

Он заметил, как сидящий рядом Бассо испуганно замер, а черепашьи глазки прелата сузились, разглядывая Кауна более подробно.

— Что же это за... артефакт? — спросил он. В его голосе слышалось неприятное металлическое дребезжание.

— Как я уже сказал, у нас его ещё нет. Но скоро он у нас будет. Всё, что можно на этот момент о нём сказать — это то, что он, вероятно, однозначно и несомненно докажет, действительно ли состоялось воскресение Христа, — Каун сделал крошечную искусственную паузу, чтобы усилить эффект, прежде чем добавил: — Или не состоялось.

Прелат возложил пальцы на край стола так, будто собрался играть на клавире, и издавал ими лёгкий, барабанный шум, пока раздумывал.

— Я не могу себе представить, что это может быть такое, что вы надеетесь найти, — сказал он наконец.

— Но вы ведь наверняка согласитесь со мной, что это имело бы выдающееся значение для церкви? — ответил Каун.

Взгляд духовного лица оставался холодным:

— Сожалею, но нет.

— Нет?! — Сталь в его подложечной ямке начала взлетать, как занесённый меч. — Извините, сэр, но не могли бы вы мне это объяснить? Я сказал, что мы напали на след исторического доказательства, которое раз и навсегда прояснит, воскрес ли Иисус из мёртвых или нет. Разве может церковь игнорировать это?

— Воскресение Христа — это откровение веры. Оно не зависит от научных доказательств, которые в основе своей всегда суть лишь интерпретации чувственных восприятий.

— Мой самолёт ждёт меня в аэропорту Рима. Кто-нибудь мог бы взглянуть на то, что мы нашли — будь то кардинал, эксперт-историк, пользующийся вашим доверием, или по мне хоть сам Папа. Сегодня вечером. Прямо сейчас. Перелёт длится два с половиной часа, дорога до места раскопок — один час. Он мог бы к полуночи уже вернуться назад.

— Святой Отец несёт на себе сверхчеловеческий груз всевозможных обязательств, — сказал секретарь. — Кроме того, он очень болен. Совершенно исключено, чтобы он по чьей-то спонтанной прихоти куда-то полетел. — Недовольное выражение его лица показывало, что он не особенно высоко ставит как прихоть, так и спонтанность. — То же самое в принципе я могу сказать и в отношении кардиналов.

— Тогда отправьте со мной учёного. Существует же папская академия наук. Со мной мог бы полететь кто-нибудь оттуда.

— Это решать не мне.

— Тогда кому же?

— В принципе это решает Его Святейшество.

Каун вздохнул:

— Ну хорошо. Могу я хотя бы поговорить с ним?

— Если вы желаете аудиенции у Папы, вам следует обратиться в соответствующую префектуру. — Маленькие глазки за очками в тонкой оправе холодно блеснули. — Она откроется в понедельник.

Это было уму непостижимо.

— Послушайте, к тому времени мы, возможно, уже выкопаем эту вещь. Может быть, мы уже проведём пресс-конференцию. И, может быть, то, что будет там сказано, абсолютно не понравится Его Святейшеству. Ибо мы, возможно, докажем, что тогда всё происходило иначе, чем описано в Библии, и приверженцы веры станут толпами отрекаться от церкви.

— Истина, мистер Каун, — скривив тонкие губы, объяснил секретарь, — не демократична. Даже если случится то, на что вы намекаете, — а я убеждён, что этого не случится, — это не сможет явиться для Святой церкви поводом проповедовать что-то другое, чем то, что уже две тысячи лет является содержанием веры.

— Истина состоит в том, — ответил Каун, — что никто её не знает и что все мы только ищем её. Вот то, во что я верую.

Прелат сложил свои увядшие ладони.

— Тогда мне жаль вас, мистер Каун.

Кауну пришлось держать себя в руках, чтобы чувства не возобладали над ним. Тут ничего не добиться. Любое дополнительное слово было бы пустой тратой времени.

Он взглянул на Бассо. Тот был бледен как мел, а на его лбу выступили крошечные капли пота.

— Идёмте, — сказал Каун.

Райан сидел так, что через окно, которое снаружи было зеркалом, держал в поле зрения всю парковку. Если они уедут сегодня, он хотел бы знать, куда.

На коленях у него лежал плоский прибор, напоминавший те переносные телевизоры, которые одно время были в моде. Время от времени Райан включал его, и тогда на экране загоралась яркая точка, сантиметра на полтора в стороне от центра экрана. Если он поворачивал прибор, точка двигалась в противоположном направлении.казалось, она всегда указывала в сторону парковки. Конечно, это была не случайность, потому что именно там стоял автомобиль, под крылом которого был прикреплён датчик пеленгатора. Автомобиль был прокатный. Точнее, машина Стивена Фокса.

Райан ждал. Он был большой специалист по ожиданию. Если уж ему приходилось ждать, он мог часами сидеть настолько неподвижно, что даже мигание век и дыхательные движения грудной клетки становились едва заметны. Когда охотишься на людей, важно уметь ждать.

Ему пришлось взглянуть на часы, когда появились Стивен Фокс и Юдифь Менец. Они сели в машину и уехали. Было около половины восьмого.

Райан потянулся к автомобильным ключам, которые лежали рядом на столе.

Створки высокого окна канцелярии, которая на официальных планах вообще не была обозначена, стояли открытыми. Издалека сюда проникали шумы ночного Рима — не громче жужжания насекомых, которые тщетно бились о москитную сетку. Парадоксальным образом эти тихие звуки усиливали впечатление тишины, царившей в этом крыле апостолического дворца.

Луиджи Баттисто Скарфaro был худой высокий сицилиец. Выразительный крючковатый нос, высокий лоб, чёрные волосы над которым были зачёсаны назад, и тонкие бескровные губы придавали его лицу аристократический вид, что ещё дополнительно подчёркивалось сутаной, в которую он был одет. Ему было тридцать шесть лет, но казался он старше. Семейная традиция требовала отдавать одного члена семьи в служение Святому престолу, чтобы уравновесить то обстоятельство, что остальные члены семьи работали на мафию, и Луиджи выпало в своём поколении поддержать эту традицию. Чтобы воспрепятствовать ещё одной семейной традиции — в довольно молодые годы заболеть тяжёлой формой подагры, — он питался строго вегетариански, не курил и не пил. Но, невзирая на это, и на его пальцах уже появились характерные узловатые суставы, и у него были плохие зубы. Традиции были сильнее отдельной человеческой воли.

Он сидел за своим большим письменным столом, совершенно пустым, если не считать массивной бронзовой лампы — единственного источника света в высоком, просторном помещении — и двух листов бумаги. Вот уже несколько часов он заново перечитывал их и обдумывал.

Многое могло показаться старомодным в тайных помещениях Ватикана, но те, кто здесь работал, могли прибегать к самому богатому арсеналу, какой только существует по части добычи и передачи важной информации. Здесь применялись шифровки ещё в те времена, когда всё остальное население вообще не умело читать. Пусть это были пыльные фолианты, стоящие на полках, но в них содержалась подлинная история последних двух тысяч лет. Собирать информацию и составлять сообщения было одной из главных задач беспристрастной службы во благо церкви, и поэтому эти сообщения были, как правило, настолько же надёжны, насколько точны.

Эти две бумаги казались ему головоломкой.

Одна была запиской из *префектуры финансовых дел Святого престола*. Секретарь префектуры, прелат Дженао имел беседу с одним американским предпринимателем по имени Джон Каун, который посетил его и утверждал, что на раскопках в Израиле обнаружена находка времён Иисуса, которая якобы способна доказать либо опровергнуть тот факт, что Иисус воскрес из мёртвых — что именно из этих двух возможностей, он не пожелал сказать по причинам, которые не приводились в кратком меморандуме.

Само по себе событие не содержало в себе ничего необычного. То и дело в Ватикан являлись какие-нибудь безумцы с самыми смелыми утверждениями. Археологические находки были лишь одной из разновидностей. То и дело возникала какая-нибудь личность, выдающая себя за Спасителя второго пришествия, и затем впадала в безбожный раж, когда вместо Папы, пришедшего преклонить перед ним колена, являлись три дюжих санитара, чтобы забрать его с собой. У других были видения, в которых чаще всего являлась Богоматерь и давала странные повеления, поскольку якобы близился конец света. Да, и раскопки. Согласно данным раскопок, Иисус якобы жил в восьмом веке в Южной Америке. А после воскресения убыл в Тибет. А задолго до своего якобы рождения действовал как один из библейских пророков.

И подобного рода безумные представления не ограничивались каким-то одним слоем населения. Религиозная мания на равных овладевала бедными и богатыми, образо-

ванными и безграмотными, ей были подвластны все профессии, возрасты, расы и оба пола. Нет ничего удивительного, что среди них оказался и известный американский медиамагнат. В конце концов, были даже президенты, которых преследовал нечистый дух или которые ощущали себя посланниками Всевышнего.

Единственным, заслуживающим внимание, было то, что Джон Каун обратился именно в префектуру финансовых дел. Будто ожидал, что его находку у него тут же купят, с руками оторвут.

Да, а ещё был второй листок. Скарфари сложил кончики пальцев домиком, указательными пальцами подперев подбородок, и прочитал текст в сотый раз.

Сообщение поступило от францисканского патера из Иерусалима. Он сообщал, что к нему приходил человек, который работал на раскопках западнее Иерусалима. Как нарочно, на тех самых раскопках, которые вёл Джон Каун.

Этот человек — американец мексиканского происхождения — поведал патеру Лукасу, что именно было найдено на этих раскопках.

Якобы.

21

Из-за возникновения упомянутых причин раскопки пришлось внезапно свернуть. Извлечённые находки были помечены и присыпаны слоем песка. Извлечённые находки были размещены в собрании Рокфеллеровского музея (Инв. номера 1003400—1003499); за исключением артефакта, о котором говорилось в гл. XII.

*Профессор Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Темнота опустилась как всегда быстро, почти без перехода. С наступлением темноты заканчивался шаббат, и Стивену показалось, что уличное движение сразу усилилось — тоже без перехода. Как только стемнело настолько, что пришлось включать фары, со всех сторон нахлынули машины, как будто ждали за углом окончания дня по-

кая, а теперь вырвались на дорогу с дикой решимостью наверстать всё упущенное.

Сегодня утром он с нетерпением ждал вечера, чтобы вернуться в лабораторию и снова продолжить расшифровку письма из прошлого. Но в течение дня он так много размышлял над возможностями, интерпретациями и теориями, что у него, казалось, образовалась болезненная закупорка мозгов. И сейчас он просто ехал, ни о чём не думая, открытый всем впечатлениям.

Он мельком взглянул на Юдифь. Она смотрела в темноту, полную шныряющих огней, и была погружена в свои мысли.

— Ты жалешь, что так получилось? — спросил он.

Ей понадобилось время понять, что он имеет в виду.

— Нет. Нет, я думаю, так даже лучше.

— Я бы на твоём месте переехал к Иешуа. Я только что представил себе, что бы было, если бы я позвонил своей матери и сказал ей, что приеду в гости на два месяца. Тут бы такое началось! Она бы мыла, стирала и готовила и носилась со мной, пока не рехнулась от материнского счастья. Нет уж, спасибо. Лучше ночевать под мостом.

— Если я перееду к Иешуа, то не пройдёт и пяти дней, как обнаружится, что это я готовлю, мою и стираю. Ты хотя бы представляешь себе, какое у него холостяцкое жильё? В его кухне ни к чему нельзя притронуться без щипцов, а чтобы навести чистоту в его комнате, пришлось бы воспользоваться огнём. Так что лучше уж я перееду к матери. Там хотя бы чисто, и она будет ухаживать за мной, а не наоборот.

— Хороший аргумент, — признал Стивен.

Она повернулась так, чтобы видеть его сбоку:

— Мне было бы интересно посмотреть, как ты живёшь у себя дома.

— Очень хорошо живу. Я бы тебе с радостью показал, но это в пяти тысячах миль отсюда.

— Ты же вроде говорил, что живёшь в студенческом городке? Но ведь тогда у тебя там только крошечная комнатка.

— У всех остальных действительно крошечные комнатки. Но там есть квартира для коменданта, на самом верх-

нем этаже, с великолепным видом на лес и на озеро, она пустовала с тех пор, как университет начал экономить на персонале и сократил должность коменданта. Каким-то чудом мне предложили эту квартиру, и я, естественно, воспользовался этим предложением.

— Ага, каким-то чудом. Ясно.

— Две комнаты с холлом, просторные, светлые, с встроенной кухней и крытой террасой. Ты бы тоже согласилась.

— Особые запросы, как всегда. И в каком же состоянии твои две комнаты с холлом?

— У меня очень чисто.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты и есть тот единственный мужчина на земле, который сам убирает свою квартиру?

Стивен тонко усмехнулся.

— Нет. Я единственный студент в университетском общежитии, который может позволить себе домработницу.

— Ну, понятно. И я ещё спрашиваю! — она снова отвернулась и стала смотреть вперёд.

Стивен раздумывал, не было ли это тактической ошибкой. На молоденьких студенток его благородно обставленная квартира действовала весьма возбуждающе, но им-то он мог её показать, а не рассказывать о ней. Но стоило начать рассказывать, как чистейшая правда превращалась в хвастовство.

Но Юдифь, казалось, тут же забыла об этом и снова погрузилась в свои мысли.

— Я просто пытаюсь посмотреть на это без драматизма, — сказала она через некоторое время со вздохом. — Я про то, чтобы переехать к матери. В принципе, это совсем неплохо. Конечно, в своё время я приложила все усилия, чтобы уйти из дома. Все, кроме замужества, я имею в виду. Замужество было бы самым простым выходом. И в принципе я своего добилась: у меня своя квартира. Своя жизнь. А сейчас ведь это всего на несколько недель. Почему бы дочери не пожить несколько недель в родном доме? — Она засмеялась: — Знаешь, что она мне рассказала? Вчера вечером позвонил какой-то мужчина и спросил меня. Представь себе. Она приняла это за знак судьбы, естественно.

— Что за мужчина? Бывший поклонник или вроде того?

— Не думаю. Он говорил только по-английски.

Мимо них прогромыхал большой бензовоз.

Одно колесо попало в выбоину и ударилось.

Стивен посмотрел в зеркало заднего вида, задумчиво покусал губу и снова стал пристально вглядываться в зеркало.

— Что-то не так? — тревожно спросила Юдифь. — Ты что, ревнуешь или что?

Стивен достал из кармана куртки свой мобильный телефон, включил его и набрал пин-код, чтобы телефон заработал.

— Ты знаешь рабочий телефон своего брата?

— Да, а что?

Он протянул ей мобильник:

— Позвони ему.

Райан следовал за ними на безопасном расстоянии и только один раз, вскоре после того как они свернули на оживлённую скоростную магистраль в сторону Иерусалима, он подъехал поближе, чтобы удостовериться, что тёмно-синий маленький «фиат», за которым он следует, действительно машина Стивена Фокса и что сам он вместе со своей подругой действительно едут в этой машине. После этого он отпустил их далеко вперёд. Он мог не напрягаться — пеленгатор, который лежал рядом с ним на пассажирском сиденье, не упускал их из виду.

Это была самая волнующая часть его работы — охотиться на людей. Из всех зверей человек — самый опасный, потому что это единственная дичь, достойная своего охотника. Даже в такой маленькой, безобидной экскурсии, как сегодня, его воспоминания будили в крови волнующие моменты. Медики называют это адреналином, а для него самого это было просто другое слово для обозначения жизни. Этот человек действительно по-настоящему жил только тогда, когда охотился.

Сумерки были короткими, и после того как на землю опустилась тьма, Райан видел лишь пару задних огней. Без своего пеленгатора он бы их давно упустил из виду.

Чего им обоим надо в Иерусалиме? Что они делали там вчера? Что вообще могла делать эта молодая пара в святом городе во время шаббата? Мать Юдифи они не навестили. Может быть, они были приглашены на какую-то вече-

ринку? Но тогда зачем они едут сегодня снова? Может, они снимают номер в почасовом отеле? Но если им так надо трахаться, они могли бы делать это хоть целыми днями в палатке Фокса. Как ни крути, а их поездка не имела смысла.

Райан не любил, когда вокруг него творились вещи, не имеющие смысла. По его опыту это означало, что в действительности происходит то, чего он не знает.

Впереди показался Иерусалим. Он бросил взгляд на экран пеленгатора. Светлая точка всё ещё была на месте.

— Что-то ты грустный, будто недоволен чем-то.

— Да, — кивнул Эйзенхардт и прочесал растопыренными пальцами слипшиеся от пота волосы. Что-то с кондиционером было не в порядке. Телефонная трубка около уха неприятно повлажнела. — У меня такое чувство, будто я сижу здесь бестолку. И страх, что в какой-то момент меня с криком и руганью погонят отсюда, потому что я не оправдал ожидания, которые никогда не были конкретно артикулированы. Как у Кафки — в «Процессе», где главный герой так и не узнал, в чём его, собственно говоря, обвиняют.

— Но ведь у тебя есть обратный билет. Ты в любой момент можешь повернуться и уйти, если чувствуешь себя не в своей тарелке, — сказала Лидия. — А чтобы тебе лучше себя чувствовать: гонорар за первые пять дней сегодня пришёл на наш счёт. Почти двадцать тысяч марок. Они нам очень кстати.

— Двадцать тысяч?

— Десять тысяч долларов в пересчёте на марки. Минус налог на добавленную стоимость. Так что всё правильно, — Лидия была в их семье министром финансов. — Так что если ты сумеешь продержаться ещё несколько дней, это будет совсем не плохо.

— Хм-м, да. В принципе даже хорошо...

— Ну вот.

— А ты как там без меня?

Он услышал, как она засмеялась:

— Ах, честно говоря, не очень большая разница, копируешь ты роман в своём кабинете или торчишь где-то в Израиле.

— Спасибо. То, что мне было нужно. — Он почувствовал тоску по ней — на уровне физической боли, по близости её тела, по запаху её волос, по прикосновению её кожи. — Но хоть чуточку-то тебе меня не хватает?

Пауза. И потом она произнесла — грудным, изменившимся голосом:

— Каждый вечер.

— Мне тебя тоже.

Они помолчали.

— Я никакого представления не имею, в чём там у вас дело, — сказала Лидия. — Ты говорил, что ты на раскопках и что найдено что-то значительное, и с тех пор я всё время думаю, какое отношение ко всему этому имеешь ты. Если бы ты писал хотя бы исторические романы... Но научный фантаст? Я не понимаю. Не вижу смысла.

Петер Эйзенхардт помедлил. Он чувствовал потребность освободиться от чего-то. Облегчить душу. Выговориться, чтобы жена успокоила его страхи, как бывало всегда, когда фантазия уводила его слишком далеко.

— Знаешь, что меня больше всего изводит? То, что я не могу отделаться от подозрения, что...

В мобильном домике, где размещался административный центр, в тот момент, когда Петер Эйзенхардт поднял телефонную трубку, включился старомодный катушечный магнитофон. А теперь лента закончилась, хвостик её соскользнул с катушки, прошелестел через записывающую головку и начал вхолостую мотаться по заполненной катушке — *флаш-флаш-флаш*, — что привлекло внимание техника. Он отложил потрёпанный томик, который как раз читал, неторопливо встал и выключил магнитофон. Потом снял заполненную катушку и положил её в специальную пластиковую коробку, пустую катушку переставил на другую ось, взял новую катушку с чистой плёнкой, освободил её от упаковки, тщательно подписал этикетку: порядковый номер записи, дату и время, и наконец зарядил магнитофон, и всё это время голос Эйзенхардта звучал в маленьком встроенном громкоговорителе:

— ...что здесь инсценировано какое-то крупное надувательство. Этот профессор, который руководит раскопками, далеко уже не юноша. Может быть, это последнее в

его жизни предприятие такого рода. И я узнал, что он, несмотря на то, что роется в Израиле уже с конца шестидесятых годов, так ничем значительным и не обогатил науку. Так что сейчас у него вроде как последний шанс.

— И ты думаешь, что он сфальсифицировал находку.

— Я не знаю. Но что-то здесь отдаёт гнильцой, и это меня сильно беспокоит.

Лидия вздохнула:

— Пожалуйста, береги себя, ладно?

— Да. Я постараюсь.

Плётка начала снова вертеться в тот момент, когда Эйзенхардт закончил разговор с женой, и плётка остановилась. Техник вернулся к своему столу и снова принялся за свой триллер.

Из разговора, который он слышал, он не понял ни слова. Он не говорил по-немецки.

Райан выключил фары и заглушил мотор, пустив машину катиться последние метры до полной остановки. Потом он немного посидел в тишине.

Парковка на другой стороне дороги была пуста. Если не считать маленького «фиата», припаркованного под кустом. Световая точка на пеленгаторе указывала прямо в этом направлении.

Всё было тихо. Практически никакого движения по улице. Райан подождал, пока проедут все машины, потом быстро вышел и пересёк улицу.

Там он остановился и постарался придать себе вид безобидного прохожего, а сам в это время принюхивался и присматривался. В воздухе пахло выхлопными газами, пылью, канализацией и далёким, обворожительным ароматом цветов. Машина стояла тихо и мёртво.

Что-то здесь было не так.

Райану не раз приходилось вести наблюдение за машинами, на заднем сиденье которых парочка занималась любовью. Это сразу было видно по амортизаторам. Это было слышно.

Он не спеша подошёл ближе. Машина была пуста.

— Проклятье, — пробормотал Райан.

Он осмотрелся. Это был, если верить карте города, правильнейший квартал. Он разглядел протяжённое здание

министерства финансов, увидел краешек министерства внутренних дел и крышу кнессета, израильского парламента. *Какого чёрта понадобилось молодой парочке в этом месте в такое время суток?*

Райан вернулся к своей машине, сел за руль, поставил спинку сиденья вертикально и стал ждать. Ждать он умел. В этом деле он был профессионал.

Иешуа был явно не в духе, когда вёз их по городу. К тому же все светофоры словно сговорились и загорались красным прямо у них перед носом. Юдифь на заднем сиденье посмеивалась над ним.

Стивен вздохнул:

— Это было всего лишь подозрение, не более того, ясно? Я просто не хотел рисковать. Этот Райан сегодня полдня ползал под машинами. А вчера кто-то звонил вашей матери и говорил по-английски. Это наводит на мысль, что мы под наблюдением, разве не так?

— Конечно, — прорычал Иешуа.

— И если к моей машине прицеплен жучок, то наверняка так, что его не сразу найдёшь, тем более в темноте.

— Конечно. Извини, до сих пор я не знал, с кем имею дело, а то бы поставил в холодильник бутылку «Мартини».

Ему пришлось успокаивать Бассо. Адвокат был действительно на исходе сил, и уж ни в коем случае не по его вине дело не выгорело. Он успокоил его, похвалил и отпустил домой, чтобы тот смог наконец выспаться. Теперь Каун стоял на балконе своих апартаментов в отеле, держа в руках большой стакан виски со льдом, смотрел на ночной Рим и пытался проанализировать, почему он провалил дело.

Потому что повёл себя как зелёный новичок — ринулся в Ватикан и ждал, что с наскока одолеет величайшую в мире крепость — он, Джон Каун, образцовый менеджер третьего тысячелетия. Мастер кинетической энергии. И из-за избытка кинетической энергии он даже не потрудился выполнить домашнее задание. Он с трудом сдержался, чтобы не шарахнуть об пол ни в чём не повинный стакан.

Разве хоть раз в жизни, готовясь к переговорам, он ограничился лишь экономическими сведениями о другой

стороне? Экономические сведения — это всего лишь мёртвые, несущественные цифирки. Люди — вот что было главное! Разве не было его железным правилом не встречаться с деловым партнёром, предварительно не разведав, с кем он имеет дело, не разузнав его сильные и слабые стороны, его мечты и страхи?

Как он, например, заполучил “South African Times”? Он узнал, что Лоуренс Трамбул, престарелый владелец газеты, не доверял управление ею своему сыну. И тогда склонил его к продаже. При этом он сумел существенно снизить цену, названную Трамбулом, потому что выведal, что Трамбул — фан «феррари». За то, что Каун отписал ему свою часть акций Ferrari, сдуру приобретённую им когда-то на благоприятных условиях неизвестно зачем, и, кроме того, устроил Трамбулу место в контрольном совете, этот южноафриканский газетный король готов был буквально подарить ему своё предприятие.

То был успех. А здесь, сейчас, в самом, может быть, большом и важном предприятии своей жизни он просто ринулся вперёд, понятия не имея, кто в церковной иерархии какую имеет компетенцию, кто за какие ниточки дёргает и у кого какие пятна на жилетке.

Кинетическая энергия? Он слишком пожадничал. Хотел получить всё разом. Он мог бы назвать много людей, причинивших ему ущерб, но никто не навредил ему так, как он сам себе навредил своим лихорадочным нетерпением и манией величия.

Ну хорошо. Он проглотил виски и ощутил в горле приятное жжение. Он даст Бассо новое задание и в нужный момент ещё вернётся и победит, как он, в конце концов, побеждал всегда. А теперь пора было лечь в постель, хоть это и значило, что потом снова наступит утро, мучительное, нестерпимое утро.

Стивен с прошлого раза запомнил лабораторию Рокфеллеровского института как мрачный неуютный подвал, и был теперь удивлён, какое это на самом деле светлое и приятно прохладное помещение. Он несколько мгновений раздумывал, не изменилась ли здесь обстановка, а потом понял, что причина в нём самом: сегодня вечером он был

гораздо свежее, чем вчера, когда приехал сюда после напряжённого рабочего дня под палящим солнцем и продержался до половины пятого утра. Ничего удивительного, что воспоминания остались не самые приятные.

— Вчера мы немного поспешили, — сказал Иешуа, доставая ванночку с первым листом из выдвижного ящика, куда он, видимо, запер её, когда они ему позвонили и попросили приехать за ними в город. Кажется, он уже забыл свою досаду, вызванную тем, что они прервали его занятия. — Насчёт *Иисуса никогда не было*. Эта фраза была вырвана из контекста.

— Вот как! — удивился Стивен.

Иешуа поставил ванночку под ультрафиолетовую лампу и включил её. Новая трубка вспыхнула без промедления, и ультрафиолетовый луч высветил фразу, которая оказалась существенно длиннее:

Я боялся, что смысл всего этого в том, что Иисуса никогда не было и что это я был призван сыграть его роль.

— Странно, — сказала Юдифь после того, как они все трое молча постояли над золотисто мерцающими строками. — Что же это значит?

— Понятия не имею, — сознался Иешуа. — Но в любом случае это не значит, что Иисуса никогда не было. Скорее наоборот.

— Я думаю, нам надо действовать систематически, — сказал Стивен. — Просто начать с самого начала и продвигаться вперёд. Иначе мы всё время будем теряться в догадках, и у нас лопнет в конце концов голова.

Иешуа посмотрел на верхнюю часть листа, которая была в отчаянном состоянии: истрёпанная и продырявленная. Паутинообразная структура влажной японской бумаги частично удерживала крошечные кусочки бумаги, но нельзя было сказать с уверенностью, на своих ли местах эти кусочки лежат.

— Боюсь, что это будет не особенно результативно.

— Но наверняка самые важные вещи — в самом начале письма.

— Тем хуже.

Он снова налил два своих раствора в плоские чашки и приготовил ватные тампоны. Стивен взял лабораторную фотокамеру, чтобы удостовериться, что она заряжена, и прикрутил её к штативу. На сей раз он намеревался с самого начала всё тщательно документировать.

Проявить древние следы шариковой ручки на разрушенных участках бумаги оказалось особенно тяжело. Юдифь и Стивен сидели рядом с Иешуа и неотрывно следили за его работой. Первые часы пролетели как одна минута, и со временем в лаборатории распространился отвратительный запах, от которого у всех снова разболелась голова.

Это была игра в пазл-мозаику. Какие-то фрагменты — после того как они становились читаемы — они передвигали на другие места, где те имели больше смысла. В конце концов Иешуа с тяжёлым вздохом откинулся на спинку стула и сказал:

— Надо остановиться. Проветрить хоть немного.

Юдифь встала и открыла дверь в коридор. Много это не дало. Стивен тем временем установил штатив в позицию и фотографировал расшифрованный текст письма.

...нашедший это...

...имя Джо... ...родился 1-го...

*...риканском штате Аризона. По странной
прихоти судьбы... ...лось так, что мне придётся
умереть в Палест... первого века, и я... благо-
словлён на это.*

Юдифь смотрела поверх его плеча, пока он делал снимки.

— Не знаю, — сказала она. — Это совсем не похоже на письмо, которое путешественник во времени написал бы своему сообщнику.

— Да. Однозначно не сообщнику.

— И самых важных слов, конечно же, не хватает. Его имя. Дата его рождения. Ничего, что помогло бы его идентифицировать.

— Если он что-то задумал, он ещё повторит важные данные.

— Ах, это только теоретически так, — огорчённо сказала Юдифь. — Бутерброд всегда падает маслом вниз. Связ-

ка ключей, которую ищешь, оказывается в самом последнем ящике. А самые важные слова древнего письма оказываются нечитаемыми. Очень странный закон.

Райан поднял голову, когда подъехавшая машина остановилась позади него. Полицейская патрульная машина. Вот чёрт! Он быстрым, по возможности незаметным движением смахнул пеленгатор под сиденье и вытянул рубашку из-под ремня брюк, чтобы прикрыть боевой нож, висевший на поясе.

Он наблюдал в зеркале заднего вида за их действиями. В машине было двое полицейских, и вели они себя абсолютно профессионально. Один из них звонил по телефону, и темой звонка без сомнения были номерные знаки машины Райана. Тут ему нечего было бояться: машина была арендована на фирму *N.E.W.* Но это показывало, что полицейские знали своё дело.

Потом, когда этот вопрос был прояснён, один из них вышел из машины, оставшись рядом с ней, и снял свой МП с предохранителя. Потом вышел другой и медленно пошёл вперёд. Райан так же медленно опустил стекло. Полицейский, коренастый мужчина лет сорока, с поседевшими и поредевшими за время службы волосами наклонился к нему и сказал что-то на иврите.

— Извините, я понимаю только по-английски, — ответил Райан и протянул ему свой паспорт. — Как я догадываюсь, вы хотите проверить мои документы.

Полицейский изучил его паспорт.

— Вы американец? — спросил он, демонстрируя хороший английский.

— Да.

— Пожалуйста, ваши водительские права. И документы на машину.

Райан подал ему всё это, и тот удалился к себе в машину. Райан видел, как он звонил, в то время как его коллега оставался на занятой позиции. Потом он снова подошёл к Райану, вернул ему документы и спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Я жду.

— Чего или кого?

— Я обязан вам это говорить?

Бровь представителя закона дрогнула:

— Нет, вы не обязаны, но я могу вас временно задержать, поскольку вы в непосредственной близости от правительственных учреждений вели себя подозрительно.

Райан кивнул. Историю он уже заранее заготовил.

— Ну хорошо, если так надо... Видите машину вон там, на парковке? Она принадлежит парню, с которым моя подруга изменяет мне. Я не знаю, где они оба сейчас, но я хочу дожидаться их возвращения.

— А, — понял полицейский.

— Пусть она ответит, — добавил Райан. — И больше ничего. Она уже несколько недель увиливает от разговора, говорит, что мне всё только кажется...

Полицейский вздохнул. Опершись локтем о крышу машины, он наклонился к окну:

— Друг мой, поверьте человеку, дважды разведённому: это ни к чему не приведёт. Что с воза упало, то пропало. Отпустите её с миром.

— Но... — Райан растерялся. На такое участие в его судьбе он не рассчитывал.

— Я знаю это, поверьте мне. Такими действиями вы только погубите всё. Поезжайте домой и дайте ей шанс самой к вам вернуться. А если нет — ну что ж, с вашей внешностью вам достаточно выехать вечером в Тель-Авив, и у вас будет другая, не хуже.

Райан уставился на полицейского.

— И всё-таки я лучше подожду здесь, сэр. Чтобы, э-э, раз и навсегда прояснить дело.

Отеческий взгляд полицейского приобрёл стальной блеск.

— Мне очень жаль, старина, но этого я не могу допустить. Вам придётся сейчас уехать отсюда и больше здесь сегодня не показываться.

Я думаю, произошёл нечаянный провал во времени, не знаю уж, как это происходит. У меня нет этому объяснений.

Это случилось во время осмотра некрополя Бет-Шеари.ма, экскурсия была включена в

мою путёвку по Талилее. Когда наша группа продвигалась по катакомбам, я слишком углубился в чтение надписей и в рисунки на гробницах и стенах — и отстал от остальных. Когда я двинулся их догонять, то заблудился и очутился в маленьком подвальном помещении, из которого выбрался наверх в совершенно другой город. Я не сразу понял и не сразу смог примириться с тем, что оказался в другой исторической эпохе — в чём был и с видеокамерой в сумке-футляре. К счастью, меня приютила одна семья, они покормили меня и выделили место для ночлега: нары, застеленные соломой. Со временем я выучил язык и смог выполнять простые крестьянские работы, чтобы не быть дармоедом. Конечно же, я пытался понять, каким образом меня постигло такое, и искал пути возвращения назад, в своё время, но тщетно. Когда я влюбился в младшую из двух дочерей в приютившей меня семье, а она в меня, я прекратил мои усилия, женился на ней и был счастлив так, как и мечтать никогда не мог.

Потом разнеслась весть об одном проповеднике из расположенного неподалёку Капернаума. Его звали Иисус, и люди говорили, что он творит чудеса. Тогда я распаковал свою видеокамеру, про которую совсем было забыл, и отправился в путь. В моём распоряжении был всего один комплект батарей, которые к тому же несколько лет пролежали в бездействии, но работали они отлично. Может, причина про-

ется в местном жарком климате, но когда я давал батареям полный отдых, они, казалось, подзаряжались сами собой. Постепенно мне удалось отснять три видеокассеты, которые были у меня с собой, третью, к сожалению, не полностью, потому что батареи в конце концов всё-таки сели.

В того момента, как мне стало ясно, что я очутился в Палестине начала христианской эры, я жил в страхе, который сегодня кажется мне смешным. Я боялся, что смысл всего этого в том, что Иисуса никогда не было, и что это я был призван сыграть его роль. Когда я потом увидел его...

На этом текст первого листа заканчивался.

Они стояли, склонившись над пластиковой ванночкой, и смотрели на сырую, серую бумагу, на которой призрачно светились строчки письма. Глаза их горели. Головные боли, вызванные химикалиями, запах которых они давно уже перестали ощущать, были убийственными. На часы больше никто не смотрел. Время, казалось, в какой-то момент остановилось.

— Значит, это правда, — тихо сказала Юдифь. — Это странник во времени. И он снял Иисуса на видео.

— Да, — кивнул Стивен. — Однако первоначальная теория не подтвердилась. Это было не запланированное путешествие, а случайность, — он отставил фотоштатив в сторону. Надо будет не забыть вынуть из камеры плёнку. — Может быть, на втором листе будет сказано, где спрятаны кассеты.

— Но не сегодня, ладно?

Стивен посмотрел на неё. В странном освещении лаборатории она была бледна, как стенка.

— Эй, мы же на шаг от разгадки! Ещё десять минут — и мы всё узнаем!

2. Она со вздохом закатила глаза:

— Сколько раз сегодня я уже слышала это?

Иешуа громко откашлялся.

— Я боюсь, что Юдифь права.

Он выключил ультрафиолетовую лампу и принялся убирать чашки и бутылочки, бросая использованные ватные тампоны в мусорное ведро и ставя на место стулья.

— Эй, — попытался отрезвить его Стивен. — Иешуа! Профессор Иешуа! Неужто ты сдашься и отступишься у самой цели?

— Дело не в отступлении.

— Может, раздобыть тебе что-нибудь поесть? Сварить кофе? Мы могли бы прогуляться на свежем воздухе, а дверь пока оставить открытой, чтобы проветрилось, а потом с новыми силами вернулись бы к работе...

— Нет, Стивен, дело не в этом, — Иешуа со стуком опустил крышку мусорного ведра и с удручённой миной облокотился о стол с вмонтированной в него раковиной. — Я так уповал на то, что это окажется на первом листке. Правда. Дело не в том, что я не могу продолжать — просто не получится.

Петер Эйзенхардт встрепенулся и проснулся. Вот оно! Вот она, мысль, которая смутной догадкой преследовала его уже несколько дней, не обретая конкретных черт. Важная мысль. Тревожная мысль. Наконец-то он её поймал.

Он быстро включил свет, сунул ноги в комнатные туфли, набросил халат и поспешил в переговорную комнату, из которой всё ещё не выветрился запах пота и спора. Он вытянул из флип-чата большие листы бумаги, взял фломастеры, разложил всё это на столе и устался на них. Да. И как он до сих пор не додумался до этого? Взаимосвязь лежала прямо на ладони, и логика её была прямо-таки сокрушительной.

Но Кауну она не понравится.

Взгляд его пробежал по ключевым словам, стрелкам и символам, которыми он отмечал все предыдущие рассуждения, и не встречал в них ни противоречия, ни спасения, ни окольного пути.

Каун не смог бы показать это видео по телевизору.

Что бы ни случилось.

Писатель почувствовал, как его сердце учащённо заби-лось. Оттого что кто-то отправился в прошлое, стало возможно предсказать будущее. Стало неотвратимым то, что должно произойти.

Жуть какая.

Его привлёк шум снаружи. Звук закрываемой дверцы автомобиля на парковочной площадке. Эйзенхардт подошёл к окну, отодвинул шторку и выглянул.

То был Райан, он шел от парковки, засунув руки в карманы, и в ярости пинал попадавшие под ноги камни. Он заметил щёлочку света, падающую из окна домика писателя, и метнул в его сторону убийственной силы взгляд. Эйзенхардт быстро опустил штору, убрал все свои бумаги, выключил свет и снова лёг в постель.

Стивен моргал и непонимающе смотрел на Иешуа:

— Что значит не получится?

— Собственно, я всё это время собирался сказать. Я экспериментировал со вторым листком перед тем, как вам приехать, но шрифт там так и не проявился. Не воспринял раствор. Понятия не имею, почему.

— Шрифт не проявился? Не воспринял раствор? — глупо повторил Стивен. Лаборатория, столы, полки, ультрафиолетовая лампа — всё это вдруг медленно завертелось тёмным водоворотом. — Значит ли это...

— Да.

— Ты уверен?

Иешуа оттолкнулся от раковины и широкими шагами двинулся к своему столу.

— Разумеется, я уверен. А ты как думаешь?

— Но как это может быть? Я хочу сказать, ведь на первом листке всё прекрасно сработало. Почему же не подействовало на втором?

— Понятия не имею, — прорычал Иешуа и затянул плёнкой ванночку, чтобы её содержимое не высыхало. — Может, другая бумага. Может, другие чернила. Может, причина в том, что второй лист лежал снаружи, когда они были сложены, и входил в соприкосновение с пластиковым конвертом инструкции. Я только знаю, что шрифт на втором листе не проявляется.

— Ну ничего себе, — воскликнул Стивен, воздел руки и снова бессильно их опустил. — Что же теперь делать?

— Идти спать, — Юдифь вдруг оказалась с ним рядом и нежно удержала его. — Утро вечера мудренее.

Иешуа потёр глаза.

— Сейчас у меня нет никаких идей. Мне надо порыться в библиотеке. Навести кое-какие справки, поспрашивать кое-каких людей. Обследовать эту бумагу. Может, что-то и придёт мне в голову.

— Послушай, — выдохнул Стивен. — Это уму непостижимо. Быть так близко к разгадке и...

Ему было приятно чувствовать на своём плече руки Юдифи.

Вид у Иешуа был совершенно несчастный.

— И это ещё не всё.

— Да? Что же ещё? Давай, добивай.

— Профессор Уилфорд-Смит с завтрашнего полудня зарезервировал лабораторию для себя. Он хочет изучить скелет и инструкцию.

22

Отправитель: Donald_Frey@ans.new.com

Получатель: John_Kaun@ny.new.com

Сообщение-Ид:

<512411B.71B.00201@newsrv.01.new.com>

Тема: Переговоры в Мельбурне, СРОЧНО

Mite-Version:1.0

Content-Type:text/plain; charset=iso-8859-1

Джон, мне неприятно Вас беспокоить, но переговоры под угрозой! Группа Мёрдок, как я слышал, сделала им новое предложение. Мне больше нечем их удерживать. ПОЖАЛУЙСТА, позвоните мне! Дон

Было холодно. Холодно и сыро, неприятно, как ни крути. И затылок ломит, невозможно выдержать. Но по крайней мере было уже светло, значит, наступило утро... Стивен резко сел и осмотрелся. Он сидел в своей машине. Почему

он сидел в машине? И Юдифь лежала рядом с ним, скрючившись в немыслимой позе на разложенном пассажирском сиденье. Постепенно он всё припомнил — их обратная дорога в ночи... как у него слипались глаза... как Юдифь заснула сидя... Кончилось тем, что он остановился на первой попавшейся площадке для отдыха, разложил сиденья и тоже блаженно заснул.

Теперь затылок его так свело, что позвонки заскрипели, когда он попытался пошевелить шеей. Омерзительное ощущение. Он разминал себе плечо рукой, а другой вытирал запотевшее стекло. Чтобы стёкла запотевали ночью в этой жаркой пустынной стране? Но ночью было холодно, поэтому он так замёрз.

Он посмотрел на часы. Половина седьмого. Когда же они уехали из лаборатории? Наверное, около четырёх. Значит, они проспали около двух с половиной часов. Ну, так он и чувствовал себя. И череп у него гудел от химических испарений в лаборатории.

Юдифь лишь пробормотала что-то во сне, когда он открыл дверцу и вышел, а в машину ворвался свежий воздух тёплого утра и разогнал влажное удушье, заполнявшее её, как мокрая вата. Кажется, она не хотела просыпаться.

Лучше всего, если он сейчас продолжит путь в лагерь. И там — немедленно на походные кровати.

Только немного освежиться. Подвигать руками, размять ноги. Движение на дороге уже очень оживлённое, хотя ещё совсем рано. Воскресное утро. Но здесь Израиль, и воскресенье у них — рабочий день.

И ему надо наконец обдумать, что делать дальше. Какие у них, собственно, есть зацепки. Сегодня Каун хотел начать исследование скелета и инструкции по эксплуатации. Это была гонка, и пока что они шли ноздря в ноздю. Чувствовать, что твой череп набит стекловатой — не очень хорошая предпосылка для гонки.

Итак, спать. Он снова сел в машину, завёл мотор. Юдифь встрепенулась, приподнялась, но снова скрючилась и заснула, посапывая, когда он тронулся.

Папа вставал обычно в пять часов утра и после утреннего туалета полчаса молился в своей личной капелле. Пос-

ле этого он полностью одевался — с недавних лет с помощью одного молодого монаха, — прежде чем приступить к завтраку, который он проводил обычно с двумя-тремя кардиналами в маленькой столовой с розовыми обоями за простым деревянным столом. Разговор, по большей части, шёл о служебных делах; на личное времени не оставалось, да и личного уже ничего не было. С годами частная персона, которой Папа был когда-то, перестала существовать.

Скарфaro, естественно, хорошо знал весь распорядок дня Папы. Сам не любитель вставать рано, он всё же незадолго до семи часов уже явился к личному секретарю, который вёл календарь встреч главы церкви, чтобы получить аудиенцию. Секретарём был нелюдимый француз с редкими волосами, лет пятидесяти. Он не знал, какую, собственно, должность занимает Скарфaro. Единственное, что он знал — это то, что Святой Отец велел ему пускать к себе сицилийца в любое время.

Покои Папы были покои средневекового князя. Стены, потолки, полы — всё было предельно роскошным и вычурным. Роскоши было столько, сколько могло вместиться. Бесценные художественные полотна на стенах, дорогая инкрустация на полу, причудливая лепнина на потолке, картины в массивных золочёных рамах, гобелены, люстры, огромная кровать с барочным пологом — и всюду распытия всех размеров, цветов и форм. Ничто из этих предметов не принадлежало человеку, который занимал этот пост, и ничто не носило на себе отпечаток его личности; всё это он унаследовал от своего предшественника и передаст дальше своему преемнику, и если кто-то имел возможность освоиться в этом великолепии, которое поначалу просто оглушало, то человек чувствовал себя здесь скорее как в обжитом музее, чем в уютном доме. Хотя Скарфaro знал, что здесь, само собой разумеется, регулярно и основательно убирали, ему всегда мерещился запах пыли.

Папа сидел в высоком кресле посреди своего рабочего кабинета, у одного из высоких окон так, что свет раннего солнца падал на него. На столике рядом с ним стоял стакан чая, а на коленях покоилась папка с газетными вырезками, которые все были фотокопированы в увеличенном виде, чтобы ему легче было их прочесть.

Он испуганно вздрогнул, когда Скарфаро вошёл. Видимо, он задремал.

— Завтрак утомляет меня всё больше и больше, — тихо сказал Папа, когда Скарфаро преклонил перед ним колена и поцеловал его перстень с печаткой. — Каждое утро я молю у Господа сил, чтобы продержаться до вечера, но каждый день чувствую, что силы всё больше оставляют меня.

Скарфаро внимательно посмотрел на человека в белой сутане. Он видел его отмеченное возрастом лицо, на котором уже просматривалась близкая смерть. Он видел его руки, которые тряслись всё сильнее по мере развития болезни Паркинсона, от которой страдал глава Ватикана.

Папа слабым движением указал на стул неподалёку, и Скарфаро быстро подвинул его поближе.

— Что привело тебя ко мне, Луиджи?

— Ваше Святейшество, ведутся раскопки, — начал своё сообщение Скарфаро, — в Израиле...

Он говорил тихо, находясь на расстоянии не больше десяти сантиметров от уха Папы. Он точно изложил все детали и в заключение добавил своё собственное толкование событий. Затем он смолк и дал главе церкви время всё обдумать.

Папа думал долго. Сложив руки одна на другую, он смотрел из окна на открывавшийся вид сияющего Рима и при этом не переставая тряс головой — так легко, что нельзя было сказать, то ли это «Паркинсон», то ли задумчивое кивание.

— Я думаю, ты заблуждаешься, Луиджи, — наконец сказал он, и его голос снова зазвучал твёрдо и уверенно, как раньше. — Я думаю, этот Джон Каун действительно хотел продать нам свою находку. Поэтому он и обратился к нашим финансистам.

— Но ведь её у него ещё нет. Если вообще когда-нибудь будет.

Папа вздохнул.

— Как я хотел бы, чтобы Бог призвал меня к себе и чтобы на моё место заступил более молодой, у которого ещё достаточно сил. Но что есть, то есть. Луиджи, поезжай в Израиль. Сделай, что потребуется, во благо Церкви.

Скарфаро ошеломлённо вздохнул, но тут же склонил голову, и в это время мысли его уже обрели самостоятельность и принялись организовывать всё, что необходимо было организовать.

— Луиджи... — Папа взял его руку и удерживал её своими холодными пальцами, настойчиво глядя ему в глаза: — Слушай меня внимательно...

И Луиджи Баттисто Скарфаро слушал.

Стивен от усталости валился с ног. Он проводил Юдифь до её палатки, которая была уже наполовину пуста, потому что соседка уже уехала, и Юдифь, не говоря ни слова, не раздеваясь и не укрываясь, просто рухнула на свою кровать и продолжала спать. Но ему ещё предстояло кое-что выяснить. Пока что было не до сна.

Он промыл себе глаза тёплой водой из умывальника, но не почувствовал себя свежее. Майка прилипла к телу. Пот, высохший за ночь на его коже, вызывал зуд. Труссы тоже влажно липли и натирали кожу при каждом шаге. Ему срочно нужен был душ, несколько часов сна и свежее бельё. Именно в этой последовательности. Он с тревогой посмотрел, что душевые кабинки готовят для погрузки в машины. Но одну, кажется, решили пока оставить.

Утреннее солнце поднималось всё выше над ландшафтом, который сегодня более, чем когда-либо, напоминал лунный, который кто-то когда-то попытался озеленить. Тысячи лет назад. Становилось всё жарче, трудно вообще заснуть в такой зной.

Но уже одно то, что он прошёлся и продышался, подействовало на него благотворно. Неприятное ватное ощущение в голове рассосалось. Во всем виноваты эти химикаты, что же ещё? В конце концов, это у него не первая бессонная ночь, но таким разбитым он не чувствовал себя ещё никогда. А ведь ему приходилось писать экзаменационные работы после ночных кутежей и получать за них не худшие оценки.

В конце концов он разыскал профессора в палатке, в которой в больших железных шкафах хранились фотографии и книги раскопок. Уилфорд-Смит был занят тем, что раскладывал бумаги, напоминавшие персональные анкеты.

Обычно Стивену не составляло труда читать надписи вверх ногами или в зеркальном отражении, но только не сегодня. Сегодня они его не интересовали.

— Да? — спросил руководитель раскопок, бегло взглянув поверх своих очков.

— Я всего лишь хотел вам сказать, — спокойно начал Стивен, — что улетаю домой в следующую пятницу.

— Хорошо.

— А могу ли я всё это время оставаться в лагере?

— Да, конечно. В вашем распоряжении ещё неделя.

— Хорошо.

Стивен ждал. Но профессор снова углубился в свои бумаги. Он не сказал ничего вроде *Ах, Стивен, как хорошо, что вы зашли...сегодня я хочу начать исследование этой странной находки из четырнадцатого ареала, не можете ли вы мне её поднять?* Вместо этого он через некоторое время перестал ворошить свои бумаги и снова посмотрел поверх очков:

— Что-нибудь ещё?

— Эм-м, я хотел... я хотел спросить, что там со всем этим вышло.

— Что вышло? В отношении чего?

— Ну, со всем этим шпионажем. Или что уж там было. Ну, я про находку в четырнадцатом ареале, вы помните.

— Ах да, конечно. Пока что нет ничего нового, она исследуется.

Стивен почувствовал, как будто на его груди застегнули ремень и каждую минуту затягивают его ещё на одну дырочку. Он смотрел на профессора, который со всей очевидностью считал разговор законченным, и решил не уходить отсюда несолоно хлебавши.

Он быстро шагнул поближе и нагнулся через стол, за которым сидел руководитель раскопок.

— Профессор, могу я вам задать ещё один вопрос?

Уилфорд-Смит удивлённо взглянул на него.

— Почему вы тогда заставили меня молчать, когда я показал вам сумку с инструкцией для видеокамеры? Что вы тогда подумали, с чем мы столкнулись?

— Я счёл это за лучшее, — медленно ответил профессор. Потом посмотрел мимо Стивена в пустоту и задумчиво

добавил, как будто рассеянно беседовал сам с собой: — Я счёл за лучшее поставить в известность мистера Кауна. Теперь я думаю, что это была моя ошибка. — Он размеренно покивал головой: — Это была ошибка.

Казалось, он забыл о присутствии Стивена. Он вздохнул и снова принялся за свои бумаги.

Джон Каун возвратился в лагерь Бет-Хамеш в половине одиннадцатого. После беспокойной ночи, полной кошмаров, и после мучительного утра он чувствовал себя отвратительно и, хотя вчера вечером сумел взять себя в руки, сегодня больше не в силах был справиться со своим дурным расположением духа. Он ненавидел неудачи, а это была неудача.

И здесь за время его отсутствия не произошло ничего утешительного. Студент и его подружка обвели Райана вокруг пальца, как какого-нибудь зелёного новичка. И уж Каун нашёл, как отреагировать на это. Хорошо, что стены мобильного домика имели звукоизоляцию.

От учёных тоже не было никаких новостей. Правда, писатель наконец снова объявился и попросил выслушать его новые соображения. Как он выразился, выслушать ход его мыслей под давлением логики.

Наверняка опять что-нибудь пораженческое. В главной редакции N.E.W. недаром говорили, что немцы — мастера международного класса в изобретении сомнений и возражений всех видов. Надо послушать. Джон Каун упрямо кивнул писателю и откинулся на спинку кресла.

Эйзенхардт сразу заметил, что медиамагнат не в духе, и спросил себя, удачный ли момент он выбрал для того, что собирался ему сказать. Но отступать было уже поздно, а в запасе тоже не было ничего другого. Он начал потеть, несмотря на кондиционер, включённый на полную мощность.

— Это видео, — начал он со всей возможной твёрдостью, — вы не сможете показать по телевидению, это абсолютно однозначно — по крайней мере, в ближайшие три года.

Каун зарычал хищным зверем, сцепив на животе руки, словно когтистые лапы:

— Я уже говорил вам однажды, что не желаю слушать соображения такого рода.

— Неважно, нравится вам это или нет, мистер Каун, — продолжал Эйзенхардт с решимостью, которой сам в себе удивлялся. — Логика рассуждений неопровержима, и вы должны это выслушать, чтобы знать её. В конце концов, вы за это мне платите.

Глаза магната на мгновение сверкнули по-тигриному, но потом уголки губ дрогнули:

— Хорошо, — согласился он. — Это аргумент. Говорите.

— Допустим, вы найдёте видео и камеру, и тогда покажете их по телевизору. Наверняка вы сделаете это в рамках разрекламированного на весь мир специального сообщения, ведь так?

— Можете не сомневаться.

— И наверняка не один раз, а многократно.

— Разумеется. Столько раз, сколько понадобится, чтобы обеспечить максимальную аудиторию.

— Но это значит, что через три года это видео станет, так сказать, общеизвестным достоянием. Любой мало-мальски образованный человек в этом мире будет хотя бы слышан об этом видео, но наверняка также и увидит его хотя бы раз.

— Это наша цель, совершенно верно.

Эйзенхардт сделал паузу, чтобы посмотреть, не додумается ли Каун до самостоятельного вывода. Но миллионер продолжал смотреть на него вопросительно, и тогда писатель довёл мысль до конца:

— Тогда какой же молодой человек, на ваш взгляд, — с нажимом спросил он, — решит: *Отправлюсь-ка я в прошлое, пожертвую своей жизнью, чтобы снять видеофильм, который вот уже три года крутят по телевизору?*

Он испытал своеобразное удовлетворение, глядя, как работает мысль Кауна, как до него постепенно доходит, и как американский делец наконец свечкой выпрямляется в своём кресле.

— Будь я проклят! — вскричал он. — Вы правы. Если показать видео до того, как состоится путешествие в прошлое, то отпадёт всякая мотивация для этого!

— Точно. И тогда путешествие во времени не состоится. Но тогда не будет и видео, которое вы смогли бы показать по телевидению.

— Прекратите! — поднял руки Каун. — У меня сейчас треснет голова! Что это значит?

— Это значит, вы не покажете его по телевизору до того, как путешественник стартует.

— Но если я его найду и всё-таки покажу?

— Вы его не покажете, какова бы ни была для этого причина. Этого не произойдёт. Возможно, потому, что вы его всё же не найдёте. Я знаю, вы не хотите этого слышать. А может быть, вы его и найдёте, но продержите под замком три года. Или дольше. В любом случае путешественник должен стартовать в мире, где никому не известна эта видеозапись, которую он сделает, — или уже сделал.

Каун опять весь опал, глубоко задумавшись. Эйзенхардт терпеливо ждал. В любом случае магнат не взорвался, чего он боялся. Напротив, чем дольше он размышлял, тем веселее казался с виду.

— Но ведь это могло бы означать, — сказал он наконец, — что мне удастся найти видео и продать его католической церкви. И что она будет держать его под замком до окончания времён. Ведь так?

Эйзенхардт насторожился. До такого варианта он не додумался. Осмыслив его, он кивнул:

— Да. Это тоже могло бы служить объяснением.

Каун расплылся в улыбке. Казалось, ещё немного — и он рассмеётся.

— Знаете, что это значит? Что вы тем самым только что доказали?

— Я только что доказал?... — неуверенно повторил Эйзенхардт. Кажется, Каун открыл в этом деле аспект, который от писателя ускользнул. Какая досада.

— Если церковь приобретёт это видео, — с наслаждением объяснил промышленник, — и затем будет держать под замком, то это означает, что там есть что скрывать. Например, на видеозаписи будет нечто такое, что поставит под вопрос всё учение церкви — правильно?

Эйзенхардт озадаченно кивнул. Не так уж и глупо. Он вдруг заметил, что какая-то часть его сознания всё время

старается найти основания для того, чтобы взглянуть на американца сверху вниз. Примерно по такому принципу: окей, он мультимиллионер, но это значит только то, что он туполобый, корыстолюбивый хищник, чьё мировоззрение ограничивается четырьмя арифметическими действиями и начислением процентов. Я же, напротив, интеллеktуал, человек духовный, а ведь всё дело именно в этом. И вдруг обнаружить, что Джон Каун фактически чёрт знает как башковит, находчив и изобретателен!.. Это раздражало Эйзенхардта. Ведь тогда получалось, что Каун достоин своих миллионов.

— Но если, — тянул американец нить своих рассуждений, — видеозапись имеет такого рода щекотливое содержание, то это значит, что я могу запросить за неё почти любую цену. Всё или ничего, мистер Эйзенхардт. Понимаете ли вы это? Ваша аргументация доказывает с неопровержимой логикой, что мы либо потерпим крах — если вообще не найдём видео, — либо одержим победу по всем фронтам.

Перевозка находки из четырнадцатого ареала проходила самым неприметным образом. Профессор Уилфорд-Смит и Шимон Бар-Лев вместе спустились в яму, где вокруг места находки уже были выставлены несколько ящиков из грубо полированной нержавеющей стали с засыпанным на дно слоем просеянного песка в палец глубиной. Потом они надели тонкие пластиковые перчатки и уложили кости мёртвого в эти ящики. В самом конце они подняли со всей возможной осторожностью льняную сумку, в которой содержалась пересохшая до хруста брошюрка инструкции для видеокамеры, и поместили её в отдельный ящик. Потом заполнили ящики до верха шариками из химически нейтрального пенопласта и закрыли крышки.

Им уже не раз приходилось поднимать ценные находки подобным образом. Единственное отличие состояло на сей раз в том, что вся эта акция снималась на видео несколькими камерами. И что каждый ящик был закрыт на массивный висячий замок.

Ящики погрузили в машину, и спустя некоторое время весь транспортный конвой двинулся в сторону Иерусалима. Едва за ними улеглась пыль, как сняли палатку, кото-

рая целую неделю простояла над местом находки. Но и без этого некогда оживлённый лагерь выглядел покинутым и мёртвым, как будто его опустошила чума.

Каун всё ещё пребывал в дурном расположении духа, и обстоятельства не способствовали его улучшению в обозримом времени. Он смотрел на невзрачную заднюю стену Рокфеллеровского музея и бросал взгляды, полные особенного омерзения, в сторону мусорного контейнера, который стоял рядом с разгрузочной платформой и распространял вокруг себя неопишемую вонь.

— Вы мне не сказали, что музей сегодня открыт, — прорычал он профессору Уилфорду-Смиту.

— Рокфеллеровский музей открыт каждый день, — спокойно ответил профессор. — Каждый день с десяти утра до пяти вечера. За исключением пятницы, когда он закрывается уже в два часа пополудни, и субботы.

За низкой балюстрадой появилась группа подростков, которые шумно дурачились в районе главного входа. Некоторые из них прыгали на ограждение и оживлённо махали им руками.

— Вы всерьёз собираетесь исследовать наши находки в то время, как по всему зданию носятся эти люди? — Слово *люди* Каун произнёс так, будто собирался сказать всем другое: *эти насекомые*.

— Опасности никакой нет. К лаборатории публика не попадает. Многие даже не знают, что здесь вообще есть какие-то лаборатории.

— Может, и так. Но повторяю: давайте всё упакуем и отправим в США, в частную лабораторию, где мы сможем всё держать под контролем.

Профессор немного помолчал, глядя на небо и шурясь на солнце.

— Для этого вам потребуется разрешение израильских властей на вывоз.

— Да уж разрешение я как-нибудь получу.

— Они не дураки. Вам придётся показать им находки.

Каун раздосадованно хрюкнул.

— Да, да. Ну ладно.

Он подал своим людям знак, которого они только дожидались.

Профессор с ключами пошёл вперёд, а люди со стальными ящиками следовали за ним по прохладным коридорам, стены которых были сложены из светлого кирпича, мимо железных дверей, окрашенных белой краской, и наконец добрались до просторной лаборатории с длинными столами, полными луп и микроскопов, и с длинными полками, уставленными бутылками с химикатами. Каун мрачно огляделся. На его взгляд, вся эта обстановка вызывала мало доверия. Оборудование лаборатории как будто осталось от шестидесятых годов.

Райан вдруг встал, широко расставив ноги:

— Запоры на дверях абсолютно ненадёжны, — громко заявил он и указал на стальную дверь, которая вела в лабораторию: — Этот замок я открою в мгновение ока при помощи простой иголки. Это несерьёзно. Мы непременно должны...

— Прикусите язык, Райан, — жёлчно пролаял Каун. — И лучше не попадайтесь мне на глаза, пока я в плохом настроении.

— Но, сэр, это же..

Каун чуть не заорал:

— Все, кого юнцы и недоросли могут обвести вокруг пальца, сегодня отдыхают! Вы меня поняли, Райан?

Лицо Райана осталось неподвижным. Можно было заметить лишь лёгкий прищур его глаз, если присмотреться пристально. Он больше ничего не сказал, послушно кивнул, повернулся и исчез.

Некоторое время в лаборатории царила неловкая тишина. Каун повернулся вокруг своей оси:

— В чём дело? Устанавливайте камеры и свет!

Иешуа проснулся, чувствуя, как набрякло его лицо. Кроме того, в комнате было слишком светло и слишком жарко. И он всё ещё был одет во вчерашние вещи. Что это с ним? Он смутно помнил, как подошёл к двери квартиры и как рухнул в кровать... Что за гул в голове! Он потащился к раковине, открыл холодную воду и подставил голову под струю. Конечно же, полотенца на крючке не оказалось. С головы текла вода, пока он ходил по квартире, открывал дверцы шкафов и выдвигал ящики и наконец нашёл полотенце.

Потом он сидел на краю кровати и вместо расчески расправлял волосы и смутно думал, каким же благословенным сооружением является вентиляционная вытяжка в лаборатории, если в ней приходится работать с летучими химикалиями. Ему было дурно. Должно быть, вчера вечером они форменным образом отравились. Весь его организм чувствовал себя больным. Свежий воздух — вот в чём он сейчас нуждался больше всего. Он распахнул окно, но в комнату ввалились лишь горячие, едкие испарения знойного иерусалимского полудня.

Он смотрел на город, поблёскивающий золотом на солнце, и ему снова припомнились вчерашние события. Вчерашние невероятные и гнетущие события. Он сел к письменному столу, небрежно собрал все бумаги в стопку, отложил в сторону — поверх другой стопки — и достал с полки свой дневник.

— Свет! — раздалась команда. Послышались щёлкающие и искрящиеся шумы, затем высокие, кажущиеся шаткими сооружения лаборатории погрузились в яркий свет галогеновых софитов. На мониторах видеокамер появилась чёрно-белая картинка происходящего.

Микрофоны поймали голос профессора Уилфорда-Смита. Старый археолог говорил нетерпеливо и возбуждённо.

— Ну что, я могу начинать?

— Момент. Да, все камеры работают. Прошу вас, профессор!

Пауза. Затем профессор принялся вещать в камеру:

— Мы видим здесь скелет мужчины, которого мы считаем путешественником во времени. По крайней мере, в настоящий момент нет другой гипотезы, которая могла бы объяснить очевидные анахронизмы, которые мы обнаруживаем на скелете. В первую очередь бросается в глаза, что на челюсти, на дальних коренных зубах присутствуют три безукоризненные пломбы, тогда как остальные зубы сильно поражены или вообще отсутствуют. Это мы объясняем тем, что зубные пломбы мужчине поставили до его отправления в прошлое, тогда как кариес, возникший впоследствии, когда он жил уже в прошлом, больше не мог быть залечен адекватным образом.

Профессор начал излагать план предстоящих работ, который Шимон Бар-Лев набросал ему на листке:

— В первую очередь мы точнее проанализируем материал, из которого состоят пломбы. При оценке результатов надо будет принять во внимание, что это первые амальгамные пломбы, пролежавшие в земле две тысячи лет. Других таких мы не знаем. Возможно, состав амальгамы за это время изменился из-за диффузии содержащейся в ней ртути. Возможно, окажется, что речь идёт об определённом материале, широко используемом ныне в зубоврачебной практике.

Послышалось шуршание. Кто-то закашлял и получил укоризненный взгляд режиссёра, ведущего съёмки.

— Мы ещё раз тщательнейшим образом измерим обе челюсти. Может быть, при помощи данных о зубах нам удастся установить, кто этот мёртвый.

Каун стоял, скрестив на груди руки, на заднем плане и наблюдал за происходящим. Видеть лежащий здесь скелет и следить, как археологи его исследуют, было неприятно и тревожно. Только представить себе, что человек, телу которого принадлежит этот скелет, в эту самую минуту где-то ещё живёт, дышит, может быть, готовится к своему отважному путешествию!

Он взглянул на стоявшего поодаль Эйзенхардта. По дороге сюда он спросил его, как один и тот же скелет, так сказать, может существовать в природе дважды. Немецкий автор научной фантастики с удивлением посмотрел на него и затем сказал, как о естественнейшей на свете вещи, что в этом как раз и состоит весь фокус путешествий во времени: луч времени делает петлю.

— К тому же мы видим здесь хорошо сращённый перелом на левой голени, на большой берцовой кости, который раньше, при обнаружении скелета, мы не заметили. Эту кость мы просветим рентгеном: вдруг в ней окажется какой-нибудь крепёжный элемент или другой имплантант. Если нам повезёт, имплантант может оказаться маркированным, так что по серийному номеру мы сможем идентифицировать мёртвого.

Линия жизни человека, которая обычно начинается с рождения и заканчивается его смертью, в случае странника во времени ведёт себя иначе. Где-то в скором времени

она, в момент отправления в прошлое, внезапно и бесследно оброрвётся, чтобы, взявшись ниоткуда в далёком прошлом, вплестись в ткань того времени. С точки зрения истории позднейшая жизнь, старение и смерть этого неизвестного состоялись уже две тысячи лет назад, а его детства и молодости всё равно что не было. А с личной, внутренней точки зрения странника всё видится совершенно иначе. На его взгляд, он сперва совершил скачок во времени, а *потом* попал в древний мир, выполнил там свою миссию и прожил до конца дней. Тогда как для всего остального мира этот период был *до того, как*. Две тысячи лет до того, как.

— Переходим к сумке. Она состоит из внешней оболочки — видимо, из льна, но мы подвергнем волокна более точному анализу. Нас интересует также вопрос, какого цвета была ткань и окажется ли краситель из тех, что применялись в начале нашей эры. ...Нельзя ли приблизить камеру и дать крупным планом? Сейчас я открою пластиковый пакет, который находится внутри льняной сумки, и выну оттуда брошюру инструкции для видеокамеры.

Юдифь проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо и одновременно душил пуховой подушкой пятиметровой толщины. Она перевернулась, пытаясь ускользнуть от подушки, а кто-то ей говорил что-то про кофе и повторял: «Юдифь, эй, Юдифь!» Надо было как-то открывать глаза, и когда наконец туман и вспыхивающие звёзды исчезли из поля её зрения, она увидела Стивена, и он продолжал говорить про кофе и улыбался, будто посмеиваясь над ней.

— Подожди, подожди. Момент. Не так быстро. — Она мучительно приподнялась, схватилась за голову, которая казалась распухшей и тупой. — Который час?

— Уже больше трёх.

— Что?

Воздух в палатке был нестерпимо горячий и спёртый. Волосы под её пальцами казались ей отвратительно грязными. Чистое безумие спать так долго в такой зной, при таком солнцепёке. Вполне вероятно, Стивен спас её от коллапса кровообращения, разбудив из губельного сна.

— Больше трёх. Ну, так что, пойдёшь со мной?

— С тобой? Что? Куда?

Стивен вздохнул:

— В кухню, сварим себе кофе. Потому что если я сейчас же не выпью крепкого кофе, то свалюсь в коме.

Она всё ещё не могла прийти в себя.

— А что, теперь надо варить кофе самим?

— Да.

— С каких это пор?

— С сегодняшнего дня. С того времени, как практически все уехали.

— Ах, вон как, — Юдифь осмотрелась. Стины уже не было, её походная кровать исчезла. — Ах, да. Я думаю, что кофе и мне не помешал бы. — Она почувствовала острую потребность принять душ и переодеться — заснула вчера в чём была и теперь чувствовала себя отвратительно. Наверное, и выглядела так же. — Прямо сейчас?

— Да. И даже не думай вначале принять душ. Осталась всего одна кабинка, и в той вода будет только вечером.

— Да, они спешат выжить нас отсюда.

— Настоящее испытание на прочность.

Она посмотрела на него. Каким-то образом ему удавалось всегда выглядеть так, будто он хозяин положения.

— Вот он, настоящий Стивен Фокс во всей своей красе, — иронично сказала она.

— Пошли давай, — усмехнулся он. — Анкету члена моего фэн-клуба заполнишь потом.

Пластиковый пакет держали металлическими зажимами в раскрытом виде в то время, как профессор Уилфорд-Смит и Шимон Бар-Лев осторожно вынимали оттуда брошюрку из двухтысячелетней бумаги, чтобы положить её в заранее приготовленную пластмассовую ванночку. Профессор комментировал для видеокамеры всё происходящее:

— Бумага светлая, шрифт хорошо читается, и вся брошюра в целом на удивление хорошо сохранилась. Уголок размером пять на десять сантиметров, отсутствующий на верхнем листе, был отрезан ещё на месте находки и отправлен на экспертизу для установления возраста бумаги. Разумеется, сейчас бумага очень хрупкая, ломкая; мы подвергнем её увлажнению, прежде чем начать раскрывать

страницы. Затем будет очень интересно прочитать инструкцию для прибора, который появится в продаже лишь через несколько лет, а в настоящее время пока не производится.

Он смолк. Брошюра инструкции лежала в ванночке. Камера приблизилась, чтобы показать крупным планом титульный лист:

SONY MR-01
Digital CamCorder
User's Manual — US Version

Но взгляд профессора Уилфорда-Смита всё ещё был прикован к чему-то, что он обнаружил в глубине открытого пластикового конверта от инструкции.

— Позвольте, — пробормотал он, отодвинул камеру в сторону и склонился над артефактом.

Он снова выпрямился, держа пинцетом крошечный серый кусочек бумаги, и придвинул к себе одну из луп.

— Шимон, взгляните-ка сюда.

Израильтянин посмотрел на него вопросительно. Затем стал разглядывать находку через лупу.

— Брошюра вся в целости, — сказал он. — И бумага у брошюры светлее.

— Верно, — профессор положил серый клочок в маленькую керамическую чашку. — Мы подвергнем её тщательному анализу, но скорее всего это другой сорт бумаги.

На мгновение в лаборатории воцарилась тишина. Все затаили дыхание. Было слышно только лёгкое жужжание работающей камеры. Профессор Уилфорд-Смит поднял голову, и его взгляд встретился с глазами Джона Кауна, в которых поблёскивала зловещая догадка.

— Судя по всему, первоначально в пластиковом пакете находился ещё один предмет из бумаги, — без выражения объявил археолог.

Глаза миллионера расширились. Губы его беззвучно произнесли имя, о котором они оба в этот момент подумали: *Стивен Фокс*.

Затем Джон Каун закричал так громко, будто хотел одной силой звука разбить объективы видеокамер.

— РАЙАН!

Отправитель: *Jeremy_Lloyd@waterhouse.ny.com*

Получатель: *Donald_Frey@aus.new.com*

Сообщение — Id:

77014520.ACF0.53751@mail-delivery-srv.com

Тема: *Сделка в Мельбурне. Что случилось?*

Mime-Version: *1.0*

Content-Type: *twxt/plain; charset=us-ascii*

Дон, что там у Вас стряслось? Здесь на Уолл-Стрит ходят слухи, что Каун, по-видимому, окончательно вышел из австралийской сделки. Не могли бы Вы дать мне какую-то неофициальную информацию о причинах? Нам здесь стоит неимоверных усилий удерживать курс акций N.E.W. Если в ближайшее время СЕО не подключится к происходящему, здесь всё развалится.

С нетерпением, Джереми

Стивен Фокс непрерывно помешивал свой кофе, листая потрёпанный путеводитель. Юдифь лениво размышляла, можно ли чайной ложкой проскоблить дно чашки насквозь, и если можно, то сколько времени на это уйдёт. Пожалуй, ждать осталось не так долго.

— Вот, — вдруг сказал Стивен и прочел вслух: — Бет-Шеарим. На южном склоне гор Нижней Галилеи выше западной оконечности долины Есрезл. Он был окружён обширным некрополем, который считался священным. — Дальше он читал про себя, пробегая глазами весь текст и время от времени выхватывая и зачитывая вслух несколько слов, вырванных из контекста и оттого имеющих мало смысла: — Впервые упомянут Иосифом как город Безара... во втором веке резиденция Санхедрин — в скобках: иудейской судебной палаты времён римского владычества... а, вот, здесь: в северо-восточной части можно различить пять строительных эпох, первая длилась с первого века до н.э. до середины второго века н.э. Вот. В это самое время он там и появился.

— М-м, — промычала Юдифь.

Стивен перестал помешивать ложечкой.

— Может быть, стоит поискать там? — Он прихлебнул кофе, скривился, добавил ещё одну ложку сахара и снова принялся мешать.

Они сидели в дальнем углу кухонной палатки, который всегда был в тени. Несколько высоких, в рост человека, холодильников стояли уже отключёнными, размороженными и пустыми; молотый кофе и сахар они, правда, нашли, но, к огорчению Стивена, на кухне не оказалось ни одного пакета молока.

— Может быть, — согласилась Юдифь.

С того места, где она сидела, были видны мобильные домики и часть парковочной площадки. Всё будто вымерло. Идя сюда от палаток, они увидели только трёх итальянцев, которые паковали свои вещи, да француженку Шанталь, похожую на Юдифь, будто старшая сестра, — она совершала задумчивый прощальный обход раскопанных разрезов. Палатка четырнадцатого ареала лежала сложенной. Вся свита, окружавшая обычно Джона Кауна, уехала вместе с ним в Иерусалим, за исключением трёх охранников, которые расслабленно посиживали перед одним из мобильных домиков и дремали на солнце.

Вернее, как раз перестали дремать. Внутри зазвонил телефон, и одному из охранников поневоле пришлось встать и пойти к телефону.

Юдифь прихлебнула из своей чашки. На её вкус кофе был в самый раз. И она могла пить его и чёрным.

— Думаешь, эта камера действительно ещё существует? После двух-то тысяч лет?

— А почему нет? Инструкция, в конце концов, тоже ещё существует, а ведь она из бумаги.

— Но камера большая и тяжёлая. Допустим, он её где-нибудь зарыл. Кто-то мог её раскопать, может, и сотни лет назад. И уж наверняка разобрал её, чтобы понять, что это за предмет.

— Да, но странник во времени должен был это предвидеть. Не забывай, что у него были, может быть, десятки лет на размышления. Если судить по тому, как он начал своё письмо, он должен был подыскать подходящее место. Такое, в неприкосновенности которого он был уверен.

Охранник снова вышел из мобильного домика, взял со стула ремень с кобурой и надел на себя. Видно было, как он что-то говорит своим коллегам.

— И это место он описал на втором листе письма...

— Правильно. Чтоб ему за это... — Стивен подавил ругательство и снова попробовал свой кофе. Вкус не улучшился, и Стивен проглотил его как лекарство. — Если бы можно было проследить ход его мыслей! Что он там себе думал.

— Посмотри-ка, — сказала Юдифь и кивнула в сторону сцены, которая разыгрывалась у Стивена за спиной. — Кажется, там что-то случилось.

Стивен обернулся. Три охранника надели ремни с кобурой и двинулись вверх по склону холма, как три ковбоя из вестерна.

— О, — заволновался Стивен. — Странно. — Он не глядя выплеснул остатки кофе на пол и встал. — Что бы это значило?

— Не знаю, — пробормотала она. — Разве это должно непременно что-то значить?

— Если кто-то в такую жару встает со стула, это непременно должно что-то значить.

Стивен передвинулся, чтобы можно было вести наблюдение в просвет между двумя полотнищами палатки.

Юдифь смотрела на него и чувствовала себя как мешок с камнями. Стивен был встревожен. Она это ощущала.

— Что там? — спросила она.

— Они обходят палатки, — он с шумом набрал в лёгкие воздуха. — Наши палатки. Проклятье. Они ищут нас!

Юдит глазела на свою руку, которая лежала на столе, словно парализованная.

— А это плохо, да?

— Видимо, те, в Иерусалиме, что-то обнаружили. Но вроде мы всё прибрали в лаборатории, разве нет? Наверное, мы что-то проглядели. ...Теперь разговаривают с итальянцами. А те нас видели, когда мы шли сюда, вот чёрт!

Юдифь тяжело повернулась на стуле, осмотрелась вокруг. Здесь, в самом тёмном углу палатки, они были невидимы. Но надолго этого не хватит. Она внимательно приосмотрелась к полотнищам брезента, которым ещё недавно

было покрыто отведённое для столовой место со столами и скамейками. Теперь эти полотнища лежали с краю, свёрнутые и сложенные штабелем, готовые к погрузке.

До парковки отсюда было далеко.

Стивен повернулся к ней. Она увидела его бледное, напряжённое лицо и поняла, что те направляются сюда.

— Что-то надо придумать, — сказал он.

Глаза Райана, казалось, временами изменяли цвет, а может, просто принимали разную температуру. Каун смотрел на человека, о прошлом которого ходило много слухов, но фактов было известно гораздо меньше. Тот звонил по телефону в лагерь. Глаза его как раз приобрели цвет полярного льда. Каун уже знал, что в такие минуты этот человек опаснее всего.

— Надеюсь, вы знаете, что делать, — сказал он тем не менее, когда Райан положил трубку.

Райан взглянул на него без выражения.

— Я должен взять его, разве не так? — только и спросил он.

Каун ответил долгим взглядом, но в лице рослого ирландца не дрогнул ни один мускул. Этот человек вытаскивал съёмочные группы из джунглей, где велись военные действия, освобождал репортёров из рук террористов, провозил контрабандой запретные видеозаписи через строго охраняемые границы и выкрадывал секретные документы из сейфов мафии. Уж как-нибудь он сумеет изловить американского студентика.

— Я хочу, — произнёс наконец Каун, — чтобы вы его задержали. И я хочу знать, что он утаил от нас. Руки у вас развязаны.

Райан кивнул, на его узких губах появился намёк на улыбку.

— Это само собой.

Когда они медленно приблизились к кухонной палатке, воздвигнутой на пустынной земле, словно причудливый кафедральный собор из светлого брезента, три охранника разделились. Один остался стоять, поглядывая по сторонам, ничто не ускользнуло бы от его взгляда и от пуль

его УЗИ. Двое других вынули пистолеты из кобуры и стали обходить палатку с двух сторон — один слева, другой справа, осторожно перешагивая через натянутые крепёжные верёвки.

— Мистер Фокс? — сказал один из них — не то чтобы командным полицейским рыком, а скорее вполголоса, почти разговорным тоном, но наверняка хорошо слышным внутри палатки. Он говорил по-английски с типичным ближневосточным акцентом. — Мистер Фокс, пожалуйста, не оказывайте сопротивления. Нам необходимо срочно поговорить с вами.

Почти одновременно они достигли боковых краёв палатки и вошли в неё с двух сторон.

В палатке никого не было.

Они в недоумении переглянулись. На одном столе в самом дальнем углу ещё стояла недопитая чашка кофе, вторая чашка — пустая — валялась в последней, ещё не демонтированной раковине вместе с фильтром, полным вываренного кофейного порошка. Один из охранников потрогал фильтр. Он был ещё тёплый. Под раковиной никто не прятался, под стойкой раздачи тоже.

Убрав пистолеты в кобуру, они снова вышли наружу, пожимая плечами. Один из них указал на парковочную площадку. Там стояли три автомобиля: тёмно-зелёный пикап, серый «шеви» и синий «фиат». Синий «фиат», это они знали, принадлежал тому, кого они разыскивали.

Они подали знак третьему, с автоматом, что идут обыскивать парковочную площадку. Тот кивнул, а сам тем временем снова медленно направился в горку, к оставшимся палаткам. Хотя большинство из них уже пустовали, там ещё было где спрятаться.

Потом он увидел девушку.

Далеко, на поле раскопок, по другую сторону от палаточного лагеря. Он не знал, как её зовут, но часто видел её вместе с этим Стивеном Фоксом. Сейчас она как раз спускалась в одну из разрытых ям.

Значит, итальянцы ввели их в заблуждение.

Он достал из кармана рубашки сигнальный свисток и дунул в него.

— Эй! — помахал он своим товарищам. — Я её засёк! Она там!

Шанталь Гюйнард долго копила деньги на эту поездку. Минувшей весной, незадолго до своего двадцать восьмого дня рождения, она закончила учёбу, и в её дальнейших планах было к концу лета выйти замуж за давнего друга, уехать вместе с ним из Парижа и получить в Провансе место учительницы истории, латыни и религиоведения. Поработать всё лето на раскопках в Израиле, исполнив свою давнюю мечту, — это было для неё чем-то вроде отдушины: отстраниться от дома, от Пьера, от университетских друзей перед тем, как её жизнь окончательно изменится. Может быть, скоро у неё появятся дети, и тогда она на долгое время будет связана по рукам и ногам. И было очень важно перед этим предпринять что-то ради одной себя.

И тут всё так внезапно оборвалось.

Она спустилась по деревянной лестнице на дно ямы, и теперь дотрагивалась пальцами до древних камней, вдыхала запах пыли и сухой земли, вслушивалась в тишину тысячелетий, погребённых здесь. В этом ареале она работала. Таскала наверх большими корзинами землю и камни, находила монеты, кости, осколки керамики. Имела возможность прикоснуться к истории.

А завтра в это время она уже будет лететь домой. Отпуск в Тель-Авиве на море? Нет, этого ей совсем не хотелось. Не говоря уже о том, что она не могла себе это позволить.

Она насторожилась, услышав наверху поспешные шаги и шумное дыхание нескольких приближающихся мужчин. Она вдруг сообразила, что совершенно одна здесь, вдали от лагеря, и никто не увидит и не услышит, что здесь происходит. Нет, подумала она. Этого не может с ней случиться. Не может быть, чтобы так всё кончилось.

Когда на краю котлована показались трое боевиков, вооружённых пистолетами и автоматом, она закричала.

Стивен Фокс толкнул дверцу холодильника, в котором он скрывался, и жадно глотнул воздух. Дольше он не смог бы выдержать и одного мгновения. Он выбрался наружу на подгибающихся ногах, стараясь не производить лишнего шума, и открыл дверцу соседнего холодильника,

из которого на него смотрела Юдифь с побелевшим как мел лицом.

— Я больше *никогда* не пойду на такое! — клятвенно прошептала она. — Это как в могиле!

— Зато сработало, — сказал Стивен, помогая ей выбраться наружу. — Даже не верится. Они же сновали между этими холодильниками и не сообразили заглянуть.

Сила привычки. Они не подумали о том, что холодильники уже пусты и отключены.

— Да, — простонала Юдифь, дрожа всем телом. — Скажи, что ты там ищешь?

Стивен лихорадочно выдвигал и снова задвигал ящики у раздаточной стойки. Наконец он что-то нашёл в одной из коробок.

— Вот! — возвестил он, поднимая вверх большой нож для резки мяса. — А теперь бежим!

И они бросились к парковочной площадке. Откуда-то до них донеслись крики, но они продолжали бежать, не оборачиваясь. Их ноги стремительно летели по камням, по осыпям, по выгоревшей под солнцем траве, вздымая за собой пыль.

Стивен добежал до машин первым. Юдифь увидела, как в его руке блеснул нож, когда он протыкал им шину пикапа. Потом он перебежал к «шеви», а она тем временем достигла «фиата». Дверцы были закрыты. Неужто ключи от машины у него с собой? Она подёргала за ручку. Какой нормальный человек кладёт в карман ключи от машины, отправляясь варить себе кофе?

«Шеви» тоже издал свистящий шум и просел на бок.

Охранники уже бежали к ним. Они мчались по холму, между палатками, вниз. Они открыли стрельбу. Пока в воздух. Она увидела, как Стивен бросился к ней, как отшвырнул нож, как на бегу доставал из кармана связку ключей — вот человек! Теперь бы только успеть до того, как их догонят эти трое охранников. Стивен, задыхаясь, подпрыгнул к ней, с ходу попал ключом в замок, стопор дверцы подскочил вверх. Она рванула дверцу, бросилась внутрь, дёрнула вверх стопор водительской дверцы, пока Стивен обегал машину кругом, и открыла её. Он упал на водительское кресло, но промахнулся мимо замка зажигания, уронил ключи, а охранники были всё ближе.

— Стивен! — вскрикнула Юдифь, хотя твёрдо знала, что именно этого делать нельзя. Но один из трёх поднял свой УЗИ, и они вопили в три горла.

— Да, да, — Стивен нашёл ключи, попал в замок зажигания, повернул ключ. Мотор завёлся. Стивен дал газ. Лёгкая машинка рванулась вперёд, на пыльную дорогу, ведущую прочь от лагеря. Охранники изменили направление и попытались выбежать им наперерез, но опоздали.

24

По факсу:

Сьюзен, вот письмо, которое полчаса назад мне прислал м-р Джордж Миллер из «Мельбурн Кроникл». В нём говорится о том, что переговоры провалились и что работа целых девяти месяцев пошла псу под хвост.

Пожалуйста, передайте его Джону.

С приветом, Дон

— Как это могло случиться?

Яростно исторгнутые слова, казалось, ещё некоторое время висели в воздухе. Каун стоял, наклонившись вперёд, опершись о стол сжатыми кулаками, и неотрывно смотрел в глаза Райана, как будто хотел просверлить его взглядом. Райан, как всегда, сохранял высеченную на его лице каменную неподвижность. Даже если взрыв ярости Кауна и задел его чувства, он их ничем не выдал.

— Стивен Фокс и Юдифь Менец уехали через деревню, — трезво пояснил он. — Мы опрашивали там жителей. Они видели, как примерно в это время по главной улице проезжал синий «фиат». Моим людям понадобилось минут пять, чтобы сменить проколотое колесо «шевроле». Это промедление и дало им возможность уйти.

— Пять минут промедления? *Этого* хватило, чтобы уйти?

— На другом конце деревни дорога разветвляется на целый лабиринт других просёлочных дорог. Тысяча возможностей скрыться.

Каун смотрел на начальника службы безопасности, остриженного коротким светлым ёжиком, не говоря ни сло-

ва, но всем было видно, как внутри него, словно в паровом котле, неудержимо растёт давление. Он ещё раз огляделся, но так и не нашёл ничего, что могло бы послужить в качестве предохранительного клапана, — и взорвался.

— Проклятье! Райан, как это могло быть?! Что известно этому чёртову мальчишке-студенту? Что он утаил от нас? Что?!

Райан был сделан из стали.

— Это мы спросим у него, — только и ответил он.

— Окей, — прохрипел Каун. Он упёр руки в бока и бесцельно метался из стороны в сторону. Его лицо приобрело нездоровый землистый оттенок. — Вы уже обыскали его вещи?

— Их сейчас обыскивают.

— Может быть, бумага отыщется среди них? Или какая-нибудь подсказка... Что вы думаете, Райан?

Райан помедлил с ответом.

— Я подозреваю, что Фокс и его девушка случайно заметили, что охранники получили сигнал тревоги. По-видимому, они в это время находились внутри кухонной палатки, которая при ярком солнечном свете снаружи практически не просматривается. Сами же они могли оттуда видеть всё, что происходит.

— И они *догадались*, что ищут именно их, — Каун всё ещё тяжело дышал. Всё это происшествие, судя по всему, очень плохо на него подействовало. — Они заподозрили. Значит, рыльце в пуху. Если до сего момента мы не были уверены, теперь это можно считать подтверждённым.

Райан терпеливо ждал, пока Каун снова взглянет на него, и потом закончил негромко, почти мягко:

— То, что произошло, говорит о том, что они чувствовали себя очень спокойно. В противном случае они давно бы могли уехать вместе с остальными рабочими. А теперь им пришлось бросить все свои вещи.

— Да, — Каун принялся ходить взад и вперёд: законченная картина истерической тревоги, полный контраст рассудительному спокойствию, который он демонстрировал днём раньше. — Да, вы правы, Райан.

Он начинает показывать зубы и нервы, — размышлял Эйзенхардт, спрашивая себя, что бы это могло значить. — *Теперь мы видим его истинное лицо.*

— Схватите их, — продолжал Каун, но это больше не звучало как важный приказ важного человека. Это звучало скорее комично. Даже не как крик о помощи. То, что он сейчас сказал, было в принципе излишне. Разве не об этом тут, в конце концов, шла речь всё это время? — Схватите этого Стивена Фокса. Я хочу задать ему пару неприятных вопросов.

Эйзенхардт вдруг почувствовал себя зрителем спектакля. Зрителем, которого режиссёр-авангардист усадил на сцену, среди актёров. Вокруг него в полном разгаре был конфликт, а он вдруг перестал ощущать себя его участником. Его всё это совершенно не касалось. Вместо этого в закоулках его мозга некая независимая инстанция начала архивировать события — нейтрально, дистанцированно и с особенным пристрастием к деталям.

Такая смена настроения была ему хорошо знакома — его подсознание готовилось к тому, чтобы в одно прекрасное время написать обо всём здесь происходящем роман.

Столы в ресторане были слишком маленькими, к тому же они стояли чересчур тесно. Как ни повернись, всё время задеваешь ножками своего пластмассового оранжевого стула ножки других пластмассовых оранжевых стульев. Да и цены в меню были слишком низкие, чтобы ожидать особо хорошей кухни, и их опасения оправдались. Стивен и Юдифь очень хотели есть, но половина еды на их тарелках так и осталась нетронутой.

— Мне надо к вечеру непременно раздобыть расчёску, — сказала Юдифь, в который раз продирая волосы пятернёй, — иначе я сойду с ума.

— Ну, расчёску-то мы найдём, — ответил Стивен и достал бумажник, чтобы изучить его содержимое. Там были две кредитные карточки, билет на самолёт, дорожный чек American Express, водительские права и разные квитанции — например, из проката автомобилей. И его заграничный паспорт. И блокнот с тонкой шариковой ручкой. И маленький календарик.

Юдифь наблюдала за ним.

— Ты просто нереальный человек, ты хоть знаешь об этом? — сказала она через некоторое время. — Ты же тас-

каешь с собой пол-офиса!? А если считать с телефоном — так и целый офис.

— Нет, — ответил он со всей серьёзностью. — Я забыл визитные карточки.

— Визитные что?! — она вытаращила глаза, но потом сообразила, что он её разыгрывает.

Стивен улыбнулся.

— Если бы этот Райан не испортил нам вечер в тот раз, когда мы возвращались из Тель-Авива и между нами вовсю искрило, я бы сейчас не таскал всё это с собой. Ну, разве что права и кредитную карточку. Но с той поры я больше не покидаю лагерь без бумажника, — он закрыл его и снова спрятал в карман. — Большое спасибо, мистер Райан.

— Но твой ноутбук у них в лапах.

— Да. Вот это действительно жаль.

Было среди его вещей и несколько других предметов, потеря которых была для него болезненна, но компьютер вместе со всеми его дополнительными прибабасами представлял собой самую большую материальную ценность. И если он действительно больше не получит его назад, то пропадёт несколько важных документов и текстов — например, коммерческое предложение для *Video World Dispatcher* вместе со всей калькуляцией, множество e-мейлов, которые пришли ему за время его израильского отсутствия. Но и эти документы в принципе было не так страшно потерять. И коммерческое предложение, и калькуляцию он сможет восстановить. А всё-таки жаль — это была надёжная, солидная вещь, которую, при нынешнем ускоренном развитии компьютерной индустрии, уже не восстановишь в прежнем виде.

— А сколько он стоил? — спросила Юдифь.

— Если покупать ноутбук с такими же техническими характеристиками сейчас, то за него придётся заплатить... тысяч шесть-восемь, я думаю.

— Большие деньги. По сравнению с моей расчёской, я хотела сказать.

— Да. И ещё четыре недели усилий, чтобы установить всё, что мне нужно для работы.

Мысли Стивена всё продолжали вертеться вокруг его компьютера, но совсем не потому, что он не мог пережить

потерю дорогой вещи, а по другой причине. В принципе, всё то время, пока они колесили по узким улицам и пыльным просёлкам, пока плутали по маленьким деревушкам и головоломным ухабам, ища дорогу, ведущую на Иерусалим, он пытался в точности припомнить содержание своего жёсткого диска, причём его занимал один вопрос: что могут выдать все эти данные его преследователям?

Они найдут всю базу его адресов и всю переписку с клиентами. Само по себе это достаточно плохо, но для дела, вокруг которого всё вертелось теперь, это не имело значения. Они найдут его электронный дневник, который он по легкомыслию оставил незакодированным, защитив лишь простым паролем для доступа, обойти который не составит труда среднему компьютерному специалисту. Вот что было самое важное. И они смогут из этого дневника узнать, когда, как и почему он втрескался в Юдифь Менец. Очень стыдно. Но всё-таки это не обличительный материал. И что утешительно: для его дневниковых записей было характерно то, что они становились весьма скудными именно в те моменты, когда жизнь наполнялась реальными событиями: тогда ему становилось не до записей. Насколько он припоминал, последняя запись была сделана в прошлый понедельник, в этой записи очень коротко, одной фразой упоминается находка инструкции, а потом на целый абзац расписаны предвкушения по поводу предстоящей встречи с Юдифью и поездки в Тель-Авив вместе с её братом.

При этой мысли он вспомнил... Стивен достал из кармана свой мобильник и заново набрал оба номера Иешуа.

По домашнему телефону никто не ответил.

В музее тоже никого не было.

— Ты случайно не знаешь, где в это время может пропадать твой брат?

Юдифь пожала плечами:

— Понятия не имею.

— Мне это кажется странным, — задумчиво сказал Стивен.

— Да. Странно.

Стивен какое-то время смотрел прямо перед собой, и его начал раздражать гул голосов в ресторане.

— Нам больше нельзя терять время. У нас ещё есть небольшое преимущество. Мы должны его использовать.

— Звучит хорошо. Если бы я ещё понимала, что ты имеешь в виду.

Это был один из тех моментов, когда мысли, которые уже давно клубились в голове, вдруг уплотняются, формируясь в осознанные представления.

— Вчера вечером я был контужен этими растворителями, которые использовал твой брат, да ещё сказались недосыпание, да жара и все эти перегрузки, — сказал Стивен. — Да и сегодня почти весь день был как оглушённый. Поэтому я так долго не мог сообразить, что здесь не так.

Юдифь широко раскрыла глаза. Большие, тёмные глаза. Как два бездонных колодца.

— К чему ты клонишь?

— Иешуа *сказал* нам, что на втором листе ничего не читается, — объяснил Стивен и мрачно добавил: — Но он нам этого *не показал!*

Иешуа очнулся и обнаружил, что лежит, свернувшись калачиком, на холодном полу в туалете. Чуть не в обнимку с унитазом. А во рту отвратительный привкус. Со стен, облицованных кафелем, падал бледный неоновый свет, голова у него болела, а вокруг было так тихо, что можно было подумать, что он последний оставшийся на земле человек.

И он замёрз.

В остальном он чувствовал себя хорошо. Всё его тело было липким от высохшего пота, в голове сверлило и тянуло, и он ощутил смертельную слабость, когда попытался подняться, — но всё же, несмотря на всё это, он чувствовал себя освобождённым.

Он попытался восстановить весь ход событий. Во второй половине дня он кое-как притащился в музей. Он не стал брать свою машину, чувствуя себя слишком плохо для того, чтобы пробиваться на ней сквозь иерусалимские пробки, и всю дорогу на тряске автобуса представлял, какие упрёки ему придётся сейчас выслушивать за то, что в первый после шаббата рабочий день он явился тогда, когда другие уже уходят. К его удивлению, Эфраим Латс-

кий, шеф отдела реставрации, вместо приветствия обнял его за плечи и елеинным голосом произнёс:

— Побольше бы таких сотрудников, как вы, Менец! Вы по крайней мере способны думать головой. Всех остальных мне пришлось отправить по домам — а вы сообразили прийти только к вечеру. Великолепно, Менец.

Иешуа непонимающе уставился на этого полноватого мужчину, потом перевёл взгляд на его мясистую руку на своём плече, поросшую густыми волосами, и не нашёл что ответить.

— Э-эм... Ну да, я... э-эм...

— Этот Уилфорд-Смит, — продолжал греметь Латский, — и его американский спонсор полностью заняли весь реставрационный отдел. Нужно же было это предвидеть, так ведь? Целый день здесь был суший ад, правда, суший ад.

В ту минуту, когда Латский наконец убрал свою руку и скрылся за углом по дороге в свой кабинет, у Иешуа и случился этот приступ. Его так скрутило, что он едва успел добежать до туалета — и там его вырвало, потом рвало снова и снова, и конца не было тому, что из него выливалось. Об этом он помнил лишь смутно, как о полубессознательном состоянии, как то ли минуты, то ли часы в тёмном туннеле. Помнится, он спрашивал себя, откуда берётся всё то, что он из себя извергает, и у него были опасения, что он лишился собственных внутренностей.

Но теперь всё это осталось позади. Он кое-как встал на ноги, держась за стенку, а потом за перила, когда с трудом поднимался по лестнице. Он встретил ночного сторожа, который совершал первый обход после закрытия музея, и старый седой человек с большой связкой ключей уставился на него, как на привидение, но так и не нашёл что сказать, кроме обычного:

— Добрый вечер, доктор Менец.

Он в ответ лишь кивнул, потому что говорить не было сил, потом наконец добрался до ассистентской комнаты на втором этаже, не включая света упал на продавленный диван, провонявший сигаретным дымом и кофе, банановой кожурой, пылью и плесенью, повалился на бок и угодил головой во что-то мягкое — оказалось, в подушку,

нащупал другую, прижал её к животу и провалился в глубокий крепкий сон без сновидений.

Они припарковались примерно в то же время и приблизительно на том же месте, что и предыдущей ночью. Парковка была пуста, как всегда; восьмиугольная башня главного корпуса Рокфеллеровского музея тёмным силуэтом выделялась на фоне ночного неба Святого города.

— Может, мы сейчас спешим навстречу собственной гибели, — сказала Юдифь, когда они вышли из машины и закрыли дверцы так тихо, как только было возможно.

— Может быть, — согласился Стивен.

Они проследовали той же тропинкой через кусты до знакомой им полуподвальной двери. Стивен извлёк из потайного карманчика на своём поясе два каких-то странных металлических крючка. Пока он ковырялся этими инструментами в дверном замке, Юдифь светила ему карманным фонариком, который они купили перед этим на заправке.

— А ты действительно заработал свои деньги честным трудом? — с сомнением спросила она через пару минут.

Он лишь кивнул. Он был слишком сосредоточен, чтобы болтать о постороннем.

К счастью, замок оказался не слишком современный, а то бы они ушли отсюда несолоно хлебавши. Но всё равно повозиться пришлось — дольше, чем он ожидал. По крайней мере, в детективных телевизионных фильмах это выглядело проще.

Довольно долго слышался лишь скрежет от стараний Стивена разобраться с личинкой замка. Но как ни сконцентрирован он был на своём занятии, он всё же чувствовал, как Юдифь рядом с ним становилась всё нервнее. В конце концов послышался щелчок, и замок поддался.

— Я потрясена, — вполголоса сказала Юдифь, когда они очутились в маленьком пыльном складском помещении. — Где ты этому научился?

— У нас в США продаются учебники, где всё это подробно описано. Поверила? — Стивен испытующе взглянул на неё, поднял пыльную пластиковую плёнку, которой были прикрыты ящики, и заглянул под неё.

— Что ты там ищешь?

— Вот это, к примеру, — он показал ей толстый винт-саморез и сунул его себе в карман. — Всему этому я обучился у одного человека, который состоит членом того же клуба, что и я. Он был когда-то взломщиком, а теперь живёт в Нью-Йорке и очень востребован в качестве консультанта по защите от взломщиков. Он зарабатывает этим раз в десять больше, чем когда-то воровством. Хороший пример того, что преступления — не такое выгодное дело, как это принято считать.

— И он научил тебя взламывать замки? Просто так?

— Разумеется, не просто так. Вначале я объяснил ему, для чего мне нужно этому научиться. А именно — чтобы суметь выбраться, если это окажется необходимо в моих разнообразных странствиях по миру. Уж если что и вызывает у меня содрогание, так это мысль, что меня заперли. — Из-под другого ящика он извлёк железную планку длинной с локоть, которую тоже прихватил с собой. — Теперь идём.

Они не стали включать свет, хотя накануне ночью в этом самом месте беззаботно щёлкали выключателем. Но тогда с ними был Иешуа, который хотя бы имел право находиться в этом здании. Без него они однозначно были взломщиками и теперь старались производить как можно меньше шума. Но им всё равно казалось, что их шаги эхом разносятся по всему выставочному залу, который им пришлось пересекать. И двустворчатая дверь на другом конце зала опять скрипела, причём значительно громче, чем вчера. Они с облегчением вздохнули, лишь когда наконец очутились перед дверью реставрационной лаборатории.

Которая, естественно, тоже была заперта.

— Придётся пойти на порчу казённого имущества, — сказал Стивен.

Он вставил кончик винта в личинку замка и стал вворачивать его в щель, предназначенную для ключа, используя в качестве отвёртки принесённую с собой металлическую планку. После того, как винт надёжно закрепился в замочной скважине, Стивен подвёл под головку винта свою планку, упёрся коротким концом полученного рычага в дверь, а за длинный конец резко дёрнул. Послышался тихий, но отчётливый скрежет ломающихся винтиков, на которых держалась личинка замка. Стивен извлёк

личинку, потом вручную вытянул задвижку, и дверь открылась. Всё это заняло у него не больше минуты.

— Завтра все узнают, что мы здесь побывали, — сказала Юдифь, чувствуя себя очень неудобно.

— Сейчас не это главное, — сказал Стивен, прикрыл за собой изувеченную дверь и включил в лаборатории свет.

Помещение сильно изменилось. Один из столов был целиком занят под скелет путешественника во времени, за другим были начаты работы по разъятию ископаемой инструкции на отдельные листочки. В углу были составлены чёрные штативы на раздвинутых треногах с закреплёнными на них массивными видеокамерами или галогеновыми софитами.

— Поиск видеокамеры тщательно документируется другими видеокамерами, — пробормотал Стивен, обходя помещение и поближе приглядываясь к археологическим находкам. — Ишь какая прихотливая игра судьбы.

Юдифь замороженно рассматривала инструкцию, о которой она до сих пор только слышала. Итак, она действительно существовала — настоящая, подлинная. На ней красовался известный всему миру логотип — при том что бумага была почти такой же истлевшей, как свитки из Кумрана.

— Смотри, — тихо сказала она почти дрожащим голосом. Стивен подошёл к ней. В пластиковой ванночке, тщательно прикрытой прозрачной полиэтиленовой плёнкой, лежала одна из страниц инструкции. Видимо, это была задняя сторона обложки, потому что на ней не было почти ничего, кроме выходных данных и значка копирайта в левом нижнем углу.

Напечатано в Японии, — значилось в выходных данных. И стояла дата, до которой оставалось жить ещё четыре года.

— Невероятно, — прошептала Юдифь.

Стивен против воли должен был признаться, что и у него мороз пробежал по коже.

Он повернулся к костям на столе в середине помещения, которые были разложены на чёрной резиновой подложке в порядке строения скелета.

— Хотел бы я знать, кто это, — сказал он.

Пустые глазницы черепа, казалось, ответили на его взгляд. Но свою тайну они оставили при себе.

— Он ведь сейчас где-то живёт, так? — сказала Юдифь. — И одновременно здесь лежат его кости. Вот где прихотливая игра судьбы.

— Да, — отозвался Стивен. — И Каун ищет нас, потому что хочет заполучить его письмо. При том, что он сегодня целый день топтался в трёх метрах от этого письма. Это ещё прихотливее.

Он присел на корточки перед тумбой с выдвижными ящиками, какие были при каждом столе, и выдвинул нижний ящик. Там стояли, прикрытые какой-то газетёнкой, две пластиковые ванночки, содержавшие оба листа письма.

— Какое легкомыслие, — сказал Стивен, вынимая ванночки. — Даже не заперто. Можно подумать, что мы вчера были пьяные.

Он поставил ванночки под ультрафиолетовую лампу и снял плёнку, защищавшую листки от высыхания и пыли. Потом включил ультрафиолетовый свет.

— М-м, — довольно прорычал он. — Как я и думал.

Иешуа обманул их.

В одной ванночке лежал листок, который они вчера обработали. Древний текст поблёскивал неземным золотым светом точно так, как Стивен запомнил со вчерашней ночи.

В другой ванночке лежал другой листок, про который Иешуа уверял, что не смог сделать его текст читаемым.

Иешуа говорил, что экспериментировал с этим листом. Это была правда. Однако то, что запись не восприняла маркирующее средство, как утверждал Иешуа, было на самом деле не так, потому что отдельные слова и фрагменты фраз зажглись под ультрафиолетовой лампой.

— Откуда ты это знал?

— Я почувствовал, что он хочет от нас что-то скрыть, — объяснил Стивен. — Только до моего сознания в тот момент это не дошло. И лишь сегодня, спокойно поразмыслив, я додумался.

Он подтянул к себе лупу и попытался разобрать видимые слова.

моя мать имела обыкновение

— Что такое? — пробормотал он. — Зачем нам его мать?
не почувствуешь дыхание истории, если ты не

Что это, вообще, за письмо он нашёл? Стивен передвинул лупу дальше. Шрифт был явно менее читаемый, чем на первом листке, который они расшифровали вчера. Приходилось вглядываться очень долго и напряжённо, чтобы отдельные штрихи сложились в буквы и слова.

но

несправедливо

Стивен почувствовал нарастающее отчаяние. Господи, ну о чём говорит этот человек?

— Ну? — напряжённо спросила Юдифь. — Что там?

— Что-то насчёт мудростей, которые преподавала ему его мать, — с недоумением сказал Стивен. Ну и типов же забрасывают в прошлое! Неужели этому придурку больше не нашлось о чём написать в своём, возможно, единственном письме в будущее?

— Его мать?

— Какие-то сентенции насчёт дыхания истории, которое не почувствуешь, если... что-то там. Непонятно.

Этого не могло быть. Он, Стивен Фокс, находит письмо единственного в мире странника во времени. Странника, который к тому же попал во времена Иисуса с видеокамерой и, по его собственному признанию, заснял там три кассеты общей продолжительностью в двенадцать часов с изображением основателя самой большой мировой религии. И потом оказывается, что в этом письме нет никаких указаний на то, где спрятаны эти кассеты?

Он продвинул лупу ещё дальше к концу. Там было ещё несколько нежно светящихся фрагментов, и в нижней трети страницы он наконец различил нечто многообещающее.

ста тридцати ярдах от юго-западного угла Храма в северном направлении

Стивен почувствовал, как его сердце внезапно заколотилось.

— Вот, — прошептал он. — Он описывает место.

Юдифь тоже сглотнула:

— Читай вслух.

— Ста тридцати ярдах от юго-западного угла Храма в северном направлении... Какой храм имеется в виду?

почти оранжевого цвета камень

— Ну, *тот самый* храм, — сказала Юдифь. — Иерусалимский. Сто тридцать ярдов — сколько это в метрах?

во втором ряду кладки от земли

— Примерно сто восемнадцать, — взволнованно сказал Стивен. То, что он здесь описывает, может быть только *тем самым* местом. Он водил лупой поверх всего листа, ища последнее подтверждение.

— О нет, — простонала рядом с ним Юдифь.

Вот оно:

намере спрятана

Стивен издал ликующий вопль. Слишком громкий звук, если вспомнить о том, что они здесь взломщики.

— От юго-западного угла Храма сто тридцать ярдов — или сто восемнадцать метров — севернее, до почти оранжевого камня во втором ряду кладки от земли. Там спрятана камера, — победно повторил он описание, так напоминавшее карты зарытых сокровищ в приключенческих книгах. — Есть у тебя хоть приблизительная догадка, что это может быть за место?

— Мы называем это место *Kotel Ha-Ma'aravi*, — произнёс в этот момент чей-то голос от двери.

Они испуганно обернулись. Там стоял Иешуа, с виду странно бледный и больной; он даже, кажется, от слабости держался за дверной косяк.

— Более известное, — слабо добавил он, — как Стена плача.

25

Нижеследующая глава посвящена подробному описанию находок в ареале 14/F.31, а именно скелета и могильных вложений. Этому должно быть предпослано предостережение, что многое в гипотезах, предлагаемых для объяснения находок, до предела перегружит научную беспристрастность читателя, а в некоторых случаях даже переступит этот предел.

Профессор Уилфорд-Смит.

«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».

Стивен смотрел на Иешуа, но не видел его. У него было такое чувство, будто на голову ему надели огромный колокол и ударили по нему молотом и оглушили мощным гулом. Стена плача! Гениально. Невероятно. Как сами они до этого не додумались? Путешественник во времени спрятал камеру в самой большой святыне иудеев со времён их изгнания из Святой земли, и там она пролежала две тысячи лет. Стена плача, которая была не чем иным, как частью западной стены колоссального Храма Ирода — того самого Храма, о котором говорится в Новом Завете, — имела два преимущества, которые в данном случае делали её идеальным тайником. Во-первых, потому, что она освобождена от позднейших наслоений и была исследована и задокументирована буквально вплоть до квадратного сантиметра, и можно было точно сказать, что останется от неё через две тысячи лет. Во-вторых, никто не посмеет тронуть её без специального разрешения.

И это было прямо-таки фатально очевидно. Они имели дело с тайником не только абсолютно надёжным, но и абсолютно недоступным.

Юдифь между тем подошла к брату, приложила ладонь к его лбу. Вид у него был бледный и измученный, почти больной.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она. — Что с тобой? Мы за тебя беспокоились, потому что ты не отвечал на звонки.

Он попытался улыбнуться и покачал головой:

— Ничего. У меня всё... ну, «хорошо» было бы преувеличением. Что, вид у меня потрёпанный, да?

— Нет, не потрёпанный, — ответила его сестра, — а абсолютно устрашающий. Где ты был всё это время?

— Я спал. Наверху, в ассистентской комнате. На диване. Собственно, я собирался поработать, но... А разбудил меня скрип, очень тихий и очень далёкий. Это ведь были вы, да? Большая дверь в выставочном зале. — Иешуа набрал воздуха — казалось, что он всё ещё борется с обмороком. — Как же вы проникли сюда без ключа?

— Дурацкий вопрос, — пробурчал Стивен. Колокольный набат просветления прекратился, музыка сфер отзвучала, и всё вокруг снова встало на свои места: холодное

подвальное помещение с грубо сложенными стенами и холодным неоновым светом на бетонном потолке. И он, наступающий на пятки величайшей тайне человечества.

Он указал на ванночку со вторым письмом:

— Почему ты скрыл это от нас?

Иешуа медленно подошёл поближе. Он посмотрел на Стивена, потом на древнюю бумагу и призрачно мерцающие на ней фрагменты письма, потом снова на Стивена.

— А ты не понимаешь? — тихо спросил он.

— Нет.

— Я не мог. Когда вчера вечером я читал это, во мне всё переворачивалось. Я так и слышал стук отбойных молотков, проламывающих стену... камни, перед которыми я ещё ребёнком взывал к Богу! — Иешуа смолк и медленно помотал головой. Вид его действительно вызывал тревогу: глядя на него, можно было смело предписывать не меньше двух недель постельного режима. — Но... сегодня я уже не понимаю этого. Я больше не чувствую того, что чувствовал вчера. Я только знаю, что тогда я был не в состоянии... Мне требовалось время всё обдумать. Я даже подумывал, не уничтожить ли это письмо, можешь себе представить?

Стивен криво усмехнулся:

— Ну ты даешь! Я всегда подозревал в тебе скрытого религиозного фанатика.

— Да, пожалуй, не такая уж это и неправда, — ответил Иешуа, и в его словах не было намёка на шутку.

Стивен с тревогой посмотрел на него, ничего не сказал, но выключил ультрафиолетовую лампу над обоими фрагментами письма. Так, будто мог тем самым избавить документы от возможной опасности.

Три тяжёлые машины с выключенными фарами подкатили на парковку перед Рокфеллеровским музеем. Жёсткое потрескивание их медленно катящихся шин было громче, чем шум моторов. Две машины встали по обе стороны от единственного находящегося там автомобиля, третья остановилась чуть поодаль.

Райан победно улыбнулся, взглянув на пеленгатор, лежавший у него на коленях.

— Это было правильное решение — выждать время, — сказал он вполголоса своему водителю. — Если бы мы взя-

ли их раньше, мы бы узнали только, в каком ресторане они обедали или через какие палестинские деревни проезжали. А вот то, что они приехали сюда, действительно интересно. Мне бы очень хотелось узнать, что им здесь надо.

Он отключил пеленгатор и дал знак выходить.

— Двое остаются у главного входа, — приглушённо отдавал он распоряжения собравшимся вокруг него людям. — Двое идут к задней двери, через которую мы заходили сегодня утром. Потом есть ещё один боковой вход, где-то за кустами. Там встанете вы двое. Остальные идут со мной.

— Но ведь это значило бы, — сказала Юдифь, — что в стене есть какой-то полый камень или что-то вроде этого. Иначе как бы он мог там спрятать камеру?

Все трое, словно сговорившись, испуганно глянули на скелет путешественника во времени.

— Может, он работал на строительстве этого храма? — предположил Стивен.

— Это неправдоподобно, — покачал головой Иешуа. — Храм построен при царе Ироде, а что касается фундамента, то он был заложен еще в четвёртом году нашей эры.

— М-м. Это рановато, — кивнул Стивен.

— Странно, — продолжал Иешуа, словно рассуждая сам с собой, — я как раз пытаюсь вспомнить, какой же камень Стены плача может быть тем самым... *оранжевым* камнем? Они же все жёлтые.

Он недалеко ушёл в своих размышлениях. В это мгновение дверь лаборатории внезапно распахнулась — и им пришлось заглянуть в дула пистолетов. В помещение ворвались крепкие, одетые в тёмное бойцы, и один из них первым делом зажал Юдифи горло, перехватив её сзади согнутой в локте рукой.

— Руки вверх! Не двигаться!

Стивен и Иешуа рефлекторно подняли руки вверх. Беспомощно, как загипнотизированные кролики, они смотрели, как боевики освобождают дорогу своему предводителю — Райану.

Когда Стивен увидел этого рослого человека с холодными серыми глазами, он понял, что произошло. И готов

был сам себя отхлестать по щекам. Жучок! Он же про него вообще забыл. Только потому, что вчера вечером они не заметили за собой хвоста, он легко отбросил свои подозрения. А чего, казалось бы, проще — стоило лишь помянуть одну прокатную машину на другую.

То, что его обвели вокруг пальца, раздосадовало его гораздо сильнее, чем нападение. *Шевелить надо было мозгами*, — подумал он.

— Добрый вечер, мистер Фокс, — язвительно и холодно произнёс Райан и двинулся вдоль столов в другой конец реставрационной лаборатории, где были составлены штативы с камерами и галогеновыми лампами. — Давайте-ка мы сперва включим видеокамеры, чтобы увековечить несомненно интересное объяснение вашего здесь присутствия. Элиав, включи передние лампы.

Один из бойцов опустил оружие и принялся неловко возиться с проводами светильников, закреплённых на высоких штативах. Когда первая лампа вспыхнула ярким светом, все невольно сощурились, поскольку их глаза за несколько ночных часов адаптировались к тусклому неоновому освещению.

Юдифь, медленно свирепея, следила, как рука боевика, сжимавшая ей горло, соскальзывала всё ниже. Она чувствовала на своём затылке его дыхание, воняющее табачным дымом и гнилыми зубами. Между тем его рука была уже у её правой груди, и пальцы явно старались нащупать сосок.

Когда вдобавок ко всему он прижался бёдрами к её ягодицам и она ощутила его затвердевший член, в глазах у неё потемнело от гнева. Она потеряла всякую способность думать — и об автомате в его правой руке, и о ситуации, в которой они тут оказались, и об опасности, которая грозила ей самой или остальным, — лютая ярость пробила себе дорогу, и энергия гнева ринулась по руслу, многократно проторённому на занятиях джиу-джитсу во время службы в армии и ставшему уже рефлексом: она захватила руку боевика и, издав лающий воинственный выкрик, мощным броском швырнула его через плечо так, будто он ничего не весил.

Захваченный врасплох охранник, который меньше всего рассчитывал на то, что эта хрупкая девушка будет за-

щищаться, далеко отлетел, ударившись об угол ближнего стола так, что хрустнули, ломаясь, несколько рёбер, а потом вломился в крестец своего коллеги, который как раз включал вторую лампу.

Этот человек, которого Райан назвал Элиавом, не удержался на ногах и упал, прихватив с собой штатив лампы. Стивен и Иешуа инстинктивно отпрыгнули в сторону, и раскалённая лампа упала между ними, грохнувшись об полку с химикалиями. Одна из самых больших бутылок с кислотой, падая, разбилась и выплеснула своё содержимое в обе ванночки, в которых находились листки письма из далёкого прошлого. Кислота безнадежно затопила бумагу и в доли секунды превратила её в серую бесформенную массу.

В следующее мгновение начался пожар, воспламенившись от жара галогеновой лампы. Быстрее, чем успевали следить глаза, огонь распространялся по разлитой и разбрызганной жидкости, большая часть которой наверняка была легко воспламенимой и огнеопасной.

— Руки вверх! — прогремел сквозь этот ад крик Юдифи. Она держала на изготовку автомат, обронённый её захватчиком, стремительно поворачивая его по кругу впечатляюще профессиональным движением. — Бросайте оружие!

Сработали датчики пожарной охраны, зазвенели сигналы тревоги. Звон был оглушительный и, казалось, наполнил собой всё здание.

Райан бросился к огнетушителю, висевшему на стене.

— Стоять! — крикнула Юдифь. — Никому не двигаться!

— Ты рехнулась? — ответил Райан, указывая на ярко пылающие языки пламени. — Горит же!

— Руки вверх и стоять на месте, или открываю огонь! — дико рявкнула Юдифь и быстро глянула в сторону своего брата и Стивена, которые отпрянули от огня, но всё ещё не могли сообразить, что делать. — Ну что же вы! Бегите! — приказала она им.

Райан решил не обращать внимания на Юдифь. Пусть эта обезумевшая девчонка стреляет, — то, что сделает с ним Джон Каун, если он от одного только страха за себя допустит гибель находящихся здесь археологических находок, явно будет несравнимо хуже. Райан сорвал со стены

ближайший огнетушитель, ударом забил кнопку предохранителя вглубь и начал глушить пламя нацеленным потоком пены.

Юдифь, Стивен и Иешуа выбежали из лаборатории, бросились по коридору и вверх по лестнице. В конце вестибюля они увидели отсвет синих огней пожарной машины с площади перед зданием. Сквозь неумолчный рёв пожарной тревоги слышался вой сирены.

— Пожарные! — крикнул Стивен. — Бежим к главному выходу!

— Что? — протестующе воскликнула Юдифь. — Ты с ума сошёл!

Но он уже бежал вперёд, и ей ничего не оставалось, как последовать за ним.

Навстречу им ринулись два боевика, выставив вперёд пистолеты, — оба одетые в тёмную форму, один приземистый, второй высокий и худой — явно из того же гнезда, что и те, кого они оставили в подвале.

— Ну, класс, — прорычала Юдифь и перешла на шаг.

Но Стивен бежал вперёд, навстречу тем двоим, и даже начал им махать:

— Скорее, сюда! — кричал он им. — К Райану, вниз! Там пожар, он ранен и приказал...

Оба растерянно смотрели на него. Казалось, они были полностью дезориентированы.

— Райан? — эхом откликнулся худой.

— Райан, кто же ещё, — нетерпеливо кивал Стивен. — Внизу, в лаборатории, бегите, что же вы! Он сказал, *немедленно!*

Юдифь глазам своим не верила, когда оба боевика действительно спрятали пистолеты в кобуру и бросились бежать.

Стивен остановился и смотрел им вслед, качая головой.

— Ну и придурки, — сказал он, когда Юдифь и Иешуа догнали его.

Когда они выбежали, на площади перед зданием музея уже стояли две пожарные машины, третья как раз подъезжала. Пожарные отстёгивали крепление пожарных лестниц, вытаскивали свёрнутые шланги, поднимали крышки люков с подземных гидрантов. На улице останавливались проезжающие машины, в окрестных домах зажигались окна.

Грузный, важного вида пожарный пошел им навстречу.

— Где горит? — спросил он на иврите.

— В подвале, — без промедления ответила Юдифь. — Очень быстро распространяется.

— Раненые есть?

Юдифь подумала о том боевике, которого она вырубилла. Вид у него был сильно повреждённый.

— Да. Один как минимум.

— Спасибо, — кивнул брандмейстер, повернулся к своим людям и начал отдавать команды.

Распахнули стеклянный портал главного входа. Одни пожарные раскатывали шланги вдоль коридора, другие подсоединяли их к распределителям. Двое бежали с носилками и кислородным аппаратом. Это был прекрасно организованный хаос, хорошо продуманная неразбериха, целенаправленная паника. И никто, а меньше всего зеваки, которые в небольшом количестве — для столь позднего ночного часа их было всё-таки на удивление много — собрались на обочине дороги, не обратил внимания на трёх молодых людей, которых толпа постепенно оттеснила в задние ряды, откуда они в конце концов незаметно исчезли.

26

На рис. XII-15 показан вид черепа сбоку. Отчётливо видны две амальгамные пломбы на задних коренных зубах. Принадлежащие этому черепу зубы, которые были найдены отдельно, расположены рядом. Отчётливо видны значительные карриозные повреждения клыка и среднего резца.

*Профессор Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Патер Лукас спал в эту ночь плохо. Накануне вечером ему позвонил епископ и поставил в известность, что из Рима приезжает один могущественный человек. Он выразился не буквально этими словами, но имел в виду именно это. Он назвал имя этого человека: Луиджи Баттисто Скарфаро.

— Примите его, как принимали бы кардинала, — несколько раз напомнил епископ. — Он не имеет церковного

сана, но он может говорить со Святым Отцом, когда хочет. И Святой Отец прислушивается к нему. Окажите ему всяческую поддержку, какая ему понадобится — всяческую, Лукас. Всяческую.

Лукас ясно представлял себе во время телефонного разговора круглое, добродушное лицо своего епископа, белые пряди, непослушно падающие на лоб, и чувствовал его страх. Каким-то образом страх епископа передался и ему и преследовал во сне.

Он проснулся от того, что кто-то в первых рассветных сумерках уже возился с воротами во двор, затем послышался шорох шин. Патер Лукас остался лежать в постели, не в силах шевельнуться, смотрел в потолок, на игру света и тени, которую производили фары въезжающей машины, и только и мог подумать: *Ну, вот и он.*

Потом фары погасли. Священник быстро откинул одеяло и набросил на себя рясу.

Даже в полутьме нетрудно было опознать главного в группе людей, идущих ему навстречу. Скарфаро был худой человек, лицо которого носило черты хищной птицы и такое ипохондрическое выражение, будто он страдал язвенной болезнью. Его сопровождали четверо молодых, сильных мужчин в сутанах священников, все они казались на одно лицо. Приглашая их войти, патер Лукас заглянул в четыре пары глаз, лишённых выражения, на четырёх гладких, бледных лицах. У него мороз прошёл по коже, и не утренняя прохлада была тому виной.

— Наша машина, — сказал Скарфаро вместо приветствия, — последние километры перед Иерусалимом издавала какие-то странные звуки. Наверняка вы знаете какую-нибудь мастерскую, куда её можно отогнать?

Священник услужливо кивнул:

— Да, конечно. Совсем недалеко. Махмед Абдулла. Он всегда чинит и наш сильно изношенный автофургон «фольксваген».

— Он католик?

— Что-что? — Патер Лукас растерянно посмотрел на человека из Рима.

— Махмед Абдулла звучит так, будто этот человек мусульманин.

— Да. Вернее, я не знаю. Он араб, да. Я допускаю, что он мусульманин. В этом квартале живут почти исключительно мусульмане.

— Отгоните машину в мастерскую, которая принадлежит католику.

Патер Лукас заморгал глазами. Может быть, он ещё спит?

— Да вы не беспокойтесь. Махмед Абдулла отличный автомеханик, он хорошо разбирается в любых марках машин...

Скарфaro, который было уже повернулся, чтобы продолжить путь, снова остановился, медленно обернулся к нему и просверлил его своим стальным взглядом.

— Разве я выразился недостаточно ясно и однозначно?

— Конечно, но я не понимаю, почему это так важно...

— Разве я выразился *недостаточно ясно и однозначно*, патер Лукас? — безжалостно повторил человек.

Лукас только сглотнул:

— Да.

Скарфaro мгновение рассматривал его лишённым выражения взглядом и потом наконец кивнул:

— Вот и хорошо.

В реставрационной лаборатории пахло сырой сажой и холодным дымом. Каун и Райан были здесь одни. Они снова просматривали на мониторе, принесённом Райаном, эпизоды, снятые видеокамерой в ночь разыгравшихся здесь событий.

Запись начиналась почти непосредственно за выкриком девушки. Они в замедленном темпе смотрели, как она схватила охранника и бросила его через плечо. Когда тот ударился об угол стола, от удара задрожали остальные столы, включая и тот, на котором лежал скелет.

— Невероятно, — сказал Каун.

— Он сам не понял, как это получилось, — сказал Райан. — Он сказал, что этого бы не произошло, если бы он держал мужчину, а не девушку.

— Он явно недооценивает израильских женщин. Хотя сам израильтянин, и это удивительно. Наверное, он должен иметь представление о том, чему их учат в армии.

— Теперь будет иметь, — сухо сказал Райан.

Потом на экране рухнул второй боец, неожиданно получивший удар в спину, а галогеновая лампа, высоко падая, оставила на экране светящуюся полосу, похожую на хвост кометы. С полок повалились флаконы и бутылки с химикалиями, разбились, вспыхнуло пламя. И потом снова в кадре возникла девушка, с автоматом на изготовку, в абсолютно профессиональной позе.

— Невероятно, — повторил Каун. — Вы заметили, что она совершила бросок в самый благоприятный для этого момент? Как будто хладнокровно дожидалась этой минуты Абсолютно хладнокровно.

Потом в кадре Юдифь и Райан обменялись несколькими словами. Пламя распространялось. Райан, пренебрегший утзой, схватился за огнетушитель. Бегство троих молодых людей. Каун прогнал кассету немного вперёд, на новых кадрах было видно, как Райан нацеленной струёй локализует пламя и полностью гасит его. На том месте, где в помещение вбегают двое постовых с главного входа, Каун остановил плёнку.

— Этих уволить, — сказал он. — Кто даёт себя так обвести вокруг пальца, слишком глуп для этой работы.

— Уже уволены, — кивнул Райан.

Каун перемотал плёнку на начало, снова запустил изображение и просматривал его.

— Вам не удалось услышать, о чём они говорили на тот момент, когда вы вошли?

— Нет. Я какое-то время прислушивался в коридоре, но ничего нельзя было разобрать.

Каун задумчиво смотрел на дрожащий остановленный кадр.

— А что им здесь было надо? Что заставило этих ребят ночью вломиться в Рокфеллеровский музей?

Райан ничего не ответил. Он хорошо знал эту манеру Кауна разговаривать с самим собой. Магнат не любил, чтобы его при этом перебивали, а ещё меньше, чтобы подсказывали.

Каун потыкал пальцем в экран, в то место, где стояли Фокс и музейный ассистент.

— Почему они стояли именно здесь? — Он повернулся и прошёл на то место в лаборатории между двумя рядами столов. — Здесь. Оба стояли здесь. Почему?

Он огляделся, осмотрел два обугленных остатка пластиковых ванночек на столе, усеянном осколками стекла и высохшей пеной огнетушителя.

— Что здесь было? На видео видны две ванночки, ультрафиолетовая лампа и лупа. Но это не наши ванночки, наши стоят на своих местах, и их никто не трогал. Кстати, Райан, великолепная работа, как вы потушили огонь! Мои поздравления.

— Спасибо, сэр.

— Они стояли не возле скелета, и они не интересовались инструкцией. Они стояли здесь, около двух ванночек, которые не имели к нашим никакого отношения. Что в них?

— Другая бумага.

— Правильно. Бумага, которая лежала вместе с инструкцией и которую Фокс от нас утаил. Они притащили её сюда и исследовали. — Каун сунулся в сажеобразную массу и растёр между пальцами несколько крошек. — И теперь это погибло. Вопрос в том, что они в ней обнаружили?

— Это мы узнаем, когда они будут у нас в руках.

— Вы думаете, мы их поймаем?

— Естественно, — сказал Райан с лёгким удивлением в голосе.

— Мы могли бы подключить полицию. — Обычно в таких случаях проводилось расследование причин пожара, и кто-то должен был оплатить вызов пожарной команды. Но израильские чиновники, которые сегодня утром побывали здесь и составили протокол, не проявили к делу никакого интереса. Ущерб, нанесённый огнём, был минимальным. Музей работал сегодня в обычном режиме, наверху даже не пахло горелым. — Хотя мне бы очень не хотелось этого делать. Но мы можем потребовать розыска Фокса как поджигателя.

— Я не думаю, что это понадобится.

— Надеюсь. — Взгляд Кауна блуждал вокруг. Теперь вопрос был в том, что делать дальше. Лабораторию, в дверь которой в ту же ночь вставили новый замок, следовало бы

как следует вычистить, прежде чем продолжить исследования. Но что им дадут эти исследования? Каун не мог отделаться от чувства, что та бумага, которую украл молодой американец, содержала решающую информацию.

Он бегло взвесил возможность того, что этот инцидент — всего лишь отвлекающий манёвр, чтобы заставить их поверить в то, что документ погиб. Но тут же отбросил это подозрение. Ведь осталась видеозапись — такую цепь событий инсценировать невозможно.

Взгляд Кауна остановился на пирамидальном штативе из алюминия, стоявшем на шкафу в торце лаборатории. На вершине пирамиды была закреплена фотокамера. Он подошёл поближе и внимательно изучил этикетку на задней стенке аппарата. Под надписью, сделанной на непонятном ему иврите, значилась дата. Двухдневной давности.

— Скажите, Райан, кто, кроме нас, работал в этой лаборатории в последние дни?

— Никто.

Каун взглянул на счётчик кадров. Было сделано почти двадцать снимков. Он открутил камеру от штатива и протянул её Райану.

— Я думаю, нам стоит проявить эту плёнку.

Завтрак был такой же жалкий, как и сам отель. Они сидели за столом почти молча и выглядели так, как и должны выглядеть люди, пытавшиеся выспаться на продавленных матрацах за очень короткий остаток ночи. Зато у этого отеля было два решающих преимущества: он был такой дешёвый, что Стивен смог заплатить за него наличными, не обнаруживая свою кредитную карточку. И портье не задавал вопросов, когда они объяснили ему, что их багаж вместе с документами похищен.

— Не знаю, так ли это было необходимо? — проворчал наконец Иешуа. — Мы могли бы просто пойти ко мне...

— ...и проснувшись, сразу заглянуть в дула автоматов райановских горилл, — рыкнул на него Стивен.

Юдифь с отвращением смотрела в свою чашку кофе.

— Неужто бывает что-нибудь ещё хуже? — пробормотала она, обращаясь сама к себе.

— Не слишком ли много ты им приписываешь? — с сомнением спросил Стивена её брат.

Стивен смерил его взглядом, в котором свирепость была смешана с издёвкой:

— Добро пожаловать в мир плохих мальчиков, Иешуа. Как ты думаешь, каким образом Райан нас обнаружил? Да потому что в моей машине где-то прикреплён жучок-датчик, хоть ты меня и высмеял в прошлый раз, когда я это заподозрил. Если бы я и вчера вечером проявил такую же осторожность, всё было бы по-другому.

Петер Эйзенхардт проснулся, и ему показалось, что из соседней комнаты доносятся звуки постороннего присутствия. Это вполне могло быть, потому что там были разложены личные вещи Стивена Фокса — для обыска.

Он открыл жалюзи и надел халат. Шлёпанцы куда-то исчезли, и он остался босиком. Некоторое время он размышлял, не сварить ли себе чашку кофе, но потом отказался от этой мысли и отодвинул дверь, ведущую в переговорную комнату.

Там был профессор Уилфорд-Смит, он сидел за столом один, включив ноутбук молодого американца. Когда появился Эйзенхардт, профессор вздрогнул от неожиданности, как будто писатель застал его за чем-то неприличным.

— Доброе утро, — сказал Эйзенхардт и с любопытством встал за спиной руководителя раскопок. Уилфорд-Смит изучал интернетные страницы, сохранённые в памяти компьютера. На этих страницах было описание камер MR-01 и MR-02.

— Доброе утро, мистер Эйзенхардт, — ответил британец с рассеянной улыбкой, сворачивая и засовывая в карман листок бумаги, на котором он, судя по всему, что-то записывал. — Как видите, меня всё ещё занимает это. Почему путешественник во времени взял с собой в прошлое не MR-02? Судя по тому, что здесь написано, эта камера много лучше.

— Интересный вопрос, — кивнул Эйзенхардт.

— У неё более стабильный корпус. Более сильный объектив. Большой оптический охват. И при этом она ненамного массивнее или объёмнее.

— Но она на тысячу долларов дороже.

Профессор взглянул на него растерянно.

— Ну, это вряд ли было решающим аргументом.

Эйзенхардт рассматривал картинки на экране маленького компьютера. Да, можно было сказать, что цена не могла служить решающим аргументом. Но с тех пор как он увидел камеру, которую они искали, в нём крепло чувство, что эта деталь указывает на то, что все их предыдущие рассуждения полностью ошибочны.

У женщины за окошечком проката автомобилей были пышные рыжие волосы и такие же пышные формы, она хорошо говорила по-английски и старалась казаться предупредительной, если это не причиняло убытков её работодателю. Она смотрела на копию договора, которую Стивен положил перед ней, и старалась вникнуть в его положение, о котором он рассказывал.

— Вообще-то вы обязаны вернуть машину туда же, где брали, в Тель-Авив, — сказала она.

— Но как я могу это сделать, если она не заводится, — ответил Стивен.

— Мы могли бы переправить её в мастерскую, починить и потом дать вам знать, когда она будет готова, — предложила она. — Разумеется, за эти дни вам не придётся платить за прокат.

В этот момент Стивен обнаружил среди плакатов, аккуратно прикреплённых к стеклу, рекламную картинку Бет-Шеарима. Он снова вспомнил историю странника во времени и что они собирались поехать туда и осмотреть некрополь. Но теперь это было ни к чему — они уже знали, где находится камера.

Какое всё-таки безумное приключение!

— Послушайте, — Стивен попытался снова вернуть своё внимание к предмету. — То, что машина не заводится, это лишь дополнительное осложнение. Собственно говоря, я и без того хотел заменить её на другую машину. И уж её я верну в Тель-Авив, если вы так настаиваете на этом.

— А на каком основании вы хотите другую машину?

Потому что к этой где-то прицеплен жучок, — подумал Стивен и сказал:

— Что-то я с ней не так хорошо управляюсь, как надеялся. Я хотел бы попробовать другую модель.

Она вздохнула, помедлила немного и потом призналась:

— Боюсь, что единственная машина, которую мы можем вам сейчас предложить, это вон та, — она указала шариковой ручкой за окно на мощный джип «чероки» с тонированными стёклами. — Но её прокатная цена дороже.

Стивен полюбовался импозантным видом машины. Это был, конечно, монстр. Но «феррари» обошёлся бы ему ещё дороже. С другой стороны, это, может, было бы не так уж неразумно. Преследователи и не подумают искать их в такой машине.

— А сколько это будет в цифрах? — спросил он. Она назвала ему цену в шекелях, и он перевёл это в привычные доллары. Постепенно всё это дело начинало влетать ему в копеечку. Если в итоге он его не выиграет, то ему придётся обеими руками держаться за договор с Video World. А это самая плохая позиция при ведении переговоров.

— Хорошо, — кивнул он и выложил на стойку свою кредитную карту.

Она повернулась к своему компьютеру, нажала несколько кнопок и потом спросила:

— Где, вы говорите, вы оставили прежнюю машину? У Рокфеллеровского музея?

— Да. На парковке перед главным входом.

Механик, который будет забирать машину, сильно удивится, что она безупречно заводится. Но это бывает у новомодных машин с электронным инжектором.

Прокатчица с пышными формами заглянула в предыдущий договор Стивена и начала заполнять новый.

Стивен ещё ни разу не был у Стены плача. По дороге они купили в магазине электроники новое зарядное устройство для мобильного телефона Стивена, которое можно было подключать в гнездо прикуривателя автомобиля. Объехали Старый город, поставили машину на платной парковке для туристов и остаток пути к Стене плача проделали пешком. Когда они прошли через ворота в стене Старого города, перед ними возник юго-западный угол горы, высившейся каменной громадой. Довольно протяжённый участок у южного конца Храмовой горы был закрыт на постоянные археологические работы, отсюда от-

ветвялась узкая дорога, по дуге поднимаясь вверх — для посетителей мечети Омара, — тогда как более широкая дорога слегка покато вела вниз, к площади перед западной стеной, официально именуемой Стеной плача.

С первого взгляда Стивену было трудно уразуметь, что это святыня: Стена плача была просто высокая стена, сложенная из монументальных, постаревших от времени блоков песчаника. На площади-террасе перед Стеной был отгорожен поперечно пролегающий участок для неевреев, далее отгорожены небольшой продольный участок для женщин и большой для мужчин. Без публики это место больше походило бы на строительный котлован, вырытый и забетонированный для того, чтобы впоследствии соорудить здесь подземный гараж.

Они остановились на некотором отдалении, и Стивен заметил, как напряглись при виде Стены Иешуа и Юдифь. Ему показалось удивительным, какое оживление царило здесь в обыкновенное утро понедельника. У Стены стояли солдаты, погружённые в молитву, одной рукой придерживая оружие. Ортодоксальные иудеи, одетые во всё чёрное, в широкополых шляпах и с пейсами, прижимались лбами к камням, поглаживали и целовали их. Рядом был выставлен ряд стульев, на которых дрыгали ногами дети не старше двенадцати, в серых клетчатых рубашках, коротких штанишках, крохотных шапочках и со странно длинными волосами. Только один ребёнок читал книгу, повернувшись лицом к Стене, остальные поглядывали во все стороны, лазили туда и сюда в унылом ожидании или взбирались на стулья с ногами. Никто не обращал на них внимания.

Чем дальше Стивен наблюдал все эти сцены, тем менее странными они ему казались. Описания, которые ему приходилось слышать или читать, были и справедливы, и в то же время ошибочны. Да, он видел людей, которые подходили к Стене и засовывали в её щели маленькие сложенные записочки с просьбами или молитвами. Когда он впервые узнал об этом обычае, то счёл его абсурдным. Но когда теперь он стоял здесь и видел всё своими глазами, это уже не казалось ему абсурдным. Он был почти растроган. Да, правильно, во время еврейских молитв все громко и наперебой говорили — это звучало полной какофонией

для того, кто не знал иврита, но сейчас он понял, что иронизировать над этим могли только люди, не понимающие, а лишь презирающие других. Здесь и сейчас он наконец понял, что какофония — это страсть моления, а то, что казалось хаосом, означало лишь, что каждый самостоятельно говорил со своим Богом.

Каково это было — чувствовать себя частью традиции, которой уже не меньше пяти тысяч лет, а то и больше? Давало ли это человеку покой и уверенность? Если чувствуешь себя частью великого, вечного потока жизни, то, наверно, одни переставали ощущать необходимость делать что-то значительное и великое из своей отдельной жизни, а других такая причастность лишь вдохновляла...

Неужто мне завидно? — спросил себя Стивен.

Его отвлёк весёлый смех. Он обернулся и увидел большую семью, которая составляла почётный эскорт мальчику лет тринадцати, улыбающемуся во всё лицо; женщины были разнаряженные и взволнованные, мужчины подчёркнуто невозмутимые, но явно исполненные гордости.

— Это праздник бар-мицва, — объяснил Иешуа, не дожидаясь вопроса. — Это значит, сегодня мальчик впервые получает право читать Тору в синагоге вслух.

Стивен посмотрел вслед этой семье и наконец снова вспомнил, ради чего они пришли сюда. И Юдифь, словно прочитав его мысли, в ту же минуту сказала:

— Я не вижу ничего даже близко похожего на красный камень.

И верно. Все каменные блоки, из которых была сложена западная стена храма, были светло-серые, издали кажущиеся жёлтыми, куски песчаника, из которого построен весь Иерусалим. Отдельные камни выделялись очень чётко, между некоторыми проросла трава, а многие, главным образом в верхнем ряду, отсвечивали зеленоватым или тёмно-серым оттенком.

Но ни один камень не отдавал красным. Ни розоватым, ни оранжевым, как ни напрягай фантазию.

— Неужто он нас обманул? — спросил вполголоса Стивен. — Или мы что-то неправильно прочитали?

Иешуа отрицательно покачал головой:

— Нет. Я не думаю. Я примерно этого и ожидал.

— Чего ты ожидал?

— Что камня не будет видно.

— То есть? — Стивен прикинул на глаз расстояние от юго-западного угла Храмовой горы. Тайник с камерой должен был находиться где-то по центру Стены плача.

— Он написал, что камера спрятана в камне второго ряда, — сказал Иешуа. — Ведь именно так было написано?

— Да, — Стивен указал на людей, стоящих перед стеной. Первый ряд доходил большинству из них до груди. — Кто-то из них его как раз целует.

— Нет. Это не второй ряд, — тон, которым Иешуа произнёс это, не сулил ничего хорошего. — Первоначальная стена храма была гораздо выше. То, что мы видим здесь сейчас, — это её верхняя часть. Одиннадцать рядов кладки видны, а остальные девятнадцать рядов находятся под землёй.

Даниэль Перльман смотрел то на человека, сидящего в кожаном кресле для посетителей, то за большое окно кабинета — на чёрный лимузин, в котором этот человек приехал и около которого теперь стоял не менее внушительного вида телохранитель, ожидающий возвращения хозяина, то снова переводил взгляд на своего посетителя, одетого тоже весьма впечатляюще.

— Вам наверняка известно, что я не имею права предоставлять вам такого рода информацию, — сказал Даниэль твёрдо, насколько это было возможно. — Мне очень жаль.

Мужчина невозмутимо улыбнулся:

— Это синий «фиат».

— Весьма сожалею.

— Мистер Перльман, — сказал посетитель с неизменно любезной улыбкой, — я мог бы сейчас без проблем выйти за дверь и через полчаса вернуться с полицейским, который захочет узнать у вас то же самое, что и я. Но тогда мы с вами направим жизнь молодого человека, о котором я вам только что рассказал, в такое русло, какого никто из нас не пожелал бы для себя. Арест, тюрьма, полицейское расследование, и всё это только из-за какого-то недоразумения?

— Всё может быть, — стоял на своём Даниэль Перльман. — Но это идёт вразрез с правилами нашего предприятия. И кроме того, это было бы противозаконно.

Возникла пауза. Воздух в кабинете Даниэля Перльмана, казалось, остыл до состояния льда, и он сам не смог бы сказать, отчего это.

— Мистер Перльман, — снова заговорил посетитель, и на сей раз невозмутимость покинула его жесты, улыбка стёрлась с лица, а из голоса ушла приветливость, — я самый крупный корпоративный клиент вашей автопрокатной фирмы — как во всём мире, так и здесь, в Израиле. Я каждый день плачу за аренду автомобилей, грузовиков и прочих транспортных средств, которые берут мои сотрудники у вашей фирмы по всему миру, больше, чем вы зарабатываете за месяц. Всё, о чём я вас прошу, всего лишь маленькая любезность. Я прошу вас просто побереечь моё время, чтобы мне не пришлось растрачивать его на глупые условности. Может быть, мне стоит позвонить вашему председателю правления? Я хорошо с ним знаком. Я живу недалеко от Риджт-парка, где, если вы помните, находится центральный офис вашего предприятия, и раз в две недели мы вместе играем в гольф. Может быть, вам будет легче, если мистер Олсон сам позвонит вам?

Даниэль Перльман заметил, как его собственные пальцы, покрывшиеся лёгкой испариной, судорожно сжимают край стола. Он смотрел то на человека, то на лимузин, то на телохранителя рядом с лимузином, то снова на человека. Потом он наконец выдохнул.

— Ну, хорошо, — произнёс он. — Может быть, обойдётся без этого. — Он отпустил край стола, попытался улыбнуться, но из этой попытки ничего не вышло. Человек, представившийся Джоном Кауном, всё ещё не сводил с него выжидательного взгляда остекленевших тигриных глаз. — Зачем же ввергать молодого человека в большие неприятности?..

Но думал он при этом скорее о себе самом. Он повернулся к компьютеру, который стоял на боковом столе, и после нескольких ударов по клавишам на экране возникло то, что он хотел узнать.

— Мистер Фокс теперь ездит на джипе «чероки» цвета чёрный металлик, — сказал он и взял листок бумаги: — Я запишу вам его номер.

На рис. XII-16 изображены берцовые кости левой ноги. Отчётливо виден чисто сращённый перелом в нижней трети большой берцовой кости. Такие переломы в этой области не лечатся без медицинских вспомогательных мер (шина, штифт, другая имплантация).

Профессор Уилфорд-Смит.

«Сообщение о раскопках в Бет-Хамеше».

В какой-то момент у него было такое чувство, что в его слуховых ходах появился особый клапан, еще не известный медицинской науке. И этот клапан, казалось, стремился немедленно закрыться, чтобы ничего больше не слышать.

Но потом это чувство прошло, и он снова осознал себя стоящим неподалёку от Стены плача. Мысли его торопливо неслись вскачь.

— Ты думаешь, странник во времени спрятал камеру в камень, который сейчас находится глубоко в земле?

— Да.

— Но какой в этом смысл?

— Понятия не имею.

Стивен снова усталился на Стену плача, как будто хотел концентрацией мысли поджечь её, он изучал кладку из малоформатных кирпичей, сооружённую выше каменных блоков, разглядывал полузасохшие кустики травы наверху.

— И всё-таки, — сказал он, — это имеет свой смысл.

Юдифь смотрела на него, вопросительно подняв брови.

— Путешественник во времени американец, — объяснил Стивен ход своих мыслей. — У американцев нет опыта с античными строениями и руинами, поскольку они в Америке практически отсутствуют. Возможно, он во время своей познавательной поездки по Израилю видел Стену плача, но думал, что это остатки стены храма. Понимаете? Он принял их за руины. Он думал: то, что мы видим — это нижние части стены. Очутившись в прошлом, он уже знал, что Храм будет разрушен римлянами — но не удосу-

живался в деталях узнать, что именно будет разрушено. Скорее всего, он даже не дошёл до мысли, что нижняя часть стены окажется погребённой в земле. Даже мне, например, сейчас трудно это себе представить.

— Он думал, второй ряд стены Храма — это и есть второй ряд Стены плача, — кивнул Иешуа

— Правильно. Поскольку то, как он выбрал удаление от юго-западного угла Храма, однозначно было нацелено на Стену плача. Он *хотел* спрятать камеру именно в Стене плача.

Юдифь потрясла головой:

— Это безумие. Но наверное ты прав. Он просто промахнулся.

— На двадцать метров в глубину, — довершил её фразу Иешуа.

— Вопрос только, — задумчиво продолжал Стивен, — что нам теперь делать.

— А что ты тут ещё сделаешь?

— Двадцать метров грунта в наши дни не проблема. Один, ну два дня работы экскаватора — и эта штука вырыта.

Иешуа с шумом набрал воздуха.

— О-ого, — с отчаянием вырвалось у него. — Ну у тебя и фантазия! Как ты себе это представляешь?

— А что? Сперва снять плиты, которыми вымощена площадь, прорыть верикально вглубь яму, обследовать подозрительные камни хорошим металлоискателем...

— Во-первых, под площадью не просто обыкновенная земля, а двухтысячелетняя история города, — поправил его Иешуа. — А во-вторых, здесь всё свято, священно, освящено. Забудь об этом. Забудь саму мысль, что здесь когда-нибудь появится экскаватор.

Ну да. Легко сказать «забудь». Стивен утрюмо огляделся по сторонам. Он не мог согласиться на капитуляцию. Если бы у них в руках было хотя бы письмо в качестве доказательства.

Он упрямо помотал головой.

— Я вырою эту камеру, — заявил он, почувствовав себя при этом слегка безумным. — Я знаю это. Только пока не знаю, как.

Юдифь, не говоря ни слова, обняла его за плечи. Так они постояли немного, и безумная иступленность в его мыслях улеглась.

Но уверенность так и не исчезла. Он отроет эту камеру. Когда он говорил это, он не просто хорохорился. С тех пор как он увидел на картинке, как она выглядит, у него в пальцах всё чаще возникало странное чувство, будто он уже держит её в руках. Как будто время постепенно становится прозрачным, давая ему возможность иногда заглянуть в будущее — в события, которые неотвратимо совершатся. Время...

Его внимание привлёк странный шум, напоминающий громкое жужжание. Он повернул голову. Жужжание исходило из окон соседнего здания и оказалось, если прислушаться, многоголосым, громким речитативом.

— Талмудическая школа, — объяснила Юдифь.

Его взгляд бесцельно блуждал — через головы людей, которые приходили и уходили, через зону археологических работ, где тоже виднелись посетители. Эту зону и им не мешало бы осмотреть. Вплотную к колоссальной стене была разбита маленькая серая палатка, похожая на те, что у него дома использовали сантехники при работах с канализацией. Из палатки вышел человек, волоча за собой кабель.

— Надо же, — удивился Стивен. — Да ведь мы его знаем.

— Что? — спросила Юдифь. — Кого?

— Ну, вон того, — он указал на человека с кабелем. Худую, сутулую, изогнутую вопросительным знаком фигуру ни с кем нельзя было спутать.

Это был Джордж Мартинес.

— Всё прошло благополучно? — спросил Скарфаро, когда патер Лукас вернулся.

Лукас лишь кивнул, силясь ничем не выдать растущее сопротивление властной манере человека из Рима. Это была работа — отыскать во всём Иерусалиме, наверное, единственного автомеханика католической веры. Когда он сдавал этому механику машину, в нём ещё больше окрепло убеждение, что религиозная принадлежность не является

разумным критерием для выбора мастерской: сам бы он в такой грязный притон, который ему еле удалось разыскать, не отдал свою машину даже для исправления вмятины.

— Пока что мы будем пользоваться вашим «фольксвагеном», — продолжал Скарфaro.

— Боюсь, что не получится, — запротестовал Лукас.

Тот оглядел его неподвижными, холодными глазами.

— Да? Почему же нет?

— Мы, эм-м, возим на этом автофургоне продукты.

Почему он так нервничал? Его слова прозвучали так, будто он говорил неправду.

— Какие продукты?

— Для бесплатного питания бедных.

— Бесплатного питания бедных?

— Да. Каждый вечер у нас накрывается стол для бедных и нуждающихся. Продукты для этого мы получаем в разных супермаркетах и отелях в порядке пожертвования. Но нам приходится забирать эти продукты на своей машине.

Скарфaro оглядел его так, будто видел перед собой омерзительное насекомое.

— А вот весь этот цирк откладывается до лучших времён, — сказал он. — Ваша энергия потребуется мне для других задач.

— Как это? Мы же не можем...

— Патер Лукас! — прошипел худой римлянин. — Ваш епископ гарантировал мне вашу полную поддержку, а вы уже во второй раз возражаете мне.

— Но бедные на нас надею...

— На ваших бедных мне плевать, патер. Настало время и вам поднять взгляд повыше тарелочного горизонта. На карту поставлены интересы Рима. Интересы Святой Христианской церкви. А это больше, чем пара набитых утроб. Несоизмеримо больше.

Лукас с трудом выдержал взгляд ватиканца.

— Иисус говорил: *Жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть, отпустить же их не евшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге*, — процитировал он первые пришедшие ему в голову строки на эту тему.

Тонкая, пренебрежительная улыбка скользнула по губам Скарфaro:

— *Что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли. Ещё ли не понимаете и не помните о пяти хлебах?* — последовал без промедления ответ. — Видите? Даже Иисус имел приоритеты.

Идиот, — подумал патер Лукас. — Что бы ему стоило взять машину напрокат? Для таких, как он, деньги наверняка не составляют проблемы.

Ему необходимо было переговорить с братом Джеффри. Они должны что-то организовать. Накрыть стол где-нибудь в другом месте, чтобы Скарфаро ничего не заметил. Найти другую машину, позвать на помощь нескольких соседей...

Скарфаро не желал тратить время на дискуссии.

— Как хотите, но мы забираем ваш автобус. Когда наша миссия закончится, можете снова ввести свое... бесплатное питание.

Патер Лукас смотрел ему вслед с бессильной яростью, поднимающейся где-то в животе. Дверь в кабинет стояла полураскрытой, кабинет они тоже заняли.

Ему ничего не удалось осуществить в своей жизни, кроме того, что он организовал ежевечернее горячее питание для бедных людей. Теперь он сполна за это получил. Он считал самым ярким событием своей жизни ту минуту, когда позвонил в Рим с донесением. При этом он возгордился, и вот теперь понял своё падение.

Подделом мне, — подумал он и отправился на поиски брата Джеффри.

Начальник полиции и его посетитель медленно прогуливались по лужайке. Они беседовали. Поблизости не было никого, кто бы мог их услышать, но в разговоре то и дело возникали длительные паузы.

Чаще всего молчание прерывал посетитель, дорого одетый мужчина лет сорока пяти.

— *Скандал с убийством барменши в прошлом году...* Мы вас вытащили. У моих людей были действительно отличные снимки, но я сказал себе: кому мы сослужим службу, если опубликуем их? Вы хороший человек, в этом нет сомнений. Но, к сожалению, общественное мнение склонно оценивать человека по его слабым сторонам, а не по

сильным, — он с печалью покачал головой. — Как будто мы можем на все руководящие посты поставить святых!

Начальник полиции мрачно глянул на него из-под густых кустистых бровей:

— Уж не пытаетесь ли вы меня, случайно, шантажировать?

Его собеседник изобразил обиженно-невинную гримасу:

— Шантажировать вас? Боже упаси! Нет, единственное, что я пытаюсь, это спасти будущее этого молодого человека. Я знаю, что он оступился всего один раз. Всё, чего я хочу, — это поговорить с ним. Если он вернёт мне то, что украл, дело будет забыто. Зачем ломать молодую жизнь? И в принципе я ставлю перед собой те же самые вопросы: кому я сослужу тем самым службу, если подам официальное заявление? Скажите мне.

Начальник полиции вздохнул:

— Ну хорошо. Я посмотрю, что мы сможем сделать.

Он протянул руку, и бумажка с номером машины и именем её водителя перекочевала в его ладонь.

Джордж явно обрадовался, увидев их. Особенно Юдифь, как показалось Стивену.

— Ах, как хорошо, — сказал он, счастливо улыбаясь, — а то я тут было заскучал. Мой коллега уехал с докладом, а я только сижу и жду, что будет дальше.

— И что же вы здесь *делаете*? — удивлённо спросила Юдифь.

— А, так... — мексиканец повесил голову, так что стало боязно, как бы его худая шея не переломилась. — Вообще-то, я не имею права говорить, *почему* мы это делаем. Но *что* мы делаем, я могу вам сказать, если вы пообещаете, что это останется между нами.

— Обещаем.

— Мы пытаемся сделать томограмму Храмовой горы.

— Просветить её звуковыми волнами? Так же, как вы это делали у нас на раскопках?

— Правильно. Но там нам можно было это делать, а здесь нельзя. По правде говоря, мы даже не спрашивали. Мы делаем это тайком.

Стивен медленно покачал головой:

— Это Каун вам поручил?

— Да.

— А вообще это получается? — спросила Юдифь. — Вы же не можете эту вашу колотушку...

— Ударник, — поправил её Джордж.

— ...выставить на гору, ведь нет?

— Нет. Он стоит здесь, в палатке. Вместе с компьютером, что тому, конечно, очень вредно. Ток мы тайком уворовываем, подключившись к освещению здешних археологических работ, а сенсоры... С ними самые большие проблемы. Не можем же мы их просто понатыкать вокруг стены.

— И как же вы выходите из положения?

— О, это сложно. Правда. Снимки у нас получаются очень плохие, с плохим разрешением и ещё худшим глубинным действием. Хотя кое-что очень интересно. Вы хоть знали, например, что Храмовая гора вся изрыта шахтами и ходами?

— Да, — кивнул Иешуа. — Конечно.

— Удивительно. Я этого не знал.

— Я тоже не знал, — сознался Стивен. — А можно взглянуть на снимки?

Джордж, казалось, какое-то время колебался, но потом сказал, взглянув на Иешуа:

— Ну, он, наверное, и так всё знает.

Они нырнули в палатку, в которой было очень тесно. Ударник мощно возвышался посередине, на гладкой, тщательно выметенной площадке голой земли, перед ним стоял компьютер, к которому тянулись пучки разнообразных проводов, и ещё был стол и два складных стульчика, а в углу лежали два надувных матраца с брошенными поверх них спальными мешками. Всё выглядело предельно некомфортабельно.

Отпечатанные снимки имели вид телевизионного изображения снежной пурги на Аляске, но этот гениальный человек сумел и из такой пурги вычертить карту. Они с любопытством склонились над ней.

— Вот это называется «Соломоновы конюшни», — сказал Иешуа, указывая на обширный неправильной формы многоугольник, занимающий юго-восточный угол Хра-

мовой горы. — Это некое подобие большого зала, потолок которого подпирают двенадцать рядов колонн разной высоты. Очень впечатляет, туда водят экскурсии.

Его палец переместился к нескольким неравномерным образованиям, больше похожим на очертания чернильных клякс:

— А это, видимо, резервуары. Вот этот, самый большой, называется *Bahr*, что означает «озеро». Эти тонкие линии между ними — либо водопроводы, либо другие ходы. Почти все доступны для входа или, по крайней мере, были доступны.

Стивен заворожённо смотрел на карту. То, что Храмовая гора, издали кажущаяся монолитной, как пирамида, вся пронизана каналами и ходами, даже залами и резервуарами, ошеломило его.

Палец Иешуа скользил дальше, а сам он всё больше впадал в бормотание, произнося себе под нос какие-то знаковые слова: «Резервуар», «Ворота Кроличьей норы», «Портал Кифонос» или «Тройные ворота». Потом он добрался до линии, на которой его палец замер.

Стивен проследил эту линию, и у него чуть не остановилось сердце. Ход — или что это было — брал своё начало гораздо южнее стены Храма, делал два крюка и затем целеустремлённо тянулся на север, прямо за западную стену. Примерно там, где должен был располагаться контур Стены плача, кто-то нацарапал: «Глубина — 20 метров».

— А вот это, — задумчиво произнёс Иешуа, — мне неизвестно.

Поводом для собрания первоначально послужило сообщение Боба Робертса о первых результатах сонартомографического обследования Храмовой горы. Но тут Каун, который приехал из Иерусалима в последнюю минуту, всем своим видом дал понять, что потерял к этому проекту всякий интерес. Он даже не скрывал, что старается как можно скорее оставить этот пункт повестки дня позади.

— Ну хорошо, — перебил он Робертса, когда тот для начала пустился в подробное описание проблем, с которыми им пришлось столкнуться, и решений, которые они нашли. — Какие результаты вы получили?

Светловолосый учёный, очевидно, выбитый из колеи, кивнул, отодвинул в сторону подготовленные бумаги и положил в проектор кальку, копию начерченной вручную карты.

— Исследования показали наличие различных полостей внутри Храмовой горы, которые я из отдельных снимков свёл на одну карту. Если я возьму для сравнения один из снимков...

Каун снова прервал его:

— Есть ли на этой карте что-то новое для учёных-историков? — спросил он, обращаясь к профессору Уилфорду-Смиту и профессору Гутьеру.

— Нет, — мрачно ответил за всех Шимон Бар-Лев. — Все эти ходы, каналы и каверны нам давно известны.

— Спасибо. — Каун повернулся к томографу и постарался нанести ему по возможности быстрый, шадящий добивающий удар, чтоб тот долго не мучился: — Доктор Робертс, я хотел бы поблагодарить вас за усилия и вашу изобретательность. К сожалению, сегодняшние обстоятельства таковы, что требуют немедленного прекращения ваших работ. Израильские органы уже наседают на нас. Поскольку вы, как только что было сказано, так и не обнаружили ничего нового, мы ограничимся тем, что есть на сегодняшний день.

Эйзенхардт, который держался на заднем плане с блокнотом для заметок в руке, неприятно поморщился. Каун демонстрировал бóльшую нервозность, чем позволял имидж правителя империи. Сегодня никто бы не признал в нём благосклонного, мотивированного и рассудительного начальника.

И Эйзенхардт готов был держать пари, что насчёт израильских органов власти Каун солгал.

Робертс смотрел на медиамагната так, словно тот при всех отхлестал его по щекам. Но он ничего не сказал — наверное, не нашёл слов, только кивнул, взял с проектора свою кальку, положил её на штабель снимков и отступил на шаг, будто подкинул своё дитя к чужому порогу.

— Я, эм-м, верно ли вас понял, что больше у вас нет работы для нас? — осторожно переспросил он.

— Да, верно. Вы со всем управились.

— Значит ли это, что, э-м-м, сегодняшний день правильно будет рассматривать как последний день нашей работы? Тогда я мог бы заняться организацией нашего вылета в Штаты...

Каун нетерпеливо кивнул и сделал нетерпеливое движение рукой:

— Конечно. Если вам потребуется помощь, обратитесь в бюро в первом мобильном домике. Скажите им, что это я вас послал. Они помогут вам во всём, что понадобится. Окей? До свидания.

Робертс ещё раз обвёл взглядом всех присутствующих, что-то пробормотал, что могло быть как словами прощания, так и проклятия, и вышел.

Каун, казалось, забыл про него в то же мгновение, как за ним закрылась дверь. Он извлёк из своего пухлого, переплетённого в кожу органайзера большой конверт, а из конверта — увеличенные фотоснимки.

Прежде чем раздать их присутствующим, он выудил из конверта крошечный кусочек картона и продемонстрировал его всем. Это был яркий язычок коробочки от фотоплёнки, который кто-то оторвал и подписал на иврите.

— Этот хвостик торчал из задней стенки фотокамеры, которой были сделаны вот эти снимки, — сказал он. — Надпись гласит: «Фрагмент Фокса, лист 1». Дата позавчерашняя. А теперь скажите, какие выводы вы из этого можете сделать.

Все напряжённо следили за Иешуа, который пристально разглядывал нарисованную карту. Казалось, от интенсивности его мысли в палатке стало ещё жарче. Рот его был полуоткрыт, и виден был кончик языка, ритмично дотрагивающийся до верхней губы.

— Это уму непостижимо, — пробормотал он наконец, поднял голову и нашёл взгляд Юдифи: — Ты знаешь, что это такое?

Она молча помотала головой.

— Отцовский ход.

Стивен увидел, как Юдифь прямо-таки побледнела. Джордж Мартинес тоже с тревогой поглядывал на неё сбоку.

— Да брось ты, — слабым голосом произнесла она. — Ты ошибаешься.

— Нет. Я уверен. Это именно он. И это значит, что отец был прав.

Стивен воздел руки:

— Что это за...

— Иешуа, это наверняка что-то другое. Тебе померещилось.

— Могу я наконец узнать...

— Мне померещилось? Я вижу подземный ход. Ход, который начинается южнее стены Храма и ведёт под неё. И делает два крюка. Это точно то описание, которое давал отец.

— Могу я...

— Ах, вздор. Ты просто хочешь снова сыграть в папенькиного сына.

— Я? Да это смешно. Ты настолько заиклена на легенде о его сумасшествии, что даже очевидные доказательства...

— Какая-то загогулина с двумя закорючками! И это доказательство?

— Мы могли бы взглянуть на исходные снимки. Ведь эта линия здесь не какая-нибудь случайность.

— Снимки. Ну конечно. Как будто ты на них что-нибудь разглядишь.

— Ты уводишь в сторону. Ты же точно знаешь, что это совершенно несущественно...

Стивен схватил обоих за руки:

— Эй, эй, эй, — попытался он разнять их. — Спокойно, друзья. Лучше объясните, о чём, собственно речь. Нет, Юдифь, не ты. Иешуа.

Иешуа поворошил свою курчавую шевелюру очень профессорским жестом.

— Я думаю, это подземный ход, который наш отец часто упоминал...

— «Часто» — мягко сказано, — накинулась на него Юдифь. — Он был им просто одержим.

— Лет двадцать назад, изучая древние тексты, он обнаружил сведения о том, что в средние века члены одной секты в процессе многолетней работы пробили штольню из Давидова города под Храмовую гору. Судя по описа-

нию, это и могла быть та самая штольня. Могла — потому что предположения нашего отца так и не были проверены.

— Серьёзно? — удивился Стивен. — Почему же?

— Если бы ты знал нашего отца, — сказала Юдифь, — ты бы не спрашивал.

— Он действительно, ну, временами тяжеловат в общении, — признал и Иешуа. — Но с другой стороны, в Иерусалиме таких находок пруд пруди. Можно рыть в каждом подвале — и обязательно найдёшь что-то ценное. Если пойти на поводу у археологов, так весь город пришлось бы закрыть, людей переселить в другое место на ближайшие пятьсот лет и всё тут перерыть камень за камнем. Существует очерёдность археологических проектов в черте города. Отцовский проект просто оказался не таким важным.

Стивен глянул на карту, разложенную на маленьком столике. И снова у него возникло ощущение прозрачности времени, как будто его руки уже коснулись чего-то, что находилось в будущем. Камера. Существовал ход, который вёл за Стену плача. Это было единственно важное. Если им вообще суждено добраться до камеры, то лишь через этот ход.

Он посмотрел на Джорджа Мартинеса, который непонимающе следил за их перепалкой, потом на Иешуа — в надежде, что тот подыграет.

— Джордж, — начал он, — как вы думаете, не могли бы мы взять у вас копию этой карты? У меня такое чувство, что она могла бы существенно помочь в водворении мира и спокойствия в этой семье.

Юдифь было запротестовала, но в следующее мгновение сообразила, к чему он клонит, и прикусила язык.

— О, нет проблем, — заверил мексиканец из Бозмана, штат Монтана. — Это была только подложка для плёнки, которую мой партнёр изготовил для презентации у мистера Кауна. Если хотите, можете взять её себе. В компьютере она у нас так и так есть.

— Спасибо, — сказал Стивен, взял карту и протянул её Иешуа: — Вот. Для твоего отца.

Иешуа тоже всё понял. Он взял бумагу с удивительной невозмутимостью, сложил её и сказал:

— Это его порадует.

— А я уж было подумал, — засмеялся Джордж Мартинес, — что мы открыли что-то сенсационное.

— Только не думай, что всё так просто, — предостережёт Иешуа, когда они медленно пробирались назад к отелю сквозь городское уличное движение, где все гудели и вылезали из ряда, кто во что горазд. — Вход в штольню и, наверное, не меньше трети её длины затоплены водой.

— Но ведь известно, где находится этот вход?

— Да.

— Ну? И где же?

— В Давидовом городе. Это район к югу от Храмовой горы, на другой стороне долины Кидрона. Район, который строился под иорданским владычеством.

— И где там?

— В одном резервуаре, который ныне оказался в подвале одного жилого дома.

Стивен удивлённо поднял брови:

— В подвале? Как это?

Иешуа вздохнул.

— Ну, так уж у нас в Иерусалиме. Захочет кто-нибудь построить дом, а когда начинают рыть котлован под фундамент и подвал, непременно наткнутся на какие-нибудь исторические остатки. Если не повезёт, то строительство приходится откладывать до тех пор, пока археологи не разберутся с находкой. А если повезёт, то дело ограничивается парой обязательств, и строительство продолжается. Владельцу этого дома повезло.

— Это как? Там что, можно войти в подвал, открыть дверь — и окажешься в средневековье, с резервуаром посередине?

— Именно так.

— Чудно, — Стивен смотрел на покрытое пылью лобовое стекло, на сухие деревца на обочинах, на голые скалистые холмы, окружающие Иерусалим. — А откуда в штольне вода? Куда ни глянешь, всюду сушь, неужто где-то здесь осталась неиспользованная вода?

Иешуа извлёк из бардачка карту города.

— Официальная трактовка, которую наш отец, как я уже говорил, неистово оспаривал ещё двадцать лет назад,

состоит в том, что туннель, который начинается на дне этого резервуара, является частью античной системы водоснабжения Иерусалима. Вот, взгляни сюда. Здесь...

— Извини. У меня такая привычка — во время вождения смотреть на дорогу.

— Ах да, конечно.

На ближайшем красном светофоре Иешуа всё-таки сунул ему под нос развёрнутую карту и ткнул пальцем в путаницу улиц:

— Это источник Гихон. Отсюда изначально отходил водопроводный канал вдоль долины Кидрона — здесь — до старого пруда Силоах. Поскольку это сооружение всё-таки находилось за пределами городской стены и поэтому в случае осады водоснабжение городских жителей было под угрозой, царь Хиския велел проложить другой, подземный туннель сквозь скалы, а верхний исток Гихона засыпать землёй. Это было лет за семьсот до начала нового летоисчисления. Длина туннеля метров пятьсот, и он впадает в новый пруд Силоах, который находится вот здесь.

Стивен пялился на карту города, ничего не понимая, но мысль о том, что люди почти три тысячи лет тому назад прорубили сквозь скалы подземный водопровод, который всё ещё действовал, завораживала его. И только когда сзади него принялись гудеть, он заметил, что светофор уже горит зелёным.

— Туннель Хиския можно пройти вброд, — продолжал Иешуа, когда они поехали дальше. — Местами он в рост человека и высоты воды в нём по-разному, в зависимости от сезонного наполнения источника. Только мой отец говорил, что быть такого не может, чтобы туннель, принадлежащий одной системе водоснабжения, был постоянно доверху наполнен водой. Это физически невозможно.

— Естественно. И какое объяснение этому даёт он?

— Он говорит, что штольня прорыта под туннелем Хиския. Через трещины в скалистой породе, которые были там всегда или возникли с течением времени, вода просачивалась из туннеля Хиския вниз и со временем заполнила всю штольню. Но во всём прочем, говорил он, никакого сообщения между этими туннелями нет и не могло быть.

— Это очень легко проверить.

— Да, но я уже говорил, штольня так и осталась неисследованной. Один раз изучение чуть было не началось, но то был 1973 год, и незадолго до экспедиции началась война Судного дня. Двое аквалангистов, которые должны были исследовать штольню, погибли на войне. После этого отец делал много попыток возобновить исследование штольни, но дело до этого так и не дошло.

— Ничего, ещё дойдёт. Давай подъедем сразу к тому дому.

Юдифь на заднем сиденье придушенно ахнула. Иешуа беспокойно теребил карту города.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — сказал он наконец. — Ты думаешь, что натянешь на себя гидрокостюм с аквалангом, пройдёшь через туннель и достанешь камеру из тайника. Но это не так просто. Одно дело нырять в большую воду и совсем другое — пробираться по штольне, которая полностью затоплена водой. Это действительно очень опасно.

— Почему? Ты боишься, что снова разразится война?

— Очень остроумно!

В это мгновение Стивену казалось, что никакая подводная экспедиция не могла быть такой опасной, как поездка на машине по этому городу в часы пик, которые продолжались здесь с шести утра до восьми вечера. Наверное, он был слишком избалован американскими дорогами? Водители всего остального мира ездили, как бандиты с большой дороги.

— Иешуа, если бы я отступался от всего, что, по общему мнению, *опасно, рискованно или неосуществимо*, то я бы сейчас не был здесь. Я бы проводил свои студенческие каникулы, поджаривая в «МакДональдсе» гамбургеры.

— Но речь идёт о том, чтобы нырнуть в туннель, про который не знаешь, куда он ведёт, какой он ширины, не застрянешь ли ты в нём и сможешь ли из него вообще выбраться, если вдруг что-то случится.

— Это всё понятно. И, честно признаться, ничего подобного мне делать пока не приходилось. Но я не какой-нибудь тупой турист. Если ты помнишь, я являюсь действительным членом *Исследовательского общества*, — сказал Стивен Фокс и добавил: — Другими словами, я *знаю* одного человека, который уже проделывал это.

На рис. XII-17 помещена фотография задней стороны обложки инструкции. Прежде всего следует обратить внимание (стрелка) на отчётливо видимую дату.

*Профессор Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Пока они читали текст, переснятый с истлевшего, древнего листка бумаги, в переговорной комнате царил бездыханная тишина.

— Это всё меняет, — наконец прервал тишину профессор Гутьер.

Каун одобрительно кивнул:

— Я тоже так считаю.

— А не может это быть отвлекающим манёвром? — спросил Бар-Лев. — Ложный путь, на котрый нас толкает этот Стивен Фокс?

— Может, — согласился Каун. — Но я не думаю, что это так.

— Есть ещё какие-то снимки? — спросил профессор Уилфорд-Смит.

— Есть, их всего двадцать. Но все они изображают один и тот же лист в разных стадиях проявления текста, — сказал Каун. — Остальная плёнка не была заснята.

— Но текст обрывается на середине фразы. Как минимум, должен быть ещё один листок этого письма.

— Да. Мы считаем, что письмо состояло из двух листов, и оба вчера ночью во время инцидента в лаборатории были сожжены кислотой.

— Сожжены кислотой! — в отчаянии вскричал британский профессор. — Боже мой, это непростительная потеря!

— Скажите это Стивену Фоксу.

Профессор Гутьер распрямил массив своего тела, возвещая тем самым, по обыкновению, о начале своего обширного словесного извержения.

— Если это действительно письмо путешественника во времени, то ход наших мыслей должен быть совершенно другим. Значит, через несколько лет ко мне не явится мо-

лодой человек, чтобы спросить о надёжном месте в Палестине, где бы некий предмет мог невредимо пролежать две тысячи лет. Судя по тому, как он описывает свою судьбу, это путешествие во времени не было хорошо спланированной акцией. И возникает вопрос: каким образом это могло случиться?

Все взгляды автоматически устремились в сторону писателя, который до сих пор молча сидел у края стола и изучал текст письма.

Эйзенхардт задумчиво положил фото на стол и оглядел присутствующих.

— Естественно, я этого не знаю, — спокойно начал он. — Если и есть такой феномен, то наверняка столь же редкий, как шаровая молния, и так же мало изучен. Но вот что мне при этом приходит в голову — один странный факт, на который я натолкнулся несколько лет назад, когда собирал материал для очередного романа. А именно, что люди время от времени бесследно исчезают — в невероятных ситуациях и в непостижимом количестве.

— Ну, некоторые, положим, именно эту цель и преследуют: исчезнуть, не оставив следа, — вставил Гутьер. — Несколько лет назад так пропал муж одной моей коллеги. Как в анекдоте — вышел за сигаретами и больше не вернулся. Но я уверен, что он жив и здоров, только живёт где-то с другой женщиной.

Эйзенхардт кивнул:

— Да, конечно. Есть и такие, что пали жертвой преступления и так и не были обнаружены. Но есть другие сообщения. Например: идёт дождь. Мужчина открывает перед своей женой дверцу машины, держа над ней зонтик, помогает ей сесть, закрывает дверцу, обходит машину, чтобы занять своё водительское место. Но когда он садится, машина пуста, его жена исчезла. Первое, что приходит в голову — это легенда, придуманная супругом-убийцей. Но всё это происходило перед домом её родителей, вся семья стояла в это время на крыльце, махала им на прощанье руками, а её брат всё это фотографировал.

Каун наморщил лоб:

— Кажется, я где-то об этом читал? Не в Скандинавии ли несколько лет назад?

— Да, в Швеции. Было в газетах. Но это не единичный случай, их сотни. И есть люди, которые исчезали, а потом возвращались. Некоторые не знали, где они были. Кстати, с Агатой Кристи произошёл похожий случай. Другие тоже рассказывают странные истории, которым их близкие не могут поверить. Как бы то ни было, но от представления, что во времени расставлены такие ловушки-западни, через которые можно провалиться, так просто не отмахнёшься. И они могут служить объяснением подобных случаев.

— Не знаю, — недовольно проворчал канадский историк. — Для меня лично это больше похоже на *«Секретные материалы»*.

— Я делаю лишь то, для чего призван сюда, — оправдывался Эйзенхардт, — безудержно фантазирую.

Дом был двухэтажным строением, не представляющим собой ничего особенного, и располагался на узкой улочке в ряду других таких же домов. Решётчатые балконы — либо оснащённые спутниковыми тарелками, либо увешанные мокрым бельём, — нависали над тротуаром, у которого были тесно припаркованы машины.

Хозяин дома был старый араб, занимавший со своим многочисленным семейством первый этаж. Его звали Халил Саад, и он явно обрадовался, увидев Иешуа и его сестру. Когда они представили ему своего друга из Америки, он настоял на том, чтобы беседа велась по-английски, но тут у них возникли большие препятствия для понимания — то ли из-за недостаточного словарного запаса, то ли из-за его сильного арабского акцента.

— Мы здесь часто бывали в детстве, — шепнула Стивену Юдифь, когда они спускались вслед за хозяином в подвал. — Он хорошо знаком с моим отцом.

Как Стивен узнал позднее, Халил Саад был одним из того миллиона арабов, которые, несмотря на то, что исповедовали ислам, всё же считались израильскими гражданами. Израильские арабы не подлежали всеобщей воинской повинности, но, как Стивен понял из рассказа старика, один из его сыновей ушёл в армию добровольно.

— Конечно, это хорошо для карьеры. Он хочет сделать карьеру. Ну и окей. Лишь бы не было войны. Мой сын не

должен воевать против других арабов. Это нехорошо. Надеюсь, войны не будет.

— Да, — вежливо кивнул Стивен. — Мы все на это надеемся.

Саад погремел своей внушительной связкой ключей у двери подвала, открыл её и зажёл внизу свет. Стивен не поверил своим глазам, когда переступил через порог. До порога пол был вымощен плиткой — а за порогом всё выглядело так, будто кто-то вёл там археологические работы. По ногам шуршали камешки и песок, а посреди подвала в земле зияла тёмная дыра, местами без всякого ограждения. Стоял затхлый запах сырости. В помещении было пусто, если не считать полочки у входа.

Старик взял с полки мощную лампу, включил её в розетку у двери — наличие этой розетки Стивен внимательно отметил — и подошёл к краю провала.

— Осторожно, — предостерёг он, невольно понизив голос, когда они подошли к нему и заглянули вниз.

В свете лампы поблёскивала поверхность воды, она покоилась на глубине метра в два. Стивен поднял руку, чтобы защитить глаза от света лампы, и попробовал рассмотреть, что находится под водой. Ему показалось, что он видит справа на стенке отверстие приблизительно квадратной формы, которое было чернее, чем всё остальное.

Штольня. Туннель, который начинался здесь и вёл сквозь скалы, чтобы через пятьсот метров закончиться позади Стены плача. Абсолютная фантастика, подумал Стивен.

— На вкус вода плохая, — сказал Халил Саад. — Для кофе или для чая не годится. Но для растений в саду вполне. Воду для полива я беру отсюда. У меня есть шланг и маленький насос. Поливаю огород, и всё растёт великолепно.

Иешуа указал в направлении, где Стивен заподозрил под водой отверстие:

— Штольня начинается на глубине в один метр под водой.

— Да, — кивнул Стивен и огляделся, пытаясь запомнить все подробности. Это и в самом деле вряд ли смахивало на лёгкую прогулку. Резервуар был такой узкий, что в нём хватило бы места только для одного ныряльщика с аквалангом. Если отправляться вдвоём, то первый сначала

должен войти в туннель, чтобы второй мог спуститься в резервуар. И непременно потребуется лебёдка и тренога, чтобы спускать ныряльщика. А кроме того, нужен человек, который будет обслуживать лебёдку.

Всё это были важные детали, о которых его наверняка будет расспрашивать тот, с кем он собрался советоваться. С тем, кто уже предпринимал подобные экспедиции. Стивен попытался рассмотреть обстановку с этой точки зрения. Потолок, например. Какой он тут высоты? Нормальная высота комнаты, метра два с половиной. Всё помещение подвала было размером примерно пять метров на четыре. Трудно оценить на глаз. Лучше было бы всё сфотографировать, чтобы потом свериться с фотографией при подробных расспросах.

Он почувствовал, как изнутри у него начала подниматься горячая волна. Фотографии! Черт возьми, а что же стало с фотоаппаратом, которым он снимал первый лист письма?

Он совершенно забыл о нём. Может, он и сейчас стоит в лаборатории, закреплённый на штативе.

Если Каун его ещё не обнаружил. Какой досадный промах! Он попытался вспомнить текст первой страницы. Что там было? Но в любом случае там не содержалось никакого указания на Стену плача, ничего. В принципе, Каун ничего не сможет сделать из одного этого листа. Даже в самом худшем случае у них ещё оставалось преимущество.

Он скорее почувствовал, чем услышал, что Иешуа его о чём-то спросил.

— Что-что?

— Как ты всё это находишь, спрашиваю.

Стивен потёр ладони и ощутил, что они влажные.

— Выглядит впечатляюще, — сказал он. — И очень мне нравится.

— Если всё это было случайностью, — произнёс профессор Гутьер, — если всё это произошло лишь вследствие непостижимой игры природы — или произойдёт, если так уместнее будет выразиться, — то это здорово ухудшает шансы обнаружить тайник видеокамеры путём логических комбинаций. Я бы даже сказал, это делает поиск полностью невозможным.

Эйзенхардт наблюдал за Кауном. А тот в свою очередь с мрачной миной смотрел на Гутьера.

— Мы исходили из того, — продолжал канадский историк, — что всё это было хорошо продуманной, проработанной экспедицией. Другими словами, акцией, исходным пунктом которой была одна идея: где и как можно сохранить до наших дней видеозапись из жизни Иисуса. Наши попытки были направлены на то, чтобы путём детальных рассуждений прийти к такой же мысли. Это известный феномен: всегда легче найти что-то, если точно знаешь, что оно есть. И мы верили, что такая идея существовала — инструкция видеокамеры, которую нашли при мёртвом, казалось, подтверждала это.

Теперь всё это предприятие пойдёт прахом, — подумал Эйзенхардт. — Самое позднее через два дня Каун потеряет охоту к этому делу, и всё порастёт быльём.

— Теперь мы вдруг узнаём: это был своего рода несчастный случай. Путешественник во времени вовсе не был ни подготовлен, ни экипирован, а напротив, ни о чём не подозревал. Через несколько лет в газетах появится крошечная заметка, что некий турист вышел в Бет-Шеариме из автобуса вместе с остальной группой и отправился на экскурсию в некрополь, но по дороге где-то между старыми могилами исчез. Они всё обыщут, этот случай ещё несколько лет будет висеть на полицейских нераскрытым делом, а потом и его закроют. Из этого письма — если оно аутентично — мы узнаём, что исчезновение не было ни преступлением, ни несчастным случаем, а провалом в трещину во времени. Наш неподготовленный турист оказался в незнакомом мире и выживал как умел. Единственное, что оказалось при нём — это сумка на плече с новенькой видеокамерой, которая была, наверное, самым бесполезным предметом из всего его багажа, если войти в его положение. Он бы предпочёл поменять её на что-нибудь другое — скажем, на плоскогубцы, на перочинный нож, на пару трусов или упаковку аспирина.

Гутьер являл собой впечатляющее зрелище, когда входил в раж. На его лбу начинала поблёскивать испарина, его редкие волосы, казалось, электрически заряжались от его пылкой речи и медленно вставали дыбом, а всё его груз-

ное тело становилось частью размашистой жестикуляции. Наверное, его лекции пользовались успехом и хорошо посещались, и уж скучно на них, совершенно точно, не было никому.

— И вот, — воскликнул он, подняв вверх указательный палец, — он узнаёт, где он очутился и в какое время. Он узнаёт, что не только стал современником Иисуса Назарянина, но что тот даже живёт по соседству, в Капернауме на Генисаретском озере, а это всего в нескольких днях пути. Не расстояние для того времени, когда велась оживлённая торговля между Европой, Северной Африкой и Индией. И, наверное, только теперь ему в голову приходит идея снять Иисуса на видео, а запись передать в наше время. И только теперь он начинает раздумывать, как это осуществить. И что он мог тогда выдумать?

— В принципе, — немилосердно вставил Каун, — всё тот же вопрос.

— В принципе, — согласно кивнул Гутьер. — Только условия другие, чем мы принимали до сих пор. Мы имеем дело не с исследователем, а с потерпевшим крушение во времени. К тому же, судя по всему, американским туристом — я не хочу обидеть никого из присутствующих здесь, но тем не менее должен поставить перед аудиторией вопрос: какой уровень исторического познания мы можем предполагать у среднего американца, который совершает туристическую поездку по Израилю.

Эйзенхардт заметил намёк на насмешливую улыбку на губах Шимона Бар-Лева.

— И что, спрашиваю я, такой человек может знать, что помогло бы ему решить проблему передачи видеокамеры на две тысячи лет вперёд? — продолжал Гутьер.

— Я же всё время вам это говорю, — носторопливо сказал профессор Уилфорд-Смит. — Он наверняка как следует упаковал камеру, поместил её в глиняный сосуд, принёс в какую-нибудь безымянную пещеру и оставил там наудачу. Я бы, например, сделал именно так.

— А в конце своего письма написал, где её следует искать, — добавил Каун. — Другими словами, если Фоксу удалось прочитать письмо полностью, он сейчас единственный, кто знает, где камера. Если же ему не удалось расшифровать второй листок, то этого теперь не знает никто.

— Точно, — кивнул тяжеловес из Торонто.

— А вы как считаете? — обратился Каун к Эйзенхардту. — Что бы вы сделали на месте того парня?

Писатель поднял брови, рассеянно взглянул на могущественного главу концерна и продолжал молчать мучительно долгое время.

— Я бы, — сказал он наконец задумчиво, — попытался стать одним из двенадцати спутников Христа.

— Окей, — сказал Стивен, когда они снова сидели в джипе, — всё это выглядит замечательно. А теперь давайте спросим у вашего отца, что...

— Нет, — тотчас перебила его Юдифь.

— Что?

— *Нет!*

Он с недоумением посмотрел на неё, потом на Иешуа, который с чувством неловкости пожал плечами. Юдифь озлобленно смотрела перед собой, и желваки её ходили ходуном.

Ничего себе. Стивен выдохнул и снова вдохнул. Весёленькое семейство.

— Ну хорошо, — сказал он так, как будто ничего не случилось. Он повернул ключ зажигания. — Забудем об этом.

Дискуссия разом оборвалась, когда в дверь мобильного домика постучали. Это была одна из секретарш Кауна, фигуристая, платиново-блондинистая, абсолютно соответствующая идеальному образу секретарши и даже не вполне земного происхождения. Если её и смутило, что на неё молчком уставились пятеро мужчин, будто застигнутых за каким-то гнусным делом, она не подала виду. Ах, да что там *смутило*?! Её скорее смутило бы, если б на неё никто не уставился.

Она протянула своему шефу визитную карточку и что-то шепнула на ухо. Каун изучил карточку и поднял бровь.

— Скарфаро? — шёпотом же ответил он. — Не знаю такого. И чего он хочет?

Она снова что-то шепнула ему.

— Окей, — кивнул он. — Скажите, что я сейчас приду.

Она вышла, оставив за собой лёгкий шлейф аромата, навевающего мысли об элегантных яхтах и дорогих брил-

лиантовых колье. Эйзенхард уже успел заметить, что Каун привёз с собой трёх секретарш, которые несли в одном из мобильных домиков круглосуточную посменную службу. Жили они в каком-то не очень отдалённом отеле, по крайней мере, каждые восемь часов одна из них подъезжала на маленькой машине, на которой тут же уезжала та, которую она сменяла.

— Господа, — Каун, вдруг снова превратившись в значительного бизнесмена, поднялся, тут же раздавшись в плечах, и на ходу застегнул свой дорогой двубортный пиджак, — прошу вас пока продолжить дискуссию без меня. Я вернусь, как только позволят дела.

Он коротко вскинул подбородок и чуточку выдвинул его вперёд, что сообщало выражению лица некоторую агрессивность, снова кивнул всем собравшимся и покинул комнату переговоров.

Некоторое время было тихо, лишь кондиционер жужжал и пощёлкивал.

— Один из спутников Христа, — наконец прервал молчание профессор Уилфорд-Смит как ни в чём не бывало. — Если он был одним из спутников, то стал бы впоследствии и апостолом. Это значило бы, что в экстремальном случае он мог бы доставить камеру даже в Рим.

— При условии, что он не взял на себя роль Иуды, — вставил Гутьер.

— А вы бы взяли на себя добровольно роль Иуды?

— Нет. Разумеется, нет.

Эйзенхард с усилием пытался вспомнить, что ему было известно об истории апостолов. Известно было совсем немного. В последние дни он часто заглядывал в Новый Завет — пожалуй, чаще, чем за всю свою предыдущую, не очень религиозную жизнь. Но найти ему удалось только англоязычное издание, и он помучился с четырьмя Евангелиями. А до посланий апостолов так и не добрался.

Мысль пришла ему в голову неожиданно. И что-то в ней было. Как всё это происходило? После смерти Иисуса — или после его Вознесения, если угодно, — на его спутников снизошёл Дух Божий. Этому событию посвящено празднование троицы, или пятидесятницы, насколько он мог припомнить. Во всяком случае, спутники Иисуса,

которые во время его жизни были унылыми и несообразительными, внезапно обрели красноречие, воодушевление и харизматическую силу убеждения и пошли в мир, чтобы проповедовать новое учение. Странная трансформация, если подумать. Если бы он допустил такой ход в каком-нибудь своём романе, то его редактор исчеркал бы поля рукописи красными вопросительными знаками и написал: «Немотивированная перемена образа мыслей!»

— Камера не могла попасть в Рим, — резонно заключил профессор Гутьер, — потому что это значило бы, что путешественник во времени... Может быть, нам стоит называть его как-то по-другому? Как назвать того, кто провалился в другое время? Потерпевший времякрушение? Ну, не важно. Итак, это значило бы, что его можно было бы идентифицировать как апостола Павла. В Рим попал Павел. Но Павел никогда не встречал Иисуса.

— Как? — удивился Эйзенхардт. — Разве он не важнейший из апостолов? Ведь от него же исходят все эти апостольские послания, разве нет?

Гутьер посмотрел на него так, будто тот сказал какую-то вопиющую глупость.

— Да. Странно, не правда ли? Но на самом деле Павла изначально звали Савлом, и он был фанатичным гонителем Христа, пока не был обращён в Дамаске.

Своего рода тихое торжество наполнило Кауна, когда он увидел худого человека в сутане священника. Тот стоял в пыли между мобильных домиков. Посланник Ватикана. Магомет пошёл к горе, и это закончилось неудачей. Теперь гора пришла к Магомету.

Он некоторое время рассматривал внушительный герб Ватикана, который красовался на визитной карточке рядом с именем — Луиджи Баттисто Скарфаро, член Конгрегации вероучения. Действительно впечатляет. Много бы он отдал за то, чтобы иметь такой герб на собственной визитной карточке.

— Чему я обязан честью, эм-м... Как мне, собственно, к вам обращаться? — спросил Каун.

— Я священник, — ответил посетитель на удивительно чистом, лишённом акцента английском. — Вы можете называть меня патер. Патер Скарфаро.

— Ну, хорошо, патер — чем могу служить?

Он старался подольше продержаться разговор в области неопределённости, чтобы собраться с силами и мыслями. Эта встреча прилась на весьма неблагоприятный момент, поскольку в последние часы он растерял всю свою уверенность в том, что непременно сможет найти камеру и видео.

Хуже! Всё кончено. Ничего нельзя сделать. Этот сопливый мальчишка всё погубил. Сперва он похитил важнейшую находку — и что он только себе думал, действуя на свой страх и риск? Неужто ему никто не внушил, что это значит — быть взрослым? Затем из-за него погибло это письмо. Понятно, почему он теперь прячется. Но надолго его не хватит. Сидит, наверное, где-нибудь в норке и дрожит, пока до него медленно начинает доходить, какую кашу он заварил: теперь до конца жизни ему не выпутаться из судов. Он, Джон Каун, натравит на него целую свору адвокатов и выставит ему такую сумму возмещения ущерба, что у того в глазах потемнеет. Свора его адвокатов, среди которых были одни из лучших, ехиднейших, агрессивнейших адвокатов мира — люди, которые стали адвокатами только потому, что иначе никак не могли дать выход своей страсти к массовым расправам над слабоумными придурками, — эта свора будет преследовать его до конца его дней. О да, так или иначе, но Джон Каун одержит свою победу. Пусть маленькую, но победу. Как знать, может, из этого ещё можно будет сконструировать миф? Так сказать, *Титаник* археологии?

— Нам, — начал патер с жёстким, худым лицом и сделал незаметную маленькую паузу, достаточную для того, чтобы стало понятно, кого он подразумевает под этим местоимением: Папу, весь Ватикан, может, даже самого Господа Бога, — стало известно, что вы обнаружили некий чрезвычайный артефакт из времён Иисуса Христа...

Каун кивнул:

— Это верно.

— Мне было велено лично явиться и участвовать в этом деле. Могу я увидеть находку?

Оп-па. Прорезался аппетит?

— Хм-м. Честно признаться, патер, я пока не вполне уверен, тот ли вы на самом деле, за кого себя выдаёте.

Здесь указано, что вы член Конгрегации вероучения. Звучит солидно. Но будем откровенны, ведь вы можете оказаться и журналистом, представляющим интересы наших конкурентов. Сутану можно купить, визитные карточки может напечатать каждый. Хотя бы и с гербом Ватикана.

Священник осторожно кивнул. Он стоял, склонившись в лёгком поклоне и казался почти бледным, но Каун не мог отделаться от чувства, что тот лишь притворяется, что под маской покорности и мягкого послушания притаилась стальная змея.

— Мистер Каун, — сказал священник тихим, мягким голосом. — В вашем положении вам приходится чаще и глубже, чем обыкновенному человеку, заглядывать за кулисы мировой политики. Я не открою вам ничего нового, если скажу, что Святой престол располагает такой информационной службой, которой могут позавидовать все государства мира. Я здесь потому, что до нас дошла информация, согласно которой вы сейчас занимаетесь поиском видеозаписи Иисуса Христа, которую сделал путешественник во времени и спрятал в неизвестном месте.

Кауну пришлось приложить усилия, чтобы не раскрыть карты. Откуда, ради всего святого, об этом мог узнать хоть кто-нибудь в мире? Кто-то из его людей, наверное, проболтался. Это дело так нельзя будет оставлять.

С другой стороны — если они и без его усилий теперь убеждены в находке, ему это только на руку.

— Я должен признать, что вы хорошо осведомлены.

— Вы её уже нашли?

— Я рассчитываю, что она будет у нас в течение этой недели.

Прозвучало это хорошо, Каун остался доволен собой. Он излучал спокойную уверенность, а другой мог понять это и так, что им уже известно, где спрятана камера.

— Что вы намерены сделать с видеозаписью, когда она будет у вас в руках?

— Я намерен сделать с ней то, чего акционеры моей компании вправе ожидать от меня: извлечь из неё максимальную прибыль.

Тень пробежала по лицу Скарфара.

— Мог бы я переубедить вас передать видеозапись и камеру Церкви?

— Не знаю, насколько сильно ваше искусство переубеждения.

— Камера принадлежит не вам, мистер Каун, — сказал гость из Ватикана. — Даже если вы её найдёте, она предназначалась не вам. Да и зачем она вам нужна, если не считать её использования в интересах чистой сенсации? В лучшем случае вы станете обладателем видеозаписи, на которой некий человек говорит по-арамейски, и вы даже не будете знать, то ли это Нагорная проповедь, то ли призыв к восстанию против оккупантов. Допустим, эта видеозапись существует, и допустим, вы её нашли, всё равно она естественным образом находится в компетенции Святой Церкви. Мы — организация, учреждённая самим Иисусом для того, чтобы проповедовать Его слово. Никто, кроме нас, не компетентен проверять видеозапись на предмет подлинности и распоряжаться её корректным использованием.

Каун едва мог поверить в происходящее. Этот человек был убеждён в существовании камеры, и он хотел ею обладать. Если он имеет хоть малейшее влияние в Ватикане, то это не что иное, как начало переговоров, которые могут быть намного интереснее, чем поиск самой камеры.

Беречь нервы! Теперь надо беречь нервы.

Улыбка, наполовину лукавая, наполовину неодобрительная:

— Как вы мило, однако, выразились, патер: «В интересах чистой сенсации». Действительно, очень мило. Но я полагаю, вам так же хорошо известно, как и мне, о чём здесь идёт речь на самом деле. Мы говорим о сенсации как таковой. В молодости я был знаком с одним человеком, который в середине семидесятых годов предлагал распавшейся группе «Битлз» пятьсот миллионов долларов за их один единственный концерт, который он хотел транслировать на весь мир. Пятьсот миллионов — и он сделал бы бизнес-бомбу. Я уверен, что времена, когда «Битлз» были популярнее Иисуса Христа, давно миновали, — вздох, из самой глубины его сердца. — Но, с другой стороны, я не могу не принять и ваши аргументы. Да, это видео должно оказаться в руках церкви. Однако я вынужден настаивать на том, чтобы, с учётом уже предпринятых, далеко не

малых усилий, я получил при этом хотя бы небольшое, почти символическое возмещение расходов.

— Разумеется, это подлежит обсуждению, — сказал Скарфaro. — Из какой суммы вы при этом исходите?

— Позвольте мне сказать так, — ответил Каун. — Неудавшаяся попытка снова объединить «Битлз» была тридцать лет назад. В наши дни за рекламу, за лицензии на трансляцию важных спортивных событий и так далее платят такие суммы, какие в те далёкие времена и представить было невозможно. Один единственный блокбастер Голливуда в первую неделю показа даёт такие сборы, каких не имел весь кинематограф в целом за первую половину столетия. И вот приходите вы и хотите получить фильм, в котором снят Иисус Христос... — Он даже замахал руками: да полноте! — Но вы должны получить этот фильм. Вы получите всё. Я передам вам полностью сохранившийся скелет путешественника во времени, радиологически датированный возрастом в две тысячи лет, но с безупречными современными пломбами в зубах и с переломом ноги, залеченным по медицинской технологии восьмидесятых годов двадцатого века. Сам по себе скелет — это археологическая сенсация, но к нему вы ещё получите инструкцию по пользованию видеокамерой SONY, которая появится на рынке только через три года. Бумага этой инструкции, согласно экспертизе, проведённой двумя независимыми институтами, также имеет возраст две тысячи лет. И, кроме того, — он поднял конверт с оставшимися фотографиями, — я покажу вам письмо путешественника во времени.

В глазах священника сверкнул странный блеск:

— Письмо? — эхом повторил он.

— Письмо, — Каун мягко кивнул. — И всё, что я за это хочу, — нежно добавил он, — это десять миллиардов долларов.

Эйзенхардт, который слышал этот разговор через приоткрытую матовую форточку туалета, вздрогнул, когда Каун назвал сумму. Как у него язык повернулся произнести такую цифру! У Эйзенхардта выступил пот — и не только потому, что туалет был единственным помещением в мобильном домике, не подключённым к кондиционеру, отчего в нём целый день стояла нестерпимая жара.

Священник отреагировал на предложение крайне несдержанно. Эйзенхардт украдкой выглянул в форточку и увидел, как тот ожесточённо жестикулирует, упрекая Кауна в том, что тот безоглядно хочет выбить максимальную выгоду из открытия, которое ему не принадлежит.

— Я просто сделал вам предложение, патер. Под вами я подразумеваю католическую церковь. Вы можете его принять, и тогда вы получите всё, чем я располагаю в данный момент, и сможете вырыть видеокамеру или оставить её там, где она есть. Как хотите. Или вы его не принимаете — и тогда вам придётся потерпеть, пока я добуду видео, пока договорюсь со всеми заинтересованными телеканалами относительно условий передачи и первой трансляции, пока не распродам всё рекламное время и пока не определятся все спонсоры. И только после этого вы сможете наконец увидеть то, что там снято. Как хотите. Решать вам.

— Десять миллиардов долларов — это совершенно неприемлемая сумма за видео.

— Это деньги действительно немалые, согласен. Однако не забывайте, что я продаю вам гораздо больше, чем просто видео. Я продаю вам контроль над его содержанием. И я продаю вам своё молчание о том, что это видео вообще существует, на тот случай, если там окажется нечто, что не вписывается в церковные догмы. Наконец, с этим молчанием я продаю, если говорить без обиняков, одновременно и мою журналистскую безупречность. А она за чечевичную похлёбку не продаётся.

Только что, во время дискуссии в переговорной комнате, был такой момент, когда Эйзенхард полностью отключился от темы. Как будто кто-то у него внутри переключил рубильник в другое положение. Профессор Уилфорд-Смит раскрыл Библию, чтобы вычитать в Евангелиях все упоминания о спутниках Иисуса и, может быть, наткнуться на какое-нибудь указание, что один из них действительно был путешественником во времени, и если да, то кто. А Эйзенхардт просто сидел без дела и спрашивал себя: *А что я тут, собственно говоря, вообще делаю?*

Всё это изощрённое хитрое комбинирование — что оно до сих пор дало? Ровным счётом ничего.

Когда была обнаружена инструкция по применению, Каун и Уилфорд-Смит извлекли из этого факта отточенные, убедительные заключения. Сегодняшнее письмо показало, что почти всё в этих заключениях было ошибочно. Не изобретут в ближайшем будущем способ путешествия во времени, не будет разработан хорошо продуманный план. Они, правда, пришли к нескольким правильным результатам, опираясь на ложные предпосылки, — но лишь случайно.

Тогда-то Эйзенхард и почувствовал, что должен уйти. Он пробормотал что-то насчёт туалета и вышел, тщательно закрыл за собой раздвижные двери между кухней и переговорной комнатой и прошёл в свою спальню. Оттуда он заметил, что кто-то стоит у мобильного домика, и тогда он всё-таки дошёл до туалета — тихонько, чтобы подслушать.

Итак, Кауна действительно интересовали только деньги. И то, что он сейчас сделал, было форменным обманом. После того что произошло сегодня ночью, надежда когда-либо найти камеру и видео в ней почти пропала. И теперь он хочет продать церкви какие-то кости и обрывки бумаги, спекулируя на том, что церковь предпочтёт стереть следы всего, что произошло. И так никто никогда не узнает, что на самом деле никаких следов к камере и не было.

И её никогда не найдут. У него закружилась голова. Разве не это самое он предсказал несколько дней назад? *Что бы там ни было, а вы не покажете это видео по телевизору раньше, чем путешественник во времени стартует.* У Эйзенхардта вдруг возникло чувство, что он стоит рядом с самим собой, парит над самим собой, видит сам себя как фигуру в большой, сложной игре — как он обычно разглядывал фигуры на своих диаграммах, когда планировал новый роман и сводил в нём концы с концами. Оказалось, что и жизнь тоже своего рода роман, и он как раз взирает на то, как в нём подгоняются друг к другу разные части, как всё приходит в единое целое.

— Вы не отдаёте себе отчёта, что я могу обратиться к израильским властям, — перешёл священник к угрозам. — Они приостановят все ваши действия, и это не будет сто-

ить нам ни цента. Ибо то, что вы пытаетесь сделать — не что иное, как нелегальный вывоз археологических находок за пределы страны.

Каун даже бровью не повёл.

— Во-первых, мы ничего не вывезли за пределы страны. Во-вторых, видео совсем не нужно вывозить из страны для того, чтобы показать его по всему миру; у меня есть для этого мобильные передающие станции, которые через несколько часов могут быть здесь. — Голос его стал тише, и в нём появилась угроза: — В-третьих, я могу представить себе всё что угодно, но не думаю, что вы всерьёз хотите передать государству Израиль контроль над видеосъёмками Иисуса.

— Может, нам лучше поговорить в другом месте, — предложил после небольшой паузы уполномоченный Ватикана.

— С радостью, — услышал Эйзенхардт ответ председателя правления *Kaun Enterprises*. — Идёмте в мой кабинет напротив. Там я смогу записать вам номер своего банковского счёта в Швейцарии.

Он услышал, как шаги удалились, и остался стоять с чувством полной растерянности.

— В библиотеке ты не найдёшь про этот туннель ничего, поверь мне, — сказал Иешуа, взявшись за ручку двери. — Пустая трата времени, если не знаешь даже еврейского алфавита. Лучше идём с нами.

Они остановились перед зданием библиотеки Еврейского университета на очень неудобном месте: каждая вторая машина, объезжая их, неодобрительно сигналила.

— Нет, сделаем, как договорились, — возразил Стивен. — Вы ищите все материалы, какие только сможете найти, а я обшариваю библиотеку. Мне и кроме этого надо кое-что сделать. В пять я за вами заеду. — Он поднял свой мобильный телефон, который подзаряжался от прикуривателя, и проверил состояние его батареи. — Если будет что-то срочное, звоните мне. Я оставляю телефон включённым.

— В библиотеке-то? Это не приветствуется, — сказал Иешуа.

— Его можно поставить на очень тихий звонок. Он делает только тик-так, когда кто-нибудь звонит. Библиоте-

ка — единственное место, где такой сигнал вообще имеет шансы быть услышанным. Не беспокойся.

Юдифь открыла дверцу и вышла из машины.

— Мне не показалось, ты вроде бы очень торопишься? — спросила она. — Весь в лихорадке.

Стивен заглянул в её тёмные, бездонные глаза.

— Что, заметно? Я бы очень хотел завтра в это же время нырнуть в туннель.

Автомобиль, стоящий на обочине напротив жилого дома, припарковался там ещё в утренних сумерках. С того времени двое мужчин, сидевших в машине, не пошевелились и не спустили глаз с входной двери, рядом с которой разместились почтовые ящики и кнопки квартирных звонков. Была там и кнопка с именем *Иешуа Менец*, и это было причиной, почему мужчины сидели в машине. На приборной доске были прикреплены три маленьких фотографии с лицами двух молодых людей и девушки.

Улица была оживлённая, никто не обращал на них внимания. Время от времени кто-нибудь из них поглядывал на часы; в последнее время всё чаще.

Наконец позади них остановилась другая машина, в которой тоже сидели двое мужчин. Оба из первой машины обернулись. Увидели своих сменщиков. Их вопросительные взгляды. Они показали новоприбывшим простой знак, подняв руку и сложив большой и указательный палец буквой О, или, если угодно, цифрой ноль. Это означало, что ничего не произошло. Никто из тех троих, чьи фотографии торчали у них перед глазами почти десять часов, так и не появился.

Один из приехавших в задней машине кивнул, и передние завели мотор. Задняя машина проехала немного вперёд, на место, где только что стояла первая.

— Теперь скорее есть! — сказал обращаясь к соседу один из уехавших. — Я умираю от голода.

Эйзенхардт закрыл за собой дверь туалета, с тяжёлым чувством откинулся на неё всем своим корпусом и уставился на дверь напротив. Прошло время, прежде чем он понял, что совершенно не знает, что делать. Куда идти?

Что говорить? И что это может изменить? Будущее стояло впереди, непоколебимое, как камень. Неизменяемое, прочно вписанное в книгу жизни. Фаталисты были правы.

Он позавидовал персонажам своих романов: они обладали энергией и находчивостью в самых безвыходных ситуациях. Будь он сам такой, как они, у него бы сейчас не завязывались узлом кишки.

Он вернулся в кухню. Сквозь дверь в переговорную комнату было слышно, как оба профессора дискутируют, часто упоминая слово *апостол*. Эйзенхардт остановился, взявшись за ручку двери. Нет, он не сможет переступить порог этой комнаты как ни в чём не бывало. Нет.

Он пошёл назад в свою спальню, упал на кровать и закрыл руками лицо. Ничего не слышать, ничего не видеть. Всё затемнить. Но вскоре он убрал с лица руки и уставился в потолок.

Было ещё что-то. Это что-то смутило его в разговоре Кауна с гостем из Ватикана. Была какая-то фраза, которая запустила его мыслительный процесс, заставила работать его воспоминания, взволновала его подсознание. Он привстал, опираясь на локоть, и посмотрел на маленький письменный стол, на котором постепенно скопились все книги, которые он нашёл в шкафу. Лидия недаром говорила, что для него это типично: все его спальни имеют тенденцию быстро превращаться в библиотеки.

Как это было? Джон Каун прочитал вслух визитную карточку этого худого господина из Рима. Он называл его патер Скарфаро. Член какой-то Конгрегации... Хм-м. Эйзенхардт встал, переложил несколько книг в стопках и нашёл то, что искал. Книга о римско-католической церкви и о Ватикане. Он заглянул в оглавление и открыл на искомой странице. Всего было девять Конгрегаций, высших управляющих органов с законодательными и судебными полномочиями во всех сферах церкви. Эйзенхардт поднял брови: принцип разделения властей, казалось, прошёл мимо церкви, не коснувшись её. Он читал дальше. Конгрегация вероучения описывалась самой первой.

В своих романах Эйзенхардту часто приходилось описывать, как люди в моменты внезапного испуга чувствовали, что кровь застывает у них в жилах. Теперь он впервые испытал это на собственной шкуре.

Конгрегация вероучения, было написано в книге, является очень древней организацией. Её основал ещё Папа Григорий IX в 1231 году, то есть почти восемьсот лет назад. Правда, тогда она называлась иначе, не так, как теперь. Вплоть до 1908 года эта организация носила имя, которое на протяжении сотен лет внушало ужас и трепет, которое стало синонимом огня и пыток, потоков крови и мрачного средневековья. Он и не догадывался, что эта организация всё ещё существует.

Конгрегация вероучения — таково было сегодняшнее название *Святейшей Инквизиции*.

29

СРОЧНО — СЕКРЕТНО

Джон, банки давят на нас из-за падения курса. М-р Сазерленд из Первого Национального собирается созвать в ближайшую среду наблюдательный совет для экстренного заседания. Очевидно, будет поставлен вопрос о вашей позиции как председателя правления. С.

Этого быть не могло. Стивен моргал, глядя на узкую полоску бумажки, которую только что выдал ему банкомат, перед тем как выплюнуть его карту VISA.

Лимит превышен, — было там напечатано.

Банкомат как-то необычно долго возился с картой, которую Стивен сунул ему в щель. А теперь шторка из нержавеющей стали со зловещей неудержимостью закрылась, отгородив Стивена от клавиатуры, на которой он набрал желательную сумму наличных денег.

Вот так сюрприз. Стивен снова спрятал карточку в бумажник и уступил место у банкомата следующему клиенту — пышнотелой даме с высоким начёсом, которая бросила в его сторону подозрительный взгляд.

Неужто он потратил так много с того времени, как приехал в Израиль? Надо было вовремя позаботиться о том, чтобы повисить лимит. Что-то надо предпринять... но что? Позвонить в банк... Если Хью Каннингэм, его опера-

тор, сейчас на месте, то, может быть, можно что-то сделать, хотя бы временно.

Сколько же у него, собственно, осталось наличных денег? Он пересчитал купюры. Еле хватит заплатить завтра утром за отель. Не говоря уже о том, чтобы взять напрокат снаряжение аквалангиста или расплатиться за машину.

А как обстоят дела с другими карточками? У него их было три — VISA, MasterCard и American Express. Вообще-то их было даже пять, но две принимались только в США, причём одна из них — только на бензоколонках. MasterCard приходилась на тот же счёт, что и VISA, с которой он только что потерпел поражение. А вот American Express... С неё можно было получить наличные деньги, но не через автомат. У них где-то в Иерусалиме есть отделение, если он не ошибается. Или только в Тель-Авиве? Ну, это он выяснит.

Нет денег. Невероятно! И как же это плохо сказывается на настроении! Какой толк от суммы на его счету, если он не может воспользоваться этими деньгами? Чудовищная глупость и легкомыслие, вот что за этим стояло.

Он захлопнул бумажник, ещё не придя в себя от растерянности, сунул его в карман и чуть было не окаменел соляным столбом, увидев идущих навстречу ему по тротуару двух мужчин, поглощённых беседой. Затаив дыхание, изо всех сил стараясь не сделать резкого движения, которое могло бы привлечь внимание, он скользнул в дверь ближайшего магазина.

Но те тоже остановились вместо того, чтобы идти своей дорогой дальше и освободить ему путь! Он сделал вид, что разглядывает предметы, выставленные на витрине, а сам в это время глаз не сводил с этих двоих. Несомненно, то были люди Райана. Он много раз видел их в лагере, и они его тоже знали. Что они здесь делали? Конечно, это могло быть случайностью, что они шли именно по этой улице: судя по их виду, они никого не искали.

Но что за дурацкая случайность!

Кто-то заговорил с ним, остановившись рядом, он ничего не понял, вздрогнул и автоматически ответил:

— Что-что?

— Вы интересуетесь видеокамерами? — продавец переключился на английский. Это был дюжий детина с редкими волосами и носом картошкой.

— Видеокамерами? — Стивен растерянно взглянул сперва на него, потом на витрину. Действительно, там лежали видеокамеры — всех размеров, разных производителей. Значит, он попал в магазин фото и видеотоваров. А оба охранника всё ещё стояли на тротуаре и, кажется, обсуждали во всех подробностях, куда им двинуться.

— Мы являемся дилерами всех ведущих марок, — наседал продавец, взял первую попавшуюся камеру и всучил её в руки Стивену. Она оказалась на удивление лёгкой. — SONY, Canon, Panasonic, JVC, Sharp... Что хотите. Вот это в настоящее время самый миниатюрный и самый лёгкий цифровой CamCorder, всего пятьсот граммов, но оснащён десятикратным объективом Motor-Zoom. Ну, как ощущается в руке? Фантастика, не правда ли? Абсолютно прост в обращении, можно таскать с собой повсюду, подключать к нему всё что угодно.

Стивен разглядывал прибор. У него когда-то был диктофон — и то больше размерами. Удивительно. Он поднёс видеоискатель к глазу и посмотрел через него на улицу. Те ребятки, кажется, искали ресторан и не могли определиться, в какой им пойти.

— Удивительно, — подтвердил он продавцу, который выжидательно смотрел на него.

— Скажите, вы ищете какую-то определённую систему? — спросил тот.

— Систему? — Стивен вдруг осознал, что вообще впервые в жизни держит в руках видеокамеру. Примечательный изъян для человека, который занимается поисками самой знаменитой камеры за всю историю человечества. — А какие бывают системы?

Глаза продавца просияли.

— Есть Video-8, это самая старая система. Она самая распространённая, и кассеты дешёвые. Потом есть система Hi-8, в принципе такая же, но с существенно лучшим качеством изображения; лучше, чем ваш телевизор. Но самая современная на сегодняшний день — конечно же, цифровая запись. Замечательная контрастность, отличные цве-

та, непревзойдённая резкость — и никаких потерь при последующей обработке. Я всем своим покупателям рекомендую обращать внимание на возможность дальнейшей обработки, потому что, допустим, вы в отпуске — как сейчас, наверное, — и снимаете всё, что подвернётся под руку. Но вашим друзьям дома, вашей семье и так далее — им вы захотите показать только лучшие кадры. Где-то, может, захотите сократить сцены, изменить их последовательность. Как Стивен Спилберг: что бы он смог без монтажа и обработки, а? Цифровое видео подходит для этого оптимально. Взгляните сюда... — Он взял камеру из рук Стивена и открыл маленькую пластиковую крышку сбоку. — Здесь все подключения: LANC, дополнительный микрофон, наушники, цифровой выход, супер-видео, аудио. Разумеется, прибор работает от литиево-ионного аккумулятора, значит, нет Мемогу-эффекта, а у него...

— Я слышал, что уже появилась новая система, — перебил его речевой поток Стивен. — Называется MR, правда, я не знаю, как это расшифровывается.

— А, да, действительно, — продавец кивнул. — Это у SONY. MR означает, я думаю, *магнитный резонанс*, что-то в этом роде. Но это появится только года через три, через четыре. Сейчас пока даже не о чем говорить, и вначале это появится только на рынке специального назначения. То есть, для массового потребителя будет слишком дорого.

Охранники снаружи, кажется, пришли к какому-то решению и зашагали на другую сторону улицы.

— А вы знаете, как эта система MR будет функционировать? — спросил Стивен.

— Ну, в принципе это та же цифровая система. Единственное отличие состоит в том, что запись пойдёт не на магнитный носитель, а будет сохраняться на специальном кремниевом кристалле. Для вас это будет означать, что снятое уже нельзя будет стереть, зато держаться оно будет очень долго. Это ценно для документальных съёмок, но очень дорого, если снимать целый фильм. Но зато одной кассеты хватит на двенадцать часов записи.

— А сколько времени может продержаться видеозапись на сегодняшний день?

— Смотря какая. У Video-8 и у Hi-8, то есть у аналоговых устройств, качество заметно ухудшается через десять-

двадцать лет, потому что магнитные силы на плёнке с течением времени ослабевают, понимаете? У цифрового видео то же самое, но из-за того, что запись цифровая, её можно всякий раз заново копировать на новую плёнку и тем самым существенно продлить её жизнь.

— Понял.

Люди Райана уже скрылись из поля зрения. Стивен указал на маленький CamCorder.

— А можете дать мне проспект этой камеры с собой?

— Вы хотите купить эту камеру? — спросил продавец.

— Пока не знаю, — солгал Стивен.

— Послушайте, у меня есть для вас один совет, — заговорщически сказал продавец, взял сложенный яркий листок проспекта и занёс над ним шариковую ручку. — Нормальная цена такой камеры... — он написал астрономическую цифру в шекелях и рядом почти такую же астрономическую в долларах. — Но если вы решитесь купить сразу же, я могу продать вам аппарат, абсолютно новый, абсолютно безупречный, с гарантией и всё такое, только без картонной коробки. Эта камера попала к нам по судебному аресту имущества, только не говорите никому. Без оригинальной картонной упаковки я не могу продать её по оригинальной цене. Я продал бы её вам за... — он написал две новые цифры, процентов на сорок ниже предыдущих. — Но, как я уже сказал, она у меня одна. Не упустите шанс.

Стивен улыбнулся. Он и сам действовал так же, продавая свои программные продукты.

— Спасибо, — сказал он и взял проспект. — Но я всё-таки должен посоветоваться с подругой, она в этом разбирается лучше меня.

— Приведите вашу подругу сюда, — тут же предложил продавец. — Мы сделаем несколько пробных снимков и посмотрим их на большом экране. Ей понравится.

— Так и поступим, — ответил Стивен, попрощался и вышел. На улице он внимательно огляделся, но от охранников не осталось и следа.

Виллард, высокий светловолосый богатырь, который с трудом влезал в комбинезон, введенный Райаном в качестве униформы, и Элиах, загорелый *сабр*, то есть еврей,

рождённый в Израиле, оба глаз не спускали с подъезда дома и чуть не проморгали Райана. Тот внезапно возник словно из ниоткуда в зеркале заднего вида, в следующий момент открыл заднюю дверцу машины и сел на заднее сиденье.

— Ну и? — спросил он.

— Ничего. Никто не появлялся.

Райан издал нечленораздельный рык. По отношению к нему трудно было сказать с уверенностью, что это значит, но всё же казалось, что он раздражён.

— Придётся войти, — решил он.

Виллард выпучил глаза:

— В дом?

— В квартиру.

— Босс, — сказал Элиах, — но это и в Израиле противозаконно.

— Я знаю, — прорычал Райан. — Поэтому существует ещё одиннадцатая заповедь. Просто Моисей утаил её.

Американскую библиотеку, своеобразное строение из стали, стекла и бетона, по стилю трудно было отнести к определённому времени. Покрашенная в белый цвет стальная решётка, казавшаяся ажурной, но без сомнений чрезвычайно прочная, ограждала территорию библиотеки, а высокие кипарисы укрывали здание, словно занавес. Однако пройти внутрь не составляло никакого труда. Охранник в синей форме хоть и стоял у входа, но не требовал от посетителей никакого пропуска, а ограничивался лишь тем, что окидывал входящим строгим взглядом. На первом этаже располагались просторный кафетерий, гардероб, телефонные ячейки, длинный ряд абонементных сейфов, читательские столы — там было полно народу. Читальный зал находился на верхнем этаже, это было огромное помещение с высокими окнами. Здесь царила особая рабочая тишина, которая помогала сосредоточиться, что для человека на улице, в шуме и будничной суете, было бы невозможно.

Как в церкви, — подумал Стивен, идя вдоль полок с книгами, *— только уютнее.*

Ну, и на какую же тему ему вести поиски?

Тема была одна: Храмовая гора. Стивен отправился к каталогу, который имел старинную форму потёртых карточек в длинных деревянных ящиках, и искал на эту и родственные темы.

Он нашёл объёмистую книгу в кожаном переплёте, которая обещала описание истории Храмовой горы в исчерпывающей полноте. Но дальше обещания дело не пошло — хоть оглавление и создавало впечатление основательности и полноты, но сам текст, даром что усеянный иллюстрациями и схемами, оказался хаотичным и не давал системного представления о теме. Стивен тем не менее полистал, на глаза ему попались кое-какие анекдоты. Например, что в двадцатом веке мусульманские мечети на Храмовой горе дважды подвергались серьёзной опасности. В 1969 году один сумасшедший австралийский христианин по имени Деннис Роган поджёг мечеть Аль-Аксы, и она заметно пострадала от огня. Несколько лет спустя был в последнюю минуту раскрыт экстремистских заговор иудейских националистов, которые намеревались взорвать мечети на Храмовой горе, в первую очередь мечеть Омара, чтобы таким образом расчистить место, на котором некогда был возведён иудейский храм, и ускорить приход Мессии.

Стивен непроизвольно покачал головой. Мир, казалось, был одержим этой скалистой площадкой размером в пол квадратных мили.

Потом он наткнулся на интересный факт, скорее случайно упомянутый в соседней главе. Область раскопок, расположенная южнее Храмовой горы и берущая начало по другую сторону главной улицы, называлась Давидовым городом. Это он и сам знал. Но не знал происхождения этого названия — поскольку до сих пор и не интересовался этим. В начале века, прочитал он, один из представителей французской ветви семьи Ротшильдов купил этот участок земли, чтобы отыскать истинное место погребения царя Давида. Гробницу так и не нашли. Во времена британского мандата вся эта местность имела статус археологического запасника, поэтому там было запрещено всякое строительство. Когда это место стало иорданской территорией, на запрет больше никто не обращал внимания — какие там руины, какие раскопки! — его мигом застроили.

Лишь территория, принадлежавшая Ротшильд, сохранялась как вражеская собственность и осталась нетронутой.

Поэтому Халил Саад и наткнулся на резервуар, когда рыл свой подвал. Его дом стоял на руинах другого дома, построенного во времена иорданского правления. Просто Халил Саад копнул глубже, чем его предшественник. А весь этот район в целом был кусочком одной из самых старых частей Иерусалима.

Только про туннель нигде не упоминалось...

В его кармане затикало. Телефон.

— Иешуа? — спросил он, откладывая книгу и направляясь к выходу из зала по толстой серой ковровой дорожке. Библиотекарша, наблюдавшая за читальным залом из-за стойки, посмотрела на него неодобрительно, даже осуждающе. — Что случилось?

Но, к его немалому удивлению, звонил ему не Иешуа и не Юдифь. Это был голос, говоривший по-английски с акцентом и с ходу незнакомый.

— Мистер Фокс? Это говорит Петер Эйзенхардт. Я бы хотел встретиться с вами. Кажется, я располагаю интересной для вас информацией.

Дверной замок оказывал им сопротивление не дольше двадцати секунд. Никто не слышал, никто не видел, как они проникли в квартиру Иешуа Менеца. Дверь за ними сразу же захлопнулась, и всё стало как раньше.

Это была однокомнатная квартира с душем, маленькой прихожей и балконом. И всё это имело такой вид, будто до них здесь уже побывали грабители.

— Что за свинарник, — пробормотал Райан, заглянув в кухню. Молодой археолог, похоже, пренебрегал современными моющими средствами и даже наоборот — прилагал старания к тому, чтобы все предметы обстановки напрямик превратить в ископаемые окаменелости.

На автоответчике мигал зелёный огонёк. Райан знал эту модель: мигание означало, что записанные звонки пока ещё никто не прослушал. Он нажал на кнопку прослушивания.

Было два звонка. От первого записался только шорох, как бывает, когда звонят из машины, и трубку сразу по-

ложили. От ворового звонка осталось сообщение — дрожащий женский голос говорил на иврите, и Райану он показался чем-то знакомым. Ну конечно, это мать Юдифи Менец, с ней он уже разговаривал однажды. А Иешуа был братом Юдифи.

Но Райана интересовало не содержание сообщения, а дата и время звонка, которые во время прослушивания высвечивались на дисплее аппарата. Судя по дате, Иешуа Менец не появлялся дома с вечера воскресенья.

— Откуда вы знаете мой номер? — удивлённо спросил Стивен, бесшумно закрывая за собой дверь читального зала.

— Из адресных данных вашего компьютера.

— И почему вы хотите встретиться со мной?

— Мне необходимо с вами поговорить. Я думаю, это важно.

Стивен всё ещё не мог прийти в себя. Какого чёрта нужно от него этому писателю?

— Мистер Эйзенхардт, вам известно, что Каун меня разыскивает. Я вынужден предполагать, что ваш звонок — это манёвр, направленный на то, чтобы поймать меня.

Говорил он тихо. Девушка, работавшая с предметным каталогом, размещённым вне читального зала, в смятии оглянулась на него: естественно, она понимала, что он сказал.

— Пожалуйста, поверьте мне, — сказал Эйзенхардт, — Кауну ничего не известно о моём звонке. Я действую на свой страх и риск.

— Но Каун наверняка распорядился прослушивать все разговоры, которые вы ведёте, это вы понимаете?

— Я звоню не из лагеря. Я сейчас в Иерусалиме и звоню из автомата. Мои жетоны стремительно подходят к концу. Пожалуйста, назначьте мне место и время встречи. Где и когда хотите.

Стивен напряжённо раздумывал. Если то, что сказал писатель, правда, то появляется шанс узнать, что замышляет Каун. Кроме того, он должен был признаться себе, что ему любопытно, по каким таким причинам Эйзенхардт начал интриговать против своего заказчика.

— Ну хорошо, — сказал он. — Где вы сейчас?

— Я в Американской библиотеке, — слышался голос Эйзенхардта из крошечного динамика мобильного телефона. — Звоню из телефонной ячейки вестибюля.

Стивен чуть не рассмеялся. Ситуация принимала всё более безумный оборот.

— Минутку, пожалуйста, — попросил он, нажал на кнопку *Mute*, которая блокировала микрофон, и быстро сбежал по лестнице так, чтобы увидеть весь вестибюль. Действительно, Эйзенхардт стоял под одним из стеклянных колпаков телефонных ячеек. Он был занят тем, что один за другим спускал в щель автомата жетоны, которые тот с жадностью проглатывал: звонить Стивену на мобильник было всё равно, что разговаривать с Америкой.

Стивен скрылся за бетонной колонной и снова включил свой микрофон:

— Как вы туда попали?

— Меня привёз Райан. Я сказал, что мне нужно порыться в книгах. Сегодня вечером он заедет сюда за мной. Я не знаю, говорит ли вам о чём-нибудь это имя. Райан — это сотрудник службы безопасности...

— Знаю, — перебил его Стивен.

— Ах, вон как, да, — вспомнил Эйзенхард, — сегодня ночью... Прошу вас, давайте встретимся! Всё равно где, но нам нужно как можно скорее договориться.

Тоже приёмчик, чтобы принудить другого к решению, — подумал Стивен.

— Оставайтесь там, где вы есть, — сказал он. — Я к вам подъеду.

— Хорошо, — в голосе Эйзенхардта слышалось облегчение. — Это проще всего. И, э-м-м, когда?

— Через полчаса.

— Хорошо. Спасибо. Я... просто буду ждать вас здесь. Вы знаете, где библиотека?

Стивен даже улыбнулся.

— Да. Приблизительно знаю.

— Хорошо. Итак, через полчаса.

— До встречи, — Стивен нажал на кнопку окончания разговора и стал наблюдать из своего укрытия, что будет делать писатель.

Естественно, больше всего его интересовало, не готовил ли тот ему ловушку. Допустим, сейчас Эйзенхардт

обернётся от телефона и кому-нибудь утвердительно кивнёт или подаст какой-то другой знак — поднимет вверх большой палец или что-то в этом роде. Тогда бы это значило, что за Стивеном охотятся. Но немец ничего такого не сделал. Он повесил трубку, сгрёб оставшиеся телефонные жетоны и ссыпал их в карман. Потом просто стоял, робко озираясь и казался при этом очень растерянным.

Хм. Действительно странно. Почти *чересчур* странно. Неужели только по чистой случайности писатель звонил ему сюда отсюда же? Стивен глянул на часы. У него ещё было полчаса на размышления.

Он вернулся в читальный зал, подошёл к большому окну и выглянул на улицу. Не стоит ли где-нибудь машина, в которой сидят люди? Не скрывается ли какая-нибудь подозрительная фигура в укромном уголке? Но как Стивен ни напрягал свою мрачную фантазию, он не заметил ничего, что подтвердило бы его подозрения. Он видел оживлённую улицу, на которой вообще была запрещена парковка; людей, которые приходили и уходили, но они были либо слишком молодые, либо слишком старые, либо слишком женственные, чтобы как-то принадлежать к гвардии Райана; и единственный, кто никуда не спешил, был лоточник, который выставил свою тележку с фруктами у решётчатой ограды и продавал прохожим апельсины. Стивен прислушался к себе. Нет ли предостерегающего внутреннего голоса? Нет. А смутной дурноты в животе? Тоже нет. Он не думал, что это была какая-то изощрённо подстроенная ловушка. Если бы Райан знал, что он здесь, то ему незачем было бы прибегать к такому манёвру. Достаточно было дожидаться снаружи, когда он выйдет, незаметно пристроиться к нему, приставить нож к рёбрам и приказать следовать за собой. Так было бы гораздо проще, и тогда у Стивена не было бы шанса, на который хоть кто-нибудь смог бы держать пари.

Ну хорошо. Рискнём.

Стивен вышел из читального зала и спустился вниз по лестнице, также покрытой пушистым ковром. Эйзенхардт стоял у окон неподалёку от входа, поглядывал наружу, засунув руки в карманы и зажав под мышкой папку на металлических кольцах, в кожаном переплёте. Он не услышал приближения Стивена.

— Мистер Эйзенхардт? — окликнул его Стивен, подойдя и остановившись рядом.

Писатель вздрогнул, удивлённо раскрыл глаза, как будто у него зашлось сердце.

— Мистер Фокс! Боже мой, как вы меня испугали! Откуда же вы вошли?

— Честно говоря, я всё это время был здесь. Я сидел наверху в читальном зале, когда вы позвонили.

— Что?! — писатель растерянно заморгал. — Правда? Какое совпадение.

— Да.

Эйзенхардт помотал головой:

— В романе я бы не позволил себе такое сочинить, — сказал он и смущённо улыбнулся, — но жизнь может позволить себе всё...

Наверное, с такой профессией можно смотреть на вещи именно так, подумал Стивен.

— Вы хотели поговорить со мной. О чём же?

— Да, ну вот... Даже не знаю, как и начать...

— Может быть, мы сядем в каком-нибудь спокойном уголке? — предложил Стивен и указал на один из свободных столов, стоявший на отшибе. — Хотите что-нибудь попить?

— стакан минеральной воды, но позже, — сказал писатель, который всё ещё был напряжён, как комок нервов. — Могу я с ходу задать вам один вопрос, мистер Фокс?

— Называйте меня Стивен. Да, конечно. Спрашивайте что хотите. В худшем случае я не отвечу.

— Вы знаете, где камера?

Стивен откинулся на спинку стула.

— Боюсь, что у нас как раз худший случай.

— Да, я понимаю. Извините меня, — Эйзенхардт положил перед собой на стол папку на металлических кольцах и проехал пальцами по её контуру. Из держателя торчала шариковая ручка. — Каун нашёл в лаборатории фотокамеру, которой вы снимали первый лист расшифрованного письма. Из текста этого письма понятно, что это путешествие во времени не было запланированной акцией, как мы считали до сих пор, делая какие-то предположения.

Поскольку теперь письмо безвозвратно погибло, Каун, судя по всему, потерял надежду когда-либо найти видео.

Стивен невольно вздохнул.

— И почему вы мне это рассказываете? — спросил он.

— Потому что, — сказал Эйзенхардт и наклонился вперёд, чтобы говорить тише, — здесь появился представитель Ватикана, человек по имени Скарфаро. Я случайно подслушал разговор, Каун не знает об этом. Он пытается продать католической церкви все археологические находки — за десять миллиардов долларов.

— Ого! — удивился Стивен. Десять *миллиардов* долларов? Ну, Каун поистине привык мыслить в широких масштабах. — Сумма с полётом фантазии. Но они же изжарят его в аду, если не найдут камеру.

— Нет. Мне кажется, он спекулирует на том, что церковь вообще не заинтересована в том, чтобы видео было найдено. Он хочет, чтобы они заплатили ему за то, что он замнёт всё это дело.

— Вы действительно считаете, что церковь боится этого видео?

— Да разумеется, ещё бы! — писатель сделал большие глаза. — Вам приходилось когда-нибудь прочитать интересную книгу, а после этого увидеть по ней фильм и не разочароваться? Совершенно та же ситуация здесь. Во-первых, церковь должна бояться, что видео может обнаружить такие факты, которые ставят под вопрос существующую доктрину веры и с ней вместе непогрешимость Папы. Во-вторых, и это, может быть, ещё важнее: видео никогда не сможет соперничать с образами, которые верующие создали своей фантазией, со всеми этими живописными полотнами на священные темы, которые висят в музеях и супружеских спальнях, с умильными китчевыми картинками в детских Библиях. На видео всё окажется убогим и жалким, примитивным и грязным, и все увидят, что Иисус всего лишь человек, как любой другой. Может быть, там будет видно, как он что-то возвещает, и конечно интересно, что именно, но никто этого не поймёт, потому что вряд ли кто-то владеет арамейским языком, а что касается силы внушения его воззваний, то я уверен, что каждый евангелист в своих текстах в сто раз убедительнее и про-

никновенное. Коротче говоря, церковь должна бояться, что человек разочарованно отвернётся от веры, если хоть раз увидит Иисуса воочию.

Стивен медленно кивнул. Нечто похожее он и сам предполагал.

— Я, честно говоря, счёл бы всё это весьма отрадным шагом в процессе развития человека, — сказал он. — Если бы мне когда-нибудь пришлось узнать, что Папа Римский поехал в какую-то перенаселённую страну, чтобы читать там проповеди о запрете противозачаточных средств, а эти проповеди никто бы не пришёл слушать, и если бы в этом была частично и моя заслуга, то я считал бы свою жизнь прожитой не напрасно.

— Значит, вы придерживаетесь таких же взглядов? — с облегчением сказал Эйзенхардт. — Тогда у меня гора с плеч. А то я думал, что мне придётся бесконечно приводить один аргумент за другим...

— Вы этого ожидали от меня?

— Ну да, ведь вы так рьяно пустились в погоню за этой камерой, утаили письмо...

— Я просто его забыл. Правда. Вначале я действительно не принял пластиковый пакет за археологическую находку, — со вздохом ответил Стивен. — Да и никто бы не принял. Я думал, кто-то хочет меня разыграть. А потом я решил, что это связано с каким-то преступлением. И только когда увидел вашу фотографию в газете и вспомнил, кто вы такой, я вдруг сообразил.

— Вы увидели в газете мою фотографию?

— Да. В тот вечер, когда вы приехали. Снимок был сделан, кажется, в самолёте.

— И вы знали, кто я?

— Я уже слышал ваше имя, да. По крайней мере, я знал, что вы писатель-фантаст.

Эйзенхардт удивлённо покачал головой:

— Мне приятно это слышать.

— По крайней мере, — Стивен вернул разговор в прежнее русло, — я считаю себя агностиком, если не атеистом, и не могу заниматься восхвалением церкви. По мне, так все религии на этой планете могут совсем исчезнуть.

— Верно, — кивнул Эйзенхардт. — Совершенно верно. Это было бы благом.

Худой мужчина в клетчатом сакко прошёл вплотную мимо них, неся поднос с чашкой кофе и держа газету под мышкой, и сел через два стола от них. Стивен, обеспокоенный тем, что даже не заметил приближения незнакомца, запоздало обвёл вестибюль внимательным взглядом.

— Вы спрашиваете себя, почему я так рьяно гонялся за камерой, — сказал он затем, немного понизив голос. — Я вам скажу, почему. Во-первых, я сделал это открытие, понимаете, но меня даже не посвятили в происходящее, меня отодвинули в сторону. Такой подход мне принципиально не нравится. Во-вторых, я почуял здесь некий шанс, хоть и не знал толком, в чём он состоит. А когда я вижу шанс, я хватаюсь за него, таков уж я. Что-то из этого должно получиться, думал я. То ли деньги, то ли слава, то ли то и другое вместе. В любом случае, интересное приключение, о котором потом можно будет рассказать внукам, сидя в кресле у камина старым и седым.

Глаза Эйзенхардта внезапно помертвели.

— Если Каун добьётся своего, — отозвался он, — то с рассказами у камина будут трудности. Может, вам даже не удастся стать старым и седым.

— Что вы имеете в виду?

— А вы не понимаете? — спросил писатель. — То, что Каун хочет продать Ватикану, — это полное молчание об этом деле. А людей принуждали к молчанию и за гораздо меньшие суммы, чем десять миллиардов.

Стивен задумчиво разглядывал своего собеседника. На лбу писателя выступили крошечные капельки пота. Поистине, у этого человека очень возбуждённая фантазия. Почти бо́льшая.

Он помотал головой:

— Джон Каун очень жёсткий бизнесмен. Но не убийца.

— Джон Каун, может, и нет.

— Кто же тогда?

— Этот человек из Рима, Скарфара. Насколько я понял, он член Конгрегации вероуверования.

— Мне это ни о чём не говорит.

Эйзенхардт глубоко вздохнул.

— Это, как сказали бы сегодня, организация-правопреемник Святейшей Римской инквизиции.

Стивен не смог удержать свою челюсть, которая отвалилась вниз.

— *Инквизиции?* — потрясённо повторил он.

— Инквизиции.

— Разве она ещё существует?

— Своё теперешнее наименование организация носит всего тридцать лет, но назначение её осталось прежним: охранять истинную веру, — писатель огляделся вокруг спокойным взглядом. — И это цитата из книги, исключительно *доброжелательной* по отношению к церкви.

Стивен Фокс непонимающе тряс головой. Инквизиция. С таким же успехом Эйзенхардт мог бы сказать ему, что они имеют дело с воинством крестоносцев.

— И что этот Скарфаро собирается с нами сделать? Сжечь на костре?

— Я не знаю. Но, честно говоря, я бы не хотел узнать это на собственной шкуре. — Он взглянул на Стивена со всей серьёзностью, почти с мольбой: — Мистер Фокс, если вы знаете или хотя бы подозреваете, где спрятана видеокамера, то прошу вас, найдите её и немедленно предайте гласности. Как можно скорее.

Стивен откинулся на спинку стула. Он всё ещё не верил по-настоящему в опасность, которую писатель отчётливо описал. Ведь всё-таки они имеют дело с римско-католической церковью, а не с каким-то обезумевшим аятоллой.

— Выйти на публику есть с чем и сейчас. Скелет, инструкция для видеокамеры — доказательства уже и сейчас более чем убедительные.

— Да, но эти доказательства находятся в руках Кауна, и если он захочет, они могут исчезнуть в любой момент. — Эйзенхардт подался вперёд: — Для меня тоже очень важно иметь возможность рассказать об этом. Рассказывать — моя профессия и содержание моей жизни. То, что здесь происходит, я хотел бы когда-нибудь изложить на бумаге. Если вы расскажете мне вашу часть этой истории — пусть не сейчас, когда-нибудь, когда всё останется позади, — если вы мне это обещаете, я помогу вам найти камеру. Разве что вы тоже захотите продать её Ватикану.

Стивен свирепо помотал головой:

— Ни за что, даже за двадцать миллиардов сребренников.

— Хорошо. Я могу предложить вам держать вас в курсе всего, что Каун знает и замышляет. Правда, я не знаю, каким образом, ведь мой телефон действительно прослушивается.

— Вы можете снова прийти сюда в библиотеку?

— Я уже об этом думаю.

— Может, нам условиться о каких-то кодовых словах, — размышлял Стивен. — Какие могут быть случаи? Хм. Ну, например, если Каун разузнает, где я или где камера. Но что толку, если вы мне тогда позвоните и скажете какой-нибудь пароль или даже «Извините, это международная служба?» Всё равно номер, который вы при этом наберёте, будет записан, и по нему Каун узнает, что вы говорили со мной.

Эйзенхардт раскрыл свою папку на кольцах, вытянул оттуда листок и стал записывать два телефонных номера.

— В любом случае я дам вам свой прямой номер, по которому вы сможете связаться со мной в мобильном домике, где я живу. И я даю вам номер одного журналиста, с которым я познакомился, когда летел сюда. Его зовут Ури Либерман. Он и сделал тот снимок, который вы видели. Он тоже знает, что я приглашён на эти раскопки, один раз я уже звонил ему и просил разузнать всё, что можно, о профессоре Уилфорде-Смите. Ну, он и разузнал.

— Правда? — Стивен взял бумажку и спрятал её в нагрудном кармане своей рубашки.

— Знаете ли вы, что он поступил в университет лишь в сорок лет? А в юности был солдатом, даже служил здесь, в Палестине, незадолго до того, как британские войска ушли отсюда.

Стивен попытался представить тощего профессора рослым солдатом, а когда ему это не удалось, смеясь покачал головой:

— Наверное, в те времена он и влюбился в эту страну и в её людей...

— Элиах, — сказал Райан, стоя чуть не по щиколотки в этом хаосе. — Иди-ка сюда.

Элиах задвинул ящик, который только что выдвинул, поднялся и стал торить дорогу к своему военачальнику.

Именно военачальником казался ему Райан — с его военной короткой стрижкой и властными манерами. Иногда Элиах забывал, что время службы в армии уже позади, что теперь он наёмный сотрудник службы безопасности, с законным отпуском, с месячным окладом, с компенсацией за сверхурочную работу и с правом на пенсию. Что Kaun Enterprise нанял его, а не *рекрутировал*.

Ну хорошо, начальник всегда прав. Он встал рядом с жилистым американцем — Райан? Разве это не ирландское имя? — и рассмотрел предмет, который тот достал с полки над кроватью.

Это была толстая тетрадь для записей со слониками на обложке. Очень растрёпанная тетрадь. Райан держал её раскрытой и смотрел на страницы, густо исписанные мелким почерком.

На иврите.

— Это что, дневник? — спросил Райан и указал на даты между отдельными записями, сделанными разными чернилами. Он повертел тетрадь в руках: он держал её неправильно, потому что не сразу сообразил, что еврейские книги читаются сзади наперёд.

— Похоже на дневник, — кивнул Элиах. Он считал дневники женским делом.

Райан пролистал тетрадь вперёд до последней исписанной страницы:

— Это субботняя дата, — сказал он. — Значит, в субботу он здесь ещё был. И написал довольно много; почерк торопливый и взволнованный. Что-то его, видно, беспокоило. — Он протянул тетрадь Элиаху: — Что тут написано?

Элиах брезгливо взял дневник кончиками пальцев — примерно так, как если бы Райан заставил его взять в руки использованную менструальную прокладку женщины.

— Ну и почерк. Как курица лапой, — пожаловался он и уставился на каракули Иешуа. — Он тут пишет что-то про полиэтиленовую плёнку и переход углеводорода в бумагу... Я ни слова не понимаю, если честно...

— Просто переведи на английский, — сказал Райан с тем противоестественным спокойствием, от которого у Элиаха мурашки бежали по спине.

Он вздохнул, сосредоточился.

— «Улучшенный краситель сотворил на первом листе письма настоящее чудо, но на второй лист практически не подействовал. Тогда мне пришла в голову мысль, что в течение долгого времени углеводород из полиэтиленового конверта мог перекочёвывать в бумагу. Тогда я попытался обработать лист предварительно тетрагидронафталином, а потом снова попробовал на нём краситель. В любом случае, я предпочёл бы ничего этого не делать, вообще никогда не иметь ничего общего со всей этой историей».

Райан вдруг разволновался. По сравнению с нормальным человеком он всё ещё оставался глыбой льда, но если немного знать его, то можно было заметить в нём ошущимое напряжение.

— Дальше, — торопил он.

— «Первое же место текста, выбранное наугад, — продолжал переводить Элиах, — выдало, где спрятана камера, которую все так напряжённо ищут...»

30

ХРАМ, ИРОДИАНСКИЙ. На 15-м или 18-м году своего правления Ирод Великий начал строительство нового Х., который в иудейской истории называется Вторым Х. Начало строительства пришлось примерно на 20-й г. до р. Хр., работы растянулись более чем на 46 лет. В 70-м г. после р. Хр., вскоре после завершения постройки, Х. был разрушен при взятии Иерусалима римлянами (см. подавление первого иудейского восстания).

Авраам Стерн.
Лексикон библейской археологии.

— Джессика Джонс, — говорил Стивен в тоне непринуждённой болтовни, — добрая душа, всевидящее око, сердце и ум. Её отец был одним из близких доверенных лиц Мартина Лютера Кинга, а её брат — первый чернокожий мэр одного города в южных штатах, где тридцать лет назад никакой белый не сел бы рядом с чёрным на одну скамейку в парке. Джессика Джонс — единственная штатная сотрудница *Исследовательского общества* — и по ней можно проверять часы.

Они сидели втроем на двухспальной кровати в комнате Стивена и Иешуа и поглядывали на настенные часы, стрелка которых только что достигла деления без четверти пять.

— В Нью-Йорке сейчас без четверти десять утра, — продолжал Стивен. — В эту минуту Джессика Джонс входит в старинное здание Общества на 75-й улице. Оттуда, из верхних клубных помещений, обшитых красным деревом, открывается фантастический вид на реку Гудзон. Она только что отперла входную дверь и сейчас вынимает из ящика почту. Потом идёт к лифту, о котором легенда гласит, что он является первым экзаменом на мужество для тех, кто хочет стать членом Общества. И надо видеть этот лифт, чтобы получить представление о том, насколько запущенным может быть лифт вообще. Настоящее испытание для истинных искателей приключений. Мисс Джонс проходит через такое испытание каждое утро.

Перед ним лежал блокнот и шариковая ручка, а кроме того, стопка фотокопий, которые принёс с собой Иешуа. Лежала развёрнутая карта, детально отражающая Храмовую гору и Старый город; жёлтым цветом был отмечен ход туннеля в том виде, в каком его вывел отец Юдифи и Иешуа за долгие годы научной работы, а красным цветом обозначался ход туннеля, каким его обнаружил сонартомограф. Начиная с определённого места — примерно в пятидесяти метрах южнее от стены Храма — обе линии совпадали.

Стрелка часов дошла до следующего деления.

— Без десяти десять, — продолжал свой репортаж Стивен. — Мисс Джонс открывает дверь кабинета, кладёт почту в коробку входящих документов и включает компьютер. После этого она берёт большой кувшин с отстоявшейся водой и идёт с ним по всем помещениям, чтобы полить цветы, в первую очередь экзотические растения в клубных помещениях, — они нуждаются в особо внимательном уходе. Каждое из этих растений привёз какой-нибудь член Общества из дальней экспедиции, есть просто бесценные единичные экземпляры. И одним из талантов мисс Джонс считается то, что в её руках ещё не зачахло ни одно растение.

Он не рассказал им о встрече с Эйзенхардтом. Он не мог сказать, почему. Наверное, потому, что сам ещё толком не знал, как к ней отнестись.

Они рассматривали жёлтую и красную линии. Красная показывала, что реальный туннель делал два довольно заметных изгиба и затем вёл вдоль внутренней стороны западной стены на север. Жёлтая линия явно была не чем иным, как продолжением того направления, которое шахта брала в самом начале, и эта линия приводила прямоиком к резервуару в середине южной половины Храмовой горы.

Стрелка часов ползла так медленно, будто двигалась сквозь вязкий сироп. Юдифь наморщила лоб, недовольная тем, что Стивен тянет время из-за каких-то двух минут, но Стивен точно знал, что если он позвонит хоть за одну минуту до десяти часов, то застанет на другом конце только автоответчик.

Наконец-то пять часов. Откуда-то издалека послышались сигналы точного времени — видимо, у кого-то в номере работало радио. Десять часов на американском Восточном побережье. Стивен взял мобильный телефон.

— Десять часов. Мисс Джонс только что села за свой письменный стол и отключила автоответчик. Сейчас она заглядывает в большой, переплетённый в кожу календарь с расписанием, а после этого приступит к обработке почты.

Он вызвал номер общества из памяти телефонной книжки своего мобильника и стал слушать гудки.

Мисс Джонс подняла трубку после второго гудка и назвалась с обычной обстоятельностью и точностью:

— Добрый день, это Исследовательское общество, Нью-Йорк. Вы говорите с Джессикой Джонс.

Стивен назвал своё имя, и она тотчас вспомнила о том, что он сейчас находится в Израиле. Она спросила, что может для него сделать.

— Мисс Джонс, я хочу вас попросить заглянуть в вашу картотеку, — сказал Стивен. Картотекой была, естественно, компьютерная база данных. — Мне нужен кто-нибудь, сведущий в подводном исследовании нещер.

Вилларда и Элиаха Райан отослал. Они закончили обыск, но больше ничего интересного не нашли. Теперь он сидел в машине один напротив дома Иешуа, положив дневник рядом с собой и держа в руках записи, которые он сделал, когда Элиах закончил свой перевод.

Все подозрения Райана получали подтверждение. Стивен Фокс и его подруга начали расшифровывать письмо ещё в пятницу вечером. В первый вечер они успели прочитать только один фрагмент фразы, и единственная ультрафиолетовая лампа в их лаборатории испустила дух. На следующий день, в субботу утром, Иешуа купил в большом магазине электротоваров, который держал христианин, не подлежавший предписаниям шаббата, лампу на замену и продолжил исследование на свой страх и риск. Он прочитал начатую фразу до конца, потом принялся за второй лист, но с ним ничего не получилось: в отличие от первого листа шрифт второго не воспринимал флюоресцирующий раствор. Тогда Иешуа догадался предварительно обработать бумагу химикалиями, которые могли бы растворить полиэтилен, перешедший за тысячелетия из пластикового пакета на бумагу, и эта мысль оказалась удачной: хотя бы в нескольких местах он смог расшифровать текст. Почти первый же участок, сделавшись видимым, описывал место, где спрятана камера.

Райан смотрел через дорогу на голый, безликий доходный дом, в котором снимал квартиру Иешуа. Вечернее низкое солнце отражалось в нескольких окнах. Правду ли сказал Элиах? Этот израильтянин во время перевода несколько раз поглядывал на него вопросительно, как будто ждал, что Райан объяснит ему, о чём тут, собственно, идёт речь и почему эта дневниковая запись так важна. Разумеется, Райан игнорировал все его взгляды. Пусть думает, что хочет.

Если Элиах перевёл правильно, то Иешуа в своём дневнике не назвал место, где спрятана камера. Он только описывал во всех подробностях, какой ужас его охватил, как он пытался осмыслить, можно ли допустить, чтобы об этом месте узнал Стивен Фокс. Единственное, но более чем отчётливое указание на это место содержалось в дневнике в такой форме: *«Стивен всегда добивается того, чего хочет. С него станет и Стену плача продолжать».*

Исследователя подводных пещер звали Джон Хардинг, это был американец, родившийся на Гавайях, сорока с небольшим лет. Он был востребован по всему миру как

аквалангист, исследователь пещер и затонувших кораблей, инструктор подводного плавания и консультант подводных работ. Стивен смутно припоминал, как их знакомили в нью-йоркском клубе, но то был большой праздник, и у него осталось лишь общее впечатление о крупном медведеподобном мужчине с пепельной бородой викинга и самыми могучими лапами, какие ему только приходилось видеть. В настоящий момент Хардинг был в Мехико, и Стивен застал его за завтраком. На заднем плане слышался гул голосов, за столом явно сидела большая весёлая компания, и ещё примешивался шум, похожий на морской прибой. Стивен как можно короче объяснил ему, что он собирается предпринять.

— Подземный ход, затопленный водой, хм? — переспросил аквалангист. — Какой ширины?

— Примерно с метр.

— Ты не знаешь, нет ли в каком-нибудь месте обвала или сужения?

— Нет, не знаю.

Хардинг издавал цокающие звуки, как будто высасывал из зубов застрявшие остатки пищи.

— Тебе когда-нибудь приходилось нырять с аквалангом? С кислородом, я имею в виду.

— Да, — ответил Стивен. — Один раз, на Большом Барьерном Рифе. Это был курс подводного плавания.

— Хм-м. Ну ладно, слушай. Критические точки, если ты где-нибудь застрянешь, это шланг лёгочного автомата и шланг-финиметр. Если можно, достань компакт-аппарат с перевёрнутыми баллонами и нижними вентилями. Следи за тем, чтобы все соединения шлангов были закреплены на поясе. Маска должна быть полная, на всё лицо. Смотри, чтобы тебе не впарили обыкновенную. Я всегда беру «Диватор», но и другие приборы тоже ничего.

Стивен торопливо записывал. Вместе с тем его не покидало чувство недоверности происходящего. Неужто и правда завтра он спустится в этот подземный ход, чтобы преодолеть под Старым городом полмили в затопленной штольне?

— Дыхательная трубка тебе не понадобится. А вот подводный канат — да, достаточной длины, лучше немножко

длиннее расчётной, — как минимум шестимиллиметровый, плетёный, люминофор, а ещё лучше десяти миллиметровый, какие используют альпинисты.

— При длине в пятьсот метров это будет изрядная катушка, а?

— Да, конечно. Прежде всего тебе нужен человек, который будет постоянно держать канат слегка внатяг, чтобы сразу почувствовать твой сигнал. Окей, что ещё? — Хардинг соображал. — Детекторы. Тот предмет, который ты ищешь, металлический?

— Да.

Камера, хоть она и в пластмассовом корпусе, без сомнения, имеет достаточное количество металлических частей.

При этом ему пришло в голову, что он должен прихватить с собой герметичную ёмкость, чтобы пронести камеру под водой назад в целости и сохранности. Он записал советы Хардинга и чуть ниже: *пластиковый герметичный пакет*.

— Есть два вида детекторов: либо VLF-TR-детекторы, либо пульс-индукционные приборы. VLF — означает *very low frequency*, низкочастотный, а TR означает *transmitting and receiving*, приёмно-передающий, и действие его основано на том, что низкочастотное поле нарушается, если в него попадает металлический предмет. Нарушение можно померить, в этом вся соль. Поэтому важно взаимное расположение катушек. Идеальная катушка имеет форму «два D» и расположена со-planar. Пульс-индукционные приборы работают по другому принципу: они генерируют короткие импульсы постоянного тока, которые на какой-то момент создают сильное магнитное поле, а оно в свою очередь вызывает в искомом объекте вихревые токи, которые держатся дольше, чем импульс самого прибора, и поэтому поддаются измерению. Пульсовики отличаются огромной глубиной проникновения, до четырёх метров, если объект достаточно крупный, но, в отличие от VLF-TR-детекторов, не могут различать металлы.

— Объект, который я ищу, скорее мелкий. Граммов сто металлической массы, самое большее. Что бы ты мне посоветовал в этом случае?

Хардинг снова засмеялся.

— Скорее всего, у тебя не будет большого выбора, скажи спасибо, если прокатчик тебе вообще хоть что-то выдаст. Во всех средиземноморских странах они ужасно ревниво относятся к иностранцам, которые собираются поковыряться у них все сокровища из глубин. Но если у тебя будет выбор, возьми прибор, который можно переключать с *Motion* на *Slow-Motion*.

— Записал. Правда, я понятия не имею, что это такое.

— *Slow-Motion* означает, что прибор покажет металл только в том случае, если ты удержишь его неподвижно. *Motion* означает, что прибор покажет металл, если ты будешь двигать им туда-сюда. Чтобы прозвонить большую область, лучше *Motion*, а при более подробном поиске переключишься на *Slow-Motion*. Я много работал с *Silver Turtle*, это ходовой прибор. Самое приятное в нём то, что его можно применять как *Hipmount*.

— А это ещё что такое, *Hipmount*?

— Это прибор, который можно прицепить на пояс. Он в прочном литом пластмассовом футляре, который цепляешь за пояс.

— Окей, понял. Что ещё? В моём собственном списке стоит: лампы, смена батареек, компас, неопреновый костюм...

— Да, и самый тёплый, какой только сможешь достать.

— Ласты потребуются?

— Я бы взял, но на поясе. Но потренируйся, управись ли ты со свинцовым поясом и прочными подводными ботинками.

— Просто пройти, ты хочешь сказать?

— Ну да... Не относись к этому легкомысленно. Я бы не хотел увидеть твоё имя на чёрной стене. — На чёрной стене в их клубном здании вывешивались таблички с именами членов Общества, погибших во время экспедиций. — Кстати, кто пойдёт с тобой?

— Лучше всего, если бы приехал ты.

Хардинг тихо засмеялся.

— Нет, не получится. Я расписан до будущего года. Не хотел бы вгонять тебя в панику — если это действительно подземный ход сквозь скалы, пробитый руками человека, то риск невелик. Если бы ты мне сказал, что хочешь, как

начинающий аквалангист, сразу же погрузиться в затонувший корабль, то я бы тебе рассказал несколько историй, от которых у тебя встанут дыбом волосы.

Стивен глянул на Иешуа, потом на Юдифь. Оба следили за его телефонным разговором с угасающим интересом, поскольку ничего в нём не понимали. Приходилось ли кому-нибудь из них нырять?

— Но погоди-ка, — Хардингу пришла в голову какая-то мысль. Стивен слышал, как на заднем плане что-то зашелестело. Некоторое время был слышен только шум моря, потом снова появился Хардинг: — Я тут взял мою записную книжку, момент... Я могу дать тебе номера трёх ныряльщиков, которые живут в Израиле, я их хорошо знаю. Надёжные парни. Один живёт в Хайфе, два других — в Эйлате. Ты записываешь?

— Да, — Стивен записал номера телефонов. Один был инструктором по подводному плаванию в Эйлате, другой даже держал прокат подводного снаряжения. Эйлат располагается в самой южной точке Израиля, единственный израильский город на Красном море, и там много туристов, желающих понырять.

— Ну, мне пора закругляться, — сказал Хардинг на прощанье. — Надеюсь, мои советы тебе хоть немножко помогут. Если ещё что-то понадобится, звони в любое время. Завтра в этот час я буду наверху, потом ещё вечером, примерно с семи часов Восточного времени — не знаю, сколько это будет там у вас...

— Будет очень поздно.

— Окей, как я сказал — в любое время. И удачи!

Эйзенхард снова сидел с двумя руководителями раскопок и канадским историком в переговорной комнате и чувствовал, что бесконечные дебаты уже начинают его раздражать. Он больше не принимал участия в дискуссии, даже не вникал, о чём шла речь, а ломал себе голову над сегодняшним разговором со Стивеном Фоксом в Американской библиотеке. Знал ли Фокс что-то в действительности или только делал вид, что знает?

И, как это уже часто бывало, в какой-то момент распахнулась дверь, вошёл Джон Каун, одетый, как всегда,

так, будто они находились в конференц-зале где-нибудь на Манхэттене, а не в лагере посреди пустыни, и, разумеется, рядом с ним был неотлучный Райан, похожий на человекоподобную акулу. Каун держал в руках несколько исписанных листков из записной книжки. Он подошёл к столу и оглядел всех присутствующих. Тут и Эйзенхардт переключился на внимание. Воздух внезапно будто зашипел и запузырился. Каун просто полыхал от еле сдерживаемой энергии, в его глазах сверкало победное торжество. Что-то произошло.

Ни одного из трёх аквалангистов застать не удалось. Стивен смотрел на маленький телефонный аппарат в своей руке так, как будто это он один был во всём виноват.

— Идём, — сказал Иешуа. — Давайте поедим, а потом сделаешь ещё одну попытку.

Стивен посмотрел на него и внезапно почувствовал смертельную усталость. Он не хотел подниматься с кровати, куда-то идти, он хотел остаток жизни больше не двигаться с места.

— Сходите без меня, — глухо произнёс он. — Я не хочу есть, и мне ещё нужно сделать пару звонков в мой банк. Это странствие по затопленному подземелью столицы пустыни — недешёвое удовольствие.

Юдифь не хотела идти без него. Но Иешуа напустился на неё, что он сильно проголодался и не может больше ждать.

— Идите, — настаивал Стивен. — Я думаю, мне как раз кстати будет побыть одному и кое о чём поразмыслить.

В конце концов брат с сестрой ушли, хотя Юдифь сделала это очень неохотно.

— Если ты передумаешь, — сказал Иешуа, — то мы в ресторанчике напротив, окей?

— Приятного аппетита.

Дверь комнаты закрылась за ними, стихли их шаги по коридору, а Стивен всё ещё смотрел на чудовищный лилово-зелёный узор покрывала, на бумаги, лежащие вокруг него, и ему казалось, что ему становится всё тяжелее и тяжелее. Он почувствовал сильное желание одним движением смахнуть с кровати все эти карты, все эти копии и

блокнот, чтобы больше никогда их не видеть, однако этот импульс увяз в неодолимой инертности, которая опустилась на него, как сумерки на город.

Банк. Эта мысль заставила его снова востроиться. Ему нужно было снова получить доступ к своим деньгам — не только ради подводного снаряжения, но и для того, чтобы просто расплатиться за отель и за еду в ресторане. Он снова взял свой мобильник и перебирал номера, пока не дошёл до номера Хью Каннингэма.

Хью был его оператором у него в банке — рослый отец семейства с лицом, густо пронизанным красными прожилками, он любил ходить в боулинг и обожал двух своих дочек. Хью с самого начала проникся симпатией и к Стивену Фоксу, и к его необычному для столь юного возраста предприятию, и им частенько приходилось сообща прорабатывать такие хитроумные комбинации, которые были уже на грани нарушения внутрибанковских предписаний, а то и на волосок за этой гранью. До сих пор всё обходилось. Хью знал, что может положиться на Стивена Фокса, а Стивен знал, что может положиться на Хью. Если он сейчас до него дозвонится, тот поможет ему без всяких сомнений. А если Хью сейчас уехал со своим семейством в традиционный летний отпуск, то дела Стивена плохи.

Подозрительно долго никто не снимал трубку. Стивен вздохнул. Господи, только бы не отпуск! Неужто Хью подложит ему такую свинью!

Наконец трубку сняли. Женский голос звучал довольно паршиво и назвался именем банка. Стивен назвал своё имя и попросил к телефону Хью Каннингэма. Может быть, он всего лишь отлучился в туалет.

— О, мистер Фокс, — узнала его женщина, и теперь он тоже узнал её голос: то была мисс Гэррити, старая дева и коллега Хью, принципиальность которой им то и дело приходилось обходить правдами и неправдами. И сегодня у неё, казалось, был не лучший день в её жизни. — Боюсь, что вам сейчас не удастся поговорить с Хью...

Ну вот ещё.

— Сейчас не удастся? — цеплялся за соломинку Стивен. — Что это значит? Когда он будет?

— Ах, — вздохнула она и ещё раз: — Ах.

— Мисс Гэррити, мне на самом деле чрезвычайно важно поговорить с Хью. Не могли бы Вы...

— Стивен, — вздохнула она, и это как-то наэлектризовало Стивена, потому что она ещё никогда не называла его по имени, — я не должна вам об этом рассказывать, но ведь вы с Хью так... я боюсь, вы можете... сегодня утром у Хью произошёл несчастный случай.

— Несчастный случай? — глупо повторил Стивен.

— Да, — сглотнула она. — Мы узнали только что. Он сразу, на месте... Бедные дети! Я только и думаю, что о его детях.

Стивен уставился на узор на обоях — зелёно-фиолетово-бело-жёлтый, этот узор, казалось, менялся: то в нём виделось лицо, то географическая карта, то снова лицо.

— Хью погиб?

— Бензовоз, представляете? Какой ужас. Мы все тут не можем прийти в себя. Он ехал на работу, как обычно... Я даже не знаю, сообщили ли его жене. Какой ужас.

Она что-то ещё говорила, но её слова превращались в лишённое смысла то нарастающее, то стихающее бормотание. Хью Каннингэм мёртв. Сегодня утром — значит, по их времени, только что? Стивен почувствовал дурноту. Не будь Хью, никогда бы не смогла осуществиться его первая сделка, его большой бизнес. Хью Каннингэм вместе с ним сочинял банковскую справку, которая представляла маленькое предприятие Стивена в самом благоприятном свете, не опускаясь при этом до откровенной лжи, и благодаря этой справке его заказчики склонились к тому, чтобы пойти на риск. И вот его сбил бензовоз. Так запросто. Стивен что-то говорил в трубку, что-то выслушивал в ответ, потом попрощался и отшвырнул мобильник на покрывало так, будто в момент отключения он вдруг потяжелел на центнер.

То, что он временами воображал о себе, — было просто чушью: то, что он всего добился сам, что он такой весь из себя умный, честолюбивый и целеустремлённый. Ему просто повезло, сильно повезло, без везения никто ничего не может добиться, тем более без помощи и поддержки других людей, а чтобы их встретить, опять же необходимо везение. Хью Каннингэм был одним из таких людей, а

попал на него Стивен только потому, что его фамилия начинается на букву Ф. Если бы она начиналась на другую букву алфавита, его оператором могла бы оказаться мисс Гэррити, а у неё он грыз бы гранит со своими особыми пожеланиями.

Целая галерея образов возникла перед его внутренним взором. Боб Дэниэлс, директор вычислительного центра в Мэдисоне, который разрешил ему ночами использовать компьютерные устройства, чтобы программы, полученные из Индии, свести воедино и записать на носители, которые он мог потом готовенькими отнести своим клиентам, и это выглядело так, будто за ним стоит большая профессиональная команда разработчиков. А его индийские партнёры, которых он знал только по фотографиям? Прежде всего Амаль Рангараджан, который расписал стержневые функции системы и не раз указывал ему на ошибки, которые могли бы провалить весь проект. А Джарнаил Сингх, который в рекордно короткое время написал итоговую программу, которая потребовалась дополнительно, и только отшучивался при этом. Так много было людей, которым он должен быть благодарен.

Бет, старшей дочке Хью, было четырнадцать лет, когда Стивен пришёл к ним в гости. На обед был суп из кресс-салата и жаркое из маринованной баранины с картофельными клёцками и жареными овощами, а на десерт неправдоподобно-вкусный фруктовый крем, и всё это время Бет не сводила с него глаз, потому что он, как потом рассказал ему Хью, был ровесником Гранта, старшеклассника, по которому Бет сходила с ума, но Стивен был одет в настоящий костюм с галстуком и выглядел как взрослый. Вскоре после этого Бет перестала сходить с ума по Гранту, о чём Хью сообщил Стивену с большим облегчением — это облегчение стало понятно, когда несколько лет спустя Грант был прямо в школе арестован за торговлю наркотиками.

Что-то в нём отказывалось верить в то, что Хью Каннинэм был мёртв. Кто же теперь будет его оператором? Может быть, мисс Гаррити? Она, конечно, повысит лимит его кредитной карты, но лишь после того, как он лично подпишет все необходимые формуляры, и действие нового лимита начнётся, как положено, лишь с первого

числа следующего месяца. И уж ни в коем случае не на основании телефонного звонка, и уж ни в коем случае не тотчас. Придётся заказывать перевод денег, а это потребует времени, ведь банки всё ещё действуют так, будто перевести деньги из одного места в другое стоит им нечеловеческих усилий. Когда дело касается каких-нибудь брокеров или валютных маклеров, то миллионные суммы перелетают со счета на счет в доли секунды, но когда речь заходит о деньгах клиентов, то складывается впечатление, будто они снаряжают верховых нарочных. Стивен мог бы попытаться получить наличные со своей карточки American Express, но этого хватит только на повседневные расходы. Арендовать подводное снаряжение стоит много дороже, на этот счёт он не питал никаких иллюзий.

Оказаться у самой цели — и тут такая перемена ветра, прямо в лицо. Он попытался представить, как надевает гидрокостюм, как неопрен упруго и мягко облегает его тело, попытался ощутить тяжесть баллонов, давление маски на своём лице, внезапный холод воды при погружении, металлический привкус воздуха из дыхательного автомата. Он всегда так поступал, когда встречал трудности на пути к цели: пытался как можно более живо вообразить, что уже достиг этой цели. Итак, мысленно он проник в узкую шахту, чуть шире его плеч и длиной в полмили, освещённую нагрудным фонарём, но картинка расплывалась в воображении, требуемые ощущения больше не вызывались в памяти, ускользая тем быстрее, чем больше усилий он прилагал к их удержанию.

Ему пришлось подавить лёгкую панику, поднявшуюся в нём. Возможно, он просто был не в себе после известия о смерти Хью. Больше ничего. Всё, что он должен был сейчас сделать — это расслабиться и предоставить событиям следовать естественным ходом, тогда всё встанет на свои места. И выход найдётся. Выход всегда находился. По крайней мере, до сих пор всегда было так.

В конце концов его мысли перестали кружить вокруг одного и того же. Он просто сидел, смотрел перед собой, ничего не видя, и время шло. Он слышал звуки города — мимо проезжали машины, люди беседовали между собой, работал дальний транзисторный радиоприёмник, из кото-

рого изливалась тоскливая арабская мелодия. Вода громко гудела в трубах, вделанных в стены. Скрипели кровати. Пахло выхлопными газами, жареной бараниной и мусором, гниющим в переполненных контейнерах. И тикали часы.

Было очень странное ощущение. Как будто все последние дни он пробивался сквозь циклонный вихрь урагана и вдруг достиг его тихой безветренной сердцевины. Теперь всё стихло и успокоилось, всё возбуждение улеглось, и он уже не знал, который час или как долго он сидит здесь на кровати в гостинице и движется ли время вообще.

В этой тишине до него внезапно донёсся тихий голос, который по-мышьиному тоненько, но настойчиво и давно пробивался к нему изнутри, но до сих пор его заглушал весь этот грохот. Голос, который задавал один простой вопрос, который уже давным-давно следовало бы задать.

Шаги по коридору. Хлопнула дверь соседней комнаты, потом вошёл Иешуа, один. От него пахло сигаретным дымом и кухонным духом. Он был в хорошем настроении.

— Слушай, ну что ты сидишь тут в темноте? — воскликнул он и включил свет. — Ты всё прошляпил, — рассказывал он и громко хлопал оконными створками, закрывая их. — Еда была не только отличная, но и обильная, к тому же хозяин выставил нам пиво, а потом явились двое музыкантов, пианино и контрабас — ах, какой был джаз!

Стивен смотрел на него словно из другого мира.

— Иешуа, — сказал он медленно и обстоятельно, — а что это была за секта, которая прорубила этот туннель? И главное — зачем?

31

Ирод повелел увеличить площадь Храмовой горы за счёт опорных стен и таким образом создать протяжённую террасу. На ней был возведён Х., при этом подступы к нему террасами поднимались один над другим. Вокруг Храмовой горы тянулись великолепные мраморные колоннады, а в западной части два моста связывали Х. с городом. Перед собственно Х. располагался внутренний двор, «Двор Израиля» с

алтарём размерами 32×32 локтя, бассейном для культовых омовений и бойней для жертвенных животных. На западе к этому двору примыкал передний двор для женщин; четыре угловых отделения были предназначены для насиреев, для прокажённых больных и для хранения древесины и масла.

Авраам Стерн.

«Лексикон библейской археологии».

Стопка ксерокопий с научной публикацией их отца лежала между ними на шатком столике в зале для завтраков, и Юдифь рассматривала бумаги так, будто это были самые непристойные материалы, какие ей когда-либо приходилось видеть.

— Ну и идите, — враждебно сказала она. — Я вас не держу.

Этим, в конце концов, дело и кончится, — подумал Стивен. Они снова просматривали весь текст — вернее, просматривал Иешуа, поскольку он был написан на иврите, — но из текста никак не следовало, кто прорыл ход под Храмовую гору и для чего он изначально служил. Хотя Иешуа натыкался на множество понятий, которые ему ни о чём не говорили, он всё-таки считал, что в этом исследовании его отец вообще не задавался таким вопросом. И хотя эта шахта была в семье Менец предметом обсуждения в течение многих лет, ни Иешуа, ни Юдифь не могли припомнить, чтобы их отец когда-нибудь упоминал предполагаемых инициаторов этой затеи.

Значит, надо пойти и спросить у него самого.

— Я не понимаю, почему это так уж важно, — сердито продолжала Юдифь. — Подземный ход существует, мы знаем, где он начинается и где кончается, и случайно он заканчивается именно там, куда хочет попасть Стивен. Так почему бы нам просто не воспользоваться им? А спросить, кого мы должны благодарить за него, можно и после, как-нибудь при случае.

— Мы только заглянем к нему на минутку, — сказал Стивен. — Одна нога здесь, другая там. Два часа — и мы снова тут. Проблема денег задержит нас гораздо дольше.

— Это не ответ.

— Окей. Тогда ответ звучит так: у меня такое чувство, что это важно для нашего дела.

— Ах, у тебя такое *чувство*, — насмешливо повторила Юдифь. — Прекрасный повод, я бы сказала.

Стивен сделал непроницаемую мину и решил не реагировать на её насмешки. Если он ей не нравится, то это, в конце концов, её личное дело.

— Да, — ответил он, — именно так. В большей или меньшей степени всё, что мы делаем или не делаем, коренится в наших чувствах.

— Как и у тебя самой, — укорил сестру Иешуа. — По правде говоря, ты не хочешь это делать только потому, что не хочешь принять образ жизни отца.

Юдифь так резко отставила свою чашку кофе, что тёмно-коричневая жидкость выплеснулась через край на запятнанную скатерть. Стивен живо поднял со стола стопку бумаг и для безопасности переложил их на четвёртый, свободный стул.

— Да, — гневно ответила Юдифь. — Совершенно верно. Я не приемлю такой образ жизни. Когда мужчина оставляет свою жену после тридцати лет брака и ещё прикрывается своей набожностью. И никогда не приму.

— Может быть, ты упрощаешь, — ответил Иешуа. — Может быть, есть вещи, которые осложняли брак наших родителей, и, может быть, он только ради нас ждал этого шага, который был ему необходим задолго до того. Вспомни о тех временах, когда тебе было лет семь-восемь, как часто они тогда...

— Тогда почему он не даст ей развод? Раз уж он её оставил, то по крайней мере должен дать ей шанс начать новую жизнь. Ведь сам-то он, в конце концов, так и сделал.

— Традиция велит...

— Ах, традиция! Конечно, вот мы снова пришли к тому же. Традиция. Священная традиция. В этом вы одинаковы — ты и отец. Вы молитесь не Богу, вы молитесь традиции. Вот что я хочу тебе сказать: эта традиция у меня вот где, она означает не что иное, как господство над вами тех людей, которые уже тысячи лет как умерли!

— Традиция есть то, что в течение тысячелетий позволяет народу оставаться единым целым.

— Ах, вон как? Я вся дрожу от благоговения. И какую цену мы платим за это — ты и я и любой в этой стране?

Она лежит на нас проклятием, эта досточтимая традиция, она принуждает нас к вечным воспоминаниям. Воспоминания, воспоминания, их так много, что за ними мы забываем собственную жизнь. Разве не так? Сколько лет минуло с Исхода? Три тысячи? Ну и смекалистые, видать, были у нас предки, если они сорок лет шлялись по пустыне в поисках Земли Обетованной. Они довольствовались хижинами из пальмовых веток и от нужды ели пресный хлеб, в те времена это действительно было разумным решением проблемы. Но теперь? Теперь мы продолжаем на суккот строить шалаши, а на пессах есть опресноки — после трёх тысяч лет всё ещё продолжаем, из года в год, и так будет до скончания дней. Почему мы до сих пор должны сострадать тем людям, кости которых давно уже истлели в земле? Неужто наша жизнь стоит меньше? В самой первой моей машине сломался замок багажника, и я всё время закрепляла его резинкой. Но это же не значит, что отныне все люди навеки должны в своей первой машине привязывать багажник резинкой! А ведь именно это делает с нами наша священная традиция: кто-то когда-то в начале истории что-то сделал, причем действовал при этом по своей доброй воле — но всех нас, кто пришёл после него, он навеки поработил.

Иешуа с чувством неудобства осмотрелся. В зале было не очень многолюдно, столики рядом с ними пустовали, но нарастающая резкость их разговора уже привлекала к себе внимание. Его челюсть нервно задвигалась из стороны в сторону.

— Ну почему ты всегда всё так преувеличиваешь? До абсурда, без... чувства меры...

Юдифь со вздохом капитуляции откинулась на спинку и вперилась взглядом в стол, ища все ответы в выцветшем узоре скатерти.

— Ну, идите же наконец. А я останусь и буду предаваться собственным чувствам.

— Да, именно так мы и поступим, — Иешуа сердито поднялся из-за стола. Стивен тоже встал, чувствуя себя виноватым, как зачинщик этой ссоры.

— Стивен? — окликнула Юдифь и бросила на него снизу взгляд, в котором поблёскивало злорадство. — Тебе

ведь всегда хотелось узнать, каково это — отправиться в путешествие в прошлое. Тогда смотри, ничего не пропусти.

— В официальных документах, — объяснил Шимон Бар-Лев, — её больше не называют Стеной плача, потому что время плача миновало. Её называют просто Западной стеной.

— Хорошо, пусть будет Западная стена, — Джон Каун пожал плечами. — Это не снимает проблемы.

— А в чём тут проблема? — продолжал Бар-Лев. — Вы здесь одну за другой фабрикуете авантурные гипотезы, и всякий раз в итоге выходит, что надо непременно покуситься на какую-нибудь святыню иудеев. Те выводы, которые вы делаете на основании дневниковых записей, я нахожу, с позволения сказать, недоступными для понимания.

— Уважаемый коллега, — раздался громоподобный бас профессора Гутьера, — позвольте мне вам возразить. Я считаю, что Западная стена не только подходящее место для сохранения послания во времени, но дело даже обстоит так, что нам должно быть стыдно, как это мы до сих пор сами не пришли к этой мысли. Особенно теперь, когда мы узнали, что это не запланированная акция, а прихотливый удар судьбы, забросивший неизвестного путешественника в прошлое. Вы только вообразите себе его положение: у него видеокамера, и он принимает решение снять Иисуса. Естественно, он прикидывает, как спасти отснятый материал и донести его до будущего. Мы знаем, что он совершал туристическую поездку по историческим местам Израиля. Разве не естественно было бы допустить, что он, прежде чем очутиться вблизи такой второстепенной достопримечательности, как некрополь Бет-Шеарима, уже как следует осмотрел Иерусалим? Если это так, то он без сомнения делал видеосъёмки и там — другими словами, у него была возможность посмотреть на мониторе своей видеокамеры, как будет выглядеть Западная стена, и выбрать в ней подходящий камень.

— А потом? — скептически возразил Бар-Лев. — Каким образом он спрятал камеру в стене?

— Прикнув к строительным рабочим.

— Это он мог бы сделать самое раннее после распятия Иисуса, то есть в 30-м году. А храм к этому времени давно уже был построен. Сам храм и его несущие стены были возведены уже к моменту смерти царя Ирода, а она случилась в 4-м году до начала нового летоисчисления.

— Иосиф бен Маттитуяху пишет, что работы над храмом продолжались до самого начала восстания против римлян в 66-м году. Мы должны исходить из того, что усовершенствования и переделки велись постоянно.

— И что? Что вы хотите сделать? Западная стена — это святыня, к тому же усиленно охраняемая. Даже если бы вы в точности знали, в каком именно блоке спрятана камера, вам бы не удалось извлечь её оттуда.

— Что она хотела этим сказать? — спросил Стивен, когда они ехали по городу в направлении, указанном Иешуа.

— Отец живёт в Меа-Шеариме, — объяснил Иешуа, и это прозвучало так, будто ему неудобно было в этом признаться. — Это квартал ортодоксальных иудеев.

Они ехали по сквозной магистрали в северо-западном направлении, пока Иешуа не дал ему сигнал присматривать место для парковки. Потом они немного прошли пешком вдоль главной улицы и свернули в боковой переулок.

Стивен не поверил своим глазам. Если бы он не знал, что они в Иерусалиме, посреди иудейского государства, он был решил, что угодил в гетто. Когда-то государства-угнетатели загоняли в такие гетто, в нечеловеческие условия жизни, ненавистные им меньшинства. Они шагали по мрачным узеньким улочкам, бестолково изгибающимся переулкам, наполненным тяжёлым запахом тушёной капусты и людьми — мужчинами, одетыми во всё чёрное, с колышущимися бородами, и женщинами, которые, невзирая на полуденный зной, были так тщательно закутаны в поношенное тряпье, как будто вот-вот разразится лютая русская зима. Так, должно быть, выглядели гетто в Восточной Европе девятнадцатого века, но ведь сейчас это был не музей, не сценическая декорация давнего угнетения, а внушающая ужас действительность.

На глаза им то и дело попадались большие ржавые щиты, с которых по-английски и по-еврейски изрыгались суро-

вые предупреждения типа *«Иудейская дочь! Тора обязывает тебя одеваться скромно»* или *«Мы не потерпим аморально одетых прохожих»*. На них посматривали осуждающими, враждебными взглядами.

Иешуа вёл Стивена по какому-то удручающему лабиринту слепых домов с узкими входами и тесными дворишками. Некоторые переулки были покрыты гофрированной жестью, проржавевшей от времени, и было боязно, что она того и гляди сорвётся тебе на голову. Со многих дверей и железных оконных ставень облупилась старая краска.

На глаза Стивену попадалось множество ребятнишек. Они немymi пугливыми гроздьями повисали на материнских подолах, когда мимо них проходили двое чуждых пришельцев, и потом смотрели им вслед бездонными меланхолическими глазами. Их матери, часто нося в себе новый приплод, жалко плелись, нагруженные покупками или бельём, которое они вывешивали сушиться на верёвках, вкривь и вкось натянутых прямо через улицы. Старшие мальчишки были в коротких чёрных штанишках и длинных чулках, они не бегали и не играли, а только стояли — малокровные, похожие на маленьких измождённых старичков. Шум детских голосов время от времени доносился из-за мрачных окон, но Иешуа вполголоса объяснил, что это хедеры — школы по изучению Торы, и то были голоса не играющих, а хором бубнящих священные тексты детей.

Согбенные старики тащились, влача сетку с двумя апельсинами или буханку хлеба в руке, с клочковатыми седыми бородами и в толстых чёрных пальто, источающих неопишемую вонь: правила приличествующей одежды, видимо, совсем не требовали эту одежду хоть изредка стирать.

Но по-настоящему ужаснул Стивена облик молодых мужчин, которые попадались им навстречу: они излучали пугающую иступлённость и беспощадность. Поначалу он списал это на счёт их причудливого одеяния — чёрных длинных кафтанов и широкополых шляп, из-под которых свисали длинные пейсы. Но многие носили и нормальные чёрные костюмы, правда, с пуловером под пиджаком и в неизменной шляпе на голове, а лицам предоставляли свободно зарастать дикой растительностью — и всё равно их глаза за толстыми стёклами очков поблёскивали точно так

же неумолимо. Те, что пока не могли укрыться за библейской бородой, обнаруживали недовольное, страдальческое выражение лица, и казалось, что кровь под их восковой кожей течёт медленнее и что она холоднее, чем предусмотрено природой. На этих улицах все словно стоворились стать карикатурами на самих себя, к тому же они старались обустроить свою жизнь так, чтобы никто не посмел упрекнуть их в том, что они этой жизнью наслаждаются.

— А ты уверен, что твой отец дома? — спросил Стивен, невольно приглушая голос.

Иешуа кивнул:

— Он никогда никуда не ходит.

Они дошли до сравнительно пустой площади, которая когда-то была вымощена белым камнем, но теперь щербины во многих местах были залатаны неприглядным бетоном. Бельевые верёвки были натянуты и здесь, и вид целого ряда цветастых трусов, несомненно женских, показался Стивену в атмосфере пуританской морали Меа-Шеарима прямо-таки фривольным.

Перед некоторыми домами стояли временные — но уже давно состарившиеся — лачуги, неумело сколоченные из досок, усиливая общее впечатление трущоб. Пахло всё той же капустой и уксусом, пригоревшим молоком и сотней других ароматов, которые Стивену даже не хотелось идентифицировать. Он следовал за Иешуа, который целеустремлённо двигался к лестнице, ведущей между двумя дощатыми сараями вверх на галерею. Галерея объединяла несколько ветхих домов на всю ширину площади и давала доступ к верхним этажам. Всё, что появилось здесь из достижений двадцатого века, было пристроено позднее: водопровод, электрические кабели, трубы канализации — всё проходило снаружи, кое-где причудливо огибая оконные и дверные проёмы.

Они вошли в тёмный коридор. Иешуа постучался в одну узкую, едва заметную дверь. Изнутри кто-то отозвался. Он нажал на ручку и толкнул дверь, которая поддавалась с сопротивлением и жалобным скрипом.

За дверью было сумрачно, если не считать слабого света настольной лампы, освещавшей открытую книгу и руку, удерживающую её открытой. Очертания всего остального

можно было лишь угадывать: кровать, шкаф, больше ничего. Единственное оконце, прорубленное где-то на недосягаемой высоте, было размером с кухонное полотенце и почему-то зарешёчено.

Иешуа произнёс что-то на иврите.

Сердитый старческий голос ответил ему по-английски:

— Сколько можно тебе говорить, что эти слова я произношу только во время богослужения? Разговаривай со мной по-английски или выучи идиш!

Эйзенхардт наблюдал за Кауном. Тот сидел, свободно скрестив руки — являя собой само спокойствие, — и делал вид, что следит за дискуссией, которую вели профессор Гутьер и Шимон Бар-Лев. Но пальцы медиамагната беспокойно барабанили по локтю другой руки, а глаза его, казалось, задумчиво смотрели в невидимую даль.

— А где у нас, кстати сказать, — неожиданно спросил Каун, — чертежи, которые сделали Робертс и Мартинес?

Все посмотрели на него. Никто не понял вопроса.

— Ну, сонартомограф, или как это там, — подсказал миллионер. — Исследование Храмовой горы.

Профессор Уилфорд-Смит вздохнул:

— Если я правильно припоминаю, они лежат в папке среди других бумаг в кухне.

Каун мельком взглянул на Райана. Тот послушно встал и быстро вернулся с толстой папкой, положив её перед Кауном.

Дебаты заглохли. Все с интересом следили, как Каун перелистывает бумаги в папке. Наконец он поднял кальку на свет, произнёс «Ха!», включил проектор и положил кальку под объектив.

— Наверное, нам всё-таки надо было тогда дать Робертсу выговориться, — сказал он, как будто это была общая вина, что доклад томографиста был прерван на полуслове. — Вот ← что это такое? Ведь это подземный ход, который ведёт прямо за Стену плача, я прав?

— За Западную стену, — автоматически поправил его Бар-Лев.

— Как хотите. Но ведь это ход.

— Хм-м, — израильский археолог склонился над чертежом, лежащим на освещённой подложке проектора. — Но

это не так. За Западной стеной, правда, есть один ход, но он ведёт от Излучины Уилсона на север, а вовсе не за священную преграду.

— Этот чертёж основывается на очень точных замерах, — ответил Каун, — и значит, ход несомненно существует. Из того, что вы сказали, можно лишь сделать вывод, что до сих пор этот ход не был обнаружен.

Бар-Лев потёр себе подбородок. Профессор Уилфорд-Смит остановился с ним рядом и тоже стал вглядываться в чертёж на кальке, как будто ему было недостаточно того, что он проецировался на стену. Они вместе стали идентифицировать линии и затемнённые участки, тихо бормоча названия:

— Баб эс-Сильсилех... Соломоновы конюшни... Тридцать шестой резервуар.

— Может быть, — наконец сказал профессор Уилфорд-Смит, — это и в самом деле ещё никем не открытый подземный ход или шахта.

— Ну так вот! — воскликнул Каун с нескрываемым триумфом. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве ход не отвечает сразу на два вопроса? Во-первых, на вопрос, как путешественник во времени мог спрятать свою камеру. — Он огляделся, как будто в ожидании аплодисментов. — И, во-вторых, на вопрос, где камера находится сейчас.

За неимением другого места они сидели на кровати. Стул, на котором сидел отец Иешуа, был единственный в комнате. Вполне возможно, он был даже удобнее, чем жёсткая кровать с неровным, комковатым матрацем.

Глаза постепенно привыкли к сумрачному свету. Стивен попытался составить себе представление о человеке, который сидел за столом с лампой и книгой, так и не сдвинувшись с места. Он видел массивную фигуру с прямо-таки патриархальной бородой, которая сделала бы честь библейскому пророку, и этот человек продолжал удерживать книгу раскрытой, без комментариев слушая объяснения Иешуа. Наискосок от сидящей фигуры Стивен заметил низенькую подку, на которой стояли тазик для умывания и графин с водой. На ночном столике рядом с кро-

вацию лежал искрошенный ломоть хлеба. Во всём прочем комнатка была такой убогой и голой, какими в наши дни не бывают даже тюремные камеры: ни ковра, ни картины на стене, никакого личного предмета.

— Значит, подземный ход, — пробурчал отец после того, как Иешуа закончил. — А почему он вас интересует?

— Мы хотим пробраться по нему за Стену плача, — сказал Стивен. Наступило время и ему вступить в разговор.

— Пробраться по нему? Оставьте это. Однажды уже была попытка. Это слишком трудно.

— С тех пор прошло двадцать пять лет, — возразил Стивен, — и техника шагнула далеко вперёд. С сегодняшней экипировкой сделать это будет гораздо легче, чем тогда. Надо просто попробовать.

Пауза. Потом — безучастным тоном:

— Ну и хорошо. Попробуйте.

Стивен подался вперёд и непроизвольно сложил ладони молитвенным жестом:

— Но мы здесь, честно говоря, по другому поводу. Мы прочитали вашу работу 1967 года — то есть, Иешуа её прочитал, потому что я не владею ивритом, — в которой вы описываете историю и предположительный маршрут этого хода. Но вы там не говорите, кто прорыл этот ход и для чего.

— Вы думаете, я это знаю?

— Отец, ты это знаешь, — напомнил ему Иешуа. — Ты мне как-то говорил, когда я был ещё маленький. Теперь я не могу вспомнить, что именно ты мне тогда рассказывал.

Теперь рука в тусклом свете лампы наконец отпустила книгу, закрыла её и отложила в сторону.

— Всё это слишком старые истории. Я отравил себе жизнь этим подземным ходом, я вымотал все силы в изнурительной борьбе против научного истеблишмента... Теперь мне это уже неинтересно. Ответвление туннеля Хиския, как они считают? — пожалуйста, ответвление так ответвление.

— Отец, ты говорил, что была какая-то секта, которая прорыла этот ход. Что это за секта?

— Когда-то я всё это знал, но теперь это потеряло значение и смысл. Об этом было написано в каких-то книгах, но их у меня больше нет.

— Но кого же мне ещё спрашивать, если не тебя? Ты единственный, кто это знает.

— Я забыл. Теперь я читаю только Библию и думаю только о смерти, и тут являешься ты и требуешь от меня каких-то воспоминаний. Да я с трудом припоминаю, что ты мой сын, не говоря уже про какой-то там подземный ход.

В каморке установилась напряжённая, бездыханная тишина, как будто все трое замерли. Стивен чуть не вздрогнул, когда сидящий рядом с ним Иешуа глубоко вздохнул и подавленно прошептал:

— Отец, *пожалуйста!*

Никакой реакции. Они сидели, с улицы пробивались голоса, далёкие и смутные, и хотя снаружи стоял жаркий, светлый солнечный день, они сидели в темноте и ждали неизвестно чего. Стивен начал спрашивать себя, уж не умер ли отец Иешуа.

Но тут старик пошевелился. Стул под ним заскрипел, когда он с усилием поднялся, опираясь о стол.

— Подземный ход, — сказал он, тяжело дыша от нагрузки. — Опять этот подземный ход, не оставляет он меня в покое... — Не в силах разогнуться, он мелкими шажками прошаркал через комнату к шкафу. — Вечное проклятие тяготеет надо мной... — Это больше походило на разговор чудаковатого старика с самим собой. Он открыл дверцы шкафа и долго и шумно там возился, пока наконец не извлёк на свет тонкую папку, с которой вернулся к столу.

— Вся эта история началась во времена Четвёртого крестового похода, — начал он рассказывать, одновременно пытаясь развязать тесёмки папки своими заостренными и неуклюжими пальцами. — В 1219 году, если я не путаю, крестоносцы осадили египетский город Дамитте. Во время этой осады из Италии приехал один монах, Франциск из Ассизи, основатель ордена францисканцев. Этот монах просто отправился через линию фронта между крестоносцами и сарацинами в лагерь султана, предстал перед ним и прочитал ему проповедь. Предание гласит, что султан был под сильным впечатлением и в ответ на просьбу Франциска разрешил ему посетить святыне места в Палестине. — Нако-

нец ему удалось справиться с завязками, и он раскрыл папку. — Я всегда спрашивал себя, что побудило его на такой безрассудный поступок.

Он некоторое время перебирал бумажки, перекладывал их туда и сюда, ища что-то определённое.

— Примерно с того самого времени в этой стране существуют монастыри францисканского ордена. Они есть и по сей день. В Иерусалиме, в Вифлееме, в Акко, Тибериасе, Капернауме, Иерихоне и так далее. Время от времени францисканцев изгоняли, но они упорно всякий раз спустя несколько лет возвращались назад.

Наконец он нашёл то, что искал.

— Вот, — сказал он, поднимая листок бумаги, исписанный нечёткими каракулями, причём это была ксерокопия другого, более старого документа. — Из этой грамотки следует, что францисканцы в 1350 году имели во владении здание к югу от Храмовой горы, которое тридцать лет спустя снова покинули. И эта карта, — он поднял другой листок, но тоже так быстро, что Иешуа и Стивен едва успели взглянуть на несколько чёрных линий, — показывает, что это здание стояло ровно на том месте, где Халил Саад в своё время отрыл наполненный водой резервуар, когда начал строить свой дом.

— Вы считаете, что шахту прорыли францисканцы? — осторожно уточнил Стивен.

— Да. Я даже считаю, что они именно ради этого пришли в Палестину.

Стивен ошеломлённо заморгал:

— Чтобы прорыть подземный ход?

— Они следовали одной древней легенде, — объяснил отец Иешуа. Ещё один клочок бумаги, на сей раз маленький и серый. — Она похожа на сказку, и никто не знает точно, когда она возникла. Это перевод одного латинского текста, который я нашёл, но теперь уже не вспомню, где это было.

Он протянул бумажку Стивену, и тот встал, чтобы дотянуться до неё.

Текст был напечатан на пишущей машинке по-английски. Света едва хватало, чтобы различить слова.

«Во времена, когда Иисус проповедовал своё учение в Капернауме, случилось так, что один человек из Безары принёс к тому месту, где говорил Иисус, зеркало. Но после того, как в нём отразился облик Иисуса, зеркало впредь больше не хотело отражать никакую другую картинку, кроме изображения Господа. Тогда его владелец поместил его в ящик и схоронил в одном тайном месте, чтобы его потомки, которым он хотел это открыть, увидели своего Господа. Говорили, что он спрятал зеркало под Храмом в Иерусалиме, потому что не было другого такого надёжного места».

Стивен поднял растерянный взгляд, ища глаза Иешуа. — Это невероятно.

Нижняя челюсть Иешуа отпала, что придавало его лицу почти дебильное выражение.

Стивен прочитал текст ещё раз, чтобы удостовериться, что это ему не примерещилось. С той минуты, как он ступил в район ортодоксальных иудеев, чувство нереальности не покидало его.

— Безара, — повторил он. — Человек из Безары.

— Безара, — сказал Иешуа голосом, лишённым выражения, — это старинное название города Бет-Шеарим.

Когда патер Лукас поднял глаза от своего молитвенника, взгляд его упал через окно во двор. Перед входом в церковь стоял Скарфаро, вместе с человеком, которого он ещё ни разу не видел. Посланник из Рима что-то внушительно говорил ему, а тот, приземистый мужчина в комбинезоне, согласно, почти раболепно кивал ему.

Патер Лукас некоторое время наблюдал за обоими. Он не знал, что делали целый день Скарфаро и его люди. Они приходили и уходили, запирались для переговоров, после которых выходили с мрачными лицами. В какой-то момент он перестал понимать, что происходит, и целиком отдался своим повседневным делам, которых теперь — после того, как больше не накрывались обеденные столы, — стало

существенно меньше, так что у него появилось много времени для размышлений и молитв. Однако у него сердце кровью обливалось, когда он вынужден был отсылать ни с чем людей, приходящих вечером.

Он не поверил своим глазам, когда увидел, как Скарфаро достал из сутаны маленький тёмный предмет и передал его своему собеседнику. Это же был мобильный телефон! Что тут происходило, ради всего святого?

Внезапно он не усидел на своём стуле, вскочил и бросился по коридору в сторону кухни, где брат Джеффри уже занимался приготовлением обеда и с удивлением смотрел, как патер Лукас поспешно пересёк кухню и скрылся в каморке с ведрами и швабрами. В другом конце каморки была дверь, которую им почти не приходилось использовать, она вела в помещение, примыкающее к ризнице, и там было маленькое окошко, почти всегда открытое.

Патер Лукас имел, наверное, совершенно дурацкий вид, но он приник к стене и осторожно выглянул наружу. Скарфаро стоял к нему спиной, загораживая собой человека, с которым говорил.

— Куда бы он ни пошёл, — настойчиво внушал Скарфаро, — и что бы он ни делал. Всё, что сможете узнать.

Человек кивнул и немного переместился в сторону. Теперь патер Лукас смог увидеть надпись на его комбинезоне: *Kaun Enterprises*.

— Вы думаете, францисканцы искали это зеркало?

— Без всяких сомнений. — Старик хрипло закашлялся, складывая документы на место в папку. — Но Иерусалим был в руках султана, Храмовая гора была недоступна. Единственный путь, который они видели — это прорыть туннель сквозь скалы, длиной в сотни метров. На это им понадобилось почти тридцать лет.

— И что? — спросил Стивен с пересохшим горлом. — Нашли они зеркало?

Отец Иешуа закрыл папку и снова начал возиться с завязками, к которым он не прикасался, наверное, не один десяток лет.

— Это легенда, молодой человек. Христианство полно таких легенд. А история, например, вокруг Святого Гра-

аля — кубка, из которого Иисус якобы пил во время тайной вечери? Легенды — это истории, которые передавались из уст в уста. В известном смысле они обретают собственное существование.

Мысли Стивена пустились вскачь. Он посмотрел на Иешуа, глаза которого лихорадочно блестели.

— Значит, неизвестно, что стало с монахами?

— Не совсем так. Какие-то указания есть. В одном месте я читал, что монахи, которые жили в том доме, удалились в пустыню, соорудили там монастырь и впоследствии отреклись от Ордена.

— И где был этот монастырь?

Старый человек снова поднялся, кряхтя и постанывая.

— О, он всё ещё существует. Маленькое чудо. Там живут десять-двадцать стариков. — Он взял папку и мелкими подагрическими шажками прошаркал назад к шкафу. — В том месте Негев и по сей день ещё пустыня. Представить невозможно, как они там выживают.

Обстановку, в которой жил отец Иешуа, Стивен находил не менее удивительной.

— И где именно в Негев?

— Я там никогда не был, — ответил тот и раскрыл створки шкафа. — Я никогда не любил никуда ездить ни для каких выяснений. Я предпочитал рыться в библиотеках и архивах. — Он тяжело нагнулся, чтобы засунуть папку в тёмный угол шкафа. — Наверное, она останется здесь лежать до самой моей смерти. А потом её кто-нибудь выбросит. Какая всё это глупость!

Стивен почувствовал, как в его коленях началась нервная дрожь. То ли старик был так упрям, то ли просто прикидывался?

— Но вы знаете, где можно найти этот монастырь?

— Забудь про этот монастырь, сын мой. Старики, которые наверняка не знают, какой сейчас год на дворе. Многие живут там ещё с того времени, когда государство Израиль было лишь мечтой.

Стивен глянул на Иешуа, словно прося о помощи. Тот тихо вздохнул.

— Отец, — сказал он, — пожалуйста, скажи нам просто, где этот монастырь.

Старик, делая вид, что не услышал, приковывался назад к своему стулу, опустился на него, скрипя суставами, откинулся на спинку и принялся рыться в своей могучей седой бороде. Стивен поймал себя на том, что перестал дышать, и набрал в лёгкие воздуха.

— Безр-Шева, — сказал наконец престарелый талмудист. В Безр-Шева я был однажды. Помнишь, Иешуа? Наверное, нет. Ты был ещё совсем маленький. От Безр-Шева это южнее, далеко южнее. Этот монастырь виден издали как руины на вершине неприступной горы. Я теперь уже не помню, как эта гора называется и есть ли у неё имя вообще, но она возвышается на западном конце Вади-Мершамон. Нужна хорошая карта. На большинстве карт Вади-Мершамон не обозначен. — Он снова взялся за свою книгу и положил её в круг света под усталой лампой. — А теперь хватит. Теперь идите.

32

НЕГЕВ (евр. «Сухая земля»). Область южнее границы Иудеи, на востоке граничит с Араба, на северо-западе и западе с побережьем и пустынями Зин, Паран и Шур... В 1-м столетии после р. Хр. набатеи Негева и Хаурана начали вести здесь хозяйство. Для этого они собирали дождевую воду в резервуары, чтобы орошать свои расположенные террасами поля.

*Авраам Стерн.
Лексикон библейской археологии.*

— Наконец-то! — сказал Стивен, почти застонав, когда они вышли за пределы Меа-Шеарима.

Они вернулись назад в город, разыскали офис American Express, где Стивен получил наличные деньги — не много, правда, но их должно было хватить на то, чтобы расплатиться за отель и прожить несколько дней.

— До этого мы и сами могли бы додуматься, — сказал он Иешуа, имеющему скептический вид. — Путешественник во времени не мог бы всё сделать один и к тому же незаметно. Его многие видели в процессе съёмок, хоть и не

понимая, что он делает. Кто-то ему помогал спрятать камеру в Храмовой горе. Возможно, он даже пытался кому-то объяснить, что он делает, как знать? Но в любом случае были люди, которые что-то видели, что-то поняли и рассказали об этом другим... И так возникла легенда.

Потом они отправились в самый крупный книжный магазин, какой только смогли найти, и перерыли там весь отдел путеводителей и атласов, пока не нашли карту, на которой был обозначен Вадим-Мершамон. На его западном конце действительно стоял знак, обозначающий развалины.

— Но почему в легенде речь идёт о зеркале? — сомневался Иешуа. — Даже напрягая воображение, видеокамеру трудно принять за зеркало.

Стивен сделал движение рукой, как бы отклоняя возражение:

— А как они ещё могли бы сказать?

Они заехали за Юдифью, расплатились за отель и проехали до ближайшего большого супермаркета, чтобы запастись провиантом и кое-каким снаряжением — например, бутылками с водой.

— Это изображение, — объяснял Стивен. — Может, путешественник во времени показал кому-нибудь свой фильм — жене, например. Представляю себе, что единственным известным тогда предметом, отражающим реалистичные картинки, было зеркало. И как же человек, посмотревший в глазок видеоискателя и увидевший отснятый материал, мог рассказать об этом другому? Он бы так и сказал: мол, будто смотришь в маленькое зеркало. А другой из всего этого понял только «зеркало».

Они ехали к окраине города, в сторону Хеврона. Улица была перегружена транспортом. На сей раз на переднем пассажирском сиденье ехала Юдифь.

— Дайте мне сказать... Всё утро я настраивалась на то, что мне придётся сидеть в подвале Саада, считать пузырьки воздуха и ждать, когда ты снова вынырнешь. И вот вместо этого мы едем *в пустыню!*

— М-да, — отозвался Стивен. — Иной раз приходится быть гибкими.

— Значит, ты веришь, что францисканские монахи пошли на поводу у этой легенды. То есть, что они не только знали про «зеркало», но и точно знали, где его искать.

— Да. Такой туннель не стали бы рыть на авось. Наверняка мы знаем не всю легенду.

Она взглянула на него.

— Почему ты так уверен, что они нашли эту камеру? Настолько уверен, что даже не захотел посмотреть?

— Потому что шахта точно была нацелена на определённое место. Они не искали наобум, а пробивались к конкретному месту. И ещё потому, что я не думаю, чтобы монастырь смог просуществовать до сегодняшнего дня, если бы не было святыни, которую они там охраняют.

Они проезжали под перетяжкой с рядом дорожных знаков, указывающих, что прямая дорога ведёт на Хеврон, что это Палестинская автономная область и что если водитель хочет её объехать, он должен ориентироваться по соответствующим дорожным указателям. Иерусалим остался позади, справа и слева тянулись промышленные районы и офисные здания.

— И ещё, — добавил Стивен, но на сей раз почти певучим, самозабвенным тоном, тихо, как будто разговаривал сам с собой, — потому, что я это чувствую, потому что каждая клеточка моего организма знает: видеокамера там. Тайник за Стеной плача уже пятьсот лет как пуст.

На задней стороне дорожных указателей были закреплены видеокамеры, по одной на каждую транспортную полосу. Картинки с этих видеокамер прямым попаданием на центральный высокомощный компьютер, в котором работали специальные современные программы, способные в режиме реального времени идентифицировать все номерные знаки проезжающих машин и преобразовывать их в числовой формат. Идентифицированные номера, непрерывным потоком стекающие через сеть со всего города, наряду с другими данными передавались в вычислительный центр полиции. Там же каждый номерной знак сверялся с таблицей номеров, объявленных в розыск.

Номерной знак джипа «чероки», на котором ехал Стивен, находился в розыске уже целый день. В качестве руководства к действию компьютер высветил: *«Тихая тревога»*. Не прошло и шестидесяти секунд после того, как видеокамера зафиксировала проезжающую машину, как на экране дежурного пульта замигал сигнал важного сообщения.

На сей раз телефон Кауну принесла другая секретарша, появившись в тот момент, когда все они склонились над большеформатной картой Храмовой горы. Медиамагнат слушал трубку с серьезной миной.

— Спасибо, — сказал он. — Большое спасибо, Егуда. Шалом.

Когда связь разъединилась, в его глазах появился голодный блеск.

— Созовите своих людей, Райан, — сказал он. — Фокс едет в сторону Хеврона. — Он достал из кармана бумажку: — Он едет на чёрном джипе «чероки», его номер... Ах, чёрт, я не вижу, — он протянул бумажку Райану.

Райан озадаченно смотрел на помятый листок.

— Откуда вы это знаете?

Каун наслаждался произведённым эффектом.

— Очень просто. По номерному знаку машины, которую Фокс оставил около музея, я велел узнать фирму, в которой он взял эту машину напрокат. В фирме мне сказали, на какой машине он ездит теперь. И на этой машине он полчаса назад проехал через автоматические полицейские регистраторы.

— Я всё это тоже пробовал, но никто не дал мне такой информации...

— Личные отношения. Начальник полиции был настолько любезен, что инициировал тайный розыск, который сейчас будет снят как ошибочный. В Хевроне он так или иначе не сможет его преследовать, поскольку там Фокс переходит в ведение палестинской полиции. — Он протянул Райану телефон: — Это вам сейчас понадобится, я думаю.

Райан кивнул:

— И карта Израиля.

Шимон Бар-Лев смотрел вслед поджарому представителю службы безопасности большими глазами и раскрыв рот, пока тот не скрылся за дверью. Потом до него дошло:

— Но ведь это значит, — с облегчением констатировал он, — что тема Западной стены наконец-то исчерпана.

Они объехали Хеврон по окружной дороге, довольно узкой, хоть и проложенной недавно, и продолжали свой

путь, всё дальше и дальше. Постепенно зелёные пятна растительности по сторонам дороги становились реже, а взгляду открывалась всё более далёкая, серая и пыльная равнина. Было жарко, как в инкубаторе. Солнце поднималось всё выше. Время от времени дорога тонула на горизонте в синей вибрирующей воде, но это, разумеется, был оптический обман, младший брат настоящей Фата-Морганы.

Незадолго до Беэр-Шева они увидели в стороне от дороги странное сооружение из стали.

— Останови-ка ненадолго, — попросил с заднего сиденья Иешуа.

Когда они остановились на обочине и вышли из машины, то слышали пение. Иешуа с готовностью объяснил, что это памятник героям, выкованный из остатков расстрелянных вражеских танков и сконструированный в виде колоссальных органных трубок, которые издавали жалобные, почти по-человечески звучащие стоны, когда над холмом, где высилось сооружение, веял жаркий ветер пустыни. В какой-то момент на всей трассе не оказалось ни одной машины, не было даже бесчисленных бензовозов, которые без конца громыхали по дорогам. Стивен моргал, глядя на причудливое произведение искусства, и на один удар сердца у него возникло жуткое ощущение, будто это мёртвые говорят, выкрикивая напрасные предостережения потомкам... Он отвернулся, чтобы стряхнуть это навязание.

— Поехали, — сказал он.

Эйзенхардт чувствовал, как в нём нарастает нервное беспокойство — это ощущение было сродни волнению перед выходом на сцену, когда у него случались публичные выступления, чтения или интервью. Если и мог наступить такой момент, когда необходимо предупредить Фокса об опасности, то он наступил сейчас. Наверняка он выехал, напав на след, которого не было у Кауна, и наверняка он не подозревает, что Кауну стало известно, куда он повернул.

Он вышел из мобильного домика, в котором учёные продолжали без усталости обсуждать одно и то же. Он ни слова не сказал в объяснение. Каун давно исчез, а в пере-

говорной комнате всё велись дебаты о пустяках, словесный мусор, застольная болтовня в пивной для некурящих трезвенников.

Он искал Райана.

Тот стоял у своей машины, по-полководчески ступив своим военным башмаком на порог открытой дверцы, держа около уха телефон. На крыше машины он расстелил карту Израиля. Внешне это зрелище было полно высокого драматизма, словно тут развивались события как минимум Шестидневной войны.

Эйзенхардт остановился в некотором отдалении и подождал. Какая нелепая ситуация! Лагерь вокруг был пуст и всеми покинут, как театральная сцена после окончания спектакля — палатки свёрнуты, приборы по большей части запакованы в ящики, — а этот человек стоит посреди обезлюдившей пустоты и командует незримой армией.

Когда Райан закончил свои телефонные переговоры, Эйзенхардт подошел поближе и дал о себе знать. Как можно осторожнее он спросил, не будет ли сегодня возможности ещё раз съездить в Американскую библиотеку, потому что ему тут кое-что пришло в голову, и это стоит проверить...

— А, мистер Эйзенхардт, — сказал Райан и повернулся к нему, как будто только его и ждал. — Я должен передать вам привет от мистера Кауна. Ваш ангажемент с сегодняшнего дня закончился. Пожалуйста, соберите вещи, кто-нибудь отвезёт вас в аэропорт в Тель-Авив.

Писатель уставился на Райана так озадаченно, как будто его окатили ведром ледяной воды.

— Но... Но как же... — Каун даже не счёл нужным сказать ему это сам, лично. Уж не говоря о том, чтобы попрощаться или тем более поблагодарить.

Райан безжалостно оглядел его с головы до ног.

— Мистер Каун считает, что в последнее время вы внесли в решение ситуации не такой большой вклад. И, признаться честно, мне нечего ему возразить.

Эйзенхардт открыл было рот, но мысли настолько переполошились в его голове, что он не сообразил, что сказать. Станным образом он чувствовал себя виноватым, что не оправдал возложенных на него ожиданий. Да, это

верно. В последние дни ему в голову не пришло ничего дельного. Каун привлёк его к делу, чтобы он нашёл для него камеру, а он не только не нашёл её, но даже вступил в сговор с тем, кто перечеркнул планы Кауна.

Телефон Райана зазвонил, и он снова принял позу полководца.

Один раз преследователи подъехали близко, чтобы по номерным знакам удостовериться, что сопровождают нужную машину, и после этого далеко отстали. Более броскую машину этот американский студентик не смог бы найти, даже если бы сильно постарался.

— Мы только что проехали Беэр-Шева, — доложил по телефону человек на пассажирском сиденье. — Он едет дальше в направлении Эйлата.

— Окей. Продолжайте и держитесь на максимальной дистанции.

Итак, он не оправдал ожидания. И что теперь? Эйзенхардт пошвырял свои вещи в дорожную сумку. Всё это уже была не его проблема. Медиумагнат думал, что имеет дело со строго логической задачей. Задачей, которую можно решить в тихом кабинете, если как следует напрячь мозги. Ха! Чушь полная. Нет, ему не в чем себя упрекнуть. Всё, что мог, он сделал.

Писатель осмотрелся. Если всё так, как он думает, то отчего он в таком бешенстве? Он хорошо здесь заработал. Пережил интересное приключение. Собрал массу нового материала, из которого может возникнуть роман. И всё-таки он был разъярён.

Потому что он чувствовал себя использованным. Такой человек, как Каун, считает, что он может позволить себе всё, потому что он богатый и могущественный.

— И знаешь что? — пробормотал Эйзенхард, разговаривая сам с собой. — Он прав. Он действительно может позволить себе всё, потому что он богатый и могущественный.

Вот что заставляло его кипеть от ярости.

Дорожный будильник. Он всё ещё стоял на ночном столике. Эйзенхардт взял его и засунул на дно сумки, под рубашки и трусы, потом замер и посмотрел на телефон, рядом с которым только что стоял будильник.

Неужто все телефонные разговоры записываются? Вполне возможно. По крайней мере, записываются все набранные номера вместе с временем и датой звонка, чтобы потом можно было перепроверить телефонные счета. В США это обычная практика в каждом доме.

Вокруг стояла полная тишина. Самым громким шумом было его собственное дыхание.

Ну, даже если и так, что с ним теперь может случиться? Он будет сидеть уже в самолёте, прежде чем кто-нибудь заметит, что он предупредил Фокса.

Он положил руку на трубку. Холодная, гладкая пластмасса. Жизнь и смерть — разве об этом идёт речь? Нет. Речь идёт о том, чтобы такой человек, как Каун, мог делать всё, что он захочет. Даже гешефт на самой невероятной археологической находке за всю историю.

Стивен Фокс ехал сейчас в машине где-то далеко, чтобы оказать противодействие могущественному медиамагнату. Может быть, без достаточных оснований и, может быть, неподходящими средствами, но он это делает. И не догадывается, что люди Кауна уже вышли на его след.

Эйзенхарт ещё раз набрал полные лёгкие воздуха. Вокруг стояла всё та же тишина, как будто весь мир вокруг вымер. Потом он достал из кармана бумажку с номером телефона и снял трубку.

Провод был мёртв. Его телефон уже отключили.

Снаружи кто-то постучал кулаком ему в окно.

Пустыня Негев была совсем не такой, как представлял себе Стивен. Он рисовал в своём воображении картину с величественными волнами лучисто-жёлтых песчаных дюн, которые походили на застывшее море из песка, простирающееся от горизонта до горизонта, он представлял себе караваны верблюдов, шествующих от оазиса к оазису. А вместо этого они ехали сквозь выжженную, серо-чёрную каменистую пустошь, похожую скорее на протянувшийся от горизонта до горизонта лунный ландшафт. Солнце палило так неумолимо и беспощадно, что звон стоял в ушах. Чёрные иссохшие колючки, попадавшиеся вдоль дороги, свидетельствовали об упорстве жизни, но выглядели так жалко. что поневоле хотелось присудить победу пустыне.

Чем дальше они ехали по угнетающему каменистому плато, тем неправдоподобнее казалось Стивену, что этот монастырь, о котором рассказал отец Иешуа, действительно существует.

— Как люди могут тут выжить? — внезапно спросил он в тишине, которая воцарилась в машине, начиная от Беэр-Шева.

— Здесь иногда бывают дожди, — объяснил Иешуа. — Правда, редко и скудно, но бывают. Если собрать эту воду в хранилища...

Он не закончил фразу. Она звучала совсем не утешительно.

— Дожди? Ты уверен?

— Примерно сто миллиметров в год. Конечно, не летом. Но ведь здесь есть эти вади, не правда ли? Один из них мы как раз ищем. Вади — это русло высохшей реки. Раз в пятьдесят—сто лет случаются такие сильные дожди, что по руслам снова текут реки, иногда просто бурные потоки — правда, всего лишь на несколько часов.

Стивен поглядел по сторонам. Камни, скалы, зной.

— Из всего неправдоподобного, что я услышал за последние дни, это кажется мне самым неправдоподобным.

Узкая чёрная асфальтовая дорога с непреклонной целеустремлённостью прорезала враждебный скалистый ландшафт, вспарывала гребни и пересекала мелкие впадины и углубления по насыпным валам. Временами параллельно дороге тянулись линии электропередачи, а там, где всё-таки встречался песок, навешанный с Синая, поперёк дороги желтели его тонкие струйки.

Место, где они должны были свернуть с шоссе, оказалось не так просто найти. В первый раз они свернули раньше, чем надо, и обнаружили это, только когда после нескольких километров колдобин упёрлись в перекрёсток, которого по карте не должно было быть, а на ржавом указателе значились два названия, которые были им совсем не нужны. Правильный поворот они нашли несколько километров спустя, хотя очень трудно было углядеть в нём дорогу: то были две ухабистые колеи, и вид они имели такой, будто здесь лет двадцать назад просто проехал однажды тяжёлый грузовик. На тех участках, где колея

пропадала, чья-то заботливая рука выложила справа и слева путеводные камни, пометив их белой краской. Но и тот, кто это сделал, работал нерадиво и непоследовательно.

Средняя скорость, с которой они продвигались вперёд, резко упала. Они ехали вдоль крутого черно-серого хребта величественных размеров, и вдали маячили несколько верблюдов, которые, видимо, обыскивали пустынную почву на предмет чего-нибудь съедобного, но Стивен не стал ради них отрывать взгляд от дороги. Как всё-таки судьба оказалась догадлива и благосклонна к нему, навязав этот внедорожник. С маленьким «фиатом» они бы здесь пропали.

Время от времени они останавливались, чтобы попить. Вдали от дороги и от всех прочих следов цивилизации пустыня диктовала им свои условия, и одним из них было, как объяснила им Юдифь, регулярно пить — и главное, до того как почувствуешь жажду.

— В одном я уверен, — сказал Стивен, когда они стояли около машины в море испепеляющего зноя, передавая по кругу бутылку воды и переступая с ноги на ногу, — если этот монастырь и его монахи на самом деле существуют, то они не очень часто ходят в кино.

Никто не засмеялся. Правда, это была лишь попытка защититься от гнетущей тяжести ландшафта, которая душила и внушала всем чувство собственного ничтожества и потерянности, полной зависимости от каприза высших сил.

Они ещё несколько раз заплутали — то просмотрели едва заметное ответвление дороги, то упёрлись в край обрыва — и всякий раз возвращались и делали новую попытку, пока не заметили вдали монастырь.

Он покоился в маленькой скалистой просеке, среди расщелин и трещин, среди торчавших в небо каменных пальцев, и своими стенами из тёмно-серых глыб действительно походил на руины. Некогда сбоку высилась даже башня, однако строение рухнуло, а заново возведено уже не было. Пустынные отверстия, похожие на бойницы, мёртво поглядывали на них сверху вниз. Казалось, там, наверху, не было и быть не могло ничего живого. Неподвижное и затерянное мрачное сооружение в своём скалистом седле напоминало безнадёжно съеденную челюсть.

— Может, они все давно здесь поумирали, — сказал Иешуа. — Да и кто бы это заметил?

Стивен кивнул:

— Так и ждешь какой-нибудь предупреждающей таблички: *Осторожно! Через пятьсот метров конец света!*

Они направили джип вверх по склону, но вскоре он начал сползать по осыпи камней. Тогда они его оставили, ещё раз по настоянию Юдифи сделали по большому глотку воды и пустились вверх пешком. Этот остаток пути оказался дальше и выше, чем казалось поначалу, а главное — существенно тяжелее. Вскоре вся одежда на них висела, намокнув от пота, лёгкие ходили ходуном, как кузнечные мехи, а сердце колотилось, грозя взорвать череп. Тёмные, мрачные камни накопили за день солнечный жар и, казалось, насквозь прожигали подошвы их обуви.

«Зачем я это делаю, зачем мне это нужно?» — спросил себя Стивен в какой-то момент, и вопрос засел в голове и не хотел уходить. Пока Стивен карабкался вверх, вопрос повторялся сам по себе и скоро превратился в некое подобие мантры, сделавшись ритмом, в котором двигались его ноги.

Юдифь, самая тренированная из них, неумоимо шла вперёд, Стивен тщетно пытался поспеть за ней, а Иешуа всё время отставал, ругаясь и ворча, и то и дело останавливался перевести дух.

Но они всё же добрались до верха. Стояли, согнувшись, запыхавшись, уперевшись руками в колени, и едва могли поверить, что дошли. Вблизи казалось, что сооружение вообще не имеет сообщения с внешним миром, словно монахи когда-то замуровали здесь сами себя изнутри, но в последний момент они обнаружили узкий люк, в который едва мог бы протиснуться человек; этот люк был перекрыт тяжёлой дверью из древнего бруса.

— Вы только гляньте, — сказала Юдифь, которая разогнулась первой и первой смогла говорить, — каков вид!

Стивен ничего не мог ответить, только тяжело поднял голову. Да, вид открывался сверху что надо. Чёрные скалы, коричневые скалы, серые скалы — насколько хватало глаз, всё было скалы и камни. Никаких следов поселения людей. Нигде ничего. Грандиозное разбазаривание пространства.

— И что теперь? — спросил Иешуа, отдышавшись.

— Теперь, — сказал Стивен, — мы вежливо постучимся.

И именно это он и сделал. Разумеется, здесь не было ни звонка, ни специальной колотушки или какого-нибудь иного приспособления для стучащихся, поэтому он просто постучал по двери кулаком. Потом отступил на шаг и выждал.

Никакого ответа.

— Никого нет дома, — прокомментировал Иешуа.

Стивен постучался ещё раз, на сей раз сильнее и крикнул как можно громче:

— Эй! Есть кто-нибудь?

Никакого движения.

— Если там действительно больше не осталось ни одной живой души, — рассуждала вслух Юдифь, — то придётся лезть через стену.

— Да, — кивнул Стивен. Он осмотрел сооружение. Оно было примерно прямоугольным, и наружные стены были высотой метра в три. Максимум четыре. При необходимости придётся как-то взбираться.

Верёвка. Им надо было догадаться прихватить с собой верёвку.

— Может, мы просто пришли в неурочный час? — сказал Иешуа. — Ну, какая-нибудь молитва, когда они все как раз...

— Тогда бы хоть табличку вывесили, когда у них приёмные часы, — прорычал Стивен, взял камень и подошёл с ним к чёрной двери, чтобы в третий раз обратить на себя внимание.

Но когда он уже замахнулся камнем, изнутри кто-то отпер задвижку смотрового окошка. Окошко откинулось, наружу выглянула пара старых, усталых глаз, оглядела их недоверчиво, и человек, которому принадлежали глаза, произнёс:

— Уходите!

Только одно это слово, и смотровое окошко снова захлопнулось, и задвижка со скрежетом вошла в своё гнездо.

— Вот так дела, — растерянно пробормотал Стивен. — Эй! — крикнул он через стену. — Мы пришли, чтобы взглянуть на зеркало, которое хранит образ Иисуса!

Мрачная стена высилась перед ними, как неприступный бастион средневековой крепости, и оставалась немой и непостижимой.

— Может быть, он нас не понял, — сказал Иешуа.

— Как это? — удивился Стивен. — Он же говорил по-английски.

— Ну да, — возразила Юдифь. — Он сказал только *"leave!"*. Не так много английского.

— Ну хорошо. Тогда повтори это ещё раз на иврите.

В этот момент за дверью снова послышался скрежет, на сей раз другой, более серьёзный. В своём пазу шевельнулся другой, больший засов, что-то загремело — чугунное кольцо, может быть, — потом дверь изнутри потянули. Она не поддавалась, просмоленный брус, из которого лет двести назад была сколочена эта дверь, отчаянно скрипел — и потом наконец раскрылась.

За дверью стояли двое стариков — истощённых, немых отшельников — босые, в прозрачном от ветхости тряпье, которое когда-то было чёрным. На первый взгляд они походили на узников, изнурённых десятилетиями концлагеря. Однако глаза их светились мирным, живым огнём, какого Стивену ещё не приходилось видеть, а осанка излучала какую-то особую силу, которая находилась в загадочном противоречии с их убогим общим обликом.

Видимо, они отвыкли много говорить. Один из них попытался что-то сказать, но потом поперхнулся, будто должен был сперва вспомнить слова, которые уже очень давно не употреблял.

— Тридцать лет эта дверь не открывалась, — наконец произнёс он. — Последним в неё стучался я. Входите.

Основная группа преследования отставала от первой машины примерно на час. После того как Стивен Фокс и его «хвост» миновали Беэр-Шева, выехал и Райан, чтобы примкнуть к своим людям.

Затем пришло сообщение, что джип покинул дорогу на Эйлат. Сперва, как оказалось, покинул не там, где надо, и преследователи чуть было не выдали себя, потому что тоже собирались свернуть следом за джипом, но вовремя заметили через полевой бинокль, что джип возвращается.

Если бы они не держались на такой большой дистанции, то столкнулись бы с ним на узкой дороге, а так они смогли проехать вперёд и спустя несколько километров переждать в надёжном месте, пока джип с молодыми людьми снова их не обгонит.

Через двенадцать километров джип окончательно свернул в пустыню. К счастью, он оставил на пыльной дороге след такой же заметный, как после стада слонов, — будь они на лёгкой машине, преследователям пришлось бы туго.

— Должно быть, эта поездка была задумана с самого начала, — сказал Райан Кауну по телефону, мчась на повышенной скорости мимо Хеврона. — Поэтому он и взял напрокат джип.

Позднее, углубившись далеко в пустыню, они обнаружили джип, оставленный на склоне, покрытом осыпью камней, а наверху — мрачное строение среди расщелин, построенное как орлиное гнездо. Поставив свою пропылённую, перетруженную машину в укрытии за большим выступом скалы, они издали в бинокль наблюдали за тяжёлым восхождением трёх молодых людей.

— Ничего не предпринимать, — приказал по телефону Райан. — Соберёмся все под горой и решим, что делать.

Дорога в сторону Тель-Авива была забита машинами. Петер Эйзенхардт сидел на заднем сиденье, поставив рядом с собой дорожную сумку, и смотрел на ландшафт, который казался ему таким чужим и в то же время уже ставшим уже привычным за эти несколько дней. Солнце здесь было ярче и белее, чем у него на родине, а скудная зелень — бледнее и истощённое. Он вспомнил фильмы Карла Мэя и один библейский телефильм, который он лет в четырнадцать видел однажды на Пасху, лёжа в температуре на диване в гостиной. Картина, как в запястьях Иисуса вгоняли толстые плотницкие гвозди, ещё долго терзала его в горячечном бреду.

Вернётся ли он в эту страну когда-нибудь ещё? Шансы не просматривались: он был недостаточно охоч до путешествий, чтобы приехать сюда ещё раз.

— Мы не опоздаем? — спросил он двух молчаливых горилл, сидящих впереди.

— Не беспокойтесь, — сказал тот, что на пассажирском сиденье, растягивая слова как жевательную резинку. — Всё рассчитано.

— Вы не знаете, когда я буду во Франкфурте?

Ему передали назад конверт с его билетом:

— Вот ваши документы.

Эйзенхардт изучил билет. Хоть он и уговаривал себя, что это не его проблемы, пот волнения всё-таки проступил у него на лбу. Дорожные указатели подсказывали, что до Тель-Авива ещё тридцать два километра, при этом сейчас, наверное, уже началась регистрация на его рейс. И что это был за рейс — сначала самолёт летел в Афины, оттуда в Милан, там стоял несколько часов и только в 11 часов вечера приземлялся во Франкфурте.

— Скажите, — вдруг пришла ему в голову одна мысль, — ведь у вас наверняка есть с собой телефон? Мне обязательно надо позвонить жене. Она не знает, что я прилетаю сегодня, а ведь она должна приехать за мной в аэропорт.

Оба сотрудника службы безопасности вопросительно переглянулись. Водитель — решения принимал наверняка он — протяжно вздохнул и после этого кивнул. Тогда другой достал из кармана мобильный телефон, включил его и протянул писателю.

Первое впечатление, когда они ступили за дверь, было такое, будто они попали в оазис. Наружная стена монастыря огораживала прямоугольную территорию и походила на ограду тюрьмы, в которой держали взаперти всю зелень этой местности. У Стивена даже промелькнула сумасшедшая мысль, что, может быть, именно поэтому в пустыне вокруг так голо и безжизненно.

Пахло пряностями, влажной землёй, перегноем. В каждом углу монастырского огорода к стене прижималось какое-нибудь угловое низенькое строение, а каждая пядь земли была возделана и разделена на грядки, на которых монахи выращивали всё, что было им необходимо для жизни. Стивен увидел пшеницу, лук, бобы и свёклу, между ними росла всяческая зелень, которую он даже не мог идентифицировать. Каждый клочок земли явно был на вес золота, тем не менее здесь была и клумба с цветами, причём немаленькая!

Монахов было человек семь, все старые, худые и хрупкие, как засушенные цветы. Они стояли, склонившись над грядками, и с любопытством смотрели в сторону вошедших, на шее у каждого качался простой деревянный крест на потёртом шнурке. И в глазах у всех горел тот же огонь, который Стивен увидел у тех двух, что встретили их у дверей: жар, который казался слишком горячим для столь измождённых и изношенных тел; искра, глядя на которую начинаешь верить, что она непременно вольётся в огонь неугасимый, как только покинет свою бrenную оболочку.

Но в тот момент, когда в дверь вошла Юдифь, взгляды изменились, стали жадными, голодными, почти хищными — чтобы через мгновение налиться свинцовой враждебностью, за которой страсти, казавшиеся давно побеждёнными, были снова беспощадно подавлены, оттеснены в тёмные, неведомые глубины души.

Стивен бросил на Юдифь придиричивый взгляд. Если не считать того, что женственные очертания её тела всё-таки проступали через одежду, а длинные волосы были распущены, никак нельзя было сказать, что она одета вызывающе. Более того, она могла бы в таком виде спокойно прошествовать через весь Меа-Шеарим, не снискав ни одного косо́го взгляда ортодоксальных иудеев.

Чёрт бы побрал все эти религии, — с презрением подумал Стивен. — Все они утверждают, что могут научить, как правильно жить, но пасуют перед самым простым фактом жизни и его важнейшим основополагающим принципом: полом.

Лишь один монах, который невольно притянул взгляд Стивена к себе, не погасил чистое свечение глаз. Он стоял, худой, старый человек, спокойно опираясь на лопату, которой орудовал, и смотрел им навстречу приветливым, открытым взглядом, из которого исходили тепло и гостеприимство.

— Вы что-то кричали, — сказал монах, который открыл им ворота, — о причинах, которые привели вас сюда...

Стивен повернулся к нему. Человек, судя по произношению, был англичанин. Хотя ему было далеко за шестьдесят, у него было гладкое, круглое лицо, пышные тём-

ные волосы и почти отсутствовала борода, а его поступь и движения выдавали в нём начальника.

— Да, в первую очередь большое спасибо, что вы были так любезны принять нас, — начал он и заметил, что непроизвольно впадает в тон, в котором принято вести деловые переговоры. — Меня зовут Стивен Фокс, я из Соединённых Штатов. Мои спутники — Юдифь и Иешуа Менец, два археолога из Израиля. Мы...

— О, извините, — монах протянул ему руку. — Как невнимательно с моей стороны. У нас так редко бывают гости. Позвольте вам представить нашу братию?

Они шли от одного к другому, и он называл им имена монахов, все латинские и трудно запоминающиеся. Стивен запомнил только его имя, Грегор, и имя того монаха с лопатой и незамутнённым взором — Феликс. Он, если не считать брата Грегора, был, кажется, единственным, кто говорил по-английски.

По правде сказать, вблизи он производил впечатление немного не от мира сего — блаженного. Когда во время представления Стивен вежливо поклонился ему, Феликс с приветливой определённой заявил:

— Слова устаревают, а истина всегда свежа, как новорождённый младенец.

— Что-что? — озадаченно переспросил Стивен.

Но Феликс лишь улыбнулся, подмигнул и снова взялся за лопату. Управлялся он с ней легко — так, будто танцевал с ней как с партнершей. «Странная птица, — подумал Стивен. — Странная птица в странном гнезде».

Грегор повёл их по узкой тропинке, проложенной между грядок, по всему монастырю.

— Это наша капелла, — сказал он, указывая на изрядно покосившуюся лачугу в противоположном от входа углу, потом повернулся в сторону и указал на такую же древнюю хижину с покатою крышей: — Там наши кельи, а рядом трапезная и кухня. Но мы не применяем огонь в приготовлении пищи.

— А это что? — спросил Стивен, указывая на низкое строение из камня, которое Грегор, казалось, хотел обойти молчанием.

Монах помедлил, потом повёл их туда и открыл низенькую дверь.

— Это хранилище костей, — сказал он.

Их взорам предстало жуткое зрелище. Помещение, куда они сунули головы, напоминало подвал для продовольственных запасов или мастерскую, с той лишь разницей, что на длинных полках вдоль стен вместо инструментов или стеклянных банок с консервированными овощами лежали человеческие кости, рассортированные по виду и величине: кости конечностей — в одном ящике, тазовые кости в другом, в третьем только рёбра, в четвёртом только черепа, в отдельном ящике мелкие косточки кистей рук и ног, в отдельном — позвонки.

— Когда умирает кто-то из братии, он лежит погребённым до тех пор, пока не истлеет, — говорил Грегор почти в весёлом тоне. — Потом его кости выкапывают, очищают и сохраняют здесь. Вы видите останки всех монахов, которые здесь жили с самого основания монастыря.

— Ясно, — сказал Стивен и скривился. Внушительное количество. Если бы это ещё не напоминало склад запчастей!

Они снова прикрыли дверь, вздохнули и сощурились на дрожащее от зноя солнце, а брат Грегор снова вернулся к своему первому вопросу: что привело их сюда.

— Мы хотим взглянуть на зеркало, в котором отражается лик Иисуса, — повторил Стивен то, что кричал через стену.

Брат Грегор кивнул с серьёзной миной:

— Я слышал об этой легенде. Но, к сожалению, это всего лишь легенда.

— Говорят, зеркало хранится в этом монастыре со времён крестовых походов.

— Мне очень жаль. У нас тут, если быть точным, вообще нет ни одного зеркала.

Стивен окинул взглядом заросшее лицо старого набожного человека, вдруг превратившееся в непроницаемую маску. Как такое могло быть, чтобы этот монах *лжесвидетельствовал*?

— У нас есть, — начал он блефовать, — точные указания на то, что легенда описывает совершенно определённый, реальный предмет и что этот предмет спрятан здесь. Мы даже считаем, что монастырь и был построен для того, чтобы хранить этот предмет.

— Такого я не могу себе представить. Этот монастырь был основан много веков назад людьми, которые удалились от мира и хотели посвятить себя исключительно богосозерцанию, — ответил брат Грегор. — В духовном смысле, разумеется.

В этот момент в кармане Стивена раздался звонок.

— Что это значит? — удивлённо спросил монах.

— Это значит, что вы всё же не так далеко удалились от мира, как вам кажется, — ответил Стивен и достал мобильный телефон. И правда, удивительно, что здесь, в далёкой пустыне была зона приёма. С другой стороны, именно пустыня и была таким местом, где с большой вероятностью можно попасть в положение, в котором требуется сделать срочный звонок. — Это телефон.

Глаза монаха расширились от удивления.

— Телефон? — Казалось, он с трудом припоминал, что это вообще такое. — В кармане брюк?

— Да. Очень практичная штука. — Стивен нажал на кнопку приёма и поднёс прибор к уху. — Алло?

Голос на другом конце был тихий, окружённый посторонним шумом и нечёткий, но Стивен сразу узнал его. Прошли ровно сутки с тех пор, как этот голос впервые достиг его неожиданным звонком.

Это был Петер Эйзенхардт.

— Извините, это международная служба?

33

МОНАСТЫРИ. Христианское монашество возникло в 3-м в. в Египте. Во время распространения в Палестине развились две его формы — анахоретская и коинобитская. Анахореты жили в так наз. скитах, т.е. каждый монах в своём убежище — отдельной лачуге или пещере. Кoiнобиты, напротив, жили монастырской общиной. Первый монастырь был основан около 330 г. в Газе.

Авраам Стерн.

«Лексикон библейской археологии».

— Это Стивен Фокс, — ответил Стивен. — Это вы, мистер Эйзенхардт?

— Да, — отозвался голос Эйзенхардта. — Я бы хотел позвонить жене.

Стивен понял. Разговор в библиотеке. Эта фраза. Сам же он и предложил её в качестве сигнала тревоги.

— Как я понимаю, вы не можете говорить свободно?

— Нет, — ответил писатель.

— Но вы звоните потому, что Каун вышел на наш след?

— Да.

Юдифь и Иешуа удивлённо подняли глаза. А монахи смотрели на него, как на сумасшедшего — человек, который говорит сам с собой, прижав ладонь к уху! Стивен окинул взглядом высокие монастырские стены, которые были старыми уже тогда, когда Колумб снаряжал свою экспедицию, увидел над стенами безукоризненную яркую синеву неба, которое, казалось, доставало до вечности, и монахов-анахоретов: да, всё это действительно смахивало на безумие.

— Каун ищет нас в Иерусалиме? — Стивен вытягивал сведения по капле.

— Нет! — резко ответил Эйзенхард и добавил, явно торопясь: — Послушайте, я звоню из машины, по пути в Тель-Авив. Мой самолёт скоро вылетает, а жена пока не знает, что я возвращаюсь. Мне очень важно застать её ещё до вылета...

— Это Каун отослал вас домой?

— Да.

Это могло означать только то, что миллионер больше не нуждается в соображениях писателя. Подозрения о том, что писатель вошёл в сговор со Стивеном, у Кауна не возникло, в противном случае Эйзенхардту не дали бы возможности позвонить.

— Мистер Эйзенхардт, мне надо знать, что известно Кауну. Попытайтесь дать мне соответствующие намёки, — настойчиво попросил Стивен.

Писатель, кажется, уже приготовил кое-что.

— Сейчас я дам вам номер машины, — сказал он и тут же поправился: — Ой, извините, я сказал «номер машины»? Разумеется, номер телефона.

Стивен лихорадочно соображал. Что немец хотел этим сказать?

— Значит ли это, что Каун знает номер нашей машины?

— Да, вот именно!

— Нас уже преследуют?

— Да, конечно. — Кто-то на заднем плане что-то сказал, и Эйзенхардт что-то ответил в сторону, но его слова утонули в помехах.

Что это значило? Проклятье, что же это значило? Каун знал номер его машины, хорошо. Номер нетрудно разузнать, если тебя зовут Джон Каун. Но как он вышел на их след? Должно быть, какая-нибудь дурацкая случайность.

Эйзенхардт диктовал свой номер в Германии — медленно — наверное, чтобы дать ему время на размышление. Стивен бросился к двери монастыря, которая всё ещё оставалась открытой, косо повиснув на старых петлях, выскочил наружу, прижался спиной к стене и, напряжённо сощурившись, глянул вниз, в долину, откуда они приехали сюда. В трубке шумело и шёлкало.

Так и есть. Там, у подножия. Какое-то движение за скалой, крошечный световой блик. Засада! Проклятье! Их выследили. Слишком уж спокойно и уверенно они чувствовали себя, когда ехали сюда.

Хоть бы сейчас его не засекли здесь с мобильником. Он юркнул назад, за стены монастыря.

— Эйзенхардт, — сказал он таким изменившимся голосом, что сам его не узнал, — они уже здесь. Мы у них в руках. Послушайте — я не знаю, что они собираются с нами сделать. На всякий случай я скажу вам всё, что знаю, чтобы был хоть один свидетель, где мы пропали.

Он услышал, как Эйзенхардт сглотнул.

— Да, хорошо.

Стивен как мог коротко объяснил ему своё местонахождение и что привело их сюда — тайник за Стеной плача, туннель францисканцев и легенда о Зеркале.

— Это зеркало — камера, — закончил он. — Мы её ещё не нашли, но я уверен, что она здесь.

— Я понял, — медленно произнёс Эйзенхардт, явно потрясённый всем услышанным. — Тогда я попробую позвонить ещё раз. Большое спасибо.

Соединение прервалось.

Стивен смотрел на аппарат в своей руке. Индикатор заряда батарейки показывал, что энергия на исходе. Он

выключил телефон и сунул его в карман брюк, а потом поднял голову.

Контраст смертельной опасности, в которой они оказались, с монахом, который равнодушно черпал из колодца воду для огорода, был такой разительный, что чуть не вызвал у него дурноту. Откуда, скажите пожалуйста, здесь, на горе, взялась у монахов вода? Всё было так странно и непостижимо. Стивен поморгал и оглянулся в поисках Юдифи и Иешуа — чтобы найти опору хоть в каких-то знакомых, привычных лицах, даже если они и взирают на тебя с тревогой.

— Кауну известно, где мы, — повторил Стивен, словно оглушённый, суть разговора. — И внизу нас уже подстерегает засада. Они ехали за нами.

Юдифь непонимающе помотала головой:

— Скажи, как же так... То всё покрыто тайной, то вдруг ты разом выкладываешь всю историю Эйзенхардту?

— Да, ведь это наверняка всё подстроено, — поддакнул Иешуа. — Каун подослал Эйзенхардта, чтобы прозондировать почву, тот тебя немножко припугнул — и ты всё ему выболтал?!

Стивен закатил глаза.

— Вы что, не слышите? Они всё это время ехали за нами. Внизу уже дожидаются, когда мы выйдем. Это тоже подстроено? Если да, то очень уж ловко.

Он огляделся. В стене не было никаких отверстий, через которые можно было бы незаметно выглянуть наружу. Единственное, что они могли сейчас сделать — это запереться здесь, отгородившись от внешнего мира.

Если от внешнего мира можно отгородиться.

— Эйзенхардт воспользовался паролем, который я сам ему предложил, — сказал Стивен. Он коротко обрисовал им обстоятельства его встречи с Эйзенхардтом в Американской библиотеке. — Я понимаю этот так, что он позвонил по собственному почину. Если бы позвонить его заставил Каун, он бы не прибежал к паролю.

— А если он заодно с Кауном? — продолжал пытаться его Иешуа. — За деньги, например? Такую возможность тоже надо принимать в расчёт.

— Тогда я ничего не понимаю в людях, — прорычал Стивен. — Тогда мне надо уходить из бизнеса и подыски-

вать себе работу, в которой не придётся принимать решения. Упаковщиком на консервной фабрике или, может, мусорщиком. — Он проехал по голове обеими пятернями. — А теперь прекратите эти ваши «что» да «если», они мне действуют на нервы.

Дорожные указатели уверяли, что до Тель-Авива остаётся ещё двадцать километров, а лимузин уже свернул на скоростную магистраль, и вот, словно по волшебству, перед ними возник аэропорт имени Бен-Гуриона. Эйзенхард будто впервые увидел его. Неужто он правда был здесь всего неделю назад?

Его сопровождающие не отстали от него и здесь. Нести дорожную сумку они предоставили ему самому, но проводили его до регистрации, а потом на контроль безопасности. Неизвестно, какие такие документы они сунули под нос недоверчивому персоналу аэропорта, но те без слов пропустили их, несмотря на явно выпирающее из-под их одежды оружие. Нужный выход к самолёту они уже знали.

Там пришлось ждать, когда объявят посадку.

Один из двоих, водитель, тёмный блондин с усиками, чем-то похожий на недавнего многократного чемпиона Олимпийских игр по плаванию, купил себе спортивный журнал и углубился в чтение.

— Мне нужно в туалет, — сказал Эйзенхардт.

В ответ ему что-то буркнули. Журнал оказалось интересней. Второй охранник остановился перед автоматом с мороженым и подробно изучал картинки разных вафельных стаканчиков. В огромном стеклянном здании было душно: стекло собирало здесь солнечный свет, словно в парнике.

Эйзенхардт поднялся и неторопливо пошёл в поисках соответствующей двери. Свернув за угол, он увидел на стене телефон-автомат.

Его рука непроизвольно сунулась в карман брюк, нащупала там телефонные жетоны, оставшиеся после разговора со Стивеном Фоксом в Американской библиотеке. В Германии эти жетоны будут недействительны, и лучше использовать их сейчас.

Дома никто не снял трубку. Все разбежались и опять забыли включить автоответчик! Эйзенхардт посмотрел на

часы, прибавил один час, чтобы перейти на средневропейское время, и начал вспоминать, где они могут быть. Ах да, в музыкальной школе. Это значило, что домой они вернутся, когда его самолёт будет уже в воздухе.

Когда он выковыривал из автомата неиспользованные жетоны, ему в голову внезапно пришла одна мысль. Идея, от которой уровень адреналина в крови сразу подскочил.

Был ещё один человек, которому он мог позвонить.

Но тогда ему следовало поторопиться. И он высмотрел для этого другой телефон, подальше от своих провожатых.

Маленькое облачко пыли ползло по чахлой пустыне, словно толстая коричневая гусеница. Временами сквозь него проглядывали машины, вздымающие эту пыль.

— Мы всего лишь туристы, — говорил Стивен Фокс. — Прослышали про этот монастырь и решили его посмотреть. Нужно же было увидеть хоть одно место в Израиле, которое не являлось бы известным на весь мир аттракционом для туристов.

— Так они нам и поверили, — упрямо ответил Иешуа.

Они стояли на хрупкой, наклонно пристроенной к стене монастыря крыше лачуги, где у монахов было то, что они называли трапезной. Гонт крыши опасно трещал под ногами, но должен был выдержать. Всё же несколько веков продержался! Верхний край крыши располагался на такой высоте, что оттуда можно было выглянуть через стену.

— Ну, пусть даже и не поверят, — сказал Стивен. — Ты же слышал, брат Грегор пришёл в этот монастырь тридцать лет назад. В то время про видеокамеру можно было прочитать разве что в научно-фантастическом романе. С тех пор у монахов больше не было никаких контактов с внешним миром. И что, ты думаешь, ответят монахи, если Каун их спросит, где видеокамера?

— Каун спросит тебя.

— Я про видеокамеру вообще ничего не знаю.

— Но ты утаил письмо путешественника во времени.

Стивен сделал невинное лицо, репетируя возможный диалог.

— Письмо? Путешественника во времени? О чём вы говорите? Что с вами? Впервые слышу.

— Он прав, — подтвердила Юдифь. — Письмо погибло, и никто не сможет доказать, что оно когда-то было у Стивена.

— У него есть фотоснимки.

— А как докажешь, что это снимки двухтысячелетнего письма, которое, к тому же, было извлечено из конкретной могилы?

— Но ты незаконно, путём взлома, проник в Рокфеллеровский музей, — настаивал Иешуа.

— Правильно, господин судья, — кивнул Стивен. — Такое обвинение мне действительно можно предъявить, и в этом я признаю себя виновным. Я хотел тайком ещё раз взглянуть на находки из четырнадцатого ареала, к которым меня не допустили, несмотря на то, что обнаружил их именно я.

Они замолчали. Был слышен только бубнящий хор монахов, которые удалились в свою маленькую капеллу для молитвы. Ворота монастыря были снова закрыты, как будто это было решённое дело, что Стивен, Юдифь и Иешуа останутся здесь навсегда.

— Ну что ж, — сказал наконец Иешуа. — Если всё так, то мы, пожалуй, можем спокойно уйти отсюда?

Было жарко. Ужасно жарко, и ни ветерка.

— Я ещё не убедился, что камеры здесь нет, — сказал Стивен. — Зато я уверен в том, что Каун, в отличие от нас, перевернёт этот монастырь вверх дном.

Облако пыли приближалось, становясь всё прозрачнее. Всего в нём двигалось пять машин, пять маленьких чёрных точек, в черепашьем темпе ползущих по пустыне.

— А ты подумал о том, — спросил наконец Иешуа, — что монахи, возможно, и сами не знают, что камера здесь?

Стивен кивнул, не спуская глаз с преследователей.

— Всё время думаю.

Когда монахи закончили моление и молча, гуськом вышли из низенькой двери капеллы, преследователи как раз добрались до подножия горы, коротко посовещались и стали разбирать из багажников что-то, очень напоминающее тяжёлое огнестрельное оружие. С ним в руках они начали восхождение в гору.

— Благочестивый отец, — снова подступил Стивен к брату Грегору, — преследователи, о которых я говорил по телефону, догнали нас. Они подходят всё ближе. Они ищут то же самое, что и мы, но они хотят не только взглянуть на этот предмет. Они хотят забрать его.

— Поскольку того, что вы ищете, здесь нет, они тоже уйдут ни с чем, — ответил брат Грегор.

— Поверьте мне, эти люди уйдут ни с чем только после того, как перевернут здесь каждый камень и перероют ваш огород.

Монах недовольно оглядел молодого американца. В его лице что-то дрогнуло.

— Совершенно ясно, что ваше присутствие навлекает на наш монастырь серьёзную опасность для мира и уединения нашего монастыря, — констатировал он. — Мне очень жаль, что я вынужден вас об этом просить, но думаю, будет лучше, если вы покинете нас.

— Мы бы с удовольствием сделали это, но боюсь, что беды это не отведёт.

— Что это значит?

Стивен закусил нижнюю губу.

— Они всё равно войдут сюда, независимо от того, как поступим мы — уйдём или останемся. Мне очень жаль.

Откуда-то издалека донёсся клик, похожий на дальний клёкот орла. Это был роковой момент, и все трое увидели, как в глазах у монахов вспыхнула паника. Что именно кричал человек, было не разобрать, но, судя по тону, он отдавал команду всему наступающему войску. Они приближались.

— Но это же бессмысленно, — сказал Грегор. — Для чего кому-то нужно вторгаться сюда ради поиска предмета, которого в действительности не существует, который всего лишь легенда?

Стивен сделал глубокий вдох. Это был момент, который решит многое. Момент истины. Сейчас... или никогда.

— Вы правы, — сказал он, заклиная жестом воздевая руки. — Это было бы бессмысленно. Но прошу вас, послушайте меня внимательно. Мы знаем — я подчёркиваю, *знаем*, — что некий человек путешествовал во времени и очутился в том году, в котором Иисус начал пропо-

ведовать. У этого человека была с собой видеокамера, это примерно то же, что фотоаппарат, но записывает изображение на магнитную ленту, как в магнитофоне. И он сделал съёмки Иисуса Христа. Я говорю вам ещё раз: это не теория, не предположение, а факт. Единственное, чего мы не знаем в точности, это — где находится эта камера вместе со снимками.

— Путешествовал во времени? — монах недоверчиво покачал головой. — Но так не бывает.

— Тем не менее, было. Я бы с удовольствием рассказал вам всю эту историю от начала до конца, но сейчас нас поджигает время. Мы явились сюда потому, что в своих исследованиях наткнулись на легенду о зеркале, которое хранит отражение лика Христа. Мы уверены, что под этим зеркалом в действительности подразумевается видеокамера и что она находится в этом монастыре.

Сказать, что брат Грегор стоял как громом поражённый, было бы очень сильным преуменьшением. Лицо его приобрело пепельный, нездоровый оттенок, щёки, которые ещё совсем недавно выглядели полными и румяными, вдруг обвисли, и даже волосы, казалось, разом собрались поседеть.

— Но этот монастырь, — с усилием произнёс он, — основан всего шестьсот лет назад. Как бы оно могло тут оказаться?

— Первоначально камера была спрятана в другом месте, а потом попала в руки францисканцев, — нагло утверждал Стивен, вовсе не будучи так уж уверен в этом. Он показал руками примерные габариты прибора: — Это должен быть прямоугольный предмет вот такой величины. Возможно, завернутый во что-то или помещённый в коробку или ящик.

Взгляд старика стал несобранным и нервным.

— Где тут можно было бы скрыть такой предмет? Легко можно убедиться, что его здесь нет.

Стивен переглянулся с Иешуа.

— Мы-то вначале думали, что камера, то есть зеркало, почитается здесь как священная реликвия. Но вполне может быть и так, что она просто спрятана здесь так, что вы о ней даже не догадываетесь.

— Здесь ничего нет, — повторил монах и показал в сторону капеллы. — Пожалуйста, можете сами взглянуть на алтарь.

Вид у него был такой, будто в любую минуту он мог от слабости упасть в обморок.

Стивена тоже стали одолевать сомнения, здесь ли спрятана камера. Может, её вообще давно уже не существует. Даже скорее всего. А может, она по-прежнему находится в Стене плача. Не слишком ли легко Стивен поддался на слова отца Иешуа? Когда он сидел в комнате отеля — один, голодный, только что узнавший о внезапной трагической гибели знакомого... Ну и, естественно, испытывал страх перед погружением в затопленный туннель. Тридцать лет никто не мог отважиться на такое погружение — поневоле задумаешься, прежде чем сигать туда неопытным новичком. Конечно, лучшим выходом было вдруг твёрдо поверить, что камера больше не там, не в конце этого опасного туннеля, а надёжно охраняется в отдалённом монастыре на вершине горы?

— Да, — вежливо кивнул Стивен. — Спасибо. Мы бы с удовольствием взглянули на алтарь.

Монах посмотрел на них взглядом, полным блуждающих огоньков, кивнул и отправился к своим братьям по вере, собравшимся неподалёку, словно встревоженное войско.

— Не надо было нам сюда приезжать, — подавленно сказал Стивен. — Само наше присутствие навлекло на них беду. Каун набросится на них, как коршун на цыплят.

Он заглянул в узкий, выложенный камнем колодец и увидел, что на глубине метра в два мерцала вода. Наверное, резервуар. Вообще-то загадка для этого места: откуда тут вода?

Взгляд Иешуа скользнул в сторону трёх могильных крестов неподалёку от капеллы.

— Даже сам Джон Каун не сможет здесь сделать то, что собрался.

— А вот в этом я не так уверена, — сказала его сестра. Она кивнула в сторону хранилища останков: — Думаешь, у кого-нибудь из тех, кто лежит там, есть свидетельство о смерти? Да ни одна живая душа на свете даже не заметит, если в этом хранилище прибавится костей.

— Ты меня пугаешь, — пролепетал Иешуа.

— И правильно делаю, — мрачно сказала Юдифь.

Вход в капеллу был немного ниже уровня земли, и вниз к двери вели несколько ступеней из грубо обтёсанных камней. Моельное помещение было пустым и голым, когда-то, наверное, побелённым, но со временем сводчатый потолок закоптился толстым слоем сажи. То, что монахи не использовали огня, не вполне соответствовало действительности: на алтаре светился огонёк в простой глиняной лампадке. Посередине висел крест, по сторонам от него стояли цветы — единственное украшение.

Они осмотрели алтарь, но это была всего лишь прямоугольная глыба камня, прикрытая тонким покровом. Камера, конечно, могла быть скрыта внутри, но с таким же успехом она могла быть спрятана и под любым другим камнем в стене монастыря. У них не было возможности проверить это.

— Окей, — сказал Стивен. — Клянусь на этом месте, что никогда больше не пойду на поводу у беспочвенных теорий. Лучше бы мы...

Выстрел хлестнул словно резкий удар бича, заставив их вздрогнуть. Тишина, воцарившаяся вслед за тем, была похожа на крик. Три пары глаз испуганно переглянулись.

— *O, shit!..*

Они ринулись из капеллы наружу. Монахи медленно, словно загипнотизированные, пятились от ворот монастыря, не спуская с него глаз. Следующий пронзительный щелчок вспорол монастырскую тишину, словно удар топора, и с внутренней стороны ворот отлетели щепки.

Стивен почувствовал, как в нём поднимается горячая волна ярости и страха. Происходящее превосходило его худшие ожидания.

— Они прокладывают себе путь огнём, — вырвалось у него, — даже не тратя времени на разговоры!

Нападающие открыли шквальный огонь из самого разного стрелкового оружия, направленного на монастырские ворота. Старое, высохшее в пустынном зное дерево расщеплялось на куски, испускало струйки пыли, но оказывало стойкое сопротивление, хотя уже недалёк был момент, когда дверь развалится на части и рухнет внутрь.

— Брат Грегор исчез! — обнаружила Юдифь.

Стивен оглянулся. Действительно, монаха не было видно среди его братии, испуганно пригнувшейся за строением, в котором располагались их кельи. Стивен испугался, уж не задела ли брата Грегора пуля и не его ли это мёртвое тело лежит на одной из грядок — но нет, то была всего лишь куча серой земли. Монах, видимо, где-то укрылся.

Долго это продолжаться не могло. Выстрелом вышибло крепление железного кольца, прибитого к двери изнутри, и оно отлетело в огород. Сквозь какофонию выстрелов доносились отдельные выкрики — наверное, команды. Войско готовилось к штурму.

И вдруг выстрелы разом прекратились.

Стивен замер в ожидании сигнала к атаке, который несомненно должен был последовать. Или взрыва ворот.

Вместо этого в почти гнетущей после адского шума тишине возник отчётливый шум, который, если хорошо вспомнить, слышался уже давно, всё это время медленно нарастая, — низкий, грозный рокот мощных машин. Он становился всё громче и всё ближе.

— Я знаю, что это такое, — пролепетала Юдифь с самыми худшими предчувствиями.

И вот три огромные, тёмные тени пронесли над их головами, взрывая небо, так что они непроизвольно пригнулись. Вокруг взметнулась поднятая пыль, затрепетали листья и ветки. Это были три военных вертолёта.

34

МОНАСТЫРИ на горе Небо были основаны С. Дж. Саллером по повелению Studium Biblicum Franciscanum. Первые монахи поселились в 4 в. в долинах, окружающих гору, тогда как большой монастырский комплекс возник в 5—9 вв. Особенно достойны упоминания церковь с мозаичными полами и зернохранилище.

Авраам Стерн.

«Лексикон библейской археологии».

Стивен чувствовал, как его челюсть от безмерного удивления опускается вниз, но ничего не мог с этим поделать.

Его глаза как загипнотизированные были прикованы к трём мощным тёмно-оливковым вертолётам, которые, подобно огромным птицам, снова взмыли вверх и заложили большой круг, без сомнения нацеленный на возвращение к монастырю.

Внезапно Стивен ощутил себя маленьким и бессильным, как мышка, поглядывающая снизу на надвигающийся на неё паровой каток. Боже, какую он тут кашу заварил! Вертолёты разделились; было видно, как открываются боковые двери и мужчины в форме готовятся в высадке.

Кто это были — люди Кауна? Или тот уже наслал на них израильскую армию? Уже наверняка где-то поджидает наготове прокурор с длинным списком обвинений, составленным сворой каунских адвокатов.

Монахи, сбившиеся в кучку в своём укрытии, тоже дружно поворачивали головы, следя за разыгрывающимися в небе событиями, как подсолнухи за солнцем. Все, кроме одного, который то и дело поглядывал в сторону хранилища для костей, как будто боясь сам оказаться там в скором времени.

— Это армия. Теперь мы пропали, — сказала Юдифь, но он скорее угадал, чем услышал её слова, потому что она сказала их сама себе, а вертолёты начали снижаться над монастырём и над площадкой перед его стенами. Скоро и собственных слов не расслышишь в таком грохоте.

Да, без сомнения они пропали. Взгляд Стивена метнулся вокруг. Увидит ли он ещё когда-нибудь это место? Может быть, ближайшие недели, а то и месяцы он проведёт в тюремной камере. Разумеется, его отец не сможет взять на себя его защиту, но он всё равно прилетит, чтобы действовать сообща с израильским адвокатом, и всё это выльется в такие суммы, которые поглотят всё состояние Стивена, если его вообще хватит. Десантники, наготове ожидающие в вертолётах, ещё казавшиеся маленькими на большом расстоянии, но уже с различимыми лицами, — это солдаты израильской армии, которой не раз приходилось разбивать двадцатикратно превосходящие по численности силы противника. Против этих ребят у них не было даже тени шанса.

Один из монахов продолжал поглядывать в сторону хранилища останков. Нет, в выражении его лица не было испуга. Он не боялся, а скорее раздумывал, не поискать ли там укрытия.

Стивен замер, когда в его голове промелькнуло жуткое подозрение.

— Юдифь! — крикнул он сквозь пронзительный свист снижающихся винтов. — Иешуа!

Если у них и был шанс, то только этот. И они ничем не рисковали, поскольку терять уже было нечего.

— Что? — крикнула в ответ Юдифь.

— Кажется, я знаю, куда исчез Грегор! — крикнул Стивен ей в ухо.

— Что? — она помотала головой, указывая на уши. Грохот был слишком громким. — Я не понимаю ни слова!

Он дёрнул её за руку.

— Идём! — крикнул он, подкрепляя слова жестами.

Они побежали за ним, когда он метнулся в сторону хранилища останков — Юдифь с колебанием, Иешуа с недоумением, — но побежали. Ручка двери вибрировала под его пальцами от оглушительного грохота, когда он открывал её. Юдифь сообразила, чего он хочет, и отпрянула.

— Идём! — крикнул он ещё раз, схватил её за руку и потянул за собой. Потом втащил в склеп и Иешуа и закрыл за собой дверь. Их разом накрыла темнота, но грохот слышался всё так же оглушительно.

Он выхватил свой карманный фонарик и включил его, пустив луч по полкам с их жутким содержимым. Теперь важно было как можно скорее обнаружить то, что он искал, как можно скорее...

— Что ты задумал? — прокричал ему в ухо Иешуа. Судя по его взгляду, ему не вполне удавалось воспринимать лежащие вокруг кости лишь как археологические артефакты.

Стивен помотал головой. Это трудно было объяснить. Он осматривал полки, совал руку под деревянные ящики с костями, осторожно ощупывал канавки и отверстия от сучков. Как бы он сам поступил, если бы закладывал этот монастырь тогда, в четырнадцатом веке?

В четырнадцатом веке.

Очень давно.

Надо искать бороздки, которые неизбежно процарапали бы пол за такое длительное время! Он упал на колени, чуть не носом возил по половицам, обследуя их сантиметр за сантиметром, лихорадочно подсвечивая фонариком сбoku, чтобы все царапины и бороздки образовали тень. А грохот вертолётных винтов снаружи возвещал конец света.

— Вот она! — громко крикнул он, но даже сам себя не услышал. Он сунул фонарь в руку Иешуа, и тот послушно держал его, всё ещё ничего не понимая. Полка у задней стены помещения, много раз за сотни лет открываясь и закрываясь, пробороздила на полу дугообразное углубление. Где-то здесь должен быть рычаг, простейшая задвижка, с которой смогла бы справиться даже ревматическая рука старого монаха...

Только не надо бояться сунуть туда руку, прямо в гущу холодных, жутких, гладких фаланг человеческих пальцев. Стивен порывлся в ящике и наткнулся на рычаг, за который нужно было потянуть, и тогда полка откроется, как дверца шкафа.

В ту же минуту гром вертолётов стал стихать. Все трое тревожно переглянулись.

— Они приземлились перед монастырём, — крикнула Юдифь.

Снова стали слышны слова. Гром всё ещё стоял, как на рок-концерте, но по сравнению с тем, что было, это казалось почти тишиной.

За полкой обнаружилась каменная лестница, уводящая в тёмную, бездонную глубину. Стивен снова забрал у Иешуа фонарь и пошёл вперёд. Что бы ни происходило снаружи, они не должны терять ни секунды времени.

— Когда я увидел, как один монах поглядывает в сторону склепа, мне снова пришла в голову эта мысль, — сказал Стивен. Юдифь следовала за ним, а Иешуа закрыл за собой полку-дверь. Было слышно, как защёлкнулся механизм, и воцарилась почти полная тишина. Всё, что было ещё слышно — это неопределённое гроыхание и долетающий отзвук криков, но и они с каждым шагом становились всё тише. — Что монастырь всё-таки был построен теми самыми людьми, которые на протяжении тридцати лет долбили подземный ход под Стену плача. Тут просто

должен быть подземный ход, тайный подземный ход. А где лучше всего можно скрыть вход в него, как не в подвале с костями?

— Ты хочешь сказать, что мы сможем здесь скрываться до тех пор, пока там наверху не рассосётся вся эта заварушка? — спросил Иешуа.

Стивен отрицательно покачал головой:

— Нет. Я думаю, что брат Грегор, должно быть, сидит где-то здесь, и я хотел бы знать, что он тут делает.

Лестница скоро кончилась, приведя их в катакомбы, которые вели в двух направлениях. Стивен остановился, подождал, пока Юдифь и Иешуа остановятся рядом с ним, дал им знак замереть и на минутку выключил фонарик.

Справа доносился жутковатый, гулко отдающийся звук, как будто капала вода в глубокую пещеру. Стивен почувствовал, как у него заколотилось сердце.

— Направо, — прошептал он.

Где-то высоко над их головами землю слегка сотрясал топот ног. Что там творилось наверху? Стивен заставил себя не думать об этом и посветил фонариком на дорогу.

Ход вскоре расширился и превратился в круглую пещеру. Пахло сыростью и гнилью, и было непривычно холодно. Луч фонарика нашарил посреди пещеры древнее колодезное сооружение с воротом и цепью над уходящей глубоко вниз, к сердцевине Земли, дырой. Бездна, в которую тянулась цепь, была заполнена туманной чернотой.

— Осторожно, — сказала Юдифь, когда Стивен подошёл поближе к краю дыры и попробовал посветить в глубину фонариком.

— Колодец, — удивлённо сказал Стивен. — Он посветил на ворот и попытался прикинуть, сколько оборотов цепи могло бы на нём поместиться. — Жутко глубокий колодец, в самую сердцевину горы.

На другой стороне в полу было пробито в камне что-то вроде сливного отверстия, которое уводило в узкую щель, а за щелью тихо плескалась вода. Очевидно, в этом месте из глубины поднимали воду и сливали её в резервуар, из которого потом черпали её для питья и полива. Но откуда здесь вода? Здесь, посреди пустыни?

— Под Негев, — сказал Иешуа, словно прочитав его мысли, — залегают колоссальные запасы воды, ещё с лед-

никового периода. В этой горе, наверное, есть что-то вроде природного доступа к этим запасам. Вот единственное объяснение.

— Да, — кивнул Стивен. — При всём моём уважении я не могу поверить, что и этот колодец вырыли монахи. Наверное, и им было понятно, что вершина горы не самое подходящее место для этого.

— Посвети-ка сюда, — Иешуа опустил на колени голову и внимательно близко от края зияющей чёрной дыры и ощупал пальцами пол. — Вот она. Расселина. Наверное, она рассекает всю гору. Очень возможно, что она образует восходящую трубу, по которой вода из подземных резервуаров под давлением поднимается на достигаемую высоту. — Казалось, он совершенно забыл о том, что за ними идёт погоня и им надо искать укрытие для спасения. — Замечательно. Надо обследовать, может...

— Да, да, — нетерпеливо сказал Стивен. Он посветил фонариком вокруг. Из этого круглого помещения с впечатляющим колодцем посередине не было другого выхода, кроме того, каким они сюда пришли. Это значило, что брат Грегор, если он действительно скрылся здесь, прячется в другой стороне этого хода.

Возвращаясь к лестнице, они снова слышали шум из верхнего мира. Поспешные шаги, стук — словно шла рукопашная битва. Но разве старые монахи смогли бы — даже если предположить, что захотели бы — сразиться с кем-нибудь врукопашную?

Они миновали лестницу и направились по другому ходу. Он делал поворот, с лёгким уклоном вниз. Шум битвы снова исчез, и гнетущая тишина окружила их. Всё это было похоже на сошествие в недра земли, в холодный, безмолвный, рукотворный Гадес — царство мёртвых.

Стивен резко остановился, шепнул «Тс-с!», когда Юдифь налетела на него сзади и чуть было не отругала за резкую остановку, и выключил фонарик. Их окружила тьма, и он затаил дыхание.

Иешуа шумно, почти испуганно вдохнул. Тьма была не полной. Впереди, из какой-то неопределимой дали к ним пробивалось еле заметное мерцание света.

В перламутровой, мерцающей темноте Стивен вдруг осознал, что за чувство в нём ворочалось, начиная с того мо-

мента, как они спустились по каменной лестнице. Это чувство, словно тихая тянущая боль, засело между диафрагмой и грудной клеткой и становилось всё сильнее по мере того, как они шли дальше: то был просто страх. Страх, который пытался остановить его и заставить повернуть назад. Неслышные голоса нащёптывали, что вся эта затея ему ни к чему, что он может просто выйти наверх и забыть про это подземелье как про страшный сон, в конце концов, он сделал всё, что в его силах, и ему не в чем себя упрекнуть. И совершенно незачем двигаться вперёд, незачем делать даже один-единственный шаг.

Стивен медленно и спокойно выдохнул и так же медленно и спокойно вдохнул. Беззвучно. Станным образом что-то изменилось, сдвинулось в этой неразделимой путанице страхов, желаний, вожделений и тоски, — путанице, которая двигала им. До того момента как они ступили на монастырскую гору, им владел, подстёгивая его, один страх: а вдруг он что-то просмотрел? Вдруг сделал ошибку? Вдруг Джон Каун опередил его? Вдруг он, может стать-ся, никогда не увидит эту камеру?

Теперь его страх вдруг изменил свою природу. Теперь он приобрёл такую форму: *А вдруг он действительно найдёт то, что ищет?*

Щелчок — и фонарь снова загорелся.

Не обменявшись ни единым словом, они старались только, чтобы их шаги были по возможности бесшумными. Дальше, одна нога вперёд, другая за ней, всё глубже в страну жути, всё дальше навстречу страху. К затхлому запаху колодца теперь примешивался тяжёлый, чужеродный запах, похожий на ладан, что-то, заставляющее вспомнить о соборах, о многотысячеголосых хорах в устремлённых к небу кораблях церквей.

Кто-то нараспев творил молитву.

Эти звуки словно током пронзили всё тело Стивена. Молитва была похожа на немелодическое пение — низкий мужской бас, погружённый в глубокое сосредоточение. Это бормотание наполняло весь воздух, и становилось страшно, что молящийся может умереть от неожиданности, если его в это мгновение спугнуть.

Бормотание смолкло в тот момент, когда они достигли грота.

Помещение было небольшое — не больше, чем пещера с колодцем, и тоже вырублено в скале. И в первый момент Стивен невольно вспомнил многочисленные арабские сказки, которые просто кишели подземными сокровищницами. Три маленьких лампадки горели на могучем алтаре, уставленном золотыми подсвечниками, кубками, крестами, иконами в золотых окладах. Там же лежала огромная рукописная Библия, пол был устлан бесчисленными коврами — большими и маленькими, искусно сплетёнными или вытканными. Другие иконы со сценами из жизни Иисуса висели на стенах или стояли прислонёнными — великолепная коллекция бесценных сокровищ искусства.

А перед алтарём, на одном из ковров, стоял на коленях в молитве брат Грегор.

Они молча стояли, потрясённые неожиданной картиной подавляющего великолепия, не зная, что сказать или сделать.

Брат Грегор ещё раз поклонился, трижды перекрестился, поднялся на ноги тяжёлыми, негибкими движениями и обернулся к ним, как будто ждал их. Может быть, всё дело было в освещении, а может, сумрачный свет позволил проступить подлинным чертам, тогда как дневной свет их скрывал, но его лицо оказалось изрытым глубокими морщинами озабоченности, которые делали его бесконечно старым.

— Вы его нашли, — сказал он усталым голосом.

Стивену пришлось набрать воздуха, прежде чем он смог что-то ответить. Язык у него ворочался с трудом.

— Нашли? Что нашли?

— Зеркало, которое хранит лик нашего Господа, — сказал старый монах и указал рукой на маленький ларец, золочёный и украшенный, в центра алтаря. — Вот оно.

Ури Либерман, наверное, ещё минут пять после окончания разговора продолжал держать трубку в руке, тупо уставившись в голубые обои перед глазами и соображая, что ему делать. И надо ли вообще что-то делать. Поскольку история, которую ему сбивчиво, боясь, что не успеет, рассказал Петер Эйзенхардт, была слишком фантастической.

Он вспомнил, как совершенно случайно познакомился с немецким писателем в самолёте на Тель-Авив. Из-за не-

взрачного вида, нездоровой бледности и склонности к полноте Эйзенхард и вполтину не стоил тех лестных фотографий, которые издательство помещало на суперобложки его книг и использовало для рекламы. Они тогда мило поболтали, Либерман показал ему несколько фокусов со своей цифровой камерой и миникомпьютером, которыми любил производить на людей впечатление — до сих пор все случайные знакомые из самолётов, с кем ему впоследствии ещё раз приходилось вступать в контакт, вспоминали об этих фокусах, — и вроде бы дело на этом кончилось.

Но писатель позвонил ему уже на следующий день, чтобы попросить об одной услуге — собрать сведения о некоем британском исследователе древностей, который уже десятилетия подряд бесчинствует в Израиле. Ну хорошо, та услуга оказалась не более чем упражнением для пальцев. Всю работу проделал компьютер.

Но то, что он хотел от него сейчас... Позвонив из аэропорта, немец сдавленно предупредил, что его стерегут, но он на минутку ускользнул из-под охраны.

— Окей, — лаконично ответил Либерман и включил свой автоответчик в режим записи, — говорите.

По мере того как он слушал, его нижняя челюсть отваливалась всё ниже, так что в конце он, пожалуй, выглядел полным дебилом. Что за дикая история! Путешественник во времени... видеокамера... американский мультимиллионер, который охотится за древними видеозаписями Иисуса Христа... и юный студент, который лишь на один шаг опережает этого миллионера...

Спятить можно!

Правда, этот человек и известность свою приобрёл на сочинении научно-фантастических историй, чего ещё ждать от него. А может, был пьян. Или ещё хуже. В любом случае осторожность не помешает.

С другой стороны... Разве Израиль не был страной чудес? И нет дыма без огня. Даже если очистить эту историю от явного безумия, останется ещё немало заслуживающего более внимательного рассмотрения. Либерман положил трубку на аппарат так осторожно, как будто он превратился в предмет из саксонского фарфора, перемотал плёнку назад и прослушал запись разговора ещё раз.

— Ну и фантазия, — пробормотал он, записывая отдельные ключевые слова в блокнот, лежавший рядом с автоответчиком. Наклёвывалась журналистская история о некоей археологической находке, за которой вёл охоту иностранец, причём более чем сомнительными методами и средствами и с такими же сомнительными намерениями.

В Израиле археология была больше, чем просто наука о древностях. Какая-нибудь ископаемая находка могла легитимировать религиозные или политические убеждения — или поколебать их. В этом регионе, где партии в борьбе за влияние и власть мотивировали свои притязания событиями, отстоящими от современности на тысячи лет, археология была и политикой тоже.

Поэтому Ури Либерман всё же открыл свою чёрную записную книжку и начал набирать кое-какие номера из этой книжки. Он звонил в министерства, разговаривал с политиками и редакторами. Некоторые его звонки повлекли за собой каскад дальнейших звонков и переговоров. Спустя минут двадцать телефон Либермана зазвонил, и высокий женский голос представился:

— Приёмная генерала Якова Нагона, соединяю.

Генерал попросил изложить ему всю эту историю по порядку — от начала до конца.

— Дело странное, — сказал он затем. — Но как бы то ни было, я отправляю три вертолёта в полной экипировке из Синайской группы. Как, вы сказали, называется это место?

— Вади-Мершамон, — повторил журналист. — На его западном конце должен быть монастырь...

— Точно, я помню. Древний монастырь, построен ещё в средние века. Там живут всего несколько монахов... Как бы то ни было, мои вертолёты зачистят всё, что можно будет зачистить.

Ури Либерман воспользовался случаем, чтобы застолбить за собой право эксклюзивного освещения этого инцидента. Ведь, в конце концов, всё обнаружилось благодаря его инициативе, и они могли бы прийти к соответствующему соглашению...

— Поскольку этот инцидент, — коротко уведомил его генерал, — теперь передан в ведение армии, он считается

засекреченным. Если вы хотите сделать о нём журналистский материал, обратитесь в военную цензуру. Желаю вам приятного дня.

Свои ответные пожелания Ури Либерман придержал до разъединения связи.

— Я молил Господа о вразумлении, — сказал старый монах, — о божественном промысле. То, что вы явились сюда — это знак свыше...

Они переглянулись. Стивен даже закашлялся. Густой аромат лампадного масла заполнял помещение так, что начинала кружиться голова. О чём говорит этот человек? О каком таком знаке? О зеркале? Ведь это лишь ларец, обильно украшенный золотом, что он может иметь общего с зеркалом?.. Но если они ищут видеокамеру, то у этого ларца как раз подходящие размеры. Стивен вдруг ощутил мурашки на затылке.

— Патер, — попробовал он заговорить с человеком, который, как им казалось, погрузился в беседу с самим собой, — там наверху приземлились вертолёты, а в ворота монастыря уже вломились люди, которые ищут это зеркало. Здесь ненадёжное место...

Если бы он сам знал, что тут можно сделать! Но им удалось сюда проникнуть, значит, рано или поздно их тут всё равно найдут. Или как только кто-нибудь из монахов выдаст тайное укрытие.

— Это зеркало находится у нас уже сотни лет, — бормотал брат Грегор. — Зеркало, некогда принадлежавшее человеку из Безары. И оно сохраняет лик Иисуса, Господа нашего — но картинка всё тускнеет и тускнеет. Это самая большая боль нашего братства.

— Она тускнеет? — тревожно спросил Стивен. — Картинка тускнеет?

Монах, казалось, даже не слышал его.

— Так сказано в писаниях, и так повелось с тех пор, как мы отреклись от Рима: лишь раз в сто лет зеркало вынимается из дарохранительницы, и лишь один из братства хранителей избирается для того, чтобы одним взглядом взглянуть на этот лик, который появляется лишь на мгновение ока. Ему выпадает увидеть нашего Господа, и

остаток своей жизни он проводит в том, чтобы свидетельствовать о том, что он видел.

Стивен рассматривал золотую шкатулку и про себя проклинал людей, которые гнались за ними. Сейчас был бы самый подходящий момент схватить святыню монахов и бежать отсюда со всех ног: что бы смогли против них троих все эти немощные старики?

— Раз в сто лет? — Это звучало, как в сказке. — И когда же снова настанет этот день?

— О, лишь через шестьдесят пять лет, — снисходительно улыбнулся брат Грегор. Кажется, до его сознания постепенно доходило их присутствие, и он словно невзначай перемещался так, чтобы встать между ними и алтарём, чтобы защитить ларец. — Никто из нас не доживёт до той минуты, и никто из нас не увидит Его.

— А кто решает, кому можно увидеть?

— Братья выбирают одного из своей среды. Как правило, самого младшего — того, кто проживёт ещё долго и долго сможет быть для всех остальных светочем. Вы познакомились с братом Феликсом. Он был последним, кто видел Господа.

Стивен чувствовал себя всё более одурманенным. Он тарашился на святыню, потом на монаха, который стоял на ковре, молитвенно сложив ладони.

— Брат Феликс? — повторил он. — Но ведь он немножко странный, разве не так?

— Это зеркало его преобразило.

— Преобразило? Зеркало?

Монах опять сложил ладони и посмотрел на них взглядом, в котором, казалось, шевельнулось что-то мрачное, чёрное, что-то похожее на вытекшую кровь.

— Это значит, — сказал он, — что тот, кто в него взглянет, больше не останется таким, каким был прежде. Что бы там ни отразилось, это изменяет человека навсегда.

Стивен вспомнил открытый, тёплый взгляд старого монаха. То были приветливые глаза, которым было явлено откровение древней тайны.

Струйки дыма, ниточками поднимавшиеся от трёх лампад, при этих словах, казалось, начали завихряться. Стивен ощутил в себе могучий импульс бежать прочь, за-

биться в какой-нибудь угол и больше ничего не видеть и не слышать, пока всё это не останется позади.

Но бежать можно было лишь в одном направлении — а именно, вверх по лестнице... Он снова вспомнил, с кем столкнётся там, наверху, и эта мысль опять вернула его к действительности, к реальности, в которой легенды и мифы были всего лишь историями, а опираться можно было только на научные факты. Ему вспомнилось письмо путешественника во времени и одна деталь этого письма, которая молниеносно стала ему понятной.

— Эффект отдыха батареи! — он повернулся к Юдифи и Иешуа. — В письме речь шла о том, что батареи, пролежав долгое время, снова как бы накапливают заряд и на какое-то время дают ток. Именно об этом здесь речь. Батарейки стали древними, но за сто лет полного покоя они собирают ровно столько энергии, чтобы на несколько секунд привести в действие механизм воспроизведения. Это и есть взгляд в зеркало.

Иешуа растерянно кивнул. Юдифь подняла брови:

— А перемотать запись назад — за счёт какой энергии?

— Система MR — цифровая, она без перемотки, со свободным доступом к любому месту отснятого материала, — просветил её Стивен. — Данные считываются из памяти, как в компьютере.

Он повернулся к монаху:

— Патер, я никогда не видел ваше зеркало, но я знаю, как оно выглядит. Это штука, похожая на коробочку, — он показал ладонями её приблизительные размеры, — и в ней есть круглый глазок, в который можно смотреть. Правильно?

Брат Грегор поражённо кивнул:

— Да.

— Это не зеркало, это видеокамера, как я вам уже говорил. В ней содержатся видеозаписи Иисуса, и единственная причина, по которой в неё можно глянуть лишь раз в сто лет, состоит в том, что батареи полностью разрядились. Если бы нам удалось эту камеру — то есть зеркало — забрать отсюда и доставить в хорошо оборудованную лабораторию, то мы могли бы сделать эти съёмки доступными для всех. И тогда совсем не пришлось бы ждать сто лет. Если бы у нас была новая батарея, мы смогли бы смотреть

эти снимки когда угодно и сколько угодно. Весь мир мог бы увидеть то, что видел лишь брат Феликс.

Монах воззрился на него. В его лице шла напряжённая работа, вера и знание вели между собой застарелую битву.

— Весь мир? — спросил он, снова впадая в бормотание.

— Это видеокамера, — заклинал его Стивен, — а не чудо.

Он подумал о нескольких прошедших днях, о случайностях, обо всём том, что они обнаружили, о путешествии во времени, которое состоялось каким-то невообразимым способом, и против воли поправил себя:

— Ну да, в принципе это действительно чудо.

— Весь мир?.. — Блестящие глаза монаха были обращены в сторону дарохранительницы, и их блеск, казалось, отражал золото ларца. — Это значит... и я тоже!..

Стивен кивнул, ощутив комок в горле. Ему даже стало боязно, как бы старый монах не тронулся умом.

— Весь мир! Весь мир преобразится?! — брат Грегор повернулся к ним, но несмотря на то, что теперь он стоял спиной к алтарю, золотое мерцание в его глазах не исчезало. — Кажется, теперь я понял. Я думаю, настал час испытания, который был предсказан в пророчестве. Наше братство сохраняло эту святыню все тёмные столетия, потому что было сказано, что настанет время, когда силы света и силы тьмы сразятся между собой за обладание святыней, и если в этой битве одержат победу силы света, то весь мир будет спасён.

Юдифь подошла к Стивену и шепнула ему на ухо:

— Что всё это значит? Нам же некуда отсюда деться.

— У нас есть только один шанс: спрятать камеру получше и потом вернуться за ней, когда всё это безумие наверху прекратится, — шёпотом ответил Стивен. — А сделать это мы сможем только в том случае, если он нам поможет.

— Ты! — вдруг горячо воскликнул брат Грегор, указывая пальцем на Стивена — так, что все трое вздрогнули. — Ты доставишь святыню в надёжное место!

— Что-что? — растерялся Стивен.

Но монах уже действовал. Он открыл украшенный золотом ящик и вынул из него предмет величиной с кирпич, завёрнутый в разукрашенные ленты и платки, обвитый плетёными из золота запечатанными шнурами. Отку-

да-то он извлёк кожаную сумку, какие носят странники в пустыне, с длинными завязками и ремнями, чтобы надёжно привязать её к телу. Он осторожно уложил святыню в сумку и дал знак Стивену приблизиться, чтобы он смог привязать сокровище к его телу.

— Но мы не можем никуда уйти отсюда! — сказал тот, однако послушно позволил монаху сделать то, что тот хотел. — Монастырь захвачен.

— Вы уйдёте через колодец, — коротко сказал аббат. Он ловко завязывал кожаные ремни, пока сумка не оказалась плотно прижатой к груди Стивена. — Идёмте.

Они пошли за ним, едва поспевая, из этого грота, по подземному ходу, мимо лестницы, до той каверны с большим колодцем посередине. Крутя ворот колодца, он лихорадочно делал пояснения и давал указания:

— Основатели нашего ордена построили монастырь именно на этом месте, потому что здесь есть подземный источник, питающий тёмное озеро глубоко под нами. От этого озера проходит щель в скале, которую они расширили, чтобы превратить её в тайный подземный ход. Он и выведет вас к подножию горы. — Из тёмного жерла колодца появилась большая деревянная бадья, влажная, но без воды. — Бегите через этот ход и принесите зеркало туда, где весь мир сможет в него взглянуть.

С этими словами он застопорил ворот запором. Стивен с растущим страхом смотрел на деревянное ведро, большое, как ушат. Он понял, что брат Грегор ждёт от него, чтобы он влез в это ведро и дал спустить себя в неведомую глубину.

— Какой длины тот подземный ход? — спросил он.

— Я не знаю, — признался монах. — Я никогда его не видел.

Все на мгновение замерли. Над их головами что-то грохотало, слышались громкие голоса, хотя слов нельзя было разобрать. Удар — деревом по дереву — внезапно разнёсся по катакомбам и заставил их вздрогнуть. Должно быть, звук исходил из хранилища костей. Значит, напали на их след и теперь искали только тайный спуск вниз.

Стивен положил руку на сумку, в которой было то, что он так долго искал. Странно, что он ничего при этом

не почувствовал. Сам себе он казался с этим кожаным мешком на груди похожим на кенгуру с детёнышем в на брюшной сумке. Но никакого чувства триумфа, никакого удовлетворения. Наверное, всё произошло слишком внезапно.

— Окей, — сказал он. — Я иду.

— Стивен! — воскликнула Юдифь. — Ты с ума сошёл! Неужто ты всерьёз собираешься спуститься в колодец?

Он посмотрел на неё, потом на чёрную бездонную дыру в полу. Ему показалось, что он с самого начала знал, что его путь неизбежно приведёт его туда.

Он похлопал по своему кожаному мешку:

— Мы его нашли, — тихо сказал он. — *Мы!*

— А что потом? Даже если там есть ход, который выведет тебя наружу — что потом?

— Может, удастся добраться к нашей машине.

— Но это безумие! — шепнула она, и это прозвучало как крик.

Монах беспокойно поглядывал то туда, то сюда. Новый удар разнёсся по катакомбам.

— Тебе надо спешить, — поторапливал он. — Не то будет поздно.

Стивен влез в качающийся ушат, крепко ухватившись за цепь. В груди его всё сжалось, когда он глянул вниз и увидел чёрный, непроницаемый для взгляда круг, тёмный зев, готовый заглотить его. Приходилось насильно проталкивать в лёгкие воздух. *А что, если там нет никакого хода? Тогда застрянешь на дне бездонного колодца — и пропал!* Ерунда, сказал он сам себе, Иешуа и Юдифь остаются тут; они позаботятся о том, чтобы в самом худшем случае спасти его. *Но если что-то пойдёт не так, если что-то?..* Вдох. Не забывать дышать!

— Окей, — прохрипел он. Глаза его расширились, в них заметалась паника, но он ничего не мог с собой поделать. — Поехали!

Юдифь, которая всё это время не сводила с него глаз и кусала губу, вдруг метнулась к нему и шагнула в бадью.

— Я с тобой, — заявила она. Она ухватила за цепь, а Стивен смотрел на неё и не верил происходящему. Её веки трепетали, желваки под кожей напряглись. — А те-

перь быстрее, Иешуа, не то они будут здесь раньше, чем мы спустимся!

Быстрее, пока я не передумала!

Иешуа кивнул, сглатывая, и встал рядом со старым монахом у ворота:

— *Ken, beseder.*

— И смотри не урони нас, слышишь?!

Вместо ответа клацнул вынимаемый стопор, и они рывком опустились вниз, по колено погрузившись во тьму. Потом Иешуа и брат Грегор взялись за ворот покрепче, и цепь начала разматываться равномерными оборотами.

Они неудержимо опускались вниз. В последнюю секунду в Стивене взорвался дикий страх — остановить их, выскочить наверх, всё что угодно, лишь бы только не опускаться в это бездонное жерло! Но было слишком поздно. Край колодца был уже им по шею, потом, спустя оборот цепи, они погрузились уже целиком. Они посмотрели друг другу в глаза последним взглядом, и каждый прочёл в зрачках другого застывший ужас.

Какая же она красивая! — пронеслось в голове Стивена. Потом он уже не видел её лица, а тот отпечаток, что запечатлелся на его сетчатке, постепенно бледнел по мере того, как они опускались всё глубже и глубже в бездну. В следующий миг он почувствовал, как она обвила его шею руками, нашла его губы и поцеловала так, будто ясно знала, что им суждено погибнуть на дне этой шахты.

35

В нападении на монастырь участвовали как люди службы безопасности Джона Кауна, так и служащие израильских охранных фирм, которые первоначально были наняты им для охраны археологических раскопок. Когда был открыт огонь по воротам монастыря, израильтяне некоторое время колебались, но в конце концов большинство из них примкнули к нападавшим. Азарт погони, в которую была вовлечена вся группа, заставил их переступить границы закона.

Ури Либерман.

«Жаркий полдень в Негев».

Вниз, вниз без остановки и без конца. Отверстие колодца наверху давно уже едва угадывалось еле различимым пятном в чёрной тьме, окутавшей их смертным саваном. Они стояли, обняв друг друга и цепь, которая при каждом обороте ворота издавала опасный скрежет. Каждый слышал дыхание другого. Дёрг. Дёрг. Дёрг. Между тем они почувствовали, как цепь начала постепенно раскачиваться — всё больше с каждым новым метром глубины.

Всё сильнее пахло сыростью, водой, и становилось всё холоднее, чем глубже они погружались в гору. Стивен чувствовал у себя на лице прикосновение жёстких волос Юдифи, они хранили запах зноя и песка, и лёгкое дуновение парфюма, и ещё какой-то аромат, который Стивен не мог распознать. Он всё ещё не понимал, почему она отправилась с ним. Не понимал и того, как он сам согласился на спуск.

Затаив дыхание, он вытянул ладонь вперёд. Юдифь вздрогнула, когда он отпустил её, и испуганно спросила:

— Что ты делаешь?

Он ощутил под пальцами сырой, грубо отёсанный камень, окружавший их в тесной штольне — не далее двух ладоней от бадьи. Было даже удивительно, как они спустились, не натыкаясь на выступы.

Цепь вибрировала всё сильнее, и тут далеко наверху послышался скрежет, который наверняка был различим и с поверхности земли. Интересно, как глубоко они уже опустились? Стивену казалось, что не меньше, чем на полмили, но он наверняка ошибался. Какой высоты вообще была эта гора? Он попытался вспомнить, но теперь ему показалось, что это было в какой-то другой жизни: как они карабкались по осыпи крутого склона этой горы.

Но этот скрежет!.. Он наверняка привлечёт внимание преследователей. Они ведь в любой момент могут ворваться в катакомбы по лестнице, и что тогда? Жуткая картина, как они схватят и отшвырнут Иешуа и монаха от колодезного ворота, молнией пронеслась в воображении Стивена. И тогда бадья, отпущенная в свободное падение, рухнет вниз. Или они вставят стопорный запор ворота — и они здесь зависнут на целые часы, дни, а то и навсегда.

Или они их вытянут наверх. Наверняка они сделают это, если Иешуа объяснит им, что камера у Стивена.

Но спуск вниз продолжался.

В какой-то момент, когда паника в них уже улеглась и даже стало почти скучно при мысли, что погружение теперь будет длиться вечно, пространство вокруг них вдруг изменилось. Хотя тьма была хоть глаз выколи, ощущение, что они того и гляди застрянут в узкой шахте, прошло и сменилось ощущением более просторного помещения. Звук был такой, будто они провалились сквозь крышу высокого собора.

— Включу-ка я свет, — прошептал Стивен, и гулкое эхо его слов отразилось от отдалившихся стен.

Он выудил из кармана фонарик, включил его и посветил вокруг. Жалкий лучик света, блуждавший по чёрным стенам скалистой каверны, едва пробивал тьму.

— О, проклятье! — вырвалось у Стивена.

— Что такое? — испугалась Юдифь.

— Смотри! — Лихорадочно мечущийся луч высветил узкую террасу в скале, вырубленную на высоте метров в пять над поверхностью чёрной поблёскивающей воды бездонного подземного озера. От середины террасы вверх по стене, воронкой сужающейся кверху, тянулся ряд железных колец, из которых два верхних они уже миновали. Следующее достигаемое кольцо было удалено от них по радиусу уже метра на два, и если они не смогут за него ухватиться, то опустятся в середину озера, а каменный порог, с которого, по-видимому, только и можно было попасть в выводящий наружу ход — если вообще можно, — окажется от них на расстоянии метров в двадцать, к тому же на высоте в пять метров, то есть будет полностью недоступим. — Давай, надо раскатать бадью!

— Так я и знала, что мне еще придётся пожалеть, — вырвалось у Юдифи, но она тут же принялась за дело.

Большая деревянная бадья стала постепенно раскачиваться подобно детской качели — но медленно, слишком медленно, в то же время неумолимо опускаясь всё ниже.

— Стоп! — крикнул Стивен наверх. — Остановите!

Но они там, наверху не слышали его. Наверное, у них там уже руки отнялись: казалось, бадья стала опускаться вниз ещё быстрее, чем раньше.

— Ч-чёрт бы побрал... — Стивен сунул фонарик в нагрудный карман, вытянул руку в направлении проклятого железного кольца, к которому они уже приближались, он почти дотянулся до него, не хватило какого-нибудь сантиметра — и маятник пошёл в обратную сторону. И опустился ниже.

— Сильнее!

Им надо было ухватиться за это кольцо и потом вместе с бадьёй опускаться вниз, цепляясь за кольца, чтобы в конце концов приземлиться на скалистый выступ. Неужто эта техническая подробность с годами ушла в монастыре в забвение или брат Грегор забыл их о ней предупредить?

Ещё сильнее!

Они раскачивали изо всех сил. Третье кольцо между тем уже было слишком высоко, чтобы дотянуться до него, последней надеждой оставалось четвёртое. Но оно было ещё дальше удалено от оси воронки, просто недостижимо далеко. А они продолжали опускаться. Или они сумеют ухватиться за него в течение ближайших двух качков, или и этот шанс будет потерян.

Первый качок. Стивен вытянул руку так, что она чуть не вывернулась из плеча, и кончиками пальцев на мгновение ощутил холод металла.

— Уже почти! Сейчас ухвачусь!

Юдифь налегла так, как будто собралась за рекордное время раскачать ярмарочные качели до мёртвой петли. Но период колебания маятника зависит исключительно от его длины, а цепь, на которой они раскачивались, была невероятно длинной. Казалось, прошли минуты, прежде чем они достигли мёртвой точки на противоположной стороне, а потом снова потянулось бесконечное время обратной амплитуды.

Стивен снова вытянул руку. Каким-то образом каждая клеточка его организма предвидела, знала, что на сей раз ему удастся. Стена скалы придвигалась всё ближе, почти грациозно скользя к ним навстречу. Железное кольцо на чёрном камне матово поблёскивало. Пальцы вытянулись так, как будто обрели способность в случае крайней нужды вырасти на те несколько сантиметров, от которых зависело их спасение.

— Да!

Он зацепился средним и указательным пальцем за кольцо и вскрикнул, когда обратный ход маятника рванул его назад, чуть не выдернув руку из плечевого сустава. Искры заплясали у него в глазах и что-то надорвалось в его руке и кисти, но он с нечеловеческим, стонущим криком запустил пальцы ещё глубже вокруг кольца, сомкнул их с большим пальцем и полностью охватил железо.

— Поймал! — восторженно воскликнула Юдифь.

Они косо зависли на скалистой стене, и изрядная доля их суммарного веса и веса деревянной бадьи, в которой они стояли, пришлась на одну руку Стивена. Юдифь подтянулась на цепи, пытаясь облегчить ему тяжесть, одновременно дотягиваясь до кольца.

Рывок — и бадья опустилась ниже. Стивен держался за кольцо так крепко, будто его рука была к нему приварена.

— Хватайся за следующее! — прохрипел он.

— Окей, — она протянула руку вниз.

В этот момент что-то зашуршало. То был тихий, но угрожающий шум.

— Не может быть... — ахнул Стивен.

Железное кольцо! Железное кольцо в его руке было источником этого крошащегося шороха. Неужто оно двинулось? Нет. Наверняка нет.

— Хватайся за следующее! — крикнул он. — Скорее!

— Не дотянуться!

Снова захрустело, на сей раз громче, ужаснее. И железное кольцо *двинулось*.

— Проклятье!

Крепление железного кольца, столетиями ржавев в сыром воздухе, с хрустом вырвалось из своего гнезда в теле скалы, куда было ввинчено, и раскрошилось в ржавую труху. Они едва удержались, чтобы не вывалиться из бадьи, которая вместе с ними откатнулась прочь от стены. Одновременно последовал ещё один рывок в глубину, которого им не хватило тремя секундами раньше, и затем ещё один, который окончательно уводил их из зоны досягаемости колец. Они держались за цепь и медленно раскачивались в деревянной бадье, опускаясь всё ниже, всё ближе к чёрной, стоячей поверхности воды. Стивен поднёс железное кольцо, оставшееся в его руке, к свету, кото-

рый исходил из его кармана вертикальным лучом вверх, и осмотрел его.

— Наверно, они все такие, — рассудительно проговорил он. — Полностью проржавели. Мы могли бы об этом подумать.

— Что же теперь делать? — спросила Юдифь и трусливо глянула вниз.

— Не знаю.

Он тоже посмотрел вниз. Поверхность воды подземного озера казалась чёрной, бездонной лоснящейся жижей, грязью, а не водой. И они приближались к ней. Наверняка это была всё же вода, но такая холодная, что они замёрзнут в ней через несколько минут. Не говоря уже о том, что там не было никакого уступа, на который они могли бы выбраться вплавь. Он снова достал фонарик и обвёл лучом всё озеро по краю. Повсюду была гладкая отвесная стена.

— Если бы они остановили цепь, — сказал он. — Давай ещё раз попытаемся. Если крикнем вместе, может, они нас услышат.

— Окей.

— На счёт три. Раз-два...

Они крикнули одновременно, насколько хватило лёгких, так, что в каменной каверне загрохотало эхо. Стивен ждал, что обвалятся и упадут в воду камни, но ничего такого не случилось. Единственным ответом было то, что они опустились ещё немного и оказались уже на уровне скалистого выступа. Положение действительно становилось критическим.

Минуточку. Скалистый выступ...

— Мы как раз долетим до него при размахе! — крикнул он Юдифи, которая в этот момент и сама дошла до той же мысли. — Это единственная возможность.

Они снова качнули свою деревянную бадью мощным, согласованным движением.

— Придётся прыгать! — крикнул Стивен. На гладко высеченной каменной террасе не было ничего, за что бы можно было ухватиться. — Ты первая!

— Нет, ты! — запротестовала Юдифь. — У тебя камера.

— Начхать на камеру! Прыгай первой! Внимание... — Бадья достигла крайней точки амплитуды, вплотную у края выступа. — Давай!

Юдифь прыгнула, приземлилась, насколько было видно, удачно, на четвереньки, и была теперь в безопасности.

Маятник неторопливо пустился в обратный путь. Стивен сдвинул сумку с камерой на спину. На всякий случай. При этом он беспокойно глянул вверх на цепь, которую он крепко сжимал другой рукой. Прыгая, Юдифь оттолкнулась, и этот толчок резко отдался в цепи — и рывок ощущался иначе, чем всё предыдущее погружение вниз. Очень подозрительно иначе.

Неторопливое скольжение по амплитуде поперёк тёмного грота с водяным полом, казалось, длилось бесконечно. Стивен задержал дыхание. Цепь в его руке начала дрожать. Очень нехорошо дрожать.

Обратный качок. Цепь начала скрежетать, пока он подлетал всё ближе к порогу скалы. Юдифь уже стояла в ожидании. Он приготовился к прыжку.

Цепь порвалась за долю секунды до того, как он прыгнул — как раз чтобы лишить его опоры для толчка. Стивен вскрикнул, пытаясь оттолкнуться от пустоты под ногами, и в следующее мгновение ударился грудью о каменный порог, словно налетел на таран, которым из него вышибло дух. Он ничего не видел, потому что его фонарик внезапно исчез и всё вокруг погрузилось в беспросветную тьму, но чувствовал сильную боль от удара и сползал вниз, а пальцы его тщетно ощупывали твердь скалы, ища хоть какой-нибудь зацепки.

Он висел над пропастью и сползал вниз.

И тут его схватила рука, она прямо-таки железной хваткой вцепилась ему в запястье и, видно, решила уже никогда его не отпускать. Юдифь! Просто невероятно, сколько в ней силы. Воздух всё ещё никак не находил дорогу в его лёгкие, поэтому он ничего не мог произнести, не мог ничего крикнуть, даже застонать не мог.

Позади него в воду с грохотом плюхнулся деревянный чан. Слабейшее звено цепи, которое разорвалось, находилось где-то в самом верху, поскольку оглушительный дребезг падающих железных сочленений вообще не хотел прекращаться. Стивен висел на краю выступа скалы, ловя ртом воздух, а за спиной у него гремело и дребезжало так, словно рушилось небо. Вторая рука Юдифи вцепилась ему

в рубашку, ей удалось захватить его сзади подмышкой. Стивен попытался закинуть ногу на карниз, край которого был где-то рядом. В кино это всегда выглядело легко, а у него ушло на это пять попыток. Потом, наконец, ему удалось, с помощью Юдифи, перекатиться на твёрдую опору — как раз в тот самый миг, когда конец цепи долетел донизу и с последним всплеском скрылся под водой. Воцарилась тишина.

Он нащупал у себя на спине кожаную сумку. Её содержимое на ощупь было прежним. Потом он сел, вслепую на шаривая край карниза. Его фонарик упал в воду и теперь тлел призрачным жёлтым глазком в глубине озера.

— Хоть бы этот подземный ход действительно был, — сказал Стивен, когда ему удалось наконец восстановить дыхание. Наверняка вся его грудь представляла собой один сплошной синяк; он чувствовал себя как после драки.

— Он есть, — сказала Юдифь. Она всё ещё крепко держала его, словно боясь, что без неё он снова может рухнуть вниз. — Мы сидим как раз перед ним.

Ход действительно вёл наружу. Он был таким длинным, что их не оставляло чувство, что на свет они выберутся только где-нибудь в Иордании, но причина, наверное, была в том, что они пробирались вперёд в полной темноте, мелкими шажками. То и дело они испуганно останавливались, где-то что-то шуршало, что-то шипело, издавало какие-то звуки. Были места, на которых они попадали ногой или рукой во что-то мягкое, сырое или шевелящееся, и тогда с криком отскакивали назад. Не раз они стучались головой о выступы камней, проваливались в неожиданные ямки и натыкались голенью на что-то твёрдое. Но ход вёл всё дальше, делая время от времени изгибы, и наконец воздух начал становиться всё теплее и приобрёл другие запахи.

Постепенно они начали воспринимать свет. Вначале это были просто сумерки, в которых не разберёшь, откуда проникает свет и что за предметы он освещает. Потом из тумана стали выступать тени, потом они стали видеть собственные руки, ощупывающие скалистые стенки, и наконец, после последнего поворота, в конце вспыхнуло яркое пятно: выход.

Прямо за отверстием, которое казалось пугающе маленьким, лежала, свернувшись, длинная, тонкая змея. Стивен постарался не думать о том, сколько подобных опасных тварей они только что миновали, не подозревая об этом. Он несколько раз сильно топнул ногой — так, что змея насторожилась, подняла голову и поглядела на них, угрожающе выстреливая языком. Стивен замахал руками, метнул в змею несколько камешков и горсть песка, наконец она предпочла отползти подальше.

Выход был узкий, как лисья нора. Стивену пришлось снять камеру и толкать её впереди себя, чтобы вообще протиснуться в это отверстие. Снаружи на него молотом обрушился оглушительный зной, ему пришлось даже сесть рядом с лазом, потому что его внезапно замутило. Он помог Юдифи выбраться наружу, и они долго сидели, тяжело дыша, не говоря ни слова, только озираясь по сторонам.

Тихая пустота, простиравшаяся вокруг, испугала их. Перед ними были только камни и осыпи, серо-чёрное песчаное однообразие без дороги и какого бы то ни было намёка на неё тянулось, насколько хватало глаз.

Юдифь спросила:

— Ну что? Куда теперь?

Вот именно. Вот в чем вопрос.

Остервенело белый раскалённый шар солнца висел над горизонтом. Значит, там был запад. Средиземное море лежало в той стороне. Египет и Синай лежали в той стороне. Солнце между тем заходило, его свет теперь отбрасывал длинные, причудливые тени. Дул устойчивый монотонный ветер, нанося коже мелкие уколы песчинками.

— Была бы у нас карта, — сказал Стивен, снова обвязываясь кожаными ремнями, на сей раз уже не так крепко.

Юдифь подумала.

— Я очень хорошо её помню. Не наизусть, конечно, — она посмотрела в сторону заходящего солнца. — Есть одна дорога вдоль границы Синая. Почти прямая линия, ведущая от Средиземного моря к северному концу Красного моря. Если дойти до неё...

— А далеко это?

— Километров двадцать-тридцать? Приблизительно так.

— Ого! — Стивен всё сильнее чувствовал изнеможение, он устал уже от одного того, что просто сидел здесь. Как будто их можно пройти, все эти километры...

Абсолютное безумие. Под палящим огненным шаром, который висел на краю неба, словно кусок раскалённой скалы, нечётко обозначились очертания гор. Двадцать километров по прямой — это означало многодневный пеший путь во много раз длиннее. А воды у них не было.

Он встал, оглядел ближайшие окрестности, все эти камни и расселины, которые выглядели примерно так же уютно, как лунный ландшафт. Не попробовать ли лучше подобраться к своей машине?..

В этот момент до них донёсся шум. Он исходил, казалось, отовсюду и ниоткуда, и прошло несколько секунд ужаса, прежде чем Стивен смог определить, что это было.

Взлетающий вертолёт!

Юдифь тоже вскочила на ноги. Раз взлетают вертолёты, это может означать, что их преследователи знают, где они. И поднимаются в воздух, чтобы разыскать их. Проклятье, как будто мало было предстоящего им смертельного броска через пустыню!

— Надо спрятаться, — сказал Стивен, озираясь.

— Мы могли бы юркнуть назад, в наш лаз, — неуверенно сказала Юдифь. Очевидно, она сама содрогалась при одной мысли об этом.

— Если где-нибудь в монастыре есть план потайного хода, то мы там окажемся в ловушке.

Шум усилился, и вот один из вертолётов показался из-за горы — грозный, чёрный и огромный. Он облетал гору так, что это действительно походило на поиск.

Стивен указал на тёмную, тенистую лощину немного в стороне:

— Туда!

— Только не по песку! — удержала его Юдифь, когда он уже хотел бежать. — Следы на песке отлично видно с воздуха. Давай в обход, по камням.

Она рванула, и Стивен бросился за ней, стараясь попасть в её следы. Он мгновенно взмок, пот заструился ручьями у него по спине и по груди. Нет, он был не в лучшей форме.

Он оглянулся, и его пронзил жаркий ужас: ему показалось, что их заметили с вертолѐта и развернулись. Но то была случайность, — тѣмная птица просто изменила курс. Стивен добежал до впадины, лежащей в тени большой скалы, когда Юдифь была уже там. Тяжело дыша, она поглядывала в сторону горы, на которой стоял монастырь.

В поиске участвовало два вертолѐта. Они парили над ближайшими окрестностями монастыря, носились туда и сюда, словно разъярённые чѣрные шершни, и каким-то образом их воздушные манѐвры казались неубедительными. Как будто на самом деле они не верили, что могут кого-нибудь найти. Как будто хотели отделаться формальными поисками, чтобы потом их не смогли упрекнуть в бездействии.

Стивен помотал головой. Если смотреть со стороны, всё это выглядело нереально и скорее походило на фильм про Джеймса Бонда на очень большом экране.

В очень хорошо натопленном кинозале.

— Беглец, который собирается отсюда пересечь пустыню, — рассуждал Стивен вслух, — в какую сторону он кинется? Чего от него можно ожидать?

Юдифь немного подумала. С этой точки зрения она, как видно, вопрос ещё не рассматривала.

— Наверное, можно ожидать, что он попытается преодолеть пустыню кратчайшим путѐм.

— Что это значило бы в нашем случае?

— Вернуться по той дороге, по которой мы приехали.

Стивен поднял брови. По этой же дороге приехали и люди Кауна, и рано или поздно они тронутся обратно. Короче говоря: этот путь им был заказан.

— Или попробовать скорее добраться до Синайской дороги, — продолжала Юдифь. — На запад.

— Да, — Стивен вздохнул. И то, и другое имело последствия, которые ему совсем не нравились. — Но именно этого они и могут от нас ожидать.

Они смотрели, как садится солнце. Прошло лишь несколько минут с тех пор, как оно коснулось гребня гор, и вот его уже не видно. Ничего похожего на сумерки здесь, в пустыне, как видно, не бывает: сразу обрушивается темнота. И становится холоднее, поскольку прямые лучи солнца тебя больше не обжигают. Стивен потрогал лицо. Кожу

немного пощипывало и тянуло. Когда он ходил в бассейн, то после плавания обычно брал сеанс в солярии, и по окончании положенного времени, когда выключались ультрафиолетовые лампы, он испытывал такие же ощущения.

Ветер прекратился почти одновременно с заходом солнца. Воздух был ещё нагрет, и чувствовался жар, накопленный камнями за день. Теперь он был почти приятен. На небе появились звёзды и стали постепенно наполнять его расточительной роскошью, какой никогда не увидишь из обжитых мест. Серп растущего месяца источал волшебное мягкое свечение. Ночь... Им следовало использовать ночь для своего марш-броска!

Вертолёты отказались от поисков. Они хоть и включили прожекторы, но было видно, что они возвращаются к монастырю.

— Давай-ка двинемся на юг, — сказал Стивен.

— Ты сам не знаешь, что говоришь. Ведь там Негев. Это настоящая *пустыня*!

— Видишь вон ту звезду? Вот на неё и пойдём.

Тепла, накопленного в камне и земле, хватало не на всю ночь. В какой-то момент перестало быть жарко, а чуть позже стало холодно. Кроме того, болели ступни, болели мышцы, каждая клеточка тела молила об отдыхе, о сне.

И о воде. Жажда постепенно становилась угрожающей.

Они нашли щель между двумя скалами, которые ещё отдавали приятное тепло. Вековечный ветер отшлифовал поверхность этих скал, как две большие гальки. Отраднее было сидеть на этих камнях. Месяц лил на них свой бледный, холодный свет, небосвод был полон звёзд, словно то была коллекция бриллиантов величайшего ювелира Универсума.

Юдифь откинула голову и смотрела вверх.

— Каждая светящаяся точка — это такое же солнце, как наше, — тихо сказала она, — и, может быть, оно так же нещадно палит в пустыне. И, как знать, кто-то, может быть, и там сейчас в пути.

Стивен открыл кожаный мешок и достал из него закутанный предмет. Задумчиво взвесил его на руке. Он был неправдоподобно лёгкий. Наверняка меньше килограмма. Может, просто полегчал за две тысячи лет?

— Думаю, надо взглянуть, что там внутри, — сказал он.

— Что? — Юдифь вскочила.

— Может, мы таскаем с собой какие-нибудь старые кости, — предположил Стивен худшее и начал осторожно разматывать шнуровку.

Развязав плетёные из золота шнуры, он принялся разворачивать парчовые платки. Рулон мягкой ткани, навёрченный на предмет, был просто нескончаем.

Стивен попытался себе представить, как могла протекать церемония, когда монахи раз в сто лет вынимали свою святыню и выпрастывали её из защитных пелён для того, чтобы один из них, избранный, мог бросить короткий взгляд через окуляр. Наверняка они целые дни перед этим постились, целые ночи молились, наверняка они разработали торжественный обряд, с точными указаниями для каждого отдельного движения. Наверняка и способ пеленания тоже имел своё ритуальное значение. А он тут теперь сидит и просто обрывает один покров за другим.

Под парчой обнаружилось нечто вроде холщового мешка, пропитанного смолистой массой с неприятным запахом. Голыми руками эту клейкую защиту было не снять. Стивен пошарил вокруг и нашёл острый камень, которым принялся соскребать эту оболочку.

— Что, никак? — спросила Юдифь.

— Как-нибудь. Может, только поэтому они и извлекали её всего раз в сто лет.

Она смотрела на свёрток, который постепенно уменьшался в руках Стивена.

— Неужто там окажется видеокамера?

— Что, не верится? — ответил Стивен. Этот вопрос он и сам себе задавал несколько минут назад. Собственно, давно уже пора было показаться на свет и самой камере, но пока что обрисовывались совсем другие контуры, не такие, как он представлял себе по картинке MR-01 в Интернете.

Пальцы у него постепенно стали липкими. И он боялся впасть в лихорадку и что-нибудь невзначай повредить. Он обтёр пальцы о скалу, держа в другой руке эту редкостную святыню. Спокойно, не надо торопиться. В запасе у них всё время мира.

Время. Таинственное понятие, вокруг которого всё вертелось. Камера пролежала в надёжном месте две тысячи лет, а ведь *на самом деле* она пока ещё даже не произведена. Что будет, когда он выйдет на публику с этой камерой, которая ещё только находится в разработке в одной японской лаборатории?

Время. Всё бессвязно перепуталось.

Что, если это вообще не камера? Он сделал усилие, чтобы прогнать эти мысли.

Наконец ему удалось проделать дырку в просмолённой ткани. Теперь её можно было расширить. Он разрывал холстину, бросал обрывки, вёл себя абсолютно не как археолог. В конце концов упаковку, надорванную наполовину, можно было стянуть. Стивен сделал перерыв, чтобы собрать в кучу все липкие обрывки, и сунул их внутрь холстины.

В руках у него оставался предмет, всё ещё обёрнутый в ткань, на ощупь мягкий, как подушка, серый в слабом свете луны. Сбоку были завязки. Он спросил себя, то ли сам путешественник во времени придумал так упаковать эту камеру — если, конечно, там внутри камера, — то ли такой способ изобрели основатели монашеского ордена. Всё же путешественник должен был и сам как-то защитить камеру перед тем, как спрятать её в тайник, чтобы она продержалась там тысячелетия.

Он развязал узелок. Внутри оболочки оказалась хлопкообразная масса со странным запахом, но всё же не вата, а что-то другое. Этим мягким веществом был тщательно укутан твёрдый предмет перед тем, как его засунули в оболочку. Стивен пробрался пальцами сквозь вату и почувствовал: пластик.

— Бинго, — пробормотал он.

Она выглядела иначе, чем на картинке, которую он видел. Но это была камера. Если не считать нескольких царапин, пластиковый корпус поблёскивал как новенький, а сбоку чёрными буквами было оттиснуто название фирмы: SONY. А чуть ниже — более мелкими, растянутыми в ширину: MR-01.

Вот она. Он держал её в руках, и всё было именно так, как он представлял себе всё это время, когда пытался заглянуть в будущее.

Его наполнил дикий триумф.

Он поднял голову, заглянул в глаза Юдифи. Увидел в них таинственный блеск — или ему только показалось?

— Вот она, — сказал он почти шёпотом. — Камера путешественника во времени. Видеозапись Иисуса Христа.

Она осторожно коснулась предмета кончиками пальцев.

— Я всё ещё не могу поверить...

Да и нельзя было поверить. Всё равно что держать в руках Священный Грааль.

Все видимые металлические части камеры при ближайшем рассмотрении оказались заметно изъедены коррозией. Объектив не крутился, а с кнопок от малейшего прикосновения облетала краска. Он повертел прибор в руках. И крышка, за которой должна была по идее скрываться кассета, тоже не открывалась. Соответствующая кнопка прочно застряла, проржавев. Он подцепил крышку ногтем и немного оттянул. Что-то там было внутри, да. Кассета, наверное, если немного напрячь фантазию. Заглянуть бы туда при дневном свете — может, увидишь больше.

Стивен набрал в грудь воздуха и взглянул на Юдифь.

— Через сколько, он сказал, снова можно будет увидеть — через шестьдесят пять лет? Другими словами, батарея отдыхала в течение тридцати пяти лет.

Глаза Юдифи расширились:

— Ты думаешь, этого достаточно?

— Понятия не имею. Вот сейчас и узнаем.

Он приставил к глазу окуляр, успокоил дыхание, положил палец на кнопку воспроизведения. Может, вообще ничего не будет, сказал он себе, но его пульс не поверил в это. Он ещё раз вздохнул и нажал на кнопку.

Кнопка сделала *клик*.

Но ничего не появилось.

36

При потере более 4,5 литра воды, что составляет около 5—10% веса тела, наряду с сильным чувством жажды появляются первые нарушения в жизнедеятельности организма: прекращается слюноотделение, затрудняются глота-

тельные движения, голос становится глухим и хриплым, слизистая оболочка рта и горла, а также глаза краснеют, пульс учащается, наступает апатия и одурманенность. Можно легко впасть в панику. Смерть от жажды наступает при потере жидкости более 12% веса тела.

*Джером К. Уилсон.
«Как выжить в пустыне».*

Когда он проснулся, первой мыслью было: *нужны батареи!*

И только после того как эта мысль протрубила в его голове, словно сигнальный горн на побудку в лагере скаутов, в его сознание проникло и всё остальное: где он, почему он здесь, что произошло. Он обнимал Юдифь, они всю ночь пролежали в обнимку. Они всё ещё лежали между двумя большими, холодными камнями на песчаной земле, и ночью было ужасно холодно.

Разумеется, он давно об этом слышал, все рассказывали ему: имей в виду, в пустыне ночью бывает очень холодно. Он это знал, но по-настоящему в это никогда не верил. У него в голове не укладывалось, как это пустыня, на протяжении дня бичевавшая его зноем и светом, по которой он шёл, словно по гигантской раскалённой сковородке, — как эта огнедышащая печь может остыть до температуры холодильника. Летом! Не удивительно, что здесь растрескивались камни и лопались скалы. Стивен и Юдифь ночью прижались друг к другу от холода, переплелись руками и ногами, прикинули нос к носу, и всё это было бы даже романтично, не будь так холодно!

Теперь снова становилось теплее. Стивен поднял голову, посмотрел в сторону пылающего шара, который поднимался над горизонтом, набравшись новых сил. Поднялся и ветер — точно с началом дня.

Стивен не помнил, как они заснули. Юдифь всё ещё спала, измученная, лицо присыпано песком. Он осторожно убрал руку, обнимавшую её, и выпрямился. Во рту было так сухо — почти пыльно. Больно глотать, как будто в горле застряли сухофрукты.

Первое, чего он хватился, была его сумка. Он снова засунул туда камеру и свой разобранный мобильник, ба-

тарейкой которого он пытался вчера привести в действие камеру. Ночная возня с этой батареейкой была целым приключением — он пробовал подключить её к видеокамере при помощи шпильки для волос, но ничего не получилось. Сейчас при свете дня он ещё раз оглядел отдельные части своего моби́льника. Случилось то, чего он и боялся: этой телефонной батареейкой он пользовался уже несколько лет, и она уже совсем истощилась и не только разрядилась, но ещё имела слишком низкое напряжение. То есть не оставляла ему никаких шансов. Он с удивлением взвесил на руке маленькие батарейки, извлечённые из видеокамеры: «с подзарядкой», значилось на них, и если подумать, что они с единственной зарядкой — наверняка путешественник во времени оказался в прошлом без зарядного устройства, а если даже и с ним, то что толку — функционировали две тысячи лет, то пожаловаться было не на что. *Неплохая могла быть реклама*, — подумал он.

Он снова собрал моби́льный телефон. Когда он его разбира́л, Юдифь беспокоилась. Она сказала: если они заблудятся, то телефон будет для них последней надеждой. Но на самом деле этой надежды уже не было: когда он снова включил прибор, тот хоть и пискнул разок, но тут же его цифровой экран погас, и больше ничего не шевельнулось.

— Разве что если подождать пятьдесят лет?.. — пробормотал он и сунул бесполезную вещь в карман рубашки.

Юдифь проснулась. Поднявшись, она была дезориентирована не меньше Стивена. Какое-то время она сонно таращи́лась в одну точку, потом что-то произнесла — судя по тону, крепкое еврейское выражение.

— А я думала, что это был кошмарный сон, — сказала она несчастным голосом.

Стивен посмотрел на неё. Даже с её свалявшимися волосами она ему нравилась.

— Ты шутишь, — сказал он. — Я-то совершенно уверен, что *это и есть* кошмар.

— Стивен... — она бросила на него затуманенный взор, значения которого он не мог понять. — Держись. Что бы ни случилось. — Она вздохнула и поднялась на ноги: — Я хочу пить.

Стивен пожал плечами. Не может быть, чтобы было так трудно выбраться из этой пустыни. Да, Негев — настоящая пустыня, но ведь она небольшая и обозримая, в каком-то смысле даже ручная. Насколько он запомнил её на карте, тут всё испещрено дорогами, пусть лишь просёлочными. И для того чтобы заблудиться, места здесь не так много.

— Давай используем утро, чтобы продвинуться вперёд, — предложил он.

— А куда нам надо идти?

— Туда, — сказал Стивен, — где есть батареи.

Они шли на запад. Медленно, друг за другом. Им вдруг очень захотелось разговаривать, и они начали рассказывать друг другу, кто что знал о выживании в пустыне. У Юдифи в армии были тренировки на выживание, хоть и всего три дня, но она тогда еле справилась и ничего из того времени не запомнила. Разумеется, частью военного обучения были тяжелейшие марш-броски с полной выкладкой. То, что она рассказывала об этих испытаниях, у Стивена вызывало лёгкий ужас, и как он ни поглядывал на неё украдкой, всё же не мог связать все эти рассказы со стройной, почти хрупкой девушкой.

Сам он, не считая того, что всегда очень внимательно прислушивался к рассказам ветеранов *Исследовательского общества*, однажды принял участие в тренировке на выживание: десять дней в бескрайних лесах Канады. Утоление жажды хоть и входило пунктом в программу, но там это не было проблемой.

Естественно, оба они знали расхожие приёмы добычи воды в пустыне. Самый известный из них, на который натыкаешься и в книгах, и в фильмах, состоял в том, что в песке нужно вырыть воронку, закопать на дне жестяную банку, потом натянуть над дырой полиэтиленовую плёнку, прижать её по краям ямки камнями или песком, уплотнить, а на дно плёнки положить камень, чтобы она натянулась в форме воронки. Когда на плёнку светит солнце, под ней возникает повышенная парниковая жара, и влага земли, которая содержится даже в кажущемся сухим песке, испаряется, поднимается вверх, конденсируется на плёнке и капля за каплей сбегает вниз, собираясь в жестянке.

Великолепная теория. Если бы ещё была полиэтиленовая плёнка да жестяная банка, а кроме того время и энергия рыть эту ямку и потом часами сидеть подле неё в ожидании воды.

Они сошлись на том, что в первую очередь надо не потеть. Это значило: двигаться медленно, одежду не снимать, выискивать тень. А как только солнце поднимется, находить укрытие, где можно провести остаток дня, а вечером и ночью продолжать путь. Всё очень просто. Кроме того, через несколько километров они непременно должны были наткнуться на Синайскую дорогу

Словоохотливость проходила по мере того, как светило поднималось всё выше у них за спиной. Слова словно испарились. И как назло именно теперь они тащились через ландшафт, ровный, как сковородка, здесь не было ни трещины, ни щели, ни большой скалы, ни какого бы то ни было образования, которое хотя бы отдалённо годилось, чтобы укрыться от дневного зноя.

— Таков разрыв между теорией и практикой, — проворчал Стивен пересохшими губами и огляделся с нарастающим чувством беспокойства. Вся эта местность выглядела, как брошенная гигантская парковка.

И солнце палило как обезумев.

Шаг за шагом. Одна нога перед другой. Глаз не сводить с точки на горизонте. И жажда. Он в конце концов сделал так же, как Юдифь, и взял в рот маленькую, гладкую гальку, чтобы обсасывать её. Можно было воображать, что это утоляет жажду, по крайней мере чуть снижает мучительную потребность.

Больше всего Стивена удивляло то, что их никто не преследовал. А ведь это было легче лёгкого: здесь они как на ладони. Тут негде спрятаться, негде укрыться. Лишь плоская, как блюдо, земля и испепеляющая жара, которую невозможно было больше выносить.

Перед ними, на невообразимом отдалении в дрожащем сиянии солнца мерцали очертания резких, загоревших до черноты гор. Каждый шаг должен был приближать их к этой горной гряде, в которой наверняка отыскиались бы тенистые расселины, а то и сырые места. Но кто-то поставил эти горы на колёса и оттягивал их всё дальше с такой же скоростью, с какой они к ним приближались.

Только не останавливаться! Он точно знал: если они остановятся, то больше не смогут двинуться с места, и это будет конец.

Он то и дело ощупывал сумку, — там в мягко выстланной упаковке покоилась камера. Он сунул эту сумку под рубашку на грудь — и мягкий свёрток постепенно пропитался его потом. Столетия этот прибор провёл в прохладном, влажном тайнике — больше тысячи лет в каменном блоке храмовой стены, а остальное время в ящике пустынного монастыря. И вот теперь Стивен тащит его сквозь палящий зной пустыни Негев. Хорошо ли это для прибора? А вдруг в нём что-нибудь повредится из-за экстремального изменения температуры?

Юдифь, которая в это время как раз шла впереди, остановилась, повернулась к нему и бессильным жестом указала в направлении, почти перпендикулярном их маршруту, примерно на юг. Стивен посмотрел, куда она показала, и испугался, как высоко уже стоит на небе солнце, как ярко оно полыхает, как будто разъярилось и решило их уничтожить.

— Что? — прохрипел он, поскольку ничего не увидел. Лицо у неё страдальчески осунулось.

— Не знаю, — еле выговорила она. — Машина, что ли.

Теперь и он увидел — тёмный, прямоугольный, металлический предмет. Машина! В радиаторе машины ещё может быть вода. И у машины есть аккумулятор. Аккумулятор! Двенадцать вольт напряжения, с этим уже можно кое-что сделать. Он сможет увидеть, что снято на кассету.

— Идём! — сказал он, а может, не сказал, а лишь издал какой-то звук.

Он пошёл вперёд. Безумный смешок пробивался сквозь дальний уголок его сознания: только он подумал давеча, что эта часть пустыни похожа на парковку от горизонта до горизонта, — и вот тебе, пожалуйста, и автомобиль припаркован!

То действительно была брошенная машина, маленькая легковушка, которая когда-то — до того, как над ней поработало солнце, — была, наверно, белой: между тем краска на всех местах, подставленных солнцу, приобрела неопределённый грязно-коричневый цвет. «Фольксваген»,

насколько Стивен мог судить. Всё, что было в этой машине хромированного, отсутствовало, в том числе и надпись на крышке багажника. Световой рефлекс исходил от разбитого бокового стекла, от остальных стёкол ничего не осталось, не было ни шин, ни сидений, ни руля, ни рычага переключения передач — вообще не осталось ничего, что можно было открутить от этой развалины, вынуть и где-нибудь для чего-нибудь применить.

С недобрый предчувствием Стивен поднял неплотно закрытый капот. Там тоже кто-то уже бесцеремонно похозяйничал. Но радиатор был на месте, и блок цилиндров, и аккумулятор — судя по всему, они оказались слишком тяжелы для мародёров.

Причина, по которой не сняли радиатор, была, к сожалению, очевидна: он лопнул. Юдифь издала тихий, полный боли стон, когда открутила крышку радиатора и убедилась, что внутри он сух. Стивен с усилием сглотнул, подвигал пересохшим, потрескавшимся ртом.

— Может, потому она здесь и осталась, — сказал он, — что лопнул радиатор.

А аккумулятор? Стивен почувствовал, как задрожали его пальцы, когда он выкрутил одну пробку батареи, преодолевая скрипучее сопротивление. Пусто. Маркировка, показывающая нормальный уровень кислоты, была уже коричневой. Абсолютно пустой и сухой аккумулятор. Он выкрутил и остальные пробки — всюду то же самое.

Это было бессмысленно, и Стивен знал, что это бессмысленно, но всё же достал видеокамеру, потратил бесконечные четверть часа на то, чтобы оборвать оставшиеся провода, оголить концы, соединить их с полюсами аккумулятора и подвести к соответствующим контактам на камере. Заглянул в видискатель, глубоко вздохнул, полный безумной надежды, что, вопреки очевидному, вопреки всем техническим и физическим законам эта высохшая аккумуляторная батарея ещё выдаст один импульс, хотя бы такой, чтобы на мгновение осветить крошечный экран в окуляре видеокамеры и показать ему то, что тридцать пять лет назад увидел брат Феликс. Неужто он требовал чересчур многого для этой страны чудес? Неужели он ждал слишком многого от этой пустыни, в которой когда-то Господь просыпал манну небесную для своих? Милях в пятидесяти

отсюда плещется Красное море, которое расступилось когда-то перед Моисеем. Для себя Стивен этого не просил. Всё, чего ему хотелось, — ток на одну секунду.

Он нажал на кнопку воспроизведения.

Чуда не произошло.

В огорчении он опустился на землю рядом с Юдифью, которая сидела в слабой тени автомобиля. Горячее железо жгло спину. Это было совсем не то, что тень скалы, но и это было хорошо — по крайней мере хоть на минутку уклониться от знойного, немилосердного света. Юдифь посмотрела на него. Он помотал головой: ничего не вышло.

Как бы ему хотелось хоть на несколько часов исчезнуть из палящего зноя, чтобы передохнуть, набраться сил, всё обдумать. Особенно думать ему становилось всё тяжелее. Мысли всё больше и больше запутывались, как в болезненном бреде. Он уже не мог точно сказать, что для него важнее — найти батарею или воду. Смутные, безумные картинки колыхались в сознании, он видел самого себя, как он изнемогает и умирает в пустыне. Всё было так, будто он больше не бодрствовал, а спал с открытыми глазами. От этих видений он испуганно встрепенулся, на какой-то миг пришёл в ясное сознание — и его обуял страх, великий и непостижимый, что он умрёт, так и не увидев запись, которую несёт с собой. Этого не могло быть. Подобной несправедливости не бывает. Ведь всё было уже так близко и реально, — невозможно, чтобы он потерпел поражение у самой цели.

— Скажи, — прошептал он наконец, — ведь опасность всё же не смертельная, а? Ведь мы всё время идём на запад; должна же где-то тут быть Синайская дорога, а?

Она вначале никак не отреагировала, безучастно глядя перед собой.

— Я больше не знаю, где мы, — ответила она через некоторое время.

— Но не могли же мы перейти эту дорогу, даже не заметив её, а?

Сколько лет плутал по пустыне народ Израиля? Сорок, насколько он мог припомнить.

Вот и они теперь заблудились на этом маленьком пятчке. Они не проходили никакую дорогу. Им не попадалось ничего, что хоть отдалённо напоминало бы её...

Юдифь посмотрела на него. Вид у неё был измождённый, смертельно измождённый.

— Твой телефон правда больше не включается?

Он помотал головой.

Она вздохнула и снова уставилась в никуда:

— Как раз тогда, когда он действительно нужен...

Они сидели. Солнце поднималось всё выше, тени укорачивались. Казалось невозможным когда-нибудь встать отсюда. Они останутся тут сидеть, пока солнце не перевалится через крышу автомобиля, чтобы изжарить их. Стивен достал пакет, извлёк из него камеру, которая казалась на удивление маленькой, чуть больше записной книжки, и такой лёгкой. Он взвесил её на ладони.

— Ты думаешь, это всё правда? — спросила Юдифь, наблюдавшая за ним.

— Что именно?

— На вид она совсем новая.

Стивен повертел её в руках:

— Она и есть новая. Вообще-то, её даже ещё не сделали.

— А если мы выйдем отсюда и отвезём её в Японию, что тогда будет?

— Не знаю. — Голова могла лопнуть, если раздумывать об этом. — Они её разберут, узнают, как она действует, и потом снова соберут. Японцы всегда так поступают.

— И кто же тогда её изобрёл?

Стивен хотел ответить, но его вялые, затуманенные мысли завязались узлом и затормозились. Ответа не было. Слишком много всяких *но* и *если*. Уравнение из одних неизвестных.

Но если убрать все *если* и *но*...

— Хороший вопрос, — с усилием выдавил он, глядя на камеру в своих руках. Если этот аппарат действительно странствовал сквозь время, произойдя, собственно, из будущего, которое наступит лишь через три или четыре года, если рассматривать всё, что произошло, как непреложное...

...тогда это значит, что им кое-что известно о будущем. Нечто такое, что внушало ему страх. Нечто, чему неотвратимо суждено быть.

Юдифь произнесла это вслух:

— Единственный ответ: *этого не произойдёт*, — рассуждала она сама с собой, непредвзято, объективно, шаг

за шагом, как человек, идущий по незнакомой дороге с любопытством, что же там за поворотом, — а дорога петляет, и ему не видно, где же она кончается. — Тут нет никаких вариантов. Хоть мы думай, хоть не думай, а камера в Японию *не попадёт*. То есть... — Теперь она поняла это. Глаза её стали противоестественно огромными.

— Да, — только и сказал Стивен.

Вот то, что зовётся судьбой. Он держал её в руках. Усталым движением он сунул маленький аппарат, пластиковый корпус которого выглядел таким новеньким, назад в сумку, в ватные клочки.

— Идём дальше.

Жажда становилась нестерпимой. Отчаянный крик о воде, о жидкости раздавался из каждой клеточки организма. Или найти хотя бы батарейки. Он сам точно не знал, каким образом, но это тоже могло бы утолить жажду.

Ноги двигались сами по себе. Лёгкие работали, как кузнечные мехи. Весь мир давно испарился, осталось только это плоское, каменистое плато прямо перед ними.

Идти им осталось недолго. Они были обречены. Он забыл, почему, но судьба их была решена бесповоротно. Ангел смерти уже указывал на них, выжигая из них последние капли жизни. Они уже давно не потели больше. В голове Стивена возникла мысль, странно настойчивая и бесвязная.

— Надо было нам переспать, — сказал он.

— Что? — испуганно встрепенулась Юдифь.

— Если мы здесь погибнем, будет жаль, что мы так и не трахнулись.

Она посмотрела на него взглядом, в котором мелькнула обида:

— Это всё, что тебе надо в жизни от женщины?

Вот и было ему над чем поразмыслить ближайшие сто или тысячу километров.

И вдруг перед ними возникла эта фигура. Мужчина верхом на верблюде. Бедуин, глядевший на них сверху своими загадочными глазами. Стивен тарасился на него, пока Юдифь что-то ему говорила. Он разобрал только слово «Синай».

Сын пустыни невозмутимо указал рукой совсем в другом направлении.

Юдифь спросила ещё что-то — наверное, воды. Но бедуин с сожалением вскинул голову и брови арабским жестом отрицания. У него нет воды, а может, он просто не хотел делиться. У него был верблюд, который всегда доставит его до места раньше, чем он захочет пить.

— *Салям алейкум*, — попрощался тот, как будто для него было привычным делом встречать в пустыне заплутавших путников, и перед тем как взяться за поводья своего верблюда, он снова надел на голову тонкую металлическую дугу наушников, которую на время разговора спустил на шею.

— Вот же! — вырвалось у Стивена. Он указал на наушники. — Что это?

Бедуин непонимающе посмотрел на него и снова снял наушники. Бросил на Юдифь вопросительный взгляд. Она что-то сказала ему, после чего он извлёк из недр своего бурнуса серебристый кассетный аудиоплэйер и показал его Стивену.

— SONY-плэйер, — сказал он с горловым арабским акцентом.

— Плэйер! — прохрипел Стивен. — Настоящий SONY-плэйер!

Безумный, гогочущий смех исторгся из его пересохшего горла, сотряс его, грозя разорвать на куски его умирающее тело.

— Стивен! — воскликнула Юдифь. — Что с тобой?

Гордый сын пустыни, очевидно оскорблённый смехом Стивена, с каменным лицом засунул аппарат назад, под светлое, длинное одеяние.

— Нет, подождите! — крикнул Стивен, протягивая руку. — Простите меня. Мне очень жаль. Юдифь, пожалуйста, скажи ему, что я прошу прощения. Спроси его, не даст ли он нам батарейки. Пожалуйста!

— Зачем тебе эти батарейки?

Он и сам толком не знал, зачем. Но батарейки были очень важны. А то, что это именно SONY-плэйер, было очень смешно. Когда он был маленький, ему всегда хотелось такой, и на свои первые заработанные деньги он наконец купил его.

— Спроси его!

Она что-то сказала по-арабски. Стивен и не знал, что она говорит по-арабски. Он так многого о ней не знал, а теперь было уже поздно узнавать.

Бедуин оглядел его с ног до головы и отрицательно мотнул головой снизу вверх. Стивен сунул руку в карман брюк, нашёл смятую купюру — это был целый полтинник, — лихорадочно расправил её и протянул бедуину:

— Батарейки, пожалуйста! Я плачу за них пятьдесят долларов!

— Стивен, что такое? Дались тебе эти батарейки. На что они тебе? Не смеши людей...

— Пятьдесят долларов! — упрямо повторил Стивен. — Только за батарейки!

Араб положил ладони на луку своего седла, взявшись за поводья, и что-то сказал Юдифи. Верблюд тем временем смотрел на странников с тупым равнодушием.

— Что он сказал?

— Он сказал, если тебе не жалко отдать за батарейки пятьдесят долларов, то отдашь и сто.

— Конечно, отдам! — воскликнул Стивен и полез в карман брюк. — Сто долларов, конечно.

Он начал искать, но ничего не нашёл. Ничего, ни монетки, не говоря уже о купюрах. Он взглянул на бедуина, который неподвижно ждал.

— Мне очень жаль, но больше у меня нет. Только пятьдесят долларов.

Сын пустыни явно понимал по-английски больше, чем показал вначале. Он нагнул голову, скривил рот в надменной улыбке и отрывисто произнёс:

— *Then have a nice day!*

С этими словами он дёрнул за поводья и умчался, словно песчаная буря.

Стивен непонимающе смотрел ему вслед. Пятьдесят долларов за пару батареек — ведь он давал хорошую цену?

Да где же эти проклятые вертолёты? Это же уму непостижимо. Два дня назад, когда они ещё ничего не знали и ничего не имели, те отслеживали каждый их шаг. А теперь, когда они всё знают и всё имеют при себе, никому до них и дела нет!

Нигде никого и ничего. Куда ни повернись, пустое и ясное небо до самого горизонта. И земля вокруг сверкала, будто их со всех сторон окружала вода.

Юдифь шипящим и хрипящим голосом говорила ему и о нём такие вещи, которые не содержали, судя по тону, ничего хорошего. Он не понимал, почему она это делает. Но она изрыгала все эти слова, словно освобождалась от ядовитого балласта, будто спешила очиститься и освободиться.

Но ведь она сама прошла с ним весь этот путь! Ведь зачем-то она сделала это? Он не понимал, чего ей надо, он отвечал всё более односложно, а потом перестал оправдываться и замолчал.

Потом Юдифь что-то напоследок пискнула и смолкла.

Он был рад, что всё миновало. Он хотел сказать только одно словечко, одну единственную фразу, чтобы завершить разговор, закруглить, подвести под ним черту и разом покончить со всем этим.

Но после одной фразы напросилась другая, а потом ещё и ещё одна, и неожиданно плотину прорвало, и он вывалил на нее всю свою ярость, всю ненависть, всё накопившееся отчаяние, какое только испытывал за всю свою жизнь. Он хрипло орал, клокотал и неистовствовал, он чувствовал, как из него изливается что-то мерзкое, отвратительное, и всё это он обрушивал на Юдифь, которая беззащитно взидала на него, а он не мог остановиться.

Потом всё улеглось. Он был опустошён. Рот его болел, из нескольких трещин сочилась кровь. Юдифь больше не смотрела на него, она просто шла дальше...

Вдруг он увидел, как у неё подломилась нога, как она споткнулась.

— Юдифь...

Стеклянный воздух, казалось, состоял из густого желе, сквозь которое можно было двигаться только в замедленном темпе, расходуя на его преодоление все силы. Он опустился рядом с ней, приподнял её, положил её голову себе на колени. На лбу у неё кровоточила рана, но небольшая. Глаза были закрыты.

— Юдифь!

Она подняла веки с таким трудом, как будто они весили тонны, и печально посмотрела на него. Глаза у неё по-

краснели. Он увидел, что её сонная артерия пульсирует как безумная.

Она открывала и закрывала пересохший рот, пытаясь что-то сказать, но не могла издать ни звука. Он склонился над ней, чтобы расслышать.

— Я всё время думала...

Она смолкла, слабо помотала головой. Снова закрыла глаза.

— Что? — прошептал он.

— Я думала... ты...

— Что я?

— Нет, ничего.

Как хорошо стало, когда на них упала большая, широкая тень. Шаги позади них, справа и слева, вокруг них. Запахло бензином и выхлопными газами, перегретой резиной и горячими тормозами, туалетной водой для бритья.

Мужчина в сине-голубом двубортном пиджаке подошёл к ним. Туфли его были начищены до блеска. Галстук заколот золотой булавкой. Этот человек, казалось, никогда не потел. Он протянул руку. Так протягивал руку отец Стивена, когда однажды забирал его из детского сада, и в те времена он носил такой же костюм.

— Отдайте мне камеру, Стивен, — сказал человек. — А потом мы позаботимся о вас.

Нет, это был не отец. Его отец никогда о нём не заботился. Он всегда требовал, чтобы его дети были сильными — сильными и самостоятельными. Так хорошо, когда о тебе кто-то хочет позаботиться. Так хорошо. С болезненным ощущением в уголках глаз, потому что слёз не было, он достал из-под рубашки свёрток.

37

В ночь со вторника на среду дежурный ночной вахтёр Самуил Розенфельд во время своего последнего обхода в 7:15 утра обнаружил, что замок, уже два дня временно висевший на двери реставрационной лаборатории для большей надёжности, исчез. Никаких других нарушений в вахтенном протоколе не отмечено.

Из полицейского рапорта.

Когда он очнулся, было прохладно. Должно быть, он спал, да, и это подействовало на него благотворно. Окружавшая его прохлада, казалось, высасывала из тела весь накопленный жар и равномерно излучала его во все стороны. Было темно. Но, не так, чтобы совсем. Он не знал, где находится. Он увидел голые, матово поблёскивающие металлические стены, ряды блестящих заклёпок на них, металлический потолок. Сквозь узкие люки под потолком внутрь проникало немного света.

Над ним склонилась молодая женщина. На ней был белый халат, она смотрела на него внимательно и сочувственно. Он на сто процентов был уверен, что видит её впервые. Она подвесила над его кроватью на крючок пластиковый пакет, наполненный прозрачной жидкостью, закрепила пластиковый шланг, другой конец которого был прибинтован к его руке.

— Что?.. — хрипло начал он. — Что вы делаете?

Женщина взглянула на него сверху вниз и только приветливо улыбнулась.

Он с трудом поднял руку, рассмотрел иглу, введённую в вену. Что всё это значит?

Женщина исчезла. Над ним возникло другое лицо — лицо старого, седого человека.

Оно было ему знакомо. Профессор Уилфорд-Смит. Теперь он снова всё припомнил. Пустыню. Зной. Упавшую Юдифь. Юдифь!

Он повернул голову, что причинило ему боль, и искал глазами. Да, она лежала рядом, на такой же раскладной кушетке, под такой же капельницей. Она спала. Кто-то умыл ей лицо.

Он вспомнил всё остальное. Им давали пить — солёную жидкость, с лёгким привкусом апельсина. Много жидкости, он наверняка выпил целое ведро. Он давился, но его не вырвало, и он снова пил. Дальше он ничего не помнил.

— Где мы?

Профессор поднял голову и огляделся, как будто и сам спрашивал себя об этом.

— Это трансляционная машина, — сказал он.

— И что здесь с нами делают? — он взглянул на капельницу.

Старый учёный печально улыбнулся:

— Это всего лишь раствор поваренной соли. Просто жидкость. Вы оба были очень сильно обезвожены, когда мы вас нашли.

— Обезвожены?

— Вам оставалось совсем немного.

Стивен Фокс прикрыл глаза. Теперь, когда воспоминания вернулись к нему, он почувствовал, к своему удивлению, нечто похожее на стыд. Он был настолько самонадеян, что отправился в пустыню без всякого снаряжения, без всякой подготовки. Легкомысленно поставил на карту жизнь только ради бега наперегонки, чтобы что-то доказать, чтобы выиграть. Ещё и Юдифь с собой потащил!..

— Как вы нас вообще нашли?

— Это было нелегко. Вы оказались совсем не там, где мы вас искали. Кончилось тем, что Каун откупил время наблюдения с русского спутника-шпиона, русские вас и выследили.

— Что? Русские?

— Да.

Стивен попытался себе представить, как это было.

— Мы сперва пошли на юг, а потом всё время двигались на запад. Мы хотели добраться до дороги, которая идёт вдоль границы Синая.

Археолог удивлённо поднял брови.

— Насколько я знаю Кауна, он не преминет показать вам спутниковые снимки. Там вы оба хорошо видны, даже из космоса. Где вы только не блуждали.

Вон, значит, как. Они заблудились. Но как такое могло случиться? Ведь они же всё время шли в сторону гор...

— А что с камерой?

Профессор Уилфорд-Смит обратил взор на точку, лежащую где-то за изголовьем Стивена. Стивен вывернул шею. Там была перегородка с узкой запертой дверью и большим стеклянным окном, занавешенным с другой стороны чёрной занавеской.

— Каун там. И уже давно. Он потребовал несколько упаковок батареек и заперся там.

Стивен упал на подушку, жалобно вскрикнув. Всё кончено! Он проиграл гонку, чёрт бы его побрал. От огорче-

ния на глаза навернулись слёзы. Как же это было несправедливо, как же несправедливо! Он столько выдержал, столько всего перенёс... Он боролся, он положил на чашу весов всё своё мужество и отвагу — а Каун с его миллионными всего-навсего купил интеллект, ноу-хау и технические устройства русских, которые готовы заработать на чем угодно, — и в итоге он очутился в нужное время на нужном месте и снял урожай там, где не сеял. Это была битва Давида с Голиафом, и на сей раз победил Голиаф. Голиаф побеждает всегда, такова правда. А старые благочестивые истории, которые рассказывают совсем другое, — это всего лишь бабушкины сказки.

Он закрыл глаза, и в следующее мгновение перед ним возник образ брата Грегора. Как он тогда сказал — «настал час испытания». Древнее пророчество о силах света и силах тьмы, которые сразятся за право обладания святыней. И хотя он тогда про себя посмеивался над словами монаха — что-то в нём всё-таки верило этим словам, наполняло его силой при мысли, что Бог на его стороне.

И что теперь? Он оказался несостоятельным? Сейчас всё зависит от того, что Каун собирается сделать с этим видео. Наверняка у него есть свои планы, и так или иначе они направлены на то, чтобы извлечь из него максимальную прибыль, показывая фильм по собственным телевизионным каналам. Его увидит весь мир. А ведь это, собственно, и есть то самое, что Стивен обещал старому аббату.

В конце концов, он и сам его увидит. Пусть это событие будет иметь для него пресный вкус, и, наверное, придётся потерпеть изрядное время, а потом, сидя дома на мягком диване, вместе с миллионами других любопытных, которые напряжённо замрут перед телевизорами, он всё-таки увидит Его.

Может, большего и ожидать не стоило.

В это мгновение кто-то завозился снаружи у входной двери, и одна створка открылась, впуслав внутрь слепящую полосу света. По решётчатым ступенькам в вагончик поднялись трое мужчин, закрыли за собой дверь и тщательно заперли её.

Стивен заметил, как фигура профессора, сидевшего на стуле у его кушетки, окаменела, как будто тот знал во-

шедших и понимал: продолжение этого знакомства не сулит ничего хорошего.

То были священники. Двое молодых и между ними один постарше. Все трое были в чёрных сутанах.

Церковь, значит. Стивен снова вспомнил Эйзенхардта, их встречу в библиотеке. Каун планировал продать все находки католической церкви за десять миллиардов долларов. Вот собака! Мало того, что его богатство позволяет ему одерживать победы, так эти победы ещё и умножают это богатство в невообразимых масштабах. Десять миллиардов долларов. Просто неправдоподобная цифра.

— Добрый день, — с деланной кротостью сказал человек, возглавляющий группу. — Меня зовут патер Скарфаро. Я хотел бы поговорить с мистером Кауном, если это возможно.

Профессор Уилфорд-Смит гордо задрал нос:

— Я боюсь, что как раз сейчас он очень занят.

По выражению лица патера Скарфаро стало понятно, что его просительный тон был чисто риторическим.

— Он там? — спросил он, указывая на дверь, ведущую в переднюю половину вагончика.

Профессор лишь кивнул.

Скарфаро подошёл к двери и внушительно постучал. Изнутри послышался нечленораздельный возглас. Священник снова встал между двумя своими спутниками и сказал, обращаясь к старому учёному:

— Он ждёт нас.

Стивен почувствовал бесконечное разочарование. Итак, это было решённое дело. Церковь получит видео. Она его либо покажет, либо скроет в тайных папских архивах, в зависимости от того, понравится им видеозапись или нет. Вот и весь сказ.

Дверь перегородки распахнулась, оттуда вылетел Каун, без пиджака, с засученными рукавами, с растрёпанными волосами — совершенно другой, чем его знал Стивен, более *человечный*. В руках у него была видеокамера.

— Вы должны это увидеть, профессор! — воскликнул он. — Весь мир должен это увидеть, все...

Только теперь его взгляд упал на Скарфаро и его спутников, и он разом осёкся.

— Как вы сюда попали? — изумлённо спросил он.

Скарфaro склонил голову.

— Я старался идти с вами в ногу.

Стивен поднял голову и посмотрел на медиамагната. Совершенно очевидно, что присутствие священника было для него чрезвычайно неприятно. И он меньше всего ожидал такого подвоха. Что здесь происходило?

Может, ещё оставалась надежда?

— Никто не знает, что я здесь, — недоверчиво сказал Каун. — Никто, кроме моих людей. Как вы меня нашли?

— Это было нелегко, — ответил Скарфaro, почти демонстративно обходя прямой вопрос. — Я пришёл, чтобы сказать, что деньги готовы. Одного моего слова будет достаточно, и они лягут на ваши счета. — Скарфaro снова склонил голову. — Проблема будет исчерпана, как только я увижу товар и удостоверюсь, что это именно то, что вы обещали.

Каун был возмущён.

— Но мы должны ещё раз обсудить это, — сказал он. — Ситуация изменилась. Моё предложение было действительно лишь на тот момент и касалось только передачи информации о раскопках.

Скарфaro протянул руку.

— Как вам будет угодно. Но вы позвольте мне всё же взглянуть?

Каун медлил. Он посмотрел на поцарапанную видеокамеру у себя в руках, потом на посланника Ватикана. Стивен затаил дыхание. Что-то тут было не то.

— Пожалуйста, — сказал Скарфaro странно мягким, почти гипнотическим голосом.

Казалось, Кауну было не по себе, но он всё-таки протянул камеру.

Скарфaro взял маленький прибор, чуть больше пачки сигарет, и задумчиво взвесил его в руке.

— Церковь, — сказал он, — выражаясь вашим языком, мистер Каун, есть мультинациональный концерн, который производит смысл — смысл жизни для миллиарда людей. Это очень важный продукт. Может быть, вообще важнейший. И востребованный, в противном случае нас бы уже давно не было. Вы понимаете, — добавил он с

горькой улыбкой, — что мы не потерпим ничего, что нанесло бы урон этому продукту?

Того, что произошло в следующее мгновение, Стивену Фоксу не забыть до конца своих дней, и он будет вспоминать эту сцену в мельчайших подробностях, словно в замедленной съёмке. Эта секунда будет снова и снова повторяться в его снах: человек из Рима поднимает камеру в руке, заносит её для размаха и затем с чудовищной силой швыряет об пол, разбивая на куски.

Кто-то вскрикнул — это был Каун. В следующую долю секунды оба священника справа и слева от Скарфаро стояли уже с револьверами в руках и походили теперь не на священников, а на решительных, на всё готовых боевиков в сутанах. Выстрел грянул внутри вагончика так громко, что стало больно в ушах, и Каун ударился спиной о стенку, схватился за плечо, и кровь потекла по его пальцам.

— Что вы делаете?! — взревел он. — Скарфаро, что вы *делаете*?!

Священник с крючковатым носом не удовольствовался разбитым аппаратом, — он поднял ногу и стал топтать обломки ботинком. Хруст стоял, будто кости ломались, всё трещало и лопалось, металл скрежетал по металлу, осколки разлетались и ударялись о стены. Потом он нагнулся и подобрал то, что являлось, по-видимому, сердцевинной видеокассеты — круглый, тонкий диск из прозрачного, мерцающего материала — может быть, кремний? — поднял его вверх и с беспощадным выражением на лице переломил пополам.

— Священное писание совершенно, — сказал он. — Этому мы учили людей столетиями, пока они не поверили — во благо себе и во обретение мира в душе. Могли ли мы допустить, чтобы что-то к нему добавилось? Нет, не могли. Могли ли мы допустить, чтобы обнаружилось, что Иисус сказал что-то другое, а совсем не то, что передаётся из века в век? Нет, не могли. Могли ли мы допустить, чтобы всё смешалось и спуталось, чтобы открылись двери сомнению, чтобы вера была разрушена? Но без веры нет мира в душе. Наш долг состоит в том, чтобы дать человеку возможность поддерживать веру — даже ценой потери этой веры нами самими.

Каун медленно сползал по стенке с искажённым от боли лицом. Рукав его рубашки пропитался кровью. Ничто больше не напоминало образ могущественного и богатого властелина промышленной империи.

— Вы не ведаете, что творите, — простонал он. — Вы погубили документ, который мог бы повернуть историю человечества. Вы уничтожили истину. Но ведь это во все времена было делом вашей церкви, не так ли? Преследовать и уничтожать истину.

Скарфаро продолжал крошить обломки диска, пока из его рук не посыпались на пол лишь мелкие, сверкающие кусочки.

— Истина? — сказал он и испытующе взглянул на истекающего кровью миллионера. — Истина состоит в том, что истина не имеет значения. Христианство существует две тысячи лет, а то, что живёт так долго, будет жить вечно. Истина в том, что реальная личность основателя не играет роли. Наоборот — лучше для всех, что этот человек так неизвестен и так непостижим: иначе из него вряд ли удалось сотворить идола. Даже если ваше видео показывало настоящего, реального, исторического Иисуса из Назарета, — какое человеческое существо может сравниться с тем образом, который создали мы? Нет, нам этот документ не нужен. Он причинил бы только вред.

Каун повалился набок. Медсестра бросилась к нему. Никто больше не стрелял, но Стивен видел, как палец одного из ватиканских боевиков дрогнул на спуске револьвера.

Скарфаро отнял у него оружие. По тому, как он его взял и как держал в руке, было видно, что он берётся за него не впервые. Он подал глазами знак своему сопровождающему, и тот опустился на колени, достал маленький совочек, торопливо собрал на него обломки камеры и ссыпал их в пластиковый пакет, который тоже излёк из складок своей тёмной рясы.

— Да вы боитесь *Его*! — растерянно прохрипел Каун. — Вы боитесь *Того*, кого якобы почитаете!

Скарфаро посмотрел на него сверху вниз своими сверкающими глазами.

— На сей счёт мы не заблуждаемся, — сказал он наконец. — Настоящий Иисус и сегодня был бы нарушителем

спокойствия, угрозой общему порядку, государственным преступником номер один. — Глаза его сузились в щёлки. — Только на сей раз процесс над ним пришлось бы вершить нам.

38

Предлагаемые гипотезы и выводы могут показаться неправдоподобными; но это всё, что мы можем предложить в качестве объяснения. Мы не берём на себя смелость судить, имеет ли всё, что было проделано, научное значение. Может быть, это заключительное суждение было бы менее обескураживающим, если бы важнейшие археологические находки — скелет и инструкция к видеокамере — не были похищены из реставрационной лаборатории Рокфеллеровского музея при невыясненных обстоятельствах. Всё, что нам осталось от этих находок века, — это фотографии и видеозапись первого лабораторного исследования.

*Профессор Уилфорд-Смит.
«Сообщение о раскопках при Бет-Хамеше».*

Ему никогда не забыть то утро, никогда не забыть то письмо — невзрачный листок бумаги, сложенный и запечатанный, который он получил из рук в руки от начальника папского информационного центра с тем, чтобы безотлагательно и срочно, через высокие залы, длинные коридоры и высокие лестницы отнести его, ни минуты не медля, и вручить прямо в руки Святого отца. Ему никогда не забыть то благоговение, от которого он содрогнулся в первый момент, когда переступил порог личных покоев Папы — он, простой молодой монах. Святой отец сидел в своём высоком кресле со спинкой, у самого окна, и молился. Или спал, со стороны трудно было определить. Монах остановился на подобающем расстоянии и не знал, что ему делать. Не медля ни минуты, было ему приказано. Он не потерял ни одной минуты, он чуть не задохнулся от спешки. Но не мог же он нарушить покой Папы Римского!

Он с облегчением вздохнул, когда Святой отец разрешил раздражающее его противоречие, открыв глаза и тёплой улыбкой дав ему знак подойти ближе.

— Что у тебя есть для меня, сын мой? — спросил он шёпотом.

— Срочное известие из Израиля, ваше Священство.

Он протянул ему записку с посланием. И потом снова стоял в ожидании, пока Папа своими закостеневшими пальцами сломает печать и развернёт листок бумаги. Он смотрел, как Папа читает написанное.

Ему показалось, что прямо на его глазах происходит распад человека, стоящего во главе церкви. Что бы ни содержало это послание, оно, казалось, высосало из тела Папы все жизненные силы. Лицо Святого отца посерело и побледнело, как будто в эту минуту за ним явилась Смерть. Рука его судорожно сжала листок бумаги, затем смяла его и бессильно упала на колени, тогда как взгляд в это время был устремлён через окно на небо.

— Этого я не хотел, — в ужасе прошептал Папа. — Этого я не велел тебе, Луиджи, нет...

Впоследствии всю оставшуюся жизнь молодой монах спрашивал себя, что могли означать эти слова.

Он стоял в своём кабинете, который наконец снова перешёл к нему, и следил через открытое окно за отъездом Скарфаро и его гладколицых спутников. Никакие силы не заставили бы его выйти во двор, чтобы попрощаться и проводить их.

Когда вчера поздним вечером они вернулись откуда-то, вид у них был тревожный, взволнованный, и от них так и веяло чем-то невыразимо злым, холодным и тёмным. Как будто они только что совершили какое-то чудовищное преступление.

Но с чем бы они ни прибыли в Иерусалим, их миссия была исполнена. И они вдруг сильно заторопились. Скарфаро поставил Лукаса в известность, что наутро они намерены уехать, и спросил, где, собственно, их машина? Всё это резким, пренебрежительным тоном, как будто он разговаривал с тупоголовым слугой. И патер Лукас проглотил то, что он, собственно, хотел на это ответить, как он проглатывал всё с тех пор, как сюда нагрянул этот человек из Рима, и сказал лишь, что из мастерской звонили и сообщили, что машина готова, её можно забрать.

— Ну? — несдержанно рывкнул Скарфaro.

— Извините, я не понимаю...

— Если машина готова, — отчитал его Скарфaro, — значит, *заберите её!*

Поэтому сегодня рано утром он специально встал пораньше и первым автобусом поехал через весь город в мастерскую, чтобы ждать там у дверей, пока она откроется. Оплатил счёт, естественно — из тех пожертвований, которые давали на храм мелкие лавочники и бедные старушки! И потом пригнал машину через весь город сквозь нарастающие утренние пробки.

А теперь он смотрел, как люди из Рима погружают в багажник свою небольшую кладь, как рассаживаются по местам и решают между собой, кто поведёт машину. Он надеялся, что больше никогда в жизни ему не придётся их видеть — ни вместе, ни по отдельности.

Равно как и надеялся никогда не узнать, что было у них в сумке, которую они взяли с собой. Что они делали ночью на кухне? По всему дому разносились странные шумы, от которых почему-то мороз шёл по коже. Брат Джеффри был встревожен и пришёл к нему, но пойти на кухню и посмотреть не осмелился. Тогда Лукас сам отправился туда. Просунув голову в дверь, он увидел, как эти люди вынимают из сумки обломки какого-то прибора, похожего на радио, рубят их тесаком и разбивают молотком для мяса и держат потом салатными щипцами над ярким пламенем газовой конфорки, а сжигаемое с вонью плавится и сгорает. Это выглядело так, будто они были заняты уничтожением следов какого-то преступления. В следующий момент один из них встал перед патером Лукасом, загородив собой всё происходящее, и недвусмысленно дал понять, что ему здесь нечего делать.

Зазвонил телефон. Патер Лукас не хотел брать трубку, предаваясь своим мыслям, но телефон настойчиво продолжал звонить. Он ответил:

— Алло!

Он узнал голос звонившего. То был хозяин мастерской. Хриплый, подхалимский голос.

— Да? — спросил патер Лукас как можно короче. Он видел этого парня сегодня утром. И считал, что для одного дня этого более, чем достаточно.

— Машина, которую вы забрали сегодня утром, — прохрипел голос, — имеет один дефект.

Тупой, прожорливый детина, — подумал про него Лукас. — *Но зато католик, не так ли? А это главное.*

— Я думал, вы её починили? — спросил он и с удовлетворением отметил нарастающую резкость в своём голосе. *Надо бы его отлупить от церкви.* — Или за что я сегодня утром заплатил вам по счёту?

— Нет... Да... Её починили, но кто-то из мастеров забыл снова поставить защитные хомуты на гидравлические трубки тормозов! Я только что спускался в мастерскую и увидел, что они там лежат...

— Защитные хомуты.

— Да. Защитные хомуты.

— А что это значит?

Голос приобрёл жалобные нотки:

— Как бы это объяснить... Защитные хомуты не дают гидравлическим шлангам соскочить со штуцера, понимаете? Если какая-то вибрация, сотрясение машины на выбоинах или кочках... Даже когда водитель просто тормозит, то шланги понемногу соскальзывают со штуцеров. Этот автомобиль ни в коем случае никуда не должен трогаться с места, пока мы его не починим, слышите? Сейчас я кого-нибудь пришлю, кто-нибудь из мастеров придет к вам с хомутами.

Патер Лукас выглянул из окна кабинета. Один из молодых людей с мертвенными глазами как раз открывал ворота на выезд. Остальные сидели в машине. Мотор работал.

— Минуточку, — медленно сказал патер Лукас. Он прикрыл микрофон трубки ладонью и с холодным сердцем выжидал. Машина Скарфaro тронулась, медленно выехала за ворота и свернула на улицу, скрывшись из поля зрения. — Вы меня слушаете? — сказал он человеку на другом конце провода. — Мне очень жаль, но машина уже уехала.

— О, Боже мой! Вы не знаете, куда она направляется?

— В Хайфу.

— В Хайфу! А у вас есть какая-нибудь возможность известить водителя?

— Нет.

Положив трубку и всё ещё держа руку на телефоне, он некоторое время смотрел перед собой невидящим взглядом.

дом. Он представил себе дорогу на Хайфу, ведущую через горы Галилеи. Дорогу, полную поворотов, крутых спусков и подъёмов. То была Божья воля, в этом он был твёрдо уверен. *Мне отпущение, и Аз воздам.*

Но тормоза машины не отказали. Ещё до того, как Луджи Баттисто Скарфaro и его спутники покинули Иерусалим, их машину протаранил грузовик, делая поворот с нарушением правил; авария, при которой, правда, никто не пострадал, но машина была очень сильно помята. Она пошла под пресс ещё до того, как кто-либо успел обнаружить отсутствие защитных хомутов на тормозной гидравлике, а верные служители единственно истинной церкви благополучно добрались до Хайфы на машине, взятой напрокат за счёт страховки виновника аварии. Оттуда они пустились в обратный путь в Рим на корабле, поскольку некоторые предметы гораздо легче было вывезти за пределы страны на корабле, чем на самолёте.

Этого патер Лукас так никогда и не узнал. Через неделю после отъезда Скарфaro он пошёл к врачу по поводу нарастающих затруднений при глотании, и обследование показало, что у него прогрессирующий рак пищевода. Последние полгода жизни он провёл в больнице, которой управляли католические сёстры. Там его прооперировали и лечили, несмотря на то, что с самого начала было ясно: его не спасти. Сестра, которая сидела у его смертного одра, была потрясённой свидетельницей того, что священник почти до последнего своего вздоха плакал, словно отчаявшееся дитя.

Джордж Мартинес тоже никогда не узнал об этом. После своего возвращения в Бозман, штат Монтана, красочно описывая матери свои иерусалимские впечатления, он доставил ей столько радости, что она благословила его древним мексиканским волшебным заговором. Во время своей следующей командировки, которая привела его на раскопки в Центральную Америку, он познакомился с известной Беатрис Азнар, многообещающим историком и к тому же красавицей-дочерью венесуэльского нефтяного миллионера, которая влюбилась в него так же горячо, как и он в неё. Вскоре они поженились и с тех пор живут

неподалёку от Каракаса в великолепном имении, площадь которого раз в пять превышает территорию университета Бозмана. Они произвели на свет целую кучу великолепных детей, а остальное время посвящают изучению истории инков, ацтеков и майя.

Его бывший начальник, доктор Боб Ричардс, в первой же командировке, которую ему пришлось выполнять одному, без Джорджа, получил сложный перелом ноги, а от университета, в знак признания его заслуг, — должность доцента. И очень вовремя, потому что год спустя одна малайзийская фирма выпустила на рынок сонартомограф, не только значительно мощнее и удобнее в обращении, чем их университетский аппарат, но и намного дешевле, так что его приобретение не было проблемой даже для скудного бюджета исторических институтов, после чего спрос на заказные сонартомографические исследования почти прекратился.

Случай с археологическими находками, которые исчезли из Рокфеллеровского музея при загадочных обстоятельствах, равно как и инцидент в Вади-Мершамоне, стали предметом рассмотрения правоохранительных учреждений государства Израиль. Следствие, проведённое прокуратурой, не внесло ясность в дело, фактически оно было провалено, тем более, что подозреваемые, обвиняемые и свидетели давали весьма противоречивые показания. Показания, которые делали некоторые из них — что они, дескать, искали предметы, оставленные неким путешественником во времени, — заранее были отвергнуты как смехотворные оправдательные уловки. Им даже пригрозили, что если они повторяют эти утверждения на судебном процессе, то получают дополнительные обвинения по статье: неуважение к суду. По приказанию высоких инстанций — один из самых востребованных участников расследования и судебного процесса израильский журналист Ури Либерман говорил о влиянии американского миллионера и медиамагната Джона Кауна через его многочисленные связи — судопроизводство было ускорено, так что в конце концов от него остался единственный эпизод: обвинение в том, что археологические находки, имеющие, возможно, большое историческое значение, по неосторожности или

по злому умыслу были погублены. Да ещё несколько разных незначительных обвинений вроде злого хулиганства и незаконного хранения оружия.

Брат и сестра Иешуа и Юдифь Менец не были признаны виновными в соучастии в преступлении. Судья ограничился предупреждением — впредь проявлять большую осторожность, когда дело касается обращения с историческими находками, а в сомнительных случаях ставить в известность государственные инстанции, компетентные в данном вопросе.

Иешуа Менец остался ценным сотрудником Рокфеллеровского музея, но его интересы всё больше склонялись в сторону реставрации папирусов и бумаги, и со временем он стал известным светилом в этой области. В числе прочего он разработал способ реставрации, который впоследствии получил название *менециации*.

Юдифь Менец приняла решение изучать сравнительное религиоведение и вскоре после этого перешла в буддизм.

Американский студент Стивен Фокс был признан судом виновным в злом хулиганстве и в чинении препятствий государственным инстанциям. Обвинение в том, что он путём взлома проник в Рокфеллеровский музей, доказать не удалось. Фокса выслали из страны и наложили пятилетний запрет на въезд в Израиль. Он вернулся в свой университет и продолжил учёбу. После жарких внутренних дебатов в *Исследовательском обществе* было решено лишить его членства.

Американец Киз Хегети Райан, которому путём побега удалось избежать ареста в Вади-Мершамоне и, по-видимому, покинуть страну в неизвестном направлении, остался в списке лиц, объявленных в розыск. Обвинения против него, в числе которых были незаконное хранение оружия, нелегальное прослушивание телефонных разговоров, незаконное лишение людей свободы, угроза физической расправы и подстрекательство к совершению преступлений, остаются в силе.

Американец Джон Каун сумел убедить суд, что не подозревал о криминальной деятельности своего советника по безопасности и всё принимал на веру, однако он был признан виновным по факту разрушения археологических

находок, а также в подстрекательстве к совершению ряда менее тяжких преступлений и приговорён к пяти годам тюрьмы. В дополнительном судебном процессе, которому вышеупомянутый журналист Ури Либерман в одном газетном комментарии, вызвавшем много споров, приписал протекцию влиятельных покровителей, этот приговор был заменён на условное осуждение. Джону Кауну было разрешено покинуть Израиль. Он возвратился в Нью-Йорк и вскоре после этого развёлся со своей женой, что вызвало чуть ли не всемирное эхо в соответствующих изданиях жёлтой прессы. Вслед за этим он со свирепой решимостью демонтировал свой концерт, продав всё и даже телевизионную станцию N.E.W., после чего исчез из поля зрения общественности.

Англичанин профессор Уилфорд-Смит не был признан виновным ни по одному пункту обвинений, которые можно было бы отнести к уголовно наказуемым преступлениям. Тем не менее, ему настоятельно рекомендовали покинуть Израиль и дали понять, что впредь он больше никогда не получит разрешения на ведение раскопок. Для прессы он сделал заявление, что сожалеет обо всём случившемся, но он и без того намеревался, ввиду своего преклонного возраста, оставить активную исследовательскую деятельность. Он возвратился в Англию.

Его многолетний ассистент, израильский историк Шимон Бар-Лев через год стал заместителем директора Рокфеллеровского музея.

Мершамонский монастырь снова закрыл свои двери и опять оказался в забвении.

Журналист Ури Либерман, который во время судебного процесса был основным корреспондентом, освещавшим его, написал книгу о раскопках при Бет-Хамеше и о событиях, ставших предметом судебного рассмотрения. Но к тому времени, когда книга была готова, этот случай давно забылся, публика потеряла к нему интерес, и автор не смог найти для книги издателя.

Писатель Петер Эйзенхардт, который покинул Израиль ещё до кульминации всех событий, был приглашён на процесс в качестве свидетеля, однако предпочёл не явиться. Сразу после возвращения домой он упаковал все свои заметки о пережитом в отдельную коробку, засунул эту

коробку в самый дальний угол самой верхней полки шкафа у себя в спальне и принялся за новый роман, который не имел ничего общего со всем случившимся. Один из рецензентов впоследствии обратил внимание на то, что больше Эйзенхардт никогда не писал романы о путешествии во времени.

Канадский историк профессор Гутьер не был ни задержан, ни обвинён, и беспрепятственно вернулся к себе на родину. Несколько лет спустя с ним случился апоплексический удар, от которого он так и не оправился.

Церковь Симона была закрыта и секуляризована. Приостановленные на время прибытия Луиджи Баттисто Скарфари бесплатные обеды для бедных так больше никогда и не были возобновлены.

Три года спустя

Из серого ноябрьского неба моросил холодный, мерзкий дождь, отопление по-настоящему всё ещё не включили, и Стивен Фокс пытался победить холод горячим чаем и толстым вязаным пуловером. Он как раз сидел перед одним из своих старых конспектов, согревая руки о дымящуюся чашку, и пытался вникнуть в смысл и содержание лекций, когда зазвонил телефон.

Это опять была фирма *Video World Dispatcher*. Вернее, мисс Барнет, отвечающая за отдел маркетинга. Мисс Барнет отличали два характерных признака: во-первых, обыкновение краситься так ярко, что она могла бы соперничать со световой рекламой на крыше здания фирмы; во-вторых, глубоко укоренённое отвращение к компьютерам.

За минувшие три года *Video World Dispatcher* стал его основным клиентом. Тогда, вернувшись из Израиля, он всё-таки получил контракт, хотя в ответ на настойчивые расспросы Джорджа С. Адамса, шефа и главного совладельца компании, честно признался, что его фирма по разработке программных продуктов, если смотреть на вопрос юридически, состоит лишь из него одного и что все свои разработки он делает в сотрудничестве с партнёрами из Бангалоре, Индия, и такое сотрудничество в последнее время стало модно называть *виртуальной компанией*. При упоминании Индии мистер Адамс даже бровью не повёл. По многим параметрам этот контракт был сравним с его первым проектом, но на сей раз работы оказалось больше, а денег меньше. Да и времена изменились, что стало ему понятно в тот момент, когда Амаль Рангараджан объяснил ему, что из соображений экономии часть задания им приходится передавать узбекским коллегам, поскольку стоимость работы индийских топ-программистов сильно возросла.

— Мистер Фокс, вам необходимо непременно зайти к нам! — говорила мисс Барнет таким тоном, как будто случился пожар на складе продукции.

Стивен выдохнул, потом снова вдохнул, потом окинул взглядом свою картотеку, письменный стол, заваленный конспектами, и подумал о предстоящем экзамене.

— Что-то сломалось? — спросил он. *Наверняка какой-нибудь пустяк. Как всегда, окажется, что программой неправильно воспользовались только потому, что поленились заглянуть в её описание.*

— Через четыре недели, — взволнованно объяснила мисс Барнет, — начинается всемирная кампания введения на рынок новой MR-системы от SONY.

— А, — вспомнил Стивен.

MR-система. Как давно он перестал о ней думать. До его сознания молниеносно дошло, что из пятилетнего запрета на въезд в Израиль, наложенного на него, прошло уже больше половины. Ожили воспоминания, забулькали вверх, как пузыри на болоте. Напряжение погони, бегство через пустыню, те часы, когда он действительно держал её в руках, эту камеру, проделавшую самое фантастическое путешествие, — видеокамеру из прошлого. Боль. Жару. Пещелуи. Юдифь.

— У нас большая проблема, — продолжала мисс Барнет. У неё никогда не бывало просто задачи, которую предстояло решить, у неё всегда были сплошные *проблемы*, — мы должны разослать письма всем клиентам, которые сделали предварительные заказы на эту систему через Интернет. Ведь их адреса где-то в компьютере остались, да?..

— Да, — кивнул Стивен, — естественно.

— И на основании этих адресов... каким-то образом... напечатать письма, чтобы адреса в них всякий раз вводились бы автоматически... Это можно?

— Ну разумеется, — терпеливо объяснил Стивен. — Это называется серийное письмо.

— А вы могли бы нам это всё устроить?

— Всё это вы и сами можете сделать. Система содержит для этого собственную функцию...

— Ах, было бы *гораздо* лучше, если бы это сделали вы.

Стивен нерешительно кусал губу. Отговориться тем, что он готовится к экзаменам, нельзя. К тому же, это хороший заработок, который отнял бы у него не так уж много времени, а от заработка он, к сожалению, не мог позво-

лить себе отказаться. Давнее приключение в Израиле — особенно его юридическая часть — вместе с несколькими неудачными капиталовложениями чувствительно истощили его финансовые запасы, когда-то казавшиеся такими внушительными.

Воспоминания об этом всё ещё были связаны с болью. Болью невосполнимых потерь. Болью поражения. Когда он думал об Израиле, у него появлялось чувство, что он вынес оттуда невидимые шрамы, и когда он после этого смотрелся в зеркало, то не узнавал своего молодого, гладкого лица, потому что ожидал увидеть отражение человека старого, морщинистого, много пережившего.

— Разумеется, — ответил Стивен, — как скажете. Позвольте мне заглянуть в мой календарь... — В календарь встреч он мог бы и не заглядывать: ближайшие две недели были абсолютно не расписаны никакими мероприятиями, через все листы красным фломастером было наискосок нацарабано: *Учиться!* — Я мог бы заехать к вам завтра в десять, если вы не против.

— Прекрасно, мистер Фокс. Вы же понимаете, к этой рекламной акции нужно подготовиться как следует, чтобы что-нибудь случайно не упустить.

— Не беспокойтесь. Всё будет сделано.

Излучать уверенность!

Положив трубку, он почувствовал себя несчастным. Дождь всё ещё покалывал окно тонкими иголочками.

Прошло три года. От Иешуа он за это время получил два-три мейла — так, несущественный трёп. Юдифь же не ответила ни на одно из его писем. Её телефона у него не было. Да и её брат утверждал, что у неё вообще нет телефона.

Было около десяти часов, и дождь больше не моросил, когда он свернул на своём красном «порше» на стоянку *Video World Dispatcher*. Машина всё ещё выглядела эффектно, и это было главной причиной, почему он ездил на ней, хотя давно уже пора было купить новую, — под капотом то и дело случались неприятные и дорогостоящие поломки, и он начинал бояться, что в один прекрасный день просто застрянет посреди дороги.

Но на сей раз всё обошлось. Бен, старый привратник, с улыбкой открыл ему решётчатые ворота и поздоровался как со старым знакомым, каковым Стивен Фокс и был на территории этой фирмы. Стивен поправил воротник рубашки, который казался ему непривычно тесным, и шагнул к двери, ведущей в просторный склад.

Дверь тяжело открылась и впустила его в пыльное помещение, заполненное металлическими стеллажами высотой с дом. Оттуда он поднялся в компьютерный зал. Четырнадцать компьютеров разных типов, включённых в единую сеть, гудели здесь круглосуточно, выполняя самые различные задания.

Мисс Барнет уже ждала его, держа в руках распечатанный образец письма, которое предстояло разослать клиентам. Стивен сел перед мощным центральным компьютером, в котором содержался банк данных о клиентах, и несколькими кликами мышки вызвал на экран таблицу со списком. Это был список всех заказов, когда бы то ни было сделанных через интернет-сайт фирмы *Video World Dispatcher*. Список содержал имена и адреса заказчиков, номера их кредитных карточек, дату и время заказа и, разумеется, артикулы заказанных приборов. Всё, что ему нужно было сделать — это отфильтровать из этой таблицы те адреса, которые содержали заказы на серию MR в период подписки, только и всего.

— Все, кто сделал заказ, уложившись в срок, получают пятнадцать процентов скидки, — объяснила мисс Барнет. — Если мы хоть кого-нибудь упустим, то потом будут жалобы, а нам бы хотелось этого избежать.

— Нет проблем, — сказал Стивен и дал программе соответствующий запрос.

Пока компьютер обрабатывал таблицу, на экране вместо обычного символа песочных часов возник вертящийся земной шар с логотипом *Video World Dispatcher*. Стивен рассеянно почесал ладонь, все его мысли вертелись вокруг основных постулатов из учебника экономики Кейнса, который он как раз бегло просматривал за завтраком.

Готово. Было слышно, как застрекотал жёсткий диск, символ ожидания опять превратился в обычную стрелку мыши, и на экране возникла окончательная таблица. Сти-

вен взялся за мышку. Прекрасно. Самое позднее через час он уже выйдет отсюда, поедет домой, выпишет фирме солидный счёт и с новыми силами навалится на подготовку к экзаменам.

Он прочитал первые имена в списке и остолбенел.

Это имя. Как это имя оказалось в списке заказчиков?

— Не может быть, — пробормотал он. — Не может быть...

Мисс Барнет о чём-то его спросила, но он не мог вникнуть в смысл её слов. Мысли его вдруг завертелись, как винт вертолёт, одна догадка сменяла другую, обрывки сведений разлетались, словно детали рассыпавшегося гигантского пазла. Ему приходилось ловить разлетающиеся части, собирать их в кучку и снова составлять. Он гонялся за осколками.

Как это имя могло оказаться в этом списке?

Он пролистнул таблицу, посмотрел дату и время сделанного заказа. Прочитал, что именно было заказано. Внутри у него поднялся оглушительный колокольный набат. Невероятно. Он прикинул дату, когда это было. Да, в тот самый год. И в тот самый месяц. И в тот день, когда... Невероятно.

— Мистер Фокс! — Она потрясла его за плечо. — Что с вами, мистер Фокс? Что-то не в порядке с данными?

Стивен поднял на неё глаза.

— С данными? — тупо повторил он. — С данными всё в порядке.

— Ну, слава Богу, — облегчённо вздохнула мисс Барнет. Стивен снова и снова вчитывался в это имя.

Прошлое настигло его.

40

Маленький, приземистый деревенский домик, который, казалось, был просто придавлен своей мощной серой крышей — единственной во всей округе, на которой не красовалась спутниковая тарелка, — стоял на отшибе маленького южноанглийского местечка Барнфорд. На другой стороне узкой улочки тянулись только поля, распаханые в

ожидании зимы. Над полями простиралось бледное небо, лишённое контуров. К аромату земли, исходившему от пашни, примешивался холодный запах, предвещавший скорый снег.

Машина, свернувшая в этот утренний час на улицу и остановившаяся напротив дома, имела лондонские номера. Из неё вышли двое мужчин — с той осмотрительностью, какая бывает у людей, впервые очутившихся в каком-то месте. Один из них был молодой и стройный, почти худой, на нём были очки в тонкой оправе и, несмотря на осенний холод, тонкая куртка. В его манере двигаться чувствовалась неукротимая энергия, а лицо выражало мрачную решимость. Другой — постарше и заметно округлей в поясе, — выйдя из машины, зябко закутался в свою серо-зелёную зимнюю куртку, в дополнение к которой он ещё обернул вокруг шеи неподходящий по цвету шарф в шотландскую клетку. В его глазах читались неуверенность и удивление, и он смотрел по сторонам как ребёнок, который ещё не знает, что его ждёт — приятное или неприятное.

Оба пересекли улицу и остановились перед узкой, светло-зелёной калиткой в сад, чтобы прочесть надпись на почтовом ящике, подвешенном на грубо оштукатуренной ограде. Они переглянулись и кивнули друг другу: да, ошибки нет. Младший открыл грубо кованную калитку.

Сад за калиткой, казалось, никогда не знал ухода. Листья, облетевшая с голых деревьев и кустов, так и осталась перегнивать на траве вокруг одичавшего пруда. Велосипед стоял, прислонённый к ржавой бочке для воды. Вдоль ограды беспорядочно разрослись вечнозелёные кусты какого-то кустарника.

Посетители подошли к двери дома и позвонили. Через некоторое время послышались шаги, и дверь распахнулась.

Мужчина, открывший дверь, был много старше своих посетителей. Седые волосы неукротимо торчали во все стороны, как будто он давно перестал их расчёсывать. На загорелом лице светились серые живые глаза, бодро взирая на пришедших. На нём была вязаная кофта с толстым воротником, из которого торчала его морщинистая шея, вызывая в воображении древнюю черепаху.

— Какая неожиданность! — воскликнул старик, преодолев секундное замешательство. — Мистер Фокс! Мистер

Эйзенхардт! Какими судьбами в наших краях? Входите же, прошу вас... — он махал руками, делая приглашающие жесты. — Как повезло, что я оказался дома! Меня так часто не бывает, что практически никто не приезжает ко мне, не сговорившись предварительно по телефону.

— Может, вам повезло меньше, чем вы думаете, — с усмешкой сказал Стивен Фокс, входя в дверь. — Добрый день, профессор Уилфорд-Смит.

Полчаса спустя они сидели в просторной, хорошо отопленной гостиной, из которой открывался романтический вид на сад сквозь старомодную дверь террасы. Они держали в руках чашки из тонкостенного фарфора с душистым золотым чаем. Профессор восседал в тяжёлом кожаном кресле с опорой для головы. Все стены были сплошь заняты либо книжными полками, либо картинами, написанными маслом, в массивных рамах.

— Столько минуло лет, — сказал он задумчиво. — Больше трёх.

Оба посетителя, сидя бок о бок на диване, согласно кивнули.

— Вы мне пока не сказали, что привело вас в наши края.

— Хотели навестить вас.

— Просто так?

— Нет, — сказал Стивен и осторожно поставил свою чашку на столик рядом с диваном, — не просто так.

Внезапно в гостиной стало тихо. Снаружи в саду на голых ветках собрались вороны, как будто хотели подсмотреть, что тут сейчас будет происходить.

— Когда я был маленький, я любил собирать пазлы, — начал Стивен Фокс. — На каждое Рождество родители покупали нам новую коробку, и тогда вся семья собиралась за большим журнальным столиком и сообща пыталась составить картинку. Чем старше становились мы, дети, тем сложнее нам покупали пазл, а в какой-то момент нам купили пазл без картинки-образца. То есть, у нас были только тысячи маленьких элементов и никакого представления о том, как должна выглядеть собранная картинка. Бывало, мы часами сидели и пытались хоть как-то начать, но без

успеха. А потом вдруг находился один элемент, который в точности подходил к другому, и вместе они уже создавали крошечный кусочек картинки, который давал о ней некую догадку. После этого всё продвигалось вперёд очень быстро. Элементы будто сами по себе находили нужное место, всё совпадало — и только потому, что были найдены эти первые, самые значительные частицы. — Стивен сделал паузу. — Несколько недель назад, — сказал он и посмотрел на профессора, кустистые брови которого поднимались всё выше, — я наткнулся на такую деталь пазла.

Профессор Уилфорд-Смит взял свою чашку со столика рядом с креслом.

— Это звучит интригующе, — сказал он. — По крайней мере, загадочно, если вы позволите мне такое замечание.

— Не беспокойтесь. Я здесь как раз для того, чтобы разгадывать загадки.

— Это успокаивает.

Стивен подался вперёд, уперев локти в колени.

— Когда наше приключение в Израиле закончилось, всё выглядело так, будто все вопросы получили своё объяснение. На самом деле это было не так. Несколько странных мелочей не укладывались в общую картинку. Мы все были тогда слишком измотаны и слишком разочарованы, чтобы обратить внимание на эту несогласованность, но эти крошечные, с виду незначительные детальки, оказалось, имели большое значение. Это я понял в последние недели, когда снова рассыпал всю картинку и элемент за элементом начал складывать заново вокруг того одного, о котором я только что сказал. И вот, представьте себе, вдруг возникла совсем другая картинка.

— Очень интересно, — сказал профессор.

— Вы позволите мне задать вам один вопрос?

— Давайте, не стесняйтесь.

— Что подтолкнуло вас к изучению археологии?

Профессор Уилфорд-Смит растерянно заморгал.

— О... Это было так давно... Какое значение это может иметь теперь?

— Вам было уже за сорок, вы сделали карьеру в доходной профессии, и если бы остались при ней, то сейчас бы уже были, наверное, совладельцем одной из самых круп-

ных суконных фабрик Великобритании. Но вы всё бросили — почему?

По лицу учёного пробежала тень скуки, по которой можно было догадаться, как часто ему уже приходилось отвечать на этот вопрос.

— Деньги — это далеко не всё в нашей жизни.

— И вы могли бы и сейчас сказать, что поступили тогда правильно?

— Разумеется. Это было очень увлекательное занятие.

Стивен посмотрел на него:

— Я навёл кое-какие справки за последние недели. Я говорил со многими людьми, вашими бывшими сотрудниками, с другим археологами. Они говорят иногда о вас нехорошие вещи.

— Я это знаю. Вы сами можете видеть, как зависть проела всю науку. Все они — люди, родившиеся и выросшие в башне из слоновой кости, а причина, по которой они мне завидовали, крылась в том, что я пришёл из реальной экономики и знал, как обращаться со спонсорами, а они не знали. Я был среди них чужаком, и я умел находить деньги. Трудно даже сказать, какая из этих двух причин досаждала им больше.

— Вы всегда организовывали масштабные раскопки, с сотнями рабочих. Как, например, последняя, на которой работал я.

— Да, — кивнул Уилфорд-Смит. — Эта была даже самая скромная из всех.

— Я тогда вас совсем не знал, ничего перед этим о вас не слышал. Меня пристроил работать на раскопках Иешуа Менец. Я думаю, впервые мы с вами перемолвились, когда я сделал находку в четырнадцатом ареале. — Стивен Фокс откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу. — Знаете, что меня потом удивляло всё больше?

Седовласый профессор вопросительно поднял брови.

— То, что вы практически сразу догадались, о чём идёт речь, — продолжал Стивен. — Вы спустились ко мне в яму, взглянули на пластиковый пакет и инструкцию в нём и тут же поняли, что произойдёт сенсация. А до меня ещё несколько дней не доходило, в чём тут дело. Даже он, — Стивен указал на Эйзенхардта, молча сидевшего

рядом с ним, — не так скоро это понял. Правда, он довольно быстро пришёл к мысли, что это скелет путешественника во времени. Но что это *значило* — а именно, что где-то тут ещё должна быть камера, — к этому он пришёл только после того, как ему сказал об этом Каун. А тот тоже наверняка пришёл к этой мысли не сам.

Уилфорд-Смит развёл руками, как бы говоря: *Ну уж извините, что я такой умный.*

— Может быть, мне на старости лет начать писать научную фантастику?

— И знаете, что ещё рассказал мне мистер Эйзенхардт? — продолжал Стивен. — Он сказал, что в бесконечных обсуждениях, которые тогда у вас там велись, вы с самого начала казались странно безучастным. Чем дольше всё это продолжалось, тем меньше, казалось, всё это интересовало вас. Странно, правда?

Старик откинулся на спинку своего кресла.

— Вы к чему-то явно клоните, Стивен, — спокойно сказал он. — Или я ошибаюсь?

— Совершенно верно, — угрюмо кивнул Стивен. — Я пытаюсь размотать все концы этой истории, которые повисли в воздухе. Поскольку есть ещё одна деталь, о которой мне рассказал мистер Эйзенхардт. Незначительная деталь, если рассматривать её саму по себе. В то утро, когда я сбежал из лагеря, вы в самую рань пришли в переговорный зал его мобильного домика, где были собраны все оставшиеся от меня вещи, и изучали в моём ноутбуке скачанные из интернета страницы с описанием камер серии MR. К вам тогда вышел из спальни мистер Эйзенхардт, и вы поговорили о том, как удивительно, что путешественник во времени взял с собой MR-01, а не существенно более мощную и более защищённую MR-02. Припоминаете?

— Смутно, — признал Уилфорд-Смит.

— Я уверен, что вы помните этот момент очень хорошо. Я уверен, что в то утро вы записали себе название фирмы *Video World Dispatcher*, которой принадлежал тот сайт, и номера их телефонов. — Голос Стивена приобрёл более резкое звучание. — Ибо прихоть случая такова, что эта фирма, офис которой находится недалеко от моего университета, является одним из моих клиентов. Я бываю там

у них время от времени и делаю в их компьютерах всё, что хочу. И пять недель назад в списке заказчиков на новую технику я обнаружил *ваше имя*, профессор Уилфорд-Смит.

Профессор Уилфорд-Смит ничего не сказал. Он просто сидел, смотрел на Стивена, и в его глазах внезапно возник странный блеск.

— В этом списке, — беспощадно продолжал Стивен, — значится дата и время вашего заказа. Я пересчитал это время на ближневосточное и обнаружил, что вы человек быстрых решений, профессор. Не прошло и получаса после того, как вы захлопнули крышку моего ноутбука, как вы уже звонили в *Video World Dispatcher*. Вы хоть знаете о том, что были одним из первых заказчиков? И знаете ли вы, что из тысяч заказчиков вы оказались *единственным*, кто заказал только видеомагнитофон, без камеры?

Голос бывшего руководителя раскопок как-то разом охрип.

— Какие же выводы вы делаете из этого?

— Да, именно такой вопрос я себе и задавал. Я неделями пытал себя: *Стивен, какие же выводы из этого следуют? Что это может значить?* И я продолжал вести розыски. В конце концов, в фирме SONY нашлась добрая душа, которая смогла мне сказать, что мистер Уилфорд-Смит из Англии начиная с 1969 года значится в рассылочном списке людей, которым посылают рекламные материалы всех новых разработок в области видеотехники. И лишь два с половиной года назад пришло сообщение, что его уже можно вычеркнуть из этого списка. Чего, кстати сказать, они так и не сделали.

Старый археолог только кивнул.

— Разумеется, можно найти объяснение и этой детали, — признал Стивен. — Наверняка. Что уж тут такого, если учёный интересуется видеотехникой? Даже напротив, это напрашивается само собой. Ностораживает то, что вы никогда не делали видеосъёмку раскопок и никогда никому не заказывали её сделать.

— Техника в те времена ещё была такой громоздкой, — одеревенело сказал профессор.

— В 1969 году — да, действительно. Но в прошедшие десять лет всё стало уже по-другому.

Уилфорд-Смит вздохнул, опустил на колени свои морщинистые руки и задумчиво посмотрел на Стивена.

— И что вы надумали? — спросил он. — Ведь наверняка у вас уже есть теория, иначе бы вы не приехали сюда. Давайте, говорите.

— Я бы не назвал это теорией. Это скорее история. Со всем *другая* история, — подчеркнул Стивен и вдруг снова почувствовал, как по его телу пробежал ток уверенности, которого ему так давно не хватало. Он ехал сюда в страхе, что старый учёный скажет нечто такое, что разрушит всю его историю, приведёт такой аргумент, которого Стивен не мог предвидеть, и тогда вся его с трудом расшифрованная и выстроенная логическая конструкция полетит к чертям. Но этого не произошло. И больше не произойдёт. — История повествует об одном молодом британском солдате, который в 1947 и 1948 годах служил в Палестине — всё то время, пока Организация Объединённых Наций дискутировала: разрешить ли евреям основать там своё государство. Это были тревожные времена, но солдат находил возможность посмотреть страну, накопить впечатления и собрать сувениры на память. Этим солдатом были вы, профессор.

— Да, — кивнул тот. — Я служил тогда в Палестине.

— 15 мая 1948 года вы вместе с британской группой войск покинули только что основанный Израиль, вернулись в Англию, уволились из армии и начали работать в текстильной промышленности. Вы женились, родили детей, сделали хорошую карьеру. В течение двадцати лет вы вели спокойную, тихую жизнь. Но потом что-то произошло. Вопрос: что?

— Я больше не мог довольствоваться спокойной, тихой жизнью, — предложил в качестве объяснения Уилфорд-Смит. — В наши дни это называется кризисом среднего возраста.

Стивен отрицательно помотал головой.

— Нет. В моей истории всё развивается иначе. Моя история повествует о том, что в числе сувениров, привезённых вами из Святой земли и берегаемых все эти годы в какой-нибудь коробке или ящике, был один предмет, про который вы даже не догадывались, что это может быть. Но

двадцать лет спустя, в шестидесятые годы появились кассетные магнитофоны. Когда вы увидели первую аудиокассету, вам снова вспомнилась старая, загадочная находка, привезённая из Палестины. В один прекрасный день вы её достали из ящика и обнаружили, что между ними есть некое сходство. За это время приобрели смысл и те четыре буквы, которые были оттиснены на том предмете: SONY — это была японская фирма, которая мощно прорвалась на мировой рынок.

Что за загадка! Должно быть, вы ломали себе голову месяцами, годами, ища объяснения. Кто-нибудь другой пошёл бы с этим чёрным, прямоугольным предметом к учёным и попросил их обследовать его, но вы держали всё это в себе. Об этой вашей черте так или иначе упоминал каждый, кто знал вас раньше: вы человек себе на уме. Вы снова и снова в одиночку взвешивали все варианты, даже самые странные, методом исключения отбрасывали невозможное — в лучших традициях Шерлока Холмса, — а через несколько лет, когда появились первые грубые видеомангнитофоны, вы развили собственную теорию.

Могу себе представить, что решающий толчок этой теории дал материал, из которого была сделана ваша вещица. Она состояла из искусственного материала, это стало ясно, когда вы снова взяли её в руки, но вы вспомнили, что тогда, в 1948 году, вы ещё не знали, из какого материала она сделана. Потому что такого рода пластмассы тогда ещё не было, и это каким-то образом навело вас на мысль, что речь может идти о путешествии во времени.

Вы уже были недалеко от догадки, что ваша находка может быть видеозаписью, а поскольку путешественник во времени не взял её с собой назад, в будущее, из этого можно было заключить, что путешествие во времени состоялось только в одну сторону — в прошлое. И ради чего же путешественник во времени мог пойти на все эти усилия и жертвы? Стоило задуматься над этим вопросом только раз — и через пять минут вам в голову уже пришёл библейский Иисус. Предмет, который вы нашли, *должен* был, просто *обязан* был содержать видеозаписи Иисуса Христа.

Но ужасно глупо было то, что ещё не существовало прибора, который позволил бы считывать, сделать види-

мыми эти записи, и, судя по тому, о чём вы узнавали из присылаемых вам проспектов от SONY, такой прибор мог появиться ещё нескоро. Но в какой-то момент вы сообразили, что хотя бы один такой предмет должен существовать уже две тысячи лет, если ваша теория верна: а именно, камера путешественника во времени. К этому времени вы уже знали, что видеокамера всегда содержит и считывающий механизм, чтобы можно было взглянуть на то, что снято. Иными словами, если бы вы нашли видеокамеру путешественника во времени, вы смогли бы увидеть видеозаписи, на которых запечатлён Иисус Христос, в чём вы уже не сомневались.

Это и была истинная причина, по которой вы в возрасте сорока двух лет начали изучать археологию и в конце концов поехали в Палестину. Вы сделали это не потому, что вас так увлекала археология. Единственной причиной было ваше желание найти камеру.

Профессор Уилфорд-Смит ничего не говорил. Он сидел, высоко подняв голову на морщинистой шее, и незаметная улыбка играла на его губах.

— Поэтому вы всегда предпринимали такие обширные раскопки, — продолжал Стивен. — Потому что для вас важнее было количество, чем качество, и поэтому у вас так мало публикаций. На самом деле археология интересовала вас лишь между прочим. Вас интересовала только камера. И именно поэтому вы действовали так стремительно, когда я нашёл инструкцию. Вам не понадобилось раздумывать, что это значит, потому что истекшие десятилетия вы всё это уже хорошо обдумали. Вы знали: это просто значило, что я нашёл то, что искали вы.

В саду хрустнула ветка. Вороны поднялись с дерева и улетели прочь.

— Вот истинная подоплёка. Джон Каун искал видеокасету, а вы, напротив, всё это время искали камеру — как прибор для воспроизведения записи. Даже к тому моменту, когда начались раскопки при Бет-Хамеше, информация для клиентов фирмы SONY ещё не содержала указаний на новую систему MR. Когда вы узнали, что соответствующий аппарат появится на рынке через три года, у вас понизился интерес к поиску, а когда вы заказали себе

видеомагнитофон, этот интерес угас совсем. В то время, когда мы все как очумелые носились в поисках кассеты, вам нужно было всего лишь подождать, поскольку у вас в руках уже была одна из трёх видеокассет с записью Иисуса. Вы тридцать лет подряд переворачивали в Израиле каждый камень в поисках камеры; уж три-то года вы могли спокойно подождать. — Стивен подался вперёд. — Я знаю, что ваш видеомагнитофон выслан вам на позапрошлой неделе. Я пришёл, потому что хочу увидеть эту запись.

Стивен рассчитывал услышать какие-то встречные доводы, как минимум сочувственное покачивание головой или сетование на то, что, мол, у него избыток фантазии или что он читает не те романы. И если быть честным, его теория в этот момент — после того, как он её изложил и воцарилось напряжённое молчание, почти оцепенение — ему самому показалась изрядно притянутой за уши. Своего рода археологический пандан к НЛО-паранойе.

Но профессор Уилфорд-Смит не засмеялся и не сделал попытки высмеять его. Он некоторое время сидел и разглядывал его, сохраняя тонкую, почти благожелательную улыбку, с которой он выслушивал его речь. Затем он встал с некоторым усилием, нормальным для его возраста, и просто сказал:

— Хорошо. Идёмте со мной.

Эйзенхард, английский язык которого за последние годы опять «заржавел» и который поэтому за всё время ничего не сказал, а, может быть, и с трудом мог следить за разговором, вскочил, как ужаленный.

— Момент! — воскликнул он. — Значит ли это, что Стивен прав со своей теорией?

Седовласый археолог неторопливо кивнул:

— Да. Именно так всё и было.

Они последовали за ним в его рабочий кабинет, как агнята за пастухом. Там стоял телевизор — большой, дорогая модель, — над ним обычный видеомагнитофон, а поверх него — узкий, элегантный чёрный ящик: MR-S, видеомагнитофон новой системы. Вокруг стояли стеллажи, забитые книгами, манускриптами и археологическими находками вроде глиняных ваз или статуэток. Два узких окна-

двери вели на террасу. На стене между ними висела — судя по обозначенным границам, очень старая — карта Израиля, на которой цветными наклейками были обозначены места, где профессор Уилфорд-Смит проводил раскопки.

— В 1947 году, как вы знаете, были найдены кумранские свитки, — начал рассказывать он, пододвигая стулья к телевизору. — Я услышал об этом. История пленила меня — как видите, известную склонность к археологии я всё-таки питал уже тогда, — и однажды мне удалось устроить поездку в Иерихон и там уговорить одного бедуинского вождя показать мне пещеры, где были найдены свитки. В своё оправдание могу только сказать, — он улыбнулся, — что мне тогда было чуть больше двадцати, и я, соответственно, был наивен. Там в горах сотни пещер, и местные вожди все их поделили между собой по справедливости. К какому вождю ни придёшь, он обязательно покажет вам свою пещеру, которая, естественно, и была настоящей, той самой.

Он знаком пригласил их сесть.

— Мой тогдашний вождь оказался великодушным, и после того, как я сунул ему дополнительную сумму, он пропустил меня в пещеру одного, а сам уселся у входа и закурил свою вонючую сигарету. В этой пещере я и обнаружил в одной щели разбитую, но ещё никем не тронутую амфору. Когда я вынул оттуда осколки, под ними оказался небольшой пакет — жирный, промасленный свёрток из намотанных одна на другую полос ткани, которые я в своей простоте поначалу принял за папирусы. В принципе, вид у этого свёртка был совсем не сенсационный. Я порылся вокруг ещё немного, но больше ничего не нашёл, завернул находку в носовой платок, сунул в карман — и потом мы с вождём отправились дальше.

Уилфорд-Смит подошёл к выдвижному ящику и достал из него жестяную коробку из-под печенья.

— Когда я вернулся к себе и рассмотрел находку при свете дня, мне стало ясно, что это никакие не папирусы, а просто холстина, пропитанная смолистым веществом. Несколько дней моим занятием было разворачивать слой за слоем, и в конце концов я обнаружил внутри вот это, — он открыл крышку коробки, достал плоскую, чёрную MR-

кассету и протянул её Стивену. — Вы правы, я долго не знал, что это такое. Я принял материал за незнакомую полунержавеющую сталь, и поскольку на ней были отгиснены латинские буквы, то подумал, что это, может быть, какое-то римское украшение.

Три недели назад на складе *Video World Dispatcher* Стивен уже держал в руках MR-кассету. Эта выглядела точно так же: плоский, квадратный предмет из чёрной пластмассы, тяжело лежащий на ладони и не дребезжащий, как прежние видеокассеты. На одной стороне виднелись какие-то таинственные углубления и прямоугольные полости, но нигде не было никакого видимого отверстия. Собственно носитель информации — специально обработанный кремниевый диск — снаружи был недоступен.

Эта же кассета была изрядно поцарапана, а на стороне, где значилась надпись «SONY», кусочек был выломан и тщательно снова подклеен клеящей лентой. Конечно, её нельзя было принять за фабрично-новую, но и едва ли можно было поверить, что ей две тысячи лет.

Он нерешительно повертел её в руках. Теперь, когда поиск, судя по всему, подошёл к концу, он ощутил внутри себя странную опустошённость. Итак, вот оно, то, что он так неистово искал. Теперь, когда он держал кассету в руках, она казалась ему какой-то незначительной. Как будто овчинка не стоила выделки, как говорит русская поговорка.

— Я должен сделать вам ещё одно признание, — прервал профессор собственные мысли. — Это касается моей знаменитой и вызывавшей зависть способности находить спонсоров для раскопок.

Стивен поднял голову и позволил Эйзенхардту взять кассету у него из рук.

— Мне, правда, очень пригодился опыт из моей производственной деятельности, ведь если вам когда-то приходилось контролировать две сотни ткачих и вязальщиц, то организация раскопок покажется увеселительной прогулкой, — продолжал Уилфорд-Смит. — Но не это было определяющим, или, во всяком случае, не всегда это. То, к чему я прибегал в трудных ситуациях, был вон тот обломочек из передней стороны кассеты.

— Что-что? — озадаченно спросил Эйзенхардт.

— У меня было не так много спонсоров, как считали другие. Но зато это были постоянные, многолетние и платёжеспособные спонсоры: вначале университет Барнфорда, потом Джон Каун. Ему я показал только этот осколок, клятвенно заверяя, что нашёл его в Палестине в 1947 году, и из этого развил примерно ту теорию, которую мы сейчас с вами обсудили.

— Значит, он знал, что вы в Израиле ищите видеокамеру, — сказал Стивен. — Но он не знал, что у вас уже есть кассета от этой видеокамеры.

— Именно так. Мне было ясно, что такой человек, как Каун, тут же отнесёт кассету на исследование учёным. А этого я не хотел.

— Потому что вы боялись вызвать тем самым, — Эйзенхардт искал подходящее слово, — временной парадокс?

Археолог посмотрел на него ошеломлённым взглядом, который красноречивее любых слов говорил, что эта мысль вообще не посещала его ни разу.

— Нет, — помотал он головой. — Я боялся, что запись будет испорчена.

Стивен снова взял кассету в руки и присмотрелся к осколку, на котором была видна часть надписи. С некоторым ужасом он обнаружил, что под логотипом фирмы маленькими буквами была оттиснено: MR-VIDEO SYSTEM. На тех кассетах, которые он уже видел на складе, ничего подобного не было. И ему показалось, что на тех кассетах не было узкого желобка сбоку.

— Когда я её нашёл, она была в целости и сохранности. Я сам выломал осколок таким образом, чтобы, с одной стороны, увидеть, как выглядит то, что внутри — хотя что там увидишь! — а с другой стороны, чтобы склонить спонсоров к финансированию моих проектов. — Он заметил взгляд Стивена. — Да, надпись немного другая. Я думаю, кассеты этой серии пока ещё не появились в продаже.

— Значит, это доказательство того, что кассета действительно происходит из будущего. Всё ещё.

— Да.

— Но поддаётся ли она вообще считыванию? — со страхом спросил Стивен.

Профессор снова взял кассету у него из рук и подошёл к видео, чтобы вставить её.

— К счастью, да.

— И?

— Давайте посмотрим, — таинственно сказал археолог, включая телевизор и садясь на стул с пультом управления в руках. — Сейчас вы сами всё увидите.

41

Петер Эйзенхардт, сорока двух лет, женатый, имеющий двоих детей, по профессии писатель, пережил в этот день самое большое разочарование своей жизни.

Он был удивлён, когда Стивен Фокс вдруг позвонил ему — как он всегда удивлялся, если кто-то звонил ему просто так. Вначале молодой американец всего лишь задал ему несколько вопросов, касающихся давнего приключения в Израиле, и он ответил, насколько ему позволяли память и словарный запас в английском языке. В последовавшие затем недели Фокс звонил ему снова и снова, вежливо, без назойливости, и делился своими соображениями. Эйзенхардт всё более заворожённо следил, как Стивен собирал воедино маленькие, казавшиеся несвязанными факты и делал из них остроумные выводы. Когда возникла догадка, что профессор Уилфорд-Смит, возможно, уже много десятилетий владеет — до сих пор нечитаемой — видеокассетой из тех, что были с собой у путешественника во времени, им овладело чувство, сразу заставившее понять, что испытывали люди, охваченные золотой лихорадкой. Да, и он тоже, сам не отдавая себе отчёта, страдал от обескураживающего исхода борьбы за камеру. То, что тогда произошло, *было непозволительно, недопустимо*. И теперь, в смелых догадках Стивена, кажется, снова появился шанс, что не всё потеряно. В этом была надежда на то, что справедливость всё-таки восторжествует.

Он хотел присутствовать при этом. Махнув рукой на расписание встреч, дела и состояние своего банковского счёта, он купил билет на самолёт до Лондона, чтобы встретиться там со Стивеном, который прилетел из США.

Из неведомых источников Фокс уже знал, что профессор Уилфорд-Смит, который, уйдя из археологии, стал разъезжать ещё больше, чем когда-либо, в это утро всё-таки будет дома. Они взяли напрокат машину, купили карту автомобильных дорог и поехали в Барнфорд. Эйзенхардт взял на себя роль штурмана, а Фокс сидел за рулём, на удивление быстро приспособившись к левостороннему движению.

И вот — это!..

Вначале на экране очень долго плясали радужные разводы, напоминающие те, что переливаются на компакт-диске, если поворачивать его против света.

— Это будет длиться минут двадцать пять, — прокомментировал профессор. — Возможно, запись оказалась не такой стойкой, как уверяли производители.

Постепенно стало проявляться изображение — шаткая картинка, снятая любителем. Ландшафт — палестинский или греческий, без особенных признаков. Люди, одетые в грубые, простые одежды. Наконец камера была направлена на мужчину с длинными, волнистыми волосами, узким лицом и чётко очерченным носом, обескураживающе похожего на распространённые изображения Иисуса Христа. Он сидел за столом с несколькими другими мужчинами и что-то ел, а разношёрстная толпа народа теснилась вокруг.

Эйзенхардт недовольно поднял брови. Что *всё это* значит? Он ожидал увидеть Нагорную проповедь, или насыщение пяти тысяч людей пятью хлебами, или как Иисус идёт по воде. Или — при этой мысли у него мороз шёл по коже — саму казнь на кресте. Улетая в Лондон, он прихватил с собой свою старую, ещё конфирмационную, но так и не пригодившуюся до сих пор Библию, ещё раз просматривал в самолёте все Евангелия и спрашивал себя, какие из всех этих легендарных событий мог снять на видео путешественник во времени. В конце концов, он был единственным человеком, который точно знал, что произойдёт, и можно было ожидать, что он разумно распределит имеющееся в его распоряжении съёмочное время.

Но этот человек не нашёл ничего лучшего, как снимать Иисуса — якобы Иисуса, — как он ест и пьёт и разговаривает с людьми, которые сидят вместе с ним за столом?

Писатель откинулся назад и скрестил руки на груди. Всё это было смешно. И из-за этого весь сыр-бор, вся эта заваруха? Он чувствовал, как свинцовое разочарование давит ему на плечи, на грудь, на всё тело. Он чувствовал себя почти как в тот давний момент, когда он сделал предложение своей первой возлюбленной — и она ему отказала.

Всё это неправда, — подумал он. — Профессор снова обвёл нас вокруг пальца.

Для Стивена Корнелиуса Фокса, двадцати четырёх лет, неженатого, родившегося в штате Мэн, США, студента, изучающего американскую экономику, и по совместительству владельца фирмы, разрабатывающей программные продукты, это утро в Барнфорде, Южная Англия, изменило всю его жизнь.

Когда заработал видеомэгнитофон, он впился глазами в экран и спрашивал себя, почему ничего не чувствует — ни триумфа, ни волнующего предвкушения, ничего. Он сидел и смотрел, как будто всё это его вообще не касалось. Все ожидания и предчувствия, которые в последние недели заставляли его кровь закипать, вдруг бесследно испарились, облетели, как лепестки отцветшего цветка. Если он что-то и чувствовал вообще, то лишь печаль, что поиск уже позади. Теперь, значит, надо искать новую цель, заслуживающую того, чтобы преследовать её, потом следующую, а затем ещё одну, и так далее? Это была странная опустошающая печаль, уже не хотелось смотреть это видео.

Ему снова вспомнились слова аббата, которые тот произнёс в катакомбах монастыря в Негев, о святыне, так называемом «зеркале». *Это значит, что тот, кто в него взглянет, больше не останется таким, каким был прежде. Что бы там ни отразилось, это изменяет человека навсегда.* В нём поднялась волна паники. Да, он боялся, ему было не по себе. Ему вдруг стало страшно смотреть этот фильм.

Но он остался сидеть на месте.

Когда изображение появилось, на экране показался освещённый ярким солнцем ландшафт, каким он остался в его воспоминаниях об Израиле, только зеленее, сочнее. Камера, примерно на уровне живота, дико раскачивалась,

выхватывая каких-то мужчин и женщин, одетых преимущественно в серо-коричневые старинные одеяния. Неужто один из этих мужчин Иисус? И если да, то который?

Камеру установили на стол, потом повернули в другую сторону. Кувшины и бокалы убрали из поля зрения перед объективом, чтобы не загораживать человека, который сидел во главе стола и ел. В это мгновение он поднял глаза немного поверх камеры — возможно, на того, кто её принёс и устанавливал, потом прямо в объектив — так, как будто знал *совершенно точно*, что здесь происходит.

Эти глаза... Стивен испуганно замер. Это были большие, чёрные глаза, глубокие, как бездонные колодезные шахты, как пропасть. Голова начинала кружиться, если долго смотреть в них. Каким-то непостижимым образом этот человек был целиком здесь, полностью отдаваясь тому, что он делал, и вместе с тем он был не от мира сего. Он отламывал хлеб, макал его в чашку и ел, и каждое его движение было поразительно величественно.

Такого Стивен ещё не видел никогда. Что-то исходило от этого человека, даже от его телевизионного изображения, даже через пропасть тысячелетий.

Что бы там ни отразилось...

И потом он заговорил. Он говорил с людьми, которые сидели с ним за столом и робко смотрели на него, явно взволнованные тем же самым, чем и Стивен сейчас... Голос у него был тёплый и низкий, и говорил он благозвучно, свободно переходя из одной тональности в другую — так, будто ему доставляло радость находить слова и произносить их, будто он наслаждался каждым отдельным слогом, слетавшим с его губ. Это звучало так, как будто из него говорила сама земля, или бесконечный космос, или океан, или неопалимая купина. А когда он слушал других, то его бездонные глаза покоились на том, кто говорил, вслушивались в каждое слово с такой интенсивностью, которая, казалось, сама по себе была способна высечь в потоке времени то, что говорилось, — как на скрижалях.

...это изменяет человека навсегда.

Он ощутил это. В нём поднимался жар, шёл вверх по стволу позвоночника, проникал во все члены, в каждую клеточку тела, чтобы каким-то образом перезарядить её,

изменить, — и это исходило от человека, на которого он смотрел. Мысли его закрутились диким водоворотом, беснуясь, как обезумевшие звери в клетках, а самого его со всех сторон опаляло, и он не мог загородиться. Это было как радиоактивное излучение, только сильнее, мощнее. От него не было спасения — от *этого*, чем бы оно ни являлось. Оно горело в нём, какие-то вещи гася, а какие-то распаяя. Совершенно точно это не было иллюзией, чем-то мнимым; если бы ему в этот момент поставили термометр, он бы показал жар.

Внезапно он понял, почему этого человека пришлось казнить. Он внушал им бездонный страх. Перед его живым лицом они, должно быть, чувствовали себя как мёртвые, и за это они должны были его ненавидеть. Перед его природным авторитетом они должны были казаться сами себе смешными и никчемными... со всеми их чинами, должностями и званиями... и это должно было их глубоко оскорблять.

Но церковь, которая на него ссылается!.. — Стивену казалось, что он остался без воздуха, такая бездонная пропасть понимания разверзлась перед ним в беспощадно быстрой смене кадров на телеэкране, удар за ударом, удар за ударом, — церковь учинила бы над ним ещё худшую расправу, чем иудейское священство. Энергия, исходящая из него, его излучение, всё его существо было сама жизнь, само утверждение, сама полнота — а его проповедники избрали в качестве иконы мёртвого Иисуса, Иисуса распятого — как символ того, что человечество отвергло предложенный им безмерный дар. И с тех пор они проповедуют отрицание жизни, отвергают её полноту, учат отречению и аскезе, переворачивая всё с ног на голову и обращая всё в полную противоположность.

И он понял, да. Понял, насколько проще было поклоняться ему после того, как он умер. Понял, что даже *нужно* поклоняться тому, кого при жизни проморгал и *чувствуешь*, что проморгал. Понял, что его сделали Богом, чтобы обезвредить, чтобы вызов, исходивший от него: *Будь!* — устранить, чтобы предать забвению сам факт, что вообще был когда-то некий вызов. Поэтому всё теперь вертится вокруг его смерти. В предании его жизнь осталась лишь подготовкой к смерти, а чудеса, которые ему при-

писывают — поскольку тех чудес, которые он на самом деле творил на каждом шагу, каждым своим словом и движением, они не могли снести, — остались лишь необходимым доказательством его божественной природы, того, что он был иной, чем любой другой человек. *Вот что* так важно было доказать, в противном случае пришлось бы изменить себя вместо того, чтобы поклонением и почитанием снять с себя ответственность. В предании — так, как его жизнь изображается в Евангелиях, — всё шло к его смерти, которая на самом деле была катастрофическим провалом человечества, актом подлости, а чтобы увернуться от этой правды, вся мифология должна была как следует потрудиться, переработав его убийство в жертвенную смерть.

И так всё было перевёрнуто и искажено до неузнаваемости! Стивен чувствовал, как по его щекам льются горячие, солёные слёзы, и он чувствовал несказанное облегчение, единым махом освободившись из духовной темницы, в которую он, сам того не ведая, был заточён всю свою жизнь.

Ибо он узнал печальную правду: этот человек должен был жить долго, очень долго.

Видеть само его изображение было блаженством. Видеть, что это возможно — такая сила и грация, такая жизнь и льющаяся через край любовь... Да, именно так: этот человек был настолько переполнен любовью, что она перетекала через край и наполняла всё и всех вокруг него, преображала, околдовывала... Любовь, которая не нуждалась в объекте, любовь к жизни, к небу и земле, безусловная, великодушная, пылающая огнём. Каждая секунда, в которую Стивен видел его, утоляла в его душе жажду, мучившую его на протяжении всей его жизни, неосознаваемую, потому что ничего другого он не знал. Эта жажда и была тем, что двигало им с той отчаянной силой, которая крылась за всем, что бы он ни делал.

Это значит, тот, кто увидит это, больше не останется прежним. Что бы там ни отразилось, это изменит человека навсегда.

Да, думал он, да. Пожалуйста, измени меня. Дай мне почувствовать это примирение, дай мне быть сопричастным этой истине, открой меня для этой любви.

В его мыслях мелькали картинки из прошлого, воспоминания об охоте за камерой, и ему было стыдно за те причины, по которым он вёл эту охоту, творил тот алчный разбойничий набег, в котором хотел оказаться первым и лучшим, умнейшим и сильнейшим, в котором, в конце концов, речь шла лишь о том, чтобы самоутвердиться в смертельном состязании с гигантом по имени Джон Каун. Борьба, всегда только борьба. Проживать жизнь так, словно воюешь с кем-то. А всё это... совершенно не нужно!

Он не вытирал слёзы, дал им течь. Слёзы облегчения. Слёзы всей его жизни.

На экране не происходило ничего сверхъестественного. Человек ел, разговаривал с другими людьми, которые его окружали. К нему подвели больную девочку, после чего он отставил чашку в сторону (таким чудесным, таким грациозным движением руки, что Стивен променял бы все балетные танцы мира на одно это движение) и повернулся к ребёнку, нежно положил ему на голову ладонь и потом тихо, еле слышно что-то говорил ему. В том, как они смотрели друг на друга, было что-то очень интимное, очень доверительное. Потом, после того как человек о чём-то спросил девочку, та начала отвечать, робко улыбаясь, и одна из женщин среди тех, что присутствовали при этом — может быть, мать, — иступлённо прижала кулаки ко рту, будто сиюсь подавить крик: возможно, до этого девочка была немая и только сейчас обрела способность говорить? В великом волнении девочку забрали, стали восхвалять человека, которому удавалось в этот момент излучать одновременно достоинство, любовь и смирение, принимать благодарность и в то же время не гордиться собой. Он слегка повысил голос и что-то произнёс своим полновзвучным, тёплым и вместе с тем сильным голосом, указывая при этом на небо, и потом посмотрел вверх, и его лицо было настолько полно благодарности, что все окружающие с трепетом умолкли. Потом он поднялся, сердечно поблагодарил хозяев и вышел, сопровождаемый своими спутниками. Он уходил вниз по невысокому склону. Он был бос и так ставил ступни, что можно было подумать, что он ласкает ими землю. Каждое его движение было совершен-

но, как движение светил по небосводу. Каждое слово, которое он произносил, было пением, было совершенным полнозвучием.

Но ни единым жестом, ни единым движением, ни на долю секунды он не говорил: *Я Бог, а вы люди*. Каждый его жест, вся его поза непрерывно возвещала одно: *Посмотрите на меня! Видите, это возможно! Я ничем не отличаюсь от вас, и вы тоже можете познать жизнь в её совершенстве! Нет ничего такого, что возможно для меня и не было бы так же возможно для любого из вас!*

В стороне от людей, которые пришли, чтобы посмотреть на него, стоял старый, больной нищий, который, видимо, хотел лишь взглянуть на того, о ком столько говорили, но скромно держался на заднем плане, хорошо осознавая своё место среди людей. Но тот, на кого он пришёл посмотреть издали, вдруг свернул и стал прокладывать себе дорогу сквозь толпу, которая с ужасом следила, куда он устремился. Все смолкли, когда они беседовали между собой — Благой и нищий. Старик начал плакать, и в лицах окружающих что-то дрогнуло. Но потом, по мере того, как человек разговаривал с нищим, его измождённая, согбенная фигура всё больше распрямлялась, а лицо стало светиться, оживая, глаза — лучиться, и он перестал походить на нищего, а походил теперь на ряженого в нищенские одежды.

Потом, внезапно, по изображению снова пошли цветные разводы, и оно исчезло.

Они подняли глаза.

Взгляд Петера Эйзенхардта: скучающий, наполненный отвращением.

Стивен Фокс: преображённый.

И вдруг разбилось стекло. Громко, устрашающе, насильственно. Одно — и тут же другое.

— Позвольте вас спросить, господа, — начал профессор Уилфорд-Смит твёрдым тоном, в котором слышалось негодование, — кто вы такие, что вам здесь нужно и почему вы разбили мне окно?

А надо было задавать совсем другие вопросы. Например, почему эти люди направили на них стволы своего оружия. Бегло оглядев их по кругу, Стивен насчитал семь человек. Все они были в чёрных свитерах и чёрных брюках. Как будто здесь перед телевизором сидели трое до зубов вооружённых гангстеров, которых нужно было внезапно накрыть, налётчики ворвались сразу через обе стеклянные двери; и они очевидно знали толк в подобных акциях, потому что трое из них, предварительно бесшумно прокравшись в дом, в ту же секунду оказались у заложников за спиной, окружив их со всех сторон.

Один из них, несколько приземистее остальных и, видимо, их предводитель, выступил вперёд. Осколки стекла хрустели под его чёрными ботинками. У него были седые, стриженные коротким ёжиком волосы и холодные, такие же седые глаза.

— Если будете вести себя смирно, вам ничего не будет, — сказал он.

— Чёрта с два я вам буду вести себя смирно, — гневно ответил Уилфорд-Смит. — Я требую объяснений!

— Не прикидывайтесь дурачком, — сердито оборвал его предводитель. — Мы тут не в кино. Отдайте видеокассету, которую вы только что смотрели, — он протянул руку.

Профессор уставился на него, как на призрак, и не шелохнулся.

— Вы плохо слышите? — брюзгливо прикрикнул нападавший. — Видео!

— Вы явились по заданию Ватикана, — старый археолог, казалось, был неспособен действовать до тех пор, пока не возьмёт в толк, что здесь происходит. Голос его звучал без выражения и был полон недобрых предчувствий. — Разве не так? Монсеньор Скарфаро послал вас

сюда. Но почему именно сегодня? Вы что, следили за моими гостями? Пасли их несколько лет? Подслушали весь наш разговор? Да. Я думаю, всё так и было.

— Нас, — объяснил предводитель и оттолкнул профессора в сторону, — вообще не существует. — Он вынул кассету из видеомэгнитофона и посмотрел на неё. — И этой кассеты, — продолжал он, — тоже не существует. — Он сунул её в карман.

Стивен смотрел на происходящее как парализованный. Будто снова лежал на кушетке под капельницей в передвижной передающей станции Кауна, только что вырванный из лап смерти. Снова происходило то же самое, и он с кристальной ясностью вдруг осознал, что это и впредь будет происходить снова и снова. Здесь, в этой комнате и в это мгновение Иисус снова был распят. Всякий раз, когда люди оказывались несостоятельными перед вызовом жизни, им не оставалось ничего другого, как распять Христа. Хоть это и не избавляло их от боли, но давало единственное облегчение, какое им оставалось.

Стивен незаметно огляделся. На каждого из них троих были нацелены пистолеты двух бандитов, но это были лишь приспешники, ни о чём не подозревающие пособники. Римские легионеры времён Понтия Пилата или боевики-чернорубашечники — разницы никакой. И у них непобедимый численный перевес. Кажется, это тоже является чем-то неизбежным и неотвратимым: зло всегда имеет численный перевес.

Он вспомнил монастырь в пустыне Негев и тот момент, когда аббат доверил ему величайшую святыню своего ордена. Он не оправдал это доверие — на следующий же день. И сегодня он снова не оправдал его. Старинное пророчество, которому следовал монах, не сбылось.

Или всё же ещё есть какой-то шанс? Он посмотрел на Эйзенхардта. Писатель наблюдал за происходящим с мимикой, в которой смешались ужас, омерзение и удивление. Семеро нападавших, шесть из которых держали их под дулами чёрных пистолетов. Силой тут ничего не сделаешь, но, может, головой?.. Что-нибудь должно же ему прийти в голову, и если да, то скорее!.. Ведь ему всегда что-нибудь приходило в голову. На протяжении всей жизни его всегда

выручал какой-нибудь трюк, всегда в запасе находилась какая-нибудь хитрость, всегда он видел на ход дальше, чем другие, и тогда добивался того, чего хотел.

Но ему ничего не пришло в голову. Его нервы, казалось, были глухи и мертвы, его мозги пересохли. То, что он посмотрел только что на видео, горело в нём, как огонь, бурлило и кипело. Это видео должен увидеть весь мир, он ведь пообещал тогда старому священнику, но не смог исполнить обещание.

— Вы не можете сделать это! — заявил он неожиданно для себя. Предводитель посмотрел на него, и Стивен повторил: — Вы не можете сделать это.

— Что-что? — спросил тот.

— Вы даже не знаете, что это видео означает, — закричал его Стивен. Сердце его колотилось. По крайней мере, ему удалось остановить предводителя, заставить задать встречный вопрос, заставить слушать себя. Может быть, ещё есть шанс? Может, судьба подарит ему этот момент, чтобы в конце концов он смог всё поправить. — Я прошу вас, сначала посмотрите это видео. Оно предназначено для всех людей. Вы не можете лишиться себя этого, в противном случае вы возьмёте на себя... непоправимую вину!

Человек с седыми, безжизненными глазами, похожими на стеклянные шары, посмотрел на него. Стивен выдержал его взгляд. Неужто он до него достучался?

— Я знаю, что это за видео, — сказал наконец предводитель. — Поверьте мне, я знаю это лучше, чем вы все.

При этом он дал своим боевикам знак, и в следующий момент они исчезли, как привидения. Прошуршали шаги по опавшей листве, вдали завёлся мотор, потом вороны вернулись назад, опустились на траву перед выбитыми окнами и с любопытством поглядывали внутрь своими тёмными глазами-пуговками.

Шок, казалось, остановил время. Было тихо, как после взрыва, и никто не смел начать дышать.

В конце концов профессор тяжело поднялся, подошёл к окнам и осмотрел нанесённые дому повреждения.

— Оба окна, — бормотал он, нерешительно сдвигая ботинком в кучку осколки стекла. — Как будто им не

хватило бы одного. Какой перебор. — Он сделал шаг наружу, в сад — осторожно, чтобы не пораниться о торчащие осколки, и скептически посмотрел в небо. — Наверняка ещё будет дождь. Ах, какая досада.

Он снова вошёл в кабинет, качая головой.

— Сегодня стекольщика уже не застать. Придётся затянуть окна как-нибудь. Полиэтиленом, что ли. Да, это годится.

Эйзенхардт сидел, застыв и втянув голову в плечи, неодобрительно поглядывая на археолога.

— Может быть, мне кто-нибудь скажет, — наконец заговорил он, — что всё это значит?

— Они забрали видео, — без выражения сказал Стивен. Скорее даже растерянным шёпотом.

Уилфорд-Смит смотрел на него из-под своих седых кустистых бровей.

— Помните человека по имени Скарфaro, мистер Эйзенхардт? Вы-то помните, Стивен. Скарфaro был однажды в лагере раскопок при Бет-Хамеше, чтобы поговорить с Кауном.

— Да, — кивнул писатель. — Я помню. Он приезжал из Рима. Инквизитор или что-то в этом роде.

— Скарфaro — это что-то вроде секретного агента Ватикана. Это он разбил камеру и забрал с собой даже обломки. Он прислал и этих людей.

— Но почему именно сейчас? — вырвалось у Стивена. — Именно сегодня и здесь?

Профессор проницательно посмотрел на него.

— Я боюсь, что это вы навели их на меня.

— Я?

— Именно вы нашли камеру. Помните? Скарфaro это знал. Наверняка он отдал приказ следить за вами. Мистер Эйзенхардт вряд ли был для них важен, и я наверняка до сегодняшнего дня тоже их не интересовал, в противном случае они давно бы уже были здесь. Должно быть, они ехали за вами по следу, Стивен. Должно быть, они нас подслушивали.

Стивен слушал с окаменевшим лицом. Он пытался вспомнить что-нибудь подозрительное, но ничего не было! Никакого хвоста, никаких загадочных звонков, никаких

обысков в квартире, никакого потрескивания в проводах. Если за ним и следили, то совершенно незаметно.

Но он должен был это предвидеть. Совершенно непросительно, что он об этом даже не подумал.

— Да полноте, профессор! — помотал головой Эйзенхардт. — Неужто вы всерьёз утверждаете, что кто-то мог охотиться за *этим* видео?

— Простите? — Уилфорд-Смит вопросительно поднял брови.

— Кому нужна эта поделка? Ватикану? Не смешите меня. Вы хотите задурить нам голову всем этим спектаклем. Так, как вы делали это с нами в Израиле, а до нас, видимо, проделали с Кауном.

Стивен непонимающе смотрел на писателя.

— Петер? Что вы говорите? Вы же видели эту запись!

— Вот именно поэтому! Да за всю мою жизнь я не видел другой такой дилетантской, такой бескровной игры. И профессор пытается впарить нам это как видео из прошлого? Смехотворно, скажу я вам. Абсолютно смехотворно.

— Как вы можете так говорить? — удивился Стивен. — Вы же видели этого человека, как он ходит, как говорит... Кто же это может быть ещё, если не действительный, исторический Иисус?

— Это, вы считаете, Иисус Христос? Да никогда в жизни. Скорее я китайский император.

Стивен хотел что-то возразить, но в замешательстве смолк. Он не понимал, что тут происходит. Он поискал глазами взгляд профессора.

— Профессор Уилфорд-Смит, что это может значить? Мне кажется, мы смотрели два разных видео.

Боковым зрением он заметил, как немецкий писатель мрачно помотал головой, а профессор скрестил руки за спиной и задумчиво кивнул.

— Да, наверное так оно и было. Такое случалось уже много раз. Одни после просмотра были глубоко потрясены — так, как и представить себе не могли, а другие оставались абсолютно равнодушными. Сам я причисляю себя, к счастью, к первой категории, и вы, Стивен, тоже, как мне показалось. Мистер Эйзенхардт же, боюсь, нет.

— Значит ли это, что, кроме вас и нас, это видео смотрели и другие?

— Да. Многие.

— И теперь этому пришёл конец?

Эйзенхардт встал, нагнулся вперёд.

— Стивен, неужто вы не видите, что здесь разыгрывается спектакль? Всё это сплошное надувательство. Тут творят миф, и вы являетесь инструментом для этого. Профессор Уилфорд-Смит принадлежит к одной секте, у которой здесь, в Барнфорде, главный штаб. Я точно не знаю, чего они добиваются, но допускаю, что мы как раз переживаем повторение того, что сделали в своё время мормоны. Вы знаете их мифологию? Их основателя звали Джозеф Смит, и считалось, что ему было явление ангела, который дал ему книгу, написанную на золотых пластинах, и ангел повелел ему перевести текст на английский, потому что эту золотую книгу он должен был потом забрать назад. Так появилась книга Мормон, основание их религии. Но в наши дни ничего такого народу уже не впарить. Теперь это должно быть видео, путешественник во времени — то есть суеверия, которые в ходу сегодня.

Стивен слушал аргументы писателя, они звучали убедительно и логично, но натывались внутри него на непреодолимые барьеры, которые возникли там с того момента, как он увидел запись. В его сердце пылало нечто, что было сильнее всех аргументов.

— Петер, я видел этого человека. Неважно, что вы скажете, и неважно, кто он такой, важно то, что он преобразил меня. Именно так, как сказал тогда старый монах в пустыне Негев.

— Но это не доказательство! Если один и тот же фильм одного убеждает, а другого нет, то воздействие основано не на том, что снято в фильме, а на том, что кроется в тебе самом. Неужели вы этого не понимаете?

— Понимаю.

Эйзенхардт помотал головой.

— Нам надо было понять это раньше, тогда мы могли бы предвидеть, что произойдёт. Разумеется, мнимый оригинал должен был исчезнуть, в противном случае кто-нибудь мог обнаружить, что ему не две тысячи лет, а всего лишь, ну, я не знаю, обработали его пескоструйным аппаратом или постирали в стиральной машине. А кого ещё

можно было припечатать в качестве злодея лучше, чем естественного врага всех христианских сект и отколовшихся групп — римско-католическую церковь? Это сплачивает членов секты. Все мировые империи построены на таких мифах.

Воцарилось молчание. Стивен переводил взгляд с одного на другого. Эйзенхардт с каменным лицом сидел на стуле. Он был по-своему прав. Профессор спокойно стоял среди опрокинутых стопок книг и осколков окон с таким видом, будто он вообще не понимал, в чём подозревает его писатель. То, что казалось началом ожесточённого спора, сдулось, как шарик. Каждый был по-своему прав. Спор был невозможен.

— Хорошо, — сказал наконец Эйзенхардт и встал. — Как бы там ни было, меня это больше не интересует. Стивен, я бы хотел как можно скорее улететь домой. Меня ждёт работа.

Стивен тоже поднялся.

— Да, конечно.

— Я подожду в машине. Профессор? Прощайте, — он коротко кивнул старому человеку и вышел. Было слышно, как в прихожей он снимает с вешалки свою куртку, как потом идёт к двери. В каждом звуке слышались досада и разочарование. Даже в его шагах.

Стивен и Уилфорд-Смит посмотрели друг на друга. Внезапно между ними установилась неожиданная, непривычная доверительность.

— Ладно, — сказал Стивен и протянул седовласому профессору руку. — Не буду заставлять его ждать.

— Да. Наверняка он ожидал от этой поездки большего.

— Мне очень жаль, что всё так случилось. Если бы я не приехал, это видео продолжало бы существовать.

— Да оно и продолжает существовать.

— Да, конечно, но только в Ватикане, — сказал Стивен. — Если они его не уничтожат, то спрячут навеки.

Профессор подошёл к своему письменному столу, осторожно ступая по засыпанному стеклом полу.

— Кассета пропала, да, — сказал он. — Это жаль. Но видео не пропало. — Он выдвинул ящик стола и достал оттуда две обыкновенные VHS-кассеты. — Разумеется, мы

сделали копии. Копии во всех распространённых видео-форматах — VHS, Super-VHS, BetaCam, Hi-8 Digital, MR и так далее. Не забывайте, что это была цифровая видеозапись. Это значит, что копии ничем не отличаются от оригинала, и вы можете копировать их сколько угодно, без ущерба для качества.

Он протянул Стивену одну из кассет.

— Вы сказали «мы»? — озадаченно спросил он. — Кто это «мы»?

— Друзья, — лаконично ответил профессор. — На тот случай, если и в этом кабинете спрятан микрофон для подслушивания и кто-то нас сейчас слышит, я вам скажу то, о чём вы и без меня могли бы догадаться: копии уже распространены по всему миру, их уже тысячи. Это эффект снежного кома: каждый раздаёт несколько копий своим друзьям, а те в свою очередь тоже делают копии и раздаривают их, и так идёт дальше. Лавина. Скарфари не угнаться за ними по всему миру. Это невозможно. Неважно, сколько копий он сумеет найти и истребить, всё равно он не найдет все.

Стивен уставился на кассету в своей руке. Это была совершенно обычная видеокассета, какую можно купить в любом магазине за несколько долларов, чтобы переписать на неё фильм. На коробке красовалась наклейка, на которой значилось: *Видео Иисус*.

Ему казалось, что он видит всё это во сне. Так что же, он может прийти домой, вставить эту кассету в свой видеомаягнитофон, в тот самый аппарат, который он использовал для просмотра *Звёздных войн* или *Bugs Bunny*, и на экране его телевизора появится Иисус?

— Возьмите и для Эйзенхардта, — сказал Уилфорд-Смит и дал ему вторую кассету. — На память.

Спустия ещё два с половиной года

Поначалу даль и пустота ландшафта вызывали у него оторопь. Потом, постепенно, паника оставленности преобразовалась в нечто, близкое к экстазу: здорово ехать на автомобиле по бескрайней, пустынной равнине, в которой не водилось ничего похожего на цивилизацию городов и фабрик, и быть один на один с небом, землёй и солнцем.

Но это была лишь иллюзия. С успокаивающей регулярностью возникали то пыльные домишки, то бензоколонка, то мотель, заранее возвещааемые через стаккато больших и безобразно ярких рекламных щитов вдоль дороги, и Петер Эйзенхардт признался себе, что он даже рад, что ему не понадобится идти на охоту или вечером разбивать палатку. Ему доставляло удовольствие думать, что достаточно достать кредитную карточку, чтобы получить горячий обед или чистую постель, и он чувствовал себя настоящим путешественником, свободным и ничем не связанным. Ах, мечты, мечты.

Бумажка с описанием маршрута была приклеена скотчем к приборной панели уже давно, ещё до того, как он выехал на Interstate-40 и пересек по нему пять американских штатов, никуда не сворачивая. Не считая двух-трёх заездов в городки и мотели, он свернул с этого шоссе лишь сегодня утром.

Иногда можно было часами не поворачивать руль, а мимо проносились красно-коричневые скалы, чахлая, пыльно-бурая трава или просто необозримая даль. Временами он казался себе героем какого-то кинофильма, а эта страна — другой планетой, знакомой ему лишь по киноэкрану и телевизору, пока он не ступил на неё собственной ногой, пока не почувствовал иную силу тяжести, пока не вдохнул иные запахи, пока не ощутил иной почвы. Потом чувство чужеродности исчезло — так, будто кто-то отодвинул занавес, и ему стало казаться, что он всегда был здесь как дома.

Наконец возникла надпись *Great Spirit Motel*.

Название обещало больше, чем видел глаз: комплекс выцветших низких строений, прилепившийся к дороге без большого размаха и без какой-либо особой приметы, по которой можно было бы потом его вспомнить.

Эйзенхард свернул к въезду, обозначенному двумя белыми вазами-клумбами, в которых росли кактусы, и остановился на парковке, которая представляла собой просто укатанную мучнисто-белую землю. Итак, он приехал.

Если не считать обязательной таблички Coca-Cola и светового табло пива Budweiser в окне, современная цивилизация игнорировала этот мотель. Жестяная табличка со стилизованной борзой показывала, что здесь останавливаются автобусы международной линии Greyhound, другая жестяная табличка указывала направление к бензоколонке. Позади основного корпуса располагались два вытянутых в длину строения, в каждом из которых было по восемь апартаментов; судя по беспорядочно припаркованным рядом автомобилям, заняты были далеко не все.

Значит, это здесь. Верилось с трудом.

Эйзенхардт открыл дверцу и вышел из машины. Пустынный зной обрушился на него, как огненное дыхание адского зверя, и его мгновенно прошиб пот: он потёк по затылку, по спине, по груди и из подмышек.

Ботинки его запылились, пока он дошёл до помещения, громко именуемого рестораном: просторный, низкий, охлаждаемый гудящим кондиционером и угнетающе безвкусно обставленный зал с несколькими группами посетителей. Через большие окна с улицы сюда вливался яркий солнечный свет, который тут же поглощался тёмным деревом столов и скамеек, так что задняя сторона помещения оставалась в сумерках. Большая, громоздкая стойка занимала почти всю боковую стену, начинаясь в освещённом солнцем углу и теряясь другим концом в темноте. На стойке выстроились в ряд автоматы для орешков, подставки для рекламных буклетов, проволочные корзины, полные мелких упаковок конфет, печенья и солёных крендельков или жевательных резинок, громоздились поставленные штабелем пельницы. Эйзенхардт уклонился от любопытствующих взглядов посетителей и сел на один из высоких табуретов у стойки — все они были свободны, — посмотрел на молодого человека, который обслуживал посетителей, и сказал:

— Хэлло, Стивен.

Стивен Фокс, который как раз мыл стаканы, удивлённо поднял голову.

— Мистер Эйзенхардт! — воскликнул он. — Надо же! А я и не ждал вас так рано утром...

— Что, мне заехать позже?

Стивен засмеялся.

— Я совсем не это имел в виду. Наверное, вы ночевали во Флэгстэфе, да? А вы уже были в Большом Каньоне?

— Вчера. Такую возможность я не мог упустить. Оставил машину и купил билет на экскурсионный автобус. Шофёр автобуса, по-моему, был настоящий индеец, может такое быть? Внешне очень походил, — Эйзенхардт почувствовал, что нервничает. В последнее время он всегда впадал в болтливость, когда чувствовал себя неуверенно.

— Наверное, навахо. Национальный парк граничит с их резервацией. Хотите кофе?

— А вон там, за спиной у вас — это не автомат для каппучино?

— Да, он.

— Тогда мне лучше каппучино.

Постепенно кондиционер сделал своё дело, — пот на его коже высох.

— Да, конечно, — Фокс начал возиться с автоматом, и делал он это проворно и ловко.

— Спасибо, — сказал Эйзенхардт, когда Стивен поставил перед ним чашку.

— Ну, и как вам? Я имею в виду Большой Каньон.

Эйзенхардт помедлил.

— Ну, как сказать? На картинках вид потрясающий. Но когда оказываешься там сам, то он просто подавляет. Такое чувство, будто глаз не хватает, чтобы всё это осилить взором. Совершенно неправдоподобно.

Фокс кивнул с понимающей улыбкой.

— Я был так ошарашен, когда получил ваше сообщение. И что вас занесло в наши дикие края?

— Да, с этими е-мейлами удобно, — признался писатель, прихлёбывая кофе. — К ним так быстро привыкаешь... Я был в Нью-Йорке, вместе со своим агентом встречался с издателями, — рассказывал Эйзенхардт. — Город невероятный. К концу меня уже просто повело.

— Да, к Нью-Йорку надо привыкнуть. Подождите, я сейчас...

Посетитель за дальним столиком поднял руку, желая расплатиться.

— Нет проблем.

За то время, пока Стивен рассчитывался с клиентом, Эйзенхардт огляделся. Место было не бойкое, и почему-то ему казалось, что оно вообще никогда не бывает бойким.

— Это был последний из тех, кто едет в Таксон, — сказал Стивен, вернувшись. — Сейчас у меня будет передышка, пока не придёт рейсовый автобус. Через... — он посмотрел на часы, — десять минут.

— Сюда заходят главным образом люди с проезжающих автобусов?

— В это время да. Днём приходят пообедать гости мотеля, а вечером появляются и местные жители.

— А, — кивнул Эйзенхардт. Должно быть, местность совсем безотрадная, если даже такой ресторан для здешних жителей аттракцион.

— А теперь, — сказал Фокс с таинственной улыбкой, — я должен вам кое-кого представить. — Он повернулся, толкнул окно, ведущее в кухню, и крикнул: — Он здесь!

Из кухни послышалось неразборчивое восклицание, и тут же из двери вышла стройная, темноволосая красавица, породистая молодая женщина, улыбаясь и вытирая руки о передник, прежде чем протянуть их Эйзенхардту.

— Да я же вас знаю! — вырвалось у него. — Вы... Вы же были тогда на раскопках...

— Юдифь Менец, — кивнула она. — Я вас тоже помню. Но мы, кажется, ни разу не разговаривали.

— Да. Странно, правда? — Его взгляд метался между Стивеном и Юдифью. — Ну, так объясните же.

— А чего тут объяснять, — сказала она, мельком бросив на Стивена красноречивый взгляд. — На другой же день после истечения срока запрета на въезд в Израиль он стоял перед моей дверью с букетом цветов — ну и вот...

Стивен обнял её и прижал к себе.

— Она хочет этим сказать, что перед этим я надолго погрузился в себя, чтобы разобраться во всём, что касается жизни и любви.

— Его будто подменили, — подчеркнула она.

— Так, — сказал Эйзенхардт, невольно улыбаясь. После семнадцати лет брака и рождения двух детей он иногда тосковал по тем временам, когда был горячо влюблён.

— А потом, — продолжала Юдифь, — он достал из кармана видеокассету, и меня тоже будто подменили, — она поцеловала его в щёку. — Мне надо быстренько всё подготовить для обеда. Я потом к вам присоединюсь, ладно?

Улыбка так и застыла на лице Эйзенхардта. Видеокассета! И так, всё обстояло именно так, как он предполагал. В последние годы развернулось настоящее подпольное движение вокруг этого якобы Иисуса на видео. И, судя по всему, Стивен Фокс тоже примкнул к этому движению.

— Вы же останетесь до завтра? Тогда мы сможем посидеть вечером и поболтать о старых временах, — предложил Стивен и добавил: — Разумеется, в качестве нашего гостя.

— Да. С удовольствием. Хотя... — Может, и неплохо поупражняться в терпимости. В конце концов, каждый сходит с ума по-своему. Эйзенхардт поскрёб голову, волосы на которой заметно поредели со времени их последней встречи. — У меня такое чувство, что сегодня с утра я и не выезжал. Хотя приехал из Флэгстэфа... У этой страны вообще нет ни конца ни края. Последние несколько дней я не вставал из-за руля, а когда глянул на карту — оказалось, что проехал всего несколько сантиметров. Невероятно. Германию можно пересечь из конца в конец за день, вы можете себе представить?

— Надеюсь, вы пересекли полстраны не только для того, чтобы полюбоваться архитектурными красотами нашего мотеля? — сказал Фокс.

— Нет, вообще-то я еду на Западное побережье. Иногда меня одолевают сомнения, можно ли вообще туда добраться на машине. У меня там живёт давний друг, и он пригласил меня погостить у него несколько дней. Он уехал туда лет пятнадцать назад, и лет десять мы с ним не виделись. Ах, да, кстати, — вспомнил он. — Я ведь видел недавно Кауна.

— Что? — удивился Стивен. — Ничего себе. О нём я вообще давно ничего не слышал, а пока слухи ещё ходили, они были нехорошие. Как у него дела?

— Кажется, он обрадовался, когда я позвонил, и пригласил меня заехать, когда я сказал, что собираюсь пере-

сечь США на машине. Он теперь директор фабрики картофельных чипсов в Оклахоме — наверное, это последнее, что уцелело от его концерна. Он снова женился, у него ребёнок, и с виду он счастлив и доволен. Носит только джинсы и свитера, можете себе это представить?

— Джон Каун? Не верю ни одному вашему слову.

— Я сам его едва узнал.

— А откуда у вас номер его телефона?

— Одно из издательств, с которыми я вёл переговоры, раньше принадлежало *Kaun Enterprise*. Как-то там зашла об этом речь, и я упомянул, что был знаком с Джоном Кауном, а когда спросил, не знает ли кто, что с ним стало теперь, мне дали его телефон. Скорее всего, этот номер есть в обыкновенном телефонном справочнике, — Эйзенхардт пожал плечами. — Кажется, дела у него действительно идут хорошо. Хотя он теперь самый обыкновенный человек.

— Видимо, надо стать обыкновенным человеком, чтобы дела у тебя пошли хорошо, — задумчиво сказал Стивен. — Когда я думаю об этом... Ведь я когда-то сам хотел стать таким, как он. Таким, каким он был тогда — могущественным, богатым и важным. Одним из великих мира сего. Вначале, до того, как я нашёл камеру, я вообще стремился доказать себе, что я умнее и быстрее, чем он. Вопреки всему его могуществу. Безумие, правда?

— Ну, не знаю, — сказал Эйзенхардт и огляделся. — Немножко честолюбия в жизни не повредило бы, вы не находите?

— Вас удивляет то, чем я здесь занят?

— Откровенно говоря, да. Когда я встретил вас впервые, вы были таким вундеркиндом, многообещающим юношей с такой суммой на счету, какой у меня не было за всю мою жизнь. А теперь вы держите мотель в глуши. Не совсем то, что можно было бы назвать успешной карьерой.

Стивен Фокс улыбнулся, достал из выдвижного ящика полотенце и принялся протирать стаканы.

— О, моя фирма как существовала, так и существует. Виртуально, как всегда. На следующей неделе мне придётся снова слетать на Восточное побережье, чтобы встретиться с несколькими клиентами, но в целом я действую через интернет, а при этом не играет роли, где я живу. Этим мотелем я занимаюсь лишь временно, несколько ме-

сяцев. Он принадлежит одному нашему другу, который перенёс тяжёлую операцию, и ему нужно время, чтобы встать на ноги, — он пожал плечами. — Так получилось. Я всё больше прихожу к тому, что жизнь нужно принимать такой, какая она есть. Оказалось, таким образом можно пережить фантастические вещи.

— Ну, почему бы и нет, — Эйзенхардт положил руку на стойку. — А я, признаться честно, вначале было подумал, что у вас здесь что-то вроде штаба видео-секты.

Стивен тонко улыбнулся.

— Штаба секты не существует. Это было бы слишком опасно — хотите верьте, хотите нет, но церковь по-прежнему ведёт охоту на видео.

Внезапно в зале ресторана возникло беспокойство. Задвигались стулья, люди вставали, поднимали свои дорожные сумки и теснились в дверях. Пришёл автобус Greyhound. Было видно, как из него выходят пассажиры и ждут своего багажа, который водитель доставал из открытого бокового багажника.

Стивен воспользовался случаем, быстро собрал со столов грязную посуду и стаканы, вытер столы, сунул меню в подставки и постелил свежие скатерти-салфетки. Эту работу, как отметил Эйзенхардт, он проделывал воодушевлением. Когда автобус поехал дальше, а в ресторан вошли новые посетители, столы выглядели приглашающе свежими, а Стивен стоял, готовый принимать заказы.

Юдифь снова показалась из кухни, чтобы узнать, нужна ли им горячая еда.

— Нет, только напитки, — сказал ей Стивен. — Иди сюда, посиди с нами. — Обернувшись к Эйзенхардту, он пояснил: — Большинство здесь делает пересадку на автобус в Лос-Анджелес, который придёт через двадцать минут.

— А тот чего? — спросила Юдифь, снимая свой передник и кивая в сторону тоненького юноши-блондина, который так и остался стоять на солнцепёке автобусной остановки с тяжёлой сумкой через плечо и большим вещмешком для одежды. — Боится войти?

— А что вы скажете про статью? — обратился Эйзенхардт к Стивену с вопросом, уже давно его занимавшим.

— Про какую статью? — спросил тот, готовя заказанные напитки.

— Статью Ури Либермана про это видео? Разве вы не знаете?

— Должен признаться, нет. Либерман — это тот израильский журналист, с которым вы имели дело? Который наслал вертолёт на монастырь?

— Да. В последние годы он стал своего рода экспертом этого движения «Иисус на видео». Довольно долгое время он был постоянным гостем на каком-то ток-шоу. А полгода назад опубликовал большую статью о том, что стоит за этим видео. Эта статья вышла практически всюду в Европе. У нас в Германии она была в *Stern*.

— Должен признаться, это прошло мимо меня. И что же пишет эксперт?

Эйзенхардт набрал в грудь побольше воздуха. Неприятное это дело — отнимать у человека иллюзии, на которых построена вся его жизнь.

— Он раскопал целую трупку актёров-любителей, которые примерно за год до того, как профессор Уилфорд-Смит начал в Бет-Хамеше раскопки, получили заказ от неизвестного продюсера на видеосъёмки в Израиле, — мрачно объяснял он. — Все участники дали подписку о неразглашении, а важнейшим условием было то, что актёры должны были выучить арамейский язык.

— Арамейский? — удивился Стивен и сказал Юдифи: — Кран для колы что-то опять барахлит.

— Техник придёт завтра. По крайней мере, обещал.

— Арамейский, — подтвердил Эйзенхардт. Да слушают ли они его вообще? — Язык, на котором говорил Иисус.

— Да, это ясно. А что за видео?

— Ваше видео.

Он наконец поднял голову:

— Что?

— То самое видео, которое вы распространяете по всему свету. То видео, которое мы смотрели у профессора Уилфорда-Смита. — Писатель подался вперёд, чтобы не приходилось говорить слишком громко, поскольку некоторые посетители уже поглядывали в их сторону. — Неужели вы не понимаете? Это всё было инсценировано с самого начала. Все эти приключенческие поиски, все так называемые эксперты — и я в том числе, — которые были привлечены только для того, чтобы сделать всю эту исто-

рию правдоподобной. Ну признайтесь, разве трудно перед началом раскопок поместить в нужное место скелет с переломом ноги, залеченным современными средствами. Или сочинить инструкцию по пользованию видеокамерой, которая ещё только появится на рынке, напечатать её в единственном экземпляре и положить рядом с покойником. Можно сфабриковать и радиоуглеродный анализ — просто подкупить того, кто будет его проводить. Правда, вы своим вмешательством тогда сильно подпортили весь план, но, как впоследствии оказалось, только лили воду на их мельницу, и это пошло на пользу дела. Но по сути всё сплошной обман и фальсификация, и Либерман это убедительно доказывает.

Стивен задумчиво смотрел на него.

— Мне кажется, я знаю, о чём вы говорите. Одну минутку. — Он взял со стойки заполненный поднос и понёс напитки к столам. Вернувшись, он принялся разливать следующую партию, и сказал: — То, что вы имеете в виду, мы называем между собой «анти-видео». Там сняты такие же сцены, что и на настоящем видео, но так по-дилетантски, что всякому видно, что это обман, халтура. Мы не знаем, откуда у этого видео растут ноги, но подозреваем, что постаралась римская церковь. Они запустили эту кассету в оборот в немыслимом количестве.

— Вам надо обязательно прочесть эту статью, — сказал Эйзенхардт.

— Не думаю, что так уж надо. Таких теорий заговоров существуют сотни. Например, что «Титаник» вообще не затонул. Что Кеннеди был убит по заказу военных. Что Элвис всё ещё жив. Всё логично до последней детали, и всё враньё. — Из крана для кока-колы пошла одна пена. Стивен со вздохом достал из холодильника бутылку и наполнил стаканы из неё. — Вопрос только один: кому понадобилось это инсценировать — и, главное, для чего?

— Либерман указывает на Уилфорда-Смита, но того нам уже не спросить.

Профессор умер год назад; какая-то машина на повороте не заметила учёного на велосипеде и сбила его.

— А для чего это могло ему понадобиться?

— Я же вам ещё тогда сказал. Уилфорд-Смит был членом секты *True Church of Barnford*. Эта маленькая христи-

анская секта в Южной Англии существует с сороковых годов. Видео должно было распространить учение этой секты и подвести под него фундамент.

Стивен нервно поморщился и отрицательно покачал головой.

— Не говоря уже о том, что в этой теории есть огромные прорехи, через которые может проехать автобус Greyhound, даже ни за что не зацепившись, — сказал он, — не говоря об этом, просто не существует никакого такого учения.

— А что же вы тогда *делаете*? — задал Эйзенхардт встречный вопрос.

— Мы собираемся раз в месяц, — Стивен сделал неопределённый жест, дающий возможность предположить, что такие мероприятия могут происходить повсюду, где угодно, — и смотрим видео.

— И что дальше?

— И даём ему воздействовать на нас. По-другому это не опишешь. Мы сидим примерно час в тишине, чтобы раскрыться для восприятия, а потом смотрим. И это всё.

Эйзенхардт окинул его скептическим взглядом.

— И это всё? Смотрите снова и снова одно и то же видео?

Фокс улыбнулся — легко, почти мечтательно.

— У меня с этим так же, как у вас с Большим Каньоном — всё время кажется, что не хватает глаз осилить всё, что там есть.

— И что же там *есть*?

— Я вижу там, как *может* быть. Я вижу человека, который весь здесь и сейчас, он всеми нитями своего бытия существует в этом месте, в это мгновение, он испивает до дна чашу этой жизни. Когда я смотрю на него, он даёт мне мужество испить и мою собственную чашу, а не только пригубить.

— Однако его распяли, — напомнил ему Эйзенхардт. — Если он тот, за кого вы его принимаете.

Стивен кивнул со всей серьёзностью:

— Да. Потому что они не могли этого вынести. В нём было слишком много жизни. Столько, что это многих сводило с ума от зависти.

— Но ведь это нелогично? Вы говорите, что эта видеозапись преображает вас. Тогда ведь, наверное, на тех,

кто это видел *живьём*, воздействие было ещё сильнее и должно было преобразить их тоже?

— А кто сказал, что этого не происходило? На одних это действовало, на других нет. Вы же это по себе знаете!

Входную дверь открыли, и она издала тихий скрип. Эйзенхардт бросил в её сторону беглый взгляд. То был юноша, который оставался на автобусной остановке, а теперь, основательно вспотев, направлялся к стойке. Он двигался неуверенно, как будто впервые в жизни путешествовал один.

— Нет ни малейшего доказательства того, что человек на видео действительно Иисус, — вполголоса сказал Эйзенхардт Стивену, чтобы временно закрыть тему, пока они не одни.

Стивен только кивнул, как будто это не имело никакого значения, и повернулся к испуганному юноше:

— Что-нибудь хотите?

— Эм-м, — запнулся тот. Глаза его блуждали, ища на стене или на стойке меню или ещё какое-то объявление, но его не было. — Пожалуйста, кофе.

— Кофе. Сию минуту.

Эйзенхардт смотрел, как Стивен берёт чашку, ставит под автомат и нажимает светящуюся зелёную кнопку. Пока машина заваривала кофе, он приготовил блюдце, ложечку, салфетку, упаковку сливок, упаковку сахара. Казалось, дискуссия, которую они вели до сих пор, совершенно не выбила его из колеи.

— Ваш кофе. Один доллар двадцать центов.

— Спасибо, — юноша отвёл с лица взмокшие от пота волосы, достал из кармана джинсов деньги, отсчитал и положил на стойку.

Стивен смёл их в кассу, сказал «спасибо» и пробил его заказ.

— Это не играет роли, неужели вы непонимаете? — повернулся он к Эйзенхардту. Присутствие постороннего слушателя ему, видимо, не особенно мешало. — Будь то Иисус, Будда или кто угодно, о ком мы даже не слышали ничего, но я вижу по нему, какой может быть жизнь. Вижу, что дело совсем не в том, чтобы чего-то добиваться, что-то завоёвывать. Что мы в этом мире не для того, чтобы обогнать, оттеснить и перещеголять других и одержать победу на всех дорожках. Нет никакой разницы, вы-

играл ты или проиграл, *настоящей* разницы нет. Раньше я думал, что смысл жизни состоит в том, чтобы выиграть любой ценой. Условно говоря. Тогда я этого не осознавал, это теперь я задним числом понимаю, что так было со мной. Это была позиция, когда говоришь себе: «Вот как только я...». Как только я заработаю первый миллион, тогда. Как только я стану знаменитым, тогда. Всегда только «тогда, тогда, тогда». Я думал, если я выиграю гонку, тогда моя жизнь и станет *настоящей* жизнью. Но сколько гонок я ни выигрывал, этого приза я так и не получал. Это «тогда» так и не наступало. Поэтому я бежал всё дальше, ставил себе всё более высокие планки. К тому моменту, когда я начал состязание с Джоном Кауном, я уже по-настоящему отчаялся, потому что достиг многого, а изменений в жизни всё не наступало. — Он взглянул на писателя: — У вас было такое? Я представляю себе, что может подгонять писателя: вера, что как только он напишет шедевр, так всё переменится.

— Нет, — отрезал Эйзенхардт. — Я пишу потому, что это доставляет мне удовольствие.

Но Стивен, казалось, даже не слышал его.

— Когда я увидел это видео, я понял: *вот настоящая жизнь*. И понял, что она всегда была. Я просто был неспособен её воспринять, радоваться тому, что есть. Жизнь, настоящая, действительная жизнь уже состоялась, а я всё время её не замечал, потому что постоянно был очень занят. Но мне надо было сперва своими глазами увидеть, как кто-то другой умеет ценить момент, предаваясь ему всеми чувствами. Вот тогда я это понял.

— Ну, да, — сдержанно сказал Эйзенхардт. — Это ведь старая мудрость, если я не ошибаюсь.

Стивен взял полотенце и со вздохом перекинул его через плечо.

— Я не могу это выразить словами. Вы бы, наверное, смогли, ведь вы писатель.

— Но я не вижу того, что усматриваете в этом вы.

— Жаль.

Они с Юдифью переглянулись — двое знающих, сожаляющих о незнающем.

Вот эту заносчивость благочестивых писатель терпеть не мог. Если бы не присутствие у стойки постороннего, он

бы... Он выпрямился, потянулся затёкшей спиной и задумался. Стоит ли ему оставаться здесь на ночь? Без сомнения, это значило бы целый вечер подвергать себя миссионерской обработке.

— Что-то не так с вашим кофе? — осведомился Стивен у светловолосого юноши, который, опустив голову, сидел над своей чашкой, беспрерывно помешивая.

— Что? — встрепенулся тот. — Нет, всё очень хорошо. Никаких проблем.

— Я подумал, раз вы не пьёте...

— Нет, это просто... Дело не в кофе. Спасибо.

По его лицу пробежала страдальческая гримаса. Чтобы доказать, что с кофе всё в порядке, он сделал большой глоток. Стивен остановился, просто смотрел на него и ничего не говорил.

— Мои мама и папа погибли, — сказал наконец юноша, слепо глядя в пустоту. — В автокатастрофе. В прошлом году. А месяц назад моя подруга порвала со мной. Это, эм-м... нелегко.

— Мне очень жаль.

— Я тут немножко, эм-м, услышал, что вы говорили о смысле жизни, — он отвёл рукой волосы, но одна непослушная прядь то и дело падала ему на лицо. — И мне снова всё припомнилось.

— Понимаю, — Стивен снял с плеча полотенце и принялся вытирать абсолютно чистую стойку.

— Мне очень жаль, что я подслушал. Я не хотел.

— Ничего, ничего.

— Кофе просто замечательный.

— Спасибо, — Стивен немного поколебался, бросил на Эйзенхардта быстрый взгляд и продолжал вытирать все поверхности. — Я мог бы вам кое-что показать. Видео, которое вам могло бы помочь.

Ах, вон как это всё здесь происходит. Эйзенхардту почудилось, что в глазах юноши появилась тень недоверия. Здорового недоверия, как он считал.

Юноша изобразил храбрую улыбку и встряхнул головой:

— Спасибо. Но мне нужно в Лос-Анджелес ближайшим автобусом.

— Сегодня вечером будет ещё один рейс.

— Тогда я опоздаю на самолёт.

— Ах, вон как, — Стивен поднял тряпку, развернул её, снова сложил по-другому и продолжал вытирать. — И куда же вы летите?

— В Израиль.

Стивен перестал полировать стойку, а Эйзенхардту почудилось, что остатки волос у него на затылке встали дыбом. Конечно же, это была чистая случайность, чёрт бы её побрал.

— В Израиль, — Стивен продолжил свою работу. — Это здорово. И куда в Израиле?

— Да повсюду. Тур общего осмотра достопримечательностей, четырнадцать дней по всей стране, все святые и исторические места. — Он попытался засмеяться, но смех его звучал вымученно, а светлая прядь снова упала на лицо. — Не знаю, почему я решился на эту поездку... Вернее, я никогда не был особенно религиозным или что-нибудь в этом роде... Даже тогда, когда мама и папа... А тут этот рекламный проспект у нас в супермаркете. Понятия не имею, почему он так меня торкнул, но я подумал: почему бы нет? — Казалось, что-то его мучает.

Стивен намочил тряпку в воде, почти благоговейно отжал её.

— У нас тут время от времени появляются туристы из Израйля, которые хотят увидеть Аризону. Большой Каньон и другое, — он повесил полотенце на хромированную перекладину. — Вы первый, кто едет обратную сторону.

— Вы думаете, это просто бегство?

— Нет. Я думаю, для вас это будет хорошо — окунуться в новую обстановку.

Казалось, ему стало легче от этих слов.

— Да, мне действительно очень интересно. То есть, это странно, я ещё никогда нигде не был, не считая Диснейленда на каникулах с мамой и папой. Однажды катался на лыжах, но только сломал ногу. А тут лечу сразу в Израиль. И знаете что? Мне действительно ужасно интересно.

— Я вам верю.

— В первую очередь мне хотелось бы взглянуть на древние исторические места, — продолжал юноша, разговаривавший до воодушевления. — Вы знаете, моя мама всегда

говорила: «История написана в книгах. В реальности же ты её не почувствуешь, пока не ощутишь на себе её дыхание». Хочу проверить, так ли это.

Воздух, казалось, начал пузыриться, как шампанское, и, увидев неестественно расширившиеся глаза Стивена, Эйзенхардт понял, что правильно запомнил то, что тот рассказывал ему о содержании второго листка письма.

Он вдруг перестал чувствовать в руках свою чашку, как будто она стала жидкой.

— Я сделал ещё один безумный поступок, — светловолосый юноша поднял на соседний табурет свою сумку. — Я купил видеокамеру, специально для этого путешествия, совсем новенькую. Понимаете, я никогда в жизни не покупал ничего нового, ну, из серьёзных вещей: машину — только поддержанную, стереоустановку — секонд-хэнд, телевизор — из гаражной распродажи... И тут вдруг выкладываю четыре тысячи за такое безумство, MR-01 от SONY. Что-нибудь слышали о такой?

— Да, — сказал Стивен голосом, который внезапно прозвучал как-то жалобно. — Я о ней слышал.

— Новейшая из новых, как сказал продавец. Суперкачество. Удобна в обращении. Интересно, что из всего этого выйдет... О, кажется, мой автобус.

В это мгновение подкатил большой серебристый автобус, остановился, шипя и пытая, как приземлившийся дракон. Автобус Greyhound. Из него выходили люди, а здесь, в ресторане, поднимались другие люди, подхватывали свои чемоданы, рюкзаки и сумки и спешили к выходу. Юноша собрал свой багаж, кивнул им ещё раз на прощание и вышел. Входная дверь распахнулась перед ним с лёгким скрипом, потом закрылась и ещё немного покачалась в петлях.

Эйзенхардт поставил свою чашку. Она звякнула. Это снова была нормальная, твёрдая фарфоровая чашка. Равно как и всё вокруг было нормальным в это нормальное мгновение — нормальное, как любое другое мгновение, из которых состоит жизнь.

— Эй, — тихо сказала Юдифь.

Они посмотрели друг на друга большими глазами. Потом, как будто по команде, разом повернулись в сторону

окон. Светловолосый юноша стоял последним в очереди на вход в автобус и держал наготове свой билет.

Стивен и Эйзенхардт без слов встали и вышли за ним вслед через дверь, которая и у них тихонько скрипнула. Они шагали рядом по песчаной земле, которая скрипела у них под ногами, как и полагается скрипеть песчаной земле. Они шли всё быстрее, а под конец побежали, чтобы ещё успеть захватить юношу, прежде чем он войдёт в автобус.

— Эй! — окликнул его Стивен, протягивая ему руку. — Счастливого пути!

Юноша с сумкой на плече удивлённо обернулся к нему:

— Спасибо.

— Я только хотел сказать... Меня зовут Стивен Фокс. Я желаю вам всего хорошего.

— Меня зовут Джон, — ответил юноша и в сотый раз отвёл с лица непослушную прядь. — Спасибо.

— Джон — а дальше?

Искра недоверия мелькнула на миг в его глазах.

— Это неважно, — сказал он. — Просто Джон, окей?

Он поднял руку на прощанье и поднялся в автобус.

Они видели сквозь тонированные стёкла, как он проходит в хвост салона, а передняя дверь в это время с решительным шипением закрылась, и большой, воняющий дизельным топливом автобус с рычащим мотором медленно тронулся с места. Они смотрели ему вслед, пока он не скрылся из вида.

— Я больше не знаю, что и думать, — сказал Эйзенхардт.

Стивен Фокс испуганно глянул на него сбоку.

— Ведь это был он, да?

Горизонт мерцал, будто вытягиваясь в гримасу насмешки. Всё стало нереальным. Казалось, если он сейчас оторвёт взгляд от маленькой, серебристой точки вдаль, то мир прекратит существование и настанет конец всему.

Так должен чувствовать себя человек, сходящий с ума. Теряющий почву под ногами.

Или впервые по-настоящему обретающий её.

— Да, — кивнул он. — История начинается.

Андреас Эшбах
ВИДЕО ИИСУС

Перевод с немецкого Татьяны Набатниковой

Редакторы

Галина Дурстхофф,
Игорь Захаров

Идея обложки

Лутц Дурстхофф

Художник

Григорий Златогоров

Верстка

Кирилл Лачугин

ISBN 5-8159-0604-2

Директор издательства Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров

Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10

Факс: 258-69-09

Наш сайт: www.zakharov.ru

E-mail: zakharov@dataforce.net

Подписано в печать 28.03.2006. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 27,72. Тираж 5000 экз. Изд. № 604. Заказ № 222.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Андреас Эшбах родился в 1959 году, изучал авиационную и космическую технику, начинал карьеру в качестве программиста. Сейчас занимается только литературой. Живет с семьей неподалеку от Штутгарта, Германия. Среди его романов — «Соляриум», «Звезда Кельвитта», «Поиск» и «Биллион долларов».

«Андреас Эшбах — пожалуй, самый многообещающий хай-тек-автор младшего поколения, у него есть все предпосылки, чтобы стать немецким Майклом Крайтоном.

Он не берется отвечать на вечные и последние вопросы о смысле бытия. Но он давно ответил на более важный вопрос: что делать темным, холодным, пасмурным вечером. Взять Эшбаха и читать...»

Стивен Фокс, член нью-йоркского Исследовательского общества, находит на археологических раскопках в Израиле в древней, двухтысячелетней могиле инструкцию по пользованию видеокамерой — камерой, которая должна поступить в продажу только через несколько лет. Этому есть лишь одно объяснение: кому-то в ближайшие годы удастся осуществить путешествие во времени в прошлое, и там он сделает видеосъемки Иисуса Христа. Эта кассета все еще спрятана где-то в Израиле, в надежном месте...

Или все это лишь крупное надувательство? Начинаются напряженная охота, поиск — и гонка, в которой участвуют археологи, Ватикан, секретные службы и один из могущественных медиаконцернов мира. Гонка с ошеломительными поворотами, с тридцатью промежуточными финишами и финалом, какого никто не ожидал...

И бесполезно заглядывать в конец книги, это ничего не даст изнемогающему от любопытства читателю: роман кончается фразой: «История начинается».

